

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

XI

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

Том XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Э. Липшиц, *Г. Г. Литаврин* (отв. секретарь),
Б. Т. Горянов,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюсюмов*,
Э. В. Удальцова (отв. редактор XI тома)

*ЕВГЕНИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ
КОСМИНСКОМУ,
выдающемуся ученому и любимому учителю,
ко дню семидесятилетия—
друзья и ученики.*

Ε. Ροσσινι

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВАНДАЛЬСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Изучение социально-экономического строя „варварских“ государств, образовавшихся в V в. на развалинах Западной Римской империи, представляет большой интерес для решения сложной проблемы падения рабовладельческого способа производства и генезиса феодальных производственных отношений. Феодальный способ производства возник в Западной Европе и Северной Африке на базе синтеза общественного строя римских провинций и тех отношений, которые принесли с собой народы-завоеватели. Исследование конкретных проявлений и результатов этого синтеза позволяет ближе подойти к пониманию роли „варварского“ завоевания в процессе генезиса феодальных отношений.

Социально-экономический строй Вандальского королевства в Северной Африке изучен сравнительно мало. В монографических исследованиях, посвященных истории Вандальского королевства: работах Мартруа, Шмидта, Куртуа¹ — отрицаются сколько-нибудь серьезные изменения в общественном строе и экономике Северной Африки в период „варварского“ завоевания по сравнению с римским временем².

В советской историографии характеристика социально-экономических последствий вандальского завоевания дана Э. В. Удальцовой, высказавшей ряд интересных соображений по данному вопросу³. Основные выводы Э. В. Удальцовой представляются вполне правильными, однако многие особенности социально-экономического строя вандальской Африки нуждаются, на наш взгляд, в более детальном изучении. Необходимость такого изучения стала особенно настоятельной со времени опубликования нового ценного источника по социально-экономической истории Вандальского королевства — так называемых „Табличек Альбертини“⁴, не подвергшихся пока интерпретации в советской литературе.

История вандалов до завоевания ими африканских провинций требует специального исследования. Однако для выяснения характера влияния,

¹ F. Martroye. Genséric. La conquête vandale en Afrique et la destruction de l'Empire d'Occident. Paris, 1907; L. Schmidt. Geschichte der Wandalen. Leipzig, 1942; C. Courtois. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955.

² Автор интересной по собранному в ней фактическому материалу монографии „Вандалы и Африка“ Кристиан Куртуа указывает, что он стремился понять, „в какой мере германское вторжение могло изменить ритм африканской истории“ (Op. cit., p. 7—8). Однако он ограничивает свою задачу главным образом выяснением того влияния, которое оказало вандальское вторжение на активизацию туземных берберийских племен и завоевание ими ряда районов Северной Африки (см. нашу рецензию, ВДИ, 1956, № 1).

³ Э. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. ВВ., т. VI, 1953, стр. 88—112.

⁴ Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale (Fin du V siècle). Paris, 1952.

которое оказало вандалское завоевание на социально-экономическое развитие Северной Африки, необходимо дать хотя бы краткий анализ общественных отношений у вандалов к моменту их вторжения в Африку.

С середины II до начала V в. н. э. вандалы проделали под давлением сначала готского, а затем гуннского нашествия длинный путь по Европе: от среднего течения Одера до Пиренейского полуострова. Будучи поселены в 30-х годах IV в. Константином на правах федератов в Паннонии, в начале V в. вандалы вторглись в Галлию. В 409 г. вместе с аланами они вторглись в Испанию и захватили значительную часть страны. По договору между вандалским королем Годигисклом и императором Гонорием вандалам была предоставлена для поселения часть испанского диоцеза⁵.

Насколько позволяют судить данные источников, уже в III в. первобытно-общинный строй у вандалов находился на стадии разложения. В упомянутой выше книге Шмидта суммированы археологические данные, относящиеся к районам, которые населяли вандалы. Судя по этим данным, вандалы торговали с римлянами еще задолго до III в. В III—IV вв. значительного развития достигла имущественная дифференциация: могилы рядовых членов племени отличаются от могил знати, в последних находят много ввозных предметов⁶. Интересные данные об общественном строе вандалов в конце III в. сообщает Дексипп Афинский в своем рассказе о переговорах с вандалами императора Аврелиана. По его словам, цари и старейшины (*βασιλεις και αρχοντες*) варваров предоставили римлянам из своего числа заложников, выделявшихся своим почетным положением и богатством. При этом Дексипп отмечает, что *αρχοντες* по своему положению немногим отличаются от царей (*και ετεροι αλλα αυτοις ου μαλλα πορω αξιοσεος*)⁷. Перед нами предстают, таким образом, отношения, характерные для развивающейся из родового строя военной демократии. Король — пока только военный предводитель. Дексипп с трудом отличает королей от представителей выделившейся уже из состава племени и отличающейся своим богатством родовой знати.

Усилению власти вандалских королей способствовало присоединение к вандалам под влиянием общих военных интересов племен аланов и свевов⁸.

Ко времени завоевания Испании у вандалов уже установилась наследственная королевская власть. После смерти короля Годигискла власть унаследовали его сыновья Гонтарис и Гейзерих (Гейзерих был внебрачным сыном Годигискла). Впоследствии Гейзерих узурпировал единоличную королевскую власть. Гонтарис был или умерщвлен Гейзерихом, или — по более поздней официальной вандалской версии — погиб в войне с вестготами⁹.

Важным толчком к дальнейшему развитию у вандалов государственной власти, по видимому, явилось их поселение в Испании. Исследуя образование государства у германцев, Энгельс писал, что германские народы, завоевавшие римские провинции, не могли господствовать над римлянами с помощью родовых организаций. „Органы родового строя должны были поэтому превратиться в государственные органы, и при-

⁵ Prosperi Tironis epitoma chronicon. MGH. Auct. ant., IX, ad annum 409.

⁶ L. Schmidt. Geschichte der Wandalen, S. 37—38.

⁷ Dexippi fr. 24. Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Müller, t. III, p. 685.

⁸ Procopius Caesariensis. De bello Vandalico, I, 3; Isidori Junioris. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum. MGH. Auct. ant., t. XI, pars I.

⁹ Procopius, ibidem.

том, под давлением обстоятельств, весьма быстро¹⁰. Описанные Энгельсом условия создались в результате завоевания вандалами Испании. Под властью вандалов оказались значительные массы местного романизированного населения¹¹. Земли и имущество состоятельных римлян были, по сообщению Орозия, разделены по жребию между вандалами¹², причем можно предположить, что представители вандальской родо-племенной знати стали собственниками крупных римских поместий. В результате войн вандалов в Испании было захвачено большое количество пленных, которые превращались в рабов¹³. Очевидно, в крупных вандальских имениях, образовавшихся в завоеванной стране, использовался труд рабов и римских колонов. Все эти изменения в общественном строе вандалов должны были способствовать быстрому созреванию государственной организации. Одним из признаков того, что в период пребывания вандалов в Испании у них сложились основы государственной организации, является принятие Гейзерихом в качестве официальной религии арианства¹⁴. Это было вызвано, очевидно, потребностью в особой государственной идеологии, не связанной с санкционировавшей власть Римской империи католической церковью.

Несмотря на сравнительно быстрое развитие у вандалов под влиянием завоевания Римской Испании классов и государства, в вандальском обществе к моменту вторжения в Африку далеко еще не были изжиты черты военной демократии. Еще не был завершен процесс образования характерной для развитых „варварских“ государств неограниченной королевской власти. Главы знатных родов занимали в этот период независимое положение по отношению к королевской власти, функции короля только начинали выходить за рамки военных предводительства. Превращение родо-племенной знати в королевских подданных, связанное с внутренней борьбой в среде господствующей верхушки, относится к более позднему времени: к периоду укрепления вандалов в Африке. По сообщению Орозия, вандалы, завоевав Испанию и разделив между собой земли богатых римлян, „обратились к плугам (*ad aratras*) и к остальным римлянам благоволили как к друзьям и союзникам, так как находились среди них некоторые римляне, которые предпочитали бедную свободу среди варваров податным тяготам среди римлян“¹⁵. Это сообщение, повидимому, показывает, что большинство вандалов возделывали землю самостоятельно или с помощью многочисленных рабов. Эксплуатация римского населения, в частности, бывших колонов, очевидно, была развита слабо и имела место главным образом в поместьях родо-племенной знати. Значительная роль мелких самостоятельных хозяйств, видимо, предполагает сохранение общины, которая под влиянием перехода к земледелию постепенно принимала территориальный характер.

Воспользовавшись ослаблением римской власти в африканских провинциях, вандалы и аланы во главе с королем Гейзерихом переправились в 429 г. из Испании в Африку. Борьба между вандалами и Римской империей за Северную Африку затянулась больше чем на четверть столетия. В 429—430 гг. вандалы и аланы продвигались через

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 128.

¹¹ Orosius. *Historia adversum paganos*, VII, 41.

¹² *Ibid.*, VII, 40.

¹³ При переселении в Африку вандалы привели с собой много рабов — Victor Vitensis. *Historia persecutionis a'ricanae provinciae*. MGH. Auct. ant., t. III, I, 1.

¹⁴ Hydatii Lemici *continuatio chronicorum Hieronymianorum*. MGH. Auct. ant., XI, pars 2, p. 21; *Isidori Junioris Historia*, 74.

¹⁵ Orosius. *Historia adversum paganos*, VII, 41.

Мавретанию и Западную Нумидию (так называемую Циртенскую Нумидию) по направлению к наиболее густонаселенным и романизованным районам Римской Африки (Проконсульская Африка, или Зевгитана, Бизацена, Проконсульская Нумидия). В 439 г. они захватили центр Римской Африки — Карфаген. По мирному договору 442 г. между Гейзерихом и Валентинианом III вандалы получили Проконсульскую Африку, Гетулию (южная часть провинции Бизацены) и Проконсульскую Нумидию с центром в Гиппоне-Регии. Мавретания, Триполитания и Циртенская Нумидия примерно до 455 г. оставались под властью Римской империи и лишь после смерти императора Валентиниана III частично были присоединены к Вандальскому королевству¹⁶.

При изучении влияния вандальского завоевания на социально-экономическое развитие Северной Африки необходимо учитывать, что его последствия были неодинаковыми в различных районах страны.

По сообщению африканского церковного историка V в. Виктора Витенского, Гейзерих разделил в наследственное владение войску Зевгитану, или Проконсульскую провинцию, а за собой сохранил Бизацену, часть Нумидии, а также Абаритану и Гетулию¹⁷. Районы, разделенные между вандальскими воинами-общинниками, составляли в административном отношении особую область — *sortes Wandalorum*¹⁸. Прокопий Кесарийский, посетивший Африку в VI в. уже после изгнания вандалов, сообщает, что в его время земли, разделенные между вандальским народом, еще назывались „наделами вандалов“ (*κλήροι Βανδύλων*)¹⁹.

Поскольку массовое наделение земель вандальских воинов было осуществлено Гейзерихом в Проконсульской Африке, очевидно, именно в этой провинции „варварское“ завоевание привело к наиболее резким и значительным изменениям структуры земельной собственности и социального состава землевладельцев.

Какие слои местных земельных собственников лишились своих владений в результате вандальского завоевания? Несомненно, в их числе была значительная часть крупных африканских землевладельцев-сенаторов. По сообщению Прокопия, Гейзерих отдал тех африканцев, которые отличались знатностью и богатством, вместе с их землями и имуществом в рабство своим сыновьям Хунирику и Гензону²⁰. По словам Проспера Аквитанского, Гейзерих особенно сильно свирепствовал против знати и религии (*praecipue nobilitati et religioni infensus*)²¹. В составленной в Африке в VI в. биографии епископа города Руспы Фульгенция рассказывается, что Гейзерих, захватив Карфаген, вынудил многих сенаторов отплыть в Италию, отняв у них все имущество. В числе этих эмигрантов был дед Фульгенция Гордиан²².

Ретрессии, проведенные Гейзерихом против части африканской земельной знати, очевидно, объяснялись не только стремлением к захвату ее богатств, но и определенными политическими соображениями. Римские аристократы, потерявшие свои владения в результате вандальского завоевания, в условиях незавершенной борьбы вандалов с Римской империей за Африку могли оказаться опасным противником еще неокрепшего

¹⁶ История завоевания вандалами Северной Африки в связи с классовой борьбой в африканских провинциях будет рассмотрена автором в другой работе.

¹⁷ Victor Vitensis. *Historia persecutionis*. . . , I, 4.

¹⁸ *Ibid.*, III, 2.

¹⁹ Procopius Caesariensis. *De bello Vandalico*, I, 5.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ Prosperi Tironis epitoma chronicon, ad annum 439.

²² Vita s. Fulgentii, PL, t. 65, I, 4.

вандалского государства. Очевидно, некоторые наиболее враждебные вандалам представители знати были отданы в рабство. Виктор Витенский говорит об известных и почтенных людях, которые являются рабами вандалов²³. Вместе с тем, указанное сообщение Прокопия, несомненно, крайне преувеличено. Подавляющее большинство африканских аристократов сохранили личную свободу и имели возможность эмигрировать в другие провинции. Об этом свидетельствует приведенное выше сообщение биографа Фульгенция, а также содержащиеся в кодексах и письмах Феодорита Киррского уломинания о знатных людях, вынужденных покинуть Африку вследствие вандалского нашествия²⁴.

Несмотря на то, что земельные конфискации Гейзериха значительно подорвали крупное римское землевладение (главным образом в Проконсульской провинции), они не привели к его полному уничтожению. Виктор Витенский рассказывает о выдающихся людях (*insignes viri*), оставшихся в провинциях, разделенных Гейзерихом между вандалами, которые обратились к королю с просьбой о разрешении отправлять католический культ²⁵. По-видимому, это означает, что даже в Проконсульской провинции, где были расселены вандалы, римские крупные землевладельцы сохранили определенные позиции. Данные Виктора Витенского свидетельствуют о том, что при Гейзерихе и его преемниках многие знатные римляне занимали различные видные посты при дворе вандалских королей, в вандалской армии и в провинциальном управлении²⁶. Римские сенаторы сохранялись в вандалском государстве как особое сословие. В направленной против католицизма декрете преемника Гейзериха короля Хунирика сенаторы уломинаются как одна из категорий лиц, подлежащих штрафу за отказ от перехода в арианство²⁷.

Виктор Витенский упоминает о знатных римлянах, состоявших на службе у вандалских королей, главным образом в связи с преследованиями, которым они подвергались из-за своей приверженности к католицизму. Очевидно, среди крупных римских землевладельцев было много и таких, которые сохранили свое имущество и различные посты ценой перехода в арианство. Виктор рассказывает о некоем Прокле, который по приказу Гейзериха преследовал католических клириков Проконсульской провинции²⁸. При короле Тразамунде (496—523 гг.) в Карфагене имелось немало римских поэтов, которые воспевали в своих стихах вандалского короля и носили титул *virī clarissimi*, т. е. принадлежали к сенаторскому сословию: Люксгий, Коронат, Флавий Феликс и др.²⁹

Приведенные факты показывают, что вандалские короли вовсе не исходили в своей политике из какого-то принципиально враждебного отношения к римской аристократии, как это считает, например, Гзель³⁰. В период завоевания Африки вандалами противоречия между ними и римской земельной знатью порождались потребностью вандалского короля, знати и рядовых общинников в земле и борьбой за эту землю с ее собственниками — римскими землевладельцами. Для решения вопроса о земле вандалам, ввиду обширности завоеванной ими страны, не было

²³ Victor Vitensis. *Historia persecutionis...*, I, 4.

²⁴ Valentin. *Nov.* II, VI, XXXIV; *Theodoretī* ep. 29—36, PG, t. 83.

²⁵ Victor Vitensis. *Historia persecutionis...*, I, 5.

²⁶ *Ibid.*, I, 6, 12, 14, 16; III, 4, 10.

²⁷ *Ibid.*, III, 2.

²⁸ *Ibid.*, I, 12.

²⁹ *Codex Salmasianus. Anthologia latina*, ed. A. Riese, 1894, I.

³⁰ S. Gsell, G. Marçais, G. Yver. *Histoire d'Algérie*. Paris, 1929, p. 73.

необходимости сгонять всех ее прежних владельцев. Вместе с тем вандалские короли нуждались в поддержке римского бюрократического аппарата и правящего слоя африканского общества для организации своего господства над завоеванным населением. Этим, очевидно, в значительной мере объясняется сближение части римской знати с „варварской“ верхушкой, которое, как правильно подметила Э. В. Удальцова³¹, должно было усиливаться по мере развития вандалской земельной аристократии³².

Какой же слой африканских землевладельцев оказался наиболее пострадавшим в результате расселения нескольких десятков тысяч вандалов³³ на территории Проконсульской Африки?

Проколий отмечает две категории африканских землевладельцев, экспроприированных Гейзерихом: наиболее знатных и богатых, земли которых были переданы сыновьям короля, и „остальных африканцев“, у которых Гейзерих „отобрал их многочисленные и лучшие земли (τοὺς ἄλλοις, οἱ πλείστοι τῆ ἡσυχ καὶ ἀριστοί) и разделил их между народом вандалов“³⁴.

При определении социального состава второй — наиболее многочисленной — категории землевладельцев, лишившихся своих имений в результате завоевания, необходимо учитывать, что Проконсульская Африка была наиболее урбанизированной провинцией в африканских владениях Римской империи. Ее территория была покрыта густой сетью римских городов. О весьма значительной по сравнению с другими африканскими провинциями роли городского землевладения в этом районе свидетельствуют эпиграфические данные. Большая часть дошедших до нас городских надписей периода поздней империи относится к Проконсульской провинции. По подсчетам Уормингтона, из общего числа 127 строительных надписей, сооруженных в городах всех африканских провинций (за исключением Триполитании) между 306 и 429 гг., 80 относятся к Проконсульской Африке³⁵. Эти данные свидетельствуют о сравнительно интенсивной городской жизни в этой провинции в период поздней империи, о наличии здесь значительной прослойки муниципальных землевладельцев, на средства которых осуществлялось строительство.

Данные о структуре земельной собственности в Проконсульской Африке показывают, что в условиях этой провинции Гейзерих мог произ-

³¹ Э. В. Удальцова. Политика византийского правительства... , стр. 93 сл.

³² Преследования, которым подвергали вандалские короли католиков, обычно расцениваются как свидетельство враждебности вандалов к римской знати. На наш взгляд, эти преследования носили скорее политический, чем социальный характер. Пытаясь опереться на римскую аристократию, Гейзерих и его преемники стремились в то же время разорвать связи господствующего класса африканских провинций с Римской империей. Арианство было для вандалов идеологическим оправданием создания суверенного „варварского“ государства. В этом, как нам кажется, следует искать причины религиозной политики первых вандалских королей. Эта политика в известной мере, конечно, обостряла отношения между вандалами и римской знатью, но не могла в конечном счете помешать установлению между ними определенного *modus vivendi*. Со времени короля Тразамунда (496—523) преследования католиков вообще прекратились.

³³ По данным Прокопия (*De bello Vandalico*, I, 5), число вандалов и аланов при переходе в Африку не превышало 50 тысяч. Более близким к истине, очевидно, является свидетельство современного автора (Виктора), который пишет, что во времена Гейзериха насчитывалось всего 80 тыс. вандалов (очевидно, мужского пола) — в том числе стариков, юношей, детей и рабов (*Victor Vitensis. Historia persecutionis*... I, 1).

³⁴ *Procopius Caesariensis. De bello Vandalico*, I, 5.

³⁵ B. H. Warmington. *The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest*. Cambridge, 1954, p. 33.

водить наделение земель вандалов главным образом за счет территорий, приписанных к городам. Этот вывод подтверждается материалом источников, относящихся к периоду завоевания вандалами Северной Африки. По сообщениям ряда авторов, Гейзерих конфисковал имущество всех богатых горожан Карфагена — крупнейшего города Римской Африки, в котором имелась наиболее широкая прослойка состоятельной муниципальной знати³⁶. Феодорит Киррский рассказывает в нескольких письмах об африканце Целестиане, принадлежавшем к верхушке карфагенских куриалов. Он обладал большими деньгами и поместьями, был членом городского совета. Лишившись всего имущества в результате вторжения вандалов, Целестиан был вынужден переселиться в Восточную империю³⁷. О массовом разорении африканских куриалов в результате вандалского завоевания свидетельствуют также некоторые посвященные регулированию их экономического положения указы Валентиниана III. В 440 г. африканские посессоры, изгнанные из своих имений, были освобождены от уплаты сбора за рекрутов (Valentin. Nov. VI, 3). В 443 г. императорское правительство призвало провинциальные власти оказывать помощь африканцам, лишенным врагами своих состояний (Valentin. Nov. II, 3). В 451 г. Валентиниан III предписал выделить африканским посессорам, ограбленным в результате вражеского опустошения, земли из состава императорских владений в Мавретании и Нумидии, а также выдавать им ежегодное денежное пособие. В указе говорится, что эти мероприятия относятся к *honorati*, т. е. к представителям городской знати Проконсульской провинции и Бизацены, которые были лишены своих имений и изгнаны „варварами“ из собственных домов (Valentin. Nov. XXXIV).

Выше приводились данные, которые показывают, что уже до вторжения в Африку в вандалском обществе интенсивно проходил процесс классового образования. Естественно, что различия в имущественном положении между основной массой членов племени и знатью должны были сказаться при разделе африканских земель между вандалами, осуществленном при Гейзерихе. Из данных Прокопия можно заключить, что имения наиболее крупных римских землевладельцев, экспроприированных вандалами, достались членам королевского рода.

Крупными землевладельцами стали, очевидно, и другие представители родо-племенной знати. Данные Виктора Витенского свидетельствуют, что уже при втором вандалском короле — Хунирике — в Африке имелась значительная прослойка богатой вандалской знати, представители которой занимали различные посты в королевском государственном аппарате. Так, Виктор сообщает, что Хунирик лишил служивших при его дворе вандалов, заподозренных в приверженности к католицизму, обычной анноны и стипендии и посылал „знатных и до того времени изнеженных людей на ужасные поля, где они... собирали урожай под палящим солнцем“³⁸.

Виктор упоминает в своем труде некоего милленария (так назывались командиры подразделений вандалской армии — „тысяч“), у которого было много скота, рабы (*familia*). Среди его рабов были поместные ремесленники, в том числе оружейник (*armifactor*). Одна из рабынь — Максима — была домоправительницей³⁹. Очевидно, этот милленарий был крупным землевладельцем.

³⁶ Isidori Junioris Historia..., 75; Prosperi Tironis epitoma chronicon, ad annum 439.

³⁷ Theodoretī ep. 29—35, PG, t. 83.

³⁸ Victor Vitensis. Historia persecutionis..., II, 9—10.

³⁹ Ibid., I, 11.

В стихах африканских поэтов конца V—начала VI в. говорится о крупных поместьях знатных вандалов, где были расположены прекрасные сады, а иногда даже воздвигались амфитеатры и устраивались пышные представления⁴⁰.

По словам Прокопия, вандалы вели самый роскошный образ жизни по сравнению со всеми известными ему народами. Многие из них жили в садах, имевших хорошие бассейны, проводили время в театрах, на ипподромах, устраивали роскошные пиры⁴¹. Это сообщение Прокопия относится, безусловно, как уже имела случай отметить Э. В. Удадьцова, не ко всей массе вандалов, а к представителям вандальской знати, обладавшим крупными имениями⁴².

В результате экспроприации владений католической церкви и имений епископов, крупными собственниками, очевидно, стали также и представители вандальского арианского духовенства. В биографии Фульгенция рассказывается об арианском священнике одного из имений в районе г. Сикки в Проконсульской провинции, который обладал большими богатствами⁴³.

Укреплению вандальской земельной знати способствовало то обстоятельство, что Африка была важнейшим центром производства сельскохозяйственных продуктов, прежде всего хлеба и оливкового масла. В период существования Вандальского королевства, как показывают данные источников, в основном сохранились те торговые связи, которые установились между Африкой и различными странами Средиземноморья во времена империи. Рыночный спрос на африканские продукты должен был даже увеличиться в связи с прекращением поступления в Италию натуральных податей с африканского населения. Об оживленной внешней торговле Вандальского королевства свидетельствует тот факт, что в Карфагене имелся целый район, населенный местными и иностранными купцами⁴⁴.

Центром транзитной торговли с Африкой были Сиракузы. Когда во время экспедиции византийского флота в Африку Прокопий был направлен Велизарием в Сиракузы, чтобы собрать сведения о вандалах, он встретился там с уроженцем своего города, который жил в Сицилии, ведя морскую торговлю. Этот сиракузский купец поддерживал постоянные отношения с вандальской Африкой, благодаря чему Прокопий смог получить интересующие его сведения⁴⁵.

Африканские сельскохозяйственные продукты сбывались в Италию и Испанию. Король Вестготского государства в Испании Тевдис узнал о вторжении византийской армии в Африку раньше, чем вандальский король Гелимер успел награвить к нему посольство с просьбой о помощи. Это известие передали Тевдису испанские купцы с торгового судна (олкады), прибывшего из Карфагена⁴⁶. Регулярные торговые отношения поддерживались также между Африкой и Восточной империей. Об этом свидетельствует сообщение Прокопия, что Гелимер преследовал некоторых восточных купцов, обвиняя их в том, что они побудили Юстиниана к войне с вандалами⁴⁷.

Вандальские короли, обладавшие большими поместьями, видимо, были заинтересованы в сбыте сельскохозяйственных продуктов и поэтому по-

⁴⁰ Codex Salmasianus, carm. 369, 376.

⁴¹ Procopius Caesariensis. De bello Vandalico, II, 6.

⁴² Э. В. Удадьцова. Политика византийского правительства..., стр. 93 слл.

⁴³ Vita Fulgentii, IX, 17.

⁴⁴ Procopius Caesariensis. De bello Vandalico, I, 20.

⁴⁵ Ibid., I, 14.

⁴⁶ Ibid., I, 24.

⁴⁷ Ibid., I, 20.

кровительствовавали внешней торговле. Судя по сообщению византийского историка Малха, во время мирных переговоров посольства Хунирика с императором Зеноном в 478 г. одним из основных был вопрос о возмещении убытков карфагенских купцов, которые они понесли во время войн вандалов с Византией⁴⁸.

Приведенные данные, характеризующие внешнеторговые связи Вандальского государства, свидетельствуют, что африканскому сельскому хозяйству в исследуемый период, как и во времена Римской империи, в значительной мере была свойственна ориентация на внешний рынок. Это обстоятельство не могло не оказывать влияния на ход социально-экономического развития Северной Африки в период вандальского господства. В частности, оно способствовало быстрому обогащению вандальской земельной знати и усилению эксплуатации зависимого от вандалов трудового населения. Эта особенность африканской экономики была подмечена Прокопием Кесарийским во время его пребывания в Африке. Остановившись на источниках богатства вандалов, Прокопий пишет, что, поскольку Африка — «страна богатая и в высшей степени обильная необходимыми продуктами, то денежные доходы, собранные от произведенных там благ, не тратились в других странах для покупки продуктов, но владельцы поместий (οἱ τὰ χωρῶν κειτημένοι) копили их все 95 лет, в течение которых вандалы господствовали в Африке»⁴⁹.

Мы располагаем лишь крайне незначительными данными о производственных отношениях в крупных поместьях короля, вандальской и римской земельной знати. Императорские имения перешли в собственность вандальских королей и сохранили свою прежнюю организацию и способы эксплуатации непосредственных производителей. В передаваемом Виктором декрете Хунирика (Vict. Vit., III, 2) фигурируют *conductores regalium praediorum*. Тот же король, выслав часть католических епископов из их городов, оставил им для обработки землю на основе колоната (*colonus iure*. — Ibid., III, 3). Таким образом, вандальское государство, подобно Римской империи, очевидно, эксплуатировало труд колоннов не только на уже освоенной территории фискальных поместий, но и для разработки пустошей.

Декрет Хунирика подвергает штрафу посессоров, прокураторов, и кондукторов, не преследующих католиков, находящихся в их имениях, т. е. рабов и колоннов. Поскольку декрет относится к территории Проконсульской Африки (*sortes Wandalorum*), где было в основном сосредоточено вандальское землевладение, речь здесь может идти о крупных имениях вандальской знати. Упоминание о кондукторах свидетельствует о сохранении римской системы использования крупных поместий — сдачи их в аренду крупным съемщикам, эксплуатировавшим труд колоннов. В то же время данные источников говорят о массовом использовании в Вандальском королевстве рабов из числа военнопленных (см. ниже). Исходя из сказанного, можно думать, что для крупных имений вандальской Африки было характерным сочетание различных форм колоната и рабства — подобное тому, какое имело место и в поздней Римской империи.

Рост богатств у владельцев крупных поместий увеличивал имущественные различия и углублял социальные противоречия между вандальской знатью и рядовыми членами племени. Вряд ли можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что все вандалы в Африке

⁴⁸ Malchi fr. 13. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, ed. C. Müller, t. IV.

⁴⁹ Procopius Caesariensis. *De bello Vandalico*, II, 3.

являлись собственниками более или менее крупных римских поместий⁵⁰. Для выяснения характера землевладения основной массы вандалов несомненный интерес представляет рассказ Прокопия о причинах восстания в византийской армии, завоевавшей Африку при Юстиниане. Когда вандалы были разбиты Велизарием, византийские солдаты сочетались браком с их женами и дочерьми. Побуждаемые последними, солдаты, по словам Прокопия, требовали передачи в их собственность земельных участков, господами которых прежде были их жены. Отказ наместника императора выполнить это требование солдат побудил их к восстанию⁵¹. Земельные участки вандалов, на которые могли претендовать византийские солдаты, вряд ли серьезно превышали размеры обычного солдатского надела и, следовательно, были значительно меньше крупных поместий, владельцы которых использовали труд зависимого населения целых деревень.

В биографии Фульгенция упоминается некий пресвитер ариан *in fundo Gabardilla*, расположенном в районе г. Сикка. Поскольку этот город находился в Проконсульской провинции, в которой Гейзерихом были созданы поселения вандалов, можно думать, что речь идет о бывшем крупном римском поместье, разделенном между вандалскими семьями. Видимо, только при этом предположении можно объяснить присутствие на этой территории ариан. Последние вряд ли могли быть коренными жителями, так как несколько выше биограф Фульгенция характеризует жителей данного района как ревностных католиков, предоставивших приют католическим монахам. Наличие целой общины вандалов во главе с собственным священником на территории одного поместья, очевидно, показывает, что эти вандалы были мелкими землевладельцами.

В хозяйствах рядовых вандалских воинов вряд ли мог применяться труд колонов, что, разумеется, было возможным только в довольно крупных поместьях. Во время вторжений вандалов в Сицилию и Италию они захватили там громадное количество пленных. Эти пленные превращались в рабов и делились между вандалами и союзными с ними берберскими племенами⁵². По сообщению Малха, посол императора Зенона Север попросил Гейзериха освободить пленных римлян. Король согласился освободить тех из них, которые достались ему и его детям, но заявил, что не может принудить отпустить на свободу даже за выкуп пленных, доставшихся на долю войску⁵³. Из этого рассказа следует, что рабы в качестве военной добычи разделялись между всеми воинами-вандалами. По-видимому, хозяйство рядового вандалского воина представляло небольшое земельное владение, в котором использовался труд нескольких рабов.

На основании проведенного исследования мы можем сделать некоторые выводы относительно тех изменений, которые внесло вандалское завоевание в структуру земельной собственности в Проконсульской Африке. Эти изменения произошли в основном за счет экспроприации средних слоев землевладельцев — главным образом рядовых куриалов, а также городской верхушки — *honorati*. Часть наиболее крупных римских поместий перешла к вандалской знати, часть осталась в руках прежних собственников. В связи с наделением земель вандалских вои-

⁵⁰ Ch. Julien. Histoire de l'Afrique du Nord. Paris, 1951, p. 239; F. Martroye. Genséric..., p. 275; L. Schmidt. Geschichte der Wandalen, S. 151—152.

⁵¹ Procopius Caesariensis. De bello Vandalico, II, 14.

⁵² Victor Vitensis. Historia persecutionis..., I, 8; Victor Tonnennensis (MGH. Auct. ant., IX): „captiveorum multa milia chronica tollit“. См. также Prospero Tironis epitoma chronicon, ad annum 455.

⁵³ Malchi fr. 3. FHG, ed. C. Müller, t. IV.

нов значительно возрос удельный вес мелкого крестьянского землевладения⁵⁴, в котором некоторую, хотя и довольно ограниченную, роль играл труд рабов.

Указанный переворот в аграрных отношениях имел место на территории Проконсульской Африки. Остальные районы Римской Африки, поскольку они не были захвачены берберами, вошли в результате завоевания в домен вандалского короля. В этих районах не произошло массового расселения племен-завоевателей. В Мавретании, Нумидии, Бизацене и Триполитании, повидимому, имелись лишь небольшие вандалские гарнизоны, размещенные в наиболее важных в стратегическом отношении городах⁵⁵. Положение этих провинций в системе Вандалского королевства определялось тем, что они являлись поставщиком денежных и натуральных податей, в то время как *sortes Wandalorum*, совпадавшие с территорией Проконсульской Африки, обладали налоговым иммунитетом. Такой вывод можно сделать на основании рассказа Виктора Витенского об антикатолических мероприятиях вандалских королей. По данным этого автора, королевские законы, издаваемые против католиков, относились только к территории *sortes Wandalorum*⁵⁶. В то же время Виктор рассматривает как выходящее за рамки обычных антикатолических мероприятий вандалов преследование Гейзерихом тех католических священников, которые находились в районах, плативших подати королевскому двору (*etiam illis sacerdotibus, qui in his regionibus versabantur, quae regiones palatio tributa pendebant*)⁵⁷. Очевидно, в этом случае речь идет о районах, находившихся за пределами *sortes Wandalorum*. Верховное право собственности вандалского короля на эти районы, видимо, и выражалось в основном во взимании с них налогов.

Мы располагаем некоторыми данными о положении различных слоев африканских землевладельцев в провинциях, составлявших домен вандалских королей. Наиболее интересный в этом отношении материал содержится в биографии Фульгенция.

Как упоминалось выше, дед Фульгенция сенатор Гордиан из-за преследований Гейзериха был вынужден эмигрировать в Италию. После его смерти двое его сыновей, в том числе отец Фульгенция, надеясь получить наследство, вернулись в Африку. По распоряжению короля им была возвращена часть их владений в Бизацене. Имение отца Фульгенция Клавдия было расположено в районе города Телленте⁵⁸. Рассказывая об основании Фульгенцием монастыря в одном из плодородных районов Бизацены, биограф отмечает, что многие достойные люди (*plurimi honesti*), оставшиеся в соседних имениях (*per vicinas possessiones*), часто делали приношения монахам⁵⁹. Город Руспе в Бизацене, где Фульгенций был епископом, характери-

⁵⁴ К аналогичному выводу приходит Э. В. Удальцова: "... Важнейшим последствием завоевания было то, что значительно увеличился удельный вес свободного крестьянского землевладения". "Политика византийского правительства"... , стр. 91.

⁵⁵ Надгробные надписи вандалов найдены только в некоторых городах этих провинций (O. Fiebiger und L. Schmidt. *Inscriptensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Denkschriften der Akademie der Wissenschaften zu Wien, phil.-hist. Klasse*, t. 60, 1917, № 58—61; t. 70, 1939, № 17). См. также С. Courtois. *Les Vandales et l'Afrique*, p. 181.

⁵⁶ Victor Vitensis. *Historia persecutionis...*, III, 2.

⁵⁷ *Ibid.*, I, 7.

⁵⁸ *Vita Fulgentii*, I, 4.

⁵⁹ *Ibid.*, XIV, 28.

зается в биографии как *nobile oppidum clarissimis habitatoribus illustre*⁶⁰. Очевидно, в этом городе жило немало крупных землевладельцев, обладавших сенаторским достоинством (*clarissimi*).

Относящиеся к Бизацене данные биографии Фульгенция показывают, что в этой провинции многие крупные африканские землевладельцы фактически сохранили собственность на свои имения. Тот факт, что высшим собственником территории Бизацены считался вандалский король, не означал какого-либо коренного переворота в имущественных отношениях.

Имение Фульгенция рассматривается в биографии как его патримоний⁶¹. Даже те крупные римские землевладельцы, которые потеряли свои владения в результате крайних мер, предпринятых Гейзерихом непосредственно после захвата Африки, могли, как показывает пример отца Фульгенция, при условии сохранения лояльности по отношению к вандалскому королю получить их обратно.

Данные, содержащиеся в биографии Фульгенция, очевидно, относятся к экономически наиболее состоятельному слою африканских землевладельцев. Иначе характеризуется в источниках положение средних муниципальных землевладельцев-куриалов в провинциях, вошедших в домен вандалского короля. Хотя в этих провинциях не было произведено массового расселения вандалов, однако и здесь одним из наиболее существенных результатов „варварского“ завоевания был упадок городов и подрыв городского землевладения. Многие города были захвачены и разграблены вандалами в период их продвижения на восток по территории Мавретании и Нумидии⁶². Из декрета Валентиниана III от 445 г., посвященного налогообложению Ситифенской Мавретании и Нумидии, можно сделать вывод, что города этих провинций в результате войны с вандалами обезлюдели, советы городских землевладельцев (*ordines*) во многих случаях фактически прекратили свое существование. Декрет устанавливает, что муниципальные акты имеют законную силу, если их заверяют хотя бы три куриала, „так как, благодаря общественному бедствию, к немногим свелась численность *ordinum*“ (*Valentin. Nov.*, XII).

В указе Валентиниана III от 451 г., наряду с нуждающимися в помощи куриалами Проконсульской провинции, ограбленными вандалами, упоминаются также *honorati* Бизацены (*Valentin. Nov.* XXXIV). Отсюда видно, что массовая экспроприация состоятельных горожан приводила нередко к тому, что муниципальные землевладельцы покидали свои имения даже в тех случаях, когда они не переходили непосредственно в собственность вандалской знати или рядовых вандалских воинов. Помимо грабежей вандалов, упадку городов слобствовало также принятое Гейзерихом решение срыть все городские стены, кроме карфагенских⁶³. Это мероприятие Гейзериха облегчило военные набеги берберийских племен, под угрозой которых постоянно находились многие города Африки, и разграбление городов этими племенами.

О положении городов в Вандалском королевстве ярко свидетельствует следующее сообщение Виктора Витенского: „Многочисленные города или совсем не заселены, или заселены немногими обитателями“⁶⁴.

⁶⁰ *Vita Fulgentii*, XVII, 35.

⁶¹ *Ibid.*, I, 5.

⁶² *Victor Vitensis. Historia persecutionis...*, I, 1; *Possidius. Vita s. Augustini*, 28, PL, t. 32.

⁶³ *Procopius Caesariensis. De bello Vandalico*, I, 5.

⁶⁴ *Victor Vitensis. Historia persecutionis...*, I, 3.

Косвенным свидетельством подрыва городского землевладения может также служить тот факт, что в вандалский период почти совершенно прекратилось сооружение городских надписей. Те слои городского населения, которые были связаны с торговлей, прежде всего купцы и судовладельцы (*negotiatores, navicularii*) портовых городов, по-видимому, пострадали от завоевания меньше, чем средние землевладельцы — куриалы.

Подрыв городского строя и обезземеливание средних муниципальных землевладельцев явились одним из важнейших последствий вандалского господства в Северной Африке. Историческое значение этого процесса заключалось в разрушении земельной собственности античного типа, игравшей сравнительно большую роль в поздней Римской Африке.

Для выяснения влияния „варварского“ завоевания на социально-экономическое развитие бывших римских провинций чрезвычайно важно проследить, какие отношения возникали в Северной Африке в результате разложения городского землевладения. Поскольку во всех африканских провинциях, кроме Проконсульской, отсутствовал такой сильный „внешний“ фактор, как раздел земли между „варварами“, первостепенное значение в социально-экономическом развитии этих районов в вандалский период имело изменение общих социально-политических условий, прежде всего изменение характера политической надстройки.

„Варварское“ государство, возникшее в Северной Африке в результате вандалского завоевания, по своей структуре и социальной сущности представляло иной тип политической надстройки по сравнению с Римской империей. Вандалское королевство, защищавшее классовые интересы земельной знати, эксплуатировавшей труд рабов и зависимого сельского населения и приближавшейся по своему положению к римским крупным землевладельцам, восприняло многие черты римской политической организации. Сходные с римскими эксплуататорские отношения обусловили сохранение ряда старых политических институтов⁶⁵. Однако необходимо учитывать, что основной социальной опорой вандалского государства в отличие от Римской империи являлось войско свободных крестьян-общинников.

Поздняя Римская империя была вынуждена компенсировать отсутствие сколько-нибудь прочной общественной поддержки мобилизацией в своих руках громадной массы материальных средств — денежных и натуральных, что позволяло ей содержать оторванную от народа армию и громоздкий бюрократический аппарат. Поэтому поздняя империя не могла существовать без чрезвычайно жестоких форм фискальной эксплуатации.

Разумеется, государство вандалов также нуждалось в деньгах и натуральных поступлениях, которые использовались как в военных целях (например, для постройки и содержания крупного флота), так и для оплаты королевских чиновников. Однако для Вандалского королевства, располагавшего войском, состоявшим из обязанных королю службой за пользование землей крестьян и не требовавшим больших расходов на свое содержание, налоговая эксплуатация не могла играть столь важной роли, как для позднеримского государства.

⁶⁵ Государственный аппарат Вандалского королевства был организован по образцу римского. Существовал штат королевских чиновников (*officiales*), разделенный на различные ведомства (*officia*). Центральное управление возглавлял *praepositus regni*. Имелся личный королевский совет (*domestici*). Чиновники получали жалованье натурой и деньгами (аннону и стипендию). (*Victor Vitensis. Historia persecutionis. . .*, II, 4, 5, 8; III, 2).

Для характеристики налоговой системы при вандалах значительный интерес представляет следующее сообщение Прокопия, которое недостаточно учитывается в литературе. Рассказывая о фискальных мероприятиях византийских властей в Африке после разгрома вандалов, Прокопий указывает, что было невозможно определить размеры налогов с африканских земель по документам, в которые в прежние времена записывали их римляне, так как Гейзерих с самого начала все уничтожил⁶⁶.

Уничтожение цензовых документов Гейзерихом свидетельствует о важном отличии вандалской фискальной системы от римской: вандалское государство не ставило своей целью максимальное выжимание податей из населения путем прикрепления непосредственных производителей к земле или ремесленным коллегиям, а куриалов — к курии. Судя по данным биографии Фульгенция, сбор налогов в Вандалском королевстве осуществляли прокураторы, которые назначались по отдельным городам, по-видимому, из числа состоятельных римлян. Таким прокуратором был одно время сам Фульгенций⁶⁷. Биограф упоминает также о прокураторе-католике в г. Руспе⁶⁸.

Поскольку вандалское завоевание разрушило римскую податную систему, в которой величина фискальных платежей землевладельца определялась размерами его хозяйства (по площади имения и количеству рабочих рук), произвол и диспропорция в распределении налогов, имевшие место уже в римский период, должны были принять особенно большие масштабы. Вандалское государство, видимо, не вмешивалось в порядок сбора податей прокураторами. Очевидно, крупные землевладельцы, из числа которых назначались прокураторы, имели полную возможность переносить тяжесть фискальных платежей на экономически более слабых земельных собственников. Можно думать, что сообщение Прокопия о поглощении всего дохода владельцев поместий податными повинностями⁶⁹ отражает положение средних городских землевладельцев тех провинций, в которых производилось налогообложение.

Изложенные соображения позволяют, как нам кажется, объяснить, почему данные о полном упадке городов сочетаются в источниках времени Вандалского королевства со сведениями о процветании крупных частных поместий.

В условиях фактического невмешательства государственной власти во внутреннюю жизнь бывших римских провинций процесс развития частного землевладения протекал более свободно, чем во времена Римской империи, заинтересованной в сохранении муниципального землевладения.

Выше отмечалось, что вторжение вандалов в западные африканские провинции (несколько позже вновь вошедшие на известное время в состав Римской империи) сопровождалось массовым разорением городских землевладельцев.

Любопытно вместе с тем отметить, что наиболее крупные земельные магнаты Мавретании и Нумидии, по-видимому, не только сохранили свои владения, но и значительно расширили их за счет подорванной вандалским нашествием земельной собственности городов. Об этом свидетельствует содержащееся в декрете 445 г. упоминание о том, что отдельные частные лица используют собственные вооруженные отряды для захвата

⁶⁶ Procopius Caesariensis. *Historia persecutionis...*, II, 8.

⁶⁷ *Vita Fulgentii*, I, 5.

⁶⁸ *Ibid.*, I, 4—5; XVII, 35.

⁶⁹ Procopius Caesariensis. *De bello Vandalico*, I, 5.

и грабежа чужой собственности. Декрет требует возвращения нумидийскому городу Цирте захваченных у него в частное пользование системы водоснабжения и городских земельных участков (*loca publica*) (Valentin. Nov. XIII). В другом указе Валентиниана III, относящемся к 451 г., говорится о захвате „после вандалского опустошения“ императорских земель в Нумидии и Мавретании частными лицами (Valentin. Nov. XXXIV).

Поскольку столь характерная для позднеримского законодательства забота о сохранении городских *ordines* была чужда вандалскому государству, средние и мелкие землевладельцы-куриалы оказались беззащитными перед лицом крупных земельных собственников. Одно из произведений африканского поэта времени вандалского господства Драконция представляет собой рассуждение на тему о могуществе богатых граждан в городе. „Богатство, — пишет Драконций, — всегда делает тиранов... богача окружают слуги, друзья, к его услугам — толпа клиентов... Что за свобода? Требуют, чтобы гражданину было позволено разорять граждан, ... лишать жен мужей, а отцов — их детей... Другом домов могущественных людей (*potentum*) будет тот, кто, являясь свободным, захочет быть сателлитом“. Это рассуждение Драконция, отражающее картину имущественного расслоения в африканских городах при вандалах и рост могущества крупных городских землевладельцев, свидетельствует о тяжелом положении, в котором находились в этот период средние африканские собственники. Произведение Драконция обращено к главе римского самоуправления в Карфагене, — *proconsul almae Carthaginis* и ставит своей целью доказать опасность усиления власти богатых и необходимость поддержки бедняков. „Незначительного бедняка надо любить“, — говорит Драконций⁷⁰. Видимо, Драконций выражал в данном случае настроения среднего слоя городских землевладельцев, протестовавших против засилья *potentes*.

Для выяснения характера влияния вандалского завоевания на аграрные отношения в африканских провинциях ценный материал, как нам кажется, дают „Таблички Альбертини“ — архив документов, датированных 493—496 гг. (царствование короля Гунтамунда) и фиксирующих главным образом продажу земельных участков. Эти документы, представляющие собой деревянные таблички, были найдены Альбертини еще в 1928 г. на алжиро-туниССкой границе, южнее г. Тебессы, и впервые опубликованы полностью лишь в 1952 г. Куртуа, Леши, Перра и Соманем⁷¹.

Большая часть актов, содержащихся в „Табличках Альбертини“, регистрирует продажу небольших земельных участков. Один из наиболее интересных вопросов, встающих перед исследователем этих документов, заключается в определении владельческих прав продавцов земли на отчуждаемые ими участки. С одной стороны, они свободно совершают акт продажи земли, причем право каждого из них на данный участок квалифицируется в документах как право *habere, tenere, possidere*. Вместе с тем, все участки находятся, как специально отмечено в документах, *sub dominio* третьего лица, не принимающего никакого участия в акте купли-продажи. Это третье лицо — Флавий Геминий Катуллин — является собственником определенного земельного комплекса — *fundus Tuletianensis*, в который входят все продаваемые участки. Некоторый свет на юридическое положение мелких землевладельцев, фигурирующих в „Табличках Альбертини“, проливает определение их земельных участков как *culturae*

⁷⁰ Dracontius. Romulea, lib. V. MGH. Auct. ant., t. XIII.

⁷¹ Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale... Paris, 1952.

manсіанае. Это обстоятельство, естественно, наводит на мысль о какой-то связи их правового статута с *lex Manciana*, или *consuetudo Manciana*, известным по африканской эпиграфике II в.

В научной литературе последних лет высказывалось мнение, что владельческие права обладателей „манциевых участков“, согласно данным „Табличек Альбертини“, вытекают из положений *lex Manciana*⁷². Однако в надписи II в. из Хенхир-Меттиха, содержащей устав крупного имения, составленный по образцу *lex Manciana*, мы не найдем подтверждений этому выводу.

Текст этой надписи представляет собой в основном перечень различных повинностей колонов данного имения и регулирует порядок их выполнения⁷³. Единственное упоминание о правах колонов на обрабатываемую ими землю содержится в начале надписи, где речь идет о колонах, освоивших необработанные участки — *subseciva*. Такие колоны получают обработанную ими землю в собственное пользование (*usum proprium*). Как видим, *lex Manciana* отнюдь не предоставлял земледельцам тех широких владельческих прав, с которыми мы встречаемся в документах Альбертини.

В настоящей статье не представляется возможным давать подробную интерпретацию положений *lex Manciana*. Все содержание этого закона свидетельствует о том, что он был образцовым поместным уставом, регулировавшим отношения собственника земли и колонов, не обладавших какими-либо владельческими правами на обрабатываемые ими участки. По мнению одного из издателей „Табличек Альбертини“ Ш. Соманя, *lex Manciana* регулировал положение не колонов, а мелких землевладельцев, освоивших пустовавшие земли. Колоны, с точки зрения Соманя, упоминаются в тексте закона лишь как одна из возможных категорий лиц, обработавших такого рода земли⁷⁴. Аргументация Соманя не представляется, однако, убедительной, поскольку она основана на произвольном чтении надписи из Хенхир-Меттиха. Так, комментатор отбрасывает как случайную вставку слово *soloni*, находящееся в первой части надписи. В другом случае колонов, занимающих господские виллы, т. е. обрабатывающих уже освоенную землю, Сомань, вопреки тексту надписи, рассматривает как колонов, освоивших *subseciva*.

По предположению Соманя, владельческие права *habere, tenere, possidere* были распространены на держателей земли по *lex Manciana* законом императора Адриана об освоении пустующих земель. Для этого вывода мы также не видим оснований. В двух известных нам надписях, передающих содержание закона Адриана, идет речь о лицах, освоивших невозделанную государственную землю. Таким лицам этот закон предоставлял указанные владельческие права, а условия держания, т. е., очевидно, прежде всего размер и характер повинностей, устанавливались в соответствии с *lex Manciana*⁷⁵. Отсюда еще совсем не вытекает, что владельческие права, предоставляемые законом Адриана, распространялись на всех колонов, державших землю в соответствии с *lex Manciana*, тем более на колонов частных имений. Наименование земельных участков,

⁷² Ch. Julien. *Histoire de l'Afrique du Nord*, Paris, 1951, p. 240; Ch. Saumagne. *Le droit* (Tablettes Albertini. Paris, 1952, p. 81—188); E. Levy. *Tablettes Albertini. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Rom. Abt.*, 1953, S. 499—507; W. H. C. Friend. *North Africa and Europe in the Early Middle Ages. The Transactions of the Royal Historical Society, 5th Series*, vol. 5, 1955, p. 69.

⁷³ CIL, VIII, 25902.

⁷⁴ *Tablettes Albertini*, p. 122 sqq.

⁷⁵ CIL, VIII, 25943, 26416.

о которых идет речь в „Табличках Альбертини“, *culturae mancipiae* свидетельствует о том, что их владельцы в римское время были колонами⁷⁶.

Хорошо известно, что для поздней Римской империи характерен процесс все большего ограничения владельческих прав колонов. Данные кодексов свидетельствуют о том, что колоны были лишены в конце концов права продавать что бы то ни было из своего пекулия, т. е. даже движимое имущество, не говоря уже о земле. Очевидно, развитие владельческих прав колонов, с которым мы встречаемся в „Табличках Альбертини“, каким-то образом связано с крушением римского господства в Африке и завоеванием ее вандалами⁷⁷.

По мнению одного из издателей „Табличек Альбертини“ — Куртуа, земельные участки, фигурирующие в документах, были захвачены в собственное владение колонами имения после того, как собственник имения Флавий Геминий Катуллин был изгнан во время вторжения вандалов. Впоследствии потомки Геминия Катулина вернулись в Африку, воспользовавшись смягчением политики вандальских королей по отношению к римлянам. Застав свою землю в чужой собственности, они постепенно начали скупать крестьянские участки и таким образом восстанавливать свое имение⁷⁸.

Рассмотрим данные документов Альбертини⁷⁹. Приводимая ниже таблица показывает соотношение между количеством покупок земельных участков, осуществлявшихся различными покупателями.

Мы можем констатировать, что в подавляющем большинстве случаев (в 24 из 27) в качестве покупателей земли выступают представители семейства Геминиев, главным образом Геминий Феликс, а также Геминий Кресконий и его жена Крескония⁸⁰. Предположение Куртуа о том, что эти Геминии были потомками и наследниками собственника имения *fundus Tuletianensis* Флавия Геминия Катулина, опровергается благодаря следующему соображению. Флавий Геминий Катуллин именуется в документах *flamen perpetuus*. Отсюда следует, что он сам и его потомки принадлежали к сословию куриалов. Архив Альбертини был найден примерно

⁷⁶ М. Паллас недавно выдвинул предположение, что в „Табличках Альбертини“ фигурируют две категории земледельцев: колоны, которые, по его мнению, владели землей на основе *эмфитевзиса* в пределах имения, и *cultores mancipiani*, обрабатывавшие неосвоенные ранее земельные участки (M. Pallas. Les „Tablettes Albertini“ intéressent elles le colonat romain du Bas-Empire? „Revue historique du droit français et étranger“, 1955, № 2, p. 267—281). Автор ссылается на то обстоятельство, что в некоторых актах продаваемые земельные участки не названы *culturae mancipiae*. Между тем легко установить полную идентичность правового положения *cultores mancipiani* и тех продавцов участков, которых Паллас выделяет в особую группу „колонов“, если учесть, что часто — это одни и те же лица (ср., например, акты 7 и 12, 14, 20, 22; 18 и 11). Неосновательно и заключение автора, что колоны в условиях поздней империи имели право продавать свои участки и уходить из имения: оно аргументировано ссылками на источники, где речь идет о бегстве колонов (Augustini ep. 35, 2; Valentin. Nov. XIII).

⁷⁷ По мнению Е. Леви, опубликовавшего рецензию на издание „Табличек Альбертини“ (Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Rom. Abt., 1953, S. 499—507), правовым источником для отношений, отраженных в этих табличках, является римское вульгарное право. Можно согласиться с тем, что распространение владения *habere, tenere, possidere* на колонские держания было проявлением местного права, противоречащего официальным законоположениям о колонате. Однако следует учитывать, что подобного рода явление вряд ли могло иметь место в период поздней Римской империи в условиях не только формально-юридического, но и фактического закрепощения колонов частных имений.

⁷⁸ *Tablettes Albertini*, p. 208—211.

⁷⁹ Ссылки на акты, опубликованные в издании „Tablettes Albertini“, даются в соответствии с нумерацией актов, принятой в этом издании.

⁸⁰ Геминий Феликс и Геминий Кресконий были братьями — сыновьями Геминия Фортуна (*Tablettes Albertini*, 2, 3, 15, 29, 31).

в 100 км к югу от Тебессы и в 65 км к западу от Гафсы⁸¹. Этот район расположен недалеко от крупного римского города провинции Бизацены

Покупатели земельных участков	Количество покупок
Геминий Феликс	20
Геминий Кресконий и Крескония . .	4
Юлий Викторин и Доната	2
Бальзамий и Максима	1

Телепте. Возможно, что „пожизненный фламий“ Флавий Геминий Катуллин принадлежал к муниципальной знати этого города. Что касается Геминия Феликса, скупавшего в конце V в. земельные участки in fundo Tuletianensi, то он не был куриалом. Это видно из одного документа, где он именуется civis Tule-

tianensis (Tabl. Alb., 2). Мы можем заключить, что Геминий Феликс был по своему происхождению сельским жителем и принадлежал к населению деревни, расположенной in fundo Tuletianensi.

Совпадение nomen Геминия Феликса с родовым именем „пожизненного фламийа“ Флавия Геминия Катуллина, очевидно, объясняется тем фактом, что сам Феликс или, скорее всего, один из его предков был вольноотпущенником, либо клиентом семейства Геминиев, владевшего землей in fundo Tuletianensi. По-видимому, уже предки Феликса значительно отличались по своему имущественному положению от большинства местных сельчан, а к концу V в. представители этой семьи, несомненно, превратились в богатых людей, располагавших крупными денежными суммами и большим количеством земельных участков. Можно думать, что „Таблички Альбертини“ представляют собой архив документов семьи Геминиев (наиболее влиятельным членом которой был Геминий Феликс). Об этом свидетельствует тот факт, что Геминии являются покупателями подавляющего большинства земельных участков, упоминаемых в документах, а также наличие в архиве списка приданого Геминии Янурилы и акта, регистрирующего покупку раба Геминием Феликсом (Tabl. Alb., 1—2)⁸². Приданое Геминии Янурилы наиболее полно характеризует имущественное положение этой семьи. В состав приданого входит ряд дорогих предметов туалета и ткацкий станок на общую сумму 3500 фоллисов и, кроме того, 8500 фоллисов деньгами. Общая сумма приданого достигает таким образом 12 тыс. фоллисов (Tabl. Alb., 1). По подсчетам Куртуа, основанным на данных таблиц о продаже участков, засаженных оливами, эта сумма составляла цену примерно 750 оливковых деревьев⁸³.

В документах Альбертини регистрируется продажа небольших земельных участков, возделанных главным образом под оливы, а также под финиковые пальмы. На одном из продаваемых участков находилось 35 оливок (Tabl. Alb., 6), в остальных случаях количество оливок на участке не превышало 20, а чаще всего не достигало и десятка. Акты продажи земли позволяют проследить процесс постепенного обезземеливания и разорения

⁸¹ „Journal des savants“, № 1, 1930, p. 23—24.

⁸² Куртуа (Tablettes Albertini, 12) выдвигает против подобного вывода то соображение, что три документа (№ 16, 18, 26) регистрируют покупку земли не Геминиями, а другими лицами: Юлием Викторином и Бальзамием. Однако наличие этих документов в архиве легко объяснить зависимостью, в которой, очевидно, находились от Геминиев многие крестьяне Тулетианензиса. Геминий Феликс мог впоследствии купить участки Юлия Викторина и Бальзамия (о покупке Геминиями земли у Юлия Викторина свидетельствуют документы 7, 12, 14, 22), либо присвоить их за долги.

⁸³ Tablettes Albertini, p. 205.

отдельных крестьянских семей. Так, Процессан продал 17 октября 493 г. Геминию Феликсу участок своего поля (*particella agri*). Через год — 16 ноября 494 г. он был вынужден продать тому же лицу другой участок, а затем пресс для выжимания оливкового масла. Через некоторое время Процессан умер. Его смерть, очевидно, резко ухудшила материальное положение его семьи. 18 февраля 496 г. вдова Процессана Сиддина и двое его сыновей продали Геминию Феликсу сразу 6 земельных участков (*Tabl. Alb.*, 13, 15, 17, 31).

Другой житель села Тулеттианензис Юлий Викторин в течение 5 месяцев — с ноября 493 г. по март 494 г. продал Геминию Феликсу и Геминию Кресконию 8 земельных участков. За такой же срок — с января по май 494 г. продала 2 участка вдова Сербуна Адеудата (*Tabl. Alb.*, 8, 11, 12, 14, 18, 20, 22). Семья Кводвультдевса и Юлия Реститута продала 19 ноября 493 г. участок своего поля Геминию Кресконию. После смерти одного из членов семьи — Кводвультдевса Юлий Реститут только в январе 494 г. продал 3 земельных участка (*Tabl. Alb.*, 4, 8, 19).

— Данные „Табличек Альбертини“ позволяют, как нам кажется, представить в общих чертах историю отношений, сложившихся в крупном имении состоятельного городского землевладельца Флавия Геминия Катуллина в период вандалского завоевания. Можно думать, что Геминий Катуллин или его наследники в период составления документов сохраняли известные права на землю *in fundo Tuletianensi*. Земледельцы, сидевшие на этой земле, были колонами и выполняли по отношению к собственнику имения определенные повинности в соответствии с традиционным поместным уставом *lex*, или *consuetudo Manciana*. Если бы земледельцы, как думает Куртуа, по каким-либо причинам действительно отторгли занимаемые ими участки в свою собственность, то было бы трудно объяснить упоминание во всех документах Флавия Геминия Катуллина в качестве *dominus'а fundi* и наименование крестьянских держаний *culturae mancianae*. Вместе с тем, в одном из документов мы встречаем прямое указание на оброчные повинности, которые обязуется платить покупатель земли. Эти повинности вносятся согласно условию держания, записанному в описи поместья, и в соответствии с количеством финиковых и оливковых деревьев, растущих на данном участке (... *ita placuit, ut secundum quod est in conditionem, quod in polepticos clarit*⁸⁴: *fici arbores quidecim annos quinque et olibe arbores quidecim ut exsudet solvat*)⁸⁵.

Несмотря на сохранение собственником имения некоторых прав на оброчные повинности колонов, колонатные отношения в поместье Тулеттианензис претерпели весьма значительные изменения по сравнению с римским временем. Колоны свободно отчуждают свои участки. Собственные права *dominus'а fundi* приобрели таким образом в значительной мере формальный характер.

Как отмечалось выше, одним из важных результатов образования Вandalьского королевства был небывалый для римского времени упадок городов и деградация сословия муниципальных землевладельцев. Очевидно, в условиях вандалского государства многие даже наиболее состоятельные и не подвергшиеся экспроприации куриалы не имели возможности сохранить в неприкосновенности в своих поместьях те отношения крепостной зависимости колонов от землевладельцев, которые были характерны для поздней империи. В римский период муниципальная знать использовала для защиты своих интересов на городских

⁸⁴ „Clarit“ вместо „claret“.

⁸⁵ *Tablettes Albertini*, № 26.

землях вспомогательные вооруженные отряды городских курий⁸⁶. Обезлюдение городов, о котором сообщают источники вандалского времени, видимо, в ряде случаев делало невозможным функционирование таких отрядов. Римский государственный аппарат был дезорганизован вандалским завоеванием, а вандалское государство мало вмешивалось во внутреннюю жизнь провинций, лежавших вне пределов *sortes Wandalorum*. Решающее влияние на положение африканских колоннов должна была оказать ликвидация римской податной системы и уничтожение цензовых документов. Как известно, с этой системой была неразрывно связана приписка земледельцев к земле, следовательно, с ее устранением отпадала юридическая основа несвободного состояния колоннов.

На основании данных „Табличек Альбертини“ мы можем констатировать, что в результате ослабления социальных позиций муниципальных землевладельцев и слома власти бюрократического Римского государства в Африке в вандалский период значительно расширились реальные владельческие права некоторых групп колоннов⁸⁷. Колонны крупного муниципального землевладельца Флавия Геминия Катуллина свободно отчуждают свои земельные участки, орудия производства (например, прессы). Вместе с тем отношения, сложившиеся *in fundo Tuletianensi*, показывают, что известное укрепление мелкого землевладения сопровождалось развитием имущественной дифференциации среди сельчан и быстрым обезземеливанием наиболее бедных семей. В этом сказывалось влияние на мелкое земледельческое хозяйство товарно-денежных отношений, проникших сравнительно глубоко в экономику Северной Африки. Основу хозяйств сельчан Тулетианензиса составляло производство оливкового масла, которое, очевидно, шло главным образом на продажу. Повинности в пользу юридических собственников земли и вандалского государства, трудности сбыта, неурожай, наконец, смерть одного из работников, — все это в любой момент могло поставить семью земледельца перед необходимостью продажи отдельных участков своего поля или превращения в должника более крупного землевладельца.

Мелкие участки беднейших земледельцев в Тулетианензисе скупала семья Геминиев. Согласно предположению Альбертини, в основе этих продаж лежали ростовщические ссуды Геминия Феликса находящимся в затруднительном положении земледельцам⁸⁸. Это предположение представляется вполне вероятным. Возможно, что один из документов, который издатели „Табличек“ рассматривают как какой-то счет⁸⁹, на самом деле представляет собой список долгов сельчан Тулетианензиса Геминиям. Против различных денежных сумм, обозначенных в этом документе, стоят имена лиц, многие из которых совпадают с именами продавцов земельных участков (Процессан, Реститут, Адеудата, Викторин и др.)⁹⁰. Задолженность этих земледельцев Геминиям, возможно, приводила к передаче их участков в собственность этой семьи.

⁸⁶ Augustinus. *Adversus Fulgentium*, 24 (*amnicula ordinum*); *Contra lit. Petilianii*, III, 39, 45; *Contra Cresconium*, IV, 47, 57 (*civitatum auxilia*).

⁸⁷ Несмотря на частный характер документов Альбертини, относящихся только к одному селу, нельзя преуменьшать их значения как источника. Отношения, сложившиеся в селе Тулетианензис, не были исключением: процесс освобождения колоннов вообще был характерен для вандалской Африки, о чем свидетельствуют законодательные памятники византийского времени (см. ниже).

⁸⁸ „*Journal des savants*“, 1930, № 1, p. 23 sqq.

⁸⁹ *Tablettes Albertini*, p. 12—13.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 33.

Концентрация земли в руках зажиточных сельчан Геминиев отражает, с нашей точки зрения, интересную закономерность в развитии аграрных отношений в Северной Африке. Геминии постепенно скупают участки, формально находящиеся в собственности муниципального землевладельца Флавия Геминия Катуллина либо его наследников. Таким образом, на городской земле, в имении одного из представителей городской знати, создается крупное хозяйство, принадлежащее лицам, не связанным с коллективом городских землевладельцев-куриалов, возможно, вчерашним колонам или отпущенникам. Если городские Геминии и сохраняли какие-то права на мелкие участки своих колонов, то по мере присоединения таких участков к земле сельских Геминиев эти права, очевидно, превращались в фикцию.

Разрушение последних пережитков коллективной собственности на землю античного города вело к развитию мелких свободных владений, из среды которых постепенно выделялись сравнительно крупные и зажиточные хозяйства. Мы можем, таким образом, констатировать, что „варварское“ завоевание значительно ускорило процесс вытеснения античных форм собственности более развитой и полной частной собственностью на землю.

Сделанный выше вывод о значительных изменениях в положении африканских колонов в результате вандалского завоевания подтверждается также данными более позднего времени. В двух относящихся к Африке распоряжениях Юстиниана предоставляется свобода колонам, вышедшим из-под колонатной зависимости во времена вандалов⁹¹. Землевладельцам запрещалось возвращать в положение колонов земледельцев, ушедших из имений до завоевания Африки Византией, а также их потомков. В одном из распоряжений Юстиниана специально указывалось, что общие положения имперского законодательства о колонате не должны распространяться на такого рода колонов. Для нарушителей этого постановления устанавливался штраф в 5 фунтов золота.

Основываясь на данных декретов Юстиниана об африканских колонах, Э. В. Удадьцова приходит к вполне справедливому выводу о серьезном улучшении положения непосредственных производителей Африки в результате вандалского завоевания⁹². Несомненно, что издание этих декретов объяснялось опасениями, которые испытывало византийское правительство за прочность своих политических позиций в Африке. В связи с этими опасениями оно было вынуждено пойти на уступки тем слоям сельского населения африканских провинций, которые добились во времена вандалов освобождения от колонатной зависимости.

В декретах Юстиниана речь идет о колонах, бежавших из имений, к которым они были приписаны. Очевидно, особенно широкие возможности для бегства колонов создались в первые годы господства вандалов в Африке, когда экспроприации и высылки крупных римских землевладельцев приводили к фактическому освобождению зависимых работников их имений⁹³. Вместе с тем, освобождению колонов и рабов способ-

⁹¹ Appendix constitutionum dispersarum, VI, IX.

⁹² Э. В. Удадьцова. Политика византийского правительства... стр. 104.

⁹³ Вандалское завоевание Мавретании и Нумидии привело к массовому освобождению рабов и колонов, которые после временного воссоединения этих провинций с Римской империей укрывались в районах, недоступных римским властям. В декрете Валентиниана III от 445 г. (Valentin. Nov. XIII) говорится о малочисленности колонов (raritas colonorum) в Мавретании и Нумидии и предписывается возвращать владельцам беглых рабов и колонов из числа военнопленных.

ствовавали общие социально-политические условия, сложившиеся на большей части территории Вандальского королевства: ослабление позиций средних муниципальных землевладельцев, уничтожение системы приписки земледельческого населения к земле, изменение характера политической надстройки по сравнению с римским временем. Земледелец, недостаточно крупный и влиятельный, чтобы обладать собственными средствами принуждения, видимо, часто не мог задержать своих колонов, желавших уйти из имения. Такой уход мог вызываться чрезмерно жестокой эксплуатацией со стороны собственника земли, которая побуждала колонов искать других мест для поселения. Вместе с тем данные „Табличек Альбертини“ показывают, что расширение владельческих прав колонов на занимаемые ими участки часто приводило к их обезземеливанию. В этом, как отмечалось выше, сказывалась специфика африканского сельского хозяйства, в котором значительную роль играло производство на рынок.

Мелкий земледелец, продавший свою землю или лишенный ее за долги, очевидно, предпочитал бегство из своей деревни кабале у более крупного местного собственника.

На основании одного из указов Юстиниана (*App. const. dispers.*, VI) можно заключить, что многие колоны, ушедшие из имений после вандальского завоевания, превратились в свободных людей (*inter liberos commorati sunt*). Некоторые группы беглых колонов, возможно, поселились на незанятых землях, некоторые искали других способов освобождения от эксплуатации. Юстиниан запретил африканским землевладельцам возвращать в свои поместья в качестве колонов клириков, выполняющих церковные должности (*App. const. dispers.*, IX). Из этого видно, что многие беглые колоны становились клириками католической церкви.

Как совершенно правильно отмечает Э. В. Удадьцова, освобождение зависимых категорий сельского населения зачастую носило временный характер⁹⁴. Можно думать, что многие беглые колоны или их потомки попадали в конце концов в зависимость от крупных римских или вандальских землевладельцев. По-видимому, одной из целей декретов Юстиниана было закрепление за крупными африканскими земельными собственниками колонов, которые перешли под их патроний в период господства вандалов. По мнению Соманя, Юстиниан запрещал возвращать землевладельцам лишь тех колонов, которые продали свои участки и сохранили положение свободных, а беглые колоны, осевшие на земле, возвращались прежним владельцам. В этом смысле он толкует положение одного из декретов Юстиниана (*App. const. dispers.*, VI) о том, что те, кто будут пренебрегать своей землей и стремиться к чужой земле, должны быть возвращены⁹⁵. Однако здесь речь идет лишь о тех колонах, которые покидают имения после восстановления в Африке власти Римской империи. Это следует из другого декрета (*App. const. dispers.*, IX), который прямо разрешает возвращать колонов, ушедших после прихода в Африку римского войска. Очевидно, многие африканские колоны в вандальский период попали в зависимость от наиболее крупных земельных собственников. Византийское правительство, запрещая старым владельцам возвращать себе колонов, тем самым закрепляло то положение, которого добились при вандальском господстве некоторые группы римских земельных магнатов.

⁹⁴ Э. В. Удадьцова. Политика византийского правительства... стр. 105.

⁹⁵ „Revue africaine“, 1936, p. 485 sqq.

Относящиеся к африканскому колонату мероприятия Юстиниана показывают, какое глубокое влияние оказало вандалское завоевание на социально-экономический строй Северной Африки. С его последствиями вынуждено было считаться даже проводившее в целом реставраторскую политику византийское правительство.

Подведем некоторые итоги нашему исследованию влияния вандалского завоевания на аграрные отношения Северной Африки.

Вторжение вандалов сопровождалось экспроприацией части крупных римских землевладельцев. Однако сравнительно высокий уровень социальной и имущественной дифференциации в вандалском обществе привел к быстрому формированию вандалской земельной знати. Вместе с тем потребность господствующей верхушки вандалов в укреплении своей власти в стране побуждала ее искать поддержки у местной земельной аристократии. Это обстоятельство содействовало укреплению экономических позиций крупного римского землевладения.

Одним из наиболее существенных результатов вандалского завоевания явилось изменение характера политической надстройки. Те процессы социально-экономического развития, которые стихийно пробивали себе дорогу в период поздней империи, были освобождены с устранением ее власти от сковывавших их препятствий. Последствия вандалского завоевания были неодинаковыми в различных районах Северной Африки. Однако во всех без исключения провинциях вследствие экспроприаций, проведенных непосредственно после вторжения, благодаря действию налоговой системы Вандалского королевства, а также набегов и грабежей берберов, был нанесен сильнейший удар муниципальной организации и городскому землевладению.

Результаты массового разорения городских землевладельцев были неодинаковыми в различных районах и, видимо, определялись в каждом конкретном случае соотношением социальных сил, прежде всего ролью крупного землевладения. С одной стороны, наиболее крупные земельные собственники получили возможность более беспрепятственно расширять свои владения за счет земель куриалов. Вместе с тем подрыв социально-политических позиций городских землевладельцев способствовал известному укреплению мелкого крестьянского землевладения. В том же направлении действовал ряд других факторов: освобождение некоторой части африканских рабов и колонов в период борьбы вандалов с Римской империей, уничтожение системы прикрепления крестьян к земле, а также раздел земли между вандалами, осуществленный в Проконсульской Африке.

„Варварское“ завоевание не устранило эксплуататорских отношений, характерных для римского времени, однако оно способствовало ликвидации тех элементов социально-экономического строя римских провинций, которые являлись пережитками рабовладельческого общества и задерживали вызревание новых — феодальных производственных отношений. Типичные для позднеримского общества крупные имения, основанные на эксплуатации труда рабов и колонов, сохранялись в условиях Вандалского королевства. Однако они были освобождены от подрывавшего заинтересованность непосредственных производителей в труде обременительного налогового гнета. „Варварское“ завоевание содействовало вытеснению античных форм собственности более полной частной собственностью, что создавало благоприятные условия для развития феодальных отношений. Наконец, известное укрепление мелкого крестьянского хозяйства способствовало формированию класса феодального крестьянства.

Становление феодального общественного строя было долгим и сложным историческим процессом. В Северной Африке этот процесс принял особенно затяжной характер благодаря непрочности Вandalьского королевства⁹⁶ и реставрации в этом районе в VI в. власти Византийской империи. Те изменения, которые были внесены в социально-экономическое развитие Северной Африки вандалским завоеванием, можно рассматривать как один из этапов распада рабовладельческой и генезиса новой феодальной формации.

⁹⁶ Исследование причин ослабления и гибели Вandalьского королевства выходит за рамки настоящей статьи.

З. В. УДАЛЬЦОВА

К ВОПРОСУ О МЕЛКОМ СВОБОДНОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Наиболее сложной проблемой при изучении характера изменений в отношениях собственности, происходивших в Италии в период правления остготов, является вопрос о мелком свободном землевладении. Хотя этот вопрос и привлекал внимание исследователей¹, но он не получил еще в научной литературе своего окончательного разрешения.

Разрешение его крайне затрудняется чрезвычайной скудостью данных источников о мелкой крестьянской собственности в Италии в этот период и почти полным отсутствием прямых известий об общинных отношениях у остготов.

Поселение довольно значительного числа свободных остготских воинов на территории Италии, на наш взгляд, привело, особенно на первых порах, к некоторому увеличению удельного веса мелкого свободного землевладения². Однако при рассмотрении этого вопроса необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что наделение остготов землей происходило за счет конфискации земельных владений воинов Одоакра, а значительная часть этих владений состояла из мелких наделов.

Часть рядовых воинов из ругов, сциров и других племен, поддерживавших Одоакра, по-видимому, была включена в состав остготской армии и сохранила в какой-то степени свои земельные наделы³. Но все же можно считать установленным, что в результате компромисса между остготской знатью и римской аристократией наделение большей части остготов землей произошло, главным образом, за счет мелких земельных собственников Италии, — как из числа италийских крестьян,

¹ П. Виноградов („Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии“. СПб., 1880) особо подчеркивает, что поселение остготов в Италии в конечном счете не привело к существенному увеличению числа мелких земельных собственников, и отстаивает тезис о сильном воздействии римских форм землевладения на земельные отношения у остготов (там же, стр. 90, 104 и сл.). Л. М. Хартманн (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I. Leipzig, 1897; L. M. Hartmann. Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Gotha, 1904, etc.), наоборот, считает, что остготское завоевание привело к укреплению мелкого крестьянского землевладения в Италии в конце V—начале VI в. См. также F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV. Würzburg, 1866; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, München, 1951; P. S. Leicht. Operari artigiani agricoltori in Italia del secolo VI al XVI. Milano, 1946; G. A. Punzi. L'Italia del VI secolo nelle... Variae di Cassiodoro. Aquila, 1927; G. Salvioli. L'Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro. „Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa“. Napoli, 1925; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949 etc.

² См. З. В. Удальцова. Раздел земли между остготами и римлянами в конце V века. СВ, т. VIII, М., 1956.

³ Procop. De bello Gothico, lib. I, cap. I, 25.

так и „варваров“, живших на ее территории⁴. Таким образом вряд ли перераспределение собственности во время поселения остготов могло привести к значительному увеличению удельного веса мелкого свободного землевладения в масштабах всей страны. Кроме того, надо учитывать, что лучшие земли были захвачены остготской знатью, которая к тому же очень скоро после раздела земель начала производить незаконные захваты имущества мелких собственников⁵.

Мы, к сожалению, не располагаем данными источников, позволяющими с достаточной полнотой определить масштабы распространения мелкого свободного землевладения в Италии VI в., однако, законодательные и другие памятники того времени содержат некоторые сведения, дающие возможность судить о том значении, которое имело мелкое свободное землевладение в остготском государстве.

В связи с тем, что терминология источников остготского времени отличается крайней расплывчатостью, для определения степени распространения свободного крестьянства в Италии в конце V—начале VI в. чрезвычайно важно выяснить, под покровом каких терминов скрываются в источниках той эпохи мелкие свободные землевладельцы.

В эдикте Теодориха к свободным людям, в том числе к мелким свободным земледельцам, обычно прилагается общий термин *ingenui*⁶. В труде Кассиодора мелкий свободный земледелец обозначается термином *cultor agri*⁷, а в более отвлеченном, риторическом смысле — *agricola*⁸. Кроме того, в „*Variae*“ Кассиодора мелкие свободные землевладельцы довольно часто фигурируют под более общими, порою весьма неопределенными терминами — *поссессоры*, *трибутари* и *рустики*. Выяснение реального значения этих терминов не только поможет определению масштабов распространения свободного крестьянства, но одновременно и прольет некоторый свет на положение отдельных категорий свободного сельского населения Италии в конце V—начале VI в.⁹

Поссессоры. Термин *поссессоры* (*possessores*) в источниках конца V—VI в. имеет весьма широкое значение и применяется как по отношению к крупным, так и к мелким землевладельцам¹⁰. В труде Кассиодора этот термин встречается довольно часто; в большинстве случаев он носит обобщающий характер и относится к различным по своему имущественному положению группам владельцев земли и другого имущества¹¹. Однако для выяснения вопроса о мелком крестьянском землевладении в остготском королевстве весьма важным является то обстоятельство, что этим термином у Кассиодора обозначаются и мелкие землевладельцы. Это явствует из того, что *поссессоры* упоминаются в его труде среди плательщиков государственных налогов (*трибутари*)¹². Конечно, и крупные землевладельцы являлись плательщиками

⁴ Рассмотрению этого вопроса посвящена другая работа автора данной статьи.

⁵ *Cassiodori Senatoris Variae*, ed. Th. Mommsen. MGH, Auct. ant., t. XII, Berolini, 1894, I, 19; III, 38; IV, 9, 27, 39; V, 3, 12, 17, 29, 30; VI, 30; VII, 3, 28, 32; IX, 8, 18; XI, 25; *ETH*, § 10, 34, 43—44; 75—77; 104—105.

⁶ *ETH*, § 8, 17, 59, 63—66, 78—79, 82, 83, 94, 96, 97, 103.

⁷ *Cassiod. Variae*, IV, 51; X, 27 etc.

⁸ *Ibid.*, IV, 51, § 5; V, 39, § 1; VII, 45, § 1; IX, 10, § 2; X, 27, § 1; XII, 22, § 5.

⁹ О положении различных категорий крестьянства в поздней Римской империи см. Е. М. Штаерман. К вопросу о крестьянстве в Западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1952, № 2, стр. 100—121.

¹⁰ См., например, *ETH*, § 10—12, 69, 76, 132, 136 etc.

¹¹ *Cassiod. Variae*, I, 26, 29; II, 17, 25; III, 9, 42, 44, 49, 51; IV, 8, 11; V, 9, 14, 15, 20, 26, 39; VI, 8, 9, 24; VII, 22; VIII, 29, 31, 33; IX, 5, 10, 11, 18, 25; XI, 4, 7, 14; XII, 2, 5, 8, 9, 10, 16, 17, 23, 28.

¹² *Ibid.*, V, 39; XI, 7; XII, 2, 16, 28.

государственных налогов: они уплачивали подати за своих колонов и других зависимых людей; однако красочные описания бедствий и разорения трибутариев Италии, которых так много в труде Кассиодора¹³, убеждают нас в том, что в приведенных у него рескриптах и посланиях остготских королей речь идет, в первую очередь, о мелких госсессорах, владеющих небольшими участками земли. Именно для этой части свободных землевладельцев были особенно обременительными налоги и притеснения налоговых сборщиков.

Необходимо при этом отметить, что в источниках остготского времени термин *possessor* значительно определеннее, чем другие термины, указывал на владельческие права земельных собственников (в том числе и мелких) на их участки земли¹⁴. Можно предположить, что этот термин в остготском королевстве применялся по отношению к той категории мелких и средних земельных собственников, которые в большей степени, чем другие группы свободного крестьянства, сохраняли свои владельческие права на землю. Привлекает особое внимание также и то обстоятельство, что термин *possessor* в остготском королевстве, в отличие от поздней Римской империи, применялся не только по отношению к муниципальным землевладельцам¹⁵, но и по отношению к лицам, владевшим землей вне курий и не являвшимся представителями сословия декурионов. Это явствует со всей определенностью из анализа данных источников остготского времени. Так, например, в эдикте Теодориха не проводится какого-либо разделения на поссессоров, владевших землями, которые числились в составе городских территорий, и землевладельцев, имевших земли вне курий¹⁶. В эдикте Аталариха термин *possessores* прилагается равным образом к владельцам городских и сельских участков¹⁷. Кассиодор лишь в отдельных случаях применяет этот термин для обозначения муниципальных землевладельцев¹⁸, — обычно же он не проводит различия между муниципальными землевладельцами и поссессорами, владевшими землями вне курий¹⁹.

Итак, в остготском королевстве термином *possessores* обозначались наряду с крупными землевладельцами также и средние и мелкие земельные собственники, владевшие участками земли в куриях и вне их. Довольно широкое применение этого термина по отношению к мелким и средним свободным собственникам может служить, по нашему мнению, косвенным свидетельством сохранения и даже, быть может, некоторого укрепления этой прослойки свободного сельского населения Италии в конце V—начале VI в.

Трибутари. В труде Кассиодора термином *tributarius*²⁰ в ряде случаев обозначаются плательщики государственных налогов из числа лично свободных людей, имеющих свое маленькое хозяйство и возделывающих трудом своих рук небольшое поле²¹. Так, например, в послании (от 533 г.) самого сенатора Кассиодора (в бытность его префектом претория), обращенном ко всем правителям провинций

¹³ Cassiod. *Variae*, IV, 36; V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7, 15; XII, 2, 16, 28.

¹⁴ *Ibid.*, VIII, 31, § 4; VIII, 33, § 2 etc.

¹⁵ Е. М. Штаерман („К вопросу о крестьянстве...“, стр. 105—108) полагает, что термин *possessores* в поздней Римской империи применялся преимущественно к муниципальным землевладельцам.

¹⁶ *ETH*, § 10—12, 76, 132, 136.

¹⁷ Cassiod. *Variae*, IX, 18, § 1.

¹⁸ *Ibid.*, VIII, 31, 33, § 2; IX, 7, § 2—4; XI, 15, § 2.

¹⁹ *Ibid.*, IX, 18, § 2; XI, 7, § 2, 3, 4; XII, 2, § 1, 4; 16, § 2—3; 28, § 8.

²⁰ *Ibid.*, IV, 36; V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7, 15; XII, 2, 16, 28.

²¹ *Ibid.*, IV, 36; V, 39; X, 27; XI, 7.

с увещанием к налогоплательщикам аккуратно платить государственные подати, о трибутариях прямо говорится как о лично свободных людях, хозяевах своего поля. Напоминая плательщикам, как дурно платить налоги под угрозой штрафа, Кассиодор особо подчеркивает, сколь достойно свободного человека ничего не быть должным чиновникам казначейства²². „Только то поле, — пишет автор, — приятно для хозяина, где явившийся сюда сборщик не вызывает страха“²³. В этом же послании Кассиодор предписывает правителям провинций „побудить владельца, чтобы он в три приема как [человек] преданный, в определенные сроки выполнил свои обязанности“²⁴. В другом месте этого послания трибутарий опять-таки выступает как владелец (possessor) участка земли, за который он платит налоги: „Пусть владелец, — пишет Кассиодор, — платит только то, что он должен фиску...“²⁵.

Предписывая налогоплательщикам аккуратно, без всяких отсрочек и промедлений вносить установленные подати, Кассиодор отмечает, что добросовестность владельцев при уплате налогов более всего приятна государству²⁶. В послании короля Теодата от 535/36 г. трибутарии Лигурии и области венетов предстают перед нами как земледельцы, обрабатывающие свое поле (cultores)²⁷.

В рескрипте 509 г. на имя префекта претория Фауста король Теодорих упоминает о том, что королевские войска во время своего похода опустошили возделанные поля трибутариев в области Коттийских Альп, так что они не могли больше платить налоги²⁸. Рассказывая о притеснениях налогоплательщиков Испании, Кассиодор замечает в одном из своих писем: „Говорят, что сборщики налогов обременяют наследственное имущество владельцев тягостными взысканиями, так что это кажется не сбором [налогов], а грабежом“²⁹. В послании 534 г. ко всем провинциальным судьям префект претория Кассиодор, подчеркивая свое беспокойство по отношению к налогоплательщикам, писал: „Я возношу благодарность божеству за то, что и провинциалы сделали то, в чем я их убеждал, и я выполнил все, что обещал. Ибо никто не чувствует, что я осквернен какой-либо продажностью, и я не имел трибутариев, не преданных мне“³⁰. В этом послании, так же как и в предшествующих, Кассиодор говорит о трибутариях, как о владельцах земли: „Пусть, — пишет он, — владелец вносит мне охотно государственные налоги“³¹. Правителям провинций он предписывает, чтобы они и чиновники их канцелярий „...убеждали владельца, чтобы налоги 13-го индиктиона (535 г.) он заплатил со всей преданностью, сохраняя норму трех взносов, и внес их, как установленный налог государству“³². В другом послании остготского правительства прямо говорится, что

²² Cassiod. *Variae*, XI, 7, § 2. Cp. XII, 28, § 9.

²³ Ibid. XI, 7, § 2: „... ille solus delectabilis ager est domino, in quo supervenire non timetur exactor“.

²⁴ Ibid., XI, 7, § 3.

²⁵ Ibid., § 4: „... possessor nihil aliud, nisi quod publico debetur exolvat...“.

²⁶ Ibid., § 4. Cp. § 5 и XII, 16, § 2.

²⁷ Ibid., X, 27, § 1,2: „...cultor agri ad futuram famem deseritur, nisi ei, cum necesse fuerit, subvenitur...“.

²⁸ Ibid., IV, 36, § 2.

²⁹ Ibid., V, 39, § 5: „Exigentes vero assem publicum per gravamina ponderum premere dicuntur patrimonia possessorum, ut non tam exactio quam praeda esse videatur“.

³⁰ Ibid., XII, 2, § 1.

³¹ Ibid., § 1: „... possessor mihi publicas pecunias libens inferat...“.

³² Ibid., XII, 2, § 5. То же требование и в тех же выражениях Кассиодор повторяет и в другом послании от 537 г.: Cassiod. *Variae*, XII, 16, § 3.

трибутарию имеют свое имущество (*substantia*), которое следует охранять от посягательств налоговых сборщиков и других чиновников³³.

Таким образом, „*Variae*“ Кассиодора не оставляют сомнения в том, что во времена правления первых остготских королей под термином „трибутарию“ — „налогоплательщики“ иногда подразумевались мелкие свободные землевладельцы Италии, платящие налоги в пользу государства. Экономическое положение их, повидимому, было весьма тяжелым. Недаром Кассиодор в одном из своих писем говорит, что трибутарию были „столь подавлены жестокостью своих бедствий, что давно уже пали духом“³⁴.

Вместе с тем необходимо отметить, что в категорию „трибутарию“ — „налогоплательщиков“ Кассиодор включает также и арендаторов, снимающих в аренду землю королевского дома³⁵. О положении этой категории сельского населения он пишет следующее: „Арендаторы земель королевского дома, какого бы племени они ни были, выяснив полностью истину, должны заплатить лишь столько, сколько полагается, чтобы выплачивали наши имения. И чтобы кому-либо его труд не казался бы неблагодарным, мы желаем, чтобы налог, платимый ими за землю, был установлен для них вами³⁶ со всей справедливостью, согласно с качеством арендуемого имущества. Ведь придется сказать, что эти земли уже не наши, а их, если норма взноса будет определяться желанием арендующего“³⁷. В *formula comitivae privatarum*, сохраненной у Кассиодора, содержатся ценные данные о том, что на королевских землях в остготском государстве жили лично свободные наследственные арендаторы-перпетуарию, которые платили государственные налоги в качестве трибутарию³⁸. В этом же документе особо подчеркивается, что если ранее *comes rerum privatarum* имел дело, главным образом, с рабами (*famuli*), населявшими королевские имения, то теперь, при Теодорихе, он управляет и свободными, решая судебные дела относительно имущества свободнорожденных³⁹. Итак, помимо свободных крестьян-земледельцев, термином трибутарию у Кассиодора обозначаются иногда и свободные арендаторы, не являющиеся собственниками земли.

Неопределенность и расплывчатость терминологии, свойственная многим памятникам конца V—начала VI в., в том числе и труду Кассиодора, мешает со всей полнотой выявить различные группы сельского населения Италии того времени, входившие в состав трибутарию.

Однако имеются основания думать, что среди трибутарию в остготском королевстве, так же как и в поздней Римской империи, наряду со свободными земледельцами были и зависимые от крупных землевладельцев люди, в том числе колонны⁴⁰. Вместе с тем, мы полагаем, что

³³ Cassiod. *Variae*, V, 39, § 12.

³⁴ Ibid., IV, 36, § 1.

³⁵ Ibid., V, 39, § 6.

³⁶ В данном случае речь идет о наместнике Испании. — Э. У.

³⁷ Cassiod. *Variae*, V, 39, § 6.

³⁸ Ibid., VI, 8, § 5: „... Habes quoque per provincias de perpetuario iure tributorum non minimam quantitatem. Canonicarios dirigis, possessores ammones, et cum aliis iudicibus non modica iura partiris...“.

³⁹ Ibid., VI, 8, § 2. Ср. VI, 9, § 2—3 (о рустиках, живших на королевских землях).

⁴⁰ Рассмотрению положения трибутарию и инквилино в поздней Римской империи посвящена статья А. Г. Гемпа — „Трибутарию и инквилины в поздней Римской империи“ (ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83). Автор этой работы приходит к выводу о том, что трибутарию в поздней Римской империи представляли собой особую категорию зависимых людей, положение которых приближалось к положению рабов (А. Г. Гемп. Ук. соч., стр. 78—81).

в остготском государстве эта категория сельского населения пополнилась в довольно значительных размерах за счет мелких свободных земледельцев из числа „варваров“, плативших налоги государству. Из труда Кассиодора мы знаем, что в остготском королевстве все „варвары“, в том числе и остготы (наряду с римлянами), подлежали налоговому обложению⁴¹.

В связи с этим можно высказать предположение о некоторой эволюции, которая произошла в употреблении термина „трибутарий“ в остготском королевстве по сравнению с его применением в поздней Римской империи. В остготский период истории Италии, в связи с увеличением числа плательщиков государственных налогов из свободных земледельцев-„варваров“, термин „трибутарий“ все чаще и чаще стал применяться по отношению к свободным мелким собственникам. Однако подобное предположение не исключает того, что под названием „трибутарий“ в Италии VI в. в отдельных случаях могли еще попрежнему подразумеваться и зависимые от крупных землевладельцев люди. Не исключена возможность, что термин „трибутарий“, несший отпечаток некоторой приниженности, зависимости того, кто им обозначался, указывавший на низкое положение в обществе податного сословия, применялся преимущественно к той части мелких свободных земледельцев Италии, которая в силу экономических причин все более и более сближалась по своему положению с зависимым населением, хотя и сохраняла еще свои участки земли, за которые уплачивала налоги государству.

Рустики. В источниках остготского времени свободные мелкие земледельцы, иногда, — правда, довольно редко, — обозначаются также и термином *rustici*⁴². У Кассиодора этот термин имеет обобщающий характер, но в большинстве случаев применяется к зависимому сельскому населению и лишь изредка — к свободным мелким собственникам⁴³. Так, например, в одном из посланий короля Аталариха (от 527 г.) рустики области Бруттия рисуются как свободные сельские жители, обладающие некоторым состоянием, хотя и весьма умеренным⁴⁴. Это известие вполне совпадает с описанием положения рустиков в области Региум, где, по словам Кассиодора, рустики имели свои сады, огороды, в которых трудились они сами вместе со своими семьями, а также и их работники (быть может, рабы)⁴⁵. По данным эдикта Теодориха, рустики обладали некоторыми средствами производства — рабочим скотом и рабами⁴⁶. В другом месте труда Кассиодора упоминается о том, что рустики Сцилатинской территории имели свои дома⁴⁷. Привлекает внимание сообщение Кассиодора о том, что рустики прибрежных областей Италии занимались, помимо сельского хозяйства, еще и таким промыслом, как выделка пурпура⁴⁸. Однако, по сведениям того же Кассиодора, хотя рустики иногда еще и принадлежали к категории свободных, но занимали столь низкое общественное положение, что за различные проступки подвергались позорным телесным наказаниям⁴⁹. В большинстве случаев они уже теряли

⁴¹ Cassiod. *Variae*, I, 19; IV, 14.

⁴² *Ibid.*, VIII, 31—33; XII, 14, § 3. См. Э. В. Удальцова. Зависимое сельское население Италии VI в. ВДИ, 1955, № 3, стр. 108—114. О рустиках в поздней Римской империи см. Е. М. Штаерман. К вопросу о крестьянстве..., стр. 109 и сл.

⁴³ Э. В. Удальцова. Ук. соч., стр. 108—115.

⁴⁴ Cassiod. *Variae*, VIII, 31, § 5.

⁴⁵ *Ibid.*, XII, 14, § 2—3.

⁴⁶ ETh, § 150.

⁴⁷ Cassiod. *Variae*, VIII, 32, § 5.

⁴⁸ *Ibid.*, I, 2.

⁴⁹ *Ibid.*, VIII, 33, § 1—2.

(частично или полностью) свою свободу и собственность, превращаясь или в арендаторов королевских имений⁵⁰, или в зависимых людей, составлявших особую категорию колонов⁵¹. В источниках несколько более позднего времени, например в письмах римских пап VI в., особенно папы Григория I, рустики обычно выступают уже как зависимые от церкви люди⁵².

Таким образом, мы видим, что употребление термина *rusticus* также претерпевает в остготский период истории Италии известную эволюцию, которая свидетельствует об ухудшении положения части свободного сельского населения и переходе свободных земледельцев в зависимое состояние. Рустиками в остготском королевстве все чаще начинают называть именно ту часть свободных земледельцев, которая в еще большей степени, чем трибутарики, теряла свою свободу и свои земельные владения.

Анализ терминологии источников, относящейся к свободному сельскому населению, показывает значительную пестроту и текучесть состава различных групп свободных мелких землевладельцев Италии в конце V—VI вв. При этом мы можем проследить два весьма важных явления: с одной стороны, в связи с остготским завоеванием и пополнением рядов мелких собственников за счет свободных остготских воинов происходит некоторое расширение состава свободного сельского населения Италии (в частности, трибутарики). С другой стороны, в связи с общим процессом феодализации и ростом крупного землевладения одновременно происходит разорение части мелких собственников (как римских, так и остготских) и потеря ими их свободы и собственности. Примером этого может служить изменение положения рустика.

О степени распространения свободного мелкого землевладения в Италии VI в. можно, кроме того, судить по некоторым косвенным данным, характеризующим политическую роль мелких собственников, в первую очередь, остготских воинов — в жизни общества. Подобные сведения содержат как законодательные, так и нарративные источники остготского времени.

Так, например, данные источников свидетельствуют о том, что остготское правительство короля Теодориха было принуждено принимать некоторые законодательные и административные меры против насильственных захватов знатью земель мелких собственников и против других незаконных „могущественных“ лиц (*potentiores*). Скорее всего, это делалось под давлением рядовых остготских воинов, составлявших основное ядро остготской армии⁵³. Именно влиянием этой общественной прослойки остготского государства можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда важных постановлений, являющихся при этом в большинстве случаев нововведением самого остготского правительства, защищающих неприкосновенность личности свободного (но не обязательно знатного) человека и охраняющих его права в остготском обществе. Особый интерес в этом отношении представляет постановление эдикта Теодориха, запрещающее арест свободного человека (*ingenuus*) без приговора сведущего судьи⁵⁴.

⁵⁰ Cassiod. *Variae*, VI, 9.

⁵¹ *Ibid.*, II, 13, 29; IV, 44; VIII, 30; XI, 10.

⁵² Gregorii I papae *registrum epistolarum*. MGH. *Epistolarum* t. I. Berolini, 1891, I, 42; t. II, Berolini, 1893, IX, 203—206.

⁵³ О других причинах, вызывавших подобные меры со стороны остготского правительства, мы говорили в статье „Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.“ ВВ, т. IX, М., — Л., 1956, стр. 89—93.

⁵⁴ *Eth*, § 8: „Sine competentis iudicis praeecepto nullus ingenuorum sustineat detentionis iniuriam...“.

Эдикт предписывает, чтобы в случае обвинения свободного человека в совершении какого-либо преступления он был бы или приведен в суд, или содержался под охраной в частном доме⁵⁵. За нарушение этого предписания в качестве наказания эдикт устанавливает смертную казнь⁵⁶. Это свидетельствует о том, что остготское правительство придавало большое значение защите свободного человека от посягательств на неприкосновенность его личности. Этому посвящено и другое, не менее важное предписание эдикта Теодориха, запрещающее под страхом смертной казни посягательства на жизнь свободного человека. Данное постановление эдикта гласит следующее: „Если кто-либо прикажет или захочет убить без вины человека, не выслушав его и не имея на то власти (*sine potestate*) и без соответствующего приговора судьи, то пусть будет предан смертной казни как виновный в человекоубийстве“⁵⁷.

В тесной связи с этими предписаниями эдикта Теодориха, охраняющими неприкосновенность личности свободного человека в остготском государстве, находятся и другие постановления того же эдикта, направленные против ложных доносов⁵⁸, лжесвидетельств⁵⁹ и подкупа свидетелей⁶⁰. Для предотвращения ложных доносов на свободных людей обвинитель еще до начала следствия должен был выдать судье письменное обязательство в том, что в случае, если он не сможет доказать выдвинутого им обвинения, он готов подвергнуться тому же самому наказанию, какое по закону грозило обвиненному им человеку⁶¹. Более того, вплоть до вынесения судебного приговора и обвиняемый, и обвинитель равным образом подвергались предварительному заключению⁶². Предварительное заключение отменялось только в тех случаях, когда преступление было незначительным и обвиняемый мог быть взят на поруки, или когда он был столь знатен, что в силу своего общественного положения не мог быть подвергнут аресту до приговора судьи⁶³. В другой статье эдикта Теодориха за ложный донос, даже сделанный под предлогом общественной пользы, устанавливается в качестве наказания сожжение, т. е. самая суровая кара, какую только знало законодательство того времени⁶⁴.

Правда, в реальной действительности той эпохи виновные в совершении ложных доносов не всегда, повидимому, наказывались столь сурово, а иногда смертная казнь через сожжение заменялась менее тяжким наказанием: Кассиодор сообщает о таких случаях, когда ложные доносы наказывались денежным штрафом⁶⁵. Но, во всяком случае, суровость законодательства остготского правительства в отношении лиц, виновных в совершении ложных доносов, весьма показательна для стремления правительства пресечь возможные незаконные посягательства на имущество и личность свободных людей. Эдикт Теодориха, кроме того, запре-

⁵⁵ ETh, § 8: „... aut ad iudicium deducatur, vel in privata habeatur cuiuslibet praesumptione custodia“.

⁵⁶ Ibid., § 9: „Si quis autem aliquid eorum admiserit, ad violentiae poenam, quae capitalis est se non dubitet esse rapiendum“.

⁵⁷ Ibid., § 99.

⁵⁸ Ibid., § 13, 35, 50.

⁵⁹ Ibid., § 14, 42.

⁶⁰ Ibid., § 91.

⁶¹ Ibid., § 13.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem. Ср. Cassiod. *Variae*, I, 37; II, 13; IV, 5; VIII, 31 (*fideiussor*). *Sponsio legitima* — Cassiod. *Variae*, III, 36; IV, 32; V, 34.

⁶⁴ ETh, § 35. Наказание введено самим законодателем. Ср. Cassiod. *Variae*, I, 9; IX, 15; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 62.

⁶⁵ Cassiod. *Variae*, III, 35.

щает верить тайным доносчикам и предписывает, чтобы обвинитель открыто являлся в суд⁶⁶. В случае, если доносчик не сможет доказать справедливость своего обвинения, он подлежит смертной казни⁶⁷.

Обращает на себя особое внимание постановление эдикта Теодориха, запрещающее кому-либо выступать обвинителем под чужим именем и в корыстных интересах другого лица⁶⁸ обвинять кого-либо. Можно предположить, что это постановление эдикта Теодориха в конечном счете защищало интересы мелких и средних свободных землевладельцев от посягательств „могущественных“ лиц, которые легко могли выставить против них подставных обвинителей, действовавших по их указке. Ту же цель, видимо, преследовал и ряд других постановлений эдикта Теодориха, направленных против дачи ложных показаний свидетелями в пользу одной из тяжущихся сторон⁶⁹. За ложные и противоречивые показания наказанием устанавливалось изгнание⁷⁰.

Строго преследовался законодательством остготского государства также и подкуп свидетелей или судей: за совершение подобного преступления незнатные граждане присуждались к смертной казни, знатные — к конфискации всего их имущества⁷¹.

Защита личности свободного человека имеется в виду и в тех постановлениях эдикта Теодориха, которые были направлены против похищения свободных людей и обращения их в рабство⁷². Похищение свободных граждан и превращение их в рабов или колонов было весьма распространенным явлением в те смутные и тревожные времена, когда феодализирующаяся знать, расширяя свои земельные владения, постоянно нуждалась в рабочих руках для обработки этих имений. Значительное внимание, которое уделяет остготское законодательство пресечению подобных преступлений, является наглядным доказательством их распространенности в реальной действительности того времени. Видимо, похищение свободных граждан и превращение их в зависимых от знати людей приняло столь большие размеры, что стало серьезно задевать интересы фиска и центрального правительства, угрожая свободным мелким собственникам, составлявшим ядро плательщиков налогов и основной контингент остготской армии. У правительства остготского королевства должны были возникнуть серьезные опасения, что подобные насилия знати могут вызвать открытое недовольство со стороны свободного населения Италии, особенно рядовых остготских воинов, ибо нередко и они делались жертвами беззаконий „могущественных“ лиц. Отсюда вытекала необходимость в некотором ограничении насилий феодализирующейся знати, посягавшей на личность свободного человека, отсюда — и весьма суровые наказания, устанавливаемые законом за совершение подобных преступлений. Так, например, эдикт Теодориха предписывает: „Тот, кто похитит свободного человека (*ingenuum plagiando*), то есть, переманив, переселит в другое место, или

⁶⁶ ETh, § 50.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Ibid., § 14.

⁶⁹ Ibid., § 42.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibid., § 91. Следует, однако, подчеркнуть, что в отношении знатных лиц (*honestiores*) наказание в эдикте смягчено по сравнению с предписаниями римского права. Так, в римском праве за ложные показания, данные вследствие подкупа, или за подкуп судьи, люди низкого происхождения также наказывались смертной казнью, тогда как знатные граждане, после конфискации всего имущества, отправлялись в ссылку на остров вместе с судей. *Paulus. Sententia, lib. V, tit. 25, § 2*. В эдикте же Теодориха их наказание ограничивалось одной конфискацией имущества, без ссылки.

⁷² ETh, § 78, 79, 82, 83, 94, 95.

продаст, или подарит, или сделает своим рабом, пусть будет наказан смертной казнью⁷³. За намеренное удержание свободного человека в рабстве виновный подвергался тюремному заключению⁷⁴. Судья, подкупленный кем-либо и вследствие этого незаконно признавший свободного человека рабом, подлежал суровому наказанию в виде высокого денежного штрафа⁷⁵.

В особой статье эдикта Теодориха специально оговаривается, что если свободный человек был похищен, и это будет доказано, то его статус не потерпит никакого ущерба, и он остается свободным гражданином⁷⁶. Исключения составляют только такие случаи, когда будет установлено наличие сговора между свободным человеком и его продавцом относительно того, что свободный человек дает согласие на продажу себя в рабство при условии передачи ему продавцом части той суммы, которая будет выручена за его продажу⁷⁷. В таком случае свободный человек за намеренное сокрытие с корыстной целью своего свободного происхождения лишается свободы⁷⁸. „*Variae*“ Кассиодора, дополняя данные эдикта Теодориха, приводят многочисленные факты незаконного насильственного обращения в рабство свободных людей: автор указывает на многочисленные жалобы населения, поступавшие в королевскую курию⁷⁹. Это является лишним свидетельством распространенности подобных преступных действий со стороны знати в Италии в период правления остготских королей.

Ту же цель защиты личности свободного человека преследуют постановления эдикта Теодориха, гласящие, что дети, проданные в рабство своими родителями, не теряют статуса свободного человека⁸⁰. „Ибо, — мотивирует свое предписание законодатель, — свободный человек не может оцениваться никакой ценой“⁸¹. Родителям запрещается также отдавать своих детей кредиторам в качестве залога. Если кредитор, зная об этом, примет в качестве залога детей свободных родителей, то он наказывается изгнанием⁸². Родителям разрешается лишь временно сдавать „в наем“ по договору (*locatio — conductio*) труд своих сыновей, да и то только тех, которые находятся еще в их власти⁸³.

Все эти предписания эдикта Теодориха, направленные на защиту личности свободного человека, отражали, конечно, обычное для правовых норм такого общества, где еще сохранялось рабство и широкое распространение имели различные формы зависимости, противопоставление свободных людей зависимым, а также стремление оградить права свободных граждан и их привилегированное положение по сравнению с несвободными членами общества. Часть этих предписаний, естественно, была

⁷³ ETh, § 78. Cod. Theod., IX, 18, 1.

⁷⁴ Ibid., § 79. Cod. Just., VII, 16, 31; IX, 35, 9.

⁷⁵ Ibid., § 2. Paulus. Sententia, lib. V, tit. 23, § 10; lib. V, tit. 25, § 4. Cod. Just., I, 51, 3.

⁷⁶ ETh, § 82.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem. Cod. Just., VII, 16, 2; 18, 1.

⁷⁹ Cassiod. *Variae*, IV, 4, 9, 37, 41, 46; V, 29, 31, 39; VIII, 16, 20; IX, 2.

⁸⁰ ETh, § 94.

⁸¹ Ibidem: „... homo enim liber pretio nullo aestimatur“. Ср. Paulus. Sententia, lib. V, tit. I, § 1. Ф. Дан (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 83) считал, что при составлении этого постановления эдикта, кроме предписаний римских юристов, было также использовано положение германского права о том, что отец может продавать своих детей.

⁸² ETh, § 95.

⁸³ Ibidem: „Operas enim tantum parentes filiorum, quos in potestate habuerint, locare possunt“. См. И. В. Шерешевский. Правовое регулирование „наемного труда“ в Риме. ВДИ, 1955, № 1, стр. 39—51.

почерпнута из законодательства римского государства. Вместе с тем, значительное внимание остготского законодательства к этому вопросу, ряд важных нововведений, внесенных в эдикт Теодориха (по сравнению с римским правом), особо строгое ограждение неприкосновенности личности свободного человека от посягательств знатных и влиятельных лиц, по всей вероятности, были вызваны стремлением остготского правительства укрепить авторитет центральной власти и увеличить ее влияние в стране, используя в той или иной степени поддержку средних и мелких земельных собственников, преимущественно из числа рядовых остготских воинов.

Остготское правительство короля Теодориха и его ближайших преемников, в целом отражавшее в своей политике интересы высшей остготской землевладельческой знати и защищавшее ее права и привилегии⁸⁴, порою, в силу сложившихся в стране условий, принуждено было несколько ограничивать непомерно растущие притязания этой знати. К этому его толкала необходимость пресечь самовольство, а иногда и открытые выступления феодализирующейся знати, стремившейся к полной самостоятельности и неограниченной власти на местах⁸⁵. В этой борьбе против отдельных непокорных представителей знати правительство Теодориха принуждено было использовать поддержку рядовых остготских воинов, страдавших от самоуправства, смут и междоусобиц феодализирующейся знати. В то же время остготское правительство принуждено было считаться и с требованиями своих временных союзников — старой римской рабовладельческой аристократии, римского сената и высшего католического духовенства, интересы которых все больше и больше ущемлялись самовольными захватами земель и другими беззакониями, чинимыми феодализирующейся знатью⁸⁶.

Вместе с тем, уже сам тот факт, что остготское правительство в известной степени должно было считаться с интересами средних и мелких свободных землевладельцев, и даже идти им на некоторые уступки для привлечения их на свою сторону и использования их поддержки, показывает, что среднее и мелкое землевладение имело известный удельный вес в социально-экономической жизни Италии того времени, а свободные собственники играли некоторую роль в политической жизни остготского общества. Однако отнюдь нельзя, как это делают отдельные представители буржуазной историографии, усматривать в мероприятиях остготского правительства по частичному ограничению насилий знати результат стремления короля Теодориха оградить интересы широких народных масс. Так, например, Эрнест Штейн полагает, что постановления эдикта Теодориха, направленные против правонарушений со стороны „привилегированного класса остготов“ (против применения силы для захвата имущества, патроната, похищения людей и т. п.), имели своей целью установление и обеспечение внутреннего мира в остготском государстве и защиту интересов народных масс. „Эффективная защита угнетенных“ оказала, по мнению Э. Штейна, благотворное влияние на экономическую жизнь Италии в правление короля Теодориха⁸⁷. Подобная политика ограничения знати и покровительства народу, по утверждению Э. Штейна, сделала

⁸⁴ Э. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, т. IX, М., 1956, стр. 85—93.

⁸⁵ Там же, стр. 92—93.

⁸⁶ Там же, стр. 92—98.

⁸⁷ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 133. Мнение Э. Штейна во многом совпадает со взглядами Л. М. Хартманна (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I, S. 119, 124 etc).

Теодориха кумиром римского плебса и обеспечила процветание страны⁸⁸. Другой исследователь, Ст. Мосс, также считает, что хотя в эдикте Теодориха и сохраняется привилегированное положение крупного землевладения, но все же там ограждаются и интересы угнетенных классов⁸⁹.

Анализ эдикта Теодориха и других источников опровергает это ошибочное мнение и показывает, что ограничение самовольных захватов земель и другого имущества „могущественными лицами“ имеет целью *отнюдь не защиту интересов широких народных масс, а прежде всего* отражает столкновения внутри господствующего класса остготского общества⁹⁰. Стоявшая у кормила правления остготского королевства часть высшей остготской знати не могла мириться с опасными для нее выступлениями и насилиями знати на местах и принуждена была ограничивать ее произвол, опираясь на поддержку рядовых остготских воинов. Когда же в остготском законодательстве речь идет о „низших“ слоях населения, об угнетенных народных массах, о различных категориях зависимых людей, рабах, колонах и т. п., то правительство всецело становится на защиту прав патрона и господина по отношению к зависимому населению⁹¹. Более того, законодательство остготского королевства самыми энергичными мерами охраняло многие важные привилегии крупных землевладельцев и знати по отношению также и к лично свободным, но малосостоятельным лицам, занимавшим низкое общественное положение⁹². К освещению этого вопроса мы сейчас и переходим.

* * *

Классовая направленность законодательства Теодориха получила свое яркое выражение в его установлениях, охраняющих привилегированное положение в остготском государстве знатных и богатых лиц — в отличие от свободных, но бедных граждан. В законодательстве остготского правительства, так же как и в римском праве, проводится резкая грань не только между свободными и несвободными людьми, но также и между знатными и богатыми, с одной стороны, и свободными бедняками — с другой. Примеры подобного сословного и имущественного разграничения членов общества в остготском законодательстве весьма многочисленны. Так, в эдикте Теодориха защита привилегированного общественного положения знати проявляется прежде всего в различии наказаний за одни и те же преступления для лиц знатных (*honestiores*) и незнатных (*humiliores*)⁹³. В частности, за сокрытие или продажу в рабство свободного человека для знатных лиц устанавливалось наказание в виде конфискации $\frac{1}{3}$ имущества и ссылки на 5 лет, для людей же низкого происхождения (*humiliores*) вводилась значительно более суровая кара: после наказания палками они отправлялись в вечное изгнание⁹⁴. За применение оружия с целью

⁸⁸ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 133, 156 etc.

⁸⁹ H. St. Moss. La naissance du moyen âge. Romains et barbares. Paris, 1937, p. 94.

⁹⁰ Э. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии, стр. 92—93.

⁹¹ Э. В. Удальцова. Сельское зависимое население в Италии VI в. ВДИ, № 3, 1955, стр. 86 и сл. Ср. А. Р. Корсунский. Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве в VI—VII веках. СВ, вып. IV, М., 1953, стр. 11—30.

⁹² Cassiod. Variarum, I, 19; IV, 14, 39; V, 12; IX, 18.

⁹³ А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в Римской империи. ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

⁹⁴ Eth., § 83: „Qui ingenuum celaverint, vendiderint, vel scientes comparaverint, humiliores fustibus caesi in perpetuum dirigantur exilium; honestiores, confiscata tertia parte bonorum suorum, poenam patiantur nihilominus quinquennalis exilii.“

запугивания кого-либо и за незаконное присвоение власти знатные лица наказывались изгнанием, а незнатные — после унижительного наказания палками отправлялись в вечную ссылку⁹⁵. За подкуп свидетелей или судей знатные лица приговаривались к конфискации имущества, люди же низкого происхождения — к смертной казни⁹⁶. При этом необходимо подчеркнуть, что для „могущественных“ лиц наказание было даже смягчено по сравнению с тем, которое устанавливалось за такое же преступление римским правом: согласно предписанию эдикта Теодориха, они наказывались лишь конфискацией имущества, без ссылки, предусмотренной римским законодательством⁹⁷. Тот, кто мешал хоронить умершего должника, если он был знатный человек, наказывался конфискацией $\frac{1}{3}$ имущества и изгнанием на 5 лет, если же он был человеком низкого происхождения, то его ожидало опять-таки наказание палками и вечная ссылка⁹⁸. За „чародейство“ знатные люди приговаривались к вечному изгнанию и конфискации имущества, люди же низкого происхождения — к смертной казни⁹⁹. Овдовевшая женщина знатного происхождения (*matrona vidua*) могла вступать в незаконную связь с кем-либо, бедная же и незнатная женщина предавалась за это смертной казни как виновная в совершении прелюбодеяния¹⁰⁰. Привлекает особое внимание то обстоятельство, что, в отличие от римского права, законодательство остготов устанавливает и резко подчеркивает не только различие между знатными и незнатными, но и между имущими и неимущими¹⁰¹. В ряде статей эдикта Теодориха различие между знатными и незнатными отступает на второй план и заменяется противопоставлением богатых и бедных, при этом внимание акцентируется не на происхождении данного лица, а на его имущественном положении. Особенно ярко эта тенденция проявляется в статье эдикта Теодориха, касающейся поджога чужого имущества.

За поджог чужого имущества свободный и в то же время состоятельный человек наказывался лишь возмещением ущерба, причиненного пожаром потерпевшему, бедняк же после наказания палками отправлялся в пожизненную ссылку¹⁰².

За изнасилование свободной девушки знатный человек, если он холост, обязан был жениться на ней и выделить ей $\frac{1}{3}$ своего имущества, если же он был женат, то должен был компенсировать ее передачей $\frac{1}{3}$ своего имущества. В случае же, если насильник не имел никакого имущества и был незнатного рода, он наказывался смертной казнью¹⁰³. За изнасилование чужой рабыни-девушки или оригинарии свободный и состоятельный человек наказывался передачей двух рабов в пользу господина девушки, бедняк же, жестоко битый палками, делался коллегиатом соседней городской общины¹⁰⁴.

За похороны мертвых в черте города Рима богатый человек должен был заплатить в пользу фиска штраф, равный $\frac{1}{4}$ его имущества, бедняк же, побитый палками, изгонялся из города¹⁰⁵.

⁹⁵ ETh, § 89.

⁹⁶ Ibid., § 91.

⁹⁷ Paulus, Sententia, lib. V., tit. 25, § 2.

⁹⁸ ETh, § 75.

⁹⁹ Ibid., § 108.

¹⁰⁰ Ibid., § 62.

¹⁰¹ Ibid., §§ 59, 64, 97, 111.

¹⁰² Ibid., § 97.

¹⁰³ Ibid., § 59.

¹⁰⁴ Ibid., § 64.

¹⁰⁵ Ibid., § 111. В римском праве за подобный проступок устанавливалось иное наказание — в виде конфискации $\frac{1}{3}$ имущества. Cod. Theod. IX, 17, 6.

Резкое разграничение знатных и незнатных, имущих и неимущих проводится также и в „Вариях“ Кассиодора, где всегда особо оговаривается имущественное положение и происхождение того или другого лица и часто упоминаются знатные и „могущественные“ лица, которые противопоставляются незнатным беднякам¹⁰⁶.

Таким образом, остготское законодательство не только заимствовало из римского права противопоставление знатных и незнатных членов общества и защиту прав и привилегий первых, но дополнило и развило его проведением резкой грани между имущими и неимущими, для которых вводились гораздо более суровые и унижительные наказания. В то время как богатые граждане за совершение того или иного проступка обычно наказывались лишь денежным штрафом, для неимущих лиц низкого происхождения наиболее распространенной карой за те же проступки являлось позорное наказание палками, от которого совершенно были освобождены знатные и богатые граждане. Если богатый и знатный гражданин платил за свои преступления лишь золотом, то бедняк расплачивался своими страданиями и позором.

Подобное деление общества в равной степени проводилось как по отношению к лицам готского, так и римского происхождения: в эдикте Теодориха и в других законодательных постановлениях остготских королей, содержащих указания на имущественные разграничения, нигде особо не оговаривается различие между готами и римлянами.

Разделение общества на знатных и незнатных фигурировало, конечно, и в римском праве: остготское законодательство дополнило его резким противопоставлением имущих и неимущих именно потому, что подобное разделение соответствовало реально сложившимся социальным отношениям в остготском обществе того времени. Противопоставление в законодательстве остготского государства имущих и неимущих является красноречивым свидетельством дальнейшего развития имущественной и социальной дифференциации внутри феодализирующегося остготского общества и роста влияния землевладельческой знати в Италии VI в. Смягчение наказания за одинаковые проступки для знатных и богатых граждан по сравнению с наказаниями для бедняков низкого происхождения не только говорит о социальной направленности остготского законодательства, но проливает также некоторый свет и на то, сколь тяжким и бесправным было положение свободных бедняков в Италии того времени.

Согласно многочисленным свидетельствам источников VI в., свободное трудовое население Италии сильно страдало от налогового бремени и различных злоупотреблений государственных чиновников. После завоевания Италии остготское правительство, сохранив римскую администрацию, оставило в силе и римскую налоговую систему, используя в своих интересах сложную и налаженную фискальную машину римского государства¹⁰⁷. В остготском королевстве удерживались старые римские налоги: поземельный налог, торговые сборы с купцов (*aurum negotiatorum*), пошлины со всех продаваемых товаров (*saliquaticum*) и различные другие повинности и сборы в пользу государства¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Cassiod. *Variae*, II, 24, 25; IV, 39, 40; III, 5, 20, 36; VIII, 31; IX, 18.

¹⁰⁷ Ibid., IV, 14, 38; II, 24; V, 14; XII, 8, 10, 14.

¹⁰⁸ См. П. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии, стр. 98. В научной литературе вызывает разногласия вопрос о характере упоминаемого Кассиодором налога с земли (*bina et terna* — Cassiod. *Variae*, III, 8; VII, 20, 21, 22). Большинство исследователей считают его надбавкой к поземельному налогу (Виноградов. Ук. соч., стр. 98). Виноградов высказывает интересную мысль о том, что в этот период начинается „разложение“ поземельного налога, ибо отмена прикрепления колонов к земле затрудняла его взимание, и частая переоценка

По данным Кассиодора, в остготском государстве сохранялись римские сборщики податей (*exactores* и *susceptores*), применявшие свои старые методы ограбления населения¹⁰⁹. В правление остготов уцелела старая система оценки имущества налогоплательщиков при установлении суммы налогов. Попрежнему чиновники фиска (*censitores* и *peraequatores*) производили оценку имущества и составление ценза¹¹⁰.

О тяжести налогового бремени и суровости фискальных требований остготского правительства по отношению к трудовому населению Италии свидетельствует то, что правительство строго предписывало лишать участка земли и дома (*casa*) тех земледельцев, которые не могли уплатить государственных податей¹¹¹.

Весьма важно свидетельство источников о том, что остготы были обложены налогами наряду с римлянами, хотя они и сопротивлялись этому¹¹². Кассиодор, например, рассказывает, что представители остготской знати всячески уклонялись от уплаты налогов и стремились переложить их на мелких землевладельцев¹¹³.

В остготском королевстве не исчезла и старая язва римского общества — злоупотребления и различные вымогательства со стороны чиновников фиска и судей. Размах взяточничества и казнокрадства был столь значителен, что правительство Теодориха принуждено было принять меры против злоупотреблений чиновников.

Сама суровость законодательных мер, принимавшихся правительством Теодориха против вымогательств, взяточничества и казнокрадства чиновников, уже свидетельствует о распространенности коррупции среди представителей государственной администрации в Италии в правление первых остготских королей. Характерно, что эдикт Теодориха наказывает взяточничество более сурово, чем это делает римское право. За принятие судьей взятки, вынесение в результате подкупа неправильного решения и осуждение невинного человека эдикт Теодориха карает смертной казнью¹¹⁴, в то время как в римском праве виновные в подобном преступлении наказывались ссылкой и конфискацией имущества¹¹⁵.

Без сомнения, налоговый гнет и злоупотребления чиновников фиска особенно тяжело отзывались на положении провинциального населения Италии. В этом отношении весьма показательным является предписание эдикта Теодориха, запрещающее судьям¹¹⁶ и их канцеляриям (*officium*)¹¹⁷

имущества налогоплательщиков открывала возможность для уклонения от его уплаты и для различных злоупотреблений (П. Виноградов. Ук. соч., стр. 98—99). Некоторые исследователи высказывают предположение о том, что в Италии уже в правление Одоакра аннона уплачивалась преимущественно деньгами (H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit. Stuttgart, 1931, S. 7—10, 46). В остготском королевстве, по-видимому, этот порядок сохранился, — во всяком случае, остготское правительство получало в деньгах ту „третнюю подать“, равную $\frac{1}{3}$ доходов с собственности, окончательно не разделенной между римлянами и готами, о которой сообщает Кассиодор (Cassiod. *Variae*, II, 17). Э. Штейн (E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 199) высказывает предположение о том, что в Восточной Римской империи уплата налогов в деньгах была распространена в меньшей степени, чем в Италии.

¹⁰⁹ Cassiod. *Variae*, II, 24; XII, 8, 14.

¹¹⁰ *Ibid.*, V, 14; XII, 10.

¹¹¹ *Ibid.*, IV, 14.

¹¹² *Ibid.*, I, 19; IV, 14.

¹¹³ *Ibidem*.

¹¹⁴ *Et*, § 1: „Priore itaque loco statuimus, ut si iudex acceperit pecuniam, quatinus adversum caput innocens contra leges et iuris publici cauta iudicaret, capite puniatur“.

¹¹⁵ Paulus. *Sententia*, lib. V, tit. 23, § 10: „... iudex qui in caput fortunasque hominis pecuniam accepit, in insulam bonis ademptis deportetur“. *Cod. Just.*, I, 51, 3.

¹¹⁶ *Et*, § 3.

¹¹⁷ *Ibid.*, § 4.

грабить население провинций. За ограбление провинциалов судья не только лишался своей должности, но должен был еще и уплатить пострадавшим от его вымогательств лицам незаконно полученную с них сумму в четырехкратном размере. В случае смерти виновного материальную ответственность за преступление несли его наследники¹¹⁸. Весьма знаменательным является одно важное нововведение, внесенное в законодательство остготским правительством: эдикт Теодориха возлагал ответственность за ограбление провинциалов не только на одного судью (как это было в римском праве), но и на его *officium*¹¹⁹. При этом чиновники канцелярии, как лица более низкого общественного положения, чем сам судья, должны были уплатить установленный штраф под страхом унизительного наказания палками¹²⁰. Это нововведение Теодориха наглядно показывает, насколько широко проникла коррупция в административный аппарат остготского государства.

Помимо этого, в законодательстве остготских королей имеются указания на злоупотребления судей при приеме апелляций, поданных населением на их незаконные решения¹²¹. По данным эдикта Теодориха, в провинциях Италии судьи не только отказывались принимать от населения законные апелляции, но даже сажали в тюрьму и подвергали побоям тех, кто осмеливался подавать жалобы¹²². По предписанию эдикта, за подобный проступок судья наказывался уплатой штрафа в пользу фиска в размере 10 либр золота¹²³. Это наказание распространялось, согласно нововведению Теодориха, и на *officium* судьи¹²⁴.

О том, что подобные злоупотребления со стороны судей и их канцелярий продолжались и после издания эдикта Теодориха и были, по-видимому, распространенным явлением, свидетельствуют также данные труда Кассиодора¹²⁵.

В одном из посланий Кассиодора в риторической форме высказывается требование покорности населения по отношению к судьям и умеренности и справедливости со стороны судей. Обращаясь к *поссессорам* и *куруалам* Неаполитанской городской общины, Кассиодор пишет: „Следует, чтобы вы разумно слушались (правителей. — З. У.), ибо похвально и то и другое: и чтобы хороший народ имел бы достойного судью, и мягкий судья с равным основанием мог бы управлять почтенным народом“¹²⁶.

С целью пресечения различных злоупотреблений судебных чиновников остготское правительство издает особое предписание, согласно которому решения судей обязаны выполнять исключительно судебные чиновники именно того суда, где был вынесен приговор по данному делу¹²⁷.

В правление остготов не прекращались различные вымогательства и насилия со стороны чиновников фиска. В королевскую курию постоянно поступали жалобы со стороны жителей провинций на нестерпимые вы-

¹¹⁸ ETh, § 3.

¹¹⁹ Ibid., § 4: „Officium cuiuslibet iudicii, quod quid ultra quam iussum est, exegerit, in quadruplum sub fustuaria poena cogatur exsolvere iis, quibus inlicito monstrabuntur ablata“. Cp. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 47.

¹²⁰ ETh, § 4.

¹²¹ Ibid., § 55.

¹²² Ibidem. Cp. Cod. Theod., XI, 30.

¹²³ ETh, § 55.

¹²⁴ Ibidem: „... officium quoque, cuius interest, multae legitimae subiacebit“.

¹²⁵ Cassiod. *Variae*, IV, 37; VII, 3; IX, 14; XII, 21.

¹²⁶ Ibid., VI, 24, § 2.

¹²⁷ ETh, § 73.

могательства и грабежи налоговых сборщиков¹²⁸. Особое внимание привлекают свидетельства Кассиодора о злоупотреблениях чиновников фиска (*censitores et peraequatores*) при составлении ценза. Подкупленные крупными землевладельцами, эти чиновники неверно оценивали имущество налогоплательщиков, перекадывая бремя налогов с земель „могущественных“ лиц на владения мелких собственников¹²⁹.

Эти злоупотребления были столь вопиющими, что остготское правительство было принуждено поручать иногда оценку имущества налогоплательщиков высшим государственным чиновникам и строго контролировать их¹³⁰. С целью пресечения грабежей налоговых сборщиков эдикт Теодориха настоятельно требует, чтобы сборщики податей (*susceptores*) обязательно выдавали налогоплательщикам расписки с точным указанием суммы взысканного с них налога¹³¹. Подобные расписки должны были выдаваться на имя собственника тех владений, которые подлежали обложению государственными податями. В случае утайки собранных средств сборщики податей обязаны были в четырехкратном размере уплатить собственнику земли ту сумму, которая, как он докажет на суде, была незаконно с него взыскана¹³². Эту же цель пресечения злоупотреблений со стороны чиновников фиска (*exactores et susceptores*) преследовало и другое предписание эдикта Теодориха, заимствованное из римского права: запрещение различных махинаций сборщиков податей, грабивших население посредством применения при сборе налогов неверных мер и весов¹³³.

Значительное распространение коррупции среди чиновников фиска и трудности борьбы с ней со всей очевидностью вырисовываются из многочисленных упоминаний Кассиодора о различных злоупотреблениях государственных чиновников, имевших место как в правление самого короля Теодориха, так и его преемников¹³⁴. Кассиодор сообщает о многочисленных жалобах населения провинций Испании, подвластных в то время королю Теодориху, на нестерпимые притеснения и бесчинства чиновников фиска¹³⁵. Среди преступлений сборщиков податей по отношению к населению указываются: подделка мер и весов при взимании налогов¹³⁶, незаконное увеличение налогов с арендаторов королевских имений¹³⁷, обман при взимании пошлин с заморских купцов, что угрожает упадком торговли¹³⁸, и другие злоупотребления.

Борясь против вымогательств налоговых сборщиков, законодатель особо оговаривает, чтобы с арендаторов королевских имений (*conductores domus regiae*) взимались лишь те подати, которые были установлены ранее, причем размер податей должен быть сообразован с качеством арендуемого участка¹³⁹. Для пресечения злоупотреблений при

¹²⁸ Cassiod. *Variae*, II, 24; XII, 8, 14; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. III, S. 176—177.

¹²⁹ *Ibid.*, V, 14; XII, 10.

¹³⁰ *Ibidem*.

¹³¹ ETh, § 144. Ср. Cassiod. *Variae*, IV, 38; IX, 10; XII, 2, 14.

¹³² ETh, § 144. *Cod. Theod.*, XII, 6, 18; XIII, 11, 8. *Valentiniani Nov.*, III, tit. I, cap. 3; Cassiod. *Variae*, IV, 38; IX, 10; XII, 2.

¹³³ ETh, § 149. За подобные преступления устанавливалось наказание в размере четырехкратного возмещения убытка. Ср. *Cod. Theod.*, XI, 8, 1, 3; XII, 6, 19, 21; XIII, 11, 8. *Nov. Maioriani de curialibus*, § 15; Cassiod. *Variae*, XI, 16; XII, 16, § 3.

¹³⁴ *Ibid.*, II, 24; III, 8; V, 39; XI, 8, 15, 16; XII, 2, 8, 11, 16.

¹³⁵ *Ibid.*, V, 39.

¹³⁶ *Ibid.*, V, 39, § 5.

¹³⁷ *Ibid.*, § 6.

¹³⁸ *Ibid.*, § 7, 9.

¹³⁹ *Ibid.*, § 6.

чеканке монет правительство предписывало вновь возвращать к выполнению государственных обязанностей всех монетных дел мастеров, перешедших на положение частных лиц¹⁴⁰. Особенно настойчивые жалобы населения испанских провинций вызывали злоупотребления государственных чиновников, связанные с получением различных пребенд, шедших на их содержание. Наибольшее негодование вызывали такие недостойные махинации, когда пребенды фактически взимались в двойном размере, ибо чиновники требовали вносить их сперва натурой (*in species*), а затем и в деньгах¹⁴¹.

Правительство, осуждая подобные проявления „отвратительной жадности“, требует от чиновников взимания пребенд лишь в установленном размере и только или натурой, или деньгами: „они не должны двойной выплатой отягощать чужое имущество“¹⁴². Кроме того, население жаловалось и на злоупотребления, связанные с требованиями выполнения повинности по перевозке государственных чиновников. Некоторые чиновники, имевшие в своем распоряжении предоставленных государством лошадей, сверх того требовали от населения лошадей для своих экстренных поездок¹⁴³. Незаконные действия такого рода являлись тяжким бременем для населения, и правительство принуждено было их запретить¹⁴⁴.

Из жалоб населения видно, что произвол сборщиков податей в провинциях Испании привел к значительному повышению налогового бремени по сравнению с предшествующим временем, и поэтому беспокоенное недовольством жителей правительство Теодориха предписывало, чтобы размер налогов был там уменьшен до того уровня, которого он достигал во время правления Алариха и Эврика¹⁴⁵. Кассиодор с возмущением хотя и вынуждено признает, что незаконные поборы сборщиков являются настоящим грабежом населения. „Ведь это явный грабеж, — пишет он, — давать по желанию того, кто для своей выгоды торопится взыскать больше“¹⁴⁶.

Призывая правителей Испании пресечь грабежи и вымогательства налоговых сборщиков, Кассиодор объясняет цели подобных предписаний правительства: „Ведь разумный земледелец очищает свое поле от терний, так как хвала для возделывающего, если его поле приносит ему удовольствие сладчайшими плодами. Так приятнейший покой народа и порядок в провинциях являются лучшим прославлением правящих“¹⁴⁷.

О масштабах распространения коррупции среди судебных чиновников и налоговых сборщиков можно судить по одному из посланий короля Аталариха от 526/27 гг., обращенному ко всем остготам и римлянам, где зло, причиняемое населению судебными исками об уплате налогов, сравнивается с тяготами войны: „... так как не менее важным является избежать зла войны, чем избавиться от бедствия разбирательства налоговых дел“¹⁴⁸.

В другом послании Кассиодор, бичуя пороки провинциальных судей, пишет: „Преступление равняет всех, кого оно запятнывает, и поэтому

¹⁴⁰ Cassiod. *Variae*, V, 39, § 8.

¹⁴¹ *Ibid.*, § 12.

¹⁴² *Ibidem*.

¹⁴³ *Ibid.*, § 14.

¹⁴⁴ *Ibidem*.

¹⁴⁵ *Ibid.*, § 13.

¹⁴⁶ *Ibid.*, § 2.

¹⁴⁷ *Ibid.*, § 1.

¹⁴⁸ *Ibid.*, IX, 9, § 1.

должен быть непохож на обвиняемого тот, который судит¹⁴⁹. Призывая судей быть честными, он особо подчеркивает, что судьи „...делают ясными [для всех] свои пороки, если они, на которых смотрят многие, загрязняют себя каким-либо преступлением“¹⁵⁰. „Вообще лучше не быть на виду, чем быть отмеченным общей насмешкой“, — такой сентенцией заключает свою мысль автор. При этом он добавляет: „Никакой славы не получает тот, кто называется богатым, напротив, всяческой хвалой украшается тот, кто прославляется справедливым“¹⁵¹.

В своем послании к посессорам и куриалам Неаполитанской городской общины остготское правительство стремится выставить себя защитником их интересов от притеснений государственных чиновников¹⁵². Признавая, что жители Неаполитанской общины послушно заплатили налоги в пользу государства, правительство указывает на то, что оно воздает им за это назначением на различные должности, и это должно охранять их от незаконных действий со стороны чиновников фиска¹⁵³. Составитель этого послания, Кассиодор риторически замечает, что спокойствие жителей будет радостью правительства, ибо приятен тот доход, который получен без затруднений (вызванных недовольством граждан).

Законодательные и административные меры, принимавшиеся правительством Теодориха против вымогательств и продажности чиновников фиска, отнюдь не указывают на то, что подобные злоупотребления были пресечены; эти меры служат скорее свидетельством наличия и распространения вымогательства. Эффективность этих, порою суровых предписаний была, по-видимому, незначительна: о подобных же злоупотреблениях администрации вновь и вновь, как мы видели, упоминает Кассиодор в более поздних, чем эдикт Теодориха, рескриптах остготского правительства.

Поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения некоторых буржуазных ученых, в частности, Э. Штейна¹⁵⁴ и Л. М. Хартманна¹⁵⁵, которые без достаточных оснований утверждали, что при Теодорихе налоговое бремя для населения Италии якобы было облегчено, налоги поступали регулярно, а хорошо организованная борьба с злоупотреблениями чиновников фиска будто бы обеспечила всеобщее процветание. Анализ источников, как мы видели, не подтверждает подобного мнения.

Одним из основных мотивов, побуждавшим остготское правительство пресекать злоупотребления государственных чиновников, являлось отнюдь не гуманное стремление оградить интересы беднейшего населения Италии, как предполагают некоторые буржуазные исследователи¹⁵⁶, а прежде всего — желание укрепить на местах авторитет центральной власти и подчинить местную администрацию ее контролю. Эти намерения отчетливо проступают во многих местах труда Кассиодора¹⁵⁷. Хищения местной администрации наносили ущерб интересам фиска, нарушали нормальный порядок государственного управления и судопроизводства и, что особенно важно, вызывали серьезное недовольство населения,

¹⁴⁹ Cassiod. *Variae*, XII, 2, § 4.

¹⁵⁰ *Ibidem*.

¹⁵¹ *Ibid.*, § 3.

¹⁵² *Ibid.*, VI, 24.

¹⁵³ *Ibid.*, VI, 24, § 1.

¹⁵⁴ E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 133 etc.

¹⁵⁵ L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens*. Bd. I, S. 119, 129.

¹⁵⁶ E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 132—133.

¹⁵⁷ Cassiod. *Variae*, II, 24; III, 8; V, 39; XI, 16; XII, 2, 8, 11, 14, 16 etc.

перераставшее порою в открытые выступления народных масс¹⁵⁸. Растущее недовольство населения засвидетельствовано многочисленными жалобами на нарушение законов, поступавшими из провинций Италии, что принуждено было признать само остготское правительство. В эдикте Теодориха законодатель прямо ссылается на подобные жалобы: „До нас дошли, — пишет он, — многочисленные жалобы на то, что некоторые лица в провинциях попирают предписания законов“¹⁵⁹. Население Италии (что делается очевидным из содержания эдикта) жаловалось как на притеснения и насилия знати, так и на злоупотребления государственной администрации. Кассиодор в своих посланиях также открыто признает, что незаконные поборы вызывали решительный отпор населения и опасения народных восстаний у правительства. По словам Кассиодора, „для правительства весьма опасна прибыль, полученная с враждебно настроенных [людей]“¹⁶⁰.

И действительно, всякие попытки королевской власти увеличить налоги вызывали самое решительное сопротивление населения. Как только правительство объявляло о повышении ранее установленных налогов, тотчас возникали народные волнения¹⁶¹. Остготское правительство в таких случаях принуждено было идти на уступки народным массам и вновь понижать сумму подати¹⁶².

Кассиодор вполне ясно указывает на причины подобной политики правительства. Он усматривает их в том, что народные волнения, вызванные повышением налогов, были для правительства опаснее потери доходов¹⁶³. Правительство все больше и больше должно было считаться с недовольством населения и идти на новые уступки: оно понижало налоги особенно в связи со стихийными бедствиями и нашествием внешних врагов¹⁶⁴.

В послании короля Теодориха префекту претория Фаусту от 1 сентября 509 г. рассказывается о том, как остготское правительство было принуждено освободить от уплаты поземельного налога на 510 г. налогоплательщиков области Коттийских Альп, поскольку их поля были опустошены проходившими там королевскими войсками и все посеяны уничтожены¹⁶⁵. Как река в своем бурном разливе затопляет прибрежные долины, так и войска готов во время своего похода опустошили возделанные поля жителей этой области, — пишет по этому поводу ученый советник короля Кассиодор¹⁶⁶. Поэтому, поясняет он далее, правительство должно было подать спасительную руку помощи пострадавшим, „чтобы недовольные не сказали бы, что они одни погибли во имя защиты всех других: пусть лучше предадутся радости те, которые предоставили дорогу защитникам Италии. Не должны в печали уплачивать налоги те, благодаря которым я счастливо приобрел налогоплательщиков“¹⁶⁷. Этот текст из послания короля Теодориха привлекает внимание прежде всего содержащимся в нем прямым указанием на то, что остготское прави-

¹⁵⁸ Э. В. Удальцова. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, т. X, М., 1956, стр. 9—27.

¹⁵⁹ ETh, Praefatio: „Querelae ad nos plurimae pervenerunt, intra provincias nonnullos legum praecepta calcare“.

¹⁶⁰ Cassiod. *Variae*, I, 26.

¹⁶¹ Ibid., IV, 38.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ Ibid., III, 32; XII, 7.

¹⁶⁵ Ibid., IV, 36, § 1.

¹⁶⁶ Ibid., IV, 36, § 2.

¹⁶⁷ Ibid., § 3.

тельство было принуждено даровать населению Коттийских Альп отсрочку по уплате налогов вследствие недовольства жителей, пострадавших по вине королевских войск. Вместе с тем, как видно из приведенного отрывка, остготское правительство надеялось компенсировать свои потери за счет получения налогов с новых налогоплательщиков во вновь завоеванных областях. В том же послании короля Теодориха приводятся и другие, чисто практические соображения, заставившие остготское правительство предоставить некоторые льготы налогоплательщикам. Важнейшей побудительной причиной дарования подобных „милостей“ было опасение правительства, что непомерные тяготы и притеснения совершенно разорят жителей и они уже больше не смогут платить налоги. На этом основании правительство Теодориха приходит к благоразумному выводу: „Ведь лучше пренебречь теперешним ущербом, чем из-за незначительной прибыли потерять навсегда“¹⁶⁸.

Эта же мысль проводится и в других посланиях остготского правительства. Так, например, в письме, обращенном к населению Далмации по поводу отрешения от должности правителя этой провинции, притеснявшего жителей непомерными налогами, следующим образом объясняются причины, заставившие правительство внять жалобам населения и заменить притеснителя более „справедливым“ наместником Осуаном. „Разумеется, — говорится в послании, — долг [всякого] правителя — любить то, что является благом для многих, ибо государство крепнет, если налогоплательщики не будут разорены“¹⁶⁹.

В труде Кассиодора упоминаются и другие случаи, когда остготское правительство, опасаясь полного разорения налогоплательщиков, принуждено было приходить им на помощь. Так, во время правления короля Теодата (в 535—536 гг.) остготское правительство должно было, во избежание гибели населения, продавать из государственных запасов хлеб голодающим жителям Лигурии и области венецов¹⁷⁰. Рассказывая о бедствиях населения этих провинций, Кассиодор пишет: „Так вот у усердных лигуров и преданных [нам] венецов все запасы, говорят, были унесены с полей: но теперь пусть они возродятся в амбарах, так как чересчур будет безобразно при полных складах заставить голодать работников земли, оставшихся с пустыми руками“¹⁷¹. Исходя из этого, король Теодат приказал префекту претория Кассиодору отдать распоряжение о продаже лигурам $\frac{1}{3}$ хлебных запасов Тичинских и Дертонских складов по цене 1 золотой солид за 25 модиев хлеба, а венецам из складов Тарвизианских и Тридентинских $\frac{1}{3}$ запасов на тех же условиях¹⁷². В послании Теодата весьма откровенно указывается на то, что помощь должна быть оказана только тем, от кого в будущем государство может получить пользу в виде уплаты ими налогов. „Может быть, — говорится в послании, — на щедроты захотят питаться бездельники: но тот, кто обрабатывает поле, обрекается в будущем на голод, если ему не придти на помощь именно тогда, когда будет нужно“¹⁷³. Более того, автор послания утверждает, что тот, кто спешит придти на помощь своим налогоплательщикам налогов, оказывает ее, чтобы возратить в будущем свои затраты¹⁷⁴.

¹⁶⁸ Cassiod. *Variae*, IV, 36, § 1.

¹⁶⁹ *Ibid.*, IX, 9, § 5.

¹⁷⁰ *Ibid.*, X, 27.

¹⁷¹ *Ibid.*, X, 27, § 2.

¹⁷² *Ibid.*, X, 27, X, 27, § 2, 3.

¹⁷³ *Ibid.*, § 1.

¹⁷⁴ *Ibidem*.

Во время особенно тяжелых бедствий правительство принуждено было даже прибегать к раздаче населению денег, но опять-таки для того, „... чтобы те, кто обнищали, так как тяжесть нужды их подавила, вновь поднялись бы“¹⁷⁵. В выпренних выражениях Кассиодор призывает плательщиков податей „восчувствовать милосердие государей, которые при изменившихся условиях берут из казначейства то, что обычно вы туда вносили“¹⁷⁶.

После опустошения провинций Эмилии и Лигурии войсками бургундов правительство продавало голодающему населению хлеб по цене 1 солид за 25 модиев, в то время как продажная цена хлеба была 1 солид за 10 модиев¹⁷⁷. Кассиодор прославляет в своем послании подобное „благоденствие“ и льстиво восхваляет щедроты остготского правительства. Горьким сарказмом по отношению к несчастным жителям этих провинций звучат его льстивые слова: „Провинции постиг голод во славу нашего государя: поля стали бесплодны, чтобы была познана щедрость нашего правителя. Менее приятным был бы дар, если бы ему не предшествовало несчастье. Радуйтесь, провинции, и воздавайте скорее благодарность вашим бедствиям, так как вы имеете доказательство [величия] души вашего государя, которая не склоняется ни перед какими тяжелыми обстоятельствами“¹⁷⁸.

Таким образом, источники проливают некоторый свет на причины, заставившие остготское правительство несколько ограничить непомерную жадность чиновников фиска и судей: наряду со стремлением укрепить авторитет центральной власти, подобные меры были вызваны также опасением недовольства и выступлений народных масс и желанием их предотвратить. Кроме того, меры остготского правительства, направленные на пресечение вымогательств чиновников фиска, могли быть вызваны и нажимом со стороны крупных земельных собственников, также недовольных злоупотреблениями при сборе податей¹⁷⁹. Но, конечно, не подлежит сомнению, что более всего страдало от государственных налогов и вымогательству чиновников фиска именно свободное крестьянство Италии, непосредственно уплачивавшее налоги в казну.

Наряду с многочисленными демагогическими призывами к чиновникам фиска не грабить население и не обременять налогоплательщиков незаконными поборами, наряду с прославлением щедрости правителей, дарующих различные льготы плательщикам податей, остготское правительство во всех своих рескриптах и посланиях с особой силой подчеркивало, что первой обязанностью подданного является уплата податей, и только аккуратным внесением налогов он может заслужить похвалу государя¹⁸⁰.

Кассиодор в патетических выражениях восхваляет преданность тех граждан, которые „с радостью“ уплачивают подати; он пишет о том,

¹⁷⁵ Cassiod. *Variae*, XI, 15, § 1. Во время страшного голода в Лигурии в 534 г. правительство раздало 100 фунтов золота из казны особенно нуждавшимся гражданам. Наиболее пострадала в это время Гастенская городская община, совершенно заданная налогами, поэтому правительство должно было даровать ей льготы по уплате податей. *Ibid.*, § 2.

¹⁷⁶ *Ibid.*, XI, 15, § 2.

¹⁷⁷ *Ibid.*, XII, 28, § 8.

¹⁷⁸ *Ibid.*, XII, 28, § 1.

¹⁷⁹ На это косвенным образом указывает предписание эдикта Теодориха, обязывающее сборщиков податей выдавать расписки на имя собственников земельных владений. При этом, для возбуждения судебного преследования против недобросовестного сборщика, владелец земли, по-видимому, должен был располагать известными средствами, необходимыми для ведения судебного процесса (*ETh.*, § 144).

¹⁸⁰ Cassiod. *Variae*, XI, 7, § 1; XII, 16, § 1, 2.

„как прекрасно без страха присутствовать на форуме, не бояться фиска“ и выполнять свой долг не по принуждению, а по доброй воле¹⁸¹. Автор „*Variae*“ отмечает, что сила и могущество государства зиждятся прежде всего на государственных налогах¹⁸², а забота о регулярном поступлении налогов является важнейшей обязанностью всех правителей, и на ней покоится порядок в государстве¹⁸³. Правительство требовало точной уплаты налогов и отменяло все отсрочки по их взносам¹⁸⁴. Кассиодор при этом следующим образом мотивирует эти мероприятия правительства: „Ведь отсрочка [уплаты] налога становится причиной большего убытка, когда напрасно откладывается то, чего нельзя избежать никаким промедлением“¹⁸⁵. Одновременно он указывает и на злоупотребления чиновников фиска, которые за взятки предоставляли плательщикам отсрочки по внесению налогов, что должно быть пресечено самыми строгими мерами¹⁸⁶.

Остготское правительство требовало от правителей провинций точных сведений о количестве налогов и неукоснительного их взимания под угрозой штрафа¹⁸⁷. За несвоевременный сбор налогов правительство угрожало всем наместникам провинций и провинциальным судьям самыми строгими карами, вплоть до возмещения несобранных налогов из их состояния¹⁸⁸, и предупреждало о том, что за ними самими правительство установило самый бдительный надзор¹⁸⁹. Одновременно оно обещало награды тем, кто точно выполнит все его предписания¹⁹⁰.

Для обеспечения взимания податей остготское правительство посылало в помощь наместникам провинций своих солдат, которые должны были „воздействовать“ на налогоплательщиков¹⁹¹. В то же время оно лицемерно убеждало правителей воздерживаться от насилий. „Итак, действуйте, — писал Кассиодор, — но пусть ко мне скорее приходят похвалы вам, чем жалобы на вас“¹⁹².

Таким образом, несмотря на то, что остготское правительство иногда принуждено было лавировать и идти на некоторые уступки населению, основной целью его налоговой политики, конечно, оставалось полное обеспечение самыми строгими мерами неукоснительного поступления всех налогов с подвластного ему населения Италии.

Помимо государственных налогов и податей, свободное, но неимущее население Италии весьма сильно страдало также и от долговой кабалы и преследований кредиторов. Остготское законодательство восприняло из римского права суровые предписания против несостоятельных должников¹⁹³, особенно против должников фиска¹⁹⁴.

О крайней жестокости и беспощадности кредиторов по отношению к беднякам свидетельствуют данные эдикта Теодориха о случаях, когда кредиторы мешали родным предать погребению тело умершего несостоя-

181 *Cassiod. Variae*, XI, 7, § 2. Ср. XII, 16, § 2.

182 *Ibid.*, XII, 16, § 1.

183 *Ibidem*.

184 *Ibid.*, XI, 7, § 3, 4; XII, 2, § 5, 6.

185 *Ibid.*, XII, 2, § 5.

186 *Ibidem*.

187 *Ibid.*, § 6; XII, 16, § 4.

188 *Ibid.*, XII, 16, § 4.

189 *Ibid.*, XI, 7, § 4, 5.

190 *Ibid.*, XI, 7, § 5.

191 *Ibid.*, XI, 7, § 5; XII, 2, § 6; XII, 16, § 4.

192 *Ibid.*, XI, 7, § 5.

193 *ETh*, § 131.

194 *Ibid.*, § 71.

тельного должника¹⁹⁵. Один современник с возмущением рассказывал о том, что он лично наблюдал подобные трагические сцены: „... сколько раз я видел, как умершие задерживаются ростовщиками вместо залога, и им отказано в погребении, пока не будет уплачен долг“¹⁹⁶.

Подобные случаи свидетельствуют не только о беспощадности ростовщиков, но также и о бедственном положении неимущего, хотя и свободного населения Италии, обремененного непосильными долгами. Остготское правительство принуждено было включить в свое законодательство постановления, несколько ограничивавшие долговую кабалу, широко используя при этом предписания римского права¹⁹⁷. Так, например, эдикт Теодориха запрещает насильственным путем взыскивать долг с должника, который решительно и настойчиво утверждает, что долг им уже был уплачен. За насильственные меры, примененные в подобном случае кредитором, последний подлежит наказанию в виде уплаты должнику незаконно взысканной с него суммы в четырехкратном размере¹⁹⁸.

Законодательство остготского правительства принимало некоторые меры и по ограничению ростовщичества и взиманию незаконных процентов¹⁹⁹. Однако бросается в глаза то обстоятельство, что остготское (так же, как и римское) законодательство защищает интересы преимущественно должников из числа привилегированных слоев населения, располагающих известным имуществом: наиболее решительные меры принимаются против захвата кредиторами имущества, отданного в залог²⁰⁰. В подобных случаях правительство заботилось отнюдь не о защите прав беднейшего населения Италии, а главным образом — об охране интересов крупных собственников.

Одновременно, согласно законодательству остготов, право церковного убежища для несостоятельных должников было значительно ограничено установлением материальной ответственности духовенства за уплату долга²⁰¹.

Вместе с тем, если мы вспомним, что предписания эдикта Теодориха в равной степени распространялись как на римлян, так и на остготов, то станет очевидным, что включение в эдикт ряда статей, касавшихся долговой кабалы, ростовщичества и взаимоотношений между кредиторами и должниками, указывает на развитие долговых операций, а вместе с тем и долговой кабалы не только среди римского, но и „варварского“ населения Италии. Это, естественно, способствовало дальнейшему имущественному и социальному расслоению среди остготов.

Разорение свободного населения Италии приводило иногда к тому, что родители, не имевшие средств для прокормления себя и своей семьи, принуждены были продавать своих детей в рабство. Эдикт по этому поводу предписывал: „Если родители продают своих сыновей под влиянием крайней нужды — ради пропитания, то те [сыновья] не теряют своей свободы“²⁰². В других случаях, движимые крайней нуждой, свободные бедняки отдавали в залог кредиторам своих детей или закладывали и

¹⁹⁵ ETh, § 75. Cp. Cod. Just., IX, 19, 6.

¹⁹⁶ Ambrosius in Tobia, cap. 10: „... quotiens vidi a foeneratoribus teneri defunctos pro pignore, et negari tumulum, dum foenus exposcitur“.

¹⁹⁷ ETh, § 126, 134.

¹⁹⁸ Ibid., § 126.

¹⁹⁹ Ibid., § 134.

²⁰⁰ Ibid., §§ 123, 124, 135.

²⁰¹ Ibid., § 71, 126.

²⁰² Ibid., § 94.

сдавали „в наем“ их труд²⁰³. Относительно этого эдикт Теодориха предписывает следующее: „И никоим образом сыновья не могут быть отданы родителями кому-либо в качестве залога, и если, зная об этом, кредитор примет от родителей в качестве залога свободных [сыновей], то он отправляется в ссылку; ведь родители могут сдавать „в наем“ (locare) только труд сыновей, причем тех, которые еще находятся в их власти²⁰⁴. Очевидно, что разоренные свободные крестьяне Италии, в случаях крайней нищеты, принуждены были сдавать во временное пользование труд своих детей, посылая их на работы в имения крупных землевладельцев. Остготское правительство, запрещая отдавать свободным родителям в рабство и в залог кредиторам своих детей, фактически санкционировало сдачу их труда „в наем“ по договору *locatio-conductio*, что, конечно, было сделано в целях обеспечения работниками имений крупных землевладельцев.

Таким образом, беднейшее свободное население Италии в тот период истории остготского королевства, когда у кормила правления находилась остготская знать, продолжало страдать от тяжелых государственных налогов и злоупотреблений администрации, от притеснений и насилий со стороны знати²⁰⁵, от долговой кабалы и вымогательств ростовщиков.

Углубление социальной и имущественной дифференциации среди свободных готов и римлян приводило к тому, что часть обедневшего сельского населения Италии превращалась в зависимых людей, теряла свою землю и, движимая нуждой, вступала под патронат „могущественных“ лиц.

Рассмотрев довольно скудные данные источников о мелком свободном землевладении в остготском королевстве в конце V—начале VI в., мы приходим к заключению, что удельный вес мелкой крестьянской собственности в социально-экономической жизни Италии несколько возрос после остготского завоевания. Вместе с тем, при современном состоянии источников нет возможности с полной точностью определить масштабы распространения мелкого свободного землевладения и его соотношения с крупным землевладением остготской и римской знати. Однако мы можем наметить общую тенденцию развития остготского общества того времени. В основном эта историческая тенденция сводилась к тому, что мелкое свободное землевладение, несколько возросшее непосредственно после завоевания остготами Италии, в дальнейшем хотя и сохраняло некоторое значение, но постепенно все больше и больше начало уступать свои позиции крупному землевладению остготской и римской феодализирующейся знати.

В связи с общим процессом развития феодальных отношений в Италии уже началось поглощение мелкой свободной собственности крупным землевладением. Общинные отношения у остготов после завоевания Италии подверглись сильному воздействию частнособственнических форм хозяйства, господствовавших на Апеннинском полуострове, и, по-видимому, стали довольно быстро разлагаться²⁰⁶. Дальнейшее развитие остготского

²⁰³ ETh, § 94, 95; И. В. Шерешевский (Правовое регулирование „наемного труда“ в Риме, стр. 49 и сл.) считает, что „сдача в наем“ свободного человека по договору *locatio-conductio* была близка к самопродаже, и этот человек попадал в положение, весьма приближающееся к положению раба.

²⁰⁴ ETh, § 95. Ср. Paulus. Sententia, lib. V, tit. I, § 1.

²⁰⁵ Э. В. Удалцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, т. IX, М., 1956, стр. 89—104.

²⁰⁶ Вопрос об общинных отношениях у остготов, представляющий большую сложность, не может быть освещен в рамках данной статьи и явится предметом специального исследования автора.

общества пошло по пути укрепления и расширения крупного землевладения.

На основе этих изменений в отношениях собственности протекал процесс формирования основных классов будущего феодального общества. Разорвавшиеся мелкие земельные собственники Италии составили в дальнейшем один из важных элементов складывающегося класса феодально-зависимого крестьянства.

М. Я. СЮЗУМОВ

ЭКОНОМИКА ПРИГОРОДОВ ВИЗАНТИЙСКИХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

Большой византийский город экономически был связан с подгородным районом, который должен был в основном снабжать население города необходимыми продуктами питания и т. п. (Πάσαν ἀφορμὴν εὐζωίας τοῖς πολίταις δωρούμενα)¹.

В условиях, когда национального рынка еще не существовало, когда экономическое единство Византии, естественно, отсутствовало, города с прилегающими к ним районами были разъединенными товарно-хозяйственными центрами, находившимися в окружении сельских районов, где хозяйство продолжало оставаться натуральным. Самое развитие товарных связей в феодальном обществе было неравномерным: незначительным на большей части территории страны и весьма оживленным в районах больших городов².

Как в античных государствах, так и в Византии окрестности городов в административно-правовом отношении включались в состав городского района. Горожане владели участками земли на территориях, прилегающих к городу; жители пригородных и подгородных районов в свою очередь как бы находились в черте действия городского права.

Византийские источники нигде точно не определяют пригородного района столицы, не раскрывают его административного устройства. Арабские авторы сохранили сведения о наличии вокруг города Константинополя особой фемы Тафра-Таблан-Талаја.

По сообщениям Ибн-Хордадбега и Ибн-ал-Факиха (IX—X вв.), существовала провинция Тафла с Константинополем. Границами ее служили на востоке — пролив от Хазарского до Сирийского моря, на юге — Сирийское море. От Сирийского до Хазарского моря построены Μακρὰν Τίχων, т. е. Длинные стены. Они имеют в длину 4 дня пути и отстоят от Константинополя на 2 дня пути³.

Известия Ибн-Хордадбега дополняет Масуди, который пишет, что большая часть земель этой провинции принадлежит императору и патрициям и используется в качестве пастбищ для их скота⁴.

Арабские писатели сочили особое положение пригородных

¹ PG, t. 109, col. 532.

² См. мою статью „Роль городов-эмпориев в истории Византии“. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 27—28.

³ Прокопий несколько иначе определяет положение Длинные стены: „Они построены на расстоянии 40 миль от Константинополя и имеют в длину два дня пути“ (Procopii Caesariensis De aedificiis. Bonnae, 1838).

⁴ H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. In: Abhandlungen der Philol.-Histor. Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft. Bd. XVIII, N° 5.

районов столицы за признак того, что они образуют якобы некий административный район, фему Тафра.

Этимологию этого странного слова выяснил А. Грегуар: по его мнению, слово „Тафла“ (Табла) происходит от греческого *κόμης τῶν σταύλων*. Дело в том, что в окрестностях Константинополя было расположено большое число императорских конюшен, вследствие чего предместья Константинополя находились во многих отношениях в ведении начальника конюшен⁵. Нам кажется, что подобное истолкование смысла слова „Тафла“ и разъяснение вопроса о происхождении известия относительно фемы вокруг Константинополя заслуживают признания^{5а}.

Арабские путешественники, будучи людьми, связанными с торговыми делами, прекрасно были осведомлены об экономических особенностях пригородных районов столицы, и, поскольку *κόμης σταύλων* действительно имел широкие полномочия в районе императорских поместий, арабы могли думать, что этот район находился под его административной властью.

По Ульгиану, юрисдикция префекта Рима распространялась на территорию в 100 миль в окружности⁶. Этот порядок распространялся и на Константинополь⁷. Окрестности Константинополя на запад от города были ограждены Длинной стеной, построенной Анастасием. Это был основной пригородный район Константинополя.

Однако в VI в. и район западнее стен назывался „городской“ территорией (*ἄστική*)⁸. Вся эта местность должна была находиться в ведении епарха Константинополя.

С VIII в. положение стало изменяться. Власть городского епарха расширилась в связи с упразднением должности *praefectus praetorii*.

Если в IV—VI вв. юрисдикция епарха в делах ремесла и торговли ограничивалась городской территорией⁹, то в X в. она простиралась и на территорию, находившуюся за пределами города. В Книге епарха имеется косвенное указание о праве епарха производить следствие по делам аргиропратов и вне города¹⁰.

Право епарха регулировать торговлю вне городских стен показывает ст. IX, 6. В ст. XV, 3 епарху предоставляется право наблюдения за торговлей вплоть до реки Сангария (т. е. Никомедии). Поскольку власть *praefecti praetorii* перешла к *praefecto urbi*, „городская“ юрисдикция епарха, распространенная на 100-мильную полосу вокруг столицы, превратилась в юрисдикцию относительно *τέχνη* в широком смысле слова. Характерно, что, согласно *Ecloga Basilicorum*, компетенции епарха подлежало ремесло вообще (*ὁ ἐπαρχὸς ἐξουσίαν ἔχει ἐπὶ πᾶσι τοῖς συστηματικοῖς καὶ ιδιώταις τέχνην οἰκονομητικὰ μετερχομένοις*)¹¹.

⁵ H. Gregoire. La thème byzantine de Tafla-Tablan et le *κόμης τῶν σταύλων*. „La Nouvelle Klío“, 4, 52.

^{5а} A. Pertusi (Il preteso thema bizantino di Talaya (O Tajala o Tafala) la regione suburbana di Constantinopoli. BZ, Bd. 49, 1956, S. 85) производит Talaya от *τάλαριον*. Это правдоподобно, но не может объяснить происхождения формы Tafla Хордадбеха.

⁶ Dig., 1, 12, 1, 4: „Si quid intra centesimum miliarium admissum sit ad praefectum Urbi pertinet“.

⁷ Cod. Just., XI, 21; Bas., LIV, 23; VI, 4, 2.

⁸ Прокопий. Война с готами, III—VII, 40, 43, М., 1950.

Агафий, описывая поход славян к Константинополю, сначала рассказывает о разорении окрестностей города („даже окрестности столицы терпели бедствия от варваров“), после чего мы читаем у него: „Пройдя дальше, они легко преодолели Длинные стены и подошли к укреплениям, расположенным внутри...“ (Агафий. О царствовании Юстиниана, М.—Л., 1953).

⁹ Bas., VI, 4, 13.

¹⁰ Книга епарха, II.

¹¹ См. также Петра, LI, 29.

Право эпарха разбирать судебные дела в сфере торговли и ремесла в 100-мильной полосе было распространено и на провинцию — рассмотрение этих дел стало особой функцией эпарха в государственном масштабе.

Положения о 100-мильной полосе в некотором отношении сохранили силу и в XI в. В Пире патрикий Евстафий разъясняет, что в Риме город был ограничен 100-мильной полосой, и добавляет: „τοῦτο δὲ καὶ νῦν ἐγέμετο. . .“ (Πεῦρα, LI, 3’).

Пригородным районом столицы и в XII в. считалась окрестная территория, примерно, в таком же радиусе. В новелле Мануила от 1158 г. перечислялись „пригородные“ монастыри — κατ’ αὐτὴν τὴν βασιλίδαν τῶν πόλεων διαχειρόμενοι¹².

Император закрепил за этими монастырями различные привилегии. При этом он называет „пригородными“ монастыри, расположенные на малоазиатском побережье (вплоть до г. Никомедии) и на островах, включая Принцевы острова; на европейской же стороне — вплоть до городка Афиры. Местоположение последней довольно точно определено Прокопием в его труде „О постройках“ (IV, 8). Афира находилась западнее Региа, т. е. почти у Длинных стен. Так как далее простиралась территория, входившая в фему Фракии и Македонии, то этот городок может считаться крайним на европейском побережье пунктом „городского“ округа. В источниках имеются также косвенные данные о его границах, а именно: когда император возвращался из похода или из путешествия со стороны Малой Азии, городской эпарх должен был его встречать в Полеатиконе, расположенном на расстоянии около 30 км южнее Константинополя (по морскому берегу)¹³. Это был самый отдаленный пункт на азиатском берегу. С запада же эпарх города встречал императора либо у Θεόλογος (гавань на берегу Пропонтиды), либо у Hebdomon, либо у Региа. Это προστατεῖον τῆς πόλεως. Именно сюда прибыл император Иоанн Палеолог, возвращаясь с Флорентийского собора¹⁴.

В византийских юридических документах мы не находим данных относительно отличий в правовом отношении жителей городов и жителей предместий. Крупные византийские торговые города не превратились в аристократические республики, как города фемы Далмации [в Катаро, например, существовали резкие разграничения в правовом отношении между cives (городское население), с одной стороны, и comitativus и districtualis (население пригородов)¹⁵ — с другой].

В Византии право гражданства жителей городов не имело такого значения, как в городских республиках Италии. Тем не менее, фактически существовало известное юридическое отличие жителя данного города, особенно столичного, от иногороднего. Это отличие распространялось и на жителей пригородных районов.

В комментариях к Номоканону Вальсамон отмечает случай, когда закон имел силу только в Константинополе и в его окрестностях: „Этот закон действителен только для столицы и ее округа“ — ταῦτα δὲ κρατεῖ ἐν μόνῃ τῇ βασιλευούσῃ καὶ τῇ ἐνορίᾳ αὐτῆς¹⁶. Жители окрестностей города, включенные в состав городского района, облагались общими повинностями горожан — „живущий не в городе, а в окрестности его выполняет

¹² Jus, t. III, p. 450.

¹³ De cerimoniis. PG, t. 112, col. 937.

¹⁴ R. Janin. Constantinople byzantin. Paris, 1950, p. 415.

¹⁵ Ср. Statuta et leges civitatis Cathari. Venetiis, 1616; I. Sindik. Komunalno uredjenje Kotora. Beograd, 1950, p. 36—41.

¹⁶ Номоканон Фотия, Комментар. VI, 1, изд. Нарбекова, Казань, 1839.

повинности так же, как если бы жил в самом городе: «οἱ οἰκοῦντες ἐν ἐνορίᾳ πόλεώς τινι ὡς μέτοικοι λειτουργοῦσι καὶ τιμὰς πράττουσι, ἄρα οὖν ὁ μὴ οἰκῶν ἐν αὐτῇ τῇ πόλει, ἀλλ' ἐν τῇ ἐνορίᾳ αὐτῆς, οὕτως λειτουργεῖ, ὡς ὁ ἐν αὐτῇ τῇ πόλει οἰκῶν»¹⁷. Хотя жители пригородов и считались горожанами, но к ним относились с некоторым пренебрежением. В известном стихотворении Продрома жена поэта в гневе на мужа говорит, что ему следовало бы жениться на какой-либо грязнуле из пригородов! Жалкая беднота ютилась в хижинах за городскими стенами, в предместьях¹⁸.

Как видно на примере Фессалоники, городское население образовывало ополчение τὸ στρατιωτικόν, а население подгородных сел — τὸ παγχλικόν¹⁹. Во время нападения врагов на город Фессалонику это деревенское население не могло быть привлечено к обороне, так как находилось на уборочных работах.

Тесная связь пригородных сел с городом не ограничивалась, таким образом, торговлей, а носила также административно-военный характер.

Для защиты города во время осады привлекалось большое ополчение μέγα ἀλλάγιον²⁰. По закону Юстина, такое ополчение τὸ περὶ τὴν πόλιν ἐπιλιτικόν не обязано было выходить в поход: оно должно было защищать только свой город²¹. „Χωρεῖται ἔξωθεν τῆς πόλεως“ в районе 100-мильной полосы считались горожанами Константинополя и подчинялись юрисдикции городского эпарха или судебных учреждений города. Это правило распространялось и на сенаторов, которые жили в предместьях города (в противоположность сенаторам, жившим в провинциях — οἱ συγκλητικοὶ ἐν ταῖς χρηματικαῖς ὑποθέσειν, ἐν μὲν Κωνσταντινούπολει ὄντες, ἢ ἐν τοῖς προαστείοις αὐτῆς, παρὰ μόνῳ τῷ ἐπάρχῳ... ἐπάγονται)²². Жители окрестностей столицы противопоставлялись крестьянам прочих местностей страны. В Пире приводится разъяснение патрикия Евстафия о том, что хориты, т. е. крестьяне, живущие в пределах 100-мильной полосы в окрестностях города, не имеют тех привилегий, которыми пользуются крестьяне остальных районов страны. Новеллы X в., ограничивавшие права динатов на покупку крестьянских земель, не относились, однако, к крестьянским землям, расположенным в окрестностях столицы²³.

В Пире говорится также об обязательном возвращении крестьянам-беднякам незаконно купленной у них земли, и тут же прибавляется, что это не относится к „политам“, „горожанам“. Очевидно, под „политами“ имелась в виду крестьяне-собственники пригородных участков земли²⁴.

Смысл такого толкования новелл X в. Пирой вполне ясен: столичная сановная знать и разбогатевшие столичные землевладельцы стремились поддерживать законодательство, ограничивавшее права провинциальных динатов, но совсем не склонны были ограничивать свои права и возможности собственного обогащения. В хозяйственном отношении пригород-

¹⁷ Bas., 54, 2, 3 — Cod. Just., X, 40, 3.

¹⁸ Данные относятся к VIII в. PG, t. 116, col. 360.

¹⁹ PG, t. 116, col. 1280—1292.

²⁰ По А. Гейзенбергу („Aus der Geschichte der Paläolog. Zeit“, 1920) — это сторожевой отряд около Константинополя; по Дэльгеру („Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges“. München, 1948, 50, 2) — вообще полевой военный отряд, действующий вне города, но защищающий город.

²¹ Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo, VII, 3. 4.

²² Bas., 7, 5, 90 — Cod. Just., III, 24, 2.

²³ Ὅτι ἑκατὸν μιλίων ἢ πόλις ὀρίζεται. τοῦτο ἔλεγεν ὁ πατρίκιος ἐπινοηθῆναι τὴν Ῥώμην... ἐνομοθέτησεν ἡ σύγκλητος ἄχρις ἑκατὸν μιλίων τοὺς οἰκούντας ἐκτὸς τῆς πόλεως πολίτας ὀνομάζεσθαι. Τοῦτο δὲ καὶ νῦν ἐγένετο. οἱ γὰρ ἄχρις ῥ' μιλίων οἰκούντες χωρεῖται... οὐκ ἔχουσι τὰ προνόμια, ἃ ἔχουσιν οἱ ἐπίκειναι τῶν ῥ' μιλίων οἰκούντες... Πείρα, LI, 9'.

²⁴ ὅτι δυνατοὶ παρὰ πτωχῶν ὠνοούμενοι... διώκονται... Στρατιώται... διὰ τεσσαρακονταετίας... δεσπόζουσι, ὡς αὐτοὶ καὶ ἐπὶ τῶν πολιτῶν. Πείρα, IX, γ', δ'.

ные районы были настолько связаны с экономикой города, что аннулирование сделок имело бы тяжелые последствия для товарного обращения в целом. Земельные участки, находившиеся в окрестностях города, представляли собою бóльшую ценность, чем провинциальные, и являлись поэтому особенно важными для покупателей-горожан. Поэтому земли, приобретенные в подгородном районе, не возвращались бедняку.

Стоит отметить, что данное толкование Евстафия само по себе не вытекает ни из новеллы Константина Багрянородного (949 г.), ни из новеллы Василия II (996 г.). Но, очевидно, городская знать сумела внести соответствующее разъяснение, опираясь на то, что новеллы императоров имели в виду только фемные районы, и не могли относиться к 100-мильной полосе вокруг Константинополя.

Характерно, что по Книге епарха перекупка скота разрешалась только за рекой Сангарий. Это совершенно понятно: коль скоро скупка с целью спекуляции запрещалась в пределах города, то этот порядок действовал и в пригородной полосе. Но за пределами 100-мильной полосы закон, действительный для города, уже не имел силы²⁵. Таким образом, правопорядки столичного района имели некоторые особенности в сравнении с провинцией.

Подгородные районы существовали и вблизи других больших городов. Конечно, на них не распространялось положение о 100-мильной полосе, но, тем не менее, пригороды и подгородные деревни, имения и монастыри в окрестностях больших городов, находясь в тесной экономической связи с городом, составляли с ним как бы единое целое. Особенно ярко это можно проследить на примере Фессалоники — самого крупного после Константинополя города.

Иоанн Камениата (X в.), описывая окрестности Фессалоники, отмечал, что, с одной стороны, они представляли собой пышные сады, виноградники, со множеством подгородных монастырей, с другой — участки пахотной земли — *πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιμελείας ἐπιτηδεύσιν παρεχόμενον*²⁶, где жили подгородные крестьяне: *τὸ δὲ πεδίον ἀνεῖται τοῖς γεωργοῖς*. Полоса вокруг города в источниках IX—X вв. называлась *πᾶσα περίοικος*²⁷.

Иногда земли вокруг города (независимо от того, идет ли речь о столице или о провинциальном городе)²⁸, связанные с ним в хозяйственном отношении, назывались проаствиями. Дословный славянский перевод слова проаствий — предградье. Вместо слова проаствий иногда употребляется описательное выражение *πρὸ ἄστεως χωρίον*²⁹, что подчеркивает этимологическое значение данного слова.

Неоспорима преемственная связь византийского проаствия с римским *suburbium*. Проаствий (с точки зрения его экономического значения) — категория рабовладельческого хозяйства. В Римском государстве крупный или мелкий рабовладелец, постоянным местопребыванием которого являлся город, жил за счет труда своих рабов, работавших в *suburbana*. Именно хозяйства субурбийев фактически обеспечивали всем необходимым всякий большой город, в частности Рим. Субурбий был тесно связан с экономикой города³¹. В *suburbana* позднеримского времени работали

²⁵ Книга епарха, XV, 3.

²⁶ PG, t. 109, col. 533.

²⁷ PG, t. 105, col. 312.

²⁸ ὁ δὲ Καρδαρίγας καταλαβὼν τὴν Μαρτυροπόλιν ταύτης τὰ προάστια ἐμπρήσας πάντα ὑπέστραψεν. The orphanis Chronographia, ed. C. de Boor, 1883, p. 254.

²⁹ Μ. Ψέλλος. Ἱστορικοί λόγοι καὶ ἐπιστολαί... Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης, т. V, ἐκδιδ. ὑπὸ Κ. Σαδᾶ, Ἀθήναι, 1878, σ. 214.

³⁰ Об экономической роли субурбия в римское время см. М. Е. Сергеевко. Сельское хозяйство италийских *suburbana*. ВДИ, 1955, № 1, стр. 31 и сл.

рабы в предоставленных им в качестве пекулия „káзах“ (servi casati). Византийские проастии генетически восходят к римским suburbia.

В „Чудесах св. Димитрия“ (конец VI в.) говорится о том, что горожане Фессалоники имели подгородные участки земли, где работали „фамилии“, т. е. рабы, причем эти имения назывались κάσα³¹.

Эти рабовладельческие хозяйства горожан были сокрушены в результате вторжений славян. В более позднее время мы уже не встречаем каких-либо указаний о наличии в пригородах Фессалоники „фамилий“ рабов. Но и в дальнейшем, когда рабовладельческая система хозяйства пришла в упадок, проастии, как подгородные хозяйства, оставались необходимой частью пригорода.

В Юстиниановом праве, в Василиках, у Гарменопула проастией — всегда пригородное владение. Рабу, которому почему-либо запрещено было жить в проастии, тем самым запрещалось жить и в самом городе: ἐὰν ὁ πραΐεις δοῦλος κωλυθῆ τοῦ πραΐστείου, καὶ τῆς πόλεως κωλύεται ἵνα μὴ τῶν μείζονων ἀπολαύῃ ὁ τῶν ἡττόνων κωλυθεῖς³².

Проастием (как это слово понимается в Василиках) считался всякий доходный пригородный участок, независимо от того, вел ли его владелец товарное хозяйство, т. е. поставлял ли продукты на городской рынок, или же использовал продукты этого хозяйства непосредственно для собственного потребления.

Проастии были доходными загородными хозяйствами, без которых не могли существовать ни церкви, ни благотворительные учреждения, ни монастыри. Когда императоры основывали монастыри, они жаловали им из своих загородных владений проастии: это было таким же обычным делом, как и пожертвования священной утвари („Маркиан и Пульхерия устроили окончательно храм св. Мины с проастиями и священной утварью“)³³. У Малалы сообщается о покупке в предместьях Константинополя доходного подгородного участка πραΐστειον ἔχων πρόσδον...³⁴. Доходом от проастиев жили константинопольские горожане, — не только знать, но и сравнительно малообеспеченные люди³⁵. Проастии доставляли владельцам-горожанам продукты питания. Хозяева проастиев, живя в городе, посылали за продуктами рабов в проастии³⁶ или сами отправлялись в свои подгородные участки на сельскохозяйственные работы, как мы об этом читаем в „Чудесах св. Димитрия“³⁷.

Большинство городов Византии после разгрома империи в VII в. превратились в большие села, аграризировались. Только немногие крупные города (Константинополь, Фессалоника, Эфес, Никея, Амастрида, Трапезунд) сохраняли все время характер крупных торгово-ремесленных центров³⁸.

Естественно, что с аграризацией большинства византийских городов старое значение термина проастией — подгородное хозяйство — стало изменяться. Понятие проастией перестает быть связанным с представлением о городе. Под проастием в X в. понимали только господское хозяйство, в котором трудились рабы и мистии³⁹. Такой проастией характерен именно

³¹ PG, t. 116, col. 1292, 1357.

³² Bas., 19, 7, 2; В Чигестах (Dig., 18, 7, 5) термину πραΐστειον соответствует romerium cuiuslibet civitatis.

³³ Script. origin., II, 215.

³⁴ Joannis Malalae Chronographia. Bonnae, p. 341.

³⁵ Vita Epiphaniai Cypriensis, PG, t. 41, col. 101.

³⁶ PG, t. 86, col. 608 (известие от VI в.).

³⁷ PG, t. 116, col. 1292.

³⁸ См. А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954.

³⁹ Tract. S. 115 (F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927).

для периода генезиса феодализма в Византии, когда отношения феодальной зависимости еще не были распространены, когда рабство еще сохраняло определенное значение и когда землевладелец мог вести хозяйство, используя труд рабов и отчасти мистиев. Это хозяйство носило товарный характер, его продукты сбывались на рынке. В таком значении мы встречаем слово проастиий в источниках IV—XI вв.

Позднее, с XI в., когда рабский труд почти утратил всякое значение и когда закабаление крестьян развернулось в широких масштабах, проастиий стал превращаться в поместье „нормального“ феодального типа, т. е. в поместье, заселенное зависимыми крестьянами-париками, безземельными или имеющими свое хозяйство.

Но вопрос о проастиин-имении выходит за рамки нашего исследования: предметом его изучения являются только проастиии вокруг больших торговых городов Византии.

* * *

На основании источников мы можем составить известное представление о характере землевладения в подгородных районах. Как отмечали арабские писатели, большая часть территории вокруг столицы находилась в собственности государства или лично императора и его семьи. В государственной собственности находились все военные сооружения (территория Длинных стен, отдельные укрепления, о которых сообщает Прокопий в „Постройках“). В пригороде Гебдомон на площадях обучались военному делу новобранцы⁴⁰. Там была гавань. Государственную собственность представляли также многочисленные сооружения по снабжению столицы водой.

Выше были приведены сообщения арабских авторов о большом количестве табунов казенных лошадей, которые кормились в подгородном районе на различных пастбищах, находившихся в собственности императора. Лошади нужны были как для ипподрома, так и для императорской гвардии, которая в основном представляла собой конное войско⁴¹. Император Феофил организовал в предместье оружейные мастерские *τὰ ἀρχιμειτρηρία*⁴².

В личной собственности императора находились многочисленные пригородные дворцы. Начиная с IV в., особенно выделялся комплекс дворцовых строений в Гебдомоне. В V в. был создан другой большой комплекс дворцов, церквей, а также ипподром у гавани св. Маманта (по Паргоару — Бекшиташ) на европейском берегу Босфора. Это место служило как бы второй резиденцией императора. Старинные дворцы (I—V вв.) были расположены в Халкидоне (на азиатском берегу) и в местности Терапейя („лечебное“)⁴³. При Юстиниане в качестве летней резиденции был построен роскошный дворец (почти на море) на азиатском берегу

⁴⁰ Theophanes, 297.

⁴¹ В „Церковной истории“ Иоанна Эфесского упоминается о том, что славяне дошли до внешних стен, где захватили много тысяч голов скота и принадлежавшие императору табуны (Joannes Ephesius. *Historia ecclesiastica*, ed. E. W. Brooks, VI, 25).

⁴² Georgius Cedrenus. *Compendium historiarum*, vol. II, Bonnae, 1839, p. 196; *Script. origin.*, III, 265.

⁴³ Некоторые предместья служили для лечебных целей. Недалеко от столицы находились источники минеральных вод, как, например, горячие источники Вифинии. Эта местность — „Пифия“ — пользовалась славой, — больные стекались сюда, как передает Прокопий, для укрепления здоровья. Такой же славой пользовалась местность у Босфора, называвшаяся „Терапейя“; на летнее время туда отправлялись зажиточные константинопольские горожане. (Prosopii Caesariensis *De aedificiis*. Bonnae, 1838, V, 3, 16).

(так называемая Гиерия), в конце VI в. — дворец близ местности, удобной для охоты, — Даматри, и дворец с церковью св. Феодора у устья р. Барбисса. В VII в. недалеко от города был разбит роскошный парк с дворцом Пиги. В IX в. особенно выделались новые дворцы: Филопатион — излюбленная летняя резиденция многих императоров, пышный дворец и в то же время удобное место для охоты. У Золотого рога выделялся дворец и храм τῶν Παγῶν. На азиатском берегу в IX в. Феофилом был построен большой комплекс дворцовых зданий в арабском стиле. Это усиленное строительство в IX в. можно объяснить широкими конфискациями, произведенными императорами-иконоборцами у представителей константинопольской знати — сторонников иконопочитания.

В XI в. были построены новые летние резиденции — Ареты и Гидралимелен на европейском побережье, а в конце XII в. — дворец Андроника у р. Барбисс-Гидралис. Все члены императорской семьи имели проастиидачи недалеко от Константинополя. Жена Валентиниана купила вблизи Константинополя проастиидачу, дающий доход⁴⁴. Императрица Евдоксия имела также недалеко от столицы „Проастиидачу Евдоксии“⁴⁵. Сестра Феодосия II Плакидия должна была жить во время опалы в своем проастиидаче Гебдомон⁴⁶. Местность в окрестностях Константинополя⁴⁷, где жила императрица Феодора, сестра Зои, называлась οἰκοπροάστειον.

Императоры часто дарили земли приближенным. Впрочем, конфискации земель осужденных вельмож восстанавливали фонд императорских земель вокруг столицы. Иная картина наблюдается в окрестностях Фессалоники. Если вокруг Константинополя было много земель, находившихся в собственности императора, то здесь нет императорских имений и дворцов. В полосе, окружающей город, мы видим еще в X в. большое количество участков, принадлежащих мелким собственникам как города, так и подгородной территории. Это положение является прямым следствием того, что окрестности Фессалоники были в VII в. колонизованы славянами, тогда как 100-мильная полоса вокруг Константинополя никогда ими прочно не заселялась. Как можно заключить из описаний Иоанна Камениаты, в X в. вокруг Фессалоники жили неассимилированные славянские племена, причем общинные земли к тому времени стали объектом частной собственности славянской знати⁴⁸.

Вокруг Константинополя находились крупные владения столичных монастырей и в особенности — владения храма св. Софии (Μεγάλης Ἐκκλησίας). Все монастыри и владения св. Софии, лежащие поблизости от столицы, имели особые привилегии⁴⁹.

Кроме того, расположенными там проастиидачами владели также благотворительные учреждения: ὀρφανοτροφεία, βρεφτροφεία, πτωχοτροφεία, ξηνοδοχεῖα. Проастиидачу имел в окрестностях Константинополя хартофилакс константинопольской церкви (προάστειον χαρτοφύλακος).

Церкви, в большом количестве построенные константинопольскими вельможами вблизи столицы, также постепенно превратились в неотчуждаемые церковные владения.

⁴⁴ Malalae Chronographia, p. 341.

⁴⁵ Сократ, VI, 16.

⁴⁶ Там же, VI, 15.

⁴⁷ Μεταίωνικής βιβλιοθήκης τ. VII, σ. 163.

⁴⁸ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии. Сборник, посвященный Б. Д. Грекову. М., 1952, стр. 53; Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне. Автореферат, Л., 1954.

⁴⁹ Jus, III, 441—460. Многочисленны были также владения монастырей вокруг города Смирны (MM, IV, passim).

В ведении церкви находился расположенный на азиатском берегу Босфора лепрозорий Аргироний, который существовал с давних времен и был реконструирован при Юстиниане⁵⁰.

Близ Фессалоники мы можем отметить исключительно широкое развитие церковно-монастырской собственности. Целый ряд важнейших владений в окрестностях города попал в собственность монахов св. Горы — τοῦ Ἁγίου Ὄρους.

„Патриографы“, т. е. краеведы, изучавшие прошлое Константинополя в X—XI вв., сообщают о большом количестве проастиев вельмож IV—начала V в. Часть этих проастиев была расположена на территории, обнесенной при Феодосии II городской стеной. Известные в истории Византии начала V в. вельможи — Анфимий, Кир, Харисий — являлись собственниками проастиев на р. Лике: они были кровно заинтересованы во включении их проастиев в черту города, что и было выполнено постройкой стены Феодосия, расширившей территорию города Константинополя почти вдвое. В черте города оказалось большое количество участков, пригодных для разбивки садов; эти участки сдавались в аренду⁵¹.

У патриографов и в житиях святых говорится также о проастиях Олимпиады⁵², Сатурнина, Виктора⁵³, Феогноста⁵⁴, Афанасия⁵⁵. Упоминаются проастии Промота, консула IV в.; на азиатском берегу Босфора там же имели проастии известный государственный деятель Руфин (ἱ Ρουφινιανναί) и упомянутый уже Анфимий; епарх Саллюстий (364 г.) владел проастием на седьмой версте от Константинополя по дороге в Фессалонику; на северном берегу Золотого рога имел проастиий известный своей романтической историей Павлин (τὰ Παυλίνου). Все родственники Юстиниана владели проастиями вблизи Константинополя (τὰ Βοραΐδου, τὰ Ἰουστίνου)⁵⁶. На азиатском берегу имел свою виллу Велизарий⁵⁷. Феофан говорит о том, что у сановника времен Маврикия — Германа имелись проастии в окрестностях Константинополя, в которых содержались стада лошадей. Другой вельможа — Филиппик — в правление того же Маврикия начал строить монастырь и дворец в Хрисополе (напротив города Константинополя) и стал разводить там ἰχθυοτροφεία и παραδείσια εἰς τὴν θερμαίαν αὐτοῦ⁵⁸.

Владельцами проастиев являлись политические деятели лагеря иконопочитателей. Так, Тарасий, восстановитель иконопочитания при Ирине, владел проастием на европейском берегу Босфора (невдалеке от гавани

⁵⁰ Procopii Caesariensis De aedificiis, I, 9, 12.

⁵¹ Script. origin., II, 251, 256, 258.

⁵² AB, Bd. 16, S. 414.

⁵³ AASS, Majus, 7, 251.

⁵⁴ PG, t. 44, col. 101.

⁵⁵ AASS, November, 3, 809.

⁵⁶ Мнение Ф. Успенского о существовании „проастия Девтерон“ основано на недоразумении. Феофан (стр. 243) сообщает, что Юстин построил дворец τὸ παλάτιον τὸ δευτερον ἐν τῇ προαστείῳ αὐτοῦ. Ф. Успенский („Вазелонские акты“. Л., 1927, стр. LVIII) считает, что Юстин построил квартал Девтерон из проастия. Однако такое положение невозможно себе представить. Девтерон находился в черте города, в пределах городской стены еще при Феодосии. Ф. Успенский пропустил в фразе Феофана слово παλάτιον. Феофан писал о постройке одного дворца в пределах города, а второго дворца — δευτερον παλάτιον — в своем проастии (за городом), которым владел до вступления на престол. Это становится ясным и из дальнейшего содержания данной фразы у Феофана: подобный же дворец император построил в своем проастии на одном из Принцевых островов, которые, как мы видели, входили в подгородную территорию столицы.

⁵⁷ Это — Пантейхион, совр. Пендик (Procopii De bello Persico, Bonnae, 1833, III, 35 — R. Janin. Constantinople byzantin, p. 457).

⁵⁸ Theoph., p. 272, 25.

св. Маманта и торгового места Филэмпорон⁵⁹. Другой борец за иконопочитание, Пикридий, протоспафарий Ирины, имел там свои поместья⁶⁰. Богатая иконопочитательница Ирина имела имение Φιρμούπολις недалеко от Константинополя⁶¹.

В памятниках IX в. упоминаются знатные владельцы проастиев, расположенных вблизи Константинополя. Аргавир, брат последнего иконоборческого патриарха Иоанна, имел владения на европейском берегу Босфора⁶². Здесь же находились владения паракимомена Дамиана (при Феофиле и Михаиле III)⁶³. В Космидионе, к западу от Константинополя, был расположен проастиий кесаря Варды⁶⁴. Проастиий Маринакия (τὰ Μαρινάκίου) находился на азиатском берегу Босфора вблизи Халкидона⁶⁵. Имел проастиий на берегу Босфора и тесть императора Льва VI — Стилиан. Проастиий τὸ Βεβάριον⁶⁶ неподалеку от Константинополя был подарен Василием II Иоанну Иверице. Патрикий Панвирий (XI в.) должен был передать в погашение долга Марии, дочери известного протоспафария Склира, большой проастиий у монастыря св. Маманта (западнее Гебдомона) (Пира, 15, 16). Поэт Феодор Продром в XII в. тоже имел проастиий. Известный ученый XI в. Михаил Пселл получил проастиий Флорион недалеко от Длинных стен.

Все окрестности Константинополя, вплоть до Редесто, были заняты подгородными хозяйствами, проастиями константинопольских богачей. Об этом, в частности, свидетельствует житие Василия Нового; автор жития, живший в Константинополе, сам был владельцем проаствия недалеко от Редесто; он нанимал для сельскохозяйственных работ мистиев и на несколько дней удалялся из города в свой проастиий для наблюдения за ходом работ⁶⁷.

Проастием могли быть огород, сад, пригородное животноводческое хозяйство, конюшни, виноградники и рощи маслин (оливковые проастиии — ἐλαίκων προάστειον⁶⁸). Проастием мог быть и участок земли, застроенный жилыми домами. Такой проастиий обычно назывался οἰκοπροάστειον⁶⁹. В Пире (36, 15) говорится о незаконности продажи на слом ἐποίκιον. Комментаторы Кирилл и Феофил отмечали, что речь идет здесь о поселке — κώμη, „то есть ойкопроастиии“ (τοῦτέστιν οἰκοπροάστειον. — Οἰκοπροάστειον есть застроенный домами проастиий, превратившийся в κώμη). Иногда προάστειον и ограничивался строениями⁷⁰.

Застроенный участок земли около города считался доходным: лица, жившие в домах, вносили собственнику проаствия квартирную плату. Продолжатель Феофана, известие которого об Арсавире, владевшем проастием на азиатском берегу Босфора с очень большими домами, упоминалось выше, пишет: τοῦτον προάστειον ἦν... οἰκοδομὰς ἔχων πολυτε-

⁵⁹ Script. origin., 296 и 312.

⁶⁰ Leonis Grammatici Chronographia, Bonnae, 1842; R. Janin. Op. cit., p. 424.

⁶¹ H. Delehaye. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 388, 721.

⁶² Cedrenus, II, p. 146.

⁶³ Theophanes Continuatus. Chronographia, p. 360.

⁶⁴ Ibid., p. 406.

⁶⁵ Script. origin., III, p. 280.

⁶⁶ C. Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi, vol. V, Venetia—Paris, 1872—1893, p. 197; R. Janin. Constantinople byzantine, p. 406.

⁶⁷ Зап. Новороссийского университета, 1911, стр. 163.

⁶⁸ MM, IV, p. 320.

⁶⁹ C. Sathas. Op. cit., vol. VII, p. 63.

⁷⁰ См. А. И. Пападопуло-Керамевс. 'Ανάλεκτα Ἱεροσολύμων., СПб., 1897, IV, 108, где говорится о προάστειον ἢ οἰκηματα, т. е. о проастиий, состоящем из строений.

λεῖς, στοάς τε καὶ βαλανεῖα καὶ διατριβὰς ἄλλας ἐπιτερπεῖς⁷¹. О многочисленности населения, жившего вне городских стен, позволяют судить и археологические данные: раскопки вдали от стен города обнаруживают большое количество остатков весьма крупных зданий⁷².

В более позднее время под проастиями разумелись не хозяйства, а целые пригородные районы, которые своими зданиями и богатством не уступали самому Константинополю; о проастии именно в этом смысле говорится в письме Мануила Хрисолора⁷³. Некоторые проастии включались в черту города: так, например, произошло с загородным районом, населенным сапожниками, — во времена Мануила Комнина этот район был включен в черту города.

Разумеется, проастии могли служить и в качестве летней резиденции, дачи⁷⁴. При невозможной грязи, которой отличался Константинополь (да и другие средневековые города), знать стремилась летом жить в проастиях, которые так поэтично были воспеты византийскими поэтами VI в. Иоанн Эфесский пишет: «Когда монахы Дарио был закончен, епископ, исполненный зависти к монастырю, сказал: „Я сделаю его проастием моей церкви и буду жить там целое лето!“»⁷⁵. Но использование проастиев представителями знати в качестве летних „дач“ не исключало того, что проастии оставались доходными участками.

Часть пригородной территории находилась в собственности мелких землевладельцев. Из Бревиария Никифора 640 г. мы узнаем, что собственниками участков земли в азиатских проастиях в середине VII в. были не знатные, а простые люди, причем их было так много, что возмущение их было опасно. Надо думать, что конфискации и казни времен Фоки привели в значительной степени к сокращению земельных владений богатых горожан и увеличению числа мелких собственников.

В новеллах Льва VI упоминаются собственники участков, лежавших на морском побережье, причем из текста новелл можно заключить, что владения были небольшие (на два полета стрелы). Значительное количество участков, принадлежавших мелким собственникам, отмечается в окрестностях Фессалоники в X в. Еще более заметна устойчивость мелкой собственности вокруг Трапезунда⁷⁶.

Ниже мы постараемся выяснить в общих чертах, что представляли собой предместья крупного города в производственном отношении.

Интересным источником для изучения этого вопроса является книга Юлиана Аскалонита „О городском благоустройстве Палестины“. Это сочинение находится в той же открытой Никодем рукописи, в которой воспроизведен текст Книги епарха. Таким образом, книга Аскалонита является как бы продолжением Книги епарха. Сочинение Аскалонита сохранилось также в своде законов Гарменулула (XIV в.), причем над каждой статьей, заимствованной у Аскалонита, стоит надпись ἐπαρχικόν, указывающая на то, что данное постановление включено в Книгу епарха.

В статьях Аскалонита приводятся распоряжения, касающиеся различных производств. Эти распоряжения являлись руководством для

⁷¹ PG, t. 109, col. 172. См. Cedren., II, p. 146.

⁷² Mano Zissi. Bemerkungen über die altbyzantinischen Stadt. Atti del Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma, 1940, vol. II.

⁷³ PG, t. 156, col. 393.

⁷⁴ А. Дьяконов („Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды“. СПб., 1908) вообще считал проастию летней резиденцией.

⁷⁵ Joanni Ephesii Historia ecclesiastica, III, 37.

⁷⁶ Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. LXIII.

городского эпарха и поэтому могут служить ценным источником при характеристике экономики подгородного района.

В загородных районах должно было сосредоточиваться все производство металлических изделий: как правило, работа *σιδηρουργῶν* в городах не допускалась. В постановлении *ἐπαρχικόν* у Гарменопула (2, 4, 19) говорится: . . . *σιδηρουργούς τοὺς ἐργαζομένους τὰς ἀξίνας (ἤγγουν τὰς δρέπανας) καὶ τὰ τοιαῦτα μεγάλα ἔργα — οὐ χρεὶ ἐν αὐταῖς ταῖς πόλεσι τὰ τοιαῦτα ἐργάζεσθαι*. Таким образом, в самом городе запрещалось изготавливать такие крупные сельскохозяйственные орудия, как топоры, серпы и т. п. Этот запрет вытекал из того, что подобное производство требовало бы обращения с огнем, *πολύς γὰρ ἀπὸ τοῦ πυρὸς κίνδυνος τοῖς οἰκήμασι* . . .

В стихотворении Христофора Митиленского упоминаются *ἀξίνα μονόστρωτοι, διαστράλια*⁷⁷. У Григория Нисского говорится об изготовлении *ὄννια* — сошников, *χρησιμοποιοῦντες εἰς τὰ καμίνα αὐτῶν ξυλάνδρακας*⁷⁸. При этом в печах использовался древесный уголь. И. Цец упоминает о *σιδηρουργοί*, изготавливавших *προσκέντεσι τῶν ἵππων, μύωτας*. (ср. 16).

О характере металлургического производства мы узнаем из „Чудес св. Артемия“⁷⁹ и сочинений Иоанна Златоуста⁸⁰.

Феодор Продром говорит о *μυλιαράδες* (II, 54) — разносчиках и продавцах *μυλιάρων* — медных сосудов для нагревания воды. Дюканж приводит текст: *μυλιάριον καλούμενον ὑπὸ Ῥωμαίων εἰς θέρμου ὕδατος κατασκευαζόμενον*⁸¹. *Μυλιάριον* встречается в Патмосской писцовой книге в качестве принадлежности инвентаря ойкопроестия Вари. Как считал Безобразов, это — медный котел для кипячения воды. При этом самое название „милиарий“ (собственно: верстовой столб) произошло от того, что данное производство допускалось лишь за городом⁸². Из стихотворения Продрома ясно, что продавцы — разносчики кустарных изделий, изготавливаемых вне города.

О числе ремесленников в Фессалонике, изготавливавших металлические предметы, имеются сведения у Камениаты⁸³. *Περὶ γὰρ τῶν ἄλλων ὕλων, χαλκοῦ καὶ σιδήρου, κασσιτέρου τε καὶ μολύβδου καὶ ὕελου, — οἷς αἱ διὰ πυρὸς τέχνηαι τον βίον συνέχουσι καὶ μνησθῆναι μόνον παρέλκον ἡγοῦμαι — σοσοῦτον ἔντων ὡς ἄλλην τινα δύνασθαι πόλιν δι' αὐτῶν δομεῖσθαι* . . . Автор говорит о работниках по меди, железу, олову, свинцу, стеклу, о тех ремесленниках, которые в своем производстве используют огонь: „этих ремесленников такое множество, что ими можно было бы заселить другой город“. Если иметь в виду законодательство и общие требования пожарной безопасности того времени, то можно предполагать, что все эти ремесленники работали или в пригородах, или на отдаленных окраинах города. Предместья города должны были поэтому иметь оживленную связь с ближайшими районами горной промышленности: горы Халкидики были богаты металлами.

В пригородах должно было сосредоточиваться и производство стеклянных изделий. *Στεκλoduαμ* — *ὕελουργοί* также по соображениям противопожарного характера запрещалось открывать эргастерии в черте города и только в виде исключения разрешалось иметь свои мастерские

⁷⁷ Die Gedichte des Christophor's Mytilenses, ed. E. Kurtz. Leipzig, 1903, S. 383.

⁷⁸ PG, t. 45, col. 392.

⁷⁹ A. I. Papadopulo-Cerameus. *Varia sacra*. St.-Pb., 1910, p. 37. 29.

⁸⁰ PG, t. 45, col. 392; t. 60, col. 747.

⁸¹ *Glossarium mediae Graecitatis*. *Milliarium coccinatorium seu Aeneam in quo aqua ad potandum calescit*.

⁸² П. Безобразов. Патмосская писцовая книга. VII, 1910, стр. 74.

⁸³ PG, t. 109, col. 558.

на городских окраинах. Наличие различных производств в пригороде, разумеется, значительно повышало значение пригородных районов, увеличивало доход тех городских землевладельцев, которые в своих *πρόσεται* строили дома для сдачи их в наем под мастерские.

* * *

Продром (IV, 121, 125) рассказывает, как на улицах столицы расхаживали продавцы мелких изделий: „Кому угодно — мельница для размалывания перца?“ Эти странствующие ремесленники, не имевшие своей мастерской, вероятнее всего — жители пригородов. Упоминаемая в источниках деревянная посуда, продававшаяся на рынках городов, изготовлялась, надо думать, в ближайших к городу деревнях.

Изготовление различных материалов и тары для упаковок в основном производилось в предместье. По Гарменупулу (2, 4, 21), *σχοινοκόπλοι* не имели права заниматься своим ремеслом в пределах города; ведь там они должны были давать обязательство не производить тех работ, которые были связаны с появлением дыма и дурного запаха (серы). Поэтому веревки и веревочные корзины изготовлялись в пригородных деревнях (в житиях имеются сведения о том, как монахи ближайших монастырей плели веревочные корзины и относили их на продажу в город)⁸⁴. То же самое можно сказать о таре для хранения вина: это были *οὶ κάδοι* „кади“ (в Dig., 33, 6, 6, 14 — *cadī*) и глиняные сосуды — *κέραμοι* (упоминаются в Василиках, 34, 9, 6). Для виноделов *βουτζίδες* (бочары) изготовляли бочки (*Κουκούλι Βίος*, 1, 188).

Вне города было сосредоточено и керамическое производство. У Гарменупула имеется специальная статья (по Аскалониту — 2, 4, 15) — *περὶ φούρνου κεραικοῦ*. Обращает на себя внимание, что, несмотря на „городской характер“ этих постановлений, в статье, касающейся гончарного производства, говорится только о *κώμη*, причем о постройке гончарной печи в городе вовсе не упоминается. Строения обозначаются термином *καλύβωσις*. В статье излагаются правила устройства печи в деревне. Гончары изготовляли *ἀγγεῖα καὶ ἄλλα πηλινὰ δοκεῖα*. У глоссаторов *πηλοκλάσται* — лепщики по глине, *πηλοψεταί* — обжигающие глиняные изделия. Общее название *κεραμεῖς* — гончары, и их мастерские — *ἐργαστήριον κεραμεῖον*. Глиняная посуда использовалась в качестве тары; в частности, при сборе плодов употребляли глиняные кувшины (*τῶν πίθων*)⁸⁵. Гончарное дело не пользовалось почетом. По словарю Свида, слово *κεραμεῖν* — „гончарить“ — в просторечье означало *τὸ κακῶς ποιεῖν τὰ κοινά*, а *κεραμεῖος πλοῦτος* — непрочное, дурного качества изделие — *ὁ σαθρὸς καὶ μὴ βεβαίος*. Кирпичные мастерские (вряд ли они по величине могли отличаться от других *ἐργαστηρίων*) тоже не могли находиться в городах. Производство кирпичей сосредоточено было в мастерских города, особенно около Гебдомона. Кирпичная мастерская — *πλινθεῖον* — определяется как *ὁ τόπος, ἐν ᾧ πλινθος πλάττεται* — место, где лепится кирпич⁸⁶. Такие мастерские, естественно, должны были располагаться недалеко от крупных городов во избежание больших трудностей в доставке кирпича для строительства — *αἱ διὰ τὸν οἶκον εὐτρεπισθεῖσαι κέραμοι*⁸⁷. Можно

⁸⁴ И. Помяловский. Житие Федора Эдесского. Записки историко-фил. фак-та С.-Петербургского университета, 1892, № 2.

⁸⁵ AASS Novembris, IV, 607 (Vita s. Blasii).

⁸⁶ Lexicon Vindobonense, ed. A. Nauck. Petropoli, 1867, p. 145.

⁸⁷ Bas. 19, 8; 18, 1.

предположить, что производство кирпича отнюдь не было убыточным делом. В XII в. владельцы кирпичных мастерских, „счищая с себя глину от кирпичей“, выступили в качестве претендентов на получение пронии⁸⁸.

Кирпичи в постройках начала IV в. не имеют надписей, — они появляются позднее, с V в. Надпись состоит из индиктиона и имени ремесленника, который изготовил кирпич. Сохранились имена мастеров времени Юстиниана: Тимофей, Аристон, Андрей, Домн, Ауксантий, Кириак, Кирилл. Иногда попадаются надписи с именем святого, — вероятно, кирпичи с такими надписями были изготовлены в кирпичных мастерских, принадлежавших церкви⁸⁹.

В самом Константинополе, как говорилось, гончарных мастерских не было. Только этим можно объяснить тот факт, что предметы гончарного производства продавались не у мастеров, а в лавках салдамариев⁹⁰. В Афонских актах говорится о кирпичной мастерской в окрестностях Фессалоники: в 922 г. в Фессалонике разбиралась тяжба относительно продажи *ἐργαστήριον πρὸς κεραμῶν κατασκευὴν*⁹¹. Окрестные бедняки жаловались, что переход кирпичной мастерской в руки монастыря причинит им великое горе, т. е. разорит их.

Правила, действовавшие в столице, едва ли соблюдались в мелких городах. В результате раскопок, произведенных в Афинах в районе Агора Романа, было обнаружено большое количество гончарных изделий с характерным для XII в. орнаментом; найдена также гончарная печь. Несомненно, что во времена Комнинов там были эргастерии художественных керамических изделий⁹². Аналогичные находки были сделаны в Коринфе⁹³.

Большую роль в строительстве играл камень, и поэтому каменоломни вблизи крупных городов имели важное значение в хозяйстве того времени. Относительно добычи камня в каменоломнях оставалось в силе старинное законодательство: *ἐὰν λίθους τινὲς εἰς ἰδιωτικὸν τόπον κόπτουσι, δεκτὸν τῷ δημοσίῳ καὶ δεκτὸν τῷ δεσπότη διδόντων, καὶ τὸ λοιπὸν ἐχέτωσαν αὐτοὶ ὑπὲρ κόπτου*⁹⁴.

На земле частного лица можно было добывать камень при условии, чтобы $\frac{1}{10}$ его шла казне и $\frac{1}{10}$ — собственнику земли, остальное же оставалось в виде вознаграждения за труд. Этот закон был издан, безусловно, в поощрение каменотесов и в то же время он давал возможность собственникам земель, расположенных в гористых местностях, малопригодных для сельского хозяйства, извлекать доход из своих владений. Необходимо отметить, что в законе говорится не о независимых людях, а о любом человеке, желающем добывать камень. Участок земли, где удавалось организовать каменоломню — *λιθοτομίαν*, — становился весьма доходным: *ἀγρὸς εὐπροσόδευτον*^{94а}. В *Lexic. Vind.* о каменоломне говорится *κάταξίς* — *ἡ εἰς μεγάλα μέρη τομῆ, θραύσις* — *δὲ εἰς μικρά*⁹⁵: выражение „ломать камни“ противопоставлялось выражению „обтесывать камни“. Целый ряд терминов обозначал каменотесов — *λιτοζῶοι, λάτομοι, μαρμαράριοι*.

⁸⁸ Nicetas Choniata. Historia, I—II. Bonnae, 1835, p. 273.

⁸⁹ E. Mambry. Les briques byzantines, Byz., XIX, 1949, p. 123.

⁹⁰ Книга эпарха, XIII, 1. Необходимо иметь в виду, что перепродажа товаров мептрапами была запрещена. В то же время продавать местные изделия могли только члены определенной корпорации (Там же, IX, 1; XII, 4; XI, 1).

⁹¹ G. Rouillard et P. Collo mp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 6.

⁹² Ch. Delvoye. Les monuments byzantins de la Grèce. Byz., XIX, 1949, p. 324.

⁹³ Ibid., p. 330.

⁹⁴ Bas., 56, 12, 3.

^{94а} Ibid., 28, 8, 7.

⁹⁵ Lexicon Vindobonense, p. 99 (к слову *θραυστὸν ὁ λίθος*).

Работники по камню назывались *πελεκάνοι*. По Дюканжу, *faber lignarius* — *γλύπτης*; в „Глоссарии“ приводится под данным словом ряд выдержек, где говорится о *τέκτονας πελεκάνους, πρωτομαίστρος τῆς πελεκανικῆς, ἤγουν τῆς τεκτονικῆς τέχνης*, т. е. представление о строительстве вообще соединялось с представлением о работах по камню. Обтесывание камня производилось в *ἐργαλεῖον τοὺς πελεκάνους*. По Гарменупулу, все подобные работы должны были производиться вне города: *ἀνδριαπλάστας οὐ χρῆ ἐν αὐταῖς ταῖς πόλεσι τοιαῦτα ἐργάζεσθαι*⁹⁶.

Из рассказа аввы Даниила об Евлогии мы узнаем, что в пригородных египетских селах жили каменотесы *λάτομοι*, которые работали целый день за жалкую плату в 1 кератий. Один из таких каменотесов, согласно легенде, стал впоследствии константинопольским епархом⁹⁷.

Показателем большого значения каменоломен для строительства может служить то, что под горным делом в „Василиках“ понималась, в первую очередь, добыча строительных материалов. Интересно отметить в этой связи, что в схолии к Василикам (XVI 1, 13, 5) слова закона о металлах комментировались в основном как относящиеся также к добыче строительных материалов: *μέταλλον λέγεται πᾶν το ἀπὸ οὐρύγματος τῆς γῆς ἐξερχόμενον, οἷον λίθοι, γυφοὶ καὶ ἄλλα τινὰ τὰ τοιαῦτα*. Арендатор мог добывать все *μέταλλα* под условием не испортить участок земли, если выгода от добычи ископаемого не превысит дохода от земледелия — *δύναται δὲ συνιστᾶν ἐν τῷ ἀγρῷ παντοῖα μέταλλα, μὴ βλάπτειν τὸν ἀγρὸν, — εἰ μὴ ἄρα μείζων ἐστὶ τῆς βλάβης ἢ πρόσδοδος*⁹⁸.

Это положение закона свидетельствует о существовании товарных хозяйств, которые снабжали крупные города строительными материалами. В законодательстве говорится о скульптурных мастерских, об *ἀνδριαπλάστας*.

Изготовление статуй в византийское время ни в какой мере не может сравниться с античным, однако скульптурные работы занимали видное место в строительстве, особенно при орнаментировке. Изготавливались из камня и вещи⁹⁹, а также гири — *μοδίους λιθίνους*¹⁰⁰.

В Книге епарха (XXII) упоминаются *μαρμαράριοι* — работники по мрамору, — но лишь в качестве лиц, принимающих подряды на выполнение строительных работ; здесь совершенно не говорится об их мастерских по вполне понятным соображениям — эти мастерские не должны были помещаться в черте города.

Подобное явление можно отметить и в производстве мелких цветных камней для мозаики. В Константинополе имелся квартал, где продавался материал для мозаики, но изготавливались камни в предместье: за городом на западном берегу Босфора находился квартал *Ψιχά*, — того же наименования, что и городской квартал; очевидно, материал для мозаики приготавливался в загородной местности *Ψιχά*, а продавался в городском квартале *τὰ Ψιχά*¹⁰¹. *Ἀσβεστοποιοί, χαλικοκαῦστα*, доставлявшие известь для строительства, должны были иметь печи *φούρνους ἀσβέστου* вдали от домов. Они тоже жили либо на окраинах города, либо в предместьях: *τὸν ἐδέ-*

⁹⁶ Constantini Armenopuli Manuale legum. Lipsiae, 1851, 2, 4, 20.

⁹⁷ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агрографии. М., 1917, стр. 143. Житие Евлогия опубликовано С. Clugnet. Revue d'Orient Chrét., V, p. 254 и сл.

⁹⁸ Bas., 16, 1, 13,5—Dig., 7, 1, 13,5.

⁹⁹ Bas., 56, 11, 7.

¹⁰⁰ Cod. Just., X, 70 (72), 9.

¹⁰¹ Theophanes Continuatus, p. 151. Ср. R. Janin. Constantinople byzantin, p. 435.

λοντα φοῦρον τῆς ἀσβέστου κατασκευάζειν χρὴ ἀφίστασθαι πάσης οἰκήσεως πῆχεις ρ'... δριμυτέρα γὰρ καὶ λοιμώδης ἢ ἀπ' αὐτῆς ἀτμίς¹⁰².

* * *

Производство шелка, которое в X в. в основном было сосредоточено в Константинополе, в XI—XII вв. переместилось в окрестности мелких городов Элады и Пелопоннеса. В столице производство шелковых тканей было монополизировано цехами. Главным образом здесь использовалось привозное сырье. Между тем, росли возможности производства шелковых тканей на местном сырье. Старое цеховое ремесло оказалось неприспособленным к новым условиям, и ловкие дельцы пригородов сумели взять в свои руки производство шелка. В силу правовых ограничений еврейские ремесленники не смогли обосноваться в Константинополе. Но их предприятия широко развивались за городом, в пригородных селах и предместьях. По данным продолжателей Феофана (стр. 42), много евреев в IX в. жило в предместьях Амории. В житии Никона Метаноэта (стр. 166) говорится о высылке еврейской общины за город. В Книге епарха имеется статья о запрещении евреям продавать метаксу за город (ἐξω τῆς πόλεως).

В Константинополе еврейская община была расселена в Галате, т. е. на территории, первоначально являвшейся предместьем города. Судя по запретительным статьям Книги епарха, можно предположить, что уже в IX в. шелковое производство было распространено в предместьях города.

Таким образом, ремесленные предприятия по производству шелка перешли в пригород или в мелкие города, в частности — в Коринф, Спарту и Фивы¹⁰³. Фивы, насколько можно судить по житию Мелетия Навопа, были в большой степени аграризованы; население пригородов занималось сельским хозяйством; в житии рассказывается о том, как жители Фив во время засухи организовали крестные ходы и молебствия вокруг города¹⁰⁴. Именно в такой пригородной сельскохозяйственной местности в условиях свободы от стеснительных цеховых ограничений развивалось производство шелка в Спарте, Фивах, Коринфе.

* * *

Окрестности города снабжали его население дровами. В житиях рассказывается о том, как крестьяне везли на лошади дрова в город на продажу¹⁰⁵.

Агиографическая литература упоминает о крестьянах-дровосеках, живших в подгородных деревнях и зарабатывавших себе пропитание заготовкой дров и подвозом их в город¹⁰⁶. Бедняки, не имевшие лошади, добывали средства к жизни, нося на плечах хворост для отопления, как это делал св. Антоний¹⁰⁷. Дровосеков называли ὑλέας или ὑλοτόμους. Упоминаемые в источниках δρυτόμος — дуборубы, вероятно, доставляли не дрова для отопления, а строительный материал или материал для резьбы по дереву.

¹⁰² Harmenopoulos, 2, 4, 17.

¹⁰³ T. Tafel. De Thessalonica eiusque agro. Berolini, 1839, S. 506.

¹⁰⁴ Православный Палестинский сборник, 6. XVII, 1886, 43.

¹⁰⁵ Житие Евстафия. А. И. Панадопуло-Керамевс. Ἀνάλεκτα Ἱεροσ., IV, 34.

¹⁰⁶ PG, t. 85, col. 3092.

¹⁰⁷ Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914, стр. 344.

Евстафий Фессалоникийский (*Παρεκβολαί*, σ. 858) рассказывает о способах рубки, сушки, складывания, транспорта дров¹⁰⁸, — все эти операции производились приблизительно так же, как и в настоящее время там, где отсутствует механизация труда.

Древесный уголь обжигали в окрестностях города углежоги — *ἀνθρακῆς* или, как обычно их называли во времена Фотия, *καρβωνάριοι*. Под *ἀνθρακῆς* подразумевался именно работающий у печи *ὁ βάνυστος* — углежог¹⁰⁹ в отличие от *ἀνθρακωπώλης* — продавца угля¹¹⁰. Но нужно думать, термин *καρβωνάριος*, *καρβωνάρισσα* охватывал вообще понятие угольщик (углежог, продавец и разносчик угля)¹¹¹.

В житии Симеона Дивногорца говорится о крестьянах-угольщиках, живших в пригородной деревне¹¹². Уголь покупался и для государственных мастерских: при подготовке к походу на Крит в 948 г. протоспафарию Иоахиму для изготовления оружия было дано 50 номисм на покупку угля¹¹³.

* * *

Перейдем к рассмотрению вопроса о роли окрестностей города в снабжении последнего продовольствием.

Жители городов (Константинополь, Фессалоника) считали более выгодным покупать продовольствие не на рынке — *ἐπὶ τὴν ἀγοράν*, но в подгородном районе — *ἐξω μακρὰν τῆς πόλεως διὰ τὴν τῶν ὀνίων εὐθηνίαν*¹¹⁴.

Относительно крестьян, привозивших в город для продажи скот (как, нужно думать, и прочие продовольственные и кустарные товары), не было ограничений. Наоборот, в Книге эпарха устанавливалось, чтобы крестьяне свободно приезжали и продавали на рынке скот (XV, 4). Однако законодательством не воспрещалось и посредничество между городом и деревней: „Крестьяне и рыбаки не обязательно должны лично привозить свои товары в город и лично продавать; они могут поручать это другим лицам...“, — указывается в Василиках¹¹⁵. Эта статья позволяет предполагать, что в окрестностях города, в пригородных селах и находящихся вблизи столицы городах было распространено торговое посредничество в экономических сношениях между большим городом и деревней.

В окрестностях города имелись участки, на которых возделывались зерновые культуры. Иоанн Камениата в своем описании Фессалоники рассказывает, что вся восточная половина окрестностей города была *ἀξύλον*, *πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιμελείας ἐπιτηδεύσιν παρεχόμενον*, — *το δὲ λοιπὸν τοῦ πεδίου ἀνεῖται τοῖς γεωργοῖς*¹¹⁶. Жители города выходили для обозрения своих полей. Размалывание зерна в муку производилось, как мы видим по Книге эпарха (XVIII, 1), в самом городе, в хлебопекарнях. Но это не являлось общим правилом. Водяные мельницы не могли применяться в городе Константинополе, — здесь не было реки (в Риме они употреблялись уже в IV в.)¹¹⁷. Такие мельницы имелись в окрестностях Фессало-

¹⁰⁸ *Ευστάθιος Φεσσαλονίκης, Παρεκβολαὶ εἰς τὴν Ὀμήρου Ἰλιάδα. I—IV, Lipsiae. 1827—1830, σελ. 858, 45. — Φ. Κοιχουλέ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμὸς, Τόμος Β. Ἀθήναι, 1951, σελ. 215.*

¹⁰⁹ *Lexicon Vindobonense, p. 101.*

¹¹⁰ *F. Ducange. Glossar. graec., s. v.*

¹¹¹ *Bas., 44, 6, 6.*

¹¹² *PG, t. 96, col. 3156.*

¹¹³ *PG, t. 112, col. 1248.*

¹¹⁴ *Житие Феодоры Солунской. Юрьев, 1899, § 23.*

¹¹⁵ *Bas., 53, 6, 7 (t. VII, p. 101).*

¹¹⁶ *PG, t. 109, col. 533.*

¹¹⁷ *Cod. Theod., 14, 15, 4 (398 г.).*

ники и Константинополя. Известно, что в устье реки Барбисса (у Золотого рога) находились две водяные мельницы¹¹⁸. Водяные мельницы имелись также в метохах Студийского монастыря вблизи Константинополя.

Появление водяных мельниц привело к разделению профессий мельника и булочника¹¹⁹. Можно думать, что упоминаемая в Книге епарха (XIII, 1) продажа салдамариями муки относится именно к размолу на пригородных мельницах (т. е. невозможно предположить, что городские хлебопеки при строгой регламентации их производства продавали салдамариям муку). Мукомолы обычно именуется в источниках *μολινάριοι* или *διευθύνοντες υδρομύλους ἢ υδρομύλα*. Мельница водяная в актах называется *υδρομυλικὸν ἐργαστήριον*. Ветряная мельница упоминается только в более поздних документах XIV в.

Схолии к Василикам содержат сведения о существовании специальных продавцов пшеничной муки: *σιλιγνάριος* — *ὁ πιπράσκων σιλιγνία*¹²⁰. В пригородах работали также *ἄρτοποιοί* — хлебопеки, хлебопекарни, *ἐν δὲ κώμας ἢ προαστείαις*¹²¹.

Большое значение для снабжения городского населения продуктами питания имели пригородные сады и огороды.

Из пригородов на городские рынки направлялись часто упоминаемые как в папирусах византийского времени, так и в житиях и законодательных источниках *ὄπωροπῶλαι* — продавцы фруктов (в V в. — у Иоанна Златоуста¹²²; в X в. — в Житии Никона Метаноэта¹²³), *λαχανοπῶλαι* (в Василиках и у глоссаторов) — продавцы овощей, *σευκλογόυλαι* — продавцы свеклы¹²⁴, *ρέπαναι* — продавцы редьки и т. п.¹²⁵ Из житий узнаем, что столичная беднота питалась главным образом овощами, продаваемыми торговцами (Житие Андрея Юродивого, 656; Василия Нового, 312 — о продаже чеснока).

Судя по папирусам позднего времени, пригородные сады были окружены стенами (*περιτεταγισμένοι*), хорошо оборудованы (*κακαλλιεργασμένοι*¹²⁶), имели сторожей, которые камнями отгоняли птиц и воров¹²⁷.

Пригородными садами в VI в. распорядилась коллегия садовников — *κηπουροί*.

Много пригородных садов вокруг Константинополя принадлежало монастырям. Монастырь Студитов имел в окрестностях Константинополя метох, где были богатые фруктами сады. В житии св. Василия Аморийского рассказывается об уборке урожая в монастырском саду¹²⁸. Садоводство в VI в. пользовалось почетом — об этом говорят и восторженные стихотворения Павла Силенциария и LXI новелла Юстиниана, свидетельствующая о больших правах садовников. В дальнейшем, в связи с конфискациями XII—XIII вв., владения городской знати рассыпаются. Садоводами делаются более мелкие собственники.

В памятниках времени Комнинов о садоводах говорится как о людях бедных, принадлежавших к низам общества. Прозром в своем стихо-

¹¹⁸ H. Délehayе. Deux typica de l'époque des Paléologues. Bruxelles, 1902; R. Janin. Constantinople byzantin, p. 435.

¹¹⁹ A. Stöckle. Spätromische und byzantinische Zünfte. „Klio“, Beiheft 9. Leipzig, 1911, S. 47.

¹²⁰ Bas., 60, 12, 47—64, 20, 21.

¹²¹ Har menopulos, 2, 4, 14.

¹²² PG, t. 48, col. 984.

¹²³ Νέος Ἑλληνομνημων, 1906, 3, 217.

¹²⁴ Прозром, IV, 129.

¹²⁵ Там же, 133.

¹²⁶ Synopsis Basilicorum, I, 4483.

¹²⁷ Ducange. Glossar. graec., Appendix, 120.

¹²⁸ AASS, Nov., IV, 607 (Vita s. Blasii).

творении рассказывает, как дочь садовника, чтобы выйти из нищеты, решила вступить в брак со старым доктором философии. Садовник в глазах поэта — символ бедного, задавленного нуждой человека¹²⁹.

Важное значение в снабжении крупных городов имела поставка в город маслин, растительного и лампадного масла (последнее применялось для освещения).

По постановлению епарха (Гарменопул, 2, 4, 20), заведения, в которых производилось прессование маслин, не могли помещаться в городе, поскольку это производство было связано с распространением неприятного запаха и было вредно для окружающих. Поэтому масличные прессовальни находились за чертой города. Прессовщиков маслин называли *ἀμμουδάριοι, ἐλαιοτρίβοι*. В полном соответствии с данными Гарменопула, в папирусах (времен Маврикия) говорится об аренде участка в пригородном селе по соседству с *ἀγρός ἐλαιουργίου* — прессовальной мастерской¹³⁰.

В IV в. существовала влиятельная привилегированная коллегия олеариев¹³¹, в более позднее время сведения о таком объединении *ἐλαιοτρίβων* не встречаются; нужно думать, что олеарии включались в корпорацию *κηποιῶν*, поскольку сады засаживались и масличными деревьями¹³².

В пригородных садах разводились пчелы. Таких садовых пчельников было много во владениях церкви. Из Книги епарха (XI, 3) узнаем, что керулларии получали воск от церквей, чтобы выполнять заказы на свечи.

В пригородных районах имелись пастбища для скота горожан. На западе от Константинополя, у Больших стен, по сообщению Иоанна Эфесского, в правление Тиверия II паслись стада императорского двора и частных лиц.

В предместьях находились конюшни, принадлежавшие знати. Здесь же были и пастбища, где паслись кони. По Василикам (XXV, 3, 4), пригородные конюшни (*σταλύα*) жильцов можно было взять в залог, если квартирант не вносил квартирной платы. В пригородах имелись конюшни и цирковых партий.

Из окрестностей города населению последнего доставлялось молоко. Жители предместий относили молоко в город на продажу. Об этих молочниках (*ὀξύγαλατῆδες*), продававших молоко в кринках (*τούγκκις*) и горшках (*χύτρας*), сообщает Продром (IV, 119)¹³³.

Согласно известию Клавихо¹³⁴, константинопольский квартал Галата назывался так потому, что на этом месте первоначально были молочные хозяйства: «Прежде, чем там был построен город (Галата), там были *casares* (мызы — проастии), куда каждый день собирался скот, там доили молоко, которое шло на продажу в город, — и оттого этот город называют Галата, т. е. по-нашему „молочный двор“». На другом берегу Золотого рога, на Фракийском побережье было предместье Галата¹³⁵. Молоч-

¹²⁹ С. Пападимитриу. Поэт Федор Продром. Одесса, 1906, стр. 274.

¹³⁰ Pap. Ros. Georg., III, 40; о прессовании маслин — см. в Житие Никона Метаноэта. Νέος Ἑλληνομνήμων, 3, 203, 26.

¹³¹ Dig., 50, 4, 5; CIL, VI, 1620.

¹³² Nov. Just., LXIV: περί κηπουρῶν.

¹³³ Poemata Prodromica, ed. Miller. Melanges de Philologie, 1876.

111. Ἄν ἦμεσιν ὀξύγαλατῆς τ' ὀξύγαλαν νά πῶλου.

112. Τὴν τζούγκκην τοῦ ὀξύγάλακτος εἰς ὦμον μου νά βᾶστου. . .

114 . . . ἐπαρετε δρουβανιστόν ὀξύγαλαν, γυναίκες.

¹³⁴ Р. Г. де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Сборник Отд. русск. яз. и слов., т. 28, СПб., 1881, стр. 48.

¹³⁵ С. Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi, vol. V, 214. Cp. R. Janin. Constantinople byzantin, p. 408.

ные продукты (коровье масло и сыр) продавались в X в. салдамариями, которые имели монополию на перепродажу этих товаров в городе. Нужно думать, что салдамарии покупали масло и сыр у жителей пригородных местностей; у них же могли покупать для потребления, но не для перепродажи и прочие лица (Книга епарха, XIII, 4).

Производство сыра сосредоточено было в пригородах: согласно постановлениям епарха, *τυροποιοί* по причине неприятного запаха, распространяемого при производстве сыра, не имели права организовать свои мастерские ближе чем в 3 стадиях от города¹³⁶. Сыр продавался по весу, а не штучно, как хлеб, отсюда (по Свиде) выражение „продам сыр“ *τυροπωλήσω* означало также вообще *σταθμήσω*, т. е. взвешу: *προς γάρ σταθμὸν ἐπωλεῖτο ὁ τυρός*. Мы можем заключить отсюда, что сыр продавался обычно посредникам большими партиями.

В пригородах существовало, если можно так выразиться, консервно-маринадное производство. Общее название работников этого вида производства — *γαρεψοί*; маринады разного вида, называемые *γάρον*, приготавливались из овощей, птицы, рыбы. Производство это, опять-таки по причине распространяемого им дурного запаха — *πολλή γάρ ἀπ' αὐτῆς ἀτμῆς δυσώδης*, не допускалось в черте города и вообще ближе 3 стадий от жилых помещений. Производство *γάρον* можно проследить от античных времен; в Геопонике (XX, 46, 1, 3) под *γάρον* иногда разумелась и особая жидкость из пресного хлеба, меда, фруктов, разных корней — нечто вроде кваса¹³⁷. Но в то же время различали сорта *γάρον*, изготовленного на укусе — *ὄξύγαρον*, на масле — *γαρέλαιον*, на воде — *ὑδρόγαρον*; изготовлялся *γάρον* с подмешиванием перца — *piperaum garum*, как соус — *liquamen*, которым подправлялось мясное или рыбное блюдо — *porcellus οἰνογάρατος*, или вообще рыбный соус, или нечто вроде зернистой икры. Таким образом, *γάρον* — всевозможные маринады и консервы, считавшиеся изысканными кушаньями. Производство это — *τέχνη τῶν γαρεψῶν*, очевидно, имело особые секреты. Вывоз за границу *γάρον* был воспрещен.

Копчение, вяление производились также в пригородах. В поздних папирусах встречаются сведения о том, что крестьяне пригородного села — *οἰκόδομος καὶ γεωργός* — в свободное время были *ταριχευτής*¹³⁸.

В ямбах Цец¹³⁹ о *ταριχευτής* говорится как о *δυσμενῆς ἐργάτης*, — как о презираемом работнике. Копченая рыба и копченое мясо продавались в Константинополе салдамариями, которые таким образом были посредниками в продаже копченостей (*κρέας, ἰχθύας τεταριχευμένου*)¹⁴⁰.

Ихтиопратам строго запрещалось копчение рыбы¹⁴¹. Роль рыботорговцев сводилась исключительно к посредничеству между артелями рыбаков и потребителями, а копчение представляло собою особую отрасль, посредником в которой были не ихтиопраты, а салдамарии.

* * *

Вокруг городов было множество виноградников, в которых обычно жили сторожа¹⁴². Постоянных работников, кроме этих сторожей, в виноградниках было мало, так как работа здесь носила сезонный характер.

¹³⁶ Harmenopoulos, 2, 4, 22.

¹³⁷ RE, VII, 850.

¹³⁸ M. Mitteis — U. Wilken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde, Bd. I. Leipzig, 1912, S. 212.

¹³⁹ I. Tzetzes. Chiliades, ed. Kiessling. Leipzig, 1826.

¹⁴⁰ Книга епарха, XIII, 1.

¹⁴¹ Там же, XVII, 2.

¹⁴² Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII — IX вв., стр. 49.

Поэтому существовали организации особых артелей виноградарей, которые нанимались на весенние работы в виноградники и на уборку винограда. Житие Полихрония сообщает, что герой его присоединился к одной из таких артелей¹⁴³.

Существование артелей этого рода оправдывалось и тем, что подчас размеры виноградников были довольно значительными. В Житии Иллариона сообщается, что толпа странствующих монахов могла, кто сколько хотел, брать себе виноград для еды. Ἀμπελοργοί — виноградары помимо садовых работ занимались и изготовлением вина: они работали над σταφυλοβολεῖον — τὸ καλούμενον πατητήριον¹⁴⁴.

Часть пригородных виноградников находилась в собственности жителей города. Бревиарий Никифора сообщает, что в 640 г., когда жители Константинополя узнали о захвате их виноградников мятежными войсками, в городе вслыхнуло возмущение. В возбужденной толпе были „самые грубые и неотесанные люди“. Социальная принадлежность лиц, тревожащихся об участии виноградников в предместьях города (на азиатском берегу Босфора), вполне ясна: это — горожане, мелкие собственники или мелкие арендаторы виноградников — проастиев.

Пригородные села снабжали город птицей через специальных посредников. У патриографов имеется известие о константинопольском продавце гусей χηνοπώλος, который имел дом стоимостью в 6 литр зол.¹⁴⁵ Это, очевидно, постоянный посредник, скупщик гусей. Птицу на рынок привозили и окрестные крестьянки — ὀρνιθοπώλαι (Тимарион, XLVI)¹⁴⁶. Подобным же образом пригородные села снабжали город яйцами. Отдельные пригородные хозяйства обязывались продавать продукты только в городе, точнее, — какому-нибудь перекупщику, установившему с ними более тесную связь.

Подобные обязательства мы находим в папирусах IV — VIII вв. В некоторых из этих обязательств встречается выражение: εἰς τὴν εὐθηνίαν τῆς λαμπροτάτης πόλεως¹⁴⁷.

В пригородных селах разводили мелкий скот для продажи городским мясникам. Одна из статей Книги эпарха (XV, 3) запрещает мясникам делать закупки скота в пригородах. Им разрешалось, однако, отправляться за реку Сангарий, т. е. в более отдаленные места. Это говорит о том, что требование производить торговлю исключительно на площади Тавра относилось и к пригородным местностям. К тому же пригороды, само собой разумеется, были связаны с рынком столицы, и на увеличение количества мяса эти частные поездки в пригород не могли бы оказать влияния: наоборот, они усилили бы конкуренцию в пригородах и вызвали бы только подорожание продуктов. Поездки же в отдаленные районы могли привести к увеличению количества мяса, завозимого в столицу, что повлекло бы некоторое снижение цен, поскольку вдали от столицы цены на скот могли быть и не столь высоки, как в пригородах.

* * *

Перейдем к важнейшей отрасли товарного хозяйства того времени — рыболовному промыслу. По своему географическому положению Византия отличалась от всех других государств. В Византии море соединяло отдель-

¹⁴³ H. Délehaue. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 117.

¹⁴⁴ Lexicon Vindobonense, p. 26.

¹⁴⁵ Script. origin., p. 80.

¹⁴⁶ A. Ellissen. Analecten der Mittel- und Neugriechischen Literatur, Bd. IV. Leipzig, 1860.

¹⁴⁷ M. Mitteis — U. Wilken. Grudzüge ..., S. 429.

ные части страны. Прибрежные рыбацкие поселки, находившиеся даже на далеком расстоянии от Константинополя и Фессалоники, фактически являлись их пригородами. Население побережья Мраморного моря добывало себе средства к жизни тем, что сбывало рыбу в Константинополь. В житии Парфения Лампсакского говорится о жителе Мелиты, продававшем рыбу в столице¹⁴⁸.

Окрестности Константинополя издавна славилась рыбой. Тацит сообщает: „Византий имеет плодородную почву, обильное рыбой море, так как несметное количество рыбы, выходя из Понта и испугавшись наискось лежащих подводных скал, бросается в изгибы другого берега и относится к гаваням Византия“.

Крестоносцы поразились обилию рыбы в окрестностях Константинополя¹⁴⁹. Иоанн Каменята, рассказывая об окрестностях Фессалоники, пишет, что рыба служит обильной пищей для жителей как окрестных сел, так и самого города¹⁵⁰. Имеются сведения об искусственном разведении рыбы в прудах тех городов, которые не находились у моря. Так, по житию Константина (Ex Judaeis)¹⁵¹, в пруду недалеко от г. Никеи разводилось множество рыбы (на латинском языке это называлось vivarium): „λίμιον ἰχθύων πλῆρες, βιβάριον τοῦτο καλεῖται ῥωμαίων ἀνὴρ“....

Рыболовством занимались в окрестностях города как жители столицы, так и пригородов и пригородных сел. Иоанн Златоуст относит *ἀλιείας* к бедноте¹⁵². Никита Хониат сообщает, что все население побережья Пропонтиды в окрестностях Константинополя занималось рыбным промыслом, имело в конце XII в. большой рыболовный флот, который мог быть использован даже в военных целях¹⁵³.

Судя по законам Льва VI о рыбной ловле, в окрестностях Константинополя рыболовство находилось в руках мелких рыболовецких товариществ, состоящих из лиц, которые имели дома на морском побережье¹⁵⁴. Подобные товарищества устраивали причал — *ἑποχή*; доход от продажи рыбы распределялся пропорционально величине участков земли членов товарищества. Лев VI изменил этот порядок: доход от улова рыбы, согласно новелле этого императора, должен был распределяться равномерно между членами товарищества (новелла имела в виду мелких землевладельцев), независимо от размеров их земельных участков, так как, говорится в законе, делится доход не от земли, а от моря.

Новелла III Льва VI относительно рыболовецких объединений предписывает включать мелкие рыболовецкие хозяйства в более крупные объединения, — даже в принудительном порядке.

В Книге эпарха содержится запрещение продающим рыбу коптить ее или продавать иногородним: слово *ἀπεμπολοῦσι* может относиться только к самим рыбакам, так как в другой статье продажа рыбы на месте ловли названа *ἀπεμπολήσις*. Таким образом, жителям пригородных рыбацких поселков фактически было запрещено продавать рыбу кому бы то ни было из „иногородних“; улов мог быть продан только ихтиопратам в столицу, или же рыбак лично должен был везти рыбу на рынок. Это положение сохранилось также и после завоевания Византии турками¹⁵⁵.

¹⁴⁸ PG, t. 114, col. 1348.

¹⁴⁹ Odonis de Diogilo. PL, t. 86, col. 1227.

¹⁵⁰ PG, t. 101, col. 532.

¹⁵¹ AASS Novembris, IV, 643.

¹⁵² PG, t. 51, col. 192; t. 59, col. 30.

¹⁵³ Nicetas Choniata. Historia, p. 494, 495, 497.

¹⁵⁴ Jus, III, p. 203.

¹⁵⁵ R. Janin. в ред. на С. Zoras. Le corporationi Bizantini. „Échos d'Orient“, 1933, p. 120.

В Книге епарха нет данных в том, как оформлялись обязательства рыбаков снабжать рыбой ихтиопратов. Однако, привлекая материал поздних папирусов, можно предположить, что товарищества вступали с торговцами рыбой в договорные отношения. Сохранился греческий папирус 675 г., в котором приведено обязательство старшины рыбаков Аврелия представить 220 ἀργύρια ὄψαρια, причем указывается, что обязательство принято с согласия членов товарищества τῶν ὑπ' ἐμὲ ἀλιέων¹⁵⁶. Рыбаки, объединенные в товарищества, имели свои корабли и располагали большими возможностями для рыбной ловли.

Упомянутые в Книге епарха σκάλα — причалы для рыбацких лодок на берегу — часто встречаются в актах монастырей. На этих σκάλαις устраивались особые приспособления для закрепления лодок (отсюда соответствующий налог σκαλιατικόν)¹⁵⁷.

Агиографическая литература содержит данные о бедных рыбаках, все достояние которых состояло в неводе. В житии св. Фомаиды рассказывается о том, как рыбак, у которого волнами унесло невод, попал в безвыходное положение. Он считал, что в результате потери τῆς ἐπιστήμης ὀργάνων, ὡς εἴρηται, τελείαν πεπονθότι ἀπολείχην¹⁵⁸.

Рыбацкие лодки — σκνδάλια — имели немалое значение для крестьянских хозяйств. Они облагались большим налогом. Из актов видно, что иногда семья владела не целой лодкой, а половиной ее и платила налог за половину лодки¹⁵⁹. В связи с большим развитием рыболовного промысла множество лиц из беднейших слоев населения занималось изготовлением сетей и неводов для рыбаков¹⁶⁰.

Евстафий Фессалоникийский сообщает о σπαρτίνας — плетущих нити с грузилами для рыбаков¹⁶¹. Этот вид производства можно считать идентичным с упомянутым у Гарменопула (2, 4, 21).

Рыболовством занимались и более крупные собственники. В Василеках предусматривается использование рабов в рыболовных промыслах, говорится о рабах τοῖς ἀλιεῦσι ἐφεστώτας... Судя по новелле Льва VI, предоставлявшей землевладельцу приморского участка исключительное право рыбной ловли в прилегающей части моря, использование рабов надо считать вполне вероятным.

Монастыри владели кораблями-однодревками, иногда освобождаясь от налогов. Это — рыболовные суда „однодревки с полным оборудованием для рыболовного дела“ μονοξύλα δύο μετὰ πάσης τῆς ἀλευτικής αὐτῶν ἐπιστήμης (Фил., III, 72).

Соляные варницы находились юридически в собственности государства, но государство либо предоставляло их в качестве дара церкви, либо сдавало в аренду. В V в. Александрийский патриарх захватил в свои руки соляные варницы, принадлежавшие городу. Соляные варницы были в окрестностях Фессалоники. В 688 г. Юстиниан II передал эти варницы в собственность κυριεῦειν τε αὐτῆς καὶ δεσπόζειν с правом извлекать доход εἰς οἰκίαν ἀποφέρεισθαι κέρδος — πᾶσαν τὴν ἀλικὴν τὴν οὐσαν καὶ... προσπαρχακειμένην ἐν... Θεσσαλονικίων... Известно, что императорские солеварни находились и в окрестностях Смирны (πρόστχγμα 1238 г.)¹⁶².

¹⁵⁶ Pap. Ross. Georg., III, № 53.

¹⁵⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, 9. 41; 46. 7.

¹⁵⁸ AASS Nov., IV, 240.

¹⁵⁹ F. Dölger. Op. cit., 9.

¹⁶⁰ PG, t. 59, col. 30, M. Ψέλλος. Ἱστορικοὶ λόγοι... , т. V, σ. 58.

¹⁶¹ Ευστάθιος Θεσσαλονίκης. Παρεκβολ. σ. 191, 33; F. Ducange. Glossar. graec., I, 418.

¹⁶² MM, IV, p. 284.

В схолиях к Василикам говорится о разрешении заключать соглашения относительно совместного сбора пошлин с гаваней, ворот и солеварен: *καὶ ἐπὶ δημοσίῳ τελείματι ὁποῖου ἐστὶν τὸ τοῦ λιμένος καὶ τῶν πυλῶν καὶ τῶν ἀλικῶν...*¹⁶³. Это указание на сбор пошлин с солеварен свидетельствует о том, что в них работали не государственные рабы, то есть солеварни находились в руках частных съемщиков.

В поздних актах солеварни перечислялись наравне с виноградниками как собственность монастырей¹⁶⁴. Ксенофонтский монастырь *περὶ τὴν Καλαμαρίαν* в метохе Станий имел соляную варницу — *ἔνθα κέκτεται καὶ ἀλείαν ἢ τοιαύτη μονή*¹⁶⁵.

В том пригородном метохе, к которому относились эти варницы, поселились „свободные — бедняки и не вписанные ни в какие практики“ — *ἐν ἧ προσκάθηται καὶ τινες πτωχοὶ ἐλεύθεροὶ καὶ μὴ καταγεγραμμένοι ἐν πρακτικαῖς τινῶν*. Здесь термин *προσκαθήμενοι*, очевидно, означает лиц, живших на земле монастыря менее 29 лет. Нужно думать, что именно они и работали на соляных варницах. Из 22 крестьян этого монастыря, как отмечает Г. Острогорский, половина вовсе не имела ни земли, ни скота, а остальные поражают своей нищетою, — очевидно, это и были работники на соляных промыслах¹⁶⁶. Но эти проскафимены — еще не крепостные. Это бедняки — *πτωχοί*, которые из города устремлялись на заработки в пригородные монастырские метохы; поселяясь здесь на постоянное жительство, они по прошествии 30 лет делались зависимыми людьми.

* * *

Что касается вопроса о кораблестроении, то на основании отрывочных данных мы можем заключить, что оно осуществлялось главным образом в пригородах. Основная рабочая сила — *τέκτονες καὶ καλαφᾶται*, т. е. плотники и конопатчики, набиралась из пригородных сел.

В папирусе VIII в. говорится о подготовке *εἰς ναυπηγικὸν καὶ καλαφαιτικὸν ἔργον* из пригородных сел — *διὰ τῆς πόλεως καὶ συστατικῶν χωρίων* (710 г.)¹⁶⁷. В черте города Константинополя был особый квартал *ἐξάρτυσις*, где производился ремонт кораблей. Вне черты города, против Влахернского дворца, на северном берегу Золотого рога, был другой квартал, в источниках также называемый *ἐξάρτυσις* (*πέραν ἔνδον τῆς Ἐξαρτήσεως*)¹⁶⁸.

Никита Хониат упрекал императоров в том, что они ради собственного развлечения — охоты — не разрешали рубить лес для постройки кораблей: очевидно, речь шла о лесистых горах в окрестностях Константинополя, где устроены были охотничьи заповедники.

Предместья городов служили также и местом для торговли: не всегда было выгодно допускать торговлю с иностранцами в самом городе.

В Книге епарха говорится о меновой торговле с болгарами и представителями других народностей. С разрешения епарха уполномоченные некоторых цехов должны были отправляться к прибывшим „племенам“ *εἰσερχέσθασιν...* ἐν τοῖς ἔθνεσιν (IX, 4). Это — не единичное сообщение такого рода: в своих советах Кекавмен отмечает, как опасно производить торговлю с иностранцами вблизи от города, причем он приводит

¹⁶³ Bas., 12, 157, schol. 3.

¹⁶⁴ См. акты Ксенофонта монастыря. ВВ, т. X, стр. 38, 54, 62, 63.

¹⁶⁵ Xenophon, VIII, 57.

¹⁶⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, 9, 1948, стр. 274; его же. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine, Bruxelles, 1950, p. 69.

¹⁶⁷ Pap. Ross. Georg. IV, 6.

¹⁶⁸ H. Déliha y e. Synaxaris, 21.

конкретный случай захвата города Димитриады иностранцами, прибывшими для торговли.

Рынок, как уже говорилось, устраивался вне города. Очевидно, вне города имелись и удобные загородные пристани (таких пристаней было много близ Константинополя и Фессалоники). Стороны присягали, давали друг другу заложников и открывался торг¹⁶⁹.

Интересно отметить, что вблизи Константинополя были удобные места для торговли. Со стороны Мраморного моря, как раз на дороге Via Egnatia, в Гебдомоне была устроена гавань с молом, защищавшим ее от южных ветров. Европейский берег Босфора (Στενοῦ) был усеян поселениями, в которых производилась оживленная торговля. Прокопий пишет, что на Анапле (так назывался европейский берег Босфора) был построен храм, перед ним находилась широкая площадь с большой каменной дамбой, к краю которой приставали корабли: „живущие у моря торговцы на своих грузовых лодках пристаю к краю каменной дамбы и с палуб судов продают свои товары тем, которые находятся на земле“¹⁷⁰.

Особенно важное значение для торговли с Северным Причерноморьем имел порт св. Маманта. Местность вблизи этого порта носила характерное название Φιλέμπορος — „друг купцов“. Как известно, в X в. у „святого Мамы“ останавливались русские купцы. В районе монастыря св. Маманта находились не только пристань и гостиница для приезжающих русских купцов: там были и ряды „эмволы“, так называемые новые эмволы — νέος ἔμβολος¹⁷¹. Там же имелись и другие портовые пункты: Михаэлион, Сосфений и Калос Аргос. Интересно отметить, что как раз близ этих важных торговых пунктов находились владения таких византийских государственных деятелей, как Тарасий, Василиск, Заудес-Стилиан¹⁷². На азиатском берегу были расположены гавани: Дамалис у Хриостополя; построенная при Юстиниане гавань „Европия“ и порт Гиера; торговая гавань Руфиниана¹⁷³, Полиатикон, Сатира, Бриас, Карталимех и на Принцевых островах — порт Принкипа¹⁷⁴.

Правила константинопольских торговых корпораций стесняли столичных купцов в их торговой деятельности вне Константинополя: представителям некоторых категорий купечества буквально запрещено было путешествовать¹⁷⁵. Эти стеснения были выгодны купцам из пригородов, — чем и объясняется в известной мере устройство торговых гаваней в пригородах.

В окрестностях городов жило много евреев. Еврейские общины ремесленников и торговцев в силу своего религиозного единства легко поддерживали связь между собою. Они вели оживленную торговлю.

Эти сведения относятся ко времени после XI в. Сообщения Вениамина Тудельского дают типичную картину торгово-ремесленного быта еврейских общин в средневековом городе и его предместьях^{1,6}.

* * *

Как нам уже приходилось отмечать, в окрестностях большого города находились села как свободных крестьян, так и париков. Из этих сел

¹⁶⁹ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI в. ЖМНП, ч. 215, 1881, стр. 286.

¹⁷⁰ Прокопий. О постройках, 1, 8, 9 (пер. С. П. Кондратьева).

¹⁷¹ Chronica Paschala, I, 598. Ср. R. Janin. Constantinople byzantin, p. 93.

¹⁷² Chronica Paschala, pp. 428, 437.

¹⁷³ Vita S. Auxentii. PG, t. 115, col. 1413, 1416.

¹⁷⁴ R. Janin. Op. cit., p. 222.

¹⁷⁵ Книга епарха, VI, 12.

¹⁷⁶ Ph. Koukoules. Mélange J. Bidez. Paris, 1935, p. 32.

в случае войны и осады города набиралось τὸ παγανικὸν ἀλλάγιον. Эти же села давали людей на выполнение *munera sordida*.

Подвластные села монастырских метохов тоже облагались повинностями. В 1092 г. монахи св. горы, владевшие метохом „св. Андрея“ в предместьях Фессалоники, просили императора освободить париков этого метоха от различных повинностей — ἀγγαρείας κοπῆς καὶ καταβιβασμοῦ οἰασητινῆς ξυλῆς παροχῆς καρβῶνων καὶ ἑτέρας ἀπάσης ἐπηρείας ἐξ οἰασηποτοῦν ἀφορμῆς ἐπερχομένης¹⁷⁷. . . κοπῆς καὶ καταβιβασμοῦ οἰασητινῆς ξυλῆς ἢ μεταχομιδῆς ἑτέρου εἰδους¹⁷⁸.

Из этого совершенно очевидно, что пригородные села, чьи бы они ни были, обязывались заготавливать для нужд города древесный уголь и дрова по приказанию властей, провозить грузы по указанию императорских грамот. Эти повинности пригородного крестьянства носили весьма устойчивый характер. Одни и те же повинности упоминаются грамотами XI и XIV вв. Изменения в терминологии были несущественными: вместо καῦσις καρβῶνιου стало употребляться καμίνων καῦσις, вместо καταβιβασμός ξυλῆς — ξυλόσυρμα.

Население окрестностей крупного города находилось, таким образом, в своеобразном положении: с одной стороны, благоприятные условия для ведения мелкотоварного хозяйства (наличие города с почти неограниченными возможностями сбыта на рынке) создавали особые преимущества для занятия всякого рода ремеслами, для выгодной продажи продуктов огородного, садового, животноводческого хозяйства. Пригородное крестьянство располагало широкими возможностями обогащения и превращения в бюргерство. Но, с другой стороны, население городских предместий должно было выполнять множество повинностей (*munera sordida*), связанных с потребностями большого города. К тому же это население в основном жило на участках, являвшихся собственностью крупных константинопольских вельмож.

Все противоречия товарного хозяйства, обслуживавшего феодальное общество и в то же время стесняемого феодальными порядками, проявлялись с особой четкостью именно в жизни трудового населения предместий города. При любом волнении в городе положение обострялось тем обстоятельством, что трудящееся население предместий имело возможности проявлять свое недовольство совместно с городскими массами (этому вопросу будет посвящено специальное исследование). Выступление народных масс в крупном византийском городе отражают, таким образом, интересы не только горожан, но и сельского населения, вовлеченного в товарное производство. Товарное производство, характерное для хозяйства пригородов и подгородных районов, настолько прочно связывало население предместий с большим городом, что не могло быть и речи о самостоятельных экономических требованиях со стороны жителей подгородных районов.

Производство в предместьях (ремесло, товарное сельское хозяйство) принципиально не отличалось от городского ремесла и городского садоводства и огородничества. Так же как и в большом городе, население подгородных сел работало не на узкий, местный, а на широкий рынок многолюдного центра внешней торговли. Если огромная часть византийского крестьянства вела натуральное хозяйство, то сельскохозяйственное население пригородного района вело типичное „подгородное хозяйство“, о котором писал В. И. Ленин в своем труде „Развитие капитализма

¹⁷⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 14.

¹⁷⁸ Ibid., SS. 35, 85.

в России". В этом исследовании В. И. Ленин касается не только развития подгородной деревни в пореформенной России, но дает теоретические обобщения особенностей подгородного хозяйства вообще, закономерностей развития всякой деревни, которая с усовершенствованием путей сообщения принимает характерные черты подгородной. „Нам остается еще сказать, — писал В. И. Ленин, — несколько слов о *подгородном хозяйстве*. Отличие его от вышеописанных видов торгового земледелия состоит в том, что там все хозяйство приспособлялось к какому-нибудь одному главному, рыночному продукту. Здесь же мелкий земледелец торгует всем понемножку ... и своим двором, и своею лошадыю, и всяческими продуктами своего сельского и дворового хозяйства — хлебом, кормом для скота, молоком, мясом, овощами, ягодами, рыбой, лесом и пр..."¹⁷⁹.

Конечно, в основе хозяйственной жизни Византии лежало натуральное хозяйство: в этих условиях в подавляющем большинстве деревень Византии возможно было только товарное обращение излишков, а не товарное производство: „Как известно, товарное обращение предшествует товарному производству..."¹⁸⁰.

Но в подгородных районах хозяйство крестьянина под влиянием экономики города-эмпории постепенно становилось на путь развития товарного производства и поэтому подчинялось его общим законам. Поэтому, несмотря на неразвитость товарно-денежных отношений в докапиталистический период, в тех районах, которые были уже вовлечены в товарное производство, должны были складываться иные производственные отношения, нежели в тех районах, которые еще не были вовлечены в товарное производство и где существовало только товарное обращение излишков.

Вовлечение в товарное хозяйство быстро разлагало родовые связи и на место родовой собственности на землю, на место собственности общины появилась полная частная собственность — *dominium plenum*, характерная для товарного производства.

Яркий пример перехода родовой собственности в частную вблизи города Фессалоники был указан Е. Э. Липшиц: земля драгувитов — собственность рода — здесь перешла в частную собственность. Драгувиты, поселившись недалеко от Фессалоники, оказались вовлеченными в экономические связи с городом; это привело к возникновению имущественной дифференциации в роде; родовая собственность перешла во владение, а потом и в полную собственность богача — одного из членов этого рода¹⁸¹.

Так, под влиянием товарных связей на месте общинной собственности на землю появляется частная собственность, объекты которой могут оставаться в руках городской светской знати, переходить церковным сенъориям; товарное производство не является непримиримой противоположностью феодальной собственности, но во многих случаях именно вследствие развития товарного производства разрушается родовая и общинная собственность и возникает феодальная собственность на землю.

¹⁷⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 265.

¹⁸⁰ Там же, стр. 485.

¹⁸¹ См. Е. Э. Липшиц. К истории славянских общин в Македонии VI—IX вв. Сборник, посвященный Б. Д. Грекову. М., 1952.

Р. А. НАСЛЕДОВА

МАКЕДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ КОНЦА IX—НАЧАЛА X в.
ПО ДАННЫМ ИОАННА КАМЕНИАТЫ

Факт широкой колонизации славянами в VI—VII столетиях Македонии и Фракии, а также и других, более отдаленных областей Византийской империи, — Фессалии, Эпира, Пелопоннеса не вызывает в настоящее время сколько-нибудь серьезных возражений¹.

В отношении Македонии общепринятыми остаются основанные на обширной документации мнения М. Дринова, Ф. И. Успенского, Л. Нидерле и других авторитетных исследователей проблемы славянской колонизации, согласно которым Македония в VII в. была почти сплошь заселена славянскими племенами². Автор вышедшего в 1945 г. исследования о Восточной Македонии П. Лемерль полностью присоединяется к точке зрения указанных ученых, констатируя, что славяне были „особенно многочисленны в Македонии“, что „Македония в VII—VIII вв. была более славянской, чем греческой“³. Известно, что именно к этой области византийские писатели применяли в первую очередь характерное имя „Склавиния“ (ἡ Σκλαυινία) — страна славян⁴.

¹ Вновь предпринятая целым рядом греческих ученых (К. Amantos. *Ἱστορία τοῦ βυζαντινοῦ κράτους*, I. Athènes, 1939; Его же. *Οἱ Σλάβοι εἰς τὴν Ἑλλάδα*. *Byzant.-Neogr. Jahrb.*, 16, 1939—1943; P. Charanis. *On the social structure of the later roman empire*. *Byz.*, XVII, 1944—1945; Его же. *The slavie element in Byzantine Asia Minor*. *Byz.*, XVIII, 1948; Его же. *Nicephorus I, the Savior of Greece* [from the *Slavs*. *Byzantina-Metabyzantina*, I, 1946) попытка преуменьшить размеры славянской колонизации не выдерживает критики многочисленных и достаточно убедительных источников. В связи со стремлением Д. Георгакаса (D. Georgakas. *Beiträge zur Deutung als slavisch erklärter Ortsnamen*. *BZ*, 41, 1941, S. 374—376) снова подвергнуть изучению слово *Σκλάβος* и трактовать *ἑσθλαβῶδη* в знаменитой фразе Константина Порфирородного: *ἑσθλαβῶδη πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος* (*Περὶ θεμιτῶν*, II, *Bonnae*, p. 53) как *ἑσκλαβῶδη*, т. е. „была обращена в рабство“, П. Лемерль (P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. Paris, 1945, p. 117) справедливо спрашивает: кто же, если не славяне, были в таком случае господами этих рабов? Ср. Н. Gelzer. *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung*. *Abhandl. der philol.-hist. Classe Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, Bd. XVIII. Leipzig, 1899, № V, S. 51.

² М. Дринов. *Заселение Балканского полуострова славянами*. Чтения ОИДР. М., 1872, окт. — дек., кн. IV, стр. 131, 133; Ф. И. Успенский. *О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия Солунского*. ИРАИК, т. XIV, ч. 1. София, 1909, стр. 40; L. Niederle. *Manuel de l'antiquité slave*. Paris, 1923, p. 65, 66, 104, 105.

³ P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine*..., p. 115—116.

⁴ Феофан (Theophanes, ed. C. de Boor, p. 430) прямо указывает, что император Константин V (740—775) совершил поход *κατὰ τὴν Μακεδονίαν Σκλαυινίας*. Ср. *Nicephorus*, ed. C. de Boor, p. 36; *Georgius Monachus*, ed. C. de Boor, II, p. 729—730; *Leo Grammaticus*, *Bonnae*, p. 163 и др. См. о Склавиниях L. Niederle. *Manuel de l'antiquité slave*, p. 104—105, 114; М. Дринов. *Заселение Балканского полуострова славянами*, стр. 135, 151; F. Dvornik. *Les Slaves, Byzance et Rome au IX-e siècle*. *Travaux publiés par l'Institut d'études slaves*, IV, Paris, 1926, p. 12; C. Jireček. *Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe*. Prag, 1877, S. 70, 72 и др.

Вопрос о славянской колонизации значительно осложняется для более позднего времени. С ослаблением вооруженной борьбы между Византийской империей и осевшими на ее территории славянскими племенами сведения о последних значительно сокращаются, что нередко служит основанием для утверждения о быстрой ассимиляции и бесследном исчезновении славян в среде греческого населения. Поворотным пунктом во взаимоотношениях между империей и македонскими славянами в западноевропейской историографии принято, как правило, считать поход императора Юстиниана II, организованный против этой группы славянских племен в 688 г.⁵ В последнее время эта точка зрения была вновь повторена Ш. Дельвуа. „Отныне (т. е. после похода Юстиниана. — *P. H.*), — пишет автор, — размещенные в окрестностях города (Фессалоники) славяне стали жить в добром согласии с фессалоникийцами“⁶.

Помимо походов и карательных экспедиций, большое значение в деле „умиротворения“ и „эллинизации“ славян придается обычно их христианизации, а также политике массовых переселений, проводившейся византийскими императорами. Греческий ученый Кириакидес, указывая на это последнее обстоятельство, утверждает, в частности, что к IX в. славянские районы византийской Македонии были сильно грецизированы; в окрестностях Фессалоники, по его мнению, славянские племена жили лишь по склонам гор и не играли значительной роли в плодородных низинах⁷.

Проблеме славянской колонизации и критическому рассмотрению вышеуказанных положений зарубежной историографии был посвящен специальный раздел докторской диссертации Е. Э. Липшиц⁸. Автор этой работы, к сожалению еще не опубликованной, привлек едва ли не исчерпывающий фонд известных в настоящее время по этому вопросу источников. Здесь мы хотим лишь попытаться проанализировать с большей, чем это имело место до сих пор, полнотой и целостностью материалы о славянах, живших в окрестностях города Фессалоники, заключающиеся в сочинении византийского клирика начала X в. Иоанна Камениаты „На взятие Фессалоники“⁹. Сам фессалоникиец, современник описываемых событий, Камениата рисует достоверную этнографическую картину окружающих город областей; его труд дает возможность увидеть конкретные формы взаимоотношений между Фессалоникой (и, следовательно, вообще империей) и потомками расселившихся в VII в. в ее окрестностях славян, позволяет выяснить некоторые черты их общественного устройства, а также определить ту роль, которую играли славянские племена в общем экономическом развитии города в конце IX—начале X в.

При знакомстве с сочинением Иоанна Камениаты мы встречаемся прежде всего с чрезвычайно интересным обстоятельством, отмеченным еще неутомимым исследователем истории Фессалоники — Тафелем: в труде Камениаты фигурируют те же самые славянские племена, которые

⁵ См., например, O. Tafrali. *Thessalonique au XIV siècle*. Paris, 1912, p. 5.

⁶ Ch. Delvoye. *Salonique, seconde capitale de l'empire byzantin, et ses monuments*. Revue de l'Université de Bruxelles, juillet—août, 1950, № 5, p. 409. Ср. также P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine*. . . , p. 115.

⁷ St. P. Kyriakides. *Αἱ περί τὸν Στρυμόνα καὶ τὴν Θεσσαλονίκην σλαβικαὶ ἐποικήσεις κατὰ τὸν μέσον αἰῶνα*. Θεσσαλονίκη Μελετήματα. 1. Thessalonike, 1939, S. 1—18, Anm. S. 37—42; См. ВЗ, 1939, S. 544—545.

⁸ Е. Э. Липшиц. *Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.* Лгр., 1950. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись. См. раздел: *Славянская колонизация VI—IX вв. и ее роль в оформлении византийского феодализма*, стр. 13 сл.

⁹ Ioannes Cameniata. *De excidio Thessalonicensi*. Bonnae, p. 487—600.

известны нам из рассказов Acta Demetrii об осадах Фессалоники славянами в VII в.¹⁰

Камениата называет поименно три славянских племени: другувитов (Δρουγουβίται)¹¹, сагудатов (Σαγουδάτοι)¹² и стримонцев (Στριμονίται)¹³.

Другувиты и сагудаты жили, по свидетельству этого историка, к западу от Фессалоники, на равнине, простирающейся до города Веррой (Βέρροια)¹⁴. Стримонцы располагались, как показывает само их название, в районе реки Стримона (Струмы), точнее по нижнему и среднему ее течению, доходя на западе до озера Лангазы¹⁵.

Таким образом, сам тот факт, что стримонцы, сагудаты и другувиты, спустившиеся к Фессалонике из-за Дуная еще в VI—VII вв. в числе многочисленных славянских племен, двигавшихся вглубь страны по ее естественным и наиболее удобным путям — долинам Вардара и Стримона, жили здесь и во времена Камениаты, не оставляет никаких сомнений. Они продолжали пребывать по соседству с городом и, несмотря на все мероприятия византийского правительства, направленные к их ассимиляции, представляли совершенно самостоятельные в этническом отношении группировки, сохранившие вплоть до X в. свои племенные названия.

Подтверждением указания Камениаты о местах расселения другувитов являются списки епископских кафедр, где другувитское епископство (Δρουγουβιταίων, Δρουγουβιτίων, Δουρουβιταίας, Δουρουβιταίας) помещается между епископствами Верройским и Сервским, на реке Быстрице¹⁶, и договор крестоносцев о разделе Византийской империи в 1204 г., который также называет Дрогубитию соседнюю с Веррой¹⁷.

Исходя из совокупности всех этих данных, некоторые ученые склонны были считать, что другувиты занимали западную половину равнины, расположенной между Фессалоникой и Веррой, восточную же ее часть занимали соседние с ними сагудаты¹⁸. Однако копия запродажной 897 г., сохранившаяся в архивах Лавры на Афоне¹⁹, упоминает χωρίον τῶν Δραγουβούντων совсем рядом с Фессалоникой и скорее к востоку от нее²⁰.

¹⁰ Th. Tafel. Historia Thessalonicae res gestas usque ad annum Christi DCCCCIV complectens. Tubingae, 1835, p. 54.

¹¹ Камениата, p. 496,6. В Acta Demetrii они выступают под именем Δρουγουβίται. PG, t. 116, col. 1325.

¹² Камениата, p. 496,6. В Acta Demetrii они названы Σαγουδάται. PG, t. 116, col. 1325.

¹³ Камениата, p. 546,3. Acta Demetrii называют их Σκλαβίνοι οἱ ἀπὸ Στριμώνος. PG, t. 116, col. 1356. Различные формы имен этих и других славянских племен Македонии, а также их предполагаемые смысловые значения приведены согласно Шафарику (P. Šafařík. Slavische Alterthümer, t. II. Leipzig, 1843—1844), Иречку (С. Jireček. Geschichte der Serben, Bd. I, Gotha, 1911) и Миклошичу (F. Miklosich. Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1863) в работе О. Тарали. Thessalonique dès origines au XIV siècle. Paris, 1919, p. 31.

¹⁴ Камениата, p. 496,4—7.

¹⁵ L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, p. 106; F. Dvorník. Les Slaves, Byzance et Rome..., p. 13.

¹⁶ Hieroclis Synecdemus et Notitiae graecae episcopatum, ed. G. Parthey. Bero-lini, 1866, Notit. 2. 126; 3. 200; 3. 10. 322; 13. 181.

¹⁷ Th. Tafel. Symbolarum criticarum geographiam Byzantinam spectantium, II, 71: „Provincia Berrhoeae cum cartularis tam de Drogoubitia, quam de Slavitzā“.

¹⁸ Th. Tafel. Historia Thessalonicae, p. 54; М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 168; L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, p. 106; F. Dvorník. Les Slaves, Byzance et Rome..., p. 36.

¹⁹ G. Rouillard et P. Collopp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, №1, p. 1—4.

²⁰ Исследование данных, содержащихся в этом документе, см. в статье Е. Э. Липшиц. „Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э.“. Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952.

Не ограничивались равниной между Фессалоникой и Верроей и поселения сагудатов в Македонии; как известно, один афонский документ, изданный Порфирием Успенским, констатирует присутствие сагудатов и ринхинов во времена императоров-иконоборцев (*κατὰ τὰς ἡμέρας τῶν εἰκονομάχων βασιλέων*) на Халкидике²¹.

Данные Камениаты о славянских племенах, населявших в его время области, прилегающие к Фессалонике, а также указания этого автора на места поселения другувитов и сагудатов, весьма ценные своей достоверностью, отнюдь не могут считаться, разумеется, сколько-нибудь полными. Сведения о славянах, содержащиеся в сочинении Камениаты, вообще приводятся им лишь в той мере, в какой это необходимо для его повествования о захвате в 904 г. Фессалоники арабским флотом Льва Триполийского. Из рассказа Камениаты об обращении Фессалоники за помощью к славянам, можно, однако, видеть, что славянские поселения имелись во всей прилегающей к городу области, — послания к ним были разосланы „по всей окрестности“ (*διὰ πάσης τῆς περιχώρου*)²².

Попытаемся рассмотреть те сведения, которые сообщает Иоанн Камениата о взаимоотношениях между жившими в окружающей Фессалонику области славянскими племенами, с одной стороны, и Византийской империей, с другой.

В сочинении Камениаты мы находим совершенно определенные указания на то, что славянское население Фессалоникской фемы уплачивало империи подати. В одном случае, говоря о селениях (*κώμαι*) другувитов и сагудатов, Камениата отмечает, что они платят подати городу *πρὸς τῇ πόλει τελοῦσι*²³. В другом случае, рассказывая о решении руководителя обороны города — стратига Никиты обратиться за помощью к славянам, он сообщает, что часть славян из ближних местностей (*τῶν πλησιοχώρων Σιλαβήνων*) подвластна стратигу Стримона (*ὑπὸ τὸν στρατηγὸν Στρυμόνος*), а часть платит подати *ὕφ' ἡμᾶς*²⁴, т. е. Фессалонике, — иными словами Византийской империи, так как в Фессалонику, как столицу фемы, поступали первоначально все налоговые сборы с населения последней; значительная их доля оставалась в фемной казне и шла на нужды самой фемы, а остаток отсылался в Константинополь, в центральную государственную казну²⁵.

Рассказ Камениаты о результатах этого обращения Никиты к славянам позволяет увидеть и другую существенную сторону во взаимоотношениях между империей и славянами. На призыв Никиты откликнулись лишь очень немногие славянские воины (*ὀλίγοι μὲν τινες ἀφελείς*), которых „легко можно было пересчитать“ (*λίαν εὐαρίθμητοι*)²⁶. Весьма любопытно при этом объяснение Камениатой причин подобного поведения славян. „Это произошло из-за того, — поясняет он, — что архонты, которым они были вверены, были невежественные и весьма дурные, ставшие свою выгоду выше общего блага, от рода злоумышляющие против ближнего, стремящиеся к получению подарков и не отдающие предпочтения ничему иному, кроме получения их. Ибо хотя вышеупомянутый

²¹ П. Успенский. История Афона, т. 3. Киев, 1877, стр. 311. Как полагает Е. Э. Липшиц („Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.“, стр. 32), крещение этих племен, упоминаемое в указанном документе, следует относить не к первому периоду иконоборчества, как это обычно делалось, а ко второму его периоду, к первой половине IX в.

²² *С а м е н и а т а*, р. 514, 19—20.

²³ *Ibid.*, р. 496, 5—6.

²⁴ *Ibid.*, р. 514, 14—15.

²⁵ Д. Ангелов. История на Византия, ч. I. София, 1950, стр. 345.

²⁶ *С а м е н и а т а*, р. 514, 22—515, 1.

Никита, — продолжает Камениата, — и дважды, и трижды и множество раз пытался письмами утратить стратига Стримона (τὸν στρατηγὸν Στρίμωνος), обвиняя его в медлительности и (предупреждая), что если город претерпит какое-либо несчастье, то это ему одному будет поставлено в вину перед императором (ἐπὶ τοῦ κρατοῦντος), тот нисколько не менее, чем прежде, был исполнен обычной злокозненности; презрев сначала страх перед богом, а затем и перед людьми, и ставя ни во что гибель такого города, (он) решил, что ни сам, и никто из людей, подвластных ему, не придет к нам, осажденным, и не отразит от нас такое несчастье, но введши нас всех в заблуждение постоянным ожиданием его прибытия до самого последнего дня осады, он тайно осуществил заговор против нас, вволю и коварно надсмеявшись над гибелью, которой мы были обречены²⁷.

Из приведенного отрывка явствует, что на помощь городу явились только немногочисленные отряды славян Фессалоникской фемы, а стримонские славяне не пришли вообще²⁸.

Почти полное игнорирование фессалоникскими славянами воззвания верховного военного командира своей фемы с неоспоримостью говорит о том, что их воинская повинность по отношению к империи была в значительной степени формальной.

Во времена Камениаты, как показывает этот же отрывок, славяне все еще находились под непосредственной властью своих вождей. О князьях солунских славян писал и Лиутпранд²⁹. Сообщения Камениаты позволяют увидеть, что эти славянские вожди резко противопоставляли свои интересы (τὸ οἰκεῖον) интересам фессалоникийцев, общеимперским интересам (τὸ τοῦ κοινού)³⁰. Такое противопоставление вполне естественно, если учесть, что имеющиеся в нашем распоряжении источники с большей или меньшей ясностью говорят о том, что еще во втором десятилетии IX в., а также в царствование Михаила III (842—867) в прилегающей к Фессалонике области существовало какое-то полунезависимое славянское княжество. Как известно, автор жития Григория Декаполита сообщает о том, что в начале 20-х годов IX в. произошло „немалое восстание экарха (ἐξάρχοντος) Склавинии“, которую издалец этого жития, Ф. Дворник, склонен локализовать к северо-западу от Фессалоники, в местах жительства другувитов³¹. Житие указывает также на тот знаменательный факт, что жители Фессалоники, если они хотели пройти на территорию этой, возглавляемой экархом, Склавинии, должны были запастись особым документом (σφραγίδος)³². Константин Порфирородный рассказывает о переговорах императора Михаила III со славянами Фессалоникского княжества (Σκλάβοι Θεσσαλονίκης ἀρχοντίας)³³. Очень возможно, что ἀρχοντία Константина Порфирородного как раз и была той Склавинией жития Григория Декаполита, во главе которой стоял экарх:

²⁷ Cameniata, p. 515,2—19.

²⁸ Ср. также *ibid.*, p. 546,2—3.

²⁹ Liutprandi Antapod., III, 24. PL, t. 135, col. 843.

³⁰ Cameniata, p. 515,4. Ср. также 545,19, где Камениата снова обвиняет славянских предводителей в том, что они всегда думают только о своей собственной выгоде (ἀεὶ δὲ τὸ οἰκεῖον προορώμενοι).

³¹ F. Dvorník. La Vie de s. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IXe siècle. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, V. Paris, 1926, p. 35—36, 61. Ср. об экархах — вождях славянских племен у Феофана (Bonnae, I, p. 425), а также в Acta Demetrii, показания которых собраны в работе А. Тоугард. De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Paris, 1874, p. 126.

³² F. Dvorník. La Vie de s. Grégoire... , p. 62.

³³ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis, Bonnae, p. 635.

Константин сообщает, что Михаил принял также и тех славян Субделитской земли, которые возмутились, бежали в горы, но потом опять подчинились³⁴. Если принять весьма правдоподобное предположение, согласно которому Субделития (Σουβδελιτία) есть не что иное, как Сагудатия³⁵ — страна сагудатов, живших здесь в непосредственном соседстве с другувитами, то „архонтию“ следует поместить именно здесь. Очевидно, где-то поблизости от Фессалоники располагалось и „славянское княжение“ (княжение словенско) Мефодия³⁶. В свое время Э. Дюммлер высказал мнение, что княжеский титул, который, по житию, носил Мефодий, более всего соответствует должности стратига Стримона³⁷. Дворник также предполагал, что это княжение могло быть будущей Стримонской фемой, которая во времена юности Мефодия была еще княжением (ἀρχοντία)³⁸. Однако, как справедливо отмечает П. Лемерль, у нас нет никаких свидетельств в пользу того, что Стримонская область образовывала в IX в. ἀρχοντία³⁹.

Прямые и косвенные данные, содержащиеся в сочинении Камениаты об этой, населенной славянами, области Стримона представляют совершенно исключительный интерес.

Вопрос о создании Стримонской фемы, ввиду почти полного молчания источников, а также неясности их показаний, до сих пор не может, как известно, считаться окончательно решенным. Согласно предположению П. Лемерля, началом создания Стримонской фемы явилось пребывание там чрезвычайной миссии Алексея Мозеле в период между 831 и 832 гг.⁴⁰; учреждение Стримонской фемы относят, во всяком случае, не позднее, чем к концу IX в., когда в Клеторологии Филофея появляется первое упоминание о стратиге Стримона⁴¹.

Если мы обратимся к сочинению Камениаты, то увидим, что в подтверждение данных Клеторологии Филофея там тоже фигурирует стратиг Стримона. Камениата трижды в своем повествовании называет главу Стримонской области *στρατηγός Στρίμωνος*⁴².

Однако при существующем представлении о стратиге Стримона как о верховном греческом начальнике этой фемы, поставленном в результате долгой борьбы византийского правительства с непокорными славянскими племенами Стримонской области для осуществления здесь фемного управления и обеспечения полного подчинения этих племен власти империи, совершенно непонятными выглядят те обвинения, которые адресует на его счет Камениата. Как мы уже видели, всю вину за то, что стримонские славяне так и не явились в Фессалонику, Камениата приписывает их стратигу⁴³. Едва ли здесь можно удовлетвориться объяснением В. Н. Златарского, будто „при отказе славянских вождей стратиг оста-

³⁴ Constantinus Porphyrogenitus, p. 634.

³⁵ Впервые это предположение было высказано еще Шафариком (P. Šafárik. Slovanské starožitnosti, t. II, str. 238), а затем принято и другими учеными (см., например, М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 167).

³⁶ Паннонское житие Мефодия, гл. II. В. А. Бильбасов. Кирилл и Мефодий, ч. II. СПб., 1871, стр. 257.

³⁷ E. Dümmler. Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. 13-er Band. Wien, 1854, S. 165.

³⁸ F. Dvorník. Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Byzantinoslavica supplementa, t. I, Prague, 1933, p. 15—18.

³⁹ P. Lemerle. Philippes et la Macédoine. . . , p. 128.

⁴⁰ Ibid., p. 127.

⁴¹ J. V. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. With a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911, p. 147.

⁴² Cameniata, p. 514,15; 515,8—9; 569,17.

⁴³ См. выше, стр. 86.

вался бессилён⁴⁴. Камениата с предельной ясностью говорит, что именно сам стратиг Стримона решил, что ни он по своему желанию (οὐτε αὐτὸν δι' ἑαυτοῦ) и никто из людей, находящийся под его властью (οὐτε τινὰ τῶν ὑπ' αὐτὸν ὄντων), не окажет помощи городу⁴⁵. В чем искать причину этого решения стримонского стратига, не пожелавшего предотвратить захват и разграбление арабами второго по своей величине и значению города Византийской империи? Невольно возникает вопрос — не был ли и сам этот стратиг славянином? Ведь и говорить об его поведении Камениата начинает как бы в разъяснение своих утверждений о неблагонадежности славянских архонтов: указав на вековую вражду их к фессалоникийцам (τῷ πλησίον ἐξ ἔθους ὄντας ἐπιβουλεύεσθαι)⁴⁶, Камениата, как мы могли видеть из процитированного выше отрывка, непосредственно переходит к рассказу об обращении Никиты за помощью к стратигу Стримона⁴⁷. Он упрекает стратига в обычной его злокозненности (οὐδὲν ἥττον ἢ πρότερον εἶχε τῆς συνήθους ἐκείνος κακοβουλίᾳς ἐχόμενος)⁴⁸, в том, что тот тайно осуществил против фессалоникийцев какой-то свой замысел (ἔλαθε συμπράνας τὴν καθ' ἑμῶν ἐπιβουλήν)⁴⁹, надсмеявшись над их гибелью (τῷ ὀλέθρῳ μέγα καὶ κομψὸν ἐγγελάσας, ὃ συνεσχέθημεν)⁵⁰. Трудно себе представить также, чтобы грек, стратиг одной из фем Византийского государства, мог „ставить ни во что“ (εἰς μηδὲν θέμενος), по выражению Камениаты⁵¹, захват врагом Фессалоники.

Присмотримся и к другим деталям сочинения Камениаты, связанным так или иначе с личностью стримонского стратига.

Камениата рассказывает, что незадолго до осады Фессалоники в город прибыл „по какой-то надобности (τινῶν χρεῖων ἐνεκεν)“ императорский евнух Родофил (Ροδοφύλης), который направлялся на Запад с большим количеством золота (πληθὸς χρυσοῦ), предназначенным для оказания помощи сицилийскому войску, сражавшемуся с африканскими арабами⁵². В ночь перед захватом Фессалоники Родофилу удалось отослать это золото на хранение стратигу Стримона⁵³. Камениата не объясняет, почему Родофил отправил золото именно стримонскому стратигу, — поступок, который выглядит по меньшей мере странным, если сопоставить его с теми упреками во враждебном отношении к фессалоникийцам, которые посылает Камениата по адресу этого стратига. Мы узнаем только, что будучи захвачен в плен и приведен ко Льву Триполийскому, Родофил предложил предводителю арабов за сохранение своей жизни и в возмещение вынесенных из города денег многие другие ценности, но последний, придя в ярость, приказал забить Родофила до смерти⁵⁴.

В ходе дальнейшего повествования Камениата сообщает, что когда Лев Триполийский отдал приказ о сожжении города, некий Симеон,

⁴⁴ В. Н. Златарски. История на Българската държава презь средните векове, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 331.

⁴⁵ Cameniata, p. 515,14—15.

⁴⁶ Ibid., p. 515,5.

⁴⁷ См. выше, стр. 85, 86.

⁴⁸ Cameniata, p. 515,11—12.

⁴⁹ Ibid., p. 515,18.

⁵⁰ Ibid., p. 515,19.

⁵¹ Ibid., p. 515,14.

⁵² Ibid., p. 569,8—14. Дальше (569,22—23) Камениата указывает, что Родофил вез 2 таланта золота (δύο τάλαντα). Согласно Симеону Логофету (Symeonus Logothetus, Bonnæ, p. 708) и другим хронистам (Theophanes Continuatus, VI, 21. Bonnæ, p. 368; Cedrenus, Bonnæ, II, p. 262), сумма имевшегося у Родофила золота доходила до 100 литр золотом (λίτρας ρ'; λίτρας ἑκατόν).

⁵³ Cameniata, p. 569,14—18.

⁵⁴ Ibid., p. 569,19—571,1—10.

посланный незадолго до того императором в Фессалонику по некоему важному делу (*δι' αἰτίαν τινὰ χρειώδη*), доставил в город золото, отосланное Родофилом стримонскому стратигу, и передал его предводителю арабов в качестве выкупа за город⁵⁵.

Эти показания Камениаты несколько расходятся, однако, со свидетельством, содержащимся в житии патриарха Евфимия — источнике, написанном современником Камениаты. Житие рассказывает, что Симеон употребил на откуп Фессалоники отосланные раньше им самим подарки и золото, которые были предназначены болгарам (*τὴν εἰς βουλγάρους παρ' αὐτοῦ ἀποσταλείσαν φιλικὴν δεξιῶσιν μετὰ καὶ τῆς ὀκκῆς τοῦ χρυσοῦ τοῖς Ἀραψὶ παρασχόμενος*)⁵⁶.

В. Н. Златарский, анализируя данные Камениаты и жития Евфимия, пришел к выводу, что целью прибытия Родофила в Фессалонику, целью, о которой Камениата сознательно умалчивает, как раз и было доставить предназначенные болгарам подарки и деньги⁵⁷.

Константинопольское правительство, как предполагает В. Н. Златарский, обеспокоенное отказом славян оказать помощь Фессалонике, и полагая, что их поведение было делом болгарской политики и влияния, решило попытаться при помощи золота и подарков вооружить болгар, а вместе с ними и окрестных славян против арабов⁵⁸. Родофилу и было поручено переправить деньги болгарам через стримонского стратига⁵⁹.

Если даже согласиться с этой гипотезой В. Н. Златарского, то не может не возникнуть вопроса, почему в такой ответственный момент, когда дорог был каждый час, решено было действовать через посредство стримонского стратига, известного к тому же своей враждебной настроенностью к Фессалонике? Почему царский посланец не мог связаться прямо с болгарами? Не значит ли это, что стратиг Стримона служил не только передаточным звеном между византийским уполномоченным и болгарами, а играл в этом деле какую-то совершенно самостоятельную роль?

Но и сам по себе ход мыслей В. Н. Златарского недостаточно обоснован. Очень сомнительно, чтобы стратиг Никита, которому принадлежала инициатива обращения за помощью к славянам и который прибыл в Фессалонику уже после приезда туда Петроны, известившего о движении арабского флота к Фессалонике и начавшего оборонительные работы, и даже после приезда Льва, сменившего Петрону, — чтобы Никита успел не только уведомить Константинополь об отказе славян, но чтобы правительство успело и откликнуться на этот сигнал, прислав в Фессалонику Родофила. Да ведь и „отказ“ этот носил весьма неопределенный характер: как мы уже видели, стримонский стратиг до последнего дня обещал явиться в Фессалонику со своим войском⁶⁰.

Нам думается, дело обстояло несколько иначе. Родофил действительно оказался в Фессалонике проездом, направляясь на Запад⁶¹.

⁵⁵ *Cameniata*, p. 574, 10—13; 576, 16—21.

⁵⁶ *Vita Euthymii*, ed. C. de Boor, XV, § 10. Berlin, 1888, p. 53—54.

⁵⁷ В. Н. Златарски. История на Българската държава..., стр. 336.

⁵⁸ Там же, стр. 332, 337.

⁵⁹ Там же, стр. 337.

⁶⁰ См. выше, стр. 86.

⁶¹ Симеон Логофет (*Symeonius Logothetus*, p. 707) сообщает, что Родофил был послан *πρὸς τοὺς Φράγγους*. В. Г. Васильевский, касаясь этого известия Логофета, отмечает его неясность и считает, согласно показаниям Камениаты и продолжателя Амартола (Вопнае, p. 863), что Родофил вез золото в Сицилию (В. Г. Васильевский. О жизни и трудах Симеона Метафраста. ЖМНП, 1880, ч. ССХII, декабрь, стр. 413, 414).

Согласно сообщениям некоторых византийских хронистов, он захватил Фессалонику, чтобы вылечиться, так как по пути заболел⁶². Очутившись перед лицом нависшей над городом опасности, зная, что судьба города во многом зависит от прибытия войска стратига Стримона (его одного, если город будет захвачен врагом, грозил, как мы видели, обвинить перед императором Никита), и видя всю тщетность воззваний руководителя обороны, Родофил решил послать стратигу имевшиеся у него деньги, — поступок, понятный, опять-таки, только в том случае, если стратиг был славянином и не желал, таким образом, безвозмездно сражаться за чужие интересы. В правильности же самого предположения о действительном назначении отосланных Родофилом в Стримон денег едва ли можно сомневаться, если вспомнить, с каким возмущением говорит Камениата о том, что славянские архонты стремились прежде всего к получению подарков (*δωροληψίαῖς τε ἐπιμαχιομένοι*) и поэтому так неохотно отозвались на призыв Никиты⁶³. Стримонский стратиг, не отказываясь в принципе прийти на помощь городу, почему-то медлил, оттягивал свое прибытие, т. е. совершенно очевидно, ожидал за это какого-то вознаграждения. Таким вознаграждением и должны были послужить деньги, отосланные Родофилом стратигу. Родофил, попав в плен к арабам, стремился, естественно, скрыть истинное их назначение. Камениата указывает, что он отослал эти деньги стримонскому стратигу на хранение, написав письмо, чтобы тот хранил их до окончания войны (*φυλάττειν τοῦτο μέχρι τῆς ἐκβάσεως τοῦ πολέμου*)⁶⁴. Трудно, однако, представить, чтобы Родофил не мог найти в самом городе надежного места для их укрытия. Сама жестокая расправа Льва Триполийского с Родофилом объясняется, по-видимому, именно тем, что Лев узнал о действительном назначении золота, вынесенного Родофилом из города; становится понятной и ярость предводителя арабов, не согласившегося помиловать Родофила, который обещал предоставить за сохранение своей жизни „многие другие ценности“ (*πολλῶν ἄλλων χρημάτων*)⁶⁵.

В том, что золото Родофила было отправлено именно стримонским славянам, убеждает, наконец, и то обстоятельство, что на следующий день после того, как золото было отослано, стратиг Фессалоники приказал предводителям славян Фессалоникской фемы (*οἱ τῶν Σκλαβήνων ἡγούμενοι*), участвовавшим во главе своих отрядов в обороне города, встретить „союзников-стримонцев“ (*τῶν Στρυμονιτῶν συμμάχων*)⁶⁶.

⁶² Georgius Hamartolus, *Bonnae*, p. 863; Theophanes Continuatus, *Bonnae*, p. 358.

⁶³ См. выше, стр. 85.

⁶⁴ Cameniata, p. 569, 14—19. Сам же Родофил на вопрос Льва Триполийского о том, куда он дел золото, которое ему приказано было отвезти в Сицилию, предпочел ответить еще более неопределенно: „оно там, куда я его спрятаю“ (*τοῦτο δὲ εἰς ὅπου κατέλημμαι* — p. 569, 23 — 570, 1).

⁶⁵ *Ibid.*, p. 570, 8.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 545, 13 — p. 546, 1—4. Правда, Камениата, будучи, может быть, просто недостаточно осведомлен обо всех мероприятиях руководителей обороны, а может быть, и движимый враждебным чувством к славянам, пытается изобразить выход из города славянских предводителей для встречи стримонцев как „некий хитрый предлог“ (*πρόφασίς τινε δολίαν*), обвиняя их в том, что в самый опасный момент они оставили город, обратившись в бегство. Этот выпад Камениаты совершенно несоместим, однако, с его же указанием на то, что, выйдя из города, славянские предводители заперли за собой ворота. Тем самым славянские военачальники преграждали выход из города не только горожанам, по поводу чего так негодует Камениата, но и своим же славянским воинам, оставшимся в городе. В распоряжении славянских предводителей оказались ключи от ворот; выйдя через эти ворота, они оставили одного своего человека, запершего эти ворота изнутри; это обстоятельство совершенно ясно показывает, что они действовали не „как будто“ (*διδόν*), а на самом деле по приказу фессалоникского стратига и что ни о каком бегстве здесь не могло быть речи.

Доставить золото стримонскому стратигу должен был, по всей вероятности, Симеон. Камениата пишет, что золото было вынесено из города в ночь перед его падением⁶⁷. Из его рассказа видно также, что в тот день, когда арабы ворвались в город, Симеона в нем не было, — он вернулся туда вместе с теми горожанами, которые укрывались во время осады Фессалоники вне ее пределов и пришли после ее взятия, чтобы выкупить своих родственников, попавших в плен⁶⁸.

Свидетельство жития Евфимия о том, что Симеон использовал для откупа Фессалоники подарки и золото, предназначенные болгарам, можно легко объяснить территориальной и этнической близостью стримонских славян и болгар.

Часть стримонских славян, как показывает житие 15-ти Тивериупольских мучеников, входила при царе Борисе (852—889) в состав болгарского государства. Во главе этих славян стоял комит Дистр (*Δίστρος ὁ κόμης*)⁶⁹. Чрезвычайно любопытно, что на двух пограничных столбах, обнаруженных в конце прошлого столетия в 22 км к северу от Фессалоники (они определяли границу между Византией и Болгарским государством и были установлены, как показал Ф. И. Успенский, в 904 г.), имелась надпись, в которой фигурировал болгарин *Δρίστρος*⁷⁰. Уже Г. Баласчев в своей статье, посвященной этой надписи, высказал догадку о том, что это лицо тождественно с *Δίστρος ὁ κόμης* жития Тивериупольских мучеников⁷¹. Мы можем, таким образом, видеть, что положение в области стримонских славян в 904 г., т. е. в год захвата Фессалоники арабами, было таково, что для разрешения споров о ней между Болгарией и Византией потребовалось установление специального пограничного столба.

Все это лишний раз объясняет ту неточность, которую мог допустить автор жития Евфимия, отождествляя славян с болгарями.

Известия, содержащиеся в сочинении Камениаты, показывают, что хотя стримонские славяне, находившиеся под началом стратига Стримона, и признавали верховную власть империи, однако их зависимость от Византии носила в значительной степени номинальный характер. Возможно, отношения между империей и стримонскими славянами основывались на каких-то договорах союзнического характера, — Камениата неизменно прилагает к стримонцам термин „союзники“⁷². Во главе стримонских славян стоял стратиг, который сам был, как мы пытались показать, славянином⁷³. Камениата, приводя имена всех главных действующих лиц

⁶⁷ См. выше, стр. 88.

⁶⁸ *Самениата*, р. 574, 8—10. Симеон не успел, судя по всему, доставить золото стримонскому стратигу. Камениата рассказывает, что эти два таланта золота были доставлены предводителю арабов, „оттуда, где они были спрятаны“ (*ὅθεν ἐκρύπτοντο*).

⁶⁹ *PG*, t. 126, col. 213.

⁷⁰ Ф. И. Успенский. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне. ИРАИК, III. София, 1898, стр. 184 сл.

⁷¹ Г. Баласчевъ. Новонайденниятъ надпись от времето на царь Симеон. Български Прегледъ, год IV, кн. XII, стр. 74, 75. См. рецензию на эту работу В. Н. Златарского в „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“ (кн. XV. София, 1898, стр. 34 сл.).

⁷² *Самениата*, р. 515, 20; 546, 3.

⁷³ В самом этом факте нет ничего необычного. Как известно из жития Григория Декаполита, в начале 20-х годов IX в. во главе Склавинии также стоял славянский экзарх (*ἑξάρχης*. F. Dvorník. *La Vie de s. Grégoire le Décapolite*. . . , р. 35—36, 61). История Болгарии после ее завоевания Василием II (976—1025) показывает, что в некоторых случаях византийское правительство оставляло болгар правителями областей — стратигами. Факты такого рода приведены в неопубликованной диссертации Г. Г. Литаврина „Борьба болгарского народа против византийского ига“ (М., 1954, стр. 194 сл.).

Если принять во внимание то обстоятельство, что еще во времена Григория Декаполита, в 30-х годах IX в., в руках греков в области поселений стримонских славян

фессалоникской драмы, упорно не называет, к сожалению, имени стримонского стратига, — факт, между прочим, сам по себе довольно показательный: хорошо известно, как старательно избегали византийские писатели появления в своих сочинениях не-греческих, „варварских“ имен.

Возможно, позиция, занятая стримонским стратигом по отношению к Фессалонике, обуславливалась договоренностью с болгарским царем Симеоном, находившимся до конца 904 г. в состоянии войны с империей⁷⁴. И хотя трудно согласиться с В. Н. Златарским в том, что сами славяне без поддержки болгар не могли бы действовать самостоятельно, опасаясь закрепления арабов на полуострове (разумеется, ни в планы, ни в возможности разбойничьего флота Льва Триполийского не могла входить столь ответственная задача), сама мысль о том, что за отказом стримонских славян явиться на помощь Фессалонике виднелась рука болгарского царя, стремившегося использовать нападение арабов на город для привлечения на свою сторону еще оставшихся под властью империи славян, представляется весьма правдоподобной⁷⁵.

Предпринятая после разграбления арабами Фессалоники попытка болгарского царя Симеона занять город в союзе со славянами⁷⁶, является, возможно, и объяснением сущности того заговора против Фессалоники, в котором Камениата обвиняет стримонского стратига. Таким образом, данные Камениаты свидетельствуют о том, что стримонские славяне в начале X в. находились в своеобразном, почти независимом от империи положении. Подчинение фессалоникских славян также было весьма условным: сама по себе обязанность выплачивать империи подати говорит еще очень немного, — нам неизвестно, насколько исправно выплачивались эти подати; повиновение же этих славян власти стратига Фессалоникской фемы в значительной степени зависело от воли и желания их вождей, архонтов.

Чрезвычайно любопытны разбросанные в сочинении Камениаты указания на высокую степень боеспособности славян в начале X в. Из сообщения Камениаты видно, что луком — оружием, которым славяне особенно охотно пользовались при первых своих вторжениях в пределы Византийской империи, они продолжали прекрасно владеть и в X в. Камениата рассказывает, что славящиеся своим искусством стрельбы из лука (τῆς τοξικῆς ἐμπείρων) славяне должны были, по плану Никиты, противостать при защите Фессалоники арабам, также весьма опытным в пользовании этим видом оружия⁷⁷. Несмотря на то, что в город яви-

оставалась только узкая прибрежная полоса с Христополем, где находилась византийская армия Алексея Мозеле, а стримонские славяне, выйдя из-под власти империи, полными хозяевами развезжали по рекам на своих лодках-моносилах и делали опасным проезд для греков через контролируемую ими зону (F. Dvorník. La Vie de s. Grégoire le Désarolite. . . , p. 21, 54), легко понять, почему византийское правительство, добиваясь умиротворения славян этой области, пошло на уступку, поставив во главе их славянина. Возможно, именно этим особым положением Стримонской области и объясняется несколько путаное свидетельство Константина Порфирородного о Стримонской феме-клицуре (Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus, Bonnæ, p. 50).

⁷⁴ См. нашу статью „Ремесло и торговля Фессалоники конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты“. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 65.

⁷⁵ См. В. Н. Златарски. История на Българската държава. . . , стр. 332, 336.

⁷⁶ Известие об этом намерении Симеона имеется в одном из писем Льва Магистра. — I. Sakkellion. Λέοντος Μαγίστρου ἀνδριπάτου πατριχίου, Συμείων ἀρχοντος Βουλγαρίας καὶ τινῶν ἄλλων ἐπιστολαί. Δελτίον τῆς ιστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, Athènes, 1883. См. В. Н. Златарски. История на Българската държава. . . , стр. 339.

⁷⁷ Cameniata, p. 514, 16—18.

лись лишь очень немногочисленные славянские отряды, славяне, сражаясь на самых опасных и ответственных участках крепостной стены, до самой последней минуты, как показывает рассказ Камениаты о ходе осады, стойко и смело отражали натиск своего хорошо и разнобразно вооруженного противника. Славянские лучники были сосредоточены на приморской стене, там, где ожидался главный удар врага. „Горожане, — пишет Камениата, — не пренебрегали стрельбой из лука, но усердно о ней позаботились, поставив всех славян, пришедших из ближних областей (*πάντας τους ἐκ τῶν πλησίον χωρῶν προστρέψοντας Σχλαβήνους*) — на эти места. . .“⁷⁸. Успехом первого дня обороны защитники Фессалоники были обязаны в первую очередь славянам. После безрезультатных попыток приблизиться к крепостной стене арабы вынуждены были отступить. „Ибо, — рассказывает Камениата, — (варвары), издали метающие тучи стрел, затемняющие самый воздух, не в меньшей степени и сами испытывали обстрел стрелами, посылаемыми метко и редко не попадающими в цель“⁷⁹. Многочисленные и искусные отряды стрелков-лучников из фессалоникских и особенно, по-видимому, стримонских славян, представляли, таким образом, во времена Камениаты значительную воинскую силу.

Уместно указать, что в типике Исаака Комнина монастырю Мироспассительницы близ Эноса, относящемуся к 1152 г., фигурируют „две исполняющие военную службу деревни — Дилиана и Драгабаста“ (*τὰ ἐστρατεύμενα δύο χωρία τοῦ τε Διλιανοῦ καὶ ἡ Δραγάβαστα*)⁸⁰. В другом месте типика отмечается, что в упомянутых деревнях жили стратиоты (*στρατιώται*)⁸¹. Жителями одной из этих деревень, Драгабасты, были, несомненно, славяне-другувиты, поселения которых во Фракии хорошо известны⁸².

Данные типика, следовательно, говорят о том, что и фракийские другувиты, составлявшие, по всей вероятности, как и другувиты фессалоникские, отдельную ветвь некогда единого и большого славянского племени другувитов⁸³, также отличались своими превосходными военными качествами и использовались империей в качестве стратиотов.

⁷⁸ *Cameniata*, p. 523,4—7.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 524,5—8. Интенсивно действовали славянские лучники и во второй день осады (*Ibid.*, p. 528,9—10). Ср. также p. 535,17—18.

⁸⁰ L. Petit. *Typicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos (1152)*. ИРАИК, XIII, 1908, p. 52.

⁸¹ *Ibid.*, p. 71.

⁸² См., например, С. Jireček. *Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel und die Balkanpässe*. Prag, 1877, S. 120. По соседству с другувитами, как показывает типик (p. 52), — точно так же, как и в окрестностях Фессалоники, — жили сагудаты.

⁸³ Труднее, конечно, допустить родство этих другувитов с русскими дреговичами. Как известно, Константин Порфирородный (*De administrando imperio*, cap. 9, *Vonnae*, p. 79), перечисляя народности, жившие в его время на Руси и платившие ей дань (*πληρώται τῶν Ρῶς*), упоминает, в частности, другувитов (*τῶν Δρουγουβιτῶν*). В „Повести временных лет“ (Изд. АН СССР, 1950, I, стр. 11) говорится о дреговичах, живущих севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины. В свое время Филарет, останавливаясь на вопросе о родстве между македонскими и русскими другувитами, приходил к выводу, что русские дреговичи жили на Руси, как и в районе Фессалоники, по соседству с сагудатами (которых он склонен был видеть в живших под Карпатами, в Драгово, сотаках) и что, следовательно, русские дреговичи и сотаки имели общее происхождение с македонскими другувитами и сагудатами (Св. великомученик Димитрий и солунские славяне. Чтения ОИДР. М., 1848, кн. 6, стр. 26, 27, 31). М. С. Дринов, напротив, не находил возможным отождествлять фессалоникских и русских другувитов (Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 169. Ср. также L. Niederle. *Manuel de l'antiquité slave*, p. 106). П. Н. Третьяков, в вышедшей в недавнее время работе, посвященной историческим судьбам восточно-славянских племен, считает вполне допустимым сопоставление фессалоникских и фракийских другувитов с полабскими [?] дреговичами. (П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, изд. 2, стр. 200).

Типик Исаака Комнина чрезвычайно интересен также тем, что он показывает стратиотов деревень Дилианы и Драгабасты в процессе их закрепощения. Исаак отмечает, что стратиоты этих деревень „платили подати нам“ (ϕοτελεῖς ἡμῶν)⁸⁴, т. е. Исааку. С пожалованием Исааком этих деревень монастырю Космосотиры, они попали в податную зависимость от монастыря, пользовавшегося полной экскуссией от государственных налогов⁸⁵. Исаак Комнин советует игумену монастыря использовать для своих целей и военную силу стратиотов этих деревень⁸⁶. Правда, жители Дилианы и Драгабасты противились закрепощению, упорно отстаивали свою свободу. Исаак указывает, что они „не раз творили бесчинства по отношению к их соседям и управляющему (τροποητεύοντι) наших деревень, и противятся, таким образом, внесению причитающихся с них платежей, осмеливаясь, возможно даже, применять оружие“⁸⁷. Исаак Комнин советует игумену, для успешного достижения своих целей, принимать стратиотов „с распростертыми объятиями“ (ὀλίγηρῆ), относиться к ним как можно более благосклонно⁸⁸.

Но при всем этом сам факт податной зависимости стратиотов Дилианы и Драгабасты непосредственно от феодала, а также — использования последним в своих интересах их военной силы вряд ли может оставить сомнение в том, что полное закрепощение этих стратиотов было делом недалекого будущего.

Вернемся, однако, к интересующим нас здесь македонским славянам X в. Близость такого крупнейшего торгового и ремесленного центра Византийской империи, каким являлась Фессалоника, способствовала, надо полагать, ускорению процесса разложения окружавших город славянских общин и перехода их земель в руки частных лиц. Упомянутая выше запродажная 897 г. свидетельствует о том, что часть земельных владений общины другувитов, расположенной к востоку от Фессалоники, уже в конце IX в. стала частной собственностью некоей вдовы Георгии, которая получала оброчные платежи с зависимых крестьян. Запродажная показывает, что земли общины к концу IX в. находились в состоянии сильного запустения; она свидетельствует также о расширении монастырского землевладения в это время за счет средних и мелких крестьянских владений, в том числе и владений, принадлежавших ранее славянской общине⁸⁹. Житие Илариона Грузина рассказывает о том, что отправившись однажды за город для обозрения своих пашен, дьякон фессалоникской церкви св. Димитрия был захвачен скифами и уведен ими в плен⁹⁰. Возможно, это сообщение может быть истолковано именно как реакция славян на захват их земель.

Однако славянские общины другувитов и сагудатов, занимавшие центральную часть равнины, простиравшейся к западу от Фессалоники, продолжали сохранять, как показывает Камениата, свободу и независимость. Уплата податей империи, равно как и обязанность поставлять

⁸⁴ L. Petit. Typicon du monastère Kosmosotira, p. 71.

⁸⁵ Ibid., p. 21, 26.

⁸⁶ Ibid., p. 71.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Ibidem. Подробный анализ этого типика дается в диссертации Г. Г. Литаврина („Борьба болгарского народа против византийского ига“, стр. 25, 64—66, 84 и др.). Пользуемся случаем, чтобы выразить ему нашу признательность за указание на ряд ценных свидетельств этого документа.

⁸⁹ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, p. 1—4. См. Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952.

⁹⁰ Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пгр., 1914, стр. 60, 61.

военные контингенты, свидетельствует о том, что эти славяне оставались в начале X в. лично свободными людьми, владевшими земельными участками.

Показания Камениаты наряду с данными других имеющихся в нашем распоряжении источников позволяют установить, что эти свободные славяне-земледельцы являлись тем производительным населением, которое снабжало город основным продуктом питания — хлебом. Жившие здесь другувиты занимались земледелием еще в VII в. Acta Demetrijii сообщают, что они должны были обеспечивать съестными припасами (ἀπάρυξ) весь многочисленный народ Кувера, расположившийся в Керамезийском лагере, поблизости от Фессалоники⁹¹. Из описания же Камениатой окрестностей города можно видеть, что зерновые культуры возделывались преимущественно как раз на западной его равнине, лишенной, за исключением прилегающей к городу полосы, деревьев и занятой исключительно под пахотные земли⁹². Западная равнина славилась плодородием и в более позднее время. Никифор Хумн писал в XIII в., что эта равнина служила городу житницей и была богата всем, что только может доставлять земля⁹³.

Жившие в окрестностях Фессалоники славяне играли и другую немаловажную роль в экономическом развитии города. Судя по известиям Камениаты, одной из наиболее развитых отраслей городского ремесла в конце IX—начале X в. являлась обработка металлов⁹⁴. М. Я. Сюзюмов, касаясь показания Камениаты о наличии в Фессалонике огромного количества меди, железа, олова и т. п., отмечал, что той ближней областью, откуда ремесленники, изготовлявшие металлические предметы, могли получать все эти металлы, была Фессалия⁹⁵. Возможно, Фессалия действительно была поставщиком некоторой части сырья для мастеров по металлу. Но основным районом рудных разработок в окружающих Фессалонику областях была, как мы уже имели случай отметить, Халкидика⁹⁶.

Нам известно, вместе с тем, что в рассматриваемое время, как еще и в течение ряда последующих столетий — о чем с неоспоримостью свидетельствует целый ряд источников, в частности, акты Афонских монастырей, — вся область между Фессалоникой и Афоном была густо заселена славянами⁹⁷. В самом центре рудных разработок — в Сидерокавсии мы находим села с названиями славянского происхождения: Ляригово, Низворо, Новосело, Раваникия и др. — поселения, с давних пор заселенные славянскими племенами, преимущественно ринкинами⁹⁸.

⁹¹ PG, t. 116, col. 1365. О местоположении Керамезийского лагеря см. Th. Tafel. Historia Thessalonicae..., p. XCVIII, n. 76; H. Grégoire. L'origine et le nom de Croates et de Serbes. Byz., t. XVII, 1944—1945, p. 110, 111.

⁹² Cameniata, p. 495, 14—22. См. Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники..., стр. 67.

⁹³ Nicephorus Chumnos, ed. Boissonade. Anecdota graeca, II, p. 140. См. также Timarion, ed. A. Ellissen. Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV. Leipzig, 1860, S. 44.

⁹⁴ См. Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники..., стр. 69.

⁹⁵ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись. Свердловск, 1953, гл. V, стр. 38.

⁹⁶ Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники..., стр. 70.

⁹⁷ См. F. Dölger. Aus den Schatzkammern der Hlg. Berges. München, 1948, особенно документы 65—79, 109, 110.

⁹⁸ См. Th. Tafel. Historia Thessalonicae..., p. 68; М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, стр. 166. Славяне Сидерокавсийских деревень были в рассматриваемое время свободными людьми. В царствование Льва VI их пыта-

Подтверждением того, что именно славянское население этого района занималось разработкой рудников, служат и лингвистические данные. На Сидерокаврийских рудниках в XVI в. жило, по свидетельству Белона, смешанное население, говорившее на славянском, болгарском, греческом, турецком и албанском языках⁹⁹, причем то различие, которое делает здесь Белон между славянским и болгарским языками, позволяет видеть, что мы имеем в данном случае дело с прямыми потомками тех славянских племен, которые осели на Халкидике еще в VI и VII вв.

Известно, наконец, что наибольшей живучестью в языках народов пользуются те слова, которые находятся в непосредственной связи с производством, а жители вышеназванных сел Сидерокаврийского округа еще в XIX в., в числе некоторых переделанных на греческий лад славянских слов („простихос“ — „простой“, „проводизо“ — „провожаю“, „сполокание“ — „полоскание“ и др.) употребляли чисто славянское слово „руда“¹⁰⁰.

Славянские племена, расположившиеся на крупнейшем торговом пути древности и средневековья — Via Egnatia, занимавшие исходный пункт на дороге, шедшей по долине Вардара на север, в Белград, издавна вели и торговлю. У Камениаты мы находим совершенно отчетливое указание на ту роль, которую играли другувиты и сагудаты в фессалоникско-болгарской торговле. Отметим, что селения сагудатов и другувитов находятся рядом с селами, входящими в состав Болгарского государства, Камениата пишет: „Впрочем, эти селения расположены поблизости друг от друга, и это, в добавление к другим преимуществам, немало содействует фессалоникийцам вступлению в торговые отношения со скифами, особенно когда у них мир между собой и они не поднимают оружия, вызывающего войну“¹⁰¹. Торговые связи Фессалоники с болгарями осуществлялись, как показывает Камениата, главным образом по рекам, протекающим по западной равнине, заселенной другувитами и сагудатами¹⁰². Другувиты и сагудаты были, таким образом, незаменимыми посредниками в торговле между Фессалоникой и Болгарией.

Рассмотренные свидетельства, принадлежащие перу жителя Фессалоники, современника описываемых событий, позволяют, таким образом,

лись подчинить себе монахи одного из Афонских монастырей, однако это им не удалось (см. П. Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г. Киев, 1877, стр. 36). Подчинение этих деревень монастырем Иоанна Колову пошло более успешно позднее, в конце X в. В 996 г. монастырем были приобретены здесь рыбные ловли, мельница, а также право выпаса свиней в принадлежащем Сидерокаврийской общине дубняке (П. Успенский. История Афона, т. III, стр. 62).

⁹⁹ Belon. Observation. Paris, 1554, ch. 49: „Ceux qui habitent aux mines de Siderocapsa sont gens ramassés, et usent de langage different, comme esclavon, Bulgare, Grec, Turc, Albanois“.

¹⁰⁰ П. Успенский. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 г., стр. 36; Ср. J. Fallmerayer. Fragmente aus dem Orient, t. II. München und Leipzig, 1913, S. 53.

¹⁰¹ Cameniata, p. 496,8—13: πλὴν γειτνιάζουσιν ἀλλήλαις αἱ κῶμαι τὴν οἴκησιν, καὶ ἔστι καὶ τοῦτο πρὸς τοῖς ἄλλοις Θεσσαλονικεῦσιν οὐ μικρῶς συμβαλλόμενον, τὸ πρὸς τοὺς Σκύθας διὰ τῶν ἐμπορικῶν μεθόδων συναναμίγνυσθαι, καὶ μάλιστα ὅταν ἔχωσι πρὸς ἀλλήλους καλῶς καὶ μὴ κινῶσιν ἔπλα τὴν μάχην ἐξαγριαίνοντα.

¹⁰² См. Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники. . . , стр. 73.

Любопытно отметить, что и фракийские сагудаты также занимались торговой деятельностью. Устав монастыря Мироспасительницы упоминает τὸ ἐμπόριον ἢ Σαγούδαος. (L. Petit. Turicon du monastère Kosmosotira près d'Aenos, p. 52). Этот эмпорий был, вероятно, весьма значителен, если учесть, что мы снова встречаемся с ним в договоре о разделе империи в 1204 г., где он назван τὸ ἐμπόριον Σαγούδαος. (Th. Tafel. Symbolarum criticarum, geographiam Byzantinam spectantium. Abhandlungen d. III. Cl. d. K. Akad. d. Wissensch. V Bd. II. Abth. (b), München, 1849, S. 57).

увидеть, что славянское население окружающих Фессалонику областей, сохраняя свою этническую целостность и пользуясь определенной политической самостоятельностью, являлось тем производительным населением прилегающих к городу районов, которое обеспечивало его жителей хлебом, поставляло сырье для городского ремесла по обработке металлов, а также содействовало фессалоникийско-болгарской торговле, в значительной степени способствуя тем самым экономическому благосостоянию города.

А. П. КАЖДАН

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ПОМЕСТЬЯ В ВИЗАНТИИ X в.

Исходным пунктом настоящего исследования является общепринятое положение о том, что X столетие в истории Византии было веком роста крупной земельной собственности¹. Это положение принимают все византинисты. Однако, сформулировав это положение, мы оказываемся перед рядом трудностей. Действительно, возникает вопрос, какова природа этой собственности, или иными словами — каковы формы ее экономической реализации, каковы присущие ей формы присвоения прибавочного труда непосредственных производителей. К сожалению, большинство зарубежных историков обходит этот вопрос, ограничиваясь констатацией факта имущественной дифференциации. Так, в специальном исследовании Ж. Руйар мы не найдем даже термина „феодалы“ (в применении к X в.), не говоря уже о попытках установить формы феодальной ренты, градации крестьянской зависимости и особенности византийской феодальной собственности. Румынский историк Н. КонстантINESКУ утверждал, что в Византии VIII—XI вв. крестьянской зависимости не существовало и что земли крупных собственников обрабатывались в это время рабами и безземельными батраками или же сдавались в аренду².

В отличие от названных историков, ряд зарубежных византинистов (Ф. Дэльгер, А. Андреадис) признает существование в IX—X вв. зависимого крестьянства; однако в их исследованиях это положение остается по существу декларативным. Очень важные конкретные замечания о византийском феодализме X в. мы встретим в работах югославского историка Г. Острогорского; при этом особенно существенно, что Г. Острогорский рассматривал так называемых свободных (государственных) крестьян как одну из категорий феодально-зависимого населения³.

В советской исторической литературе вопрос о характере крестьянской зависимости в Византии X в. также не получил окончательного разрешения. М. Я. Сюзюмов считал, что византийская деревня VIII—X вв.

¹ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 151—152; Д. Ангелов. Феодализм във Византия. ИП, III, 1946—1947, кн. 2; P. Charanis. On the social structure and economic organization of the Byzantine Empire. „Byzantinoslavica“, vol. XII, 1951, p. 119; G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1954, p. 104 sq.; G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 16.

² N. Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale. Académie Roumaine. Bulletin de la Sect. historique, 11, 1924, p. 100.

³ Г. Острогорский. О византийском дравиним селацима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска. Глас САН, т. ССХIV. Отд. друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, стр. 40—42; G. Ostrogorski. La paysannerie byzantine, p. 11 sq. Ср. его же. The peasant's pre-emption right. „Journal of Roman Studies“, vol. 37, 1947.

Икосы могли быть расположены вблизи от городов, рядом с проастиями: хроники отмечают, что вокруг Константинополя находились монастыри, дворцы, икосы и проастии¹⁰. В то же время проастии нередко располагались вдали от больших городов и подобно икосам служили местом ссылки константинопольской знати. Так, воспитатель Константина Багрянородного Феодор и его брат Симеон были высланы в проастию, расположенные в феме Опсикий¹¹. Рассказывая о походе Никифора Фоки на Крит, хроника продолжателя Феофана отмечает, что Никифор решил взять Хандак, воспользовавшись отсутствием знати, находившейся вне города, в собственных проастиях¹². По-видимому, эти проастии находились вдали от города. Известны также проастии вокруг небольшого городка Иерисса¹³.

Термин проастиий встречается не только в византийских, но и в венецианских источниках, которые при этом рассматривают его как специфически византийский термин. Так, одна из ранних венецианских хроник противопоставляет пастбищам и виноградникам „то, что греки называют проастиями“ [pro(a)stiis quos Greci nominant]¹⁴. Впрочем, это противопоставление не совсем точно, так как византийские памятники XI в. говорят о проастиях, включающих в себя, а то и целиком состоящих из пастбищных земель и лесных участков¹⁵. Во всяком случае мы можем отметить, что венецианцы рассматривали проастиий как характерный для Византии тип (господского) поселения.

Известное определение проастиа содержится в „Трактате об обложении“, где проастиий рассматривается как тип поселения, сходный с хутором (ἀγρίδιον)¹⁶, — отличие состоит лишь в том, что владелец проастиа сам не живет в нем, но поселяет там рабов или мистиев¹⁷.

Сближение проастиа с хутором позволяет предположить, что проастии были сравнительно невелики; это соображение подтверждается некоторыми другими источниками. Герой жития Филарета Милостивого, по свидетельству его агнографа, жил в деревне Амния, где его соседями были и крестьяне и знать. Филарету принадлежало около 50 проастиев¹⁸ — для обработки каждого использовалась одна пара волов. В дальнейшем все эти проастии были захвачены соседними динатами и крестьянами. Следовательно, проастии Филарета были небольшими участками земли, являлись частями деревни.

Хроника продолжателя Феофана рассказывает, что динаты вторгаются в „области и деревни“ (ἐν μέσφ τῶν ἐπικρῶν καὶ χωρίων) и „с помощью грабежа приобретают для себя проастии“¹⁹. Из этого следует, что проастиий мог представлять собою часть деревни, владение в пределах деревни.

¹⁰ Theoph. Cont., p. 614.8. Проастии вблизи от Солуни XI—XII вв. — Lavra, № 42. 47—48; 51. 17—18.

¹¹ Theoph. Cont., p. 397.19. Ср. *ibid.*, p. 417.6—7.

¹² *Ibid.*, p. 476.4—5.

¹³ См. Г. Острогорски. О византийском државном сельцаима, стр. 28, прим. 14.

¹⁴ Chronicon Venetum quod volgo dicunt Altinate. MGH, SS, XIV, p. 41. 25.

¹⁵ MM, VI, p. 36. 25; Lavra № 47. 17; В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, 1907, май, стр. 224.22.

¹⁶ Петрз XXXVI, 12) отождествляет ἀγρίδιον и проастиий.

¹⁷ Tract., S. 115, 40. Новеллы X в. также противопоставляют проастии крестьянским стасям, т. е. рассматривают проастии как вид барской усадьбы — Jus, III, p. 240. 26—27.

¹⁸ А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 64.21. Г. Острогорский (BZ, 47, 1954, S. 422), считающий Филарета зажиточным крестьянином, подчеркивает, что цифры жития преувеличены.

¹⁹ Theoph. Cont., p. 447.14—17.

Конкретное представление о проастии дает житие Василия Нового, имеющее тем большую ценность, что агиограф Григорий повествует в данном случае о себе. Григорий отнюдь не принадлежал к числу знатных: он называет себя бедняком (πένης). Живя в Константинополе, он был в то же время собственником проастия, расположенного близ города Редесто, во Фракии. В этом проастии жил и трудился мистий по имени Александр, который „совсем недавно, — говорит Григорий, — женился на некоей девушке“. Сам Григорий приезжал в проастий лишь осенью, чтобы помочь своему мистию в сборе урожая²⁰. Проастий Григория был совсем невелик, коль скоро его мог обработать один мистий²¹.

Значительно больше был проастий, принадлежавший Асилеону, близкому родственнику императора Василия I. Этот проастий был населен рабами Асилеона, число которых неизвестно²². Крупным помещьем был, вероятно, проастий Космидий, принадлежавший кесарю Варде²³, — однако, кроме названия, мы о нем ничего не знаем. Описанный в житии Феодора Студита проастий Саккудион представлял собой плодородную равнину, покрытую фруктовыми деревьями и окруженную небольшим лесом²⁴; он находился вдали от города и в стороне от каких-либо деревень.

Менее определенен рассказ „Жизнеописания Василия I“ о владениях Даниэлис, обладавший, помимо всего другого, 80 проастиями²⁵. Мы не можем решить, были ли проастии Даниэлис мелкими или крупными и какова была их структура.

Проастии могли эксплуатироваться, как свидетельствует „Пира“ (XV, 9), путем сдачи их в аренду.

Возможно, что уже в X в. термин проастий стали употреблять для обозначения зависимой деревни. Именно в этом смысле можно понять известное место из новеллы Василия II, где идет речь о протовестиарии Филокали, который захватил целую деревню и превратил ее в собственный проастий²⁶. В житии Афанасия Трапезундского рассказывается о монастырском проастии Цампур, где добывалось железо и куда раз в год приезжал монах, чтобы получить ренту²⁷. Впрочем, вопрос о социальном статусе населения проастия Цампур недостаточно ясен.

Таким образом, термином проастий обозначалось господское владение, обычно незначительное по размерам, расположенное в пределах большой деревни или же совершенно от нее независимое, которое обрабатывалось трудом рабов или мистиев; собственником проастия мог быть также зажиточный крестьянин или горожанин. В то же время вероятно, что уже в X в. этот термин начал обозначать зависимую деревню. Во всяком случае в XI—XII вв., по мере укрепления феодального способа производства, именно это значение термина проастий сделалось основным²⁸.

²⁰ С. Г. Вилинский. Житие Василия Нового. Зап. Новороссийского университета, ист.-фил. фак., 7, 1911, стр. 318—320.

²¹ Ср. еще *προαστειων μικρον* — Theoph. Cont., p. 150. 18.

²² Ibid., p. 839.18.

²³ Ibid., p. 658.17.

²⁴ PG, t. XCIX, col. 241.

²⁵ Theoph. Cont., p. 321.9. В этом памятнике проастии противопоставляются земле вообще (χωρα) — ibid., 309.19. О владениях Даниэлис см. S. Runciman. The widow Danielis. Études dédiées à la mém. d'A. M. Andréadès. Athènes, 1940.

²⁶ Jus, III, p. 310.15.

²⁷ А. И. Пападопуло-Керамевс. К истории Трапезунта. ВВ, т. 12, 1906, стр. 140. 13.

²⁸ Уже в актах конца X в. встречается упоминание проастиев, населенных париками (Λαυγα, № 9.14), а не мистиями и рабами. Еще чаще о подобных проастиях идет речь в более поздних документах. Так, известный канонист XII в. Вальсамон

Термин икос часто встречается в прямом значении „дом“ (например, *Synopsis Basilicorum*, М. XIII. 5). Однако в ряде случаев этот термин имеет иной смысл. Хроники говорят об икосах, принадлежащих знати: в эти икосы императоры ссылали непокорных динатов. Так, друнгарий виглы Евстафий Аргир был сослан в икос, расположенный в Харсиане, а жена Константина Дуки — в ее пафлагонский икос²⁹. У Льва Фоки был икос в Каппадокии³⁰. В эпосе о Дигенисе Акрите упоминается икос стратига Каппадокии³¹. Подробно описан в этом эпосе икос самого Дигениса, возведенный им на берегу Евфрата, в стране, отвоеванной у арабов. Главное здание, расположенное среди садов, было воздвигнуто из камня³²; внутри икоса (ἐντὸς τοῦ οἴκου) была целая долина (τὸ πεδῖον), достигавшая больших размеров: в этой долине Дигенис построил храм³³. Такой же характер имел, по-видимому, и икос Триаконтафила, купленный Романом Аргиром и превращенный в монастырь³⁴.

В новелле Никифора Фоки от 967 г. содержится подробный рассказ о создании икосов (πολιτικῶν οἰκῶν): владельцы устранили их в деревнях и хуторах, иной раз на небольших участках земли, приобретенных у соседей³⁵. Из одного рассказа Вриенния мы получаем отчетливое представление об икосе (οἰκῆ) XI в. Вриенний повествует, как Алексей Комнин, спасаясь от турок, проезжал через деревню Декти, в Вифинии, и был приглашен отдохнуть хозяином одного икоса. В это время какой-то крестьянин указал туркам, где скрываются ромеи; несмотря на то, что икос осаждал отряд турок в двести человек, Алексею Комнину удалось выдержать осаду³⁶. Как можно судить по этому рассказу, икос в деревне Декти был барской усадьбой, достигавшей значительных размеров и, видимо, окруженной частоколом.

Икос, вероятно, являлся лишь центром владений феодала: во всяком случае, хроники называют рядом с икосом κτήματα, под которыми, может быть, в некоторых случаях надо подразумевать те же проастии³⁷.

В источниках встречается также термин οἰκοπροάστειον, который, по-видимому, по своему значению не отличался от термина икос. Известен икопроастиий Льва Катакилы в Константинополе, вблизи от Студийского монастыря; на территории этого громадного владения находилась церковь

упоминает проастиий, населенный париками (PG, t. CXXXVII, col. 929.C); более подробные сведения мы найдем в хрисовуле Алексея I Комнина от 1104 г. Там упоминается проастиий Барзахания, в котором было около 7 тыс. модиев земли и находилось 15 паричских хозяйств; проастиий Асмала с двумя мельницами, примерно 5 тыс. модиев земли и 14 паричскими хозяйствами; проастиий Лоротома, где 21 паричское хозяйство размещалось примерно на 2000 модиев земли (Lavra, № 51. См. Г. Острогорски. Размена посела и сельака у хрисовули цара Алексѣя I Комнина светогорској Лаври на 1104 године. „Историски часопис“, т. 5, 1955, стр. 19—25, где, в частности, высказано предположение, что в проастиии Лоротома числилось около 3 тыс. модиев). О зависимых проастииях середины XII в. во Фракии см. L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos (1152). ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 52.17—22; о проастииях XIII в. в М. Азии — Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1904, стр. 90. Ср. М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат. М., 1952, стр. 10.

²⁹ Theoph. Cont., p. 374.5 и 385.2. Ср. ibid., p. 386.22.

³⁰ Ibid., p. 394.17.

³¹ E. Legrand. Les exploits de Basile Digénis Akritis. Paris, 1892, I, vers. 56—57.

³² Ibid., VII, vers. 44.

³³ Ibid., VII, vers. 102.

³⁴ Cedrenus, II, p. 497.10.

³⁵ Jus, III, p. 299. 8—22.

³⁶ Nicephori Bryennii Commentarii. Bonnae, 1836, p. 66.10 et sq.

³⁷ οἶκος καὶ κτήματα — Theoph. Cont., p. 419.21. В актах XI—XII вв. проастиии иногда обозначаются термином κτήματα — Lavra, № 51.10; 17 и № 57.43.

св. Космы и Дамиана³⁸. Икопроастий Варис, в районе Милета, представлял собою в конце XI в. значительное поместье, имевшее и домен, и зависимых крестьян³⁹. Этот термин применялся и как эквивалент *κόμη*⁴⁰, обозначая, следовательно, зависимую деревню.

Таким образом, икос (икопроастий) являлся в X в., как правило, динатской усадьбой, которая могла быть в некоторых случаях окружена крестьянскими владениями. Иногда термин икос оказывался равнозначным проастию.

В документах этого времени встречается также термин метох⁴¹, обозначающий маленький монастырь, находящийся под властью другого, более крупного монастыря. По сути дела, такой метох являлся динатским (монастырским) владением.

Мы можем констатировать существование в Византии X в. нескольких типов структуры динатского землевладения. Во-первых, динатское поместье могло представлять собою обособленное поселение, лежащее в стороне от деревни и не связанное как-либо с крестьянской общиной. Такие владения, по-видимому, восходили генетически к рабовладельческим виллам. Во-вторых, поместье могло находиться на территории села, располагаясь чересполосно с владениями крестьян или других динатов. Наконец, оно могло целиком охватывать зависимую крестьянскую общину (деревню), в той или иной степени подчиненную динату. Известия о динатских владениях X в., относящихся к последнему типу, сравнительно редки: мы, по-видимому, вправе говорить о них как о новой форме феодального владения.

Феодальное поместье — какими бы структурными типами оно ни было представлено — является по своей сущности организацией для присвоения феодальной ренты⁴². Именно в форме феодальной ренты, феодальных повинностей осуществляется в нем эксплуатация непосредственных производителей; следовательно, феодальная рента есть экономическая реализация феодальной собственности на землю, есть конкретное выражение феодального способа производства.

Изучение феодальной ренты в византийской деревне X в. чрезвычайно затруднительно, ибо до нашего времени сохранились лишь отрывочные и случайные свидетельства источников по этому вопросу. Вот почему мы можем дать лишь самую общую, самую суммарную характеристику византийской феодальной ренты этого времени.

Зависимые крестьяне должны были выполнять отработочные повинности, которые назывались ангариями. Новелла Романа Лакапина от 934 г. отмечает, что динаты, владеющие большим количеством рабов, мистиев и иных слуг, подчиняют своей власти крестьян-бедняков и вынуждают их выполнять ангарии⁴³. Упоминаются ангарии и в уставе афонских монахов, изданном Иоанном Цимисхием: устав запрещает игуменам принуждать монахов-келлиотов к отбыванию ангарий⁴⁴. Значение термина

³⁸ Vita Euthymii. Berlin, 1888, p. 13. 28.

³⁹ MM, VI, p. 5 и сл. Иногда в этой описи Варис называется просто проастием.

⁴⁰ Παῖρα, XXXVI, 15. См. П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВВ, т. 7, 1900, стр. 74, прим. 1.

⁴¹ Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902, p. 939.1.

⁴² См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947, стр. 41.

⁴³ Jus, III, p. 247.2—6.

⁴⁴ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. 1. Киев, 1877, стр. 272.31.

ангария в этих случаях не следует смешивать с обычным его значением, унаследованным от Римской империи, — „ямская повинность“.

Таким образом, самый факт наличия отработочной ренты в Византии X в. не вызывает сомнения, — однако скудость источников не дает возможности выяснить характер и распространенность барщины в это время.

Существовала в Византии в этот период и рента натурой. В одном из писем Николая Мистика упоминается ежегодная рента воском (τὸ ἐτήσιον τοῦ κηροῦ τέλος)⁴⁵, которая взималась церковью в определенном размере. К числу натуральных рент следует отнести и морту, упомянутую в Земледельческом законе (ст. 9—10) и представлявшую собой „десятый сноп“, десятую долю урожая. Морта упомянута также в акте 1008 г.⁴⁶ Мы встречаем ее и в поздних памятниках, но, видимо, уже в ином значении.

Грамоты XI в. отмечают существование натуральной ренты другого типа: это так называемые корзиночки (κλινίκιον). В одном из актов Русского монастыря на Афоне разъяснено, что эта рента состояла из ковриги хлеба, курицы, меры ячменя и полмеры вина⁴⁷. Нельзя сказать с уверенностью, что „корзиночки“ существовали уже в X в.: хотя этот термин встречается в хрониках X в.⁴⁸, он имеет там неопределенное значение.

О феодальной ренте говорит Константин Багрянородный в „Жизнеописании Василия I“, рассказывая, что император приказал отменить все поборы (πάσα δόσις), которые взимались в силу давно установившихся дурных обычаев (διὰ τὴν πονηρὰν ἀπὸ χρόνου συνήθειαν)⁴⁹. Однако из этого указания неясно, какую ренту имел в виду Василий I: продуктовую или денежную.

Денежная рента, взимавшаяся византийскими феодалами в XI в., чаще всего представляла собой модифицированный государственный канон. Так, государственные парики, переданные в частные руки, обязаны были платить государственный канон. Из Пирры (XVIII, 2) следует, что арендаторы церковных земель должны были платить землевладельцу государственные подати: синону и капникон. Те же повинности, синона и капникон, составляли основу ренты патмосских крестьян Андроника Дуки в конце XI в.⁵⁰

Таким образом, несмотря на скудость сохранившегося материала, можно утверждать, что в Византии X в. существовала феодальная рента в различных формах: отработочная, продуктовая и денежная. Если справедлива наша гипотеза о быстром росте денежного обращения в Византии X—XI вв.⁵¹, то мы могли бы предположить, что на это время приходится увеличение размеров денежной ренты крестьянства. Однако доказать это предположение нам не представляется возможным.

Феодальная рента уплачивается непосредственными производителями феодального типа, наделенными условиями производства (землей, ско-

⁴⁵ PG, t. CXI, col. 273.C. В другом письме он упоминает крестьян, обязанных вносить ренту капустой (τὴν τῆς κραιβῆς συντέλειαν) — *ibid.*, col. 380.C.

⁴⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 109. 12.

⁴⁷ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона. Киев, 1873, № 19.138.

⁴⁸ Theoph. Cont., p. 708.1.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 259.6—8.

⁵⁰ Впрочем, патмосские крестьяне XI в. должны были платить ряд дополнительных платежей, как то: эномий, прежде поступавший в распоряжение общины, и зевгаратий, взимавшийся в то время, видимо, с упряжек. См. об этих повинностях — Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 1948, p. 244.

⁵¹ А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, вып. XXI, 1954.

том, инвентарем). Этот непосредственный производитель (феодално-зависимый крестьянин) вынужден отдавать определенную часть производимого им продукта в форме феодальной ренты своему господину; такое присвоение прибавочного продукта феодално-зависимого крестьянина осуществляется в результате внеэкономического принуждения, т. е. в силу присвоения феодалом определенных прав на личность непосредственного производителя.

Следовательно, процесс становления феодальных отношений состоит в образовании феодальной собственности на землю, в подчинении мелкой крестьянской (общинной) собственности феодалу; другой стороной этого процесса становится оформление крестьянской зависимости в ее многообразных формах. Таким образом, процесс генезиса феодализма предполагает не только экспроприацию непосредственных производителей, т. е. лишение их собственности, но и аппроприацию их, т. е. превращение их в феодално-зависимое крестьянство⁵².

Процесс генезиса феодализма в Византии X в. протекал различными путями⁵³.

Основной предпосылкой формирования феодальных отношений явилось разложение крестьянской общины и образование в ее пределах мелкой вотчины, эксплуатировавшей труд рабов, мистиев, арендаторов. На первых порах динаты нередко выступают как члены общины. Новелла Константина VII прямо говорит о существовании знатных членов общины (οἱ περὶ φανέστεροι τῆς οὐράδος), к числу которых она причисляет схоляриев, чиновников и т. п.⁵⁴. Крестьяне в Византии благодаря устойчивости общины даже сохраняли известные привилегии по отношению к динатам. В первой половине X в. крестьяне пользовались правом преимущественной покупки соседних динатских владений⁵⁵, тогда как динаты не могли покупать соседских крестьянских земель⁵⁶. В грамоте монастыря св. Андрея рассказывается о том, что судья Самона запретил друнгарию Иоанну и другим владельцам, земли которых граничили с отчуждаемым участком, предъявлять какие-либо права на отчуждаемую землю — на том лишь основании, что все они были динатами и обрабатывали свои земли при помощи зависимых людей⁵⁷. Следовательно, община в это время стремилась обеспечить права рядовых общинников путем ограничения сферы действия „права близости“, принадлежавшего динатам.

Только в новелле Никифора Фоки от 967 г. было установлено, что динаты должны пользоваться преимущественными правами при покупке соседней динатской земли, а крестьяне — по отношению к соседним

⁵² Вряд ли следовало бы специально подчеркивать, что процесс формирования феодальных отношений являлся объективным экономическим процессом, не зависевшим от воли отдельных людей, — если бы в исторической литературе не появлялись иные точки зрения. Так, рост динатской собственности X в. иной раз объясняется появлением того или иного императорского закона — см. P. Charanis. *The aristocracy of Byzantium*. „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“ Princeton, 1951, p. 337, n. 3.

⁵³ М. М. Фрейденберг (Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв., стр. 4 и сл.) намечает три основных пути формирования феодальной собственности: захват крестьянской земли, сопровождающийся сгоном крестьян, которые превращались затем в „присельников“ на помещичьей земле; прекарная зависимость; патронат, т. е. присвоение феодалом определенной доли централизованной ренты.

⁵⁴ Jus, III, p. 255.30.

⁵⁵ Ibid., p. 299.17.

⁵⁶ Ibid., p. 240.20—22.

⁵⁷ Lavra, № 2, 22—23. В данном случае это правило было использовано в интересах монастыря — см. G. Ostrogorsky. *The peasant's pre-emption right*, p. 121 f.

крестьянским землям⁵⁸. Эта новелла явилась важным шагом в юридическом оформлении исторически уже сложившегося различия между динатским и крестьянским землевладением.

В X в. и даже еще в XI в. динаты не приобрели права на выморочную землю крестьян. Только в том случае, если все крестьяне-общинники отказывались владеть опустевшей землей и платить за нее подати, эпопт по прошествии 30 лет мог сдать выморочные земли в аренду или продать их⁵⁹. Еще в XI в. императоры должны были давать специальное разрешение на передачу крестьянских выморочных наделов тому или иному монастырю⁶⁰.

Постепенно динаты приобретают особое место в общине. Говоря словами Ф. Энгельса, сказанными применительно к истории средневековой Германии, «вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а подчас даже сумели подчинить ее своей господской власти»⁶¹. Процесс подчинения общины «господской власти» отражен в дополнительных статьях Земледельческого закона. Эти статьи направлены прежде всего на охрану частной собственности, рождавшейся в недрах общины, и соответственно — на ликвидацию общинных форм собственности. Так, ст. 87, опираясь на нормы римского права, отменяет существовавшее в византийской общине право на чужую землю и запрещает сеять и сажать на чужой земле (*ἐν ἀλλοτρίῳ ἐδάφει*). Особенно существенна ст. 84, свидетельствующая о коренных сдвигах, которые произошли в византийской деревне. Деревня находится теперь в собственности феодала, которого Земледельческий закон именует *δεσπότης τοῦ χωρίου*⁶², а крестьянин (*γέφυρος*) превратился в зависимого человека, лишенного права перехода. Его имущество уже не является собственностью, но обозначается характерным термином рабовладельческого права — *пекулий*⁶³.

Византийское законодательство, в том числе и памятники римско-византийского права, содействовало процессу закрепощения крестьянства: юридические документы могли быть использованы в целях оформления социального неравенства. Так, мистот, т. е. батрак из разорившихся крестьян, рассматривается в Василиках (IV, 1.3), как принадлежащий господину: если мистот уходит, господин имеет право его разыскивать. В соответствии с этим Пира (XXX, 26) подчеркивает социальную неполноправность мистота: ему запрещается выступать по тяжбам его господина. Еще далее идет Пира (LI, 1), когда признает за господином право судить своего мистота. Наконец, схолия к Василикам (LX, 17.7) по существу приравнивает мистота к рабу.

Чрезвычайно показательны некоторые положения и формулировки Эклоги, измененной по Прохирону, поскольку этот памятник считался с нормами обычного права. Подобно дополнениям к Земледельческому закону, Эклога, измененная по Прохирону, охраняет частную собственность от притязаний общин и запрещает строить, сеять и сажать на чужой земле (XXV, 18). Колонны ставятся в этом памятнике в один ряд с господ-

⁵⁸ Jus, III, p. 298.

⁵⁹ Tract., S. 116.15.

⁶⁰ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 93.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639.

⁶² Ср. *ἄρχων τῆς χωρῆς*, — PG, т. CXX, col. 160.A. Таким господином деревни был уже известный нам Филокали.

⁶³ К сожалению, мы не можем точно определить время составления дополнительных статей Земледельческого закона.

скими рабами (XXX, 8), а вопрос об энапографх рассматривается в титуле о рабах и освобождении их; при этом, считая энапографов крепостными, составитель Эклоги, измененной по Прохирону, разбирает вопрос, как должны быть разделены дети двух энапографов, принадлежащих разным господам (X, 15). Таким образом, если дополнения к Земледельческому закону лишь сближают собственность крестьянина с пекулием, то этот памятник идет дальше и сближает самого зависимого крестьянина с рабом. Недаром Эклога, измененная по Прохирону, противопоставляет бедняка (ἄπορος) свободному (XVIII, 10).

Мало-помалу динаты расширяли свои владения. Хроники постоянно говорят о насилиях и грабежах динатов, присваивающих владения бедняков и создающих на их месте собственные проастии⁶⁴. Яркую картину такого насилия рисует Фотий в письмах к ксенодоху Дамиану. Фотий пишет, что к нему явился бедняк (ἄνθρωπος πένης), весь в слезах; его хитонишко (χιτωνίσκος) был изорван, а на лице виднелись следы побоев. Он жаловался Фотию, что получил эти побои, пытаясь отстоять свою землю (γῆδιον) от людей ксенодоха Дамиана⁶⁵. Во втором письме Фотий порицает Дамиана, который до сих пор не возвратил землю бедняка, отнятую противозаконно (τυρηνίδι καὶ βίχ)⁶⁶. Афонские акты также рассказывают об ожесточенной борьбе между крестьянами Иерисса и афонскими монахами, претендовавшими на землю этих крестьян⁶⁷.

Особенно детально о насилиях динатов X в. сообщают новеллы византийских императоров. Они свидетельствуют о том, что динаты, опираясь на свое богатство, используя своих рабов, производят захваты в деревнях, налагают на крестьян повинности, подчиняют их своей власти⁶⁸. Новелла Константина VII устанавливает штраф для знатного человека, превратившего стратиота в зависимого крестьянина: с него взыскивалось 36 золотых номисм. Половина этой суммы уплачивалась в казну, половина шла в пользу пострадавшего стратиота⁶⁹.

О конкретных фактах насилий динатов говорят многочисленные параграфы Пирь. Динаты захватывали чужие поля (XXXI, 12) и виноградники (XVIII, 6), владели землей бедняков (XL, 12), составляли подложные документы (LXIV, 3). Пира (XXXVI, 18) рассказывает, что патрикий Триаконтафил „купил“ землю, не уплатив за нее денег, а из другого параграфа (IX, 2) мы узнаем, что такие „покупки“ были частым явлением. В других случаях динаты покупали землю за неполную цену (XXX, 12), а то и захватывали чужое владение путем прямого насилия (LXVI, 26). Несколько раз Пира упоминает о незаконных действиях одного из могущественных динатов — магистра Склира. То Склир совершает насилие по отношению к крестьянам (χωρίτης) и вторгается в их дома (XLII, 18), то он отнимает чужое имущество и произвольно заключает людей в тюрьму (XXIII, 7)⁷⁰.

Феодалы расширяли свои владения также путем легальных по форме приобретений (покупки, аренды и обмена) и проникали таким образом в те деревни и хутора, в которых они до сих пор не имели земли⁷¹.

⁶⁴ Theoph. Cont., p. 447. 4—18.

⁶⁵ PG, t. CII, col. 952. A—B.

⁶⁶ Ibid., col. 877. A. Cp. ibid., col. 880. A—B.

⁶⁷ K. Lake. The early days of monasticism on Mount Athos. Oxford., 1909, p. 76—79.

⁶⁸ Jus, III, p. 247. 2—6.

⁶⁹ Ibid., p. 266. 14.

⁷⁰ См. о нем также Пётр, XLII, 11 и XIX, 5. Управляющий (эпискепит) Романа Склира произвольно передавал земли, скот и движимое имущество одним крестьян другим — Пётр, XLII, 19.

⁷¹ Jus, III, p. 240.

Новелла Константина VII от 947 г. порицает динатов Фракисийской фемы, которые, пренебрегая „законами и естественным правом“, вторгаются в деревни и под предлогом покупки, дарения и наследования тиранят несчастных бедняков и превращают их в беглецов (*μεταβάσται*)⁷², т. е. принуждают покидать родные края.

Византийское право конца IX в. содействовало всякого рода „законным“ сделкам динатов. В Василики было включено постановление, разрешающее под предлогом подарка (*δωρεᾶς αἰτίαι*) приобретать землю за пониженную цену⁷³. В интересах крупных собственников и прежде всего церкви Лев VI в 50-й новелле облегчил дарственные сделки, отменив правило, требовавшее, чтобы о всякой дарственной в размере свыше 500 номисм было совершено официальное объявление перед чиновниками⁷⁴. В 84-й новелле Льва VI чиновникам, кроме стратигов, было дано разрешение приобретать земли в своих фемах.

Другим путем формирования феодального поместья служила прекарная зависимость. Насколько можно судить на основании скудных данных источников, византийский прекарий имел преимущественно форму *precaria oblata*. Новеллы X в. свидетельствуют о том, что крестьяне передавали свои земли под „защиту“ (*προστασίαι*) феодалов⁷⁵. Иллюстрацией этого положения может служить афонский акт 897 г., рассказывающий о том, что крестьяне деревни Драговунты Феодор и Никита передали игумену монастыря Перистеров свою землю, а кроме того, приняли на себя обязательство платить монастырю небольшую ежегодную денежную ренту (5 милиарисиев)⁷⁶.

Разумеется, прекарные отношения устанавливались не по доброй воле крестьян: они должны были вступать в личную зависимость от феодалов в силу обстоятельств, принуждаемые к тому бедностью, бременем податей или прямыми угрозами. По-видимому, в голодные годы число крестьян, вступающих в прекарные отношения, резко возрастало. Возможно, что крестьяне, продававшие земли феодалам во время голода 928 г., оставались на своей земле, получая ее в качестве *precaria oblata*; феодал выплачивал крестьянину некоторую сумму денег или выдавал хлеб. При таком допущении становится понятным, почему выплаченная феодалами сумма была, как правило, несравнимо ниже действительной ценности земли.

К прекарным отношениям близка была передача феодалу так называемой *χρησις*, т. е. „пользования“, „узуфрукта“. Мы встречаем ее упоминание в новелле Романа Лакапина, который запретил динатам приобретать земли *κατὰ μόνην χρησιν*⁷⁷. Роман II, отступая от принципов законодательства Романа Лакапина, допускает *χρησις* в том случае, когда крестьянин не может выплатить долга: крестьяне должны были на время передавать феодалу „пользование“ их наделами (*ἡ τῶν τόπων χρησιν*), — при этом Роман II торжественно провозглашает, что „убогие“ ни в коем случае не должны лишаться собственности (*δεσποτεῖαι*)⁷⁸.

Что же представлял собою византийский „узуфрукт“ X в. ? Новелла 947 г. рисует конкретную картину такого „узуфрукта“. Крестьянин про-

⁷² Jus, III, p. 253. 3—9.

⁷³ Synopsis Basilicorum, A, III. 9. (из Bas., XIX. 1. 32).

⁷⁴ H. Monnier. La Nouvelle L de Léon le Sage et l'insinuation des donations. „Mélanges P. F. Girard“. Paris. 1912. Ср. P. Marc. BZ, 22, 1913, S. 302 f.

⁷⁵ Jus, III, p. 230. 22.

⁷⁶ Lavra, № 1. 24—27. См. анализ этой грамоты — Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии. Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952, стр. 53 и сл.

⁷⁷ Jus, III, p. 240. 22.

⁷⁸ Ibid., p. 283. 31—32.

должает оставаться на земле и обрабатывает ее, покуда не выплатит феодалу установленной суммы. При этом он удерживает из урожая лишь то, что необходимо для поддержания существования и для возделывания поля (*πρὸς τὴν ἀναγκαίαν χρῆσιν καὶ γεωργίαν τοῦ ἀγροῦ*), а все остальное идет феодалу⁷⁹.

Таким образом, *χρῆσις*, как ее рисует новелла 947 г., коренным образом отличается от узуфрукта римского права. „Узуфрукт поля, — определяет схолия к Василикам, XVI, 1. 7, — состоит в том, чтобы обрабатывать поле и пользоваться всем, что на нем произрастает“. Согласно Василикам, именно узуфруктуарий обрабатывает поле (XVI, 1. 9), он живет на поле и может не допустить туда хозяина поля⁸⁰, он пользуется дровами, садом, фруктами, овощами, водой⁸¹. Именно поэтому Василики в качестве примера узуфруктуария приводят мистота (XVI, 1. 34 § 1) или раба (XVI, 4. 18), а не дината, который выступает псевдо-узусуфруктуарием в новеллах X в.

Не имеет ничего общего *χρῆσις* X в. и с антихрезой Василик. Антихреза представляла собою такой залог, когда плоды заложенного поля поступали кредитору в уплату процентов⁸². Однако в этом случае кредитору предоставлялось владение (*νομή*) залогом (Basil., XXV, 1. 34), тогда как в новеллах X в. крестьянин сам обрабатывал поле, удерживая у себя то, что мы можем назвать необходимым продуктом, и передавая феодалу прибавочный продукт.

Пира не сохранила учения Василик об узусуфрукте: в соответствующем 46-м титуле Пире нет ни одной ссылки на Василики. Согласно своеобразной юридической конструкции, развитой в Пире, собственность и узусуфрукт выступают как два вида вещного права, различающиеся лишь в количественном отношении: собственнику принадлежат $\frac{2}{3}$, а узусуфруктуарию $\frac{1}{3}$ вещи⁸³. В соответствии с этим Пира (XIX, 39) признает за собственником право на плоды. Все это свидетельствует о том, что юристы X—XI вв. пытались переосмыслить римское понятие узусуфрукта.

Χρῆσις далеко не всегда оставалась временной: неурожаем, падеж скота и любое иное бедствие (не говоря уже о прямом насилии) приковывали крестьянина прочными цепями к „временному“ владельцу его надела.

К образованию особой категории феодально-зависимого крестьянства вело изменение характера аренды. Византийское право X в. различало две формы аренды: решения магистра Косьмы противопоставляют обычную аренду (*μισθωσις*) и так называемое держание на паричском праве (*παροικιῶν δικαίον*)⁸⁴.

Применение термина парик в значении „присельник“, человек, поселяющийся на чужой земле, восходит к традиции священного писания⁸⁵. Это значение термина парик принято и Лексиконом Свида (s. v. *παροικίη*), и агиографической литературой. В житии Стефана Нового монахи, бежавшие из Константинополя во время торжества иконоборцев, названы чужаками и париками⁸⁶. Житие Луки Эладского повествует, как родители

⁷⁹ Jus, III, p. 255. 26—29.

⁸⁰ Bas., XVI, 8. 10 § 4 и XVI, 8. 12 § 1.

⁸¹ Ibid., XVI, 4. 13 и XVI, 8. 12 § 1. В данном случае несущественно разграничение между узусом и узусуфруктом, которое проводит римское право.

⁸² Ibid., XXV, 1. 32 и схолия к этому параграфу.

⁸³ Πεῖρα, XLVI, 1 и 3.

⁸⁴ Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1927, стр. XXXV.

⁸⁵ Псал. XXXVIII, 13 и СХІХ, 9; Быт., XXIII, 4. Этот термин встречается и в „Дигестах“ (L, 16, 239) — см. P. Charanis. On the social structure, p. 137.

⁸⁶ PG, t. C, col. 1120. В. Ср. аналогичные выражения в житии Евдокима, изд. X. Лопарев. ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 210. 18 и в житии Николая Студита (PG, t. CV,

героя, переехав на новое место, разбивают там „шатры парикии“⁸⁷. Во всех этих случаях термин парик не имеет специального значения: жития придают ему традиционный библейский смысл. Поэтому на основании употребления этого термина в житийной литературе нельзя делать никаких выводов о социальной природе парикии. Однако библейско-агиографическое значение этого термина объясняет, почему византийское право, начиная с Юстиниана, приняло его для обозначения арендатора, сидящего на чужой земле⁸⁸.

Юридическая дефиниция между обычной арендой и держанием на паричском праве, которая, как мы видели, проводится в решении магистра Косьмы, была порождена тем, что византийское право не допускало аренды на срок, превышающий 30 лет, ибо тридцатилетнее непрерывное пользование вело по правилу прескрипции к установлению права собственности арендатора на арендованную землю⁸⁹. Хотя Пира (VIII, 5) подчеркивает, что прескрипция не имеет силы на церковных землях, все же каноническое право запрещало сдавать земли в аренду на срок свыше 27 лет⁹⁰, ибо церковь боялась прескрипции. При этом канонисты подчеркивали, что это запрещение относится к архонтам, ибо именно от них церкви могла грозить опасность, однако они разрешали крестьянскую долгосрочную аренду, „ибо крестьяне необразованы, бедны и покорны“⁹¹.

Из этого можно сделать вывод, что канонисты различали обычную аренду (не свыше 30 лет) и крестьянскую долгосрочную аренду: последняя и носит название парикии. Это предположение подтверждается и монастырским уставом Григория Бакуриани (конец XI в.), который запрещает продавать землю или сдавать ее в аренду (*μήτε πωλεῖν μήτε ἐκδοῦναι*) кому-либо за исключением монастырских париков⁹².

Существование церковных париков-арендаторов засвидетельствовано хронистами, рассказывающими о событиях начала IX в.⁹³ В X в. парик-присельник — это крестьянин, арендующий чужую землю, за пользование которой он платит капникон, а также, быть может, несет и другие повинности⁹⁴. Земля, на которой он сидит, ему не принадлежит: магистр Косьма, запрещая церковным парикам отчуждать землю, подчеркивает, что именно церковь является господином, собственником этой земли⁹⁵. Но и он уже должен был указать на наличие элементов владельческих прав, которыми обладал парик: магистр Косьма утверждает, что если парик уходил с земли, на которой он сидел, церковь должна была выдать ему материал возведенных им строений⁹⁶.

Несколько иначе конструируется понятие парикии в более поздней Пире; автор ее указывает, что парики-арендаторы после тридцатилетнего пользования наделом приобретают квази-владельческие права (*ὡς δεσπό-*

col. 908, B). Свидетельство этих житий VIII—IX вв. позволяет уточнить суждение А. П. Рудакова („Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии“, М., 1917, стр. 189), полагавшего, что в агиографической литературе термин парик появляется только с X в.

⁸⁷ PG, t. CXI, col. 44. A.

⁸⁸ См. Syn. Basil., II, VII, 1.

⁸⁹ Πεῖρηξ, VIII, 11 и XV, 17.

⁹⁰ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов, ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 31. 14.

⁹¹ PG, t. CXXXVII, col. 952.

⁹² L. Petit. Typicon de Grégoire Pécourianos. BV, т. 11, 1904. Прилож., стр. 51.19.

⁹³ Theophanes, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, vol. I, p. 456; Cedrenus, II, p. 37. 17.

⁹⁴ Πεῖρηξ, XVIII, 2.

⁹⁵ Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты, стр. XXXV.

⁹⁶ Там же, стр. XXXVI.

τα)⁹⁷: если в течение тридцати лет они оставались на одном и том же участке, собственник не может согнать их⁹⁸. Земли, находившиеся во владении париков, в документах XI в. именуется специальным термином *παροικότητα*⁹⁹, который может быть переведен как „паричская земля“. Парики XI в. платят не капникон, но особую ренту, так называемый пакт¹⁰⁰. Если в X в. пакт включался в состав государственного канона¹⁰¹, то в XI в. он выступает как повинность, отличная от государственных податей; в более поздних памятниках этим термином обозначается один из видов феодальной ренты¹⁰².

Документы X в. рассматривают париков как зависимых людей. Монахи афонской Лавры жаловались императору Льву VI, что монастырь Иоанна Колову захватывает их земли, а с ними обращается как с собственными париками¹⁰³.

Константин VII угрожает в одной из новелл тому, кто осмелится захватить стратиотский надел или превратить стратиота в зависимого человека, в парика¹⁰⁴.

Таким образом, к X—XI вв. парик превращается в феодально-зависимого крестьянина, платящего особую ренту (пакт) и в то же время наделенного особыми правами на свое хозяйство: он пользуется владельческими правами не только на инвентарь, но и на землю.

Акты конца X в. упоминают париков во владении различных монастырей. Латрский монастырь обладал некоторым числом париков¹⁰⁵; монастырь Иоанна Колову имел не менее 40 париков, часть которых жила в Иериссе, тогда как другие обрабатывали земли, принадлежавшие монастырю и расположенные вокруг Иерисса¹⁰⁶. Грамота 991 г. упоминает стада, принадлежавшие парикам афонских монастырей¹⁰⁷. Император Василий II закрепил за болгарскими церквями в начале XI в. по 10—40 париков¹⁰⁸.

Частновладельческие парики X—XI вв. еще обладали свободой перехода. Решение магистра Косьмы свидетельствует, что парики могли покидать церковные земли, и епископ обязан был даже выдать им материал возведенных ими строений. Свобода перехода париков засвидетельствована также одним письмом Михаила Пселла: в этом письме Михаил Пселл обращается к судье с просьбой воспрепятствовать задуманному париками переселению¹⁰⁹. Просьба эта чрезвычайно характерна: она показывает, что феодалы в XI в. стремились добиться запрещения свободы перехода париков, — правда, требования эти ограничивались пока еще отдельными конкретными случаями. Наличие свободы перехода отличает париков-арен-

⁹⁷ Παῖρξ, XV, 2.

⁹⁸ Ibid., XV, 3.

⁹⁹ L. Petit. Typicon de Grégoire Pascarianos, p. 51.16; MM, VI, p. 1. 3. Сходный термин употребляет и Пира (Παῖρξ, XV, 2: τῆς παροικίας αὐτῶν τοῖα)

¹⁰⁰ Παῖρξ, XV, 2.

¹⁰¹ τὰ ἀπαιτούμενα παῖρξ ἐν τῇ διοικήσει δημοσίως ὑπάρχει κανόν — Tract., 123. 1—2.

¹⁰² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 130. В „Пире“ (XV, 14) термином пакт названа одна из составных частей арендной платы.

¹⁰³ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. 1, Киев, 1877, стр. 297. 24.

¹⁰⁴ Jus, III, p. 266. 14. Ср. ibid., p. 266. 24.

¹⁰⁵ MM, VI, p. 307. 26. и 308. 1.

¹⁰⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 56. 5.

¹⁰⁷ Lavra, № 10. 13—14.

¹⁰⁸ H. Gelzer. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümverzeichnisse der orientalischen Kirche. BZ 2, 1893: Ср. также Г. Острогорски. О византийском государственном сельце, стр. 27—29.

¹⁰⁹ Н. А. С ка ба ла но в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 249.

даторов от государственных париков, которые не имели права покинуть свой участок и только задавленные податным гнетом, они уходили в бега.

Итак, парики X в. — не свободные поселенцы; образование этой категории зависимого крестьянства — продукт распада общины; парики — это крестьяне (скорее всего, бедняки), которые оказались вынужденными арендовать земли феодалов и постепенно превращались в наследственных держателей феодального типа.

Для обозначения зависимых крестьян в X в. употреблялся также термин проскафимены. В одном из афонских актов упомянуты владения, принадлежавшие динатам; на этих землях работали проскафимены¹¹⁰. Специфические черты зависимости проскафименов X в. нельзя выяснить из-за недостатка источников — более поздние документы показывают, что между париками и проскафименами не было непроходимой грани¹¹¹. Николай Мистик употребляет другой термин, возможно, обозначающий зависимых крестьян: в одном из писем он говорит, что монастыри приобретают новые земли и *ὑποσφουδύντες*¹¹², однако конкретного представления об этой категории зависимых людей мы не имеем.

В литературных памятниках для обозначения зависимых крестьян применялся термин *ἀγρότης*. Во всяком случае, этот термин иногда противопоставляется термину *γεωργός* и обозначает категорию крестьян, стоящую ниже *γεωργοί*. Житие Георгия Амастридского перечисляет три категории сельского населения: *ἀγρότης*, *γεωργός* и стратиот, — которые, по словам агиографа, резко отделены одна от другой. „Люди духовные, — пишет он, — узнают друг друга с первого взгляда, как *ἀγρότης* узнает *ἀγρότην*, *γεωργός* — *γεωργόν* и стратиот стратиота“¹¹³.

Термин *ἀγρότης* часто встречается в литературных памятниках и, хотя он ни в одном случае не относится к строго определенной по своему социальному положению группе крестьян, этот термин, как правило, несет в себе оттенок приниженности. Иоанн Геометр говорит об агротях как о нищих людях, живущих в хижинах¹¹⁴. Житие Филарета Милостивого упоминает нищего агрота, который лишился быка и не имеет возможности уплатить долги и подати¹¹⁵. Житие Константина Иудея называет агротями киликийских крестьян-бедняков¹¹⁶.

Существовала тенденция к превращению в феодально-зависимых крестьян также и сельских мистиев (мистотов). Постепенно к XIII в. этот процесс получает свое завершение: мистоты сплошь да рядом в XIII в. выполняют барщину и платят денежную ренту¹¹⁷. Видимо, и посаженные на землю рабы превращались в зависимых крестьян¹¹⁸.

¹¹⁰ Lavra, № 2. 21. По-видимому, владельцы этих проскафименов были мелкими феодалами.

¹¹¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 134. Иначе — P. Charanis. On the social structure, p. 141.

¹¹² PG, t. CXI, col. 304. В.

¹¹³ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II. СПб., 1893, стр. 23.4—6.

¹¹⁴ PG, t. CXI, col. 958. В.

¹¹⁵ А. Васильев. Житие Филарета Милостивого, стр. 66.19.

¹¹⁶ AASS Nov., t. IV, col. 639. С.

¹¹⁷ См. об этом А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. „Уз Тульского пединститута“, вып. II, 1951, стр. 83—84.

¹¹⁸ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории, стр. 18; G. Ostrogorski. La paysannerie byzantine, p. 73. Совершенно произвольно утверждение Ж. Руйяр (G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin, p. 97), считающей, что *δούλος* — свободный работник. См. критические замечания Г. Острогорского (BZ, 47, 1954, S. 422 f).

Наряду с этими „классическими“ путями становления феодальной зависимости мы можем наблюдать в Византии X в. еще один путь, являвшийся в значительной мере специфически византийским¹¹⁹. Зависимыми крестьянами здесь неминуемо должны были стать государственные крестьяне, попадавшие в силу тех или иных условий под патронат крупного светского или духовного землевладельца. Крестьянами под патронатом мы будем условно называть таких крестьян, которые уплачивали государственные подати не в казну, а светским или духовным феодалам. Следовательно, крестьяне этой категории выголялись — во всяком случае, первоначально — лишь те повинности, которыми они до сих пор были обязаны казне. Иными словами, здесь феодальная рента внешне еще неотличима от государственного налога, а феодальная зависимость по форме сходна с подданством. „При таких обстоятельствах, — говорит К. Маркс, — отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству“¹²⁰.

При таком патронате могли сохраниться внешне неизменные общинные отношения, хотя на деле личная власть феодала над общиной, определенные права, полученные им в целях обеспечения возможности взыскания податей, — все это порождало тенденцию к полному подчинению полужизни крестьянства.

Формы византийского патроната были разнообразны. Повидимому, патронатные отношения скрываются под термином *τελεῖν ὑπό τινος*, „платить под кем-либо“. О крестьянах, „платящих под господами“, говорит в общей форме Эпанагога (V, 2). Встречаются также упоминания деревни, „платящей под архиепископией“¹²¹.

Однако даже если допустить, что это выражение означало состояние зависимости, патроната, придется признать, что степень зависимости была в таком случае незначительной. Житие Филарета Милостивого повествует о пафлагонской деревне Амния, которая „платила под Гангрской митрополией“. Среди жителей этой деревни были и такие богатые люди, как сам Филарет. Жители деревни Амния свободно распоряжались своим имуществом, продавая и покупая землю.

Таким образом, термин *τελεῖν ὑπό τινος*, применявшийся в IX—X вв. преимущественно к целым общинам, а не к отдельным крестьянам, означал, скорее всего, отношения, сводившиеся к обязанности деревни вносить государственные подати не в казну, а крупным земельным собственникам, прежде всего церкви. Были ли уже в это время с понятием *τελεῖν ὑπό τινος* связаны какие-либо формы зависимости, сказать трудно: во всяком случае, источники не дают об этом никаких сведений. Можно лишь указать, что выражение *τελεῖν ὑπό τινος* могло быть применено и

¹¹⁹ Мы оставляем в стороне сложный вопрос о генезисе феодализма в странах Ближнего Востока, где многие процессы могут иметь известное сходство с процессами развития византийского феодализма. Исходным пунктом дальнейших рассуждений является признание элементов верховной собственности государства на землю. См. об этом J. Danstrup. *The state and landed property in Byzantium to c. 1250*. „Classica et Mediaevalia“, vol. VIII, 1947, p. 240 f. и А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв., ВВ, т. X, 1956, стр. 59 и сл.

¹²⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 804.

¹²¹ Jus, III, p. 236. В нарративных источниках мы встречаем упоминание деревень, которые „платили под“ каким-нибудь городом (Арсений. Житие Феодоры Солунской. Юрьев, 1899, стр. 33.38); см. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры. . . , стр. 175) или даже фемой (AA SS Nov., t. III, col. 301; Theoph. Cont., p. 6, 9). В этих случаях мы не вправе говорить о патронатных отношениях.

для характеристики таких отношений, которые не сводятся к патронату: хроника продолжателя Феофана пользуется этим термином \ddagger для обозначения отношения малолетнего императора к его опекунам¹²².

Иной формой патронатных отношений являлся $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\omicron\nu\ \sigma\omicron\lambda\acute{\epsilon}\mu\nu\iota\omicron\nu$, описанный в Трактате об обложении. Трактат указывает, что император по просьбе монахов того или иного монастыря заменял денежное пожалование, установленное для этого монастыря, некоторой суммой ($\pi\omicron\sigma\omicron\tau\eta\varsigma$) государственного канона, которую должны были платить крестьяне не подчиненных монастырю деревень ($\chi\omega\rho\iota\omicron\nu\ \tau\iota\nu\omega\nu\ \mu\eta\ \dot{\upsilon}\pi\omicron\kappa\omicron\epsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}\ \epsilon\upsilon\chi\alpha\epsilon\iota\ \omicron\iota\kappa\omega$)¹²³. Такая форма пожалования и называлась $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\omicron\nu\ \sigma\omicron\lambda\acute{\epsilon}\mu\nu\iota\omicron\nu$. Правда, в трактате подчеркивается, что деревни, платившие $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\omicron\nu\ \sigma\omicron\lambda\acute{\epsilon}\mu\nu\iota\omicron\nu$, не считались собственностью монастыря-патрона, однако по существу эта форма отношений вела к установлению феодальной собственности¹²⁴.

К патронату¹²⁵ близки по своей природе отношения, описанные Константином Багрянородным в сочинении „Об управлении империей“. Мы имеем в виду те отношения, которые были установлены в начале IX в., при императоре Никифоре I, между митрополией св. Андрея и приписанными к ней славянскими общинами¹²⁶.

Известие Константина Багрянородного уже не один раз было предметом рассмотрения историков. Е. Э. Липшиц сближала повинности славянских общин, приписанных к митрополии св. Андрея, с десятиной-мортой¹²⁷. М. В. Левченко характеризовал эти славянские общины как крепостные¹²⁸. С этими предположениями вряд ли можно согласиться.

Константин следующим образом описывает повинности, возложенные на патрасских славян: „Приписанные к митрополии славяне кормят страстигов, царских чиновников и всех иноземных послов, имея [для этой цели] собственных стольничих, поваров, всех [лиц], приготавливающих кушанья к столу. Митрополия не вмешивается в это, но славяне сами совершают все необходимое путем раскладки ($\delta\iota\alpha\nu\omicron\mu\eta$) и взаимной помощи ($\sigma\upsilon\nu\delta\omicron\sigma\iota\alpha$) общины ($\tau\eta\varsigma\ \delta\iota\alpha\delta\omicron\varsigma$)“. Далее Константин указывает, что повинности славян были детально ($\lambda\epsilon\pi\tau\omicron\mu\epsilon\rho\acute{\omega}\varsigma$) определены в сигиллии Льва VI, где митрополиту было запрещено переводить их на деньги ($\acute{\alpha}\pi\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\iota\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$).

Хотя Константин и называет патрасских славян $\acute{\epsilon}\nu\alpha\pi\omicron\upsilon\gamma\omicron\upsilon\alpha\phi\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ ¹²⁹ (что, видимо, и дало М. В. Левченко основание характеризовать их как

¹²² Theoph. Cont., p. 381.5. Ср. PG, t. CXI, col. 332.D. В памятниках XIII—XIV вв. выражение $\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\nu\ \dot{\upsilon}\pi\omicron\varsigma\ \chi\epsilon\iota\rho\alpha$ — означало личную зависимость в более широком смысле слова. Этот термин применялся для характеристики зависимости париков от прониаров (MM, IV, p. 199) или зависимости вассала от сеньора — Sanctas., I, p. 83.10. Ср. также ниже, стр. 118.

¹²³ Tract., S. 117.42.

¹²⁴ От $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\omicron\nu\ \sigma\omicron\lambda\acute{\epsilon}\mu\nu\iota\omicron\nu$ следует отличать другие виды солемниев, как-то: освобождение монастыря или церкви от уплаты государственных налогов или пожалование монастырю определенной суммы из государственного канона, собираемой податными сборщиками.

¹²⁵ Быть может, патронатные отношения скрывались также за термином $\acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\kappa\acute{\epsilon}\psi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\omicron\ \chi\omega\rho\iota\omicron\nu$ — PG, t. CXI, col. 260. В.

¹²⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. by G. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 49.65—76, p. 230 sq.

¹²⁷ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945, стр. 124. Аргументация Е. Э. Липшиц опирается на предположение, что морта является „десятиной, уплачиваемой духовному землевладельцу“.

¹²⁸ М. В. Левченко. История Византии, стр. 151.

¹²⁹ Термин $\acute{\epsilon}\nu\alpha\pi\omicron\upsilon\gamma\omicron\upsilon\alpha\phi\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ встречается также в энокмии Константину VII (А. Пападопуло-Керамевс. *Ἀνάλεκτα*, т. I, стр. 115.21), где он обозначает крестьян (зависимых?), которые были зачислены в войска магистра Пофа Аргира.

крепостных), из всего текста видно, что они не имеют ничего общего с римскими адскрипциями. Повинности патрасских славян не носят частного-правового характера (и, в частности, не схожи с мортой): славяне были обязаны выполнять лишь тяжелую государственную повинность — построй. Что же касается до церкви, то она не только не имела права вводить новые повинности, но даже не должна была вмешиваться в организацию общинами приема чиновников и послов.

Иначе говоря, на патрасских славян была переложена государственная повинность, которая до того была повинностью митрополии. При этом такая организация взимания ренты не разрушала общинных связей. То обстоятельство, что патрасские славяне выполняли государственные повинности, не отличавшиеся в принципе от ренты экскуссатов дрома, позволяет рассматривать их как „крестьян под патронатом“.

Все рассмотренные до сих пор формы патроната имеют между собой то общее, что община противостоит здесь патрону как целое. Это обстоятельство давало крестьянам возможность для организации сравнительно стойкого сопротивления натиску феодалов. Гораздо более пагубной для крестьян формой патроната являлось господство над переданными в частные руки государственными париками.

Государственные парики (*παροικοί δημοσάριοι*)¹³⁰ в грамотах X—XII вв. постоянно противопоставляются частновладельческому парикам-арендаторам. Грамоты, пожалованные Хиосскому монастырю Неа Мони (XI в.), резко подчеркивают различие между ними: никто не имел права выселить из владений Неа Мони монастырских париков, но это постановление не распространялось на париков, которые платили подати в казну¹³¹. Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой (середина XII в.) особо отмечает, что монахи не имеют права вступать во владения государственных париков, которые сами платят в казну причитающиеся с них налоги¹³². Государственные парики были прикреплены к земле: грамоты X в. запрещают им поселяться во владениях частных лиц¹³³.

До нас дошел ряд актов, рисующих передачу государственных париков отдельным феодалам. Подобная передача не была реальным дарением парика: государство на первых порах передавало монастырю или светскому феодалу лишь некоторую сумму податей с определенного числа (*ἀριθμός* или *πύσων*) париков¹³⁴. В X в. монастырю св. Андрея (близ

¹³⁰ Этот термин не встречается в новеллах императоров X в., но употребляется в деловых документах, начиная с питтакиа Иоанна Цимиския, текст которого восстанавливает Г. Острогорский по изданному И. Ивиритом сигиллию Феодора Кладона и сигиллию протоспафария Симеона (Lavra, № 9. 5). Ср. также Lavra, № 28.32. В более поздних документах чаще употребляется термин *δημοσάριοι παροικοί* — см. L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. ИРАИК, т. 6, 1900, стр. 43.24, MM, VI, p. 255.5; L. Petit. Actes de Chilandar, № 58.7; Д. Ангелов („Принос к поземелните отношения във Византия през XIII век“. „Годишник на философско-исторически факултет“, кн. II, София, 1952, стр. 74) считал их париками императорских доменов, однако Г. Острогорский показал, что этим термином обозначали крестьян, обязанных уплатой государственных податей (Г. Острогорски. О византиском државним сельацима, стр. 39 и сл.; G. Ostrogorskiij. La paysannerie byzantine, p. 18). Иную точку зрения защищает М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону (ВВ, т. X, 1956, стр. 43).

¹³¹ MM, V, p. 7—8.

¹³² L. Petit. Le monastère de Notre-Dame, p. 44.5.

¹³³ Lavra, № 9.4—7. Ср. Lavra, No. 57.120.

¹³⁴ Беглые замечания об *ἀριθμός* см. А. П. Каждан. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова, ВВ, т. II, 1949, стр. 321; его же. Аграрные отношения в Византии, стр. 102—104; К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии, стр. 14, — подробно G. Ostrogorskiij. La paysannerie byzantine, p. 28 sqq.

Солуни) Константин VII пожаловал *ἀριθμός* ста париков¹³⁵. Определенный *ἀριθμός* париков был установлен также для монастыря Иоанна Колову¹³⁶. Пожалованное число париков должно было оставаться неизменным и пополнялось после их смерти из числа их детей¹³⁷. Теоретически, следовательно, феодал получал право присваивать государственные налоги с определенного, строго ограниченного числа налогоплательщиков, податных единиц, но еще не получал права на самую личность парика.

Еще в XI—XII вв. византийское государство постоянно производило расследования, проверяя, владеет ли тот или иной феодал тем числом париков, которое указано в выданных ему грамотах, или же он присвоил себе „лишних“ крестьян; обнаруженные „лишние“ крестьяне передавались казне. В 1176 г. податной чиновник получил предписание от дуки фемы расследовать права владения Латрского монастыря. „Если ты установишь, — писал дука, — что монастырь владеет столькими париками, сколькими следует согласно его документам, оставь его владеть ими, как и прежде. Если же нет, передай (лишних) казне“¹³⁸. И этот чиновник действительно немало париков передал казне, записав их в государственных описях¹³⁹. Еще Феофилакт Болгарский жаловался на чрезмерную старательность, с которой податные чиновники определяли число принадлежавших архиепископии париков: Феофилакт имел в виду не подсчет париков для взимания поголовной подати, как полагал в свое время В. Г. Васильевский, но проверку основания владения париками¹⁴⁰.

Для того, чтобы лучше организовать контроль за числом париков во владениях частных лиц, Мануил Комнин издал указ, запрещавший дарить париков без указания числа их: грамота, не указывающая количества подаренных париков, рассматривалась как недействительная¹⁴¹.

Итак, государственные крестьяне, переданные в частные руки, теоретически продолжали рассматриваться в X—XII вв. не как лично-зависимые люди, но как налогоплательщики, вносящие свои подати через светского или духовного феодала. Их рента юридически продолжала считаться государственным налогом, их отношения с феодалом — отношениями патроната. Однако практически дело обстояло совершенно по-иному. Для выяснения вопроса о действительном положении париков нам придется обратиться прежде всего к более поздним памятникам. Никита Акоминат рисует яркую картину „так называемых раздач париков“: Мануил Комнин, по его словам, превращал тех, кто еще недавно был жителем провинции и считал своим господином казну, в людей, обязанных не только платить подати воинам-полуварварам, но и служить им в качестве рабов. Жестокие господа отбирали у париков все до последнего обола и даже сдирали с них одежду¹⁴². Неудивительно в свете этого, что монахи афонской Лавры были перепуганы, узнав, что Алексей Комнин повелел им платить часть государственного канона его брату протосевасту Адриану. И хотя размер податей был оставлен без изменения, монахи стали утверждать, что они лишены собственности и обращены в париков этого вельможи¹⁴³.

¹³⁵ Lavra, No. 28.103.

¹³⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 56.4 и 8.

¹³⁷ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame, p. 32.19. Cp. Lavra, № 31.23.

¹³⁸ MM, IV, p. 317.30.

¹³⁹ Ibid., p. 318.9.

¹⁴⁰ PG, t. CXXVI, col. 316. B.

¹⁴¹ Jus, III, p. 444.

¹⁴² Nicetas Choniata, p. 272.10—273.18.

¹⁴³ Lavra, № 39.16—18.

При передаче государственных париков в частные руки положение крестьян было хуже, нежели при иных формах патроната, ибо в этом случае общинные связи разрывались и феодалу противостояла не сплоченная крестьянская община, а изолированные крестьянские семьи. Тем самым ослаблялась сила крестьянского сопротивления и облегчалась возможность для решительного наступления феодалов, для увеличения ренты, для того разорения крестьянства, о котором говорит Никита Акоминат.

Итак, можно видеть, что в византийской деревне X в. был распространен патронат, сущностью которого являлось присвоение феодалом части государственных податей с крестьянской общины или с определенного числа крестьян. Патронатные отношения не создавали какой-либо частной ренты, принципиально отличной от государственного налога, и, следовательно, не создавали новой формы эксплуатации крестьянства. Сам по себе переход под патронат не мог превратить крестьянина в лично-зависимого: он оставался на первом этапе государственным крестьянином и налогоплательщиком. Этим путем еще не создавались формы зависимости, принципиально отличные от подданства. Однако тенденция исторического развития состояла в превращении этого крестьянина в феодально-зависимого. Патронат X в. был лишь переходной формой к поместью XI—XII вв. с гораздо более четко очерченным характером крестьянской зависимости.

Если феодальная собственность на землю образует важнейшее условие эксплуатации средневекового крестьянства, то практическое осуществление этой эксплуатации возможно при помощи определенных феодальных учреждений; вассалитет, система феодальных дружин и феодальная юрисдикция были важнейшими среди них. Зарождение этих учреждений, насколько можно судить по скудным данным источников, относится к IX—X вв.

Вассалы в источниках X в. обозначались термином „люди“ (*ἄνθρωποι*); этот термин часто встречается в хрониках. Знатный каппадокийский феодал Андроник Дука поднял мятеж вместе со своими сыновьями, родственниками и „людьми“¹⁴⁴. Немного позднее по приказу Романа Лакапина был пострижен в монахи магистр Стефан Каламария вместе с его „людьми“: Феофаном Тихиотом и Павлом Орфанотрофом¹⁴⁵. Евдомадарий Лев был „человеком“ некоего Арсения¹⁴⁶.

Важные сведения о вассалах содержит новелла Константина VII: она свидетельствует о существовании схоляриев (воинов), находившихся в зависимости от знатных лиц (*πρωτασίχαις δυνατωτέρων διεφεντευόμενοι*)¹⁴⁷, — эту зависимость, несомненно, надо считать вассальной.

Менее определенный характер носят частые сообщения источников о свите того или иного вельможи. Свита благородных юношей была у крупнейшего богача середины X в. Василия Нофа¹⁴⁸; была свита и у каппадокийского дината Михаила Малейна¹⁴⁹. Хроники рассказывают, как будущий император Василий Македонянин, происходивший из семьи бедных фракийских землевладельцев, вступил в свиту стратига

¹⁴⁴ Theoph., Cont., p. 867.5.

¹⁴⁵ Ibid., p. 398.15.

¹⁴⁶ Ibid., p. 399.2. Ср. *ibid.*, p. 430.9—10.

¹⁴⁷ Jus, III, p. 255.10. О стратиготах, вступающих в зависимость от знати, — *ibid.*, p. 286.18.

¹⁴⁸ Leo Diaconus, p. 94.12.

¹⁴⁹ L. Petit. Vie de s. Michel Maleinos. „Revue de l'Orient Chr.“, vol. VII, 1902, p. 552. 23—29.

Македонии Цанца, а затем — в свиту константинопольского аристократа Феофилицы.

У могущественного вельможи иной раз был свой маленький двор. Так, у стратига Фракии и Македонии Апостиппа была челядь, которую возглавляли лица, носившие титулы: протостратор, кувикулярий, первый среди ближайших¹⁵⁰. Эти названия напоминают титулатуру константинопольских придворных. Челядь Апостиппа именовала его господином.

Следом за феодальной земельной собственностью и вассалитетом вырастает и феодальная юрисдикция. Наличие сеньориальной юрисдикции признает Пира (LI, 1), разрешающая господину судить мистия во всех случаях, кроме тех, когда сам господин был заинтересован в исходе тяжбы. Принципы феодальной юрисдикции были сформулированы в житии Феоклита: „Господин является учителем всякой добродетели и наставником тех, кто находится под его властью (οἱ ὑπο τὴν χεῖρὸς τοῦ κυρίου τελοῦντες), независимо от того, рабы они или свободные“¹⁵¹.

Феодальная юрисдикция подкреплялась дарованием отдельным светским и духовным феодалам податных привилегий и изъятий из общей системы обложения. Податные привилегии получала, в первую очередь, церковь. Правда, в принципе церковь должна была платить налоги за свои земельные владения: как указывает Николай Мистик в послании к епископу Никомидии Игнатию, монастыри должны отправлять государственные повинности, если у них есть земли, населенные крестьянами; если же у них нет земли и крестьян, монастыри должны пользоваться свободой от обложения¹⁵². Об уплате церквами налогов свидетельствуют также Лиутпранд и Феофилакт Болгарский.

Податные привилегии церквам были известны и в более раннее время¹⁵³. Примером податных привилегий VII в. является эдикт императора Юстиниана II храму св. Димитрия в Солуни¹⁵⁴.

Византийские памятники конца IX и X вв. часто говорят об освобождении от уплаты податей. Василий I пожаловал афонским монахам освобождение от „вмешательства“ сборщиков налогов¹⁵⁵. В Эпанагоге, составленной в конце его правления, мы встречаем более общую формулировку этого принципа: „Монастыри и церкви, — говорится там (IX, 16), — и прежде всего митрополии и епископии не должны выполнять крестьянские повинности (ιδιωτικῆ ἀγγυλείᾳ) или барщину, ни нести податей“. Патриарх Фотий в одном из писем порицает спафария и деспота Константина, который посмел вопреки царским жалованным грамотам взимать подати с церкви¹⁵⁶. В послании Николая Мистика диакону Стилиану упоминается о том, что в монастырских ларцах хранятся выданные императором грамоты (χάρτια) об освобождении от обложения¹⁵⁷. Наконец, Трактат об обложении знает, что церковному учреждению

¹⁵⁰ Theoph. Cont., p. 307.1.

¹⁵¹ N. Véès. Vie de s. Théoclète, évêque de Lacédémone. Византийское Обозрение, т. II, 1916. Прилож., стр. 24.23—25.

¹⁵² PG, t. CXI, col. 304.B.

¹⁵³ G. Ferrari dalle Spade. Immunità ecclesiastiche nel diritto romano. „Atti R. Istituto Veneto di sc. letter.“, t. 99.2, 1939—1940 — см. F. Dölger, BZ, 40, 1940, S. 289f.

¹⁵⁴ A. Vasiliev. An edict of the Emperor Justinian. „Speculum“, 18, 1943; H. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinien II. Byz., 17, 1944—1945.

¹⁵⁵ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. I, стр. 295.18.

¹⁵⁶ А. И. Пападопуло-Керамевс. Святейшего патриарха Фотия 45 неизданных писем. „Зап. СПб. университета“, ист.-фил. фак., ч. 41, 1896, стр. 14.5.

¹⁵⁷ PG, t. CXI, col., 225.C.

могут быть пожалованы те подати, которые прежде поступали в казну с его земельных владений¹⁵⁸.

Анализируя данные Трактата об обложении, М. Я. Сюзюмов пришел к выводу, что практика раздачи податных привилегий была в X в. еще сравнительно недавней¹⁵⁹. Следовательно, между раздачами привилегий времен Юстиниана II и привилегиями конца IX в. имел место длительный разрыв, частично объясняемый упадком монастырей в период иконоборчества.

В некоторых случаях податная привилегия могла состоять в снижении нормы обложения: обложение владений данного собственника производилось не по общей норме, а по более льготной¹⁶⁰. Наконец, привилегия могла состоять в освобождении от части дополнительных податей¹⁶¹.

Пожалование податной привилегии и особенно полного освобождения от податей имело в Византии X в. принципиальное значение. Действительно, византийская юридическая теория рассматривала всякого землевладельца как подданного, обязанного выполнять государственные повинности. В соответствии с этим свобода могла здесь существовать только как исключительный случай, как привилегия, как освобождение от бремени податей и повинностей. И в самом деле, термин „свободный“ (ἐλεύθερος) постоянно применяется в памятниках X в. в значении „свободный от податей“¹⁶². Следовательно, освобождение от государственных повинностей означало в Византии X в. нечто большее, нежели просто экономическая льгота. Свобода от податей должна была означать исключительное положение, привилегированность, в известной мере — принадлежность к господствующему классу.

Развитие системы податных привилегий в Византии особенно отчетливо проступает при анализе так называемой экскуссии. Экскуссия, изучению которой был посвящен ряд специальных работ, рассматривается обычно как учреждение, тождественное западноевропейскому иммунитету¹⁶³. Оставляя сейчас в стороне вопрос о поздневизантийской экскуссии, обратим внимание на то обстоятельство, что в исторической литературе данные об экскуссии XI в. были распространены на VII—VIII вв. — на основании этого К. Н. Успенский утверждал, что уже в VII—VIII вв. достигло огромного размаха экзимирированное монастырское землевладение и выросли монастыри-княжества. Дальнейшая эволюция экскуссии рисовалась ему как постепенное ослабление иммунитетных прав монастырей: появление жалованных грамот монастырям XI в. он считал признаком их ослабления, проявлением тенденции сохранить ранее завоеванные права.

Более осторожный П. А. Яковенко начинал историю экскуссии только с XI в. и, следовательно, вовсе не касался интересующего нас периода. При этом он полагал, что византийская экскуссия развивалась из позднеримских учреждений.

¹⁵⁸ Tract., S. 117.4.

¹⁵⁹ М. Я. Сюзюмов, Проблемы иконоборчества, стр. 87.

¹⁶⁰ Μη χητὰ τὸν κοινὸν ποιήσασθαι ὑρισμὸν — Lavra, № 43.4. См. анализ этого места — F. Dölger, Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden, S. 53.

¹⁶¹ Jus, III, p. 392. См. Н. А. Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI в., стр. 275.

¹⁶² Theoph. Cont., p. 48, 17; PG, t. CXI, col. 304. В; Leonis Tactica, IV, 1.

¹⁶³ П. А. Яковенко, К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908; К. Н. Успенский, Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, ВВ, т. 23, 1923; ср. его же. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 186—187.

Теория экскуссии, выдвинутая К. Н. Успенским, является в настоящее время широко распространенной¹⁶⁴, и только М. Я. Сюзюмов выступил против возможности существования в Византии VII—VIII вв. монастырей-княжеств¹⁶⁵. Однако и он не пересмотрел вопроса об экскуссии.

Решение вопроса о ранней экскуссии наталкивается на недостаток источников. Тем более удивительно, что ни К. Н. Успенский, ни его последователи, ни его критики не обратили внимания на упоминания экскуссии в византийских источниках до жалованных грамот конца XI в. — правда, упоминания немногочисленные и случайные¹⁶⁶. К ним следует прибавить венецианские памятники IX в., содержащие некоторый материал для характеристики экскуссии: в то время Венеция еще не порвала окончательно с империей, и общественные отношения в этом городе во многом были схожи с общественными отношениями в Византии.

Термин экскуссия обозначал в IX—X вв., как и в более позднее время, освобождение от податей¹⁶⁷. Это значение придают ему акты X в. В афонской грамоте 984 г. мы находим формулу пожалования экскуссии, которая даруется на вечные времена¹⁶⁸. В другой грамоте экскуссия выступает как освобождение от определенных повинностей (строительство укреплений, поставка продовольствия, постой); дукла фемы запрещает своим чиновникам вторгаться во владения монастыря¹⁶⁹.

Ранние документы, говорящие об экскуссии, показывают, что это право могло принадлежать крестьянам. Константин Багрянородный рассказывает, что в X в. пленных арабов направляли в хозяйства стратигот и крестьян и что эти хозяйства получали на три года экскуссию от синоны-капникона¹⁷⁰. Клирики Охридской архиепископии пользовались в начале XI в. экскуссией от некоторых податей¹⁷¹. В Пире (XX,1) упомянуты парики, имеющие экскуссию по хрисовулу. Наконец, в уставе Эвергетидского монастыря в Константинополе, составленном в XI в. и окончательно отредактированном в XII в., названы парики-экскуссаты¹⁷².

Любопытно употребление этого термина в одной из новелл Константина VII, где словом *ἐξκουσσίας* назван человек, освобождающий стратигота от его повинности и использующий его в собственных интересах¹⁷³. Следовательно, здесь под экскуссией понимается освобождение стратиготов от государственных повинностей. Однако освобождение экскуссатов-крестьян от государственных повинностей было не-

¹⁶⁴ См., например, Е. Э. Липшиц. Византийское общество и его культура, стр. 6.

¹⁶⁵ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества, стр. 81 и слл.

¹⁶⁶ Термин *ἐξκουσσίας* (в неясном значении) встречается один раз в византийских папирусах (С. Н. Roberts. The Antinoopolis Papyri, vol. I. London, 1950, № 33. 36—37). Производные от термина экскуссия встречаются в „Василиках“ (VII, 2.16, § 1, XXI, 1.1 и схолии; XLVI, 1.5 схола., где они имеют узко-процессуальное значение (освобождение от дачи показаний в суде и т. п.).

¹⁶⁷ Leonis Tactica, XX, 71.

¹⁶⁸ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 108.24.

¹⁶⁹ Ibid., № 56.10—13.

¹⁷⁰ Constantinus Porphyrogenitus. De cerim., Bonnae, 1829, p. 695. 5.

¹⁷¹ H. Gelzer. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümverzeichnisse der orientalischen Kirche. S. 44.1.

¹⁷² А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, т. I. Киев, 1895, стр. 655.12. Бессмысленное выражение оригинала *παρικοί ἐξ χρισσίων* нуждается в конъектуре: *ἐξκουσσίας* или *ἐξκουσσίας* (*ἐχόντες*) Ср. еще MM, V, p. 260.19 (от 1295 г.).

¹⁷³ Jus, III, p. 266.28.

полным. Константин Багрянородный подробно рассказывает об их обязанностях. По его словам, императорский стольничий имел в своем подчинении экскуссатов из деревни Тември в феме Опсикий: они должны были поставлять рыбу для императорских трапез¹⁷⁴. Такие же экскуссаты были и в Венеции: при доже Орсо Партиципаке (864—881) остров *Dorsum durum* был передан людям, именовавшимся *excusati Ducatus*, а все остальные рыболовы и охотники на этом острове должны были платить дожу пошлину¹⁷⁵. Видимо, экскуссаты дожа, подобно экскуссатам из деревни Тември, снабжали правителя рыбой и дичью.

К числу экскуссатов относились также экскуссаты дрома, повинности которых состояли, повидимому, в обслуживании императорской почты.

Короче говоря, экскуссаты ранних памятников не могут рассматриваться как люди, полностью свободные от обложения: повидимому, они получали определенные податные льготы (освобождение от денежных поборов?), но зато были обязаны выполнять натуральные или барщинные повинности. Подобное освобождение от основных государственных податей для выполнения какой-либо специальной повинности известно и по другим источникам IX—X вв.¹⁷⁶, хотя оно и не названо там экскуссией¹⁷⁷.

Итак, весьма вероятно, что экскуссия первоначально заключалась в освобождении от основных денежных налогов при условии возложения на экскуссата определенных натуральных или барщинных повинностей. Экскуссатами в IX—X вв. были крестьяне, поставлявшие рыбу для императорского стола, обслуживавшие государственную почту и т. п. Экскуссия в это время не имела ничего общего с феодальным иммунитетом и не могла содействовать формированию экзимирированных монастырей-княжеств.

Постепенно этот термин приобретает новые значения. Так, в афонском акте 984 г. идет речь о пожаловании афонской Лавре экскуссии корабля¹⁷⁸. Разумеется, в данном случае экскуссия обозначает освобождение (монастырского корабля) от уплаты таможенных пошлин. Эта податная льгота, как свидетельствует грамота, могла быть передана по желанию ее обладателя другому лицу.

Термин экскуссия распространяется в это время, как свидетельствует грамота 995 г., цитированная выше, не только на денежные подати, но и на всякого рода строительные работы, натуральные поборы и т. п. В многочисленных жалованных грамотах XI в. экскуссия выступает как освобождение от всевозможных повинностей и поборов. Таковую

¹⁷⁴ *Constantinus Porphyrogenitus. De cerim.*, p. 488.18. Точно так же были освобождены от выполнения государственных повинностей крестьяне, платившие натуральную ренту константинопольской патриархии — *PG*, t. CXI, col. 380.C.

¹⁷⁵ L. A. Muratori. *Rerum Italicarum Scriptores*, t. XII, p. 188.

¹⁷⁶ 70-я новелла императора Льва VI; Книга эпарха, XVIII, 2. См. М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха, Свердловск, 1949, стр. 100.

¹⁷⁷ В связи с этим мы позволим себе предложить гипотезу для объяснения происхождения слова экскуссия, которое П. А. Яковенко („К истории иммунитета в Византии“, стр. 6) выводил из римского термина *excusatio*. Это объяснение стало общепринятым. Нам представляется более правильным рассматривать слово экскуссия как производное от термина *scussia*. Этот термин — по происхождению своему несомненно греческий — засвидетельствован венецианской грамотой Джустиниано Партиципака от 829 г., где идет речь об освобождении от *scussia publica et angariae* (*S. Romanin. Storia documentata di Venezia*, I, 1853, p. 349). Следовательно, *scussia* представляли собой какую-то форму повинностей, отличную от ангарий, т. е. от барщины, — весьма вероятно, что это была денежная подать. Несмотря на всю привлекательность этой гипотезы, следует, однако, указать, что термин *scussia* должен был бы существовать не позднее конца VI в., однако источники его не засвидетельствовали.

¹⁷⁸ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*, № 108.22.

экскуссию получают не крестьяне, а феодалы: она превращается в силу, содействующую оформлению „свободной“ феодальной собственности.

Однако даже в правление Комнинов византийская экскуссия не давала полной экзимированности. Освобождая феодалов от тех или иных налогов, запрещая чиновникам вторгаться в их владения, византийское правительство в то же время сохраняло за собою право пересмотра размера привилегий и самого имущества феодала, как это оговорено в дипломе Мануила Комнина от 1158 г.: „Но когда по повелению моей царственности будут составляться описи монастырских париков и недвижимости, тогда только могут монастыри подвергаться расследованию и лишаться незаконных владений в соответствии с показаниями переписчика“¹⁷⁹.

Принципиальное отличие византийской экскуссии XI—XII вв. от западного иммунитета состояло в том, что она не давала экскуссату средств внеэкономического принуждения по отношению к непосредственным производителям и прежде всего — судебным прав. И все же податные привилегии, представлявшие собою первоначально исключение в системе всеобщего податного гнета, содействовали оформлению феодальных отношений.

Подводя итоги, можно констатировать, что феодальный уклад был ведущим в Византии X в. Феодальная собственность все шире распространялась, вытесняя более архаичные формы. Своеобразной чертой процесса генезиса феодализма в Византии являлась относительная медленность формирования вотчинной системы эксплуатации крестьянства. Наряду с феодальным поместьем — учреждением для взимания феодальной ренты — в экономической жизни Византии X в. известную роль играют и рабовладельческий уклад, и общинные отношения. В соответствии с этим взимание централизованной ренты оказывается существенной формой присвоения прибавочного продукта непосредственных производителей.

Одним из своеобразных путей формирования вотчинной системы эксплуатации непосредственных производителей была передача отдельным динамам определенной доли централизованной ренты. Тем самым государственные крестьяне превращались в крестьян под патронатом и, в конечном счете, — в зависимых людей данного феодала.

Формирующаяся феодальная собственность закреплялась возникновением феодальной юрисдикции и отношений вассалитета; раздача податных привилегий содействовала образованию „свободной“ феодальной собственности.

Процесс формирования феодальных отношений сделал в X в. решающие успехи: феодальная система хозяйства стала в это время ведущей. Однако формирование вотчинной системы эксплуатации непосредственных производителей было еще далеко не завершено, несмотря на бурный рост феодального землевладения на протяжении X в.

¹⁷⁹ Jus, III, p. 453.28. Любопытна грамота 1081 г., где наряду с полной экскуссией устанавливается обязанность платить в казну небольшую денежную ренту — 4⁷/₁₂ номисмы. Lavra, № 37. 24—26.

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВОССТАНИЕ БОЛГАР И ВЛАХОВ В ФЕССАЛИИ В 1066 г.

В исторической литературе до сих пор не уделялось достаточного внимания чрезвычайно интересному движению фессалийских болгар и влахов в 1066 г. Ни единого слова не сказано о восстании 1066 г. и в последнем обобщающем труде советских ученых по истории Болгарии (История Болгарии, т. I. М., 1954). В I томе „История на България“ — коллективном труде болгарских историков — об этом движении имеется лишь краткое сообщение¹. На наш взгляд, восстание 1066 г. заслуживает серьезного внимания. Изучение этого восстания позволит лучше понять вопрос о взаимоотношениях болгар и влахов в XI—XII вв. — в период византийского господства в Болгарии, а также поможет решению важной проблемы о взаимоотношениях славянского населения, населявшего территории, входившие в состав Первого и Второго Болгарского царства, со славянским населением более южных областей полуострова, на которые не распространялась сколько-нибудь длительное время власть болгарских царей.

Как известно, основным и единственным источником для изучения этого интересного события является „Стратегикон“ Кекавмена, изданный в конце прошлого века В. Г. Васильевским и В. Эрнштедтом². В. Г. Васильевский, сделавший комментированный перевод этого памятника на русский язык, был первым исследователем, коснувшимся вопроса о взаимоотношениях болгар и влахов в период византийского ига в Болгарии³. Однако в своем мастерском исследовании он в основном занимается вопросами источниковедения и проблемой происхождения влахов.

Вопрос о восстании и о взаимоотношениях болгар и влахов Фессалии с населением Болгарии, к сожалению, не нашел достаточного освещения в работе В. Г. Васильевского, который, впрочем, и не ставил перед собой этой задачи.

Впоследствии в болгарской и румынской буржуазной историографии проблема взаимоотношений болгар и влахов в XI—XIII вв. ставилась не раз⁴, но решалась она со столь откровенно националистических позиций, обусловленных характером политических отношений Болгарии и

¹ История на България, т. I. София, 1954, стр. 159.

² *Sescaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus*, ediderunt W. Wasiliewsky, V. Iernstedt accedit exemplum codicis phototypicum. Petropoli Typos Academiae Caesareae scientiarum. Записки историко-филологического факультета Имп. СПб-ского Ун-та, ч. XXXVIII. СПб., 1896.

³ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI века. ЖМНП, ч. 215. СПб., 1881; Продолжение: ЖМНП, ч. 216. СПб., 1881.

⁴ См., например, П. Мутафчиев. Към вопроса на българо-румънските отношения в средните векове. Годишник на Софийския Ун-тет, истор.-филол. фак., кн.

Румынии в первой трети XX в., что едва ли было бы верным приводить здесь высказывавшиеся при этом точки зрения, как правило, взаимоисключающие друг друга.

Кекавмен, автор сочинения „Стратегикон“, рассказывает о восстании 1066 г., руководителем которого против своей воли оказался один из его дальних родственников, в целях назидания своим детям. Он предпосылает рассказу обращение к детям с советом в случае мятежа держать только сторону императора, даже тогда, когда „все кругом“ охвачено восстанием⁵. Заканчивает свой рассказ Кекавмен подобным же увещанием: все, кто поднимал восстания против императора, пишет он, погибли.

Восстание 1066 г. началось в городе Лариссе и его окрестностях. Согласно Кекавмену, его предки: дед по матери болгарин Димитрий Полемарх⁶ и дед по отцу Кекавмен⁷ были правителями этого города (или даже всей Эллады) и сами жили в нем. Правителем Лариссы был и дед „предводителя“ восставших Никулицы Делфина булгарин Никулица⁸. Причем, как дед Кекавмена Димитрий, так и дед Никулицы Делфина Никулица перешли на службу к Василию II во время войн Византии с Болгарией, предав тем самым дело независимости своего народа в один из самых драматических моментов его истории⁹. Сам автор

XXVIII, 5. София, 1932; Его же. Владетелите на Просек. Сборник на Българската Академия на Науките, кн. 1. София, 1913; Его же. Произходът на Асеновци. Македонски преглед, год IV, кн. 4. София, 1928; P. Mutaftschieff. Der Byzantinismus in der mittelalterischen Bulgarien. BZ. Bd. 30, 1929/1930; N. Jorga. Histoire de la vie Byzantine Empire et civilisation. Bucarest, 1934; N. Bănescu. La question du Paristrion ou conclusion d'un long débat. Byz., VIII, fasc. I, 1933; N. Bănescu. Fantasies et réalités historiques. Byz., XIII, fasc. I, 1938.

⁵ Strategicon, p. 64.

⁶ Ibid., p. 29.

⁷ Ibid., p. 65.

⁸ Ibid., p. 66; De officiis..., p. 96.

⁹ Впервые, вопросом о степени родства Кекавмена, автора „Стратегикона“, и Никулицы Делфина, так же, как вопросом об отношении первого к известному византийскому полководцу третьей четверти XI в. — Катакалону Кекавмену, занимался В. Г. Васильевский (см. „Советы и рассказы“...). Он же пытался выяснить вопрос и об авторе анонимного „Слова об обязанностях царя“, примыкающего в рукописи к „Стратегикону“ Кекавмена и местами поразительно близкого ему по сюжету и манере изложения. Вывод В. Г. Васильевского о том, что автор „Стратегикона“ в лучшем случае может быть лишь дальним родственником известного полководца и что авторство „Слова“ скорее всего принадлежит самому Никулице Делфину (Ук. соч., стр. 249. — ЖМНП, ч. 215 и стр. 121. — ЖМНП, ч. 216; стр. 326. — ЖМНП, ч. 216), возглавлявшему восстание 1066 г., нам представляется до сих пор не поколебленным. В 30-х годах XX в. эти вопросы были снова подняты румынским историком Н. Банеску (N. Bănescu. A propos de Keคาumenos. Byz., XIII, fasc. I, 1938), сличившим тексты обоих сочинений. Банеску отметил большое сходство и в манере письма, и в лексике их авторов и склонился к выводу, что оба сочинения написаны одним лицом. Английский историк Баклер, возражая Банеску по ряду вопросов, считала этот его вывод верным (G. Buckler. Can Cecaumenos be the Author of the Strategicon? Byz., XIII, fasc. I, 1938). Что касается вывода Банеску о сходстве стиля и лексики обоих памятников, то мы считаем возможным подкрепить этот вывод еще рядом соображений. Близость этих памятников обнаруживается не только в буквальных совпадениях некоторых выражений, но и в тождестве взглядов обоих авторов на такие вопросы, как восстания против императора, средства к их предотвращению, налоговая политика и отношение к войску. (См. Strategicon, p. 18, 39, 61, 70; „Слово“, стр. 93, 94, 97, 98). Следует обратить внимание на замечание Кекавмена, что, несмотря на столь большую услугу Никулицы Делфина Константину X Дуке, как прекращение восстания 1066 г., Никулица был сослан в Армениакский округ, откуда написал письмо отцу автора „Стратегикона“ и в этом письме описал свою жизнь (Strategicon, p. 72), и на одну из первых фраз анонимного „Слова“, в которой автор говорит, обращаясь к императору, что, прежде чем „впадать в гнев“ на какого-либо архонта в результате „навета“ на него, как на мятежника, нужно тщательно исследо-

„Стратегикона“ Кекавмен также жил в Лариссе, занимая в Элладе какую-то высокую административную должность¹⁰.

Никулица Делфин, будущий „предводитель“ восставших, был одним из крупнейших местных феодалов, пользовавшийся в своей области, а может быть, и во всей Элладе, большим влиянием; он имел даже, как сообщает Кекавмен, собственный вооруженный отряд, крепость, и „страна повиновалась ему во всем, что бы он ни приказал“¹¹. В силу неизвестных нам причин, он потерял былое расположение к себе царствовавшего тогда Константина X Дуки и редко бывал при дворе. Очевидно, в начале 1066 г.¹², добившись приема у императора, Никулица сообщил ему о подготовлявшемся болгарами и влахами Эллады восстании, специально для этого приехав в Константинополь¹³. Никулица советовал принять немедленные меры против болгар и влахов, но император остался глух к предостережениям Никулицы, и тот вернулся в Лариссу, ничего не добившись¹⁴.

Трудно судить, почему император не принял во внимание сообщение Никулицы, так как восстание болгар и влахов действительно не замедлило вспыхнуть¹⁵. Очевидно, император имел основания не доверять впадшему в немилость вельможе, стремившемуся любыми средствами вернуть себе его расположение.

О причинах вспыхнувшего в Фессалии восстания Кекавмен сообщает вполне определенно — непосредственной причиной восстания было новое значительное повышение налогов на болгарское и валахское население Эллады. Время царствования Константина X Дуки было ознаменовано значительным повышением государственных налогов в Византии вообще, а на иноплеменное население завоеванных империей территорий — в особенности. В другой связи мы уже пытались показать разницу в налоговой политике византийского правительства по отношению к греческому населению империи и по отношению к населению завоеванных территорий и стран, в частности по отношению к населению Болгарии¹⁶. Свидетельства Кекавмена дают основания сделать вывод о том, что подобная разница в налоговой политике имела место и на

вать истинность обвинения (De officiis, p. 94). Вероятно, именно это, упомянутое выше письмо Никулицы Делфина с описанием его жизни, адресованное отцу Кекавмена, и послужило материалом последнему к его изложению в „Стратегиконе“ событий в Фессалии в 1066 г., что и объясняет сходство в языке обоих памятников. Что же касается всего „Слова“, то мы считаем верным вывод В. Г. Васильевского о его принадлежности перу самого Никулицы Делфина. Именно на несправедливое, на его взгляд, наказание его (Никулицы) императором в результате восстания 1066 г. намекает Никулица, когда говорит о „навете“ на архонта; именно свой опыт, приобретенный им в событиях 1066 г., он имеет в виду в своих советах императору в „Слове“. Если это так, то любопытно, что Никулица еще в 1041 г. принимал участие в подавлении восстания Петра Деяна (De officiis... p. 97).

¹⁰ Strategicon, p. 60.

¹¹ Strategicon, p. 68.

¹² Дата поездки Никулицы в Константинополь и дата самого восстания определяются главным образом на основании сообщения Кекавмена (Strategicon, p. 67) о том, что перед самым началом восстания — в мае, 4-го индикта, в царствование Константина Дуки, появилась комета. 4-й индикт при Константине X был только один раз — в 1065 г. (См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 215, стр. 128).

¹³ Strategicon, p. 66.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Если Никулица предлагал для предотвращения восстания отменить налоговые надбавки, как он это делал в ходе восстания, то его неудача у Константина X могла бы найти объяснение.

¹⁶ См. Г. Г. Литаврин. Налоговая политика византийского правительства в Болгарии (1018—1185). ВВ, т. X.

территории Греции со смешанным греческим, славянским и валашским населением. Обещая императору ликвидировать восстание („мятеж“), Никулица Делфин пишет, что это возможно только в том случае, если император послушает Никулицу и отменит увеличение налогов на болгар и влахов и дознания о размерах их имущества. „А ведь было сделано, — добавляет Никулица, — увеличение налогов во много номисм¹⁷. Следовательно, налоги были увеличены в Фессалии и, очевидно, в других областях прежде всего на болгар и влахов, т. е. для иноплеменного подвластного Византии населения.

Вернувшийся из Константинополя Никулица с помощью своих соглядатаев узнал более подробно о готовящемся восстании и снова сообщил об этом в письме императору, но не получил от него ответа¹⁸. Вначале он решил сам схватить „зачинщиков“, но после зрелого размышления отказался от этой мысли, так как боялся, что восстанут „товарищи их“. „Ведь они (болгары. — Г. Л.), — замечает Кекавмен, — заключили союз с влахами и триккалитами“ и Никулица боялся, что они победят его и убьют¹⁹. Следует заметить, что, согласно этому сообщению, Никулица опасался выступления против него не только болгар Лариссы и влахов, но и жителей города Триккалы, в окрестностях которого Никулица имел богатые поместья²⁰. Никулица впредь ограничился, как пишет Кекавмен, надзором за их деятельностью²¹; но очень скоро против своей воли был вынужден принять в восстании непосредственное участие.

Руководители готовящихся восстать болгар и влахов принимают решение склонить Никулицу к выступлению вместе с ними. При этом ярко проявилась характерная для крестьянских средневековых восстаний черта — доверие восставших к представителям господствующего класса, находящимся в опале, стремление поставить во главе своих сил известного, знатного человека. Вероятно, имело значение и то, что Никулица обладал военным опытом, имел отряд собственных вооруженных людей и крепость. Может быть, известную роль играло также то обстоятельство, что Никулица был болгарин по происхождению. Несомненно также и то, что этот шаг восставших ни в коей степени не обуславливался боязнью их перед Никулицей и опасением его противодействия.

Как мы увидим в дальнейшем, восставшие в момент их выступления несколько не боялись Никулицы, чувствуя огромный перевес сил на своей стороне. Они готовы были расправиться с ним в случае его отказа предводительствовать ими, и он понимал, что его вооруженный отряд в этом случае — слабая защита.

С предложением возглавить восстание к Никулице явились от имени восставших бывший протоспафарий Иоанн Гримианит и Григорий Бамбака²². Вне всякого сомнения, эти люди были представителями по меньшей мере зажиточной прослойки среди восставших. Во всяком случае, известно, что бывший протоспафарий Иоанн Гримианит исполнял некогда ту же должность, какую во время восстания занимал в Лариссе сам Никулица Делфин²³. Может быть, Никулица непосредственно и сменил его на этом посту.

¹⁷ Strategicon, p. 70.

¹⁸ Ibid., p. 67.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Анна. Alexias, vol. I. Bonnae, 1834, p. 245; см. В. Г. Васильевский. События и рассказы. . . ЖМНП, ч. 216, стр. 131.

²¹ Strategicon, p. 68.

²² Ibidem.

²³ Ibidem.

Никулица ответил на их предложение довольно уклончиво²⁴. Однако на собрании руководителей восставших, состоявшемся на другой день в доме Боривоя Влаха, они приветствовали явившегося туда Никулицу уже как своего предводителя, называя его „отцом и повелителем“ (πατέρα καὶ ἀΐθεντην)²⁵.

Придя на это собрание, Никулица сделал попытку отговорить собравшихся от решения восстать. Кекавмен пересказывает весьма любопытную речь Никулицы, якобы произнесенную им на этом собрании.

Сильнейшим доводом Никулицы против восстания был следующий. Обращаясь к болгарам, он говорил: „...ведь уже июнь месяц; как бы мы стали жать хлеб, если бы случился бунт? Говорил он и влахам: Где теперь ваш скот и ваши жены? Те ответили: В горах Болгарии. [Таково ведь у них обыкновение, — замечает Кекавмен, — что скот и семьи их (влахов) от апреля месяца вплоть до сентября находятся на высоких горах и в самых прохладных местах]. Разве не разграбят его (скот), — продолжает Никулица, — тамошние жители, которые держат, без сомнения, сторону царя?“²⁶.

Безусловно, эта речь заслуживает самого серьезного внимания. Во-первых, она лишней раз подтверждает приведенное выше сообщение о союзе болгар Лариссы и ее окрестностей с влахами и жителями Трикала. Договоренность о совместном выступлении между болгарями и влахами, как можно видеть из этой речи, была достигнута еще до собрания в доме Боривоя Влаха²⁷. Во-вторых, эта речь позволяет судить о том, что болгары (жители Лариссы и ее окрестностей, а возможно и других областей Эллады) — земледельцы. Основные средства существования они получали от занятия хлебопашеством, и Никулица старается запугать их тем, что в случае восстания они не уберут хлеб и тем самым обрекут себя и свои семьи на голод.

Влахи, напротив, — скотоводы; их семьи кочуют летом по горам Болгарии вместе со скотом, тогда как мужчины заняты, очевидно, другими хозяйственными летними работами на местах зимовок скота — у города Лариссы и вообще в Фессалии. Основным видом летних работ валашского мужского населения была, несомненно, подготовка к зимовке своего скота, прежде всего заготовка кормов — сена. Впрочем, возможно, что в какой-то мере они занимались и земледелием. В акте одного из афонских монастырей от 1094 г. говорится о мельнице и пахотных участках, сдаваемых в аренду „болгарам и влахам“ в зависимом от монастыря валашском „заgone“ в феме Моглен²⁸, небольшом поселении на месте ночевки скота и переработки продуктов животноводческого хозяйства. Какая-то часть влахов уже перешла к оседлому образу жизни, а наиболее состоятельные из них, как, например, Боривой Влаха, живут даже в городе, имея в нем собственные дома.

Речь Никулицы была довольно искусна: он сумел заронить колебания и сомнения в участниках совещания. Чрезвычайно интересно то, что как первых — болгар, так и вторых — влахов Никулица устрашает не трудностями борьбы с регулярным войском и не возможной карой со стороны императора, а якобы неизбежными материальными потерями

²⁴ Strategicon, p. 68.

²⁵ Ibid., p. 68.

²⁶ Ibid., p. 68—69.

²⁷ В. Г. Васильевский (Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 216, стр. 131) считает возможным говорить о том, что славянское имя влаха — Боривой указывает на славянские связи влахов, испытывавших на себе влияние славянского населения.

²⁸ Lavra, I, p. 125—126.

в случае восстания. Болгары, как он говорит, не смогут убрать свой хлеб, а влады потеряют свой скот. Никулида явно хотел посеять недоверие друг к другу в представителях обеих этнических группировок восставших, делая ставку на то, чтобы отколоть влады от болгар.

Он утверждал, что болгары горной Болгарии „держат сторону царя“ и предпримут враждебные действия против семей влады в случае восстания последних. Дальнейший ход событий опровергает это утверждение Никулиды, но знаменательна сама его попытка расколоть лагерь восставших, лишит болгар поддержки влады. Правда, Никулида говорил о „враждебности“ к влады населения горной Болгарии, а не Фессалии. Но в правильности нашего заключения, что тем самым он пытался посеять рознь и между фессалийскими болгарами и влады, убеждает нас следующее обстоятельство.

„Слушавшие Никулиду влады, — рассказывает Кекавмен, — были убеждены его словами“ и разошлись²⁹. Но очень скоро — в тот же день — они снова пришли к Никулиде — „все вместе — влады и болгары, возбужденные жителями Лариссы... Ведь жители Лариссы, его сограждане, заявляли, что Никулида отговаривает от восстания лишь потому, что два его сына находятся в Константинополе и он боится за них“³⁰. Действительно, Никулида, как еще ранее сообщает Кекавмен, боялся, что в случае, если он будет замешан в восстании, пострадают живущие в Константинополе его сыновья и братья³¹. Но не только боязнь за близких определяла поведение Никулиды. Кекавмен говорит и о другом объяснении лариссцами стремления Никулиды добиться отсрочки восстания: „... он отговаривает (от восстания), — говорили они, — чтобы царь, узнав, схватил нас“³². Следовательно, маневр Никулиды был разгадан, его истинные намерения стали понятны и влады. В результате доводов лариссцев они в тот же день изменили свое решение воздержаться от восстания, пришли к Никулиде и силой принудили его стать во главе восстания, угрожая ему смертью в случае отказа³³.

Итак, болгарам не стоило особого труда убедить влады во вздорности утверждения Никулиды о „враждебности“ жителей горной Болгарии к влады. Действительно, угроза была слишком серьезна для того, чтобы без достаточных к тому доказательств влады в течение нескольких часов могли избавиться от своих опасений. Без сомнения болгары — жители Лариссы — располагали этими доказательствами. Они убедили влады, что, в случае их совместного восстания, их семьям в горной Болгарии не угрожает никакая опасность, что жители ее — болгары — не настроены к ним враждебно. Это наводит на мысль о существовании между болгарами-лариссцами и болгарами горной Болгарии настолько тесных связей, что влады быстро смогли убедиться в положительном отношении к ним болгар, живущих в горной Болгарии. Не следует забывать, что со времени восстания Петра Деяна, в котором вместе с населением Болгарии приняли активное участие жители Фессалии, прошло всего 25 лет. Все это и заставляет нас предполагать, что Никулида, стараясь внушить влады недоверие к населению Болгарии, старался тем самым внушить им недоверие и к болгарам Фессалии.

²⁹ Strategicon, p. 69.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid., p. 68.

³² Ibid., p. 69.

³³ Ibidem.

Сообщения Кекавмена позволяют составить довольно отчетливое представление о социальном составе участников восстания. Как болгары — жители Лариссы, Триккал, Фарсала и их окрестностей, так и скотоводы-влахи являлись свободным населением, обязанным налогами и военной службой в пользу государства. Они и восстали против непосильного гнета государственных налогов. Говоря же о недовольстве большинства восставших заключением мира с императором, Кекавмен называет их „служащими царям против своей воли“³⁴.

Некоторые данные позволяют утверждать, что лагерь восставших в социальном отношении был неоднороден. Движение с самого начала пыталось взять под свой контроль представители наиболее зажиточных кругов восставшего населения. Раскол между двумя социальными группировками наметился уже в самом начале. На совещании у Боривоя Влаха Никулице удалось убедить наиболее состоятельных лиц отложить восстание или же не начинать его вообще. Разумеется, на это совещание у влаха-горожанина были приглашены в первую очередь такие люди, как бывший протоспафарий Иоани Гримианит и Григорий Бамбака. Но едва это решение „главарей“ стало известным большинству болгарского населения Лариссы и ее окрестностей, как оно было признано не соответствующим намерениям рядовых участников восстания. Можно с уверенностью говорить о том, что руководители восставших были принуждены к немедленному выступлению только под давлением снизу. В то время как наиболее состоятельная часть болгар и влахов готова была идти на соглашение с Никулицей, на отсрочку восстания или даже на отказ от мысли о нем вообще, основная масса восставших решительно выступала за немедленное восстание. Принужденный возглавить восстание, Никулица с самого начала помышлял лишь о том, чтобы не дать ему разгореться, ликвидировать восстание наиболее выгодным для себя образом.

Свидетельства Кекавмена позволяют утверждать, что основная подготовка к восстанию и выработка плана похода восставших были осуществлены еще до выбора Никулицы в предводители; что Никулица на первом этапе восстания вынужден был лишь выполнять план восставших, выработанный ими без его участия. О некоторых элементах организованности в восстании 1056 г. говорит следующее.

Во-первых, еще до открытого выступления, начавшегося в районе Лариссы, болгары этого города и его окрестностей заключили договор с влахами и с жителями города Триккалы³⁵, расположенного в 50—60 км от Лариссы, вверх по течению реки Пинея.

Во-вторых, весь ход восстания убеждает нас в том, что маршрут отрядов восставших от города Лариссы был определен заранее и имел целью увеличение их рядов и распространение района восстания прежде всего на те области Эллады, которые были населены этнически близким к основной массе восставших населением — болгарами и влахами. Безусловно, болгары Лариссы имели тесные связи с населением этих районов, так как действительно с приходом туда восставших ряды их возросли в несколько раз. Причины этого, на наш взгляд, и заключаются как раз в том, что иноплеменное население Эллады (болгары и влахи) более всего страдало от налогового гнета византийского государства и феодальной эксплуатации.

³⁴ Strategicon, p. 71.

³⁵ Ibid., p. 67.

Выступив из Лариссы в июне или начале июля 1066 г., отряды восставших двинулись к Фарсалу и реке Плирис³⁶. Смысл этого похода состоял в том, что Плирис, как пишет Кекавмен, — река, имеющая большую долину по обе стороны от себя; проходит она как раз по середине (мест поселения) влахов, разделяя их на две части³⁷. Там восставшие расположились лагерем, и в течение нескольких дней в их лагерь стеклось множество болгар и влахов из местного населения. Никулица собрал, пишет Кекавмен, „и болгар и влахов, живущих там по соседству (с лагерем), и стеклось к нему большое войско“³⁸.

Итак, район восстания значительно расширился, охватив территорию трех городов: Триккал, Лариссы и Фарсала. Когда силы восставших умножились, движение их отрядов получило новое и вполне определенное направление — на север, к границам Болгарии.

Прежде чем выступить в этом направлении всей массой, восставшие, послали один из своих отрядов взять и разрушить крепость Китрос³⁹, лежащую на побережье Эгейского моря, в 80 км к югу от Фессалоники. Крепость была взята и разрушена. Целью этого было, всего вероятнее, стремление восставших обезопасить свой правый фланг в движении на север.

Именно после этого, как сообщает Кекавмен, когда опасность восстания стала вполне очевидной для Константинополя, а следовательно и заслуга его ликвидации — более ценной, Никулица приступил к активному выполнению своего плана срыва дела восстания. Он отправляет императору письмо, которое мы уже цитировали выше, с обещанием ликвидировать восстание, если император сделает некоторые уступки восставшим. Никулица видит, что если не будут отменены сделанные на болгар и влахов налоговые надбавки, то о прекращении восстания не может быть и речи, при всем его желании добиться этого.

Кекавмен не сообщает, было ли известно об этом письме Никулицы основной массе восставших. Но, судя по дальнейшим событиям, следует заключить, что Никулица сделал это втайне от рядовых участников восстания.

Еще до того как был получен ответ императора на письмо Никулицы, восставшие подступили к Сервии — довольно крупному, хорошо укрепленному городу на границе с Болгарией. Кекавмен отмечает, что взять этот город силой было трудно⁴⁰. Однако оставить в своем тылу враждебный город-крепость было бы для восставших слишком опасно. Никулица, с нетерпением ожидая ответа от императора, уже стремится избегать военных действий. Он приглашает жителей Сервии на переговоры. „Жители города, — пишет Кекавмен, — не хотели воевать с ним, и сам мятежник — воевать с ними“⁴¹. Они объявили ему о своей покорности („объявили себя рабами его“). Однако часть городского населения, враждебная восставшим, скоро взяла верх в городе.

Никулица, по словам Кекавмена, не хотел войны, но после этого „обозлился“, и на третий день взял город⁴². Едва ли, конечно, при-

³⁶ Strategicon, p. 70. Плирис — теперь *Μπλιούρης* (Блиурис) — древний Памиз. См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 215, стр. 140.

³⁷ Strategicon, p. 70.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem. Крепость Китрос — древняя Пидна, теперь — Кидрос. См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 215, стр. 140.

⁴⁰ Strategicon, p. 70.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., p. 71.

чина взятия города заключалась в том, что Никулица — „обозлился“. Всем восставшим должно было быть ясно, что для дальнейшего продвижения вперед нужно было взять этот город-крепость, враждебный восставшим. Воспрепятствовать этому стремлению восставших в данный момент Никулица, очевидно, был не в силах.

Как раз в это время пришел ответ императора на письмо Никулицы. Испуганный император писал, скрепляя клятвой свои обещания: „сколько я сделал (надбавок к налогам) от того дня, в какой начал царствовать, вплоть до сегодняшнего дня, я все отменю (прошу — *συμπάθει*), и не будет сослан (ни один) человек с твоей стороны или заключен в темницу, не будет взыскано за государственный или частный ущерб, но я все прошу со страхом божием“⁴³. Кроме того, император обещал за прекращение восстания различные чины и прислал собственную икону для принесения клятвы о взаимном соблюдении условий соглашения о мире⁴⁴. На этом сообщении следует, на наш взгляд, остановиться особо; обещать чины и награды император мог, без сомнения, не рядовым участникам восстания, рассчитывать на получение этих наград могли лишь наиболее видные лица из среды восставших — такие, как бывший протоспафарий Иоанн Гриммианит, Григорий Бамбака и Боривой Влах.

Как было сказано выше, попытки Никулицы отговорить болгар и влахов от восстания, предпринятые им еще в Лариссе, едва не стоили ему жизни. Несмотря на наметившийся уже тогда раскол в лагере повстанцев, подавляющее большинство их в то время было полно решимости подняться на немедленное вооруженное восстание. Теперь же, после получения от императора письма с клятвенными заверениями не только в безнаказанности „мятежников“ и согласии на отмену налоговых надбавок, но и с обещаниями чинов и почестей, положение резко изменилось. Раскол в лагере восставших, углублению которого Никулица, несомненно, всячески способствовал во время всего похода, определился окончательно.

Никулица и его единомышленники были рады письму императора. Иначе отнеслись к нему рядовые болгары и вlahи. Кекавмен говорит об этом следующим образом: „Однако служащие царям против своей воли роптали; не справедливостью, а ложью дышали их речи и коварство притаилось на устах их; ведь они хотели чтобы не было заключено тогда мира, но чтобы убийствами и кровью христиан увлажнялась земля“⁴⁵. Никулица и его сторонники вначале испугались возмущения войска, но отступить было поздно; Никулица принял икону императора и „заключил мир“. Выйдя с иконой к войску повстанцев, Никулица потребовал от них клятвы в соблюдении мира. Но войско (*λαός*) ответило ему криком негодования, „как это в привычке, — замечает Кекавмен, — у неустроенного войска“⁴⁶. Тогда Никулица „приказал схватить у влахов избранного ими архонта Славоту Кармалака, а у ларисцев — Федора Скривону Петаста; все же остальные, видя их уводимыми на смерть, испугались и, бросившись к нему (Никулице), просили, чтобы он пощадил их, говоря: мы сделаем все, что бы ты ни приказал“⁴⁷.

Следует, во-первых, еще раз отметить, что в этом отрывке Кекавмен отождествляет лариссцев с болгарами. Во-вторых, эта фраза подтверждает лишний раз наш вывод о расколе в лагере восставших и о сплочении

⁴³ Strategicon, p. 70.

⁴⁴ Ibid., p. 71.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid., p. 71—72.

вокруг Никулицы группировки, всецело поддерживающей его план ликвидации восстания, особенно после получения от императора многообещающего письма и клятв. Именно представителям этой группировки мог Никулица отдать приказание схватить предводителей основной массы восставших болгар и влахов. Эти предводители были избраны ими из своей среды, в противовес Никулице, и его приближенным. Вполне вероятно, что эти люди были выбраны болгарами и влахами в ходе самого похода, когда рядовые участники стали все более и более подозревать Никулицу в предательстве. Об этих „архонтах“ Кекавмен нигде не упоминал ранее. Это — не те „заправилы“, которые вступили в переговоры с Никулицей до выступления в поход и участвовали в совещании у Боровя Влаха. Эти „архонты“ — представители и доверенные лица рядовых участников восстания, не ожидающих себе милостей от императора, недовольных заключением мира, не верящих обещаниям императора и готовых продолжать борьбу.

Захватив их и даже приказав вести на казнь, если слова Кекавмена понимать буквально, Никулица рассчитывал обезглавить взявшихся за оружие простых земледельцев и скотоводов, запугать их своей готовностью вместе с поддерживавшей его группировкой помочь императору в борьбе с ними и, пользуясь их растерянностью, принудить их к миру. Расчет Никулицы оправдал себя. Сказалась вся неорганизованность, обычная для крестьянских восстаний, нерешительность и недостаточная сплоченность. Однако следует особо отметить, что, согласно приведенным нами выше сообщениям Кекавмена, восстание болгар и влахов 1066 года не носило царистского характера. Напротив, большинство восставших было не удовлетворено уступками императора и его клятвами и требовало продолжения борьбы. Если Никулице удалось добиться своей цели, то это объясняется тем, что он опирался на поддержку представителей наиболее состоятельных слоев среди восставших, решительно ставших на его сторону в самую критическую минуту. Не следует забывать также, что среди отрядов восставших находился отряд опытных, связанных с Никулицей личными отношениями воинов. Теперь, вместе с образовавшейся группировкой сторонников Никулицы, этот отряд мог стать заметной силой.

Итак, растерявшиеся повстанцы, чтобы спасти жизнь своим предводителям, подчинились Никулице и дали свое согласие на заключение мира. Конечно, едва ли дело обстояло столь просто. Но так или иначе Никулице удалось осуществить свой замысел ликвидации восстания, несмотря на то, что в этот момент восставшие добились наибольших успехов.

Помиловав схваченных, рассказывает далее Кекавмен, „и взяв наиболее видных влахов и лариссцев, Никулица отправился к катепану Болгарии Андронику Филокале, который прислал ему (Никулице) клятву царя“. Никулица нашел его в Петериске⁴⁸ „очень испуганного“, как говорит Кекавмен, так как Андроник не мог поверить, что Никулица „в действительности хотел мира“⁴⁹.

Вполне понятно недоверие Андроника Филокалы: район восстания значительно расширился, восставшие только что взяли и разрушили крепость Китрос и на третий день осады в их руках оказался крупный, хорошо укрепленный город Сярвия; восставшие воодушевлены успехами, и основная их масса полна решимости продолжать борьбу, путь на

⁴⁸ Петериск — крепость у южных границ Болгарии. См. В. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. 1. София, 1934, стр. 105.

⁴⁹ Strategicon, p. 72.

север, в охваченную предгрозовым брожением Болгарию, населенную единоплеменниками основной массы восставших, был открыт. И в такой момент является предводитель восставших с предложениями мира. Конечно, Филокале было трудно поверить в искренность предложений Никулицы.

Сообщение Кекавмена о том, что катепан Болгарии Андроник Филокала, ожидавший результатов переговоров с Никулицей, „был очень испуган“, подводит нас к выводу по важнейшему вопросу о восстании 1066 г. в целом — каковы были цели похода восставших фессалийских болгар и влахов на север?

Как уже было сказано выше, у болгар-лариссцев имелись достаточные доказательства дружественного отношения к влахам населения горной (Юго-Западной) Болгарии. Маршрут восставших на юг, к городу Фарсалу, имел целью распространение района восстания на области, населенные единоплеменниками восставших (болгарами и влахами), и пополнение своих сил. Однако основным направлением движения восставших был поход на север. План похода в этом направлении был принят восставшими до их открытого выступления — когда основные силы еще оставались на юге, один отряд был послан взять крепость Китрос, которая могла угрожать правому флангу восставших при их движении на север. Именно на пути на север восставшие переходят к военным действиям, штурмом овладевая городом-препостью Сербия, расположенной у самых южных границ горной Болгарии. Не случайно то обстоятельство, что ответ императора на письмо Никулицы переслан ему не через правителя какой-либо из близлежащих к Фессалии фем (Никополя или Стримона, Фессалоники и Болерона), а катепаном Болгарии, которому и было поручено императором вести переговоры с восставшими, а в случае их неудачи, несомненно, — принять меры к подавлению восстания вооруженной силой. Наконец, не следует упускать из виду то обстоятельство, что семьи и имущество значительной части восставших влахов находились во время восстания как раз в горной Болгарии. Катепан Болгарии выступил навстречу отрядам восставших из своей резиденции (Скопле) и достиг уже Петериска, расположенного на юго-западе от Островского озера (у южных границ Болгарии).

Все это вместе взятое дает нам право сделать вывод о том, что непосредственной целью движения восставших в 1066 г. в Фессалии болгар и влахов было объединение с угнетенным населением Болгарии для продолжения совместной борьбы против византийского господства. В том, что население Болгарии поддержит их, восставшие были уверены еще до своего выступления из Лариссы. Именно этим и был более всего испуган катепан Болгарии Андроник Филокала. Реальная опасность превращения Фессалийского восстания в общebolгарское народно-освободительное восстание обусловила то обстоятельство, что переговоры с восставшими, а в случае их неудачи — борьба с ними были поручены катепану Болгарии. В Константинополе, следовательно, вопрос о восстании фессалийских болгар и влахов ставился в тесную связь с вопросом о положении дел в самой Болгарии. Именно это и обусловило поспешную уступчивость императора в вопросе о налоговом обложении болгар и влахов Фессалии.

Восстание 1066 г. следует, на наш взгляд, рассматривать не как изолированный эпизод классовой борьбы болгарского и валахского населения в Элладе, а как движение, тесно связанное с народно-освободительным и антифеодальным движением томящегося под византийским игом населения Болгарии.

В народной памяти были еще живы воспоминания о совместной борьбе с иноземными угнетателями в период восстания 1040—1041 гг., т. е. всего за четверть века до 1066 г., когда под руководством Петра Деляна сплотились в общей борьбе не только различные народы самой Болгарии, но и болгары и вlahи Фессалии и частично даже греческое угнетенное население.

Если тогда Фессалия оказалась охваченной пожаром восстания в результате прихода отрядов восставших с севера, то теперь инициатива восстания исходила с юга и грозила распространением на север.

Можно с полным к тому основанием назвать восстание болгар и вlahов Фессалии в 1066 г. предвестником нового крупного болгарского народного восстания, вспыхнувшего в 1072 г., т. е. через шесть лет, и охватившего прежде всего горные районы Юго-Западной Болгарии, с жителями которой, как мы предполагаем, у болгар Фессалии была постоянная связь.

В заключение, вопреки взглядам, высказывавшимся в довоенной как болгарской, так и румынской исторической литературе, обратим еще раз внимание на факт совместной борьбы болгар и вlahов против византийского господства. Именно постоянная готовность вlahов принять участие в болгарских восстаниях подчеркивается Кекавменом в его „Стратегиконе“. „... Если когда-либо в Болгарии случится восстание, — пишет он, — и вlahи будут говорить, что они остаются друзьями... (местного правителя), не доверяй им“⁵⁰. Вlahи, жестоко угнетаемые византийскими феодалами и византийским государством, выступали вместе с болгарам и сербам против иноземного господства и в восстании 1040 г., и в восстании 1072 г., и в восстании 1185 г., внося свой вклад в дело освобождения Болгарии от византийского ига.

⁵⁰ Strategicon, p. 75.

Д. АНГЕЛОВ

**РОСТ И СТРУКТУРА КРУПНОГО МОНАСТЫРСКОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ МАКЕДОНИИ В XIV в.**

(перевод с болгарского В. П. Савиновой)

Как известно, в XIII—XIV вв. крупное монастырское землевладение получило широкое распространение на всем Балканском полуострове. Сохранившиеся от этого времени источники, различные по их характеру (дарственные грамоты, описи монастырских поместий, документы о купле и продаже, завещания, уставы ктиторов и т. п.), показывают, что и в трех балканских государствах: Византии, Сербии и Болгарии — существовал в это время ряд очень богатых монастырей, располагавших обширными владениями и многочисленным зависимым населением.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение некоторых проблем, связанных с ростом и структурой крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в. История этой части Македонии еще недостаточно исследована, несмотря на то, что мы имеем значительное количество документов для ее изучения. Статья не может, разумеется, исчерпать полностью затронутые в ней вопросы, но она пытается поставить их и разрешить по возможности в систематизированном виде на основе привлечения наиболее важного материала источников.

Прежде чем приступить к рассмотрению указанной темы, необходимо в нескольких словах сказать о политическом положении Северной и Средней Македонии в XIII—XIV вв. Как известно, в течение этих двух веков судьба Северной и Средней Македонии была весьма переменной. До 1246 г. эта часть страны находилась в пределах Болгарского государства, которое представляло собой в это время главную политическую силу на Балканском полуострове. Впоследствии в Македонии утвердились византийцы, которые превратили ее в свою провинцию¹. К концу XIII в. появляется новая сила — Сербское государство, которое постепенно начало завладевать македонскими землями и включать их в свои границы. Первые завоевания были совершены во время царствования краля Милутина (1282—1321), когда под власть сербов попали города Скопле, Дебр, Кичево и др.² Но основные сербские завоевания в Македонии были сделаны во время правления Стефана Душана (1331—1355). Воспользовавшись внутренними раздорами в Византии, он сумел присоединить к своему государству Северную, Среднюю и зна-

¹ См. об этих событиях В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. III. София, 1940, стр. 430—436.

² См. К. Жиречек. Историја Срба, т. I. Београд, 1878, стр. 245.

созданы как очень крупные монастыри, владеющие обширными землями и богатствами, так и сравнительно мелкие и средние по их экономическому благосостоянию⁹. Наша задача — обратить особое внимание на вопрос о развитии и характере крупного монастырского землевладения.

В качестве крупных феодальных собственников в течение XIV в. в Северной и Средней Македонии оформляются следующие монастыри: Георгия „Быстрого“ (Γερούς) около Скопле, расположенный на так называемом Виргином холме¹⁰, Успения Богородицы (Трескавец) возле Прилепа¹¹, Богородицы Хтетовской возле Хтетова (ныне Тетово)¹², Архангела Гавриила в Леснове (близ Злетова)¹³, Богородицы Перивлелты в Охриде¹⁴, Богородицы Архилевицы (севернее Прешева)¹⁵, св. Стефана в селе Конча (в Брегалничкой области близ Радовиш)¹⁶. Одни из этих монастырей существовали и в предшествующие столетия, когда Северная и Средняя Македония входила в состав Болгарии, а впоследствии Византийской империи. Другие из них были новыми, основанными сербскими кралями или их властелями после включения македонских земель в границы сербского государства.

Кроме местных монастырей, возвысившихся в качестве крупных феодальных собственников, в XIV в. в Северной и Средней Македонии приобрели значительное имущество и два афонских монастыря — сербский монастырь Хиландарь и русский монастырь Пантелеймона.

Источники, свидетельствующие о росте и характере крупного монастырского землевладения в Македонии в течение рассматриваемого периода, достаточно многочисленны. Главное место среди них занимают дарственные грамоты сербских правителей (Милутина, Стефана Дечанского, Стефана Душана, Уроша IV) и македонских феодалов (Вылкашина, Углеша, Вука Бранковича, братьев Деяновичей и др.)¹⁷. Ценные сведения содержатся в так называемом „Брѣвно“ (описи имения) Хтетовского монастыря, а также в недавно изданном практике о собственности монастыря Стефана в селе Конча¹⁸. Важным источником является

⁹ О церковно-монастырском землевладении см. M. Wlainatz. Die agrar-rechtlichen Verhältnissen, S. 85; Т. Тарановски. Ук. соч., стр. 87.

¹⁰ Ср. об этом монастыре Р. Грујић. Властелинство Светаго Ђорђа код Скопља. Гласник Скопског научног друштва, I, 1926, стр. 45—75; В. Марковић. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Сремски Карловци, 1920, стр. 11—13; И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 579—580.

¹¹ О нем см. Ст. Новаковић. Прилеп у првој поли XIV в. по трескавачкам повељама краља Стефана Душана. Глас српске краљевске академије, LXXX, 1909, стр. 1—24; В. Марковић. Ук. соч., стр. 86—87; И. Иванов. Български старини из Македония, стр. 67.

¹² Об этом монастыре см. В. Марковић. Православно монаштво . . . , стр. 87; Р. Грујић. Полошко-тетовска епархия и манастир Лешак. Гласник Скопског научног друштва, XII, 1933, стр. 45 сл.

¹³ О Лесновском монастыре ср. С. Симић. Лесновски манастир св. отца Гавриила. Београд, 1913; М. Рајичић. Основно језгро државе Дејановића. Историски часопис, IV, 1952—1953, стр. 238.

¹⁴ См. грамоту об этом монастыре Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 672—674.

¹⁵ Об этом монастыре см. И. Иванов. Северна Македония, стр. 111 сл.; М. Рајичић. Ук. соч., стр. 227 сл.

¹⁶ Об этом монастыре см. А. Соловьев. Кончански практик. Сборник радове, XLIV; Византолошки Институт САН, књ. 3. Београд, 1955, стр. 91 сл.

¹⁷ В большей своей части эти грамоты изданы и собраны в книге Ст. Новаковић. Законски споменици, стр. 384—781. Ср. также А. Соловьев. Одабрани споменици српског права от XII до краја XIV века. Београд, 1926.

¹⁸ „Брѣвно“ издано Л. Стојановић в „Споменик Српске краљевске академије“, стр. 35—40, а Кончанский практик — в упомянутой (прим. 16) работе А. Соловьева.

и Законник Душана, который был издан в 1349 г. и дополнен в 1354 г.¹⁹ В качестве источника могут быть использованы также сохранившиеся от XIV в. надписи, исторические сочинения, жития и пр. Для объяснения некоторых вопросов может быть привлечен и сравнительный материал грамот, описей имений, документов о купле и продаже и т. п., которые касаются поселения в Южной Македонии, Сербии, Византии и Болгарии. Но пользоваться этим сравнительным материалом должно с осторожностью.

Достаточно взглянуть на сохранившиеся дарственные грамоты, чтобы увидеть, что главную, основную часть собственности монастырей в Северной и Средней Македонии составляли села, которые монастыри приобрели на протяжении XIV в.

Первым монастырем, который получил села в пределах этой территории, был упомянутый выше монастырь Георгия „Быстрого“ около Скопле. Согласно грамоте Милутина от 1300 г., всего во власти этого монастыря находилось 24 села, расположенных в Скопльской, Поречской, Овчепольской и Дольноположской областях²⁰. В течение 1308 г., согласно другой грамоте Милутина, 8 сел около Скопле, Тетово и Полога были подарены монастырю Никиты (в селе Баняне), который был в это время восстановлен кралем. При этом Милутин распорядился, чтобы сам монастырь Никиты и все его села считались подвластными воздвигнутому в 1302 г. пиргу монастыря Хиландаря на св. Горе²¹. В 1335 г., когда Прилепская область находилась еще в руках сербов, был восстановлен Прилепский монастырь Успения Богородицы (Трескавец), который стал получать большое число сел. По первой грамоте Душана он получил 16 сел около Прилепа, Крушева и Битоля. Второй грамотой, изданной около 1337 г., число принадлежавших ему сел было увеличено до 22, а благодаря третьей грамоте, изданной после 1337 г., оно достигло 28²².

К тому же времени начали приобретать села и другие монастыри. В течение 1342—1345 гг., согласно грамоте Душана, охридскому мона-

¹⁹ О последних изысканиях и трудах, посвященных законнику Душана см. сб. „Dix années d'histoire de la Yougoslavie“, 1945—1955. Београд, 1955, р. 202—208.

²⁰ Это были села Чрешевляне, Водно, Нерези, Козарево, Барово, Винско (Синско), Златоустчане, Дубница, Ракита, Речица, Брод со Сланско и Барбароса, Эдуля, Поповяне, Близанско, Мокросеки, Бели Под, Сушица, Крупа Власи, Дубравица, Калугеровляне, Бистрица, Авазгово, Гостовша. Они перечислены в изданной Р. Грујић и дополненной в соответствии с оригиналом грамоте Милутина в „Зборник за историју Јужне Србије и суседних области“. Скопље, 1936, стр. 5—24. В издании Новаковича (Законски споменици, стр. 608—621) последние четыре села отсутствуют. О местонахождении отдельных сел см. Р. Грујић. Властелинство св. Ђорђа код Скопља, стр. 58, как и соответствующие примечания в книге М. Пурковић. Попис села у средњовековној Србији. Годишњак Скопског филозофског факултета, IV, 1939—1940, стр. 53—160.

²¹ Это села — Баняне, Глуши, Лопушане, Пребужда, Нерашта, Радейева, Клевешта, Блатце. См. Р. Грујић. Три хиландарске повеље. Зборник за историју Јужне Србије и суседних области. Скопље, 1936, стр. 24—25. В сокращении эта же грамота издана у Новаковић (Законски споменици, стр. 476—478).

²² Первой грамотой были подарены села Бяла Церква, Треновци, Еленежци, Душичане, Могилица, Журче, Лепче, Питич, Калогерец, Хоморане, Техово, Глебочане, Могилене, Дреновци, Маргарит, Кучковене; второй и третьей были добавлены села Обрышане, Крепын, Костен, Бучин, Небрегово, Дылга Вса, Бяла водица, Костино, Дубница, Камарчане, св. Димитрия, Иваници, Чепитово. В двух последних грамотах имена некоторых сел отсутствуют, а кроме того не упоминаются и некоторые села из тех, которые перечислены в первой грамоте. Полные издания грамот имеются в „Гласник српског ученог друштва“, т. ХLI, стр. 356 сл.; XI, стр. 130 сл.; XIII, стр. 369 сл., а в сокращенном виде напечатаны у Новаковић (Законски споменици, стр. 664—671). О локализации перечисленных сел см. главным образом М. Пурковић. Попис села. . .

стырю Богородицы Перивлепты было подарено 12 сел в Охридской области²³. Через несколько лет после этого монастырю Богородицы Хтетовской было подарено 11 сел, находившихся в Тетовско-Положской области²⁴. В 1347 г. был воздвигнут Лесновский монастырь Архангела Гавриила, который получил от своего ктитора деспота Оливера 7 сел около Кратово. Впоследствии число сел этого монастыря возросло до 14, как это видно из грамоты Константина Деяновича от 1381 г.²⁵ В 1354 г. 20 сел получил основанный севастократором Деяном монастырь Богородицы Архилевицы, который находился, по всей вероятности, около Прешево и Куманово²⁶. За время от 1354 до 1379 г. монастырь приобрел 12 новых сел, а потерял 9, т. е. он увеличил все-таки число принадлежащих ему сел до 23²⁷. Беднее монастыря Архилевицы был монастырь Стефана в Конче. Из грамоты Уроша от 1366 г. мы узнаем, что монастырь Стефана владел 12 селами, находившимися преимущественно около города Радовиш, в Брегалницкой области²⁸.

Значительное количество сел в Северной и Средней Македонии приобрел во второй половине XIV в. русский монастырь Пантелеймона на св. Горе. Согласно грамоте Ивана и Константина Драгашей от 1378 г., он стал собственником 32 сел, расположенных главным образом в Струмской области²⁹. До этого он получил еще одно село в качестве дара от верховного правителя Новака Мрасоровича³⁰. Вообще во второй половине XIV в. монастырь Пантелеймона был одним из наиболее богатых феодальных собственников и под его властью находились села не только в Средней и Северной Македонии, но и в Старой Сербии и в южномакедонских землях³¹.

²³ Это были села Радобужда, Гюнмино, Фругино власи, Вешчане, Яблашчане, Ябланица, Храштане, Суботец, Момлишта, Моровижда, Худништа, Родокали. Ср. Законски споменици, стр. 672—673.

²⁴ Это были села Храштане, Хтетово, Гаре, Млачица, Лесковляни, Крыпин, Старо Желино, Брод, Штенче, Хвалиште, Седларево.

²⁵ А именно: Лесново, Баково, Добреево, Древено, Близанско, Гребен, Бунаш, Габрово, Мужково, Настрой, Моровизд, св. Богородица, св. Никола, Калопетровци. Ср. Законски споменици, стр. 454—455. Об их локализации см. М. Рајичић. Основно језгро државе Дејановића, стр. 239.

²⁶ Это были села: Архилевица, Подлешане, Извор, Ругинци, Мокра поляна, Арбанаси, Бойковци, Другошевици, Майсторие, Майсторие Крупници, Прусци, Врыдун, Првево, Дейково, Враче, Седлар, Мекша, Глаже, Козица Кричановска, Стройково. См. Законски споменици, стр. 739—740. Некоторые села появляются под другими именами в издании той же самой грамоты у Миклошича (Monumenta Serbica, p. 143, 144). См. об этих селах и их местонахождении М. Рајичић. Ук. соч., стр. 231 сл.

²⁷ Новоприобретенными селами были Колицко, Бяла водица, Литияница, Домановци, Злокучане, Скрылинци, Тудорци, Другоневци, Норча, Гокшинци, Гояновци, Станчикия. См. Monumenta Serbica, p. 191. В издании Новаковича (Законски споменици, стр. 447) отсутствуют последние три села. О локализации сел см. М. Рајичић. Ук. соч., стр. 231 сл.

²⁸ А именно: Конча, Лубница, Трескавец, Сухи дол, Дедино, Ракитец, Сеништа, Тудорице, Констандинци, Негронофоти, Греков дол, св. Костадин. Ср. Законски споменици, стр. 445.

²⁹ Это были села: Уляри, Бутковц, Стрoиславци, Мокране, Превишта, Макриево, Борисово, Зубово, Габрово, Напада, Сушица, Торнијево, Робово, Дреново, Ролово, св. Никола, Пудулово, Халапатово, Гюргево, Шешково, Полошко, Кошане, Дражеля, Обстрианица, Желишта, Куманичево, Сутец, Злешово, Гаврилов Камен, Гребавц, Козарце, Трестеник. О локализации их см. М. Пурковић. Попис села..., издание грамоты в Законски споменици, стр. 512—514.

³⁰ Законски споменици, стр. 508. Грамота подтверждена кралем Вьлакашином.

³¹ Об этих грамотах см. Законски споменици, стр. 504 сл.; А. Соловьев — В. Мошин. Гръче повеле српских владара. Београд, 1936, стр. 124 сл.; Акты Русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873.

Исключительное положение в качестве обладателя большого числа сел в Северной и Средней Македонии завоевал себе сербский святогорский монастырь Хиландарь³². Как известно, этот монастырь еще во второй половине XIII в. владел обширными имениями, подаренными ему тогдашними сербскими кралями и византийскими императорами. Он имел около 50 сел в Старой Сербии и десятков сел в Южной Македонии, в области реки Струма³³. О его больших богатствах и доходах, которые он получал от подаренных ему сел в Южной Македонии, красноречиво свидетельствует известный Хиландарский практик, изданный, по всей вероятности, в 1300³⁴.

С начала XIV в., когда после завоеваний Милутина Северная Македония вошла в пределы сербского государства, Хиландарь стал приобретать села и в этой области. К 1300 г. он получил в качестве метоха келию св. Петки, расположенную в селе Тморане около Скопле, а впоследствии по хрисовулу краля, выданному между 1309—1318 гг., ему было отдано все село³⁵. В силу этого же хрисовула он приобрел еще 9 сел уже упомянутого монастыря Никиты в селе Баняне Скопльской области, которые до этого принадлежали Хиландарскому пиргу „св. Спас“³⁶.

Особенно быстро стало возрастать число принадлежащих Хиландарю сел после 1331 г., когда вся Северная и Средняя Македония была включена в границы сербского государства. В 1332 г. он получил в качестве дара от протосеваста Хрельо и от Душана вместе с другим имуществом 10 сел, находившихся около Штипа, Струмицы и горы Беласица. Этот дар был подтвержден новым хрисовулом от 1336 г., когда к владениям монастыря были прибавлены еще два новых села³⁷.

В 1340 г. Хиландарю были переданы два села около Кавадарци³⁸, а в 1343 г. другие два села около Струмицы³⁹. В 1348 г. Хиландарь получил в качестве дара от Воихны, двоюродного брата Душана, одно село в Струмской области⁴⁰, а также 9 сел около Хтетово, которые до этого принадлежали монастырю Богородицы Хтетовской. Таким образом, в середине XIV в. число сел, приобретенных Хиландарем в Северной и Средней Македонии в течение 50 лет, достигло 36.

Одновременно с приобретением сел в Северной и Средней Македонии Хиландарь продолжал получать села в Южной Македонии и в Старой Сербии. Доказательством этого служит один общий хрисовул Душана

³² См. об истории монастыря С. Хиландарец. Историја и опис манастира Хиландаря. Београд, 1894.

³³ О подаренных Хиландарю селах см. издания византийских и сербских грамот в Actes de Chilandar, publ. par L. Petit et V. Korablew, I, Actes grecs; ВВ, т. 17, 1911. Прилож. II; Actes slaves, ВВ, т. 19, 1912. Прилож. Большая часть сербских грамот издана и у Новаковича (Законски споменици, стр. 384 сл.).

³⁴ Последнее издание практика — В. Мошин. „Споменик српске краљевске академије“, т. ХСІ, 1939, стр. 41—66. О датировке его см. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Вузантинославика, IX, 2, 1948, стр. 213.

³⁵ См. Законски споменици, стр. 391—393 и 479.

³⁶ Законски споменици, стр. 479. Относительно этого дарения см. В. Чоровић. Даровање св. Никите Бањског Хиландару. Гласник Скопског научног друштва, XIX, 1938, стр. 52—58.

³⁷ Эти два хрисовула изданы в Законски споменици, стр. 402—404 и 399—401 (с ошибочной датой 1328 г.).

³⁸ Эти села — Драгожеля и Полошко. См. Законски споменици, стр. 409—410; Actes de Chilandar, II, р. 469—470.

³⁹ Села Боруево и Робово. Законски споменици, стр. 411. Actes de Chilandar, II, р. 481 (поставлена дата 1345 г.).

⁴⁰ Село Потолин. Законски споменици, стр. 424.

от 1348 г., которым подтверждались владения Хиландаря во всех областях⁴¹.

После 1348 г. под власть этого монастыря попали новые села в Северной и Средней Македонии. В 1358 г. он получил в качестве дара от верховного правителя Владко 6 сел около города Крива Паланка⁴². В 1361 г. ему было передано село у реки Струмы⁴³. В 1366 г. он получил в качестве метоха все села (числом 12), которые принадлежали монастырю св. Стефана, находящемуся в селе Конча⁴⁴. В 1377 г., согласно грамоте Вука Бранковича, который владел тогда Скопле, под власть Хиландаря перешли все владения монастыря Георгия „Быстрого“⁴⁵. В том же году Хиландарь получил 3 села, находящиеся, вероятно, около Штипа, в качестве дара от тамошнего чельника Станислава⁴⁶. В 1381 г. Хиландарю в качестве его собственности были переданы села, которые до этого принадлежали монастырю Богородицы Архилевицы и число которых было ровно 23⁴⁷. В том же году Хиландарь получил также все села монастыря архангела Гавриила, числом 14⁴⁸. Между 1379—1381 гг. хиландарские монахи приобрели еще 5 новых сел, 3 из которых были подарены деспотом Димитром, находящимся на службе у Константина Деяновича, а 2 — самим Константином Деяновичем⁴⁹. Это были последние дарения сел в пользу святогорского монастыря, сделанные в Северной и Средней Македонии перед ее окончательным подчинением турками и полным уничтожением самостоятельности местных феодальных собственников.

Сделанный выше обзор позволяет установить, что число сел, которые попали в зависимость от крупных монастырей в Средней и Северной Македонии в XIV в. было действительно весьма значительным. Если суммировать все данные использованных нами грамот, то мы увидим, что общее число зависимых монастырских сел в конце XIV в., непосредственно перед окончательным покорением Македонии турками, достигало почти 200. До 1331 г. рост монастырского землевладения был сравнительно слабым, и значительная часть монастырей в Северной и Средней Македонии находилась в упадке (за исключением монастыря Георгия „Быстрого“). Общее число сел, которые находились до 1331 г. в зависимости от крупных монастырей, не поднималось выше 35 (если судить по сохранившимся грамотам). Однако между 1331—1355 гг. начинается быстрый расцвет монастырей. Был восстановлен ряд старых монастырей, были созданы и новые. В течение 25 лет, во время царствования Душана, число зависимых сел, переданных во власть крупных монастырей, превысило 130. Большие владения получают в это время монастыри Трескавец, Богородицы Перивлепты, Стефана из

⁴¹ Хрисовул издан в Законски споменици, стр. 418—423. В него включены и села, подаренные монастырю Богородицы Хетовской.

⁴² Эти села — Псача, Сушица, Радибужда, Превинце, Отерштица, Ветуница. Законски споменици, стр. 435—436.

⁴³ Название села не указано. Законски споменици, стр. 439; Actes de Chilandar, II, p. 526.

⁴⁴ О названии этого села см. прим. 28. Законски споменици, стр. 444; Actes de Chilandar, II, p. 530.

⁴⁵ Законски споменици, стр. 451; Actes de Chilandar, II, p. 534.

⁴⁶ Села Вардишта, Благва и Тахагинци. Законски споменици, стр. 453; Actes de Chilandar, II, p. 533.

⁴⁷ Законски споменици, стр. 446, слл.; Actes de Chilandar, II, p. 536.

⁴⁸ Законски споменици, стр. 453, слл.; Actes de Chilandar, II, p. 542.

⁴⁹ Подаренные деспотом Димитром села назывались Рурак, Криви дол и Козяк, а подаренные Константином Деяновичем — Раков и Лапардинци. Законски споменици, стр. 456—457; Actes de Chilandar, II, p. 538—539.

Конча, Гавриила Лесновского, Богородицы Архилевицы. После 1355 г., когда Северная и Средняя Македония были раздроблены между местными феодалами, монастырское землевладение переживало период расцвета; тогда в основном развивается и обогащается монастырь Хиландарь, а также монастырь Пантелеймона. Согласно данным сохранившихся дарственных грамот, между 1355—1381 гг. под власть крупных монастырей попало свыше 60 новых сел, в то время как наряду с этими селами в зависимости от монастыря оставались и ранее приобретенные села. Таким образом, общее число зависимых монастырских сел достигло к концу рассматриваемого периода, как уже говорилось, приблизительно 200.

Здесь необходимо добавить, что наряду с селами, которые крупные монастыри подчиняли своей власти, они получали и их „заселки“. Под „заселками“ в средневековых сербских и македонских грамотах подразумеваются вновь возникшие, находящиеся в близком соседстве с селами малые деревеньки, образованные жителями этих сел. С течением времени эти „заселки“ разрастались, число их населения увеличивалось, и они превращались в настоящие села⁵⁰. „Заселки“ были, как это явствует из использованных нами грамот, у ряда сел, находящихся в разных концах Северной и Средней Македонии — около Штипа, Скопле, Прилепа, Охрида, Струмицы и в других местах. При этом некоторые из сел имели не по одному, а по несколько „заселков“ — по два, по три и по четыре. Так, например, подаренное в 1332 г. Хиландарю село Лояна (около Куманово) имело даже пять „заселков“ — Запложане, Кобиля Глава, Добрутовци, Кыкрино, Градище⁵¹. Вместе с селом Лояна они были переданы под власть монастыря. Свои „заселки“ имели почти все села монастыря Георгия „Быстрого“ около Скопле, точно так же как и села, подаренные в 1347—1350 гг. монастырю Гавриила Лесновского⁵².

Следовательно, когда мы подсчитываем общее число зависимых сел в Северной и Средней Македонии в XIV в., необходимо принимать во внимание и наличие ряда „заселков“, связанных с ними и представлявших собой новые, будущие села.

Возникает вопрос, какими путями крупные монастыри в Северной и Средней Македонии в XIV в. приобрели такое большое количество сел. Данные грамот показывают, что в преобладающей своей части эти села были подарены монастырям тогдашними сербскими кралями (Милутином, Стефаном Дечанским и Стефаном Душаном), равно как и утвердившимися после 1355 г. в разных областях самостоятельными местными македонскими феодалами — Былкашином, Углешом, Вуком Бранковичем, братьями Деяновичами. Весьма частыми эти дарения были во время царствования Душана, когда под власть монастырей перешло свыше ста сел.

Села, передаваемые монастырям верховным собственником (независимо от того, каков был его титул — король, деспот или севастократор), находились непосредственно под его властью и были подчинены органам центральной администрации. Верховный собственник имел право располагать ими по собственному желанию, подарить их монастырю,

⁵⁰ Об образовании и характере „заселков“ см. подробно Ст. Новаковић. Село. Глас српске краљевске Академије XXIV. Београд, 1891, стр. 116—126. См. также М. W l a i n a t z. Die agrar-rechtlichen Verhältnissen, S. 118—119.

⁵¹ Законски споменици, стр. 403, XXVI.

⁵² Там же, стр. 612, XXIV; стр. 615, XXXVII; стр. 677, IV.

церкви, своим приближенным лицам из среды родственников, высшей служилой знати и др.

В некоторых случаях села, подаренные монастырю верховным правителем, не находились в момент дарения под властью этого правителя, а принадлежали его властелям в качестве их наследственной собственности, т. е. баштины. Однако эти села отнимались у их собственников, возвращались вновь под власть верховного правителя и вслед за тем передавались монастырю. Такой случай был с селом Злешево, которое принадлежало властелю Дабижаву, но было отнято у него в 1378 г. братьями Деяновичами, владевшими в то время этой областью, и передано в качестве дара монастырю Пантелеймона. Таким же образом они отняли в 1378 г. села Сушица и Торниево, которые принадлежали собственнику их Тодору, и подарили их Пантелеймону⁵³. По всей вероятности, упомянутые властели были уличены в измене. Это давало основание и право их господарям посягнуть на считающиеся — согласно ст. 43 Законаника Душана — неотчуждаемыми властельские баштины и отнять их⁵⁴.

Наряду с верховным правителем, который дарил наибольшее число сел, в качестве дарителей сел в пользу крупных монастырей в Северной и Средней Македонии в XIV в. выступали высшие сановники и богатые землевладельцы, имевшие там свои владения. В использованных нами грамотах идет речь о ряде таких лиц, как, например, о протосевасте Хрельо, деспоте Оливере, севастократоре Деяне, Константине — сыне севастократора, тепчии Градиславе, кастрофилаксе Драгомане, правителе Владко, правителе Рудло, правителе Воихне, воеводе Димитре, Ирине Вранине, чельнике Станиславе, воеводе Николе, правителе Новаке Мрасоровиче и др.⁵⁵ Все они были представителями светской феодальной аристократии во время царствования Душана и после его смерти, когда в Северной и Средней Македонии утвердились местные самостоятельные правители.

Одни из дарителей, как протосеваст Хрельо, деспот Оливер, севастократор Деян и др., относились к категории высшей аристократии (властели), тогда как другие были более мелкими феодалами из разряда властеличей. Поэтому и дарения были более мелкими, сводясь обыкновенно к уступке в пользу монастыря одного села.

Из сказанного здесь видно, что приобретение монастырями в Северной и Средней Македонии в XIV в. большого количества сел происходило благодаря постоянным дарениям светской феодальной аристократии и прежде всего верховного правителя и его властелей. Или, говоря иными словами, монастырская феодальная собственность расширялась за счет светской феодальной собственности. Происходил непрерывный процесс передачи этой собственности светскими феодалами в пользу церковных феодалов. Подобный процесс, свидетельствуя о большой роли церкви и монастырей в эту эпоху, развивался не только в рассматриваемой нами части Македонии, но и в других областях Балканского полуострова, входящих в границы Византии, Болгарии и Сербии. Получение монастырями большого количества сел является характерным явлением для трех балканских стран накануне турецкого завоевания.

⁵³ См. Законски споменици, стр. 514, XX; стр. 513, IX.

⁵⁴ См. по этому вопросу M. Wlajinatz. Die agrar-rechtlichen Verhältnissen, S. 65—67; Т. Тарановски. Историја српског права..., т. I, стр. 23.

⁵⁵ См. об указанных лицах Законски споменици, стр. 399, 402, 410, 424, 435, 444, 452, 456, 508, 670, 671, 673, 675, 739.

Необходимо остановиться теперь на вопросе о том, в чем выражалась собственность монастырей на подаренные им села.

Из содержания грамот видно, что монастыри при дарениях им сел получали их целиком, т. е. под власть монастырей переходили, с одной стороны, собственность отдельных крестьянских семейств (обозначавшаяся терминами „стась“, „наместие“ или „баштина“), а с другой стороны, — общинная земля, которая принадлежала всем жителям села и находилась в общем пользовании⁵⁶.

Главным доказательством этого может служить то обстоятельство, что в ряде случаев, когда в грамотах говорится о дарении того или другого села, добавляется, что оно передается монастырскому правлению вместе со своими нивами, садами, виноградниками, мельницами, лесами, сенокосами, пастбищами, холмами, ловищами и другим имуществом. Для примера можно указать на подобное перечисление в грамоте Милутина монастырю Георгия „Быстрого“, в котором между прочим мы читаем: „Село Чрешевляне (передается вышеназванному монастырю) с виногради, с нивиѣм, съ сѣнокоси, съ пашишти, съ забѣли, съ ловиштемъ звѣринимъ, съ планиномъ... село Рѣцие съ виногради, съ периволи, с нивиѣм, съ млини, с сѣнокоси, съ забели и съ планиномъ и съ всѣми правинами села того... Водно село и Нарѣзи... съ виногради, съ нивиѣмъ, съ водѣнициемъ, съ сѣнокоси, съ ловишти звѣриними и съ рибними, съ забѣли и съ всѣми правинами ихъ“⁵⁷. В грамоте монастырю Трескавец от 1337 г. читаем: „Село Обрышаны съ нивиѣмъ, съ виногради, съ водѣнициемъ, с ливадами, съ всѣми правинами села того“⁵⁸. В грамоте монастырю Богородицы Хтетовской говорится о дарении села Старо Желино „съ воденициемъ, съ нивиѣ, съ ливадами, съ сѣнокоси, с брьдомъ, и съ всѣми правинами“⁵⁹. В грамоте, выданной монастырю Богородицы Периблепты, сообщается о передаче ему вместе с другими селами села Радобужда „съ заселци, съ ловиштами и съ планинами и съ всѣми правинами“⁶⁰. Есть и другие примеры, которые нет необходимости здесь приводить. Очевидным является то, что при таком перечислении имущества, вместе с которым данное село дарится монастырю, идет речь с одной стороны о собственности отдельных крестьянских хозяйств (нивах, садах, виноградниках и пр.), и с другой — об имуществе всей сельской общины (лесах, холмах, ловищах, пастбищах, лугах и пр.).

Иногда вместо того, чтобы перечислять при дарении села имущество крестьян по его видам, для его обозначения употребляются общие термины. Наиболее часто оно обозначается термином „стась“, греческим по происхождению и часто встречающимся в византийских документах XI—XV вв.⁶¹ Так, например, в хрисовуле Душана от 1332 г., выданном Хиландарскому монастырю, между прочим читаем, что святогорские монахи получили в Струмской области село Кунаряне „с парикы и съ стасми их“⁶². О дарении Хиландарскому монастырю крестьянских (паричских) стасей, которые находились в Амброско (вероятно, село около города Штипа), мы узнаем из грамоты Душана от 1336 г. тому же

⁵⁶ Об общинных землях и их использовании см. M. Wlainsatz. Die agrar-rechtlichen Verhältnisse, S. 69.

⁵⁷ Законски споменици, стр. 612, XXVI; стр. 614, XXXII; стр. 613, XXVIII.

⁵⁸ Там же, стр. 670, XXXV.

⁵⁹ Там же, стр. 659, XXV.

⁶⁰ Там же, стр. 672, I.

⁶¹ См. о стасях византийских грамот: А. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 55, 59. См. также Ст. Новаковић. Село, стр. 162 сл. и M. Wlainsatz. Die agrar-rechtlichen Verhältnissen, S. 182 ff.

⁶² Законски споменици, стр. 403, XXIII.

самому Хиландарскому монастырю⁶³. Для обозначения крестьянской собственности употребляется и слово — „намѣстие“. Так, например, в грамоте Милутина от 1326 г. Призренской епископии идет речь о передаче во власть епископии церкви св. Стефана с ее зависимым населением и имуществом („съ людьми и съ намѣстїями люди тѣх, съ баштинами и с купеницами“)⁶⁴. Иногда для обозначения собственности крестьян употребляется и слово „баштина“, что указывает на наследственный характер имущества и на то обстоятельство, что оно является личной собственностью крестьянина. О баштинах в смысле имущества отдельных крестьян говорится, например, в упомянутом выше Кончанском практике⁶⁵.

В качестве второго важного доказательства того, что села, даримые монастырям, переходили под власть последних во всей совокупности, служит следующий факт: обыкновенно, когда упоминается о дарении сел, при этом добавляется, что они передаются монастырскому правлению „съ своите мегї (съ мегїами)“, т. е. со всем тем, что входит в их границы (такое добавление встречается десятки и сотни раз в рассмотренных нами грамотах и представляет собою обычную формулу)⁶⁶. При этом во многих случаях, как, например, в грамоте монастырю Трескавец, дается описание границ села, определяется, до какого места они простираются, через какие местности проведены и т. д. Ясно, что упоминание „мег“ (также — „међїи“ и „меди“) и их подробное описание указывает на то, что село передавалось монастырю во всей его совокупности как единая поземельная площадь, в которую входили крестьянские хозяйства и имущество всей общины, как то: леса, ловища и пр., предоставлявшееся в общее пользование.

И, наконец, заслуживает быть отмеченным в качестве последнего доказательства и тот факт, что в ряде случаев при дарении сел в грамоте добавляется, что они переходят во власть монастыря „со всеми своими правинами (съ всѣми правинами)“. Эта формула употребляется почти так же часто и в том же неизменном виде, как и формула о дарении села с его „мегами“⁶⁷. Слово „правїны“ является очевидным переводом греческого *δικαία* и встречается не только в сербских и македонских, но и в болгарских грамотах XIII—XIV вв. Под выражением „со всеми правинами“, которое соответствует греческому *μετὰ πάντων τῶν δικαίων*, подразумевается, несомненно, передача во власть монастыря-феодала села во всей его совокупности, со всем находящимся в нем имуществом, частным и общинным, на которое имели права местные жители.

Из сказанного *ad hoc* видно, что феодальные владения монастырей в Средней и Северной Македонии, получивших большое число сел, совпадали территориально с целыми сельскими общинами, с селами, как с совокупностью стасей и общинного имущества. Впрочем, были и исключения. В некоторых грамотах встречаются случаи частичного дарения села, когда крупный монастырь получал только определенную часть села (одну четверть, половину и т. п.), тогда как другая часть села оставалась под властью центральной администрации или какого-либо местного феодала. Так, например, в первой грамоте от 1335 г. для

⁶³ Actes de Chilandar, II, p. 459.

⁶⁴ Законски споменици, стр. 641, XVIII.

⁶⁵ А. Соловьев. Кончански практик, стр. 85—86.

⁶⁶ См. Законски споменици, стр. 854 (индекс).

⁶⁷ См. там же, стр. 874 (индекс). О „правинах“ см. Т. Тарановски. Историја српског права . . . , т. II, стр. 38.

монастыря Трескавец отмечается, что монахи его получили в дар по половине селений Журче и Дреновци⁶⁸, остальное сохранялось, очевидно, как собственность краля. Второй грамотой (около 1337 г.) монахам этого монастыря уступалась половина села Дубница⁶⁹. Согласно третьей грамоте монастырь получил в дар половину села Дылга Вса⁷⁰, а другая половина оставалась, вероятно, в собственности дарительницы Ирины Вранины. Примеры частичного дарения сел имеются и в грамотах монастыря Богородицы Хтеговской. В них упоминается о передаче одной четверти села Седларево неким Исахом „за постриг“ и о дарении монахам одной седьмой села Хвалище неким Варнавой⁷¹. О половине села Норча, подаренном монастырю Архилевиды, упоминается в грамоте братьев Деяновичей от 1381 г.⁷²

Частичное дарение сел в пользу монастырей практиковалось в то время, как известно, не только в Северной и Средней Македонии, но и в других областях Балканского полуострова⁷³. Однако взятые в целом дарения такого рода представляли собой довольно редкие случаи. Как правило, села переходили под власть монастыря целиком, и он становился господином как всех стасей крестьян, так и всего имущества общины.

Здесь следует отметить, что положение крестьянских стасей и общинного имущества, передаваемых монастырю в качестве дара, не было одинаковым. Крестьянские стаси, хотя и под властью нового господина, оставались и впредь в руках крестьян, и крестьяне не были лишены своего владения ими. Они продолжали их обрабатывать и кормиться за их счет, передавать в качестве своих личных баштин в наследство детям и т. д. Доказательство того, что крестьяне сохраняли свои стаси, мы находим в упомянутом Кончанском практике. В практике, когда говорится о зависимых крестьянах села Конча, подвластных Хиландарскому монастырю, ясно указывается, что некоторые из них имели свои баштины и продолжали владеть ими. При этом указаны имена Воина, Стана, Драгины, Хруяны, Гергилицы и других жителей села, которые владели своими баштинами, хотя и находились в зависимости от монастырского правления и были на положении париков⁷⁴.

Совокупность стасей, полученных монастырем, образовывала его „крестьянскую землю“ или так называемую *terra indominicata*. Она не относилась к личному домену монастыря, к прямой его собственности, а оставалась во владении крестьян⁷⁵. Монастырь имел на нее только право верховной феодальной собственности, в основе которой лежало право налагать на крестьян разные повинности и взимать с них подати в деньгах и в натуре. Однако рассмотрение этого вопроса не входит в рамки настоящей работы.

Значительно большей была власть монастыря над прежними общинными угодьями. Это имущество включалось в состав его „господской земли“ (*terra dominicata*), т. е. в состав его домена. Монастырь

⁶⁸ Законски споменици, стр. 665, VII и стр. 667, XXXII.

⁶⁹ Там же, стр. 670, XXXII.

⁷⁰ Там же, стр. 671, IV.

⁷¹ Там же, стр. 658, XIII; 659, XIX.

⁷² Там же, стр. 447, IV.

⁷³ Примеры этого см. — Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в., София, 1952, стр. 38; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 64.

⁷⁴ См. А. Соловьев. Кончанский практик, стр. 85—86.

⁷⁵ См. о „крестьянской земле“ Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 238 и сл.

добивался не только права верховной собственности на общинное имущество, но и права прямого владения. Пользование этим имуществом со стороны крестьян было связано впредь с уплатой ряда платежей в пользу монастыря и с рядом ограничений, которые монастырь налагал на крестьян. Интересные данные об этом содержатся в грамоте Милутина от 1300 г. монастырю Георгия „Быстрого“⁷⁶, а также и в некоторых грамотах, выданных монастырям в старой Сербии, которые могут быть привлечены как сравнительный источник. Однако этот вопрос не может быть здесь развит в подробностях. Он должен рассматриваться в связи с вопросом о феодальном иммунитете и феодальных привилегиях.

Чтобы закончить рассмотрение вопроса о селе как основном ядре крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в., необходимо остановиться в нескольких словах на вопросе о передаче населения села под власть монастыря.

Как известно, феодальное право, действовавшее в это время и в трех балканских государствах, признавало обычай сопровождать дарение земли в пользу крупного феодала дарением людей, зависимых крестьян, которые ее обрабатывали и с которых новый собственник мог извлекать в форме ренты необходимые ему доходы. Зависимое население рассматривалось как неотделимая принадлежность земли, как ее дополнительный, живой инвентарь, необходимый для нужд феодального хозяйства. Эта точка зрения проведена как в многочисленных византийских грамотах XIII—XIV вв., так и в грамотах болгарских царей той же эпохи. Это закреплено и в сербском феодальном праве, которое было в силе в XIV в. в исследуемых нами областях в Северной и Средней Македонии. Яркий пример этого дает упомянутый выше Кончанский практик 1336 г., в котором описываются дарения, сделанные воеводой Николой в пользу Хиландарского монастыря. В самом начале практика отмечается, что Никола подарил афонским монахам „люди, лозга, нивга, вокга“⁷⁷. Следовательно, люди, т. е. зависимые крестьяне, рассматривались, наряду с недвижимым имуществом, как составная часть феодальной собственности, общего богатства монастыря-феодала.

Дарение крестьян вместе с их селами в пользу монастырей доказывается содержанием рассмотренных нами грамот. Обычной формулой, которая употребляется в этом случае, является указание, что село передается монастырю вместе с крестьянами (с людьми, с париками). Так, в грамоте Душана от 1332 г. Хиландарскому монастырю мы читаем, что монастырь получил село Кунаряне „съ парикы и съ стасми их“⁷⁸. В грамоте от 1335 г. монастырю Трескавец идет речь о селе Дупиячане, которое было подарено монахам „съ людьми и съ нивикъм“ и т. п.⁷⁹ Передаваемые во власть монастыря зависимые крестьяне обычно обозначались словом „люди“ или „церковные люди“. Так они названы, например, в грамоте от 1300 г. монастырю Георгия „Быстрого“, в грамоте Душана от 1337—1346 гг. монастырю Богородицы Хтетовской, в упомянутом выше Кончанском практике и в ряде других документов.

Интересно отметить, что при дарении сел в пользу монастыря иногда — и довольно часто — формула „с людьми“, соответствующая — „с париками“ в грамотах опускается. Так, например, в грамоте монастырю Георгия

⁷⁶ Законски споменици, стр. 617, LI; стр. 618, LIII.

⁷⁷ А. Соловьев. Кончански практик, стр. 85.

⁷⁸ Законски споменици, стр. 403, XXIII.

⁷⁹ Там же, стр. 665, XI.

Скопльского, передававшей в пользу монастыря 26 сел, ни об одном селе не сказано определенно, что оно передается вместе со своими жителями. Только из последней заключительной части грамоты видно, что монастырь имел своих „церковных людей“. Опускание этой формулы показывает, насколько естественным, само собою разумеющимся было положение, что село предоставляется монастырю вместе со своими жителями, в силу чего не было необходимости всякий раз упоминать об этом.

Впрочем, бывали случаи, когда монастырь получал под свою власть села без жителей. Это были села, обезлюдевшие по той или иной причине и оставшиеся без какого бы то ни было населения. Такие села известны в сербских и македонских грамотах XIV в. обычно под названием „селища“⁸⁰. Иногда при этом к слову „селище“ добавляется прилагательное „пусто“ или „диво“.

О таких пустых селищах: Журче, Питич, Кучковене, Хоморане, Техово, Лепче, Могилене, Дреновци, Маргарит — упоминается в первой грамоте монастырю Трескавец от 1335 г. Он получил их в качестве дара от краля или отдельных властелей вместе с крестьянскими стадами и общинными землями, однако в них не было населения; они были безлюдны. Через два года после этого монастырю были переданы новые „селища“ — Бучин, Небрегово, Дылга Вса и др. Пустые селища приобрел в 1332 г. и Хиландарский монастырь. О „селищах“, полученных монастырями, упоминается и в других грамотах, в особенности в грамоте монастырю Богородицы Архилевицы. Хотя при их перечислении не прибавляется прилагательное „пусто“, но если судить по термину „селище“, следует принять, что и они были лишены жителей.

Однако, как правило, после получения селищ монастырь-феодал прилагал усилия к тому, чтобы они снова были заселены и превратились в настоящие села. Монастырю необходимо было обеспечить рабочие руки для подаренных ему земель, поселить на них крестьян. Право селить людей на своей территории было ему всецело обеспечено со стороны центральной власти. Стремление крупных монастырей иметь возможно большее количество зависимого населения до известной степени совпадало с интересами отдельных крестьян, которые по той или другой причине становились неимущими, покидали места своего прежнего жительства и искали другие места для поселения.

В результате этого ряд „селищ“ с течением времени снова оживлялся, и они превращались в „села“. Особенно хорошо этот процесс можно проследить по трем грамотам монастырю Трескавец. Упомянутые в первой грамоте как „пустые“ „селища“ Хоморане и Техово появляются во второй грамоте под названием „села“, причем указывается, что они имели и свои „заселки“. Ясно, следовательно, что они имели уже значительное число жителей. Упомянутое в первой грамоте „селище“ Журче носит в третьей грамоте название „село“. Точно так же как „села“ в третьей грамоте обозначены Бучин, Небрегово, Маргарит, Дылга Вса и Кучковене, которые в первой и во второй грамотах носят название „селищ“. Таким образом, мы видим, как в течение нескольких лет произошло значительное увеличение зависимого населения монастыря-феодала и под его властью пустые селища превратились в села.

Наряду с селами, которые составляли ядро феодальной собственности крупных монастырей в Северной и Средней Македонии в XIX в., второй важной составной частью их феодальных владений были метохи.

⁸⁰ О „селищах“ см. Ст. Новаковић. Село, стр. 144 сл.; M. Wlainatz. Die agrar-rechtlichen Verhältnissen, S. 109.

Метохи представляли собой отдельные более мелкие монастыри или церкви, построенные в городах или в селах и имевшие там свои хозяйства, состоявшие из нив, садов, виноградников, мельниц и т. п.⁸¹ Каждый метох носил имя святого, которым назывался и монастырь или церковь (метох св. Тодора, метох св. Димитрия, св. Богородицы и др.).

Хозяйства ряда метохов, упомянутых в рассматриваемых нами грамотах, были сравнительно скромными, состояли из малого числа владений. Впрочем были церковные и монастырские метохи, которые имели довольно крупные размеры и обладали значительным богатством. Так, например, метох св. Георгия Положского, упомянутый в грамоте братьев Деяновичей от 1378 г., был господином пяти сел в Положской области — Полошко, Кошани, Дражелия, Обстрианица и Желишта⁸². Пятью селами владел и метох церкви св. Николая в Псаче (близ Крива Паланка), подаренный в 1358 г. правителем Владко Хиландарскому монастырю⁸³. Богатые метохи были в Прилепской области, например метох св. Димитра в Прилепе, упомянутый в грамоте Душана от 1335 г. Он владел нивами, мельницами, виноградниками и целым селом — Кучковене, с правом на доходы от ярмарки, которая в нем происходила⁸⁴. Богатым был и метох Крепын в Пологе, упомянутый в той же грамоте, которому принадлежали нивы, виноградники и планины⁸⁵.

Более мелкие и бедные метохи не располагали зависимым населением. Но большие метохи, которые охватывали одно или несколько сел и значительное количество владений, имели своих зависимых крестьян. В грамотах во многих местах говорится о метохах „съ людьми“, под которыми подразумеваются зависимые крестьяне метохов, обязанные обслуживать монастырское и церковное хозяйство. В качестве таких метохов „съ людьми“ в грамоте от 1355 г. монастырю Трескавец упоминаются метохи св. Димитра, св. Теодора, св. Николы, Чретопис и Манастириц⁸⁶. В грамоте братьев Деяновичей от 1377 г. в качестве метоха „съ людьми“ указана церковь св. Богородицы севернее села Габрово, а в грамоте от 1378 г. — метохи св. Стефана, св. Богородицы (севернее Банско), св. Анастасия и церкви Архангела в Ваташе, св. Димитра и св. Николы в Злетово, св. Спаса в Штипе и др.⁸⁷

Большая часть метохов (с церквями или монастырями) находилась в селах Северной и Средней Македонии, в Прилепской, Охридской, Струмицкой, Штипской и других областях. Впрочем, очень часто упоминается о метохах, находящихся в отдельных городах. Из грамот, выданных монастырю Трескавец, Хиландарскому монастырю, монастырям Пантелеймона, Богородицы Архилевиды и др., мы узнаем о существовании метохов — и притом достаточно богатых — в Прилепе, Хлерине, Преспе, Охриде, Велбудже, Горнем Пологе, Просеке, Штипе, Злетово и других городах⁸⁸.

⁸¹ См. о метохах А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 67 слл.

⁸² Законски споменици, стр. 514, XIV.

⁸³ Там же, стр. 435, II.

⁸⁴ Там же, стр. 666, XXI.

⁸⁵ Там же, стр. 666, XVII.

⁸⁶ Там же, стр. 665, IV, V, VIII, XIV; стр. 667, XXVII.

⁸⁷ Там же, стр. 511, VII; стр. 513, VII, XI, XII; стр. 514, XIV, XVII, XX, стр. 453, I.

⁸⁸ Там же, стр. 665, V; стр. 666, XXI; стр. 670, I; стр. 665, XIV; стр. 670, XXVII; стр. 670, XXXIV; стр. 669, XXIX; стр. 739, IV; стр. 658, VIII; стр. 422, VI; стр. 402, XX; стр. 453, I; стр. 514, XX.

Большинство метохов находилось под управлением соответствующих монастырей или церквей, которые заботились об обработке земель метохов, могли их увеличить благодаря покупке новых земель или, напротив, продать часть их и т. п. Впрочем, были и метохи, принадлежавшие светским лицам, преимущественно из среды феодальной аристократии или зажиточных крестьян и горожан. Церковь или монастырь, построенные при таком метохе, являлись личной собственностью (баштиной) ктитора, и он имел право передавать их вместе с их имуществом своим детям и наследникам. О метохах, принадлежавших частным лицам, имеется достаточно упоминаний в рассматриваемых нами грамотах. Собственником большого метоха был, например, протосеваст Хрельо, который в 1332 г. подарил его Хиландарскому монастырю. Метох с церковью св. Богородицы Одигитрии имел правитель Струмицы Рудло, известный по грамоте Душана от 1343 г. Метох в Прилепе имели сыновья некоего Мисинополита. Собственными церковными баштинами владели деспот Оливер, братья Деяновичи, чельник Станислав из Штипа, правитель Владко из Псача, воевода Димитр из Штипа, Капиклей из села Лишина, некий Апокавк из Скопле и др.⁸⁹

Подобно селам, большое количество которых в течение XIV в. в силу дарственных грамот переходило под власть крупных монастырей, в руки последних начали переходить и метохи. Это можно проследить и доказать при рассмотрении использованных нами грамот. Так, согласно первому хрисовулу Душана от 1335 г., монастырь Трескавец (Успения Богородицы) получил в дар, кроме указанных выше 11 сел, еще и 9 метохов, из которых 4 находились в городах Прилепе и Хлерине, а остальные в окрестных селах. В силу второй грамоты (около 1337 г.) Трескавец сохранил эти метохи, а кроме того получил еще пять: два в городах Преспа и Охрид и три в селах. По третьей грамоте монастырь получил еще один метох по названию „Иоанн Продром“ (также в Прилепе). Таким образом, в результате непрерывных дарений Душана и властелей, этот монастырь распространил свою власть в целом на 15 метохов (с церквями или монастырями), находящихся в различных селах и городах Северной и Средней Македонии.

Метохи переходили в руки и других крупных монастырей. В силу грамоты Душана от 1342—1345 гг. два метоха (один в селе Радовлишта, а другой, вероятно, в Струге)⁹⁰ получил Охридский монастырь Богородицы Периблепты вместе с 12 селами и другим имуществом, которые ему были подарены краем. Ряд церквей — св. Николы, св. Елисея, св. Проккопия и др. — были переданы вместе с их имуществом в дар монастырю Гавриила Лесновского, согласно грамоте 1347—1350 гг. Большинство этих церквей находилось в селах, а одна из них была в городе Штипе (церковь св. Николы)⁹¹. Четыре метоха (один с монастырем и три с церквями) были переданы в 1337—1346 гг. монастырю Богородицы Хтетовской⁹². Церковь в Велбудже вместе с ее имуществом получил в 1381 г. монастырь Богородицы Архилевиды, а позднее ему была передана еще одна церковь с метохом в селе Норча (согласно грамоте от 1381 г.)⁹³. Ряд церковных и монастырских метохов (в селах

⁸⁹ О светских собственниках метохов см. Законски споменици, стр. 402, XX; стр. 410, I; стр. 435, I; стр. 612, XXIV; стр. 611, XVII; стр. 666, XXIII; стр. 676, I, стр. 739, I; стр. 764, I и др.

⁹⁰ Там же, стр. 673, IV, XV.

⁹¹ Там же, стр. 677—678, IV, V.

⁹² Там же, стр. 658, IV, VIII, XXIV, XXV.

⁹³ Там же, стр. 739, IV; стр. 447, IV.

Тморане, Баняне, Сребешори, Лояна и др., а также в городе Штипе) приобрел в силу нескольких грамот и Хиландарский монастырь⁹⁴.

Однако наиболее значительным собственником метохов во второй половине XIV в. стал афонский монастырь Пантелеймона. Наряду с 34 селами, которые ему были подарены в силу упомянутых выше грамот братьев Деяновичей от 1381 г., он получил в различных городах и селах Северной и Средней Македонии (Банско, Петреч, Дреново, Струмица, Тиквеш, Ваташ, Штип, Злетово и др.) свыше 20 монастырских и церковных хозяйств⁹⁵.

При передаче метохов в собственность крупного монастыря он получал не только их земли, но и зависимое население, связанное с этими метохами. Доказательством этого являются указания в ряде грамот на то, что метох переходил под власть монастыря вместе со своими крестьянами — „сь людми“, о чем мы уже говорили выше⁹⁶. Благодаря приобретению этих людей крупные монастыри увеличивали число подвластного им населения, что способствовало развитию и укреплению их хозяйства.

Наиболее часто переход метохов в собственность крупного монастыря происходил путем дарения. Дарителем был обыкновенно верховный правитель, который имел право распоряжаться по своей воле церковными и монастырскими метохами в подчиненных ему городах и селах. Впрочем, в ряде случаев дарителями были и другие лица, властели или богатые крестьяне и горожане, которые владели в качестве баштин собственными церквями и монастырями и уступали, обычно перед своей смертью, свою собственность на тот или иной вид имущества в пользу крупного монастыря. Таким дарителем был, например, протосеваст Хрельо, который в 1332 г. передал во власть Хиландарского монастыря метох Архистратига Михаила в Штипе. Такими дарителями были и упомянутые выше Капиклей из села Лишина, властелин Владко из Псаца и ряд других лиц, которых нет необходимости здесь перечислять⁹⁷.

Иногда бывали случаи, когда метохи переходили под власть крупных монастырей не только посредством дарения, но и благодаря продаже. Пример этого содержится в грамоте от 1335 г. монастырю Трескавец. В ней говорится об одной церкви (св. Николы) в Хлерине, которую местный влашский епископ продал монастырскому правлению „сь людми, сь виногради и сь нивиѣмь и сь водѣничимь и сь всѣми правинами“⁹⁸. Известно, что по закону церковные и монастырские имущества являлись неотчуждаемыми, но иногда, как в указанном случае, бывали и исключения⁹⁹.

Если подсчитать общее количество метохов, перешедших под власть крупных монастырей в Северной и Средней Македонии в XIV в., то окажется, что число их превосходило 50. Включение этих метохов в качестве составной части во владения крупных монастырей свидетельствует о несомненной концентрации феодальной собственности, о сосредоточении ее в руках небольшого числа церковных феодалов. И в этом слу-

⁹⁴ Законски споменици, стр. 391, I; стр. 402, XX; стр. 403, XXVI; стр. 404, XXXI, XXXV; стр. 479, III.

⁹⁵ Там же, стр. 514, VII слл.

⁹⁶ Ср. прим. 87.

⁹⁷ См. прим. 89.

⁹⁸ Законски споменици, стр. 667, XXVII; см. Т. Тарановски. Историја српског права. . . , т. II, стр. 106.

⁹⁹ См. по этому вопросу М. W l a i n a t z. Die agrar-rechtlichen Verhältnissen, S. 87

чае, как и при массовом переходе сел под власть крупных монастырей, наблюдается то же самое явление: переход собственности светской феодальной аристократии (эта собственность выражена здесь в форме метохов) в руки церковных феодалов. Одновременно совершался и процесс подчинения более мелких монастырей власти более крупных и богатых монастырей, поглощение более слабых экономически более сильными.

Необходимо отметить, что подобные процессы, характерные для стадии восходящего развития феодализма, наблюдались в это время и в других областях Балканского полуострова, а также в Малой Азии. Тенденция состояла в том, что мелкие и средние монастыри и церкви теряли свою самостоятельность и переходили в зависимость от других, более крупных монастырей, включаясь в состав владений последних¹⁰⁰. Многочисленные примеры этого дают нам такие крупные собственники как афонские монастыри: Зограф, Иверский и др., поглотившие ряд метохов.

Кроме сел и метохов, которые образовали ядро крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в., к феодальной собственности крупных монастырей относилось и значительное количество отдельных владений (нивы, сады, виноградники, мельницы, дома и пр.). На все это имущество монастырскому правлению принадлежало право прямого владения; оно считалось личной собственностью монастыря и обозначалось названием „монастырское“ (монастырские нивы, монастырские луга и т. д.)¹⁰¹. Этот вид собственности монастыря относился к так называемой господской земле монастыря в отличие от крестьянских стасей, которые оставались во владении крестьянина и составляли „крестьянскую землю“.

Данные грамот и особенно двух сохранившихся практиков (для монастырей Богородицы Хтетовской и Стефана из Конча) показывают, что число этих владений у некоторых монастырей было достаточно велико. Так, в грамоте для монастыря Георгия „Быстрого“, выданной в 1300 г. Милутином, перечисляется свыше 60 нив, садов, виноградников, лугов, отдельных небольших участков земли, стасей, домов и другого недвижимого имущества, которое находилось в прямом владении монастыря¹⁰². В грамоте от 1347—1350 гг. для Лесновского монастыря Архангела Гавриила перечислено до 40 монастырских нив, лугов, небольших участков земли, мельниц и других владений. В „Брѣвно“ монастыря Богородицы Хтетовской, составленном ранее 1346 г., отмечены 82 нивы, два небольших участка земли, один луг, одно крестьянское хозяйство (стась), виноградники и другие владения, которые образовали „господскую землю“ монастыря. В Кончанском практике указаны 89 виноградников с большим числом плодоносных деревьев и свыше 150 нив и лугов, которыми монастырь владел в селах Конча, Лубница и Трескавец. Нивы, виноградники, мельницы, дома и т. п. имели и остальные перечисленные нами крупные монастыри в Северной и Средней Македонии — такие как Хиландарский монастырь, монастыри Пантелеймона, Богородицы Архилевиды

¹⁰⁰ Интересные подробности по этому вопросу см. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 67—68.

¹⁰¹ Для обозначения имущества, находящегося в прямом владении монастыря, часто употребляется слово „ступ“ (стальп) или „потес“. Большое число примеров этого имеется в наших грамотах. См. также Т. Т а р а н о в с к и. Историја српског права..., т. I, стр. 55, и А. С о л о в њ е в. Кончански практик, стр. 92, прим. 4.

¹⁰² Это число можно установить, основываясь не на издании Новаковича (Законски споменици, стр. 608—621), где эти памятники опубликованы в сокращенном виде, а на новом издании грамот в указанном выше сочинении Р. Г р у ј и ћ. Три хиландарске повеље.

и др. Необходимо заметить, что точное число отдельных владений, принадлежащих монастырям, не всегда можно указать с определенностью. В грамотах иногда говорится вообще о „нивах“, „лугах“ и т. п., без указания их количества. Определенные и полные данные содержатся только в „Брѣвно“ Хтетовского монастыря и в Кончанском практике. К сожалению, этот практик дошел до нас в фрагментарском виде, и в нем имеются сведения о монастырских владениях только в трех подвластных монастырю св. Стефана селах — Конча, Лубница и Трескавец, а об остальных 9 селах практик ничего не сообщает.

Характерной особенностью имущества, находившегося в прямом владении крупных монастырей, было то обстоятельство, что оно не было собрано воедино, не образовывало единого, территориально объединенного комплекса, а было разбросано по многим местам, находясь как вблизи от монастырской ограды, так и на достаточно большом расстоянии от нее, в десятках и даже сотнях километров, как, например, у афонских монастырей Хиландаря и Пантелеймона. Значительная часть этих владений была рассеяна по различным селам. Примером этого могут послужить данные грамот монастырям Трескавец, Георгия „Быстрого“, Гавриила Лесновского и „Брѣвно“ монастыря Богородицы Хтетовской. В первой грамоте монастырю Трескавец упоминается о нивах, мельницах и других владениях монастыря в селах Белево, Обиждене, Глигоровци, Кривогащани и др.¹⁰³ Из второй и третьей грамот мы узнаем об отдельных, недавно полученных монастырем владениях (лугах, нивах, мельницах, виноградниках) в селах Дупиячане, Армехори, Еленежди, Бяла Церква, Крагуйци, Галичане, Могилица, Хращане, Белево и др., а также вблизи этих сел¹⁰⁴. В грамоте монастырю Георгия „Быстрого“ упоминается о монастырских владениях в селах Бутел, Побужда, Белево, Сопишта, Себимишли, Сушица, Горна и Долна Сульна и др.¹⁰⁵ В грамоте монастырю Гавриила Лесновского указываются владения монастыря в селах Клисуре, Моровизд, Жреновштица, Видостиништа и др.¹⁰⁶ В „Брѣвно“ монастыря Богородицы Хтетовской говорится о монастырских нивах, лугах, небольших участках земли в селах Требоша, Лешти, Никифоровци, Мела, Желино, Крепын, Крушица, Лесковлене и др.¹⁰⁷ В Кончанском практике перечисляются монастырские имущества в селах Конча, Трескавец и Лубница.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что большая часть указанных сел, в которых монастыри имели свои имущества, не зависела от монастыря, а находилась под управлением центральной администрации или в зависимости от других феодалов. Такими были, например, села Армехори, Белево, Богомила, Обиждене, Глигоровци, Кривогащани, Крагуйци и ряд других сел, которые не были подвластны монастырю Трескавец и в которых он владел большим числом мельниц, виноградников и пр. Такими были села Бутел, Побужда, Сопишта, Себимишли, Белево, Горна и Долна Сульна, Клисуре, Моровизд, Требоша, Мела, Крушица, Лесковлене и др. Они не находились в зависимости от соответствующих монастырей — Георгия „Быстрого“, Гавриила Лесновского и Богородицы Хтетовской, которые имели в них свое имущество.

Но некоторые из указанных сел были подвластны монастырям, и их население состояло из монастырских париков. Такими были, например, села Еленежди, Бяла Церква, Могилица, Галичане, Дупиячане, кото-

¹⁰³ Ср. Законски споменици, стр. 666, XVI, XXII, XXIV, XXV.

¹⁰⁴ Ср. Гласник, IX, стр. 131 сл.; XIII, стр. 370 сл.

¹⁰⁵ Р. Грујић. Три хиландарске повеље, XIII, XXIII, XXIV, XXVII.

¹⁰⁶ Законски споменици, стр. 679, XV; стр. 678, IV.

¹⁰⁷ А. Стојановић. Споменик, т. III, стр. 36 сл.

рыми владел монастырь Трескавец. Таким было село Сушица, переданное в дар монастырю Георгия Скопльского. Такими были села Конча, Лубница и Трескавец, подаренные монастырю св. Стефана (впоследствии Хиландарскому монастырю). В таких селах, как это явствует из данных грамот, монастырь мог иметь помимо крестьянских стасей собственные владения, находящиеся в его прямой собственности. Так, монастырь Трескавец имел нивы и другие владения в селах Еленежци, Бяла Церква, Могилица, Галичане, Дупиячане. Монастырь Георгия „Быстрого“ имел владения в Сушице. Особенно показательны данные Кончанского практика. Они свидетельствуют о том, что монастырь св. Стефана в трех подвластных ему селах — Конча, Лубница и Трескавец — имел свыше 200 собственных монастырских нив и виноградников. На объяснении этого явления мы остановимся ниже, при рассмотрении вопроса о способах увеличения „господской земли“. Помимо сел, большая часть собственности крупных монастырей в Северной и Средней Македонии находилась также в городах. В грамотах упоминается о монастырских владениях в Скопле, Штипе, Струмице, Преспе, Велесе, Охриде, Злетово, Мелнике, Пологе и других городах. Монастырь Георгия „Быстрого“, например, имел в Скопле несколько домов, подворья, два собственных здания (палаты), один склад для хлеба (сокница) и т. п.¹⁰⁸. Подворья и один дом со складом для хлеба имел в Прилепе монастырь Трескавец¹⁰⁹. В 1332 г. Хиландарский монастырь получил в Штипе, кроме метоха св. Архангела, 50 домов вместе с их жителями¹¹⁰. Владение в Штипе имел и монастырь Пантелеймона, как это видно из грамоты братьев Деяновичей от 1378 г.¹¹¹. В силу грамоты Душана от 1332 г. Хиландарский монастырь получил в Струмице место для строительства дома¹¹². Владения в городе Охриде имел местный монастырь Богородицы Перивлепты¹¹³. Двадцатью домами в Злетово владел монастырь Гавриила Лесковского и т. д.¹¹⁴.

Монастырские владения различных видов (нивы, виноградники, дома, мельницы и пр.), рассеянные по селам и городам, непрерывно увеличивались. Доказательство этого дают нам данные Кончанского практика, свидетельства „Брѣвно“ монастыря Богородицы Хтетовской и грамот, выданных монастырю Трескавец. Достаточно беглого просмотра „Брѣвно“, чтобы увидеть, как в течение ряда лет под управлением различных игуменов и экономов монастырь Богородицы приобретал все новые и новые нивы, виноградники, мельницы и т. п., пока число их к 1346 г. не достигло почти сотни. Очень показательны сведения о росте монастырских владений в трех грамотах монастыря Трескавец, выданных ему последовательно, примерно, в течение десяти лет и отражающих непрерывное обогащение монастыря. В первой грамоте, выданной в то время, когда монастырь еще только был восстановлен Душаном, упоминается его собственность, состоящая едва из десяти нив, стасей и виноградников, находящихся в Прилепской области. По второй грамоте — от 1337 г. число монастырских стасей увеличивается с 5 до 6, а число нив достигает более чем 35 (точное их число не может быть установлено). Увеличивается и число монастырских мельниц, виноградников и садов. В третьей

¹⁰⁸ Законски споменици, стр. 611, XVI, XVII; стр. 613, XXIX.

¹⁰⁹ Там же, стр. 667, I—IV.

¹¹⁰ Там же, стр. 400, I; стр. 402, XXI.

¹¹¹ Там же, стр. 513, V.

¹¹² Там же, стр. 403, XXIX.

¹¹³ Там же, стр. 673, XV.

¹¹⁴ Там же, стр. 678, VII.

грамоте, выданной после 1337 г., поименно перечислено 38 нив, а наряду с ними говорится еще о других монастырских нивах (в селе Арменохори и др.) без указания их количества. Перечислено также 11 стасей против 6, названных во второй грамоте. Увеличилось и число лугов, виноградников и мельниц (вместо 4 мельниц во второй грамоте здесь упоминается 6 мельниц). Очевидным является, следовательно, значительный прирост владений монастыря Трескавец и непрерывное его обогащение в продолжение нескольких лет.

Постоянно увеличивали свою „господскую землю“ и остальные крупные монастыри. Особенно ясно это видно при рассмотрении грамот, выданных афонским монастырям — Хиландарю и Пантелеймона, и при сравнении данных более старых грамот с данными более новых грамот.

Рассмотрим теперь вопрос о том, каким образом крупные монастыри приобретали владения, находящиеся в их прямой собственности, и как увеличивали они размеры „господской земли“. Из сохранившихся данных по этому вопросу явствует, что это происходило главным образом путем дарений и купли, а также посредством некоторых других способов.

Дарения имущества в пользу монастырей совершались главным образом верховными правителями. В качестве примера может быть указана грамота для монастыря Георгия „Быстрого“, в которой неоднократно упоминается о нивах, домах, подворьях, виноградниках и пр., подаренных лично кралем Милутином монастырскому правлению. В грамоте монастырю Богородицы Хтетовской, как и в грамотах для монастыря Трескавец, в качестве щедрого дарителя отдельных видов имущества выступает Душан. Много такого рода владений было подарено сербскими кралями и самостоятельными македонскими феодалами Хиландарскому монастырю и монастырю Пантелеймона.

Для дарения отдельных владений в пользу монастырей верховный правитель имел следующие возможности: во-первых, выделять эти владения из своих собственных земель, из своего личного домена, который находился под его непосредственным управлением. Так, например, из личного домена краля были выделены леса („забели“) и переданы в собственность монастыря Георгия „Быстрого“ и монастырю Богородицы Хтетовской грамотами от 1300 и 1337—1346 гг.¹¹⁵ Во-вторых, краль имел возможность купить земли и другие владения у отдельных лиц и затем подарить их монастырю. Многочисленные примеры этого содержатся в грамоте для монастыря Георгия „Быстрого“. Из нее мы узнаем, что Милутин купил дома, нивы, дуга, виноградники, подворья и другое имущество у разных граждан в Скопле (у Костадина, сына Липсиота, Андриана, сына господина Тодора, Николы, сына попа Димитра, Маноила Куклева и у др.) и подарил их монастырю¹¹⁶. В-третьих, краль имел право наложить свою руку на покинутые имущества, оставленные своими собственниками и уже запустевшие, и после этого подарить их монастырю. Такое имущество было известно под термином „ексалими“ („изъятые“ — от греческого ἐξάλματιχή γῆ), который часто употребляется в византийских грамотах и других документах. Несколько примеров дарения кралем „изъятых земель“ в пользу монастыря имеется в грамоте для монастыря Георгия „Быстрого“¹¹⁷. Практика дарения запустевших и покинутых земель была распространена в это время и в Византии¹¹⁸.

¹¹⁵ Ср. Законски споменици, стр. 618, LX; стр. 660, XXXI.

¹¹⁶ Там же, стр. 610, XIII, XIV; стр. 611, XVI.

¹¹⁷ Р. Грујић. Три хиландарске повеље, XXVIII, стр. 13; XXXIX, стр. 13, XLIII, стр. 18. В издании Новаковича данные о дарении „изъятых земель“ отсутствуют.

¹¹⁸ См. А. Соловьев — В. Мошин. Грчке повеље, стр. 452.

И, наконец, король имел возможность прибегнуть к конфискации баштин, принадлежавших его властелям, и после этого подарить их монастырскому правлению. Пример этого содержится также в грамоте, выданной монастырю Георгия „Быстрого“. В ней идет речь об одной местности (имении), принадлежавшей властелю Верихне, который изменил Милутину и бежал к севастократору Синадину¹¹⁹. Владение Верихны было конфисковано краем и подарено монастырю.

Помимо верховного правителя отдельные виды имущества (нивы, сады, виноградники, мельницы и пр.) были подарены крупным монастырям и другими лицами из среды феодальной аристократии. Дарили монастырям имущество и простые, но, очевидно, более зажиточные горожане и крестьяне. В грамотах монастыря Трескавец содержатся частые упоминания о таких дарителях. Длинный список дарителей содержится в грамоте и „Брѣвно“ монастыря Богородицы Хтетовской. При этом обнаруживается, что значительная часть дарителей обозначена наименованием „кир“ (господин) (кир-Тодор, кир-Маноило), которое указывает на сравнительно привилегированное положение этих дарителей. Среди дарителей фигурируют очень богатые и влиятельные лица, как, например, Варнава, который владел $\frac{1}{7}$ села Хвалище, и Димитр Чалапия, который держал в пронии село Мела¹²⁰. Но среди дарителей были и простые крестьяне, которые располагали земельными участками незначительных размеров. Они выделяли из них самое большее по одной ниве, одному винограднику и т. п. и передавали их монастырю „за спасение“ и „помин“ своей души (за душу, за гроб) или по причине перехода в монашеский чин (за постриг). Подаренные в пользу монастыря имущества назывались обыкновенно „задушньини“ — термин, который указывает на основную мотив, побудивший дарителя уступить свое имущество в пользу монастыря¹²¹.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что дарения в пользу монастыря могли делать не только свободные лица (властели и властеличи, духовные лица, крестьяне и горожане), но и лица, попавшие в зависимость, находящиеся на положении париков. О том, что такая возможность существовала, видно из ст. 174 Законника Душана, которая гласит, что крестьяне (људије земљане) вольны (да су вольни) дарить свои баштины, землю и виноградники в пользу церкви (цркви подложити). Но особенно ясно видно это из данных, которые мы находим в Кончанском практике. Из этих данных явствует, что в зависимых от монастыря св. Стефана (впоследствии от Хиландарского монастыря) селах Конча, Лубница и Трескавец монахи владели сотнями собственных нив и виноградников, которые находились в прямом владении монастырского правления, а не во владении крестьян. Каким путем монастырь получил это имущество, в практике не указывается, за исключением одного упоминания о винограднике в селе Конча, купленном монахами „от Доброслав Ветра“¹²². Вероятно, в подавляющем своем большинстве все остальное имущество (так как о нем не упоминается, что оно было куплено) перешло в руки монастыря посредством дарений, причем дарителями, несомненно, были преимущественно крестьяне, подвластные монастырю. При изучении Кончанского практика создается впечатление, что каждый монастырский виноградник и почти каждая монастырская нива в указанных трех селах названы именем какого-либо лица (виноградник

¹¹⁹ Законски споменици, стр. 613, XXX.

¹²⁰ Там же, стр. 658, XII; Л. Стојановић. Споменик, III, стр. 40.

¹²¹ О термине „задушњина“ см. Т. Тараиовски. Историја српског права... т. II, стр. 102 сл.

¹²² А. Соловјев. Кончански практик, стр. 88.

Васильев, виноградник Тупориллов, виноградник Матанаво, нива Тихонева, нива Пелахева, нива Люконова и т. д.). Издатель Кончанского практика А. Соловьев справедливо предполагает, что это были имена прежних собственников виноградников и нив, подаренных монастырю¹²³.

Если принять во внимание ту большую власть, которую приобретал крупный монастырь над зависимым населением, и значительную роль религии в рассматриваемое время, то становится вполне объяснимым, почему именно зависимые крестьяне особенно часто и усердно дарили свои стаи в пользу монастыря. В ряде случаев они были вынуждены совершить это в силу самого различного рода задолженности перед монастырем, и дарение только формально являлось добровольным актом. Иногда же дарения делались под воздействием очень сильных в то время религиозных настроений крестьянина в случае его болезни, перед смертью и в некоторых других случаях.

Увеличение господской земли крупных монастырей происходило не только благодаря дарениям, как было сказано выше, но и посредством частых покупок нив, виноградников, садов, мельниц и другого имущества, совершаемых монастырским правлением (игуменом или его помощником — экономом). Эти покупки были возможны благодаря тому, что крупные монастыри располагали значительными суммами денег, а также и запасами продуктов, получаемых от зависимого населения в виде феодальной ренты. Благодаря этому они были в состоянии выделить значительные средства (в деньгах или в натуре) и получить за них новые владения, расширяя подобным же способом размеры своих личных хозяйств.

Из сведений, содержащихся в использованных нами грамотах, видно, что среди владений крупных монастырей часто фигурировали так называемые „купеници“. Словом „купеница“ обозначалось имущество, приобретенное посредством покупки, в отличие от имущества, приобретенного благодаря дарению и обозначавшегося, как было сказано, словом „задушньина“¹²⁴. В некоторых случаях указывается лицо, у которого монастырь приобрел имущество посредством купли, в других же случаях имя продавца не названо. Много примеров о покупке имущества содержится в трех грамотах монастыря Трескавед. В первой из них ясно отмечено, что в катастихе монастыря (т. е. списке его владений, занесенных в налоговые регистры) имеются „задушньины“ и „купеници“ наряду с остальными видами имущества (церковными метохами, нивами и виноградниками)¹²⁵.

Наиболее богат данными о „купеницах“, находящихся в составе владений крупного монастыря, практик (Брѣвно) монастыря Богородицы Хтетовской. В нем, как выше было сказано, даются сведения о 82 нивах и других владениях, которые монастырь имел до издания грамоты Душана.

Из этих 82 нив 51 была получена в качестве дара, а остальные (31) были приобретены посредством купли. Для каждой купленной нивы указывается имя продавца, а кроме того, и цена, данная за нее монастырским правлением.

¹²³ А. Соловьев. Кончански практик, стр. 99.

¹²⁴ См. подробное рассмотрение вопроса о „купенице“ — Т. Гарановски. Историја српског права. . . , т. II, стр. 32—37.

¹²⁵ Законски споменици, стр. 664, II. О большом числе „купеници“ есть сведения и в грамоте Константина Деяновича о владениях монастыря св. Спаса в Штипе, который был воздвигнут его братом воеводой Димитром (Законски споменици, стр. 765—768).

Уже при беглом обзоре данных об этой 31 купленной ниве сразу создается впечатление, что продавцами являются обыкновенные крестьяне, жители окружающих монастырь сел, как, например, села Требоша, сел Крепын, Никифоровци и др. Это были государственные села, не подвластные монастырю Богородицы Хтетовской, и поэтому их жители имели право продавать монастырю свое имущество. При этом упоминаются имена Воихны, Стрезы, Калимана, Кумана, Косты, Парда и др., продавших свои нивы монастырскому правлению. Только в одном случае перед именем продавца стоит титул „господин“ (ниве... от кира Зои купена)¹²⁶, который указывает на его привилегированное положение. Иногда продавцами были не отдельные лица, а целые семейства и рода — обстоятельство, которое, несомненно, указывает на существование и большесемейной собственности в Македонии того времени. Однако этот вопрос не подлежит здесь рассмотрению. Для нас важно подчеркнуть факт, что монастырь покупал себе владения прежде всего у крестьян, а не у феодальной аристократии.

Чрезвычайно характерными являются данные „Брѣвно“ относительно сумм, уплаченных представителями монастырского правления (игуменами, экономами) за приобретенные ими нивы. В ряде случаев уплата производилась деньгами, причем уплаченная сумма колебалась в среднем между 10—30 перперами. Однако очень часто монастырь приобретал передаваемые ему нивы в обмен на другое имущество (луга, виноградники, скот, продукты и т. д.). Так, например, одна нива была куплена за кобылу и 20 перперов, другая была куплена за коня, третья — за свинью, половину меха сыра и одного барана, четвертая — за 20 коблов хлеба и т. п. Таким образом, приведенные примеры показывают, что многие крестьяне продавали свою землю за бесценок и что она переходила в руки монастырей за ничтожное вознаграждение. Особенно характерным является последний случай, с продажей нивы за 20 коблов хлеба. В „Брѣвно“ при этом указано, что продажа была совершена крестьянином „у гладно време“¹²⁷. Совершенно ясно, что в данном случае абсолютно невозможно говорить о какой-либо добровольной сделке, совершенной при одинаковых возможностях и желании двух договаривающихся сторон, а о вынужденной сделке, заключенной вследствие тяжелого материального положения крестьянина. Чтобы прокормить свои голодающие семейства, крестьяне были поставлены перед необходимостью отдать свою землю богатому монастырю в обмен на хлеб, сыр, сало, свинью, коня. Подобные невыгодные для крестьянина сделки наблюдаются в это время не только в Северной и Средней Македонии, но и в других областях Балканского полуострова, а также в Малой Азии. Доказательство этого мы находим в ряде византийских грамот XIII—XIV вв. Мы знаем, например, что богатый малоазийский монастырь Богородицы Лемвиотиссы посредством покупки за бесценок приобрел имущество (нивы, виноградники и др.), которое принадлежало жителям окрестных сел¹²⁸.

Таким образом, посредством выгодных покупок „господская земля“ монастыря увеличивалась, а земли крестьян уменьшались. Доходило до того, что некоторые крестьяне, сравнительно зажиточные, постепенно совершенно разорялись и вся их земля переходила в руки монастыря.

¹²⁶ Л. Стојановић. Споменик, III, стр. 37.

¹²⁷ Там же, стр. 39.

¹²⁸ См. Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в., стр. 54 и сл.

Таковыми крестьянами были, например, Гонаропулы, земля которых, как это видно из данных документов, постепенно перешла в руки монастыря Лемвиотиссы¹²⁹. Таким крестьянином был, вероятно, и часто упоминаемый в „Брѣвно“ Коста Пардо. В практике в шести случаях говорится о продаже им своих нив монастырю Богородицы Хтетовской, в результате чего имущество Парды несомненно все уменьшалось.

Крупные монастыри, помимо расширения своих владений посредством дарений, совершаемых в их пользу, и покупок, имели возможность увеличивать свое имущество благодаря приобретению части стасей в результате смерти подвластных им крестьян (люди, парики).

Эта привилегия монастырей была узаконена, как известно, в византийском праве новеллой патриарха Анастасия и императора Андроника II от 1306 г. Согласно этой новелле, если зависимый крестьянин умирал бездетным, оставляя только жену, то следовало разделить его имущество на три части: одну часть получала его жена, другая отдавалась его феодальному господину, а третья шла в пользу церкви „за помин души покойного“. В случае же, если крестьянин умирал, не оставив какого бы то ни было наследника, половина его имущества предоставлялась его господину, а другая половина отдавалась церкви „за душу“. Переданная господину половина имущества крестьянина обозначается в документах термином *ἀβιωτικίον*¹³⁰.

Нам представляется, что эти нормы византийского права были приняты также в средневековой Сербии и что они имели значение, в частности, в Северной и Средней Македонии XIV в., где были в силе в это время сербские законы. В качестве доказательства этого может быть приведен текст грамоты Душана от 1347—1350 гг. Лесновскому монастырю, который гласит, что король передал в собственность монастыря „водѣница Краймирова одумрътна“¹³¹. Термин „одумрътна“, как правильно заметил Новакович¹³², следует связать с термином „*ἀβιωτικίον*“ — как его перевод. Краймирова мельница была передана монастырю в силу того обстоятельства, что ее собственник умер, не оставив наследников.

Если принять точку зрения Новаковича, которую он подкрепляет еще одним примером, взятым из распоряжений боснийского правителя Стефана Остоиче от 1400 г., и которая воспринята впоследствии Тарановским и А. Соловьевым—В. Мошиным, можно еще более убедительно объяснить, почему крупные монастыри приобретали такое большое количество владений в зависимых от них селах, как это было в случаях с селами Конча, Лубница и Трескавец, о которых говорилось выше. Логичным поэтому является допущение, что часть этих владений была приобретена монастырем не только благодаря дарениям отдельных крестьян, но и благодаря существовавшему закону о переходе во владение монастыря половины стасей умерших без наследников зависимых крестьян.

После того как мы рассмотрели те главные составные части, которые образовывали феодальную собственность крупных монастырей в Северной и Средней Македонии в XIV в., а именно: села, метохи и отдельные имущества, как и способы их приобретения, могут быть сделаны, наконец, следующие выводы.

¹²⁹ См. Д. Ангелов Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в., стр. 56.

¹³⁰ См. об этой новелле Андроника II и об „авиотиклионе“ А. Соловьев—В. Мошин. Грчке повеље, стр. 377.

¹³¹ Законски споменици, стр. 678, VI.

¹³² Ст. Новаковић. Село, стр. 180.

Крупное монастырское землевладение в Северной и Средней Македонии в XIV в., накануне турецкого завоевания, росло очень быстро. С каждой новой грамотой в пользу монастырей и с каждым годом они увеличивали число зависимых от них сел, получали новые метохы, приобретали посредством покупки или дарения все больше нив, садов, виноградников, мельниц, домов и других имуществ. Этот особенно быстрый в XIV в. рост монастырского землевладения совершался, с одной стороны, за счет собственности светских крупных землевладельцев-феодалов, начиная с верховного правителя, а с другой — за счет собственности более мелких и средних церквей и монастырей и, наконец, за счет земель и имущества крестьянского населения.

Наибольшую роль в укреплении и росте монастырского землевладения играл верховный правитель, который постоянно делал щедрые дарения в пользу отдельных монастырей. Делал он это не только в силу религиозного благочестия, но и по вполне реальным, политическим соображениям. Известна большая роль средневековых монастырей как опоры установленного порядка вещей, как носителей и распространителей церковно-христианской идеологии, которая обосновывала и санкционировала феодальный строй и его порядки. Эта роль монастырей обязывала верховного правителя, как и других представителей феодального класса относиться с особым вниманием к требованиям монастырей, дарить им земли, деньги и собственность всякого рода, чтобы укрепить их экономически. Крупные монастыри в средневековой Сербии — и прежде всего Хиландарский монастырь — принимали очень большое участие во внешней политике, а именно в отношениях между Сербией и Византийской империей¹³³. Поэтому Хиландарский монастырь возвысился как один из крупнейших земельных собственников в XIV в., как господин множества сел, метохов и самых различных имуществ в Македонии и в старой Сербии.

По своей структуре феодальная собственность крупных македонских монастырей не представляла собою единого в территориальном отношении, замкнутого комплекса, а была рассеяна по обширной территории. Как мы видели, на большом расстоянии друг от друга находились прежде всего те многочисленные села, которыми владел монастырь-феодал. Одни из них находились сравнительно близко от монастырской ограды, тогда как другие были отдалены от нее на десятки и даже на сотни километров. Яркий пример этого представляют села, зависимые от монастыря Георгия „Быстрого“, так же как и села Хиландарского монастыря. Одни из сел монастыря Георгия „Быстрого“ находились в Скопльской области, другие — в Поречской, третьи — в Овчепольской. Еще более удаленными от монастыря были села, которые приобрел в Северной и Средней Македонии Хиландарский монастырь. Некоторые из них находились в области около Скопле, другие около Штипа, третьи около Крива Паланка, четвертые около Струмицы, пятые около Хтетово и т. д.

Рассеянными по многим местам были и метохы крупных монастырей. Так, например, метохы монастыря Трескавец были в Прилепе, Хлерине, Пологе, Преспе, Охриде, Лишине, Калинице — т. е. в целом ряде городов и сел, находящихся на значительном расстоянии друг от друга.

¹³³ См. по этому вопросу В. Мошин. Житие старца Исаия, игумена Русского монастыря на Афоне. „Сборник Русск. Археол. Общества в Югославии“, III, 1940, стр. 125 сл.; В. Мошин — М. Пурковић. Хиландарски игумени средњега века. Скопље, 1940; Г. Острогорский. Писцовые книги, стр. 269 сл.

В большом числе городов и сел — в Струмице, Петриче, Тиквеше, Штипе, Злетово, Ролово, Дреново и др. были рассеяны также метохи, которыми владел монастырь Пантелеймона.

Очень разбросанными были и отдельные владения крупных монастырей (нивы, сады, мельницы, виноградники и пр.), которые образовали его „господскую землю“. Они находились в различных городах и селах, в различных местностях, вблизи от монастырской ограды или на очень большом от нее расстоянии. Примером этого могут послужить владения монастыря Трескавец, разбросанные, как было выше сказано, приблизительно по 20 селам и городам: Прилеп, Хлерин, Охрид, Преспа, Полог, Бяла Церква, Еленежди, Дупиячане, Лишина, Глигоровци, Богомила, Кривогащане, Могилица, Галичане, Белево, Обиждене, Радуста и др.

Необходимо при этом заметить, что эта разбросанность и территориальная раздробленность крупной монастырской феодальной собственности не является характерной особенностью только монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в. Она присуща монастырскому землевладению XIII—XIV вв. как в Малой Азии, так и в Южной Македонии и других частях европейских земель Византийской империи¹³⁴ и является характерной особенностью феодализма на Балканах вообще.

При рассмотрении структуры монастырской феодальной собственности создается впечатление, что крупные монастыри в Северной и Средней Македонии имели в XIV в. значительные владения не только в селах, но и в городах. Как мы видели выше, монастыри владели метохами, домами, подворьями, садами, виноградниками и другим имуществом в ряде таких городов, как Скопле, Прилеп, Охрид, Мелник, Просек, Штип, Струмица, Злетово, Преспа, Тиквеш, Полог и др. Проникновение монастырской феодальной собственности в города было не изолированным явлением, присущим только городам Северной и Средней Македонии. Последние исследования и новые материалы источников показывают, что феодальная аристократия (светская и церковная) в XIII—XIV вв. была вообще сильна в городах средневековых балканских государств — Византии, Сербии и Болгарии¹³⁵. В этом отношении картина, наблюдавшаяся нами в изучаемой области, является лишь новым дополнительным доказательством этого.

Огромные владения монастырей в Северной и Средней Македонии в XIV в. давали им возможность создавать крупные хозяйства, играть значительную роль в производстве зерновых продуктов и в торговом обмене. Вопрос об этих хозяйствах, об их организации, об их значении в экономической жизни Македонии не может быть здесь рассмотрен, так как он представляет тему особого исследования.

Вместе с тем большие владения монастырей требовали наличия и значительного числа рабочих рук. Сотни нив, садов, лугов, лесов, пастбищ, рыболовных тоней, виноградников, приобретенных посредством дарений или покупки, находились в непосредственном владении монастырского правления, образовывали его „господскую землю“. Чтобы об-

¹³⁴ См. для Малой Азии данные о крупном землевладении — Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в., стр. 8—32; вообще для Византии — А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 54—71.

¹³⁵ См. в связи с этим Д. Ангелов. Ук. соч., стр. 14, 18; А. Вишнякова и А. Каждан. Новые материалы по аграрной истории Византии в XIII—XIV вв. ВВ, т. IV, 1951, стр. 209; Д. Ангелов. История на Византия, т. II. София, 1952, стр. 53—57.

работать и использовать эти обширные земли, нужен был труд большого числа людей — пахарей, косарей, жнецов, дровосеков, рыболовов и т. п.

Потребность в рабочих руках отражалась и на характере феодальной ренты, обуславливая сохранение барщины (ангарии). Чрезвычайно большая потребность монастыря в рабочих руках для поддержания и развития его крупного хозяйства, разбросанного по селам и городам, обуславливала стремление обязать отработочной рентой не только зависимое крестьянство (париков и отроков), но в известных случаях и подвластное монастырям население городов. Однако использованием лишь барщинного труда, принудительный характер которого делал его совершенно невыгодным для крестьянина и горожанина, нужды монастырского хозяйства ни в коем случае не могли быть удовлетворены. Чтобы обеспечить „господскую землю“ рабочими руками, приходилось прибегать к практике арендных отношений, к сдаче в наем монастырского имущества. Прибегали также к практике раздачи этих имуществ безземельным или малоземельным крестьянам и превращению их таким образом в крестьянские стаси. Примеры этого имеются в отдельных документах, между прочим, и в недавно изданном Кончанском практике. Все эти вопросы о характере феодальной ренты, барщине, арендных отношениях и т. п., связанные с ростом крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в., подлежат рассмотрению в другой работе автора.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ В ИРАНЕ В XIII—XV вв.

(Из истории земледелия в Иране)

Одним из древнейших культурных растений, общих для Византии, Двуречья, стран Закавказья, Армянского и Иранского нагорья, была виноградная лоза. История виноградарства и связанного с ним виноделия в этих странах все еще недостаточно изучена. Однако нельзя сомневаться, что в области культуры виноградной лозы и виноделия между византийской Малой Азией, Арменией и Ираном происходил обмен сортами и техническими навыками не только в античную эпоху, но и в средние века. На это указывает факт преобладания в Малой Азии высококультурных сортов винограда, развившихся из вида *Vitis vinifera* и проникших в Малую Азию из Ирана и Средней Азии в средние века¹. Когда именно проникли иранские и среднеазиатские сорта в Малую Азию, — после утверждения там Сельджукидов, или еще раньше, при посредстве караванов, — не выяснено. Академик П. М. Жуковский допускает также, что некоторые малоазиатские сорта винограда представляют отселекционированные гибриды вида *Vitis vinifera* и малоазиатского вида *Vitis orientalis* Boiss². Поэтому представляются необходимыми обмен результатами исследований и координация работ византийских и иранских, работающих в области истории земледелия. В связи с этим настоящая статья и предлагается вниманию читателей „Византийского Временника“.

Виноградная лоза вида *Vitis vinifera* была одним из старейших культурных растений Иранского нагорья, как и Армянского нагорья и стран Закавказья³. Не исключено, что виноградная лоза является аборигенным растением в Иране, являвшемся одним из древнейших очагов земледелия. Легенда приписывает разведение виноградной лозы в Иране мифическому древнему царю Джемшиду⁴. Однако и в Египте виноград и вино были хорошо известны довольно рано, уже в IV тысячелетии

¹ См. П. М. Жуковский. Земледельческая Турция. М.—Л., 1933, стр. 682.

² Там же, стр. 680—682.

³ См. A. de Candolle. L'origine des plantes cultivées. Paris, 1886, p. 151—153; Ch. Joret. Les plantes dans l'antiquité et au moyen âge, part I, vol. I, p. 138; vol. II, p. 93 sq. Paris, 1904; B. Laufer. Sino-Iranica. Chicago, 1919, p. 220.

⁴ Об этой легенде см.: تاریخ کشاورزی درایران نگارش — دکتر تقی بهرامی طهران ۱۳۳۰ [Д-р Таги Бахрами. История земледелия в Иране. (На персидском яз.), Тегеран, 1330 г. х. солн. (= 1951 г. н. э.), стр. 99]. В данном труде история виноградарства в Иране почти не затронута. Автор ограничился немногими краткими замечаниями.

до н. э., при I—II династиях⁵. Письменные сообщения о виноградарстве и виноделии в Иране восходят к I тысячелетию до н. э., хотя нет сомнения, что культура винограда здесь, как и в соседней Месопотамии⁶, несравненно древнее. В одной из надписей в Персеполе сообщалось, что в дворцовом хозяйстве древнеперсидских царей Ахеменидов расходовалось ежедневно 50 конгиев⁷ сладкого вина и 5000 конгиев простого натурального вина⁸. Страбон говорит о развитом виноградарстве и о превосходном винограде в Гиркании (Гургане), Арии (Хератская обл.), Маргиане (Мервский оазис), Персии (Парс, ныне Фарс) и Кармании (Керман)⁹.

В период раннего средневековья виноградарство в Иране распространилось чрезвычайно широко. Географы X в., особенно Истахри, Ибн Хаукаль и Мукаддаси, упоминают о виноградарстве во всех областях Ирана, повсюду, где только возможно было земледелие¹⁰. Из этих сообщений видно, что тогда, как и теперь, виноград культивировался на Иранском нагорье везде до высоты 2000 м над уровнем моря (например, в районе Хамадана, лежащего на высоте 1950 м), а в южных районах и выше.

Монгольское завоевание, конечно, тяжело отразилось на виноградарстве, но не убило его. Относительный подъем в сельском хозяйстве Ирана после реформ (налоговая и др.) Газанхана монгольского (1295—1304) и предпринятых при нем больших оросительных работ и других мер для возрождения земледелия¹¹ благоприятно отразился и на виноградарстве. Подъем этот засвидетельствован, в частности, в труде Хамдуллаха Мустоуфи Казвини „Нузхат ал-кулуб“ („Услада сердец“, около 1340 г.), представляющем географическое описание Ирана и сопредельных стран, входивших в состав государства монгольских ильханов Хулагуидов¹².

Неизвестный автор составленного при Газан-хане трактата по агротехнике „Китаб-и 'ильм-и фалахат ва зара'ат“ („Книга науки о земледелии“) говорит, что наилучшие земли и условия для

⁵ См. Ed. Meyer. *Geschichte des Altertums*, T. 1, Bd. 2, 2-te Auflage. Stuttgart—Berlin, 1909, S. 145; Джемс Генри Брестед. *История Египта*, т. 1. М., 1915, стр. 41, 43; ср. A. de Candolle. *Op. cit.*, p. 154.

⁶ См. Ch. Joret. *Les plantes dans l'antiquité et au moyen âge*, part. I, vol. I, p. 381—382.

⁷ Конгий — более 3 литров.

⁸ Надпись эта не сохранилась; содержание ее передано у Полиена (*Strategica*, lib. 4, cap. 3, p. 32); у Полиена указано соответственно 5 и 500 марисов; по его словам, это персидская мера, равная 10 конгиям. Цит. по кн.: Ch. Joret. *Op. cit.*, part. II, vol. I, p. 95.

⁹ Страбон. *География*, кн. XI, гл. 7, § 2; гл. 10, § 1, 2; кн. XV, гл. 2, § 14.

¹⁰ Издания арабского текста: Истахри — *Viae regnorum*. BGA, t. I. Leiden, 1870; Ибн Хаукаль — *Viae et regna*. BGA, t. II. Leiden, 1873 (2-е изд., в той же серии, 1938); Мукаддаси — *Descriptio imperii Moslemici*... ed. M. J. de Goeje. BGA, t. III, Leiden, 1872, passim. См. также Dr. P. Schwarz. *Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen*, I—VII. Leipzig, 1896—1930, passim (обзор сведений арабских географов IX—начала XIII в. об Иране).

¹¹ Об этих мероприятиях см.: Рашид-ад-дин. *Джами'ат-таварих*. Стамбульская ркп., Реван Киоск, № 1518 (фотокопия ИВ АН СССР), л. 603; Сборник летописей, русский перевод А. К. Арендса, т. III, изд. ИВ АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 228. — См. также: *کتاب علم فلاحت و زراعت... عبد الغفار معروف به نجم الدوله منتشر ساخته طهران ۱۳۳۳*

текста Абд-ал-Гаффара Наджм-ад-доула. Тегеран, 1323 г. х. (1905 г. н. э.), стр. 86—87 (анонимный трактат по агротехнике, составлен около 700 г. х. (1300/1301 г. н. э.).

¹² Изд. перс. текста: *The geographical part of Nuzhat-al-qulub*, composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin, edited by G. Le Strange. GMS. Leyden—London, 1915.

виноградарства были в областях Ирак Персидский¹³, Азербайджан¹⁴ и Хорасан¹⁵.

О локализации культуры винограда в Иране в первой половине XIV в. дает представление нижеследующая таблица, составленная нами на основании сообщений упомянутого географического труда Хамдуллаха Мустоуфи Казвини:

Область (мамлакат)	Округ (вилает)
Ирак Персидский ¹⁶	Рей, Казвин, Рудбар, Савэ, Миздакан, Тирак и Марджумнан, Кашан, Ферахан, Астабад, Даргузин, Саман, Нехавенд
Большой Лур (Луристан) ¹⁷	Лурдеган
Курдистан ¹⁸	Дизбиль
Фарс ¹⁹	Шираз, Хирак и Симкан, Мейменд, Хамджан и Кибрин, Истахр, Абадэ, Кумишэ
Шебангарэ ²⁰	Хирэ, Нейриз
Систан и Завуль (Забулистан) ²¹	Кал 'э-йи Так
Кухистан ²²	Вся область, особенно округ Зиркух Исфераин, Хабушан, Тус, Херат, Исфизар, Фушендж, Бахерз, Завэ, Балх, Семенджан, Мерв, Серахе, Мерверуд
Хорасан ²³	
Гурган (Джурджан) ²⁴	Вся область, особенно округ Астерабад, Амуль, Кебуд Джамэ Тебриз, Анад и Арджак, Каланбар, Мардан Наким, Ноудар, Хой, Салмас, Урмия, Ушнуя, Сарав, Марага, Деххаркан, Маранд, Каркар
Мазандаран ²⁵	
Азербайджан ²⁶	

Отметим, ради сравнения, что тот же автор называет при описании Малой Азии (Рум)²⁷ следующие главные районы виноградадарства:

¹³ Ирак-и 'Аджам — северо-западная область Ирана.

¹⁴ Здесь и ниже — Азербайджан южный или иранский.

¹⁵ Хорасан — в тогдашних административных границах, включавших южную часть нынешней Туркменской ССР и северо-западную часть нынешнего Афганистана. — Кибтаб-и 'ильм-и фалахат ва зар'ат, цит. изд., стр. 5.

¹⁶ Нузхат-ал-кулуб, цит. изд., соответственно стр. 54, 58, 61, 62, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 74.

¹⁷ Там же, стр. 70.

¹⁸ Там же, стр. 107.

¹⁹ Там же, соответственно стр. 115, 117, 119, 120, 121, 123, 124.

²⁰ Там же, стр. 138.

²¹ Там же, стр. 146.

²² Там же, стр. 143, 145.

²³ Там же, соответственно стр. 149, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 157, 158.

²⁴ Там же, стр. 159—160.

²⁵ Там же, стр. 160.

²⁶ Там же, соответственно стр. 77, 79, 83, 84, 85, 86, 87, 88.

²⁷ Т. е. область к востоку от р. Кызыл-ырмак (Галис), входившая непосредственно в состав государства Худагуидов, а также вассальные эмираты на землях распавшегося султаната румских Сельджукидов.

Эрзинджан, Аксарай²⁸, Конья (древний Иконий), Малатья (древняя Мелитена)²⁹.

Другие авторы XIII—XIV вв. упоминают следующие районы возделывания лучших сортов винограда в Иране: Тун в Кухистане³⁰, Талькан в Хорасане³¹, Шираз³², Бавванат-и Шираз³³, Казвин, Херат, Рей, Кум, Савэ, Хамадан³⁴, Исфахан³⁵, Иезд³⁶.

Какие изменения в распространении виноградарства по районам произошли после монгольского завоевания, сказать трудно из-за отсутствия необходимых для сравнения данных у авторов периода, предшествовавшего монгольскому завоеванию, в частности у Якута (начало XIII в.)³⁷.

Заметим лишь, что относительно районов виноградарства в Фарсе показания Истахри (X в.), Мукаддаси (X в.)³⁸ и Ибн ал-Балхи (первая четверть XII в.), кроме районов Шираза, Абадэ, Хирак и Симкан, не совпадают с показаниями Хамдуллаха Казвини. Это указывает на независимость в данном случае известий Хамдуллаха Казвини от трудов Истахри и Ибн ал-Балхи. У последнего же перечислены следующие районы виноградарства в Фарсе и соседней Шебангарэ: Абадэ, Паса (Феса), Идж (Иг) и Фустаджан, Сервистан и Кубенджан³⁹, а особенно Симкан и Хирак, где виноградные лозы (*раз-и ангур*, перс.) были, по словам автора, бесчисленны, но не имели цены⁴⁰, иначе говоря, не имели сбыта и не вывозились.

Можно предположить, что виноградарство, как и другие отрасли земледелия в Иране, несмотря на известный подъем после реформ Газан-хана в начале XIV в., все же не достигло того уровня, на каком оно находилось до монгольского завоевания. Так, автор „Истории Бейхака“ Абу-л-Хасан Али ибн Фундук (около 1168 г.) сообщает об изобилии винограда как в округе Бейхак, так и в районе Нишапура⁴¹. Но уже Хамдуллах Казвини ничего не говорит о нишапурском винограде,

²⁸ Или Аксара — город, основанный при Сельджукидах на территории древней Ликаонии, близ Нигдэ.

²⁹ Нузхат-ал-кулуб, цит. изд. соответственно стр. 95, 98, 99.

³⁰ На'им-ад-дин Низари. Дастур-намэ. Восточный Сборник Ленингр. государственной публичной библиотеки, I, перс. текст, стр. 56, 65, русск. перевод Е. Э. Бергеля, стр. 85, 95.

³¹ Путешествие Марко Поло, русск. перевод И. П. Минаева. СПб., 1902, стр. 62.

³² Мукатебат-и Рашиди (переписка Рашид-ад-дина), изд. перс. текста проф. Хан Бахадура Мухаммеда Шафи'. Лахор, 1947, стр. 199 (письмо № 34).

³³ Там же, стр. 202. — Местность эта, вероятно, идентична с известной долиной Ши'б Бавван близ Шираза, покрытой сплошными садами и считавшейся одним из „чудес света“.

³⁴ Мукатебат-и Рашиди, цит. изд., стр. 202—203.

³⁵ Voyages d'Ibn Batoutah. . . , éd. par C. Défremery et B. R. Sanguinetti (арабск. текст и французск. перевод), Paris, 1854, t. II, p. 44.

³⁶ Les voyages en Asie en XIV siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, religieux d'ordre de St. François. Paris, 1891, p. 62.

³⁷ Муджам-ал-булдан. Jacut's geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd. I—VI. Leipzig, 1866—1870, passim.

³⁸ См. P. Schwarz. Iran im Mittelalter. . . , III, S. 115 (там же ссылки на источники).

³⁹ The Fars-nama of Ibn-al-Balkhi, edited by G. Le Strange and R. A. Nicholson. GMS. London, 1921, Persian text, соответственно стр. 129, 130, 131, 140.

⁴⁰ Там же, стр. 139.

⁴¹ تاریخ بیهق . . . بتصحیح احمد بومنیار طهران. ۱۳۱۷ هجری شمسی (Тарих-и Бейхак, изд. Ахмеда Бахманяра, перс. текст. Тегеран, 1317 г. х. солн. (1939 г. н. в.), стр. 273.

а об округе Бейхак, как и о соседнем округе Джувейн, замечает, что винограда там мало⁴².

В рассматриваемый период большое количество винограда использовалось для сушки и приготовления изюма (*мавиэ*), а также виноградного уксуса (*сиркэ*), сиропа и густого сладкого сусла (*дүшәб*). У Ибн ал-Балхи мы находим некоторые детали относительно приготовления душаба в округе Симкан и Хирак в Фарсе. Там приготавливали из винограда сок, маринады и варили душаб: его кипятили и делали твердым, в брусках (*сан*), которые затем употребляли, размочив во вдвое и втрое большем количестве воды; они были очень дешевы⁴³.

В переписке Рашид-ад-дина мы находим известие, что однажды он потребовал доставки на зиму из его „собственных садов“ (*бағәт-и хәҗҗә*), находившихся в разных местностях Ирана, 50 000 манов⁴⁴ сырого винограда (147 500 кг), 5900 манов (17 670 кг) изюма (*мавиэ*), 4500 манов (12 275 кг) мелкого изюма (*кишмиш*), 1000 манов (2950 кг) сушеного неспелого винограда (*гүрә*), 500 манов (1475 кг) сока из неспелого винограда (*аб-и гүрә*) для приправы в пищу, и, наконец, 25 000 манов (73 750 кг) обыкновенного виноградного уксуса (*сиркә-йи адийә*)⁴⁵. Раз Рашид-ад-дин послал известному дервишскому шейху Сефи-ад-дину Ардебили, в числе разных щедрых даров, 1000 манов (2950 кг) виноградного душаба из „собственной кладовой напитков“ (*шарбат-хәнә-йи хәҗҗә*)⁴⁶. Эти цифры дают некоторое представление о размерах виноградарского хозяйства крупных феодалов. По крайней мере некоторые из виноградаров Рашид-ад-дина обрабатывались его рабами. Так, в двух его крупных садоводческих хозяйствах близ Тебриза — Фатхабад и Рашидабад, производивших и виноград, работали соответственно 1000 и 200 рабов обоего пола, а всего 1200 рабов (600 супружеских пар)⁴⁷.

В персидской энциклопедии начала XII в. „Нузхат намә-йи ‘Алайи“ Шахмардана ибн Абу-л-хейра⁴⁸ сообщаются советы и правила для виноградарей, а также связанные с возделыванием виноградной лозы приметы, народные поверья и суеверия. Приводим здесь этот отрывок целиком.

„Виноградная лоза (*раз-и ангир*). Когда захочешь посадить [боковой] побег (*шах*, букв. „ветвь“) или саженец (*гарс*), надобно, чтобы он был от старой лозы (*раз-и кухн*), а от молодой лозы (*раз-и ноу хәстә*) пусть не берут: надобно, чтобы молодая [лоза] производила много

⁴² Нузхат-ал-кулуб, стр. 150.

⁴³ Фарс-намә, цит. изд., стр. 139.

⁴⁴ Тебризский ман = 2950 гр.

⁴⁵ Мукатебат-и Рашиди, цит. изд., соответственно стр. 199, 202—203, 207 (письмо № 34).

⁴⁶ Там же, стр. 272 (письмо № 45).

⁴⁷ Там же, стр. 194 (письмо № 45). Как видно из другого письма Рашид-ад-дина (там же, стр. 53, письмо № 17), 200 рабов — 100 мужчин и 100 женщин, видимо работавших в саду Рашидабад, соединенных в супружеские пары, были поселены Рашид-ад-дином в пяти его селениях, в каждом по 40 рабов; в каждом из селений были поселены купленные рабы одной из следующих народностей — негров (*зингийан*), абиссинцев (*хабешан*), грузин (*гүрджийан*), греков (*рүмийан*) и курдов (? — чтение неясно), „дабы они усердствовали в посадке виноградных лоз и плодовых деревьев, в копании каналов подземных (канават) и наземных (анхар), в поливке и в сборе плодов“ (там же). — Подробнее см.: И. П. Петрушевский. Феодалное хозяйство Рашид-ад-дина. „Вопросы истории“, 1951, № 4, стр. 99—101.

⁴⁸ Ркп. Готской библиотеки, фонд Пергша, № 10 (микрофильм ИВ АН СССР). Об этом сочинении см.: Pertsch. Katalog der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Gotha, 1895, S. 30.

плода (*бар*). И нужно, чтобы ветвь (*шāх*), что хотят посадить, человек брал от той [лозы] и чтобы на каждой ветви было десять — двенадцать глазков (*чаишмэ*). И пусть берут не от верхушки (*сар*) и не от корня (*бун*) лозы, а с середины (*мийāн*). Сажать надобно в то время, когда минет четыре дня после новолуния или в четырнадцатый день месяца. И обе ветви⁴⁹ надобно покрыть коровьим пометом (*саргйн-и гāv*), дабы не было вреда, потому что навоз (удобрения) имеет определенное качество. И у корня каждой ветви надобно рассыпать немного истолченных жолудей (*булūt-и кўфтэ*) вместе с тминным (или анисовым?) семенем (*нāнхāх*), дабы она стала крепкой, и у корня саженца (*бун-и нихāль*), когда его сажают, надо разбросать немного соломы (сухих листьев) бобов (*кāх-и бāқли*), тогда он быстро даст плод. Неспелый черный виноград, высушив его, разбросай у корня лозы белого винограда, а неспелый белый виноград, высушив его, наоборот, разбросай у корня лозы черного винограда; когда она принесет плод, он будет хорошего вкуса. И конечно в винограднике не сеют и не должно сеять *кибрит* (?)⁵⁰ и горох (*нухūd*). И не должно погружать [саженец] в землю меньше, чем на два локтя (*гез*), [надо] чтобы ветвь положили длинную. Если хочешь, чтобы лоза плодоносила, посади в землю под той лозой козий кипарис (? *сарв-и буэ*)⁵¹ так, чтобы верхушка возвышалась на два пальца и чтобы в нем (в той рассадке) стояла вода, — плоды соберут много, и все будет сделано. А если посадишь миртовый куст (*дирахт-и мўрд*) у корня [лозы], во время посадки смазав ветвь оливковым маслом (*зейт*), виноград будет хорош. И когда захочешь посадить [лозу], расщепи ее так, чтобы кора (*лўст*) от нее не отделилась, и если внутри будет сок (*āб*) вроде росы (*баши*), из нее извлеки и сложи правильно [снова отросток], свяжи его ивовой корой (*лўст-и бїд*) и оставь в покое, дабы он окреп и возрос. Когда [лоза] вырастет, у винограда, который она принесет, не будет косточек (*устухāн*). И если на нее (лозу) положишь немного скамонии (*сакмўнийā*), то, когда она принесет плод, тот виноград прослабит желудок (?). Три ветви винограда [черного]⁵², белого и красного, расщепи так, чтобы глазки не были повреждены, и сложи вместе друг с дружкой, наложив одну на другую (буквально „лицом к лицу“), скрути их прутом (*нейзак*), положи на них немного глины⁵³, дабы все три [ветви] росли вместе и соединились в одну. Когда она принесет плод, он будет трех цветов — черный, белый и красный. Серп (*дāс*), которым срезают побег (ветвь) лозы (*шāх-и раз*), пусть смажут кровью медведя (*хўн-и хирс*) или кровью лягушки (*хўн-и базаи*) тогда червяк (*кирм*) не нападет на ту ветвь, которая им (серпом) срезана. Сок (*āб*), который течет из ветви лозы (*шāх-и раз*), когда ее срезают, берут, смешивают с винным уксусом (*сїкї*), наливают в кувшин (*кўзэ*) и ставят среди виноградника, — тогда там не будет саранчи (*малах*). Золу (*хāкистар*) от поленьев

⁴⁹ Т. е. места среза старой лозы и взятого от нее бокового побега (ветви).

⁵⁰ *كبريت* — кибрит — буквально „сера“; здесь „кибрит“, очевидно, имеет значение какого-то растения, в словарях не указанное.

⁵¹ Видимо, народное название какого-то растения. Слово можно было бы прочесть и как „сурув-и буэ“ — „козий рог“, однако при таком чтении теряется смысл и отсутствует согласование с глаголом *نشانندن* — „посадить“ — текст здесь поврежден.

⁵² Из контекста видно, что в рукописи пропущено слово *سیاه* — „черный“.

⁵³ В ркп. *كل*. Не уверен в правильности чтения и, следовательно, в правильности перевода. Но другое чтение предположить затрудняюсь.

тамариска (*газ*) рассыпают⁵⁴... и накладывают на глазки (*чаимэхә*), тогда они не погибнут от мороза. Черную нефть (*нафт-и сийәх*) льют под [лозу] белого винограда, — тогда [плод] скоро станет черным. А бог лучше знает!⁵⁵

Автор упомянутого уже трактата по агротехнике времени Газан-хана также сообщает ряд сведений о культуре „виноградного дерева“ (*ди-рахт-и ангур*), иначе виноградной лозы (*раз*)⁵⁶. Автор указывает, что в Иране виноградная лоза достигала огромной длины⁵⁷. Чем длиннее лоза, тем она крепче и тем больше дает плода (*бар*) и ветвей (*шәх*, т. е. боковых побегов)⁵⁸. В некоторых вилайетах для лоз делались подпорки (*чифтә*), и это увеличивало урожайность. „А если бы в том не было пользы, — замечает автор, — то для чего [за то] увеличивают поземельную подать (*харәдж*) и подвязывают подпорки?“⁵⁹. При посадке отростка (*хүшә*) лозы автор советует выкопать возможно более широкую яму (*чәх*)⁶⁰, верхушку лозы (*сар-и муу*) привязать веревкой (*рисман*) к верхнему краю ямы, а ствол (*сәк*) обложить жженым кирпичом (*хишт-и пухтә*) и известью (*ахак*); когда лоза из ямы подыметса до кровли дома, следует сделать для нее подпорку⁶¹.

Согласно тому же трактату, дабы лоза давала сладкий виноград, ее следует сажать на высоко лежащих песчаных и скалистых землях⁶²: такая лоза дает сладкий виноград, а удобрения (*зиль*) при этом нужно меньше. Еще лучше, если мягкий песок (*риһ-и нарм*)⁶³ смешан с землею (*хәк*)⁶⁴ и камнями (*санг*). В противном случае, хоть виноград и будет сладок, но лоза очень крепкой не будет⁶⁵.

По словам трактата, для возделывания винограда лучше всего умеренно жаркий и сухой климат, и нехорошо, если бывает много испарений (*бухәрәт-и зийәдә*). На высоко лежащих землях (*замйн-и буланд*) виноград бывает лучше и слаще, нежели на землях, лежащих в ущельях и оврагах (*замйн-и мағәк*), где он кислее, и это оттого, что на первых землях холодные и теплые дни чередуются, тогда как на вторых землях холод и тепло держатся подолгу⁶⁶.

Для посадки трактат советует брать ветвь (*шәх*) от лозы (*тәк*) в возрасте от 2—3 до 30 лет; более старые лозы не годятся, а более молодые слишком слабы⁶⁷.

По словам того же трактата, для прививки (*пейванд*) виноградной лозы следует брать лозу в возрасте 3—4 или же 5—6 лет. Прививать

⁵⁴ В ркп. два слова перечеркнуты и не разбираются. Предположительно можно допустить чтение *دود کنند* — „делают сажу“.

⁵⁵ Нузхат намә-йи 'Алайи, цит. рук., лл. 62а—62б.

⁵⁶ Китаб-и 'ильм-и фалахат ва зара'ат, цит. изд., стр. 3—7.

⁵⁷ Там же, стр. 3—4. Утверждение автора, будто в некоторых случаях лозы достигали длины в 2—3 тыс. гезов, т. е. по меньшей мере 1—1,5 км, разумеется, фантастично.

⁵⁸ Там же, стр. 4.

⁵⁹ Там же: *و اگر در آن فائده نبود چراخراج زیادت کنند و چفته می بندند*

⁶⁰ Там же. По словам автора, в Садабаде в Хамаданском вилайете копали ямы шириною в 30—40 гезов.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же: *در زمینهای بلند ریک بوم صخرای باید نشانندن*

⁶³ Риг может означать также „щебень“.

⁶⁴ Т. е. землястым субстратом.

⁶⁵ Китаб-и 'ильм-и фалахат ва зара'ат, стр. 4.

⁶⁶ Там же, стр. 5.

⁶⁷ Там же.

نایزک بخورند افکنند بر دروازه و دستش بگیرد و گویند من ایندازنده
و در بزرگتر سال بگیرد و اگر بر نیارد نگاه بیفکن سال بجز بر بسیار از
گذراندنی بگویند و باشیر زمان برد خفت مالند لحم حرما و بوئیش خوش شود
از عجب آب آفت کب ریشنه حرما بر سنگ رود و اگر جای بیست آینه باهل کرده
باشند اگر حیضت تنگ بود بر کار کند در زمانه چون شاخ و عرس
در حوائی نشانند باید کار در کفن کشته و از آن بو خسته باز برند جوان
باید بر بسیار ادره باشد و آن شاخ را خواهند نشانند انکس باید کرات
و بر هر شاخ ده دوازده خسته باشد و نه از سر بر توده از آن جان باید نگاه
باید نشانند از ماه و چهار روز گذشته باشد یا چهارده ماه و هر دو شاخ هر کس
کاودر باید بگویند تا آفت نرسد از ابع سر کفن خاصیتی دارد و قدری بلوغ
گرفته با ناخواه درین هر شاخی باید نشانند تا قوی گردد و اندک ماه باقی
در حال فکند که نشانند روز در بر این صورت المور سه ماه حاصل کرده در
بن شاخ المور سید فکنی و چون سید خنک کرده در آن المور سه ماه کالف
چون برارد خوش لحم باشد و البته در زکریت و خود نگارند و بناسید
چاشنن و کت از دو کزنه با یک بر صین فزود برند شاخ در از نهد در حواله
که برد خفت باید سرور و در زیر آن در خفت در زمین نشانی جمال معمار دو
انگشت سر بر داشته باشد و آب در او ایستد بسیار گیرد همه سرور و
و اگر در خفت سرور درین نشانی تا وقت نشانند ریب بر شاخ اندان اگر
خوش شود و شاخ چون خواهی نشانند بر در باز خفاف حال کوبت از او
نشود و آب جوز را در میان ماخذ مانند چشم ازو بگیرد در هم می آید و بر
بید بندگی و کانی تا عا سو و برورده چون رود المور بسیار و استوار

ندارد و اگر در یافتن قدری سفید بماند یعنی چون بر آرد انکور آن شکر بر آب سه
شاخ انکور و سفید سرخ مشکافی چنانکه چشمها تیره نشود و هر سه یکدیگر با زنی
روی در روی کرده و نیز کمی میجی و طی کل در وی کبرک ناهرسه در هر دو پدید
شود چون بر آرد از سه لون باشد سیاه و سفید سرخ داس که بدان شاخ رز
ببر نیز چون خوش باغون زغ بینداید که در آن شاخ بنفشه کی بز و بر نزه
باشد آب که از شاخ رز بیرون آید بوقت بریزن بگیرد و با سکه بیامیزند
و در کوزه گند و در میان رز سفید صلیح آید شود خالصتر و جو کز در فشانند
و دو یک کوبند در چشمها نشاندند سرما کار نکند فقط ساه در زیر انکور بید
ر نیز سیاه گردد برودی والله اعلم ————— نهال سبب مساند عضل
دروش کارند که در سفید کبیر مردم و سر کین خاک درین درخت بر مرد
بر سرخ آرد و داخل کل سرخ همچنین درین مساند بر سرخ گردد دردی سکی
کهن باشد که سفید درین درخت بر اند خوش طعم گردد و چون درخت چای گردد
سر این درخت آب کنند درین درخت زرد شش روز روز هم میله سود آب
سبب در حال زخم کرده سفید و کنند که نخور نشان باشد فله ده و این درین
سبب و از پیش گفته افزودنی با صفا باشد اما آنچه خوانند سرخ فام و اسفول
در فامند که بر طبع انسان لکی لیس خورد نر باشد چون بر سبب بود کند
رغم سرخ فام آرد و موه و طعام حان ندارد که دیگر سیاه است ————— انار
لهورد با هر سیاهند فطحتان با هر موه باشد لکن در نزدیکی که دیگر کار بود
باید شود و بر سیاه آرد چون انار را شاخ بنفانی باشد که آن شاخ با درونی
که را دره باشد که از کبیر باشد و بر سیاه آرد از بعد آن بر و سال دیگر کار آرد
بن انار شربین است که بر کتی و کوه درین رید بر سر خورد و اگر اطمین در

следует у корня (*бун*) той лозы, к которой прививают⁶⁸. Дабы плод был хорош, следует подрезать ветви. И если берут для прививки дикорастущую лозу из леса, или степную, она также хорошо прививается и быстрее дает плоды⁶⁹.

Число сортов винограда было очень велико. Уже географы X в. считали, что узнать все сорта винограда невозможно, ибо на это не хватит человеческой жизни⁷⁰. Автор „Истории Бейхака“ перечисляет названия 19 сортов винограда, которые возделывались в XII в. в округе Бейхак; среди них встречаются наиболее известные сорта, упоминаемые и у других авторов: сейиди, ресми, сервистани, мелихи, белый балхи, сулеймани и разики⁷¹. Хамдуллах Казвини сообщает, что в округе Фушендж (Бушендж) в Хорасане возделывалось сто с лишним сортов винограда⁷². Автор персидского трактата по агротехнике „Иршад-аз-зара'ат“ („Наставление в земледелии“), составленного в 921 г. х. (1515 г. н. э.), Фазиль Хереви, говорит, что названия сортов винограда бесчисленны⁷³, но в булуках (районах) Хератского оазиса и, в частности, в поместье (*чәрбәг*)⁷⁴ некоего „прибежища накибства“ (*нақабат панәх*), т. е. духовного феодала—накиба, старшины сейидов⁷⁵, — а поместье это находилось в селении Карзан в булуке Ленджан, — возделывалось ровно 100 сортов винограда, названия которых автор затем и перечисляет⁷⁶. Многие из этих названий в наши дни неизвестны, более известные из них в свое время — якути, фахри, сахиби красный, белый и черный и др.; некоторые из названий указывают на районы, из которых лозы этих сортов были вывезены: кундузи белый, астерабади, самарканди, бухари, туршизи, шабургани, кандахари и т. д. Хамдуллах Казвини в разных местах своего географического труда называет следующие сорта винограда: моураки, разики, мелихи, табарзад, мискали (в Ширазе), кишмиш, фахри⁷⁷. В переписке Рашид-ад-дина упоминаются сорта мискали (из Ширазе) и кишмиш (из разных районов)⁷⁸.

Сорт разики, по всей вероятности, тот же, который академик П. М. Жуковский называет розаки, отмечая его в числе четырех лучших сортов винограда Малой Азии, проникших из Ирана и Средней Азии; это изюмный и столовый сорт с крупными эллиптическими толстокожими ягодами светлозолотистого, светлорозоватого или красного цвета, сладкий⁷⁹.

В XVII в. Шардену было известно уже лишь 12—14 сортов винограда в Иране, фиолетового, красного и черного. По словам этого

⁶⁸ Китаб-и 'ильм-и фалахат ва зара'ат, стр. 5—6.

⁶⁹ Там же, стр. 6: *و اگر در بیشه یا صحرائی که خود رسته باشد آن را پیوند کند نیکو آید و زودتر بر دهد*

⁷⁰ См. Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. Изд. МГУ. М., 1944, стр. 71.

⁷¹ Тарих-и Бейхак, цит. изд., стр. 273.

⁷² Нузхат-ал-кулуб, стр. 153.

⁷³ *ارشاد الزراعة تالیف فاضل هروی... بتصحيح عبد الغفار نجم الدوله* Иршад-аз зара'ат, соч. Фазиль Хереви, изд. Наджм-ад-доуле Абд-ал-Гаффара. Тегеран, 1322 г. х. (1904/1905 г. н. э.), стр. 61. — То же, ркп. из коллекции Е. М. Пещеревой (Ленинград), л. 80.

⁷⁴ О значении термина *чәрбәи* — „поместье“ см. П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов (исследование). М.—Л., 1954, стр. 34—36.

⁷⁵ Автор не раз упоминает об образцовом садовом хозяйстве этого лица, но везде называет его только по титулу, а не по имени.

⁷⁶ Иршад-аз-зара'ат, цит. изд., стр. 64; ркп. Е. М. Пещеревой, л. 83.

⁷⁷ Нузхат-ал-кулуб, стр. 34, 62, 77, 115, 138, 152.

⁷⁸ Мукатебат-и Рашиди, стр. 199, 203 (письмо № 34).

⁷⁹ П. М. Жуковский. Земледельческая Турция, стр. 681—682.

автора, из винограда сорта кишмиш приготавливалось исфаханское вино; „это, — говорит Шарден, — мелкий белый виноград, лучший, нежели наш мускат“⁸⁰. Лучшим сортом иранского винограда Шарден считал исфаханский⁸⁰.

В дальнейшем виноградарство в Иране, в связи с общим процессом упадка феодальной экономики, разорения деревни и деградации сельского хозяйства в XVIII в., захирело. Если в XIV—XVI вв. в Хорасане было известно свыше 100 сортов культурного винограда, то в наши дни расовый ассортимент культурного винограда здесь сократился. Н. А. Зарудный указывает только 13 сортов винограда в Хорасане⁸¹; по словам Е. Г. Черняковской, число сортов винограда здесь доходит до 30⁸². Из приведенных ею названий сортов только одно (якути)⁸³ совпадает с названиями, приводимыми в источниках рассматриваемого нами периода.

Как сказано выше, виноделие в Иране было известно по крайней мере со времен Ахеменидов. Существует мнение, что распространение в Иране после арабского завоевания в VII в. н. э. мусульманства, строго запрещающего „правоверным“ изготовлять и пить вино, должно было убить виноделие в Иране, или, по меньшей мере, вызвать его упадок. Этого мнения придерживается и автор упомянутого выше новейшего персидского труда по истории земледелия в Иране, д-р Таги Бахрами. По его словам, „после арабского вторжения в Иран виноделие (*шарāб-сāзи*) было запрещено, старинные технические навыки, рукописные сочинения и правила по изготовлению вина погибли, и виноделие в Иране пришло в упадок“⁸⁴.

Однако сообщения источников не подтверждают этого мнения. В конце X в., когда ислам был уже безусловно религией большинства населения Ирана, Мукаддаси говорит об обилии давяльных прессов для винограда на севере Хорасана⁸⁵. Тогда же в Фарсе был повышен налог с продавцов вина⁸⁶.

Автор известного персидского труда по фармакологии „Китаб ал-абнийэ'ан хакаик ал-адвийэ“ („Книга оснований истинных свойств медикаментов“, составлена между 967 и 976 гг. н. э.) Абу Мансур Муваффақ ал-Хереви говорит об употреблении вина (*хамр*, *шарāб*, араб.) как об обычном явлении. Этот медик, нисколько не считаясь с запретом исламской религии и ссылаясь на авторитет античных авторов — Галена (Джалинус), а затем и Платона (Афлатун), — даже прямо рекомендует умеренное употребление вина⁸⁷. „Вино, — говорит Абу Мансур, — самое подходящее из средств для сохранения телесного здоровья, когда его (вино) употребляют в умеренном количестве“. Вино, поясняет наш автор, усиливает и увеличивает животную теплоту (*харірат-и зарізи*) и распространяет ее по всему телу, укрепляет тело, вызывает веселье и радость, возбуждает мужество. Вино — подходящее средство для всех

⁸⁰ J. Chardin. *Voyages du chevalier Chardin en Perse*, éd. par. L. Langlès, vol. III, Paris, 1811, p. 335—337. — О сортах винограда см. также E. Kämpfer. *Amoenitates exoticae*. Lemgo, 1718, S. 374.

⁸¹ Н. А. Зарудный. Вторая экскурсия по Восточной Персии. Известия Русск. геогр. общества, т. I, 1916, стр. 395.

⁸² Е. Г. Черняковская. Хорасан и Сеистан. М., 1927, стр. 206.

⁸³ Там же, стр. 207.

⁸⁴ Д-р Таги Бахрами. История земледелия в Иране, стр. 99.

⁸⁵ Мукаддаси. BGA, t. III, p. 284.

⁸⁶ Ibid., p. 439.

⁸⁷ Codex Vindobonensis sive medici Abu Mansur Muwaffaq bin Ali Heratensis Liber fundamentorum pharmacologiae, linguae ac scripturae persicae specimen antiquissimum. . . edidit Dr. F. R. Seligmann, pars I (перс. текст). Vindobonae, 1859, p. 101—102.

четырёх элементов организма⁸⁸. Далее Абу Мансур описывает три вида опьянения (*масти*, перс.)⁸⁹. Среди виноградных вин он различает красное, белое и черное и из них предпочитает красное, если оно блестящее, ароматное, старое и приятное на вкус⁹⁰. По словам Абу Мансура, в тогдашнем Иране изготовляли вино виноградное, вино из изюма, из меда, из фиников, из душаба, вино из ячменя, пиво⁹¹.

Автор персидского феодального домостроя второй половины XI в. „Кабус-намэ“ — наставления престарелого феодала юноше-сыну — также говорит об употреблении вина, как о всеобщем обычае в Иране, особенно в среде молодежи, и только советует сыну ограничиться несколькими чашами вина в день и не пить в ночь накануне пятницы — дня всеобщей молитвы⁹². Эти примеры убеждают нас, что изготовление и употребление виноградного, пальмового (финикового) и других вин в Иране в раннее средневековье было широко распространено.

После монгольского завоевания это положение не изменилось. И в XIII—XV вв. виноделие в Иране было распространено несравненно больше, нежели в позднейшие века, когда в связи с общей деградацией сельского хозяйства и с утверждением шиитской теократической державы Сефевидов, культурная реакция и рост влияния фанатического духовенства привели к сокращению занятия виноделием, особенно в местностях с чисто мусульманским населением.

В изучаемый нами период, несмотря на запрет Корана, употребление вина в Иране было всеобщим не только при первых монгольских ильханах-язычниках, но и после того, как при Газан-хане ислам снова стал государственной религией. В одном из своих ярлыков Газан-хан, признав, что „в государстве большая часть народа стала пить вино и вкушать хмельное“, и осудив употребление вина в принципе, согласно законам религии, тем не менее признал невозможным совершенно запретить народу употребление вина. Он ограничился приказанием привязывать к позорному столбу пьяных, задержанных на улицах и базарах в городах, запретив в то же время всякий сыск в домах⁹³.

Но при том же Газан-хане вино постоянно и совершенно открыто доставлялось к ильханскому двору. До Газан-хана вино это приобретали на рынке по 10 динаров за 100 манов, хотя, по замечанию Рашид-ад-дина, если бы рядились с умом, то можно было приобрести и по 5 динаров за 100 манов. Но из-за казнокрадства гонцов и придворных вино это обходилось по 20—40 динаров за 100 манов, хотя гонцы нередко брали вино у виноторговцев в долг и не отдавали им платы. Благодаря принятым Газан-ханом мерам, такое же самое вино стали покупать для двора менее чем по 5 динаров за 100 манов, и оно постоянно имелось в запасе⁹⁴. Из этого рассказа видно, что вино, — притом несомненно высокого качества, раз оно приобреталось для двора, — стоило недорого, от 5 до 10 динаров (от 30 до 60 дирхемов) за 100 манов (295 кг). По словам Рашид-ад-дина, вино можно было найти у виноторговцев и на базарах открыто, в количестве, значительно превышавшем спрос⁹⁵.

⁸⁸ Согласно учению средневековых медиков, этими элементами были кровь, желчь, черная желчь и слизь.

⁸⁹ Абу Мансур Муваффака, стр. 103.

⁹⁰ Там же, стр. 104.

⁹¹ Там же, стр. 103.

⁹² Кабус-намэ, гл. 11; Кабус-намэ, русский перевод Е. Э. Бертельса. М., 1953, стр. 57 сл.

⁹³ Джамии-ат-таварих, Стамб. ркп., л. 663; перевод А. К. Арендса, стр. 294—295.

⁹⁴ Там же, стр. 295—296.

⁹⁵ Там же, стр. 296. — Динар времени Газан-хана (серебряный) содержал 13 гр серебра.

О всеобщем употреблении вина, — разумеется теми, кому оно было по средствам, — говорит персидский поэт На'им-ад-дин Низари (XIII в.) в своей поэме „Дастур-намэ“, написанной в стиле суфийских (мистических) произведений, но посвященной целиком прославлению радостей опьянения и восхвалению жизни беспечных гуляк и веселых пьяниц. Низари замечает: „Наши юноши большей частью каждое утро с наслаждением протягивают руку к вину; от великой склонности [к вину] наши юноши, когда бывают любезны, готовы пожертвовать жизнью“⁹⁶. Низари советует путникам быть любезными со старостой сельской общины (*сар-и коум-и дех*), — „когда он имеет на это право, и это годится“, — иначе говоря, когда есть надежда, что тот поднесет им вина⁹⁷. Тот же поэт рассказывает о некоем запойном пьянице, внезапно умершем в одной из деревень Кухистана „в смятении от вина“; тогда старшина деревни (*раис-и дех*) вместе с домохозяевами (*кадхудайян*), страшась, что их заподозрят в убийстве, вскрыли внутренности несчастного и нашли, что печень его прогнила и сердце почернело⁹⁸.

Однажды Низари, выехав из Туна (в Кухистане) в Фарс с толпою спутников верхом на конях, обнаружил, что запас вина, нагруженный на выючных лошадей, израсходован. Остановившись в покинутой деревне Ноу-Бехар, крестьяне которой разбежались из-за притеснений владельца-тирана (*э'алим*), Низари вошел в первый попавшийся виноградник. „Запнулся я о кирпич, — говорит поэт, — и из земли показался глиняный кувшин (*хум*), да какой кувшин! Тогда он был полон вина, и какого вина, — как розовая вода!“ Низари и спутники его выпили прекрасное розовое вино, прочтя молитву за бежавшего хозяина виноградника и положив в кувшин несколько мелких монет⁹⁹. Все эти эпизоды указывают на то, что в Кухистане вино легко можно было достать в любой деревне, и у сельских старост, и у крестьян; даже в обезлюдевшей деревне нетрудно было разыскать зарытый в землю кувшин с вином.

Хамдуллах Казвини отмечает вино высокого качества из Буруджирда в Малом Луре¹⁰⁰, и из округа Симкан и Хирак в Фарсе, — настолько крепкое, что его можно было пить, только добавив к нему двойную и тройную порцию воды¹⁰¹, а также вино из Азада в Нахчеванском крае, очень известное¹⁰², и из Нисибина в Верхней Месопотамии¹⁰³. Марко Поло хвалит вино из Талькана в Хорасане¹⁰⁴. Низари рекомендует поутру выпивать одну чашу кухистанского вина сорта сарсийах¹⁰⁵ и подмешивать в вино сахар¹⁰⁶. Автор персидской версии „Махасин-и Исфahan“ (1329 г.) хвалит исфahanские вина, чистые, с приятным вкусом и запахом¹⁰⁷. Громкой известностью пользовалось ширазское вино,

⁹⁶ Дастур-намэ, цит. изд., перс. текст, стр. 61; русский перевод Е. Э. Бертельса, стр. 91.

⁹⁷ Там же, перс. текст, стр. 97; перевод Е. Э. Бертельса, стр. 87.

⁹⁸ Там же, перс. текст, стр. 63; перевод Е. Э. Бертельса, стр. 93.

⁹⁹ Там же, перс. текст, стр. 65—66; перевод Е. Э. Бертельса, стр. 95—96.

¹⁰⁰ Нузхат-ал-кулуб, стр. 70.

¹⁰¹ Там же, стр. 117. Видимо, то было вино из душаба. — Это место является интерпретацией приведенного выше рассказа „Фарс-намэ“ Иби-ал-Балхи (стр. 139).

¹⁰² Нузхат-ал-кулуб, стр. 89.

¹⁰³ Там же, стр. 106: „И вино его неплохое“.

¹⁰⁴ Путешествие Марко Поло, цит. перевод, стр. 62.

¹⁰⁵ Дастур-намэ, цит. изд., перс. текст, стр. 58, 69; перевод Е. Э. Бертельса, стр. 88, 98.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Хусейн ал-Ави. Тарджумэ-йи Махасин-и Исфahan, изд. перс. текста Аббаса Икбаля. Тегеран, 1328 г. х. (1950 г. н. э.), стр. 65.

прославленное Хафизом в его „Книге виночерпия“¹⁰⁸. Нет сомнения, что сортов вин в это время известно было много. В начале XVI в. Захир-ад-дин Бабур Тимурид в одной только Кабульской области в Забулистане (ныне в Афганистане) упоминает ламганское вино двух сортов — желтоватое и более крепкое арэ-таши и яркокрасное менее крепкое сухан-таши, вина ниджрауское и аласайское красивого (красного?) цвета и, кроме того, привозное кафиристанское вино¹⁰⁹.

В государстве Хулагуидов подати с сельчан взимались не только пшеницей, ячменем и скотом, но и вином, чего никогда не делалось ни при халифах, ни позже при Сефевидах. Не говоря уже о том, что подать тагар, по словам армянского историка XIII в. инока Магакии¹¹⁰, взималась с крестьян в христианской Армении хлебом и вином¹¹¹, власти требовали вино в числе податей с крестьян и в областях с чисто мусульманским населением. Низари картинно рассказывает, как сборщики податей явились с бератами (ассигновками) на взыскание 100 манов вина в счет податей в селение Бейдан в Кухистане и жестоко избивали и истязали крестьянина, уверявшего, что вина у него нет. Дали ему 200 палок, как вдруг при обыске были обнаружены зарытые в тайнике кувшины с вином¹¹². При Газан-хане пищевые припасы и вино для двора не только закупались, но частично собирались с населения в виде подати савери¹¹³. Позже, при династии Джелаиридов, около 1358 г., некоторые „захватчики“ (*мутагаллибэ*), т. е. феодалы-разбойники из кочевой знати, насильно взимали с крестьян вакфных имений баранов, зерно, вино, птицу и прочие пищевые припасы¹¹⁴. Из этого видно, что вино производилось и в вакфных имениях.

До нас дошел официальный документ 759 г. х. (1357/58 г. н. э.), в котором сообщается, что вино продавалось открыто в г. Сараве близ дервишской обители (*завийэ*) св. шейха Салах-ад-дина Мусы, на дорогах, по которым шли богомольцы, к великому их соблазну. Впредь вино разрешено было продавать только за городом¹¹⁵.

Все эти факты убеждают нас, что в рассматриваемый период значительная часть продукции виноградарства в Иране шла для изготовления вина, и виноделие было широко распространено.

¹⁰⁸ Хафиз. Саки-намэ. Изд. перс. текста Брокгауза, т. III. Лейпциг, 1863.

¹⁰⁹ Бабур-намэ. Русск. перевод М. А. Салье. Ташкент, 1947, стр. 160, 167, 168, 175.

¹¹⁰ Согласно новейшим исследованиям — Григора Акнерци.

¹¹¹ Магакия инок, перевод К. П. Патканова. СПб., 1871, стр. 88.

¹¹² Дастур-намэ, цит. изд., перс. текст, стр. 67—68; перевод Е. Э. Бертельса, стр. 97—98.

¹¹³ Джамии'-ат-таварих, Стамб. ркп., л. 663; перевод А. К. Арендса, стр. 296. *Савери* — сбор натурой на содержание войска и ханской ставки.

¹¹⁴ Дастур-ал-катиб (сборник персидских официальных документов Джелаиридской династии, XIV в.), ркп. ИВ АН СССР, без № — составленная В. Г. Тизенгаузенем копия Венской ркп. F — 185, л. 226а.

¹¹⁵ Там же, лл. 227а—227б.

Б. Т. ГОРЯНОВ

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ИММУНИТЕТ

При исследовании поздневизантийского феодализма мы исходим из указаний классиков марксизма о том, что основой этой социально-экономической формации являлась феодальная собственность на землю. Развитию феодальной собственности в Византии активно содействовала византийская экскуссия-иммунитет, — важнейшая форма надстройки, при помощи которой господствующие классы Византии укрепляли феодальную собственность на землю. Поэтому вопрос о византийском иммунитете является для нас одним из центральных вопросов при анализе форм феодализма в поздневизантийское время.

Византийский иммунитет, несмотря на то, что его изучению был посвящен целый ряд работ, до настоящего времени исследован недостаточно.

Одним из первых заинтересовался экскуссией французский ученый Платон, отметивший в своем исследовании параллель, существующую между этим византийским институтом и западноевропейским иммунитетом. „Ἐξκοῦσσις παροίκων, — пишет он, — это византийский иммунитет... Ἐξκοῦσσις παροίκων — это иммунитет нашего западного средневековья“¹.

Работа Платона посвящена в основном эволюции налогового обложения. Поэтому, говоря о византийской экскуссии, он останавливается главным образом на налоговых изъятиях, прослеженных им по хрисовулам византийских императоров, преимущественно по материалам, собранным Миклошичем и Мюллером и изданных ими в „Acta et diplomata graeca medii aevi“. Замечания, сделанные автором, касаются в основном прав экскуссии, которые византийское правительство предоставляло монастырскому землевладению. Платон вимательно следит за постепенным развитием прав налоговой экскуссии и приходит к выводу, что права эти постепенно расширялись, охватывая все новые виды налогов, попадавших под изъятие. В своем исследовании Платон пришел к правильному выводу о том, что изъятие монастырских париков от налогового обложения в пользу государства вовсе не освобождало их вообще от уплаты налогов. Это изъятие, по мнению Платона, означало лишь, что государство предоставляло монастырям, получавшим иммунитетные грамоты, право сбора налогов, которые должны были вноситься государству². В работе Платона доказано, что представители крупного

¹ M. G. P l a t o n. Observations sur le droit de „παροίκισις“ en droit byzantin. Revue générale des droits, de la législation et de la jurisprudence en France et a l'étranger, t. XXVIII, 1904, p. 304—305. В отдельном издании — Paris, 1908, p. 63—64. В дальнейшем работа Платона цитируется нами по этому отдельному изданию.

² M. G. P l a t o n. Observations... p. 63—64.

землевладения, в том числе и светского, о котором сохранилось небольшое количество документов, отвечали перед государством за регулярное поступление налогов с зависимых от них париков. Пожалование экскуссии, как полагает Платон, показывает, до какой степени государство уступало владельцам свои права по отношению к парикам³.

К вопросу о византийской экскуссии неоднократно обращался Б. А. Панченко в своей работе о крестьянской собственности в Византии⁴. Б. А. Панченко считал, что корень византийского монастырского иммунитета лежит в пожаловании поземельной подати. Он приходил к правильному выводу, что последствием и развитием пожалования территории являлось освобождение париков не только от основной поземельной подати (τέλος), но и по возможности от всех государственных повинностей и сборов⁵. Так, изучая грамоты конца XII в., сохранившиеся в Латрском кодексе, он установил, что они в одинаковых выражениях подтверждают льготы от уплаты податей. По этим грамотам соседний с известным монастырем Лемвиотиссы Латрский монастырь и его парики освобождались от уплаты всякой казенной подати, — со скота, поземельной и любой иной⁶. Хотя Б. А. Панченко и не занимался специально изучением экскуссии, он показал, что в поздневизантийское время права налоговой экскуссии значительно расширяются. Интересен сделанный им анализ хрисовула Алексея Комнина трапезунтскому монастырю Сумелы от 1364 г., содержащего перечень вотчин и париков этого монастыря. Б. А. Панченко обратил внимание на то, что монастырские парики „по полному положению экскуссии“ (κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσίας κεφάλαιον) освобождаются от податей и повинностей, приговоров и взысканий дук, практоров и катепанов. Он отметил, что эти льготы распространялись не только на перечисленных в хрисовуле париков, но и на тех париков, еще не внесенных в катастихи (податные списки), которые могут прийти из других мест и поселиться на землях монастыря⁷.

В 1904 г. появилась работа французского византиниста П. Гренье, который поставил своей задачей дать широкий обзор истории развития социального и политического строя Византийской империи⁸. Основной линией в развитии социального строя Византии Гренье считал „раздробление государственного суверенитета“⁹. Крупное светское и церковно-монастырское землевладение, поглощая мелкую земельную собственность, отнимало у империи, по мнению Гренье, ее основные жизненные силы, дробило ее на почти независимые в экономическом, а затем и в политическом отношении владения. Гренье рисует ход борьбы византийского государства с крупным феодальным землевладением и результаты ее расценивает как поражение государства. Это поражение в борьбе с растущей мощью феодального землевладения Гренье считает одной из основных причин конечной гибели Византийской империи. Одним из орудий усиления крупного светского и церковно-монастырского землевладения в Византии Гренье считал экскуссию-иммунитет. Работа Гренье подверглась критическому разбору в рецензии русского

³ M. G. Platon. Observations. . . , p. 64.

⁴ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1908.

⁵ Там же, стр. 108.

⁶ Там же, стр. 145—147.

⁷ Там же, стр. 172.

⁸ P. Grenier. L'empire byzantin, son évolution sociale et politique. T. I. L'état sociale. T. II. L'état politique. Paris, 1904.

⁹ Ibid., t. II, p. 274—279.

византиниста Н. С. Суворова¹⁰, который поставил вопрос о происхождении византийской *экскуссии*. Его „теория заимствования“ состояла в том, что *экскуссия* должна быть рассматриваема как результат перенесения в Византию западного „французского“ иммунитета¹¹. Н. С. Суворов отрицал какую бы то ни было связь между византийским иммунитетом и иммунитетом римского права. Он прямо утверждал, что „если даже предположить, что германский иммунитет имеет римские корни, то в Византию он перешел уже во франкском образе“¹². Он писал, что и другое западное юридическое понятие, теснейшим образом связанное с иммунитетом — *mundeburdium, tuitio, defensio*, также перешло в Византию. Отсюда он делает вывод, что, поскольку византийская *δεφένδευσις* — несомненный плод заимствования с Запада, следует считать, что иммунитет и *дефензия* выросли на Западе¹³ и затем были перенесены на византийскую почву. Известную новеллу Мануила Комнина от 1144 г., по которой византийскому духовенству был предоставлен широкий финансовый иммунитет, Н. С. Суворов также связывал не с римскими законами, освобождавшими духовенство от *munera sordida et extraordinaria*, а с западноевропейскими привилегиями духовенства¹⁴.

К вопросу о происхождении *экскуссии* обращался и другой русский византинист, П. А. Яковенко, в своем специальном исследовании по истории византийского иммунитета¹⁵. Теория Н. С. Суворова о происхождении византийского иммунитета представлялась П. А. Яковенко мало доказанной и поэтому мало убедительной¹⁶. Разбирая положение Н. С. Суворова, П. А. Яковенко пришел к выводу, что в XIII и XIV вв. византийская *экскуссия* по своему значению далеко не совпадает с западным *mundeburdium*¹⁷. П. А. Яковенко заключил, что нельзя присоединиться к мнению Н. С. Суворова о происхождении *экскуссии* с Запада и сделал бесспорно правильный вывод о том, что *экскуссия* возникла и развивалась в Византии самостоятельно¹⁸. Начало *экскуссии* он рекомендовал искать в политической неурядице, которая возникла в Византии вследствие „перерождения римских государственных порядков“. На возникновение *экскуссии*, по мнению П. А. Яковенко, оказывало свое влияние „смещение публично-правовой точки зрения на государство с частно-правовой“. Эти причины вызвали образование основных элементов *экскуссии* — воспрещения доступа представителям государственной власти во владения лица, получившего *экскусионную грамоту* и предоставления ему права сбора государственных доходов. С течением времени византийские иммунитетные грамоты предоставляют их владельцам также и более или менее широкие права юрисдикции в их владениях¹⁹. Подобное решение вопроса о причинах, вызвавших образование и развитие византийской *экскуссии*, не может, конечно, нас удовлетворить. Нельзя искать корни *экскуссии* в политической неурядице, господствовавшей в Византии якобы из-за „перерождения римских государственных порядков“. Корни *экскуссии* могут быть поняты лишь на основе глубокого анализа всего общественно-экономического строя

¹⁰ ВВ, т. XII, 1906, стр. 199—233.

¹¹ Там же, стр. 227—230.

¹² Там же, стр. 228.

¹³ Там же, стр. 229.

¹⁴ Там же, стр. 230.

¹⁵ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908.

¹⁶ Там же, стр. 32.

¹⁷ Там же, стр. 37.

¹⁸ Там же, стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 63.

Византийской империи. Этому анализу может помочь сравнение условий, при которых развивалась экскуссия в Византии с аналогичными условиями развития иммунитета на Западе. П. А. Яковенко сделал некоторые шаги в этом направлении в разделе своей работы, носящем название „Экскуссия в сравнении с западноевропейским иммунитетом“²⁰. Рассматривая основные элементы, из которых складывалась византийская экскуссия, он нашел в них много сходства с элементами раннего, а затем и позднего западноевропейского иммунитета²¹. Общими чертами он считал воспреещение доступа представителям государственной власти во владения лица, пожалованного экскуссией, выделение владения, получившего право экскуссии, из округа, подчиненного правительственным агентам. Как и западноевропейский иммунитет, экскуссия давалась по просьбе желавшего ее получить; со стороны же дававшего ее она являлась актом милости. Много общего находит автор и в характере привилегий, которые предоставлялись владельцам иммунитетных грамот на Западе и в Византии. Но, выполнив имеющую большое значение работу по сравнительному анализу западного и византийского иммунитета, П. А. Яковенко не использовал своих выводов при рассмотрении вопроса о происхождении экскуссии, который поэтому остался у него нерешенным.

Работа П. А. Яковенко вызвала рецензию А. А. Васильева²². Говоря о замечании П. А. Яковенко, о том, что „различие между западными иммунитетными грамотами и хрисовулами наиболее заметно в XI в. и становится меньшим в хрисовулах XIV в., тогда как при заимствовании экскуссии с Запада должно бы быть наоборот“, А. А. Васильев пишет: „Я думаю, что эта точка зрения не имеет за собою достаточной силы; когда будет вполне исследован вопрос о влиянии на Византию крестовых походов и особенно Латинской империи, тогда, по всей вероятности, с большей ясностью представится и вопрос о причинах различия между византийскими документами XI и XIV веков“²³.

Это высказывание А. А. Васильева ставит его на первый взгляд в ряды сторонников „теории заимствования“ византийской экскуссии-иммунитета с Запада. Само собою разумеется, на общественный строй Византии не могли не оказать некоторого влияния крестовые походы и образовавшаяся на ее территории в результате четвертого крестового похода Латинская империя. Но наличие этого влияния ни в какой степени не подкрепляет „теорию заимствования“. В позднейших своих работах А. А. Васильев, говоря о происхождении византийской экскуссии, высказывался в пользу положения о том, что „византийская экскуссия своими корнями заходит во времена римского иммунитета, являясь частью того сложного социального наследства, которое христианская империя получила от империи языческой“²⁴. Это положение, которое, как мы уже отмечали, поддерживалось и другими исследователями, находится в противоречии с теорией о заимствовании византийской экскуссии с Запада.

Вопросами византийской экскуссии занимался также К. Н. Успенский. Его концепция социально-экономического строя Византийской империи отличается свежестью и оригинальностью. В сводной работе К. Н. Успен-

²⁰ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 3—31.

²¹ Там же, стр. 6 и сл.

²² Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, ч. XX, 1909, апрель.

²³ Там же, стр. 433.

²⁴ А. А. Васильев. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пгр., 1923, стр. 67.

ского по истории Византии, оставшейся, к сожалению, незаконченной²⁵, вопросу об экскуссии посвящена специальная глава „Монастырское землевладение и вопрос об экскуссии“²⁶. Как видно из названия главы, исследование византийского иммунитета К. Н. Успенский ограничивает изучением лишь монастырской экскуссии. „Изъятость“ монастырских имений, создававшихся из земель, принадлежавших императору или сенаторской знати и сохранявших привилегии и автономность, которые были свойственны этим экзимирированным владениям, К. Н. Успенский считал особенностью византийского монастырского землевладения. Вместе с тем он полагал, что „изъятость“ церковно-монастырских владений принимала с самого начала формы, сближающие ее с западно-европейским иммунитетом²⁷. К. Н. Успенский справедливо возражал тем исследователям, которые, как Б. А. Панченко, вели начало экскуссии только с XI в. Но способ доказательства К. Н. Успенским этого положения дал законное основание Г. А. Острогорскому назвать отдельные положения его „Очерков“ „fantasiereiche“²⁸. Иначе и нельзя назвать такие доводы, как то, что „документальный материал до XI в. пропал почти бесследно“, или что „хрисовулы, жаловавшие экскуссии, могли вести свое начало и с XI в., но сама экскуссия, выражавшаяся какими-либо иными способами (?), как общественное установление, должна была (?) быть налицо и раньше“²⁹. Только такими шаткими доводами обосновывает К. Н. Успенский свое положение о том, что „экзимирированность крупных монастырских вотчин была широко распространена в империи не только в X—XI вв., но и в VII, VIII вв.“, что она и была „существеннейшей чертой этого типа землевладения всегда, начиная с царствования Юстиниана“³⁰.

В дальнейшем изложении К. Н. Успенский обосновывает экзимирированность монастырей условиями, благодаря которым складывалось особо привилегированное положение больших и богатых монастырей³¹. Эти условия он видит в различном юридическом положении монастырей и рассматривает здесь отличительные черты аутодеспотических, императорских, ставропигиальных, патриарших, епископских монастырей. Автономность монастырей более высоких разрядов влекла за собой, по мнению К. Н. Успенского, развитие экскуссии. По его словам, „экскуссию, как она предстает в хрисовулах, нет оснований отрывать от старинной „аутодеспотии“ монастырей-княжеств: это, несомненно, различные фазы или моменты одного и того же процесса“³².

Вопросу об экскуссии К. Н. Успенский посвятил и специальную, более позднюю работу³³. По-прежнему стоя на почве необходимости параллельного изучения византийских и западных институтов, он в этой работе отмечает моменты, отличающие византийские грамоты от западно-европейских иммунитетных дипломов. Это отличие он, в частности, видел в том, что в византийских грамотах указан смысл воспрещения доступа агентов государственной власти во владения лица, пожалован-

²⁵ К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. 1. М., 1917.

²⁶ Там же, стр. 183—197.

²⁷ Там же, стр. 184.

²⁸ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 232, Anm. 3.

²⁹ К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. 1, стр. 187.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 191—197.

³² Там же, стр. 195—196.

³³ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1917—1922, Пгр., 1923, стр. 74—117.

ного экскусией, чего нет в западноевропейских дипломах. Другое отличие он видит в том, что в то время, как в западных документах должностные лица, которым воспрещается *introitus*, — встречаются под общим названием *iudices*, в византийских хрисовулах мы встречаем тщательное и подробное перечисление податных, военных и судебных должностных лиц, которым запрещается доступ во владения, наделенные экскусией³⁴. Это утверждение К. Н. Успенского неточно, ибо и на Западе в иммунитетных дипломах встречается некоторая, хотя и не столь, как в Византии, развитая дифференциация термина *iudices*.

Интересны замечания К. Н. Успенского о характере отдельных этапов в развитии византийской экскусии. В хрисовулах XI в. он видит стабильность формы, определенный план, состоящий из *proemium*, *paratio*, *dispositio* и, наконец, самое существо экскусии, выразившееся в двух формулах: а) *ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων* и б) *διὸ παρεγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων*, из которых первая формула выражала изъятия от уплаты податей и несение повинностей, а вторая — судебно-административные изъятия.

В XII в., по мнению К. Н. Успенского, „экскусия... мельчает, суживается, мутится“³⁵. Отличительной чертой хрисовулов XIII—XIV вв. он считает наличие в них общих, ничего не говорящих по существу дела выражений³⁶. Повинностей, от которых освобождает экскусия, становится меньше, а фразы хрисовулов XIV в. о том, что, кроме перечисленных в них льгот, дается освобождение от всех повинностей, К. Н. Успенский считает лишь риторическим украшением³⁷. С этим мнением нельзя согласиться. Как мы попытаемся показать в дальнейшем изложении, в этой „общности“ поздней экскусии можно усматривать лишь дальнейшее расширение иммунитетных прав, а не их сужение или измельчание. Нельзя согласиться также и с мнением К. Н. Успенского о том, что судебные права предоставлялись уже в ранних хрисовулах, жаловавших экскусию³⁸. Как и на Западе, в Византии судебные права владельцев иммунитетных грамот были значительно более позднего происхождения, чем изъятия податного характера, и расцвет судебного иммунитета в Византии относится лишь к XIV в. В этой работе К. Н. Успенский снова повторяет свои рассуждения о раннем происхождении византийского иммунитета, считая возможным относить его начало к VI—VII вв., а может быть, и к более раннему времени. Появление хрисовулов, по его мнению, знаменовало собой сужение монастырской привилегированности³⁹. Это утверждение является, без сомнения, ошибочным. Неправ также К. Н. Успенский, как это уже было отмечено Г. А. Острогорским, когда считает, что владельцами экскусии во все времена византийской истории были главным образом, даже почти исключительно, монастыри⁴⁰. Тем не менее, несмотря на некоторые положения, с которыми нельзя согласиться, К. Н. Успенский благодаря своим исследованиям внес много нового в изучение экскусии и поставил ряд вопросов, которые должны быть решены для правильного понимания этого важнейшего института византийского феодализма.

³⁴ К. Н. Успенский. Экскусия-иммунитет в Византийской империи, стр. 75.

³⁵ Там же, стр. 80.

³⁶ Там же, стр. 82—84.

³⁷ Там же, стр. 84.

³⁸ Там же, стр. 85—86.

³⁹ Там же, стр. 117.

⁴⁰ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, S. 232, Anm. 3.

Основной нашей задачей является проследить те изменения, которые претерпела экуссия в поздневизантийское время. Однако, прежде чем перейти к этому вопросу, мы считаем необходимым остановиться на некоторых общих вопросах византийской экуссии и в первую очередь на вопросе о ее происхождении.

Мы уже упоминали о теории Н. С. Суворова, который объяснял происхождение экуссии западными влияниями и считал, что германский иммунитет перешел в Византию во „франкском образе“. Посмотрим, какие основания имеет эта теория. Советская медиевистика сделала большой вклад в изучение института иммунитета. Работы А. И. Неусыхина⁴¹, А. И. Данилова⁴², Д. С. Граменицкого⁴³, Н. С. Михаловской⁴⁴, основанные на пересмотре большого материала источников, внесли в науку много новых и ценных соображений о происхождении западного иммунитета и характере его развития. Поэтому они могут помочь нам при сравнении основных моментов в развитии западноевропейского иммунитета и византийской экуссии, а также при рассмотрении вопроса о том, можно ли считать последнюю исключительно результатом влияния западных форм иммунитета.

Н. С. Суворов, П. А. Яковенко и другие исследователи, занимавшиеся вопросом происхождения иммунитета, строили свою аргументацию главным образом на почве рассмотрения крупнейших трудов, посвященных анализу складывавшегося феодального строя раннего средневековья. Среди ученых, занимавшихся этой проблемой, внимание Н. С. Суворова и полемизировавших с ним ученых в первую очередь привлекали построения Фюстель де Куланжа в его „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“. Как известно, теория Ф. де Куланжа сводилась к тому, что он не признавал сходства между римским и франкским иммунитетом и отрицал преемственную связь между ними.

Свою точку зрения на взаимоотношение между римским и мерovingским иммунитетом Фюстель де Куланж изложил в труде, посвященном происхождению феодального строя⁴⁵. Он пришел к выводу, что римский иммунитет по своему характеру не был индивидуальным (хотя случаи индивидуального иммунитета встречались и в римское время) и не являлся актом милости со стороны государственной власти. Римским иммунитетом пользовались определенные, установленные законом группы граждан. Основным характером льгот, которые давал римский иммунитет, было освобождение от муниципальных повинностей. Римский иммунитет освобождал и от некоторых государственных повинностей. Предоставляя известные льготы по уплате надбавок к основной сумме подати, римский иммунитет не освобождал от уплаты важнейших государственных податей — поземельной и поголовной. Делая поправки к этим утверждениям Фюстель де Куланжа, П. А. Яковенко отмечал

⁴¹ А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи. „Ученые записки МГУ“, вып. 81. Сборник исторического факультета. Преступления фашистов против исторической науки. М., 1945, стр. 55—115.

⁴² А. И. Данилов. К вопросу эволюции фогства как одной из форм права феодальной собственности. Труды Томского гос. университета им. В. В. Куйбышева, т. 103, 1948, стр. 113—222.

⁴³ Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и развитии франкского иммунитета. СВ, вып. II, 1946, стр. 135—153.

⁴⁴ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет. СВ, вып. II, 1946, стр. 154—189.

⁴⁵ Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal. Paris, 1890, p. 419—422.

случаи освобождения и от уплаты поземельного налога, например ветеранов при поселении на получаемых ими участках⁴⁶. Однако сходство римского иммунитета со средневековым выразилось лишь в освобождении от уплаты податей. Как показал Ф. де Куланж, ни ограничения юрисдикции должностных лиц, ни запрещения правительственным чиновникам вступать во владения имуниста римский иммунитет не знает⁴⁷. Римский иммунитет был тесно связан с муниципальным строем римского государства. Централизация управления и ослабление, а затем и падение муниципального строя вызвали изменения и в характере римского иммунитета. С превращением большинства повинностей из личных (*munera personalia*) в имущественные (*munera patrimonii*) римский иммунитет начинает освобождать в основном от повинностей имущественных. Но практика в Римской империи показывала, что освобождение от этих повинностей было довольно редким явлением. Отсюда мы можем сделать вывод, что римский иммунитет в позднее время вырождается. Ко времени, когда начинает формироваться новый средневековый иммунитет, следы позднеимперского иммунитета были настолько слабы, что вряд ли дают основание говорить о преемственности, о средневековом иммунитете как дальнейшем развитии и продолжении римского иммунитета. Следы римских порядков в отношении условий освобождения от повинностей можно проследить и в ранневизантийском законодательстве, они перешли из кодекса Юстиниана в законодательные сборники более позднего времени (*Basilica* и *Synopsis major*). Но эти законодательные нормы давно потеряли всякое значение, с ними никто из государственных чиновников не считался⁴⁸, поэтому говорить о преемственности между римским и византийским иммунитетом нет решительно никаких оснований.

В каких условиях возникал и развивался средневековый западноевропейский иммунитет? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос, и историкам приходится решать его на основе общих представлений о ходе исторического процесса⁴⁹.

В отличие от Ф. де Куланжа, другой французский исследователь — Крелль⁵⁰ искал зародыши средневекового иммунитета в патримониальной юстиции поздней Римской империи. Как правильно отметил Д. С. Граменицкий, Креллю не удалось согласовать процесс социального усиления крупного землевладения и процесс роста силы и влияния местных органов власти⁵¹. По схеме Крелля, в результате периода смут, вызванных варварскими вторжениями, одновременно возрастала сила *potentes* и власть местных агентов центральной власти, получавших все более широкие полномочия по управлению населением округа. Исследуя корни иммунитета, Е. С. Граменицкий установил, что в первой половине VII в. на Западе уже существовала признанная государством частновладельческая юстиция, определялась сфера частной власти, недоступная для государственного вмешательства. Эти права владетелей еще не ясно очерчены, но в них уже вырисовываются будущие черты дальнейшего развития иммунитета. Весьма интересен сделанный Д. С. Граменицким анализ эдикта Хлотаря II от 614 г. В этом эдикте встре-

⁴⁶ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 39.

⁴⁷ Fustel de Coulanges. *Les origines du système féodal*, p. 422.

⁴⁸ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 42.

⁴⁹ Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и развитии франкского иммунитета, стр. 135.

⁵⁰ Kroell. *L'immunité franque*. Paris, 1910.

⁵¹ Д. С. Граменицкий. Ук. соч., стр. 139.

чаются ценные сведения о частновладельческой юрисдикции, причем чрезвычайно важно то, что эта юрисдикция уже широко развивается во владениях светских землевладельцев-феодалов. Эдикт свидетельствует, что в делах между людьми, зависимыми от частных владельцев, если эти дела относились к *causas minores*, имела полномочия частновладельческая курия. Епископы и *potentes* по этому эдикту имели право назначать *iudices* и *missi discursores*, в которых Д. С. Граменицкий, в отличие от Крелля, справедливо усматривает частновладельческих судебных агентов (§ 19)⁵². В эдикте 614 г. имеется свидетельство о существовании уже в это время иммунитетов во Франкском государстве. По этому эдикту графы должны были защищать имущественные права церквей, священников и бедных, не имея в то же время права нарушать иммунитеты, пожалованные прежними королями церквям и светским влиятельным людям (§ 14). Франкский иммунитет имел две основные черты: во-первых, то, что он жаловался „для поддержания мира и порядка“ и, во-вторых, его не могли нарушать должностные лица. Последняя черта стала главным содержанием иммунитетных грамот, которые запрещали *introitus* должностным лицам. Иммунитетные пожалования закрепляли частновладельческие права представителей зарождавшегося крупного феодального землевладения. Эти права закреплялись полным запрещением доступа должностных лиц под предлогом осуществления ими каких-либо должностных функций на территорию иммунитета. Так создавался и развивался иммунитет, сыгравший такую большую роль в установлении феодального строя. И недаром Зелигер, говоря об иммунитете, заявлял: „Кажется, ни один из общественных институтов не выдвигался историками в качестве центрального пункта в истории учреждений в такой мере, как иммунитет. К нему возводят самые значительные перемены. Дело изображали так, что он должен был дать крупным поместьям силу, чтобы разорвать связь с графством, стать самостоятельными членами государства, достичь полугосударственной и государственной власти“⁵³.

Основные черты иммунитета, складывавшиеся в меровингский период, получили дальнейшее развитие в иммунитете каролингского периода. Формы этого развития и государственно-правовое значение иммунитета рассмотрены в статье Н. С. Михаловской⁵⁴.

Усиление социально-экономического могущества крупных землевладельцев, духовных и светских, приводило к распадению Меровингского государства на отдельные, почти независимые крупные владения, собственники которых стремились к широким политическим правам. Будучи не в состоянии сокрушить экономическую мощь крупных землевладельцев, Каролинги поставили своей целью восстановить политическое единство, ликвидировать независимость носителей частной власти, используя для этого иммунитет, превращая посредством него владельцев иммунитетных грамот в представителей государственного управления, ответственных перед государством за зависимое от них население. Задачей королевской власти при Каролингах становится введение иммунитетного округа и иммунитетного суда в систему государственных учреждений⁵⁵. Капитулярии каролингской эпохи говорят о строго регламен-

⁵² Д. С. Граменицкий. К вопросу о происхождении и развитии франкского иммунитета, стр. 152.

⁵³ G. Seeliger. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft in früherem Mittelalter. Leipzig, 1903, S. 56.

⁵⁴ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет, стр. 154—189.

⁵⁵ Там же, стр. 155—157.

тированном разграничении судебных функций между иммунитетным судом и судом графства, с точным обозначением компетенции каждого из них. Это разграничение касалось только свободных жителей иммунитетного округа; над несвободными обладатель иммунитета в каролингскую эпоху уже располагал всей полнотой власти на основе его владельческих прав⁵⁶. Иммунитетные привилегии наделяли частных лиц определенным объемом политических прав. Государство санкционировало подобное расширение прав иммунитетов⁵⁷.

* * *

Отличительная особенность аграрного строя Восточной Римской империи состояла в том, что весь земельный фонд юридически был собственностью императора. Кроме того, большая часть земельного фонда непосредственно принадлежала императору как в виде собственных, так и в виде государственных земель, причем в императорском законодательстве часто не делалось различия между этими видами земель. Источники не дают возможности установить точное соотношение между территорией императорских земель и всем земельным фондом Восточной Римской империи. Однако отдельные встречающиеся в них сведения говорят об огромных размерах императорских земель. Для управления этими землями существовал большой и разветвленный административный аппарат; формы их эксплуатации были различны. На некоторых из них велось собственное хозяйство императора, другие сдавались в аренду или, наконец, продавались. Сдача в аренду была наиболее распространенной формой эксплуатации императорских земель. Арендаторами этих земель были *potentiores*, *potentissimi*, являвшиеся крупными сановниками, сенаторами, командным составом армии. В целях получения больших доходов императорские земли часто передавались на таких условиях аренды, которые были почти равнозначны отчуждению земли. Нередко магнаты захватывали земли без всяких договоров, вследствие чего фонд императорских земель значительно сократился. Все эти явления свидетельствуют о том, что уже к VI в. в Византийской империи происходили процессы феодализации. Рассматривая различия между формами развития крупного землевладения на Западе и в Византии V—VI вв., М. В. Левченко указывал, что в Византии не было такой экономической замкнутости крупного имения, как на Западе⁵⁸. Мы уже имели случай отметить, что в его работе раздел о роли крупного частного землевладения в экономике и социальном строе Восточной Римской империи V—VI вв. разработан недостаточно. В частности, мы уже отмечали, что налоговые и другие льготы крупным землевладельцам являются зачаточной формой будущего иммунитета⁵⁹, хотя, конечно, их еще нельзя считать началом экскуссии. В другом месте мы признали неверной оценку автором деятельности Юстиниана I. По мнению М. В. Левченко, нельзя говорить о сокрушении экономической мощи крупного землевладения, так как Юстиниан и не ставил это своей задачей. Мы отмечали, что если и справедливо утверждение М. В. Левченко об усилении крупного светского землевладения после Юстиниана, то усиление это про-

⁵⁶ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет, стр. 173.

⁵⁷ Там же, стр. 183—184.

⁵⁸ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. ВС. М.—Л., 1945, стр. 76—77.

⁵⁹ Б. Горянов. Рецензия на „Византийский сборник“ (М.—Л., 1945). ВИ, 1946, № 4, стр. 138.

изошло отнюдь не в результате поддержки Юстинианом крупного землевладения, а вследствие провала всех его мер, направленных против динатов⁶⁰.

Крупное сенаторское землевладение пользовалось большими налоговыми льготами. Крупные землевладельцы освобождались от муниципальных повинностей, от большей части *munera sordida*, т. е. поставки провианта для войск, помола зерна, устройства и починки дорог и мостов и т. д., а также от разных *munera extraordinaria* и литургий⁶¹. Как мы уже отмечали, в этих льготах можно усмотреть зачаточные формы будущего византийского иммунитета. Однако является ли это результатом влияния аналогичных форм западного франкского иммунитета? Как на Западе, так и в Византии возрастала сила *potentes*. Однако мы видели, что на Западе уже к первой половине VII в. существовала признанная государством частновладельческая юстиция, как духовная, так и светская. В Византийской империи даже для значительно более позднего периода мы не находим никаких свидетельств о том, что представители крупного землевладения располагали судебной властью. Несомненно, что процессы феодализации и на Западе и на Востоке приводили к децентрализации, к усилению политических прав магнатов. Но в Византии оказались налицо силы, которые были в состоянии затормозить этот процесс. В отличие от Западе, крупные землевладельцы на Востоке еще были заинтересованы в сохранении централизованного государства. Поэтому и весь процесс феодализации в Византии протекал значительно более замедленными темпами, чем на Западе. Если бы франкский иммунитет был источником византийского иммунитета, будущей *эккуссии*, то мы должны были бы уже в византийских документах этого периода обнаружить данные о наличии судебной власти у представителей крупного землевладения. Между тем зачатки судебной *эккуссии* мы можем проследить в византийских хрисовулах, начиная лишь с XI в., да и то судебные права имуниста никогда не выступали здесь в таких четко очерченных формах, как на Западе.

Уже П. А. Яковенко, оспаривая теорию о заимствовании с Западе византийской *эккуссии*, отмечал, что между *эккуссией* и современным ей западным иммунитетом наблюдается значительная разница в объеме жалуемых льгот⁶². Самый термин *ἐξουσιαστικῶν*, как известно, появляется в византийских хрисовулах лишь в XI в. Но если мы сравним льготы, которые получали имунисты меровингского и каролингского периодов с льготами, предоставлявшимися византийским законодательством этого же времени, то мы и здесь усмотрим большое различие. Мы видели, что уже в меровингский период был издан ряд иммунитетных грамот, запрещавших доступ должностных лиц на территорию имуниста. В дипломе Дагоберта I Ресбахскому монастырю от 635 г. эта сторона иммунитета получает широкое развитие. По диплому Дагоберта I запрещался доступ должностных лиц для производства судебных дел и для взимания разных государственных платежей на все монастырские земли, какого бы они ни были происхождения. Уже в это время широко развивается порядок, при котором все эти функции от государственных агентов (*iudices publici*) переходят к частным агентам крупного землевладельца (*iudices privati*), получившего иммунитетную грамоту. Во многих грамо-

⁶⁰ Б. Т. Горьянов. Новые работы по византиноведению. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. II, № 6, 1946, стр. 454.

⁶¹ М. В. Левченко. Материалы..., стр. 84.

⁶² П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 33.

тах и в известных формулах Маркульфа это запрещение доступа должностных лиц распространялось не только на существующие владения, но и на владения, которые будут пожалованы в будущем. Подобные указания чаще всего встречаются в грамотах, выдававшихся церковно-монастырским владениям, но они встречаются и в грамотах светским крупным землевладельцам.

В Византии этого времени мы еще не находим этого важнейшего элемента светского и церковно-монастырского иммунитета. К. Н. Успенский, полемизируя в своей работе с учеными, считавшими, что экскуссия появляется лишь в XI в., мог привести лишь четыре хрисовула, относящихся к концу IX и X вв., в которых можно усмотреть наличие известной, правда очень ограниченной, неясно выраженной экскуссии монастырских владений. Хрисовул 934 (919) г. Романа I Лекапина и Константина VII обители Иоанна Колову подтверждал пожалования, сделанные ранее. Вместе с тем в этом документе содержится указание, что обитель должна быть свободной „от всякого принуждения, ангарии и ущерба, бывающего, как водится, от епископов, начальников и от всякого другого лица“ (*ἀπό πάσης ἐπιτηρείας, ἀγγαρίας καὶ ζηρείας, τῆς ὡς εἶδος ἐγγυνομένης παρὰ τε ἐπισκόπων καὶ ἀρχόντων καὶ ἄλλου παντός...*)⁶³. Эта формулировка хрисовула позволяет лишь сделать заключение о часто повторявшихся злоупотреблениях, которые испытывали монастыри со стороны должностных лиц. Той точности и дифференцированности иммунитетных прав, которые мы встречаем в значительно более ранних западноевропейских дипломах, здесь нет и следа. Не большая точность встречается и в хрисовулах 924 г., а также и в сигиллионе Льва Философа 887 г. Здесь мы также находим формулировку, аналогичную с приведенной выше, по которой монахам предоставлялось право оставаться свободными „от всякой тягости и повинности, какая бывает обыкновенно“ (*ἀπό πάσης ἐπιτηρείας καὶ τῆς ὡς εἶδος ἐγγυνομένης παρενοχλήσεως*). Поэтому мы не видим никаких оснований считать, как это делал К. Н. Успенский, что уже в этих документах явственно выделяются те две характерные формулы экскуссии, которые входят в дипломы XI в.⁶⁴

Выдвигая теорию заимствования византийской экскуссии с Запада, Н. С. Суворов в числе важнейших аргументов в ее пользу приводил якобы установленное им тождество между западным *defensio* и византийской *δεφένδευσις*. Разбирая аргументацию Н. С. Суворова, П. А. Яковенко убедительно показал, что термины *δεφένδεω* и *δεφένδευσις*, встречающиеся в византийских хрисовулах, вовсе не имели юридического значения, которое вкладывалось в западноевропейских грамотах в понятие *mundeburdium*. Анализируя значение термина *δεφένδευσις*, встречающегося главным образом в поздних византийских актах (XIII, XIV и даже XV вв.), когда византийская экскуссия уже давно приняла определенные, строго очерченные формы, П. А. Яковенко приходит к правильному, на наш взгляд, выводу о том, что этот термин употребляется в смысле фактического оказания защиты, а вовсе не в смысле особой, специальной защиты, которую принимала на себя королевская власть по отношению к владельцам иммунитетных грамот и которая на Западе обозначалась терминами *mundeburdium*, *tuitio* и *defensio*. П. А. Яковенко приводит очень яркий пример в доказательство того, что византийская *δεφένδευσις* отнюдь не являлась неотъемлемой составной частью византийских актов.

⁶³ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. Византийский Временник, т. XXIII, 1917—1922, стр. 96—97.

⁶⁴ Там же, стр. 97.

В 1427 г. деспот Феодор Палеолог выдал Георгию Гемисту аргировул, по которому жаловал ему в пронию земельные владения и укрепления Фанара. В этом документе говорилось, что Гемист будет пользоваться защитой в силу этого аргировула (ἀπολαύει... δεφένδευσως τῆ ἰσχύει καὶ δυνάμει τοῦ παρόντος ἀργυροβούλλου)⁶⁵. Через год аргировул был подтвержден императором Иоанном VIII Палеологом. В хрисовуле Иоанна VIII пересказывается содержание подтверждаемого аргировула Феодора Палеолога. Однако ни в изложении содержания аргировула, ни в той части хрисовула, где подтверждаются привилегии, пожалованные Феодором Палеологом, термин δεφένδευσις не встречается. Наконец, П. А. Яковенко приводит ряд выдержек из трудов византийских писателей, которые также подтверждают, что термин δεφένδευσις вовсе не имел того значения, которое хотел ему придать Н. С. Суворов⁶⁶. Кроме того, ошибочность точки зрения Н. С. Суворова видна также из того, что термин δεφένδευσις он обнаружил только в византийских актах XIII—XIV вв. В грамотах XI в., в которых уже встречается экскуссия, нет термина δεφένδευσις. Между тем, если бы западноевропейский иммунитет был перенесен в Византию с Запада, он не мог бы перейти туда без одного из своих основных элементов — *mundeburdium*, который жаловался вместе с иммунитетом на Западе во всяком случае уже начиная с VIII в.

Таким образом, мы видим, что к тому времени, когда на Западе иммунитет приобрел уже вполне сложившиеся формы, в Византии мы не встречаем памятников, позволяющих говорить о существовании этого института. Замедленный процесс феодализации Византийской империи не мог не сказаться и на значительно более позднем появлении византийского иммунитета. К тому времени, когда в Византии уже появляются акты, заключающие в себе пожалование экскуссии, их содержание и составные части значительно отличаются от элементов западноевропейского иммунитета. Таким образом, подобно тому, как мы не считаем возможным вести начало византийской экскуссии от позднеримского иммунитета, точно так же как явно несостоятельная должна быть отброшена и теория о западном влиянии на развитие византийской экскуссии. Корни византийской экскуссии нужно искать не в римском иммунитете и не в иммунитете Западной Европы раннего средневековья, а в условиях развития общественно-экономического строя Византийской империи, в условиях развития византийского феодализма.

Другим важнейшим вопросом, имеющим большое значение для выяснения роли экскуссии в процессе формирования византийского феодализма, а также форм ее развития в поздней Византии, является вопрос о времени возникновения экскуссии. Термин ἐξκούσσις, как мы уже отмечали, впервые появляется в византийских актах и грамотах лишь в XI в. На этом основании большинство исследователей относило начало экскуссии к XI в. Крайне противоположную точку зрения высказывал К. Н. Успенский, который, считая, что экскуссию, в том виде, как она зафиксирована в хрисовулах, нельзя отрывать от старинной „самоправности“ монастырей⁶⁷, относил начало экскуссии к VI—VII вв., „а может быть, и еще дальше“⁶⁸. Исходя из своей теории о том, что обладателями экскуссии в Византии были почти исключительно монастыри, теории, ошибочность которой мы уже отмечали, К. Н. Успенский указывал, что „выяснить

⁶⁵ F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, III, № XXXVII.

⁶⁶ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 33—37.

⁶⁷ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, стр. 117.

⁶⁸ Там же, стр. 99.

происхождение экскуссии — значит проследить историю монастырей в Восточной империи⁶⁹. Так как вся аргументация К. Н. Успенского построена на данных, касающихся церковно-монастырского землевладения, то следует рассмотреть основные черты его правового положения в ранней Византии, чтобы установить, можно ли в привилегиях, представившихся в этот период церквам и монастырям, усматривать корни экскуссии.

Как и на Западе, уже в ранней Византии церкви и монастыри достигли большого экономического могущества, позволявшего им успешно соперничать с развивавшимся крупным светским землевладением. Во времена поздней Римской империи источником благосостояния церковью было имущество языческих храмов, которое передавалось им по указам императоров. Другим источником увеличения экономической мощи церковью являлись частные пожертвования в их пользу, особенно по завещаниям. Мы говорили уже об особенностях социально-экономического развития Византийской империи, состоявшей в том, что господствующие классы, наряду с борьбой за расширение своих экономических и политических прав, вместе с тем были заинтересованы в сохранении сильного централизованного государства. В лице христианской церкви господствующие классы поздней Римской империи и ранней Византии видели орудие сохранения этого государственного единства. Императорская власть охотно возлагала на церковь, структура которой была приспособлена к формам государственной организации, целый ряд государственных и муниципальных функций. Эти услуги церкви, поддерживавшей централизованное государство Восточной Римской империи, широко вознаграждались императорской властью. Церковь получала от правительства широкие субсидии деньгами и натурой, права и привилегии. Такая практика вела свое начало еще со времен Константина I (324—337), издавшего ряд постановлений в интересах христианской церкви. Эти постановления содержали освобождение клириков от муниципальных обязанностей, от общегражданской подсудности, от уплаты государственной подати (*sensus*), от несения некоторых „грязных“ повинностей (*munera sordida*), а также ямской (*angaria*) и постоянной (*metati opus*). Эти привилегии были впоследствии зафиксированы в кодексе Юстиниана, где подтверждено освобождение церковных земель от *munera sordida* и *extraordinaria*. Сделано было категорическое указание на то, что церковь не платит с принадлежавшего ей имущества ничего, кроме поземельной подати. Для укрепления церковных имуществ еще при Льве I (457—474) были изданы законы о неотчуждаемости церковных имений. Эти законы были впоследствии подтверждены в постановлении Анастасия (491—518), запрещавшем продажу, дарение церковных домов, земель, колонов и рабов. Сведения об этих особых заботах императорской власти мы находим в кодексе Юстиниана, они встречаются и в позднейшем законодательстве (*Basilica*, *Synopsis major* и *Synopsis minor*). Однако постоянное включение постановлений об этих привилегиях во вновь появляющиеся законодательные сборники вовсе не свидетельствует о том, что они продолжали сохранять свою силу. Они не были отменены, но с течением времени императорская власть все более стремилась внести в них ограничения. Областная администрация, чутко реагируя на изменение курса императорской политики, редко считалась с этими постановлениями, нарушала привилегии церкви и духовенства, которые, таким образом, постепенно утрачивали силу закона. Интересные сведения о нарушениях привилегий духовенства мы встречаем в письме патриарха Николая Мистика (901—

⁶⁹ К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, стр. 100.

907, вторично 912—925) патрикию Филофею, в котором он жалуется на то, что клирики Никейской митрополии, в нарушение старых законов, призываются на военную службу⁷⁰. Нередко нарушались и старые привилегии церкви, освобождавшие от взноса денежных платежей с церковного имущества. Сведения об этом мы встречаем, например, в письмах Феофилакта Болгарского Торноскопулу, паниперсевасту Бриеннию, севасту Иоанну⁷¹.

К. Н. Успенский в своем исследовании об экскуссии-иммунитете утверждал, что в ранневизантийское время правовое положение церквей и монастырей было совершенно различное. Рассматривая законодательный материал, он указывал, что императорское правительство, начиная с IV в., не проявляло склонности ни расширять иммунитет церкви, ни неослабно стоять на страже его фактического соблюдения, а, наоборот, все время пыталось сузить состав изъятий, которыми пользовалась церковь⁷². Правомерен ли здесь термин „иммунитет“ по отношению к тем привилегиям, которые церковь получала в период поздней Римской империи и ранневизантийское время? И можно ли сравнивать этот „колеблющийся и засыхающий иммунитет церкви“ с „яркой, полной мощи экскуссией“ монастырей, как это делает К. Н. Успенский? В ранневизантийское время церковь не имела в Византии четко очерченного круга привилегий, как это было на Западе. Но и монастыри в это время находились в таком же положении. Сужались льготы не только церквам, но и монастырям. Еще задолго до иконоборческого движения византийские императоры пытаются приостановить рост монастырей. Маврикий ограничил в 593 г. право пострижения в монахи лиц, состоявших на государственной, особенно военной службе, чтобы поставить преграду уклонению от гражданских и военных обязанностей. Эта мера вызвала, правда, резкое сопротивление духовенства и даже вмешательство папы Григория I (590—604), и Маврикий пришлось отказаться от своего постановления.

Византийское правительство, предоставив привилегии церквам и монастырям, пытается затем принять все меры для ограничения этих привилегий. Круг этих привилегий не только не расширился, но, наоборот, сужался. И мы не видим никаких оснований считать эти привилегии монастырям за начало будущей экскуссии. „Иммунитет церкви, — пишет К. Н. Успенский, — и экскуссия монастырей жили и развивались рядом“⁷³. Но „иммунитет“ церкви испытывал тот же нажим императорской власти, что и монастыри, а утверждение К. Н. Успенского о наличии экскуссии в V—VI вв. не может быть принято. Экскуссия — явление гораздо более позднее и на условиях ее возникновения нам придется остановиться в дальнейшем изложении.

Новейшие исследователи-византинисты не занимались глубоким изучением византийского иммунитета. В этом отношении показательна работа Л. Брейе, специально посвященная учреждениям Византийской империи⁷⁴, где иммунитету не уделяется почти никакого внимания. В работе Г. А. Острогорского вопрос о византийском иммунитете также затрагивается лишь вскользь⁷⁵.

⁷⁰ PG, t. 111, epist. 110, col. 375—376: ... προς στρατιων κοσμητην καταλεγουται.

⁷¹ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. ЖМНП, ч. 202, 1879, апрель, стр. 421—426.

⁷² К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, стр. 115.

⁷³ Там же, стр. 116.

⁷⁴ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949.

⁷⁵ Б. Т. Горянов. Рецензия на статью Г. Острогорского „Византийские писцовые книги“ (Byzantinoslavica, IX, 2. Прага, 1948, стр. 203—206). Византийский Временник, т. III, 1950, стр. 276.

На вопросе о византийском иммунитете в последнее время останавливался советский исследователь А. П. Каждан⁷⁶. Однако, правильно отмечая, что содержание иммунитета составляли судебные и административные права феодала по отношению к зависимому населению⁷⁷, автор совершенно не вскрыл, в чем заключались эти права. Основной ошибкой автора является то, что он рассматривает иммунитет изолированно, вне связи с исследованием пронии, — основной формы византийского феодального держания. Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что передача феодалам поземельной подати и других налогов не создает налогового иммунитета⁷⁸. Как мы попытаемся показать, эта передача права взимания налогов феодалам является одним из основных следствий развития иммунитета в Византии.

Подводя некоторые итоги исследованиям в области изучения византийской экскуссии, мы можем отметить, как основной недостаток, что ее изучение происходило в отрыве от изучения других социально-экономических институтов византийского феодализма, главным образом пронии. По нашему мнению, характер экскуссии, ее возникновение и формы ее развития могут быть поняты лишь на фоне изучения всего хода развития византийского феодализма. Византийский иммунитет возник и развивался параллельно с возникновением и развитием византийской пронии. Поэтому и его изучение должно вестись параллельно с изучением византийской пронии. Следует отметить, что и на Западе развитой иммунитет был тесно связан с феодалом или леном, как в Византии с пронией.

Византийская прония возникла в результате борьбы крупного феодального землевладения, с одной стороны, против мелкого крестьянского землевладения, с другой стороны — против византийского централизованного государства. В XI—XII вв. крупное феодальное землевладение окончательно одерживает победу над централизованным государством. Этой победе предшествовала длительная и упорная борьба против крупного феодального землевладения со стороны императорской власти, хорошо отдававшей себе отчет в том, какую для нее опасность представляло усиление класса динатов.

Широко известны законодательные меры, которые принимали византийские императоры, начиная с Романа I Лекапина, против роста крупного феодального землевладения. Новелла от 922 г. этого императора восстановила старое преимущественное право соседей и лиц других категорий (*πρωτιμης*) при продаже крестьянской земли. Преимущественным правом покупки крестьянской земли по этой новелле пользовались родственники — бывшие совладельцы, другие совладельцы, собственники участков, смежных с продаваемой землей, собственники примыкающих участков, которые вместе с продавцом отвечали за налоги, и другие собственники примыкающих участков. Вслед за этой новеллой на протяжении всего X в. издавались законодательные акты, подтверждавшие новеллу 922 г. Мы знаем о таких повторных новеллах Романа I. Константин VII в 947 г. еще раз запретил покупку крестьянской земли и сделал категорические указания о беспрепятственном восстановлении незаконно приобретенной собственности.

Самый факт непрерывного повторения такого рода законодательных мер свидетельствует о том, что они давали мало эффекта. Буржуазная

⁷⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., М., 1952, стр. 95—100.

⁷⁷ Там же, стр. 96.

⁷⁸ Там же, стр. 97.

историография изображала это законодательство императоров Македонской династии как „меры в защиту крестьянского землевладения“. Такое представление об этом законодательстве мы встречаем в новейших работах буржуазных византистов, например у Ш. Диля, который расценивает эти законы как „заботы“ о мелком крестьянском землевладении⁷⁹. Между тем советские византисты показали, что аграрное законодательство X в. вызывалось крестьянскими движениями этого периода. „Заботы“ императоров Македонской династии проявлялись только тогда, когда они стремились к расширению своей социальной базы в борьбе с представлявшим для них большую опасность крупным феодальным землевладением.

Победа крупного феодального землевладения стала особенно очевидной, когда к власти пришел император Никифор Фока (963—969), представитель одной из знатнейших и экономически наиболее сильных магнатских фамилий Малой Азии. Представляя интересы земельной аристократии, Никифор Фока в новелле 967 г. отменил преимущественное право „убогих“ и стратиотов на приобретение земельных имуществ динатов.

Попытки сопротивления императорской власти росту крупного феодального землевладения мы встречаем и в более позднее время. Так, в 996 г. Василий II уничтожил сорокалетнюю давность, ограждавшую покупателей стратиотских и крестьянских участков, а в 1001/1002 г. законом об „аллиленгии“ сделал динатов ответственными за поступление налогов от несостоятельных париков, не имевших возможности выполнить свои платежные обязательства.

После смерти Василия II политика его преемников снова повела к усилению экономических позиций земельных магнатов. Ограничительные мероприятия прежних императоров отменялись. Так, при Романе Аргире (1028—1034) был отменен введенный Василием II закон об „аллиленгии“. Наконец, что является самым главным, в XI в., после смерти Василия II, широко распространяется раздача земель в пронии. Производя сначала раздачу земель в пронии из государственного земельного фонда, византийские императоры под давлением динатов перешли затем к широкой раздаче в пронии крестьянских земель. Этот процесс усиления крупного феодального землевладения сопровождался дальнейшим ростом закрепощения крестьянства.

Институт пронии получает особое распространение в XI в. Поэтому не является случайным тот факт, что византийская экскуссия впервые принимает четко очерченные формы также в XI в. Именно экскуссия способствовала превращению пронии из владения, жалуемого условно, на определенный срок, во владение, жалуемое с правом передачи его по наследству.

Прежде чем приступить к анализу документального материала, характеризующего развитие и характер экскуссии, нужно определить также ее основную роль как орудия внеэкономического принуждения, закабаления византийского крестьянства.

Как мы увидим ниже, экскуссия, ограждая монастыри и светских феодалов от вмешательства государственных чиновников, превращала их владения в замкнутые, почти независимые от центральной и областной властей, административно-хозяйственные округа и имела поэтому глубокое влияние на весь процесс феодализации Византии. Процесс развития экскуссии в Византии, как и иммунитета на Западе, приводил

⁷⁹ Ch. Diehl. Les grands problèmes de l'histoire byzantine. Paris, 1943, p. 96.

к смешению публично-правовых и частно-правовых отношений, превращал иммунитет в орудие внеэкономического принуждения, „концентрированного и организованного общественного насилия“, содействовал переходу класса крупных землевладельцев в привилегированную аристократию.

Внеэкономическое принуждение, закабаление крестьянства этим „организованным общественным насилием“, орудием которого в Византии, как и на Западе, был иммунитет, тесно связано с феодальным способом производства, с феодальной собственностью, главной формой которой в Византии была прония⁸⁰. Политическое господство и подчинение в процессе становления феодального общества развиваются в двух направлениях, причем возвышение политического господства класса крупных землевладельцев неизбежно влечет за собой подчинение зависимых людей на основе внеэкономического принуждения. Одной стороной этого процесса является формирование центральной власти, с другой стороны, политическая власть на базе иммунитета возникает и развивается в недрах усиливающейся феодальной вотчины⁸¹.

Как и на Западе, в Византии светские крупные землевладельцы и монастыри стремились не только добиться полного иммунитета, но и получить публично-правовые полномочия, благодаря которым они могли бы соединить в своих руках вотчинную власть феодала (*dominium*) с отдельными функциями центрального государственного управления⁸².

Государственная власть в Византии вынуждена была, особенно в позднее время, предоставить феодалам значительные судебные права, превратить иммунитетный суд в одно „из правомерно действующих маховых колес государственной машины“. Энгельс говорит об этом: „Король вынужден был возложить на крупных землевладельцев такую же ответственность за явку их свободных поселенцев в суд, в ряды войск и к исполнению прочих традиционных государственных повинностей, какая до сих пор лежала на графе за всех свободных жителей его графства. А это король мог сделать только путем передачи земельным магнатам части служебных полномочий графа по отношению к их поселенцам“^{83—84}. Как видно из указаний Энгельса, иммунитет приводил к присвоению крупными землевладельцами власти над частью государственных подданных⁸⁵, по отношению к которым они могли осуществлять внеэкономическое принуждение. Именно иммунитет превращал феодала в неограниченного распорядителя его зависимыми людьми, создавал условия для безграничного хозяйничанья „разбойничьего дворянства“.

При развитии феодализма в силу конкретно-исторических условий той или иной страны одерживает победу политическая власть вотчинников или центральная власть, создающая феодальную централизацию государства. Византия представляет собой яркий пример первого из этих явлений, при котором страна дробится на вотчины, обладающие полным иммунитетом, а всякая местная власть получает форму вотчинно-сеньориальной, самостоятельно осуществляющей внеэкономическое принуждение⁸⁶.

Нам сейчас необходимо рассмотреть византийскую экскуссию в том виде, как она предстает в документах XI в. Большинство сохранившихся актов об экскуссии относится к монастырскому землевладению. Акты

⁸⁰ А. И. Данилов. К вопросу эволюции фогства как одной из форм права феодальной собственности, стр. 140.

⁸¹ А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи, стр. 60.

⁸² Там же, стр. 90.

^{83—84} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 402—403.

⁸⁵ Н. С. Михаловская. Каролингский иммунитет, стр. 187.

⁸⁶ А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи, стр. 64.

об экскуссии светским землевладельцам, естественно, не могли сохраниться в таком количестве, как монастырские акты. Поэтому нам придется оперировать главным образом монастырскими актами, приводя параллели из документов, относящихся к светскому землевладению.

Одним из первых дошедших до нас хрисовулов, по которым жаловалась экскуссия, был хрисовул императора Константина IX Мономаха (1042—1054) от 1045 г. Новому монастырю (*Νέα μονή*) св. Марии на острове Хиосе⁸⁷. Уже в этом хрисовуле мы встречаем общее для документов такого рода указание о том, чтобы в монастыре ни теперь, ни в будущее время не появлялся никто из судей ради осуществления какого-либо судебного дела, а также никто из других должностных лиц ради осуществления над ним (монастырем) и находящимися в нем своей власти (*μη τινα δικαστην εις την δηλωθεισαν μονην περιεναи δικης οιασδητινος ενεχευ, μητε τι σύμβολον αρχικης δυναστείας κατ' αὐτης*)⁸⁸.

Однако эта формула не позволяет сделать вывод о том, что уже в это время в Византии имела место судебная экскуссия. Этот вид экскуссии появляется, как мы увидим, значительно позднее, когда он сочетается уже с оформлением определенного судебного аппарата вотчинной юстиции во владениях крупных феодалов. В хрисовуле Константина IX Мономаха мы встречаем чрезвычайно распространенное *expositio*, в котором дается подробное обоснование освобождения монастыря от вмешательства властей. В нем указывается, что жалуемые привилегии распространяются на те случаи, если кто-либо из властей, относящихся к областному или общегражданскому управлению, либо кто-либо из других должностных лиц (*τινά τῶν ἄλλων ἀρχόντων*) пожелал бы предпринять судебные действия (*βῆμα δικαστικόν τοῖς ἐνάγουσιν ἀναπτύσσειν*), либо привлечь в судилище (*καὶ καθέλκειν εἰς δικαστήριον*). Далее в хрисовуле содержится существо пожалования, которое начинается формулой *διὸ [καὶ] παρεγγυόμεθα καὶ πάντα ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων*. Вслед за этой формулой следует длинный перечень должностных лиц, которым предписывается не нарушать льготы, предоставляемые хрисовулом: *γενικῶν καὶ στρατιωτικῶν λογοδετῶν* (логофета общих дел и военного логофета), *τῶν ἐπὶ τῆς ἡμετέρας σακέλλης καὶ τοῦ βεσπιαρίου, οἰκονόμων τῶν εὐαγῶν οἰκῶν* (чиновников секрета, относившегося к императорским монастырям и богоугодным заведениям), *τῶν ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν* (чиновников императорских частных имуществ), *καὶ τῶν ἐφόρων τῶν βασιλικῶν κουρατορίων, εἰδικῶν, γηροτρόφων* (также относившихся к благотворительным учреждениям), *τῶν ἐπὶ τοῦ θείου ταμείου τοῦ Φύλακος*⁸⁹, *κουρατόρων τοῦ οἴκου καὶ λοιπῶν ταγματικῶν καὶ θεματικῶν ἀρχόντων, πρὸς τοῦτοις δρουγγαρίων τῆς βίγλης* (перечисление военных начальников), *κριτῶν πολιτικῶν καὶ θεματικῶν, ἐποπτῶν* (надсмотрщиков), *στρατευτῶν βασιλικῶν (ἀνθρώπων) εἰς τινὰς τοῦ δημοσίου δουλείας ἀποστελλομένων* (царских чиновников, посылаемых для исполнения поручений по сбору налогов), *πρωτονοταρίων, νοταρίων, συνωναρίων* (сборщиков *συνώνη*), *τοποτηρητῶν, παραφυλάκων καὶ παντός ἐτέρου δουλείαν τοῦ κοινοῦ μεταχειριζομένου*⁹⁰. На первый взгляд может показаться

⁸⁷ MM, V, p. 2—5. Cp. A. Vasiliev. On the question of Byzantine feudalism. Byzantion, VIII, 1933, p. 594; F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the International Committee of Historical Sciences, V, 1933, p. 8.

⁸⁸ MM, V, p. 3.

⁸⁹ В других хрисовулах (1074 г., MM, V, p. 138 и 1079 г., *ibid.*, p. 144) встречается чтение *ταμείον του φίσκου*, очевидно более правильное. Это учреждение, в отличие от сакеллы, осуществлявшей общий надзор за всеми финансовыми секретами, было государственным казначейством. См. Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 177, прим. 4.

⁹⁰ MM, V, p. 4.

странным, что в одном из самых ранних хрисовулов, в котором мы встречаем указание о льготах, предоставляемых монастырю, содержится такое подробное перечисление чиновников, коим запрещается доступ в его владения. Однако прежде всего необходимо отметить, что прямого запрещения доступа во владения монастыря мы в этом документе еще не встречаем. Мы видим в нем лишь перечисление должностных лиц, которым запрещается нарушать льготы, предоставляемые хрисовулами. Только благодаря анализу этого перечня мы можем установить, что он состоял в основном из лиц, ведавших сборами налогов или натуральными повинностями. Только косвенным путем, посредством восстановления функций перечисленных в хрисовуле чиновников, можно составить себе представление о характере предоставляемых льгот. Только этим можно объяснить такой подробный перечень должностных лиц в ранних хрисовулах. Становится понятным, почему в этом самом раннем хрисовуле нет обычной для более поздних хрисовулов экскуссии: ἐξουσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μητάτων... Следует отметить, что в другом, относящемся к 1079 г., хрисовуле тому же монастырю императора Никифора III Вотаниата (1078—1081) мы встречаем еще более широкий перечень должностных лиц. Здесь назван ряд должностей, которых нет в первом рассмотренном нами хрисовуле (καστροφυλάκων, καστροκτιστῶν, βεστιάριτῶν, μανδατόρων πρέσβεις ἀγόντων ἢ ἐξορίστους ἢ ἐθνικούς ἢ κατὰ τινα ἄλλην χρεῖαν διερχομένων, ἀναγραφῶν, ὠρευχρίων κτλ)⁹¹.

Из документов XI в. три хрисовула, пожалованных императором Никифором III Вотаниатом, относятся к 1081 г. Первый из этих хрисовулов был дан тому же Новому монастырю (Νέα Μονή) на острове Хиосе⁹². В нем так же как и в хрисовуле 1045 г. опущена первая часть формулы экскуссии ἐξουσευθήσεται δὲ καὶ ἀπὸ μητάτων. Хрисовул этот интересен тем, что в нем встречается выражение „жалуется полная экскуссия“ (ἐξουσεύσεια πλείων κευχάριστα)⁹³, причем тут же объясняется, что эта полнота льгот распространяется на всякую „тяжесть“ и всякое угнетение. В хрисовуле содержится упоминание, что он дается в подтверждение льгот, пожалованных прежними императорами Константином IX Мономахом (1042—1054), Исааком I Комнином (1057—1059), Романом IV Диогеном (1067—1071) и Михаилом VII Дукой Паррапинаком. Из всех документов, на которые ссылается Никифор III Вотаниат в хрисовуле 1079 г., до нашего времени дошел только хрисовул 1045 г. Это позволяет сделать одно важное замечание. В византийских документах в тех случаях, когда делаются ссылки на предшествующее законодательство, перечисляются обычно акты, относящиеся к весьма далекому прошлому. Тот факт, что самый ранний из упоминаемых в хрисовуле 1079 г. актов относится к 1045 г., позволяет сделать предположение, что до этого времени действительно не было актов, содержащих пожалование экскуSSIONНЫХ льгот, иначе они должны были сохраниться в памяти византийской императорской канцелярии.

Хрисовул 1079 г. — один из первых документов, в котором упоминается, что жалуемые льготы предоставляются на вечные времена. Это — дальнейшая вариация формулы ἀπὸ τοῦ καὶ εἰς τοὺς ἐξῆς ἀπαυτὰς καὶ διηνεχεῖς χρόνους, которую мы уже встречали в хрисовуле Константина IX Мономаха 1045 г.

К 1079 г. относится другой хрисовул Никифора III Вотаниата, пожалованный монастырю св. Иоанна Продрома в Стробеле. По этому

⁹¹ MM, V, p. 9.

⁹² Ibid., p. 8—10.

⁹³ Ibid., p. 8.

хрисовулу монастырь переводился на положение аутодеспотического, не подчиненного ни императорской, ни патриаршей либо епископской власти. В этом хрисовуле мы встречаем формулу *ἐξχουσσευθήσεται δὲ αὐτῇ τε ἢ μονῇ καὶ τὰ ὑπ' αὐτὴν ἀπὸ τε μιτάτων*. Непосредственно за этой формулой следует длинный перечень налогов, от которых освобождается монастырь. Ввиду того, что данный перечень является характерным для ранних хрисовулов, содержащих пожалование экскуссии, мы считаем необходимым привести этот перечень полностью: *ἐπιθέσεως μονοπροσώπων, ἀγορᾶς μουλαρίων, μεσομουλαρίων, βορδωνίων, μεσοβορδωνίων, ἵππων, παριππίων, ὄνοκηλονίων, ὄνοθελείων, φορβάδων, βοῶν ἐργατικῶν καὶ ἀγελαίων, χοίρων, προβάτων, αἰγῶν, ἀγελάδων, βουβαλίων καὶ λοιπῶν τετραπόδων, καστροκτισίαις, καπνικοῦ, οἰκομδοῦ, ἐξοπλίσεως πλοίων ἢ τοξοτῶν, παροχῆς χρειῶν τῶν χορηγουμένων δικασταῖς ἢ πράκτορσιν, ἐξωνήσεως σίτου, οἴνου, κριθῶν, βρώμου, ἐλαίου, ὄσπριου καὶ παντοίων σπερμάτων, κοπῆς καὶ καταβίβασμου οἰασθητικῆς ξυλῆς ἢ μετακομιδῆς ἐτέρου εἶδους, πρίσεως σάνιτων, κτίσεως χελωνῶν, ἀγγαρίων, ζερμάνων καὶ ἐτέρων πλοίων, ἐκβολῆς κονταράτων ἢ ἐτέρων στρατιωτῶν, καθίσματος τῶν ἐν ὑπεροχῇ ἀρχόντων, κριτῶν, στρατηγῶν, ἀναγραφείων, ἐπόπτων καὶ λοιπῶν ἀπαιτητῶν, παροχῆς κανισκίου ἢ ἀντικανισκίου, ἐκβολῆς χρειῶν καὶ χορτασμάτων, φοσσάτων διατροφῆς καὶ ἀπλήκτων ἐπὶ πόλεμον ἀπιόντων ἢ ὑποστρεφόντων, μιτάτων ἀθανάτων ἢ τοποτηρητῶν τούτων καὶ ἐθνικῶν ἢ ἄλλων τινῶν, πρωτοκεντάρων ἢ προσελευσιμαίων, μανδατόρων πρέσβεις ἀγόντων ἢ ἐξορίστους ἢ κατὰ τινα ἄλλην χρεῖαν διερχομένον, παροχῆς γεννήματος ἐξ ἀγορᾶς γεγεννημένου, ἀγγαρείαις, παραγγαρείαις καὶ λοιπῆς ἐπηρείαις*⁸⁴.

Таким образом, в этом длинном списке хрисовул освобождал монастырь от поставок домашних животных, причем, не довольствуясь их перечислением, добавлял *καὶ λοιπῶν τετραπόδων*, от градостроительства, строительства судов всех видов (*καὶ ἐτέρων πλοίων*), кормления судей и практоров, рубки дров, поставки зерновых культур и ряда налогов. Мы увидим далее, что, чем к более позднему времени относятся хрисовулы, тем шире представлен в них список налогов, от которых освобождается жалуемый монастырь или светское лицо. В этом хрисовуле мы снова встречаем формулу *διὸ παρεγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων*, вслед за которой идет аналогичный уже рассмотренным нами перечням список должностных лиц, на которых распространяется действие данного хрисовула.

К тому же 1079 г. относится и еще один хрисовул Никифора Вотианиата. Некий монах Арсений Скенурий построил две келии на горе Дикее на острове Кос, в которых поселились монахи. В хрисовуле содержится ссылка на просьбу Арсения Скенурия о пожаловании экскуссии основанной им обители⁸⁵. На основании этой просьбы император жалует новой обители освобождение от налогов и повинностей. В хрисовуле мы встречаем список этих повинностей, несколько расширенный по сравнению с уже рассмотренными нами перечнями, хотя встречающиеся в этом списке изменения вносят мало нового в обычную форму. Тем не менее следует отметить, что эти наиболее ранние хрисовулы не имеют определенной, установившейся для этого периода формы, как это считал К. Н. Успенский.

Ко второй половине XI в. относится также несколько других хрисовулов, в частности хрисовул Алексея I Комнина (1081—1118) от 1087 г.⁸⁶ По этому хрисовулу монаху Христовулу жаловался небольшой

⁸⁴ MM, VI, p. 20—21.

⁸⁵ Ibid., p. 22.

⁸⁶ Ibid., p. 25—28.

остров (νησίδιον) Липсос и половина местности Пектемея на острове Лерос в пользу монастыря Пантенопта. Мы встречаем в этом хрисовуле термины экскуссионных грамот, которые впоследствии широко войдут в обиход языка императорской канцелярии. В нем говорится, что жалуемые владения должны быть безопасны и нетревожимы. В этом хрисовуле содержится в несколько измененном виде формула пожалования экскуссии, распространяемая на все жалуемые владения: . . . ἐξκουσσευθήσονται ἀπαξᾶπαντες διὰ τῆς παρούσης χρυσοβούλλου γραφῆς ἀπὸ τε μιτάτων, вслед за которой снова повторяется широкий перечень привилегий, жалуемых монастырю, сопровождаемый уже знакомым нам перечнем должностных лиц.

К 1088 г. относятся два хрисовула Алексея I Комнина, свидетельствующие об особом покровительстве императора Христодулу, которому жаловались большие владения и предоставлялись широкие привилегии. По первому из этих хрисовулов Христодулу жаловался остров Патмос и владения основанного там монастыря давались права экскуссии. В этом хрисовуле подробно перечисляется, от постоя каких властей и войск освобождается данный монастырь: ἐξκουσσευθήσεται μέντοι ἢ τε ῥηθείσα ἅπαντα νήσος καὶ αὐτὴ ἡ μονὴ μετὰ τῶν ὑπ' αὐτὴν πάντων ἀπὸ τε ἀρχόντων τετρακτικῶν καὶ θεματικῶν, ῥωμαϊκῶν τε καὶ παρραταγῶν καὶ ἐθνικῶν ἔτι τε Ῥώσων, Βαράγγων, Κουλίγγων, Ἰγγλίνων, Ἀλανῶν, Ἀβασγῶν, ἀθανάτων καὶ λοιπῶν Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν (освобождается . . . от постоя властей, служащих в тагмах и фемах, ромейских, вспомогательных и наемных войсках, и еще россос, варягов, колпингов, англов, франков, немцев, болгар, сарацин, алан, абхазцев и всех остальных, ромейских и наемных). В этом хрисовуле более подробно перечисляются налоги, от которых освобождался монастырь: προσόδου ἀερικοῦ (подушной подати), κλπικῶν (подымных сборов), ἀερικοπρατῶν, κομοδρομικοῦ (почтового сбора), συνώνης, καστροκτισίας (постройки укреплений), ὁδοστρωσίας (починки дорог), γεφυρῶν (мостов), παροικιατικοῦ (паричской подати), ἐννομίου (пастбищного сбора), Φραγγομιτάτου, φραγγετικοῦ, σιδήρου ἢ καρφοπετάλων καὶ μαζίου (дачи железа и гвоздей дляковки лошадей), ἐκβολῆς χειρῶν τῶν χρηγουμένων δικασταῖς πράκτορσιν ἢ ἐτέροις ἄρχουσι, δουξί, κατεπάνοις, στρατηγοῖς, ἀπαιτηταῖς καὶ λοιποῖς πρέσβουσιν ἐθνῶν διερχομένοις ἢ καὶ στρατιᾷ τινι (выдачи припасов, доставляемых судьям или практорам или другим властям, дукам, катепанам, страстигам, сборщикам и прочим проходящим послам народов), ἐκβολῆς χορτασματῶν (выдачи сена). Далее упоминается об освобождении от дачи продовольствия протокентархам, курьерам, сопровождающим послов . . . царским чиновникам (βασιλικῶν ἀνδρώπων), посылаемым с каким-либо поручением. Остальные льготы — освобождение от поставки растительных продуктов, принудительной продажи зерновых культур, рубки леса, постройки судов, постоя различных чиновников — аналогичны тем, которые мы уже встречали в рассмотренных хрисовулах⁹⁷.

В том же 1088 г. был издан другой хрисовул Алексея I Комнина⁹⁸, который снова подтверждал права, пожалованные монастырю на острове Патмос. Этот „подтвердительный“ хрисовул содержит лишь общие формулы об освобождении от всяких тягот, и указание, чтобы монастырь не подвергался притеснениям от кого бы то ни было в отношении налоговых повинностей (δημοσιακοῦ λειτουργήματος).

Мы рассмотрели основные византийские экскуссионные грамоты, которые дошли до нашего времени от XI в., когда складывались элементы византийской экскуссии. На основании анализа этих грамот

⁹⁷ MM, p. 47.

⁹⁸ Ibid., p. 53—55.

можно сделать некоторые выводы. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что мы имеем дело почти исключительно с монастырскими актами, что для этого времени мы располагаем лишь единичными актами об экскуссии, пожалованной светским землевладельцам. Между тем, как мы это видели ранее, к этому времени относятся уже акты о пожаловании земельных владений в пронию. Это свидетельствует о том, что светская экскуссия, в значительной степени способствовавшая развитию пронии, хотя и возникает одновременно с ней, но как институт развивается позднее.

Рассмотренные первые хрисовулы о монастырской экскуссии имеют определенную форму. Мы видим в них длинное и многоречивое вступление (*prooemium*), затем не менее распространенное *narratio* и *dispositio*, выраженные цветистым языком, обычным для актов византийской императорской канцелярии этого времени. Характерной особенностью этих ранних хрисовулов является наличие в них, за редкими исключениями, на которые мы уже обращали внимание, формулы пожалования привилегий. Вслед за *dispositio* мы встречаем формулу *ἐξουσιουθήσεται... ἀπὸ τῶν μιτάτων*, после которой идет довольно длинный и подробный перечень повинностей, от которых освобождается монастырь, получающий экскусионную грамоту, непосредственно вслед за этим идет другая часть формулы экскуссии *διὸ παρεγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα*, за которой следует перечень должностных лиц. Как перечень налогов и повинностей, так и перечень должностных лиц не являются в этих хрисовулах стабильными. Хотя и незначительно, но они отличаются друг от друга. Однако общая тенденция ранних хрисовулов заключается в том, чтобы дать возможно более полный перечень должностных лиц. Далее, в ранних хрисовулах XI в. еще не встречается прямого запрещения доступа должностных лиц во владения монастыря, обладавшего иммунитетной грамотой. О запрещении доступа можно заключить только косвенным путем, и не во всех случаях можно быть уверенным, что это воспрещение имелось в виду составителями хрисовулов. Оформление этого запрещения, его превращение в сложившийся институт мы встречаем в более позднее время. Судебная экскуссия — также явление более позднего времени, ее следов в ранних хрисовулах мы не находим. Отсутствие упоминания в хрисовулах XI в. о воспрещении доступа должностных лиц некоторые исследователи объясняли тем, что составители хрисовулов не находили нужным указывать существо экскуссий, считая его известным, и писали, что лицо, получившее экскуссию, должно было пользоваться льготами „вообще сообразно с существом экскуссии“ (*κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξουσιείας κεφάλαιον*)⁹⁹. Однако нет оснований объяснять отсутствие упоминания о воспрещении доступа должностных лиц в хрисовулах XI в. ссылкой на общую, широкую формулировку понятия экскуссии, якобы предполагавшуюся известной, так как такая формулировка встречается лишь в более поздних актах XII—XIV вв.¹⁰⁰, в документах же XI в. мы его не видим.

(Продолжение в следующем томе)

⁹⁹ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, стр. 14—15.

¹⁰⁰ Мы даем датировку документов, на которые ссылается П. А. Яковенко: MM, VI, р. 4—5, 21 относится к 1235 г.; MM, V, р. 276 — к 1364 г.; MM, VI, р. 105 — к 1145 г.

А. С. ТВЕРИТИНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ
ПЕРВОГО АНТИФЕОДАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЦИИ

Бесконечные междоусобные войны малоазиатских феодалов в период после нашествия Тимура (1402) всей своей тяжестью легли на плечи крестьянских масс, которые подвергались жестокому ограблению отрядами воюющих между собой эмиров и наследников султана. В связи с этим как сельскому, так и городскому населению приходилось выполнять многочисленные и тяжелые повинности в пользу феодальных владетелей, требовавших средств на содержание своих военных дружин. В некоторых хрониках XV в. получили отклик жалобы народных масс на ухудшение их положения. Так, в одной из них мы встречаем выражение недовольства по поводу того, что казна султана стала расти за счет увеличения поборов с народа. По мнению летописца, это было результатом „жадности“ многих сановников. „А там, где появляется жадность, — заключает он, — там и притеснения. Иначе не бывает“¹.

„Во времена Османа, — узнаем мы из другого источника, — были распределены земли, которыми владели реая, служившие своим господам. Теперь этот закон нарушен. С них (с крестьян. — А. Т.) снова взяли тапу (плата за право пользования землей. — А. Т.) и собрали большие суммы... и это стало постоянным явлением...“².

Такого рода жалобы, несомненно, являлись выражением растущего недовольства народных масс усиливающимся феодальным гнетом. Это недовольство народа вылилось в открытое выступление в 1410 г., когда жителями одной из деревень Южной Фракии был убит сын султана Баязида — Сулейман. По этому поводу в хронике сообщается: „Этот народ убил эмира Сулеймана для того, чтобы стало спокойнее. Потому что как только (беи) пойдут друг против друга, — народу от этого — притеснения. Потому-то они его схватили и уничтожили. Они считали, что спасут себя от беды, однако попали в еще большую“³.

Когда брат Сулеймана — Муса Челеби — узнал о том, что случилось с эмиром Сулейманом, он прибыл в упомянутую деревню и сжег жителей ее в их домах, говоря, — пусть другие не осмелятся поднимать руки на падишахов⁴.

¹ Турецкая анонимная хроника *تواریخ آل عثمان* — Рукопись Готской библиотеки, № Т. 149, л. 14-а.

² F. Babinger. Die Chronik des Qaramani Mehmed paša. Mitteilungen zur osmanischen Geschichte (MOG), Bd. II, Hft. 3—4, Wien, 1926, S. 245 — 245.

³ Турецкая анонимная хроника, Ук. ркп., л. 27-а.

⁴ Там же.

Таким образом, несмотря на междоусобия и раздоры между сыновьями Баязида и другими бейами, их классовая политика основывалась на общем и едином принципе — они принимали все меры к тому, чтобы держать в повиновении народные массы.

Мехмед I, вышедший победителем из длительной междоусобной борьбы с братьями и ставший султаном, продолжал вести непрерывные войны с отдельными анатолийскими эмирами, стремясь добиться признания своей верховной власти. Особенно упорной была борьба с эмиром Карамана, который, воспользовавшись тем, что Мехмед со своим войском переправился в Румелию, снова двинулся к Бурсе, грабя и разрушая все встречавшиеся на пути селения⁵. Разбив войска караманского бейа и уничтожив последнего, Мехмед предпринял поход в Валахию, жители которой вели упорную борьбу против обложения их данью. Силою оружия Валахия была усмирена. Султанские войска вернулись из этого похода с большой добычей и множеством пленных рабов⁶.

Вслед за тем Мехмед со своими войсками снова оказывается в Анатолии, в районе Токата и Кастамону, откуда было совершено завоевание крепостей Самсун и Джанык. В результате всех этих завоеваний приближенный султана и военная знать поделили захваченные земли. Сидящие на этих землях крестьяне обязывались выполнять разнообразные повинности в пользу землевладельцев.

Расширение Османских владений и упрочение позиций феодальных владетелей, с которыми было связано усиление эксплуатации крестьянства, и явилось причиной первых в истории Османского государства антифеодальных восстаний, охвативших во втором десятилетии XV в. значительные районы Малой Азии и балканских владений турецких султанов.

Восстаниями были объаты районы, более всего подвергавшиеся феодальной междоусобицам и нашествиям турецких войск. Жители этих районов испытывали особенно жестокий гнет турецких феодалов. Главными очагами антифеодальной борьбы крестьян явились поэтому Западная Анатолия (Айдын, Маниса), а также Валахия и юго-восточные районы Болгарии. В этих восстаниях объединились народы, различные по своей этнической принадлежности и религиозным воззрениям, что свидетельствовало об одинаково тяжелой участи всех, кто попадал под палу турецких феодалов.

Глубокий протест народных масс против режима, установленного турецкими феодалами, выразился в создании особого религиозно-сектантского учения, которое объединило как мусульман, так и христиан под лозунгом всеобщего имущественного равенства и единобожия. Типичная для феодального времени религиозная оболочка этих восстаний не может скрыть их глубокой социальной основы.

В буржуазной историографии не вскрывается социальная сущность этих восстаний; на первый план выдвигаются религиозные лозунги движения и только в религиозных распрях усматривается причина народных восстаний. Поскольку по вопросу об этих движениях имеется довольно значительная литература, то очень важно разобраться в ней и дать ей должную оценку.

Народное движение в Османском государстве в начале XV в. получило у современников широкую известность, и сведения о нем проникли почти во все повествования, отражающие события того вре-

⁵ تواريق آل عثمان — قوجه حسين — Рукопись ИВ АН СССР, № С. 564, л. 144 (далее: Коджа Хюсеин).

⁶ Коджа Хюсеин, л. 146-6.

мени, не только турецких, но и византийских, а также персидских авторов. Как современники, так и позднейшие авторы во всех этих событиях на первое место выдвигали в качестве идейного руководителя восставших известнейшего в то время ученого-суфия шейха Бедреддина, приписывая ему, как создателю религиозно-мистического учения, главенствующую роль в движении. Буржуазные исследователи истории Турции, знакомясь с источниками, разумеется, не могли пройти мимо всех многочисленных сообщений о шейхе Бедреддине и о вызванном будто лишь под влиянием его учения широком религиозно-сектантском движении.

Первым, кто суммировал сведения о шейхе Бедреддине и его учении, о действиях Мустафы Бёрклюдже и Торлака Кемала, как сподвижников Бедреддина, был Иозеф фон Гаммер, автор фундаментальной „Истории Османского государства“. Не вдаваясь в анализ причин и характера движения, которое он назвал „восстанием дервишей“, Гаммер свел воедино сведения из привлеченных им источников — сочинений турецких авторов XV—XVI вв. — Нешри, Ашикпашазаде, Мустафы Аали, Садеддина, курда Идриса Битлисского, писавшего по-персидски, и исторической хроники византийца Дуки⁷. Отмечая, что „это восстание было одним из наиболее опасных движений, возникших в Османском государстве“, Гаммер подчеркивает, что „под покровом фанатического религиозного верования в нем скрывались мятежные цели“⁸. По его мнению, тайная цель учения Бедреддина состояла в том, чтобы „установить (собственное) господство в Азии и в Европе“⁹, и именно для осуществления этого он стремился привлечь на свою сторону греков. Гаммер рассматривает далее это восстание как последнее яркое проявление тех религиозно-мистических сектантских движений в исламе, участники которых выступали в разное время под наименованиями карматов, исмаилитов и т. п. Уничтожение Бедреддина, Бёрклюдже и Торлака Кемала спасло, по его мнению, Османскую империю от огромной опасности¹⁰. Все эти выводы Гаммера не подкрепляются сколько-нибудь убедительными доказательствами источников. Да они и не были результатом проделанных автором серьезных изысканий. Этой задачи он, повидимому, перед собой и не ставил.

Таким образом, в изложении Гаммера, все движение, носившее будто бы чисто религиозный характер, было связано не столько с конкретной исторической обстановкой, сложившейся в тот период во владениях Османского государства, сколько с религиозно-сектантскими традициями, будто бы господствовавшими искони в мусульманском мире. При таком освещении событий, разумеется, социальный характер их остается не раскрытым, и с этой точки зрения сообщение Гаммера представляет для нас интерес лишь как известная историческая справка.

Издавший через 13 лет после появления труда Гаммера первый том своей „Истории Османского государства в Европе“ Иоганн Вильгельм Цинкайзен, с точки зрения фактического материала, не смог добавить ничего нового¹¹. При описании восстания Бедреддина, Цинкайзен

⁷ J. von Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I, Pest, 1827, S. 375—381.

⁸ Ibid., S. 375.

⁹ Ibid., S. 376.

¹⁰ Ibid., S. 380—381.

¹¹ J. W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, Bd. I, Hamburg, 1840, S. 473—482.

использовал в качестве источников только латинский перевод турецкой хроники Садеддина, сделанный Левенклау (издан. в 1596 г. во Франкфурте), и византийскую хронику Дуки. Определяя характер этого движения и значение его для дальнейших судеб Османского государства, Цинкайзен писал: „Это было гораздо более серьезное событие, чем борьба с туркменскими князьями и Византией, наносившее не только моральный, но и материальный ущерб Османскому государству“¹². По мнению Цинкайзена, это восстание, носившее религиозный характер, „под которым скрывались, возможно, и политические цели“, было интереснейшим событием периода первоначального развития Османского государства. Главное его значение автор видел в том, что оно явилось будто бы выражением обнаружившегося в османском народе „духовного раскола“. Этот раскол, полагал Цинкайзен, имел огромное влияние и на дальнейшее развитие государства. Все последующие выступления против верховной власти, когда бы и в какой бы форме они ни происходили, неизменно носили в себе отголоски этого „духовного раскола“, начало которому было положено учением Бедреддина¹³. В заключение автор замечает, что в этом восстании представляет интерес не только самый его характер, но и те методы, с помощью которых султанской власти удалось уничтожить эту колоссальную опасность как для османской династии, так и для будущего Османского государства в целом¹⁴.

Повторение основных положений Гаммера и Цинкайзена об исключительно религиозном характере восстания Бедреддина мы находим и в вышедшей в 1854 г. объемистой истории Турции А. Ламартина¹⁵.

Весьма краткие сведения самого общего характера сообщает в своей работе известный румынский историк Н. Йорга¹⁶, который также целиком придерживается того мнения, что движение носило лишь религиозный характер, и только религиозными проповедями бесчисленные проповедники привлекали к участию в восстании окрестных крестьян¹⁷.

Таким образом, можно отметить, что в основных работах общего характера по истории Османского государства западные буржуазные авторы сосредоточили внимание на событиях, связанных с именем Бедреддина; они дали направление изучению восстания как движения исключительно религиозного, связанного с возникновением в Турции своеобразного „духовного раскола“, и рассматриваемого в абсолютном отрыве от внутренней социально-экономической и даже политической обстановки в Османском государстве в этот период. Турецкие историки конца XIX — начала XX в. в своих общих работах по истории Османского государства в этом вопросе, как и во многих других, целиком следовали за Гаммером и прочими европейскими авторами¹⁸. Эта точка зрения остается господствующей в полной мере и в специальных исследованиях позднейшего времени, когда буржуазные историки, разрабатывая эту тему, стали проявлять все больший интерес к изуче-

¹² J. W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I, S. 437.

¹³ Ibid., S. 474.

¹⁴ Ibid., S. 481—482.

¹⁵ A. Lamartine. Histoire de la Turquie, t. II. Paris, 1854, p. 398—407.

¹⁶ N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I. Gotha, 1908, S. 370, 374—375.

¹⁷ Ibid., S. 370.

¹⁸ См., например, наиболее полную из этих работ: احمد راسم — عثمانلى تاريخى — т. I. Стамбул, 1328/1910, стр. 135—136.

нию истории ислама и религиозных течений в Малой Азии. Главное место в исследованиях этого рода стала занимать личность шейха Бедреддина, а также вопрос о сущности его религиозно-мистического учения.

Первую специальную и очень серьезную работу о шейхе Бедреддине издал в 1921 г. Франц Бабингер¹⁹. С первых же слов своего исследования Бабингер заявляет, что эта тема заинтересовала его именно как один из ярких эпизодов религиозных движений, которыми так богата история османских турок и изучение которых он считает существеннейшей обязанностью историка. Вместе с тем он отмечает, что видный немецкий турколог И. Мордтманн рекомендовал ему обратить внимание на изучение и социальных основ этого движения²⁰. Бабингер предпосылает своему исследованию краткую главу о состоянии Османского государства в начале XV в. В этом разделе работы²¹ автор отмечает чрезвычайно сложную обстановку, создавшуюся для османских правителей в Малой Азии после тимуровского нашествия. Им приходилось вести ожесточенную борьбу с местными феодальными князьями — эмирами Карамана, Айдына, Кастамону и др., стремившимися во что бы то ни стало сохранить свою самостоятельность. В это же время осложнилась обстановка для османов и в Румелии, усилилась активность Византии, направленная против турецких завоевателей, причиняли заботы не желавшие подчиниться турецким султанам Босния, Валахия и др. „Повсюду, — писал Бабингер, — были открытые восстания и сопротивление османскому главенству“²².

По мнению Бабингера, население Малоазиатского полуострова, особенно его западного побережья, представляло собой в значительной части омусульманенное, но отнюдь не отуреченное, греко-византийское население. „Живой образ мыслей, духовная подвижность, горячий нрав, свойственные этому народу, являлись резкой противоположностью беспомощной, примитивной, чуждой хоть какой-нибудь духовной подвижности натуре жителя внутренних областей. Там еще не было и зародыша основы духовной жизни оседлых. Народ нес тяжелую военную службу, был привязан к земле. Вместе с тем ему не позволялось (в мирное время. — А. Т.) носить оружие и он не принимал никакого участия в осуществлении высоких целей человечества“²³. Уверая, что этому народу якобы были свойственны „врожденная тупость и наследственное рабское мышление“²⁴, автор именно в этих качествах его видел причину того, что как проповеди ортодоксального суннитского ислама, так и проповеди шиизма являлись, пожалуй, в одинаковой степени безразличными для него. Вместе с тем, Бабингер отмечает, что многие эмиры Малой Азии, как, например, Айдын оглу, были прямыми приверженцами шиизма. Именно вследствие склонности многих эмиров к шиизму и полного безразличия основной массы населения внутренних областей Анатолии к вопросам религии, различного рода проповедники шиизма, суфизма и т. п. пользовались здесь полной свободой действия. Суфии находили хороший прием даже при дворе османских султанов. „Суфизм ставил выше всего требования мышления и духовного движения, что

¹⁹ F. Babinger. Scheich Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simav. „Der Islam“, 1921, Bd. XI, S. 1—106.

²⁰ Ibid., S. 1.

²¹ Ibid., S. 4—19.

²² Ibid., S. 10.

²³ Ibid., S. 12.

²⁴ Ibid., S. 11.

лежит в основе арийской природы персов и что так чуждо консервативным и тупым туркменам“²⁵.

Изобразив в таком неприглядном виде население внутренних областей Малой Азии, Бабингер, как ему представляется, обосновал тем самым „законное“ исключение его из числа активных участников восстания, которое оказывалось-де не по их умственному и духовному развитию. Главным действующим лицом в восстании в результате этого у него остались проповедники-дервиши, носители будто бы более „высокой“ духовной культуры, распространявшейся из арийского Ирана и уходящей корнями в различного рода религиозные движения более отдаленного времени. Проповедники-дервиши с большей легкостью находили себе приверженцев среди жителей прибрежных областей, где сказывалось влияние и греко-византийского населения, которому еще были близки идеи древнехристианского „коммунизма“.

Далее, сообщив биографические сведения о шейхе Бедреддине²⁶, собранные из источников, Бабингер приводит отрывки из хроник анонимных авторов, Мухиэддина, Ашикпашазаде, Нешри, Идриса Битлисского, Лютфи паши и византийца Дуки²⁷.

На основании этих источников Бабингер составил сводное описание общего хода событий²⁸ и кратко изложил учение шейха Бедреддина в том виде, как оно было передано мюридом шейха Мустафой Бёрклюдже.

Рассматривая вопрос о происхождении религиозно-коммунистических идей в учении шейха Бедреддина и Бёрклюдже, Бабингер утверждает, что эти идеи явились отголоском распространенного в Малой Азии с древнейших времен учения о братстве, миролюбии и взаимопомощи; учение это имело хождение и во всех мусульманских странах, выражаясь в сектантских движениях карматов, исмаилитов и т. п. Малая Азия, по мнению Бабингера, является классической страной смешения различных религиозных верований, поэтому не должны вызывать удивления и мотивы пантеизма — призывы к религиозному единению мусульман и христиан, которыми полны проповеди Бёрклюдже²⁹.

Вожди религиозных движений в исламе, — заявляет Бабингер, — как правило, преследовали и политические цели. Выступая в роли лжепророков, они стремились к захвату политической власти. Те же мотивы руководили деятельностью шейха Бедреддина и его приверженцев. Именно поэтому Бедреддин искал союза с наиболее открытыми противниками османов в тот период — правителем Айдына Джунейдом и правителем Кастамону Исфендияром, с господарем Валахии Мирчем, с рыцарями и монахами Хиоса³⁰. Конечная цель Бедреддина состояла в том, чтобы захватить политическую власть³¹. В заключительных разделах своей работы Бабингер рассматривает вопрос о многочисленных, как он полагает, религиозных выступлениях в Малой Азии в позднейшее время: он считает их отголосками восстания шейха Бедреддина, идеи которого продолжали жить в проповедях анатолийских суфиев.

Таким образом, даже в изображении такого серьезного исследователя, каким является Бабингер, восстание шейха Бедреддина ни в коей

²⁵ F. Babinger. Scheich Bedr ed-din..., S. 15.

²⁶ Ibid., S. 19—25.

²⁷ Ibid., S. 25—55.

²⁸ Ibid., S. 55—64.

²⁹ Ibid., S. 64—78.

³⁰ Ibid., S. 67.

³¹ Ibid., S. 71—72.

мере не представляло собой движения народных масс: последние, как якобы духовно не созревшие для участия в подобного рода движениях, априори исключаются из этого восстания. Автором лишь в известной мере принимается в расчет политическая враждебность малоазиатских эмиров, Византии и некоторых балканских правителей к османским султанам. Эта политическая борьба будто бы и была использована Бедреддином и его приверженцами для достижения тех целей, которые выдвигала перед ними религиозная доктрина дервишей. Как следует из работы Бабингера, это религиозное мировоззрение не было порождением конкретно-исторической обстановки в Османском государстве того времени, а оказалось привнесенным извне, как некое саморазвивающееся и независимо от исторических условий существующее духовно-религиозное воззрение, бытующее на Востоке с незапамятных времен. Мы видим, что в этом отношении точка зрения Бабингера полностью совпадает с рассмотренными выше идеалистическими концепциями других авторов.

Мы не отрицаем полностью того факта, что сходные конкретные условия развития феодальных отношений в тех странах Ближнего Востока, где господствовала одна и та же мусульманская религия, могли способствовать и иногда способствовали распространению там сходных по форме идеологических учений, в большей или меньшей степени направленных против феодальных порядков и содержащих в себе идеи общности владения землей и орудиями труда, отказа от накопления богатства и от прочих благ мирского существования. Однако вместе с тем известно, что конкретные условия всегда порождали своеобразные формы выражения этих идей и разные методы борьбы народных масс за их осуществление³². Поэтому изучение конкретной исторической обстановки, породившей данное движение и его идеологические формы, должно всегда быть неразрывно связано между собой.

В 1922 г. известный турецкий буржуазный историк Мехмед Кёпрюлю в своей рецензии на работу Бабингера о шейхе Бедреддине³³, отмечая как положительное явление опубликование исследования по истории религиозного движения в Малой Азии, вместе с тем поставил в укор автору то обстоятельство, что он недостаточно связывает это восстание с религиозно-сектантскими движениями предыдущих времен. По мнению Кёпрюлю, „религиозное движение в Малой Азии, длившееся веками (!), мы должны рассматривать не само по себе, изолированно, а как продолжение единой цепи явлений, как историю возникновения орденов и сект, появившихся там с момента ее завоевания сельджуками и связанных с весьма распространенными организациями календери, хайдери, бабаи, ахи, йесеви, мевлеви, бекташи и т. д.“³⁴. Кёпрюлю утверждал, что невозможно писать историю религиозных движений в Малой Азии, не показывая истории развития, например, дервишского ордена календери в Хорасане вплоть до позднейшего распространения его в Египте, Сирии, Индии, Афганистане, Иране и Малой Азии³⁵.

³² Это положение подтверждается многочисленными свидетельствами о народных движениях не только в Малой Азии (восстания, руководителями которых выступали Шах-кулу, Нур Али, Джелаль, Зуннун-оглу, Календер-оглу, Кара Языджи и мн. др.), но и в Иране, Средней Азии.

³³ Köprülü zade Mehmed Fuad. Bemerkungen zur Religionsgeschichte Kleinasiens. MOG, Bd. I, Hft. 3, S. 203—222.

³⁴ Ibid., S. 204.

³⁵ Ibid., S. 298.

Таким образом, М. Кёпрюлю искал — и притом даже еще в большей мере, чем Бабингер, — причины восстания шейха Бедреддина не в окружающей исторической обстановке, а в самостоятельном внутреннем развитии религиозно-сектантских воззрений. Эти воззрения, как заявлял Кёпрюлю, были распространены по всему Востоку, и возникновение их в Османском государстве поэтому не могло иметь самостоятельного характера. В своей работе „Ислам в Анатолии“, опубликованной в том же 1922 г., Кёпрюлю так и заявил, что все религиозные движения в Анатолии и в Западном Иране были связаны с религиозными учениями дервишских орденов хайдарие и календерие, возникшими задолго до сельджукских завоеваний на западе³⁶. В той же работе Кёпрюлю определил участников восстания шейха Бедреддина лишь как приверженцев мистического религиозного верования, прямых последователей различного рода проповедников раннего периода³⁷.

В 1925 г. в Стамбуле турецкий историк Мехмед Шерифеддин опубликовал новую работу о шейхе Бедреддине³⁸. Эту работу, пожалуй, следует определить не как исследование о шейхе Бедреддине, а как систематически изложенный материал к его биографии. Для того, чтобы собрать этот материал из многочисленных источников (турецких, арабских, персидских и византийских), автору, как и Бабингеру, пришлось проделать очень большую изыскательскую работу. Большую ценность представляют также приведенные им выдержки из неопубликованного сочинения Бедреддина („Постижение [истины]“), характеризующие философско-религиозные воззрения шейха. Точно так же, как и Бабингер, М. Шерифеддин публикует в подлиннике или в турецком переводе отрывки из персидских, арабских и византийских источников, содержащие сведения о Бедреддине и о восстании. Как собрание материалов и документов, работа М. Шерифеддина представляет собой большой интерес и значительную ценность. С этой точки зрения она и может быть использована исследователями, занимающимися историей восстания шейха Бедреддина. Однако поскольку М. Шерифеддин связывает все события лишь с личностью Бедреддина и созданным им религиозным толком, — напрасно мы бы стали искать в его материалах данные для характеристики социально-экономической обстановки в турецких владениях в этот период. Такие данные для буржуазного историка М. Шерифеддина интереса не представляли.

Известный турецкий буржуазный историк Ахмед Рефик (умер в 1937 г.) в своей работе „Рафизитство и бекташизм в османскую эпоху“³⁹ рассматривает два основных направления в истории религиозно-сектантских движений при османах: бекташизм в Румелии и шиитскую ересь в Анатолии. Не вдаваясь в анализ действительной сущности этих религиозных течений, А. Рефик отмечал, что „бекташизм одобрялся султанской властью, и даже духовные наставники бекташиев („баба“) пользовались почетом и уважением; однако шиитская ересь, вследствие того, что она была связана с враждебной деятельностью иранских правителей, никогда не получала свободного распро-

³⁶ دارالغنون اد. فاك. مجموعه سى — آناتولىده اسلاميت — كوپر يولى زاده محمد فؤاد، т. II, № 4, стр. 298.

³⁷ Там же, стр. 307—308. О той же религиозной сущности всех движений в Малой Азии он говорит и в работе *تورك ادبياتىنده الك متصوفلر* Стамбул, 1919, стр. 232—234 и др.

³⁸ *سىماونه قاضيسى اوغلى شىخ بدر الدين — محمد رف الدين* Стамбул, 1925 (Далее: М. Шерифеддин. Ук. соч.).

³⁹ *Ahmed Refik. Osmanlı devrinde Rafizîlik ve Bektaşîlik, Darülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası, c. VIII, N 2, 1932, S. 21—59.*

странения и постоянно подавлялась кровью и огнем"⁴⁰. Восстание шейха Бедреддина А. Рефика рассматривал как одно из проявлений религиозного, шиитско-еретического движения в Османском государстве. В понимании А. Рефика, сущность шиитской ереси Бедреддина состояла в том, что он, объявив себя пророком, стремился разрушить существующее вероучение и установить свои законы веры, а также захватить власть и раздать землю своим мюридам. „Он хотел также уничтожить религиозное различие между христианами и мусульманами...; так как в тот период, в соответствии с государственными законами, между мусульманами и христианами существовало большое неравенство, христиане охотно шли к Бедреддину. Вследствие этого, по словам А. Рефика, среди приверженцев шейха христиан было больше, чем мусульман“⁴¹.

Стремление представить все формы социальных движений в Турции на всем протяжении ее истории, в том числе и восстание шейха Бедреддина, как результат воздействия враждебных османам внешних сил, в работах других турецких буржуазных историков находит еще более отчетливое выражение. Так, Джемаль Бардакчи в работе „Анатолийские восстания“⁴² дает чисто националистическое толкование всем религиозным движениям в Турции в докемалистский период. По его мнению, вся история Османской Турции представляет собой сплошную цепь непрерывной „национальной“ борьбы турок против сановников-нетурок, окружавших турецких султанов. Бедреддин и его приверженцы, проповедуя лозунг „все рабы аллаха являются братьями“, хотели тем самым, как он думает, установить братское единство именно в турецкой „нации“ и отвлечь сыновей султана от братоубийства. Бардакчи считает, что политика султанов искусственно насаждала вражду среди турецкого народа, чему в наибольшей мере способствовали царедворцы-нетурки. Он пишет: „Восстания анатолийских турок против всех этих несчастий, притеснений и произвола падишахов, а также произвола сановников из нетурок начались при Баязиде II..., когда сказался результат насильственного пресечения турецкого рода великих везиров Джандарлы, и этот пост все чаще стал попадать в руки выходцев из нетурецкой среды“⁴³. С точки зрения Бардакчи, и в основе вражды между турками и кызылбашами (т. е. шиитами. — А. Т.) лежало стремление султанов, подпавших под влияние сановников-нетурок, создать искусственные причины раздробления „национальных“ сил турок, ослабить и уничтожить эти силы. „Таковы, — заключает он, — подлинные причины и побудительные силы анатолийских восстаний и мятежей. По-моему, они не в сектантском раздоре, не в кызылбашестве и не в бекташизме. Их следует искать в безмерном угнетении и притеснениях“⁴⁴.

Казалось бы, в последних словах автора мы видим проблеск правильного понимания причин народных волнений и восстаний, возникавших в Османской империи: все дело в чрезмерном гнете и насилиях, переживавшихся народом. Однако причины тяжелого положения турецких народных масс он видит не в социальной несправедливости классового феодального общества, не в социальном неравенстве и противоречиях, порождаемых общественным строем. Руководствуясь националистическими мотивами, Джемаль Бардакчи и другие турецкие историки нарочито

⁴⁰ Ahmed Refik. Osmanlı devrinde Rafizilik, S. 21.

⁴¹ Ibid., S. 22.

⁴² Cemal Bar da k ç i. Anadolu isyanları. İstanbul, 1940, S. 22.

⁴³ Ibid., S. 25.

⁴⁴ Ibid., S. 86.

извращают факты. В их изображении, турецкое население Малой Азии всегда выступало монолитной в социальном отношении массой против засилия нетурецких элементов при дворе турецких султанов. Известные же факты о совместной борьбе турецких и нетурецких народных масс против гнета турецких господствующих классов при этом замалчиваются.

Таким образом, в работах буржуазных историков — европейских и турецких — мы встречаем самые разнообразные толкования таких важнейших событий в истории Османской империи, как взрывы возмущения народных масс против произвола и насилия правящих классов. В одних случаях буржуазные историки вольно или невольно затушевывают факты, свидетельствующие о том, что происходила жестокая классовая борьба, в других — умышленно изображают эту борьбу в искаженном свете. Многие историки в поисках объяснений тех или иных фактов обращаются в область религии, „чистой“ политики и т. п., упуская из виду, что подлинная история является прежде всего выражением общественных отношений, борьбы классов в процессе развития „материального производства непосредственной жизни“⁴⁵.

Так, например, по всем данным Мустафа Бёрклюдже рисуется в качестве наиболее деятельного и боевого вожака народных масс в Западной Анатолии. Именно его проповеди об отказе от излишеств в одежде и необходимости обобществления съестных припасов, одежды, рабочего скота и орудий земледелия⁴⁶ в наибольшей мере отражали антифеодальные настроения крестьянства. Между тем, все исследователи без достаточной серьезного обоснования утверждают, что шейх Бедреддин был причастен к руководству движением в Айдыне, хотя известно, что при первых же известиях о начале активизации народных масс в этих районах он бежал в Румелию⁴⁷.

Что касается деятельности Бедреддина в Румелии, то она, как видно, преследовала несколько иные цели, чем деятельность Бёрклюдже. Прежде всего, в источниках подчеркивается, что он был окружен не только своими гриверженцами и мюридами, но и слугами и родичами. К нему собрались также и владельцы тимаров из числа тех, которым он раздавал пожалования еще в то время, когда был кадиаскером при сыне Баязида I Мусе⁴⁸. В его призывах звучали мотивы, коренным образом отличные от того, что провозглашал Бёрклюдже. Овладев одной из областей в северо-восточной части Болгарии, Бедреддин заявил, что власть отныне принадлежит ему, и приглашал присоединиться к себе всех, „кто хочет получить санджак или субашилык“⁴⁹, т. е. владения феодального характера.

Сравнение этих, столь различных программ, заставляет отнестись весьма настороженно к изучаемым материалам, так как они наводят на мысль о том, что в этом движении, как и во многих подобных движениях, имелись две струи, что известная часть феодалов, примкнув к народному движению, стремилась использовать его в своих интересах — для укрепления собственных экономических и политических позиций. В связи с этим напрашивается вывод о том, что интересы народных масс в этом движении отражал Бёрклюдже Мустафа, а также, по видимому, и Торлак Кемаль. Что касается Бедреддина, являвшегося выходя-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, изд. 2-е, стр. 36.

⁴⁶ А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Бёрклюдже Мустафы. ВВ, т. V, 1952, стр. 99—105.

⁴⁷ См. прилагаемые извлечения из хроник, № III, IV, VI.

⁴⁸ Там же, № III, IV.

⁴⁹ Там же, № IV, V.

цем из феодального класса, то в своих действиях он, очевидно, не шел вразрез с интересами последнего.

Изложенные выше выводы, разумеется, еще нуждаются в проверке и в подтверждении дополнительными данными, которые, как мы надеемся, появятся в результате дальнейшего исследования источников.

Впервые крестьянские восстания начала XV в. характеризуются в качестве проявлений социальной борьбы народных масс против феодального гнета в работах советских историков А. М. Валуйского⁵⁰ и Г. И. Ибрагимова⁵¹. Названные работы советских историков, в которых сделана попытка вскрыть социальные корни крестьянских восстаний начала XV в., являются определенным продвижением вперед в деле изучения народных движений в средневековой Турции. Однако для того, чтобы достигнуть полной ясности в этом вопросе, необходимо дальнейшее тщательное изучение всех доступных источников, дальнейшее систематическое накопление фактического материала. Конечно, при этом не должны быть оставлены без внимания факты, собранные буржуазной историографией.

Прежде всего, следует отметить, что до сих пор далеко не в полной мере использованы данные источников для характеристики общего положения как в азиатских, так и в европейских владениях османских султанов в тот период, взаимоотношений турецких султанов с провинциями и особенно — положения крестьянства в различных областях Османского государства. В виду этого чрезвычайно важно подвергнуть тщательному изучению все имеющиеся в распоряжении ученых источники, как непосредственно повествующие о восстании, так и дающие общие сведения об историческом фоне восстания Бёрклюдже Мустафы и Бедреддина, а также и его непосредственных причинах.

* * *

Основным источником сведений об Османском государстве в этот период являются турецкие исторические летописи XV, XVI и отчасти XVII вв., авторы которых в хронологическом порядке зарегистрировали все, казавшиеся им интересными, события, начиная с самого раннего периода возникновения Османского эмирата в Малой Азии. Главное содержание этих летописей составляет описание военно-политических событий и деятельности султанов, их сановников и военачальников, описание военных походов, завоеваний и т. п. Эти факты обычно и привлекают преимущественное внимание буржуазных исследователей. Однако в тех же хрониках имеются факты и другого рода, факты, на основе которых можно составить представление о классовой структуре Османского государства, о политике султанов, направленной на обеспечение классовых интересов феодальных сословий, о положении народных масс, о социальном расслоении в среде самих завоевателей и т. д. Именно этого рода данные, до сего времени еще не в полной мере использованные в исторической литературе, и дают основной материал для понимания причин восстания Бёрклюдже и Бедреддина, равно как и для понимания других острых социальных конфликтов периода турецкого средневековья.

Стремясь угодить султанам и их сановникам, авторы этих сочинений явно приукрашивали действительность и по возможности опускали

⁵⁰ А. М. Валуйский. Феодальный строй Турции в XV—XVI вв., М., 1939, стр. 53—58 (стеклографированное изд.).

⁵¹ Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. ВВ, т. VII, 1953, стр. 122—140.

все то, что доставляло заботы и неприятности правителям. Вследствие этого извлечение отдельных, разбросанных по страницам их сочинений, фактов, рисующих подлинную социально-экономическую историю Османского государства, представляет собой весьма сложную задачу.

Наибольшую ценность для исследования исторической обстановки, предшествовавшей возникновению первого крестьянского восстания, имеют те хроники, которые составлялись авторами-современниками интересующих нас событий. К числу таких авторов принадлежит Шюкрюлла бин Шихабеддин Ахмед, находившийся на службе у одного из сыновей султана Баязида I, Сулеймана, а затем выполнявший ряд важных поручений при султанах Мехмеде I (1413—1421) и Мураде II (1421—1451). Наиболее значительными из данных ему поручений были, повидимому, — посольство к правителю Карамана Ибрагиму бею (1424—1451) в 1437 г. и посольство к правителю государства Каракоюнлу Джиханшаху (1437—1467) в 1449 г. В своем сочинении, названном „Behcet ut-tevarih“ („Красоты историй“) и написанном на персидском языке, Шюкрюлла главное место отводит истории османских правителей от Османа до вступления на престол Мехмеда II. Несмотря на то, что события описываются автором кратко и схематично, каждое его свидетельство, отражающее современный ему период, приобретает для нас неоценимое значение. Крайне важно также и то обстоятельство, что анализ встречающихся в этой хронике терминов может дать известное представление о ранних этапах развития турецкого общества, а также о развитии турецкой государственности. Эти термины первоисточников заслуживают серьезного внимания особенно потому, что позднейшие авторы при описании более ранних периодов часто пользовались терминологией своего времени, что, естественно, может несколько дезориентировать исследователя.

Персидский текст хроники Шюкрюллы известен в издании Т. Сейфа⁵², а в 1939 г. в Стамбуле был опубликован перевод ее на турецкий язык⁵³, выполненный еще в 1530—1531 гг. поэтом Мустафой Фариси. Издатель турецкого перевода Атсыз сообщает, что данный текст был составлен им по восьми спискам рукописей, имеющихся в Стамбуле. Сличение персидского текста и турецкого перевода представляет интерес с точки зрения сравнения употребляемых автором и переводчиком исторических терминов.

Спустя 50 лет после восстания Бёрклюдже и Бедреддина написано другое историческое повествование, носящее название „Düstürname“ („Книга о знатных“). Автор повествования Энвери происходил из улемов и был приближенным султана Мехмеда II. Книга, подготовленная в качестве подарка великому везиру Мехмеду-паше, состоит из трех разделов: история пророков и восточных правителей (арабских, персидских и среднеазиатских); история эмирата Айдын; история династии османов до 1454 г. с добавлением истории похода великого везира Мехмеда-паши. Сочинение Энвери — один из наиболее ранних турецких исторических памятников — представляет значительную ценность для исследователя. Правда, труд этот, написанный в стихотворной форме, довольно лаконичен, но при скудости источников для раннего периода османской истории становится крайне важным каждый документ, в котором можно

⁵² Th. Seif. Der Abschnitt über der Osmanen in Sükrüllah's persischer Universalgeschichte. MOG, Bd. II, Hft. 1—2, 1925, S. 63—128.

⁵³ Atsız. XV-inci asir tarihîsi Sükrüllah. Dokuz Boy Türkler ve osmanlı sultanları Tarihi. İstanbul, 1939; см. также: F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, S. 19—20.

встретить новые факты или подтверждение фактам, упоминаемым другими авторами. Краткие повествования Шюкрюллы и Энвери о восстании Бёрклюдже и Бедреддина до сих пор не были использованы, как не были использованы их данные и для изучения исторической обстановки того времени. Текст „Дюстюрнаме“ издан в 1928 г. в Стамбуле в серии публикаций Турецкого исторического общества⁵⁴.

Максимальное количество данных о личности Бедреддина содержит опубликованное в 1943 г. Ф. Бабингером стихотворное жизнеописание („Menaqibname“) шейха Бедреддина⁵⁵, составленное внуком Бедреддина Халилем бен Исмаилом. Автор утверждает, что в этом произведении он воспроизвел события со слов самого шейха:

... شیخدن اشیدیلنی نقل ایلدم. بو مناقب ایچره نکم سویلدم
 یزدیلر اما هواده کزدیلر نیجهلر شیخه مناقب یازدیلم

„Я рассказал в этом жизнеописании не о ком-нибудь,
 А передал то, что слышал от самого шейха...
 Сколько о шейхе жизнеописаний составляли;
 Писали, но скользили по поверхности“ (буквально: по воздуху)⁵⁶.

Этот памятник интересен тем, что подкрепляет наши наблюдения, сделанные на основании изучения других источников, — о двух самостоятельных линиях в народном движении, связываемом обычно с именами Бёрклюдже и Бедреддина, и даже, в известной мере, о непричастности шейха к событиям в Западной Анатолии и к проповедям Бёрклюдже Мустафы и Торлака Кемалья, которые, как здесь говорится, „причиняли ему большой вред“⁵⁷.

Во второй половине XV в. было составлено несколько исторических летописей, в которых нашли отражение как современные авторам события, так и факты более раннего периода турецкой истории. Заимствуя сведения друг у друга, переписывая или пересказывая повествования своих предшественников⁵⁸, авторы этих хроник в целом дали немало ценных известий о жизни Османского государства. Сопоставление и анализ содержащихся в них данных помогает выявлению многих сторон развития турецкого общества.

Из числа хроник второй половины XV в. следует выделить прежде всего „Историю дома османов“ Орудж Адила, которая составлена в годы правления султана Мехмеда II и охватывает период от образования Османского государства до 1467 г. Являясь первым из наиболее полных описаний истории Османского государства раннего периода, хроника Оруджа ценна не только потому, что автор ее сам жил в эпоху, близкую к тому времени, которое нас интересует, но и по содержанию материалов, почерпнутых из источников, повидимому, до нас не дошедших.

⁵⁴ *Дюстюрнаме* — *Дюстюрнаме* — Стамбул, 1928; издатель этого текста Мюкримин Халил отдельно опубликовал в 1930 г. свое введение: *Mükrimin Halil. Düstürname-i Enveri. Medhal, Istanbul, 1930*; см. также: F. Babinger. *Die Geschichtsschreiber der Osmanen*. . . , S. 411—412.

⁵⁵ *Die Vita (Menaqibname) des Scheich Bedr ed-din Mahmud, gen. Ibn Qadi Samauna von Chalil b. Ismail b. Scheich Mahmud Bedr ed-din, hrsg. von F. Babinger, Leipzig, 1943*. См. об этой книге: M. Şerefeddin. *Simavne kadisi oğlu şeyh Bedreddine dair bir kitap, Türkiyat Mecmuası, 1935, c. III, S. 233—256*; H. I. Kissling. *Das Menaqybname Scheich Bedr ed-dins, des Sohnes des Richters von Samavna. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 99—103 (Neue Folge, Bd. 24—27), 1949—1952, S. 112—176*.

⁵⁶ *Die Vita*. . . , S. 58.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 89—90.

⁵⁸ См. по этому поводу: P. Wittek. *Zum Quellenproblem der ältesten osmanischen Chroniken. MOG, Bd. I, S. 77. 150*.

Хроника Оруджа издана Ф. Бабингером в 1925 г. по двум спискам, хранящимся в Оксфорде и Кембридже⁵⁹.

Столь же ценными источниками для изучения исторической обстановки на рубеже XIV и XV вв. являются частью оригинальные, а частью компилятивные хроники анонимных авторов XV в.⁶⁰ и хроники таких авторов, как Ашикпашазаде⁶¹ и Нашри⁶², в которых наряду с повторением и подтверждением фактов, встречающихся в других источниках, можно найти и новые сведения.

Интересными источниками для изучения событий турецкой истории периода восстания являются повествования двух авторов — выходцев из нетурецких восточных областей: оба в силу обстоятельств оказались среди приближенных турецких султанов и вследствие этого могли близко наблюдать происходившие события. Первый из них — Ибн Арабшах родился в 1392 г. в Дамаске и был увезен затем Тимуром в качестве пленного в Самарканд. В 1412 г. Ибн Арабшах через Крым добрался до Адрианополя, где в течение десяти лет служил при дворе султана Мехмеда I. Таким образом, Ибн Арабшах был современником восстания. Хотя это восстание описано Ибн Арабшахом весьма кратко — это описание представляет собой небольшую вставку в его книге, посвященной жизнеописанию Тимура⁶³, тем не менее его свидетельство приобретает большую ценность (турецкий перевод этого отрывка приведен в книге М. Шерефеддина)⁶⁴.

Второй из названных авторов — выходец из Битлиса, повидимому, курд Идрис Битлисский сначала находился на службе у правителя Аккоюнлу Узунхасана, а затем стал придворным османских султанов Баязида II и Селима I. Составленная им на персидском языке история под названием „Восемь парадизов“, содержит значительное количество ценных наблюдений и фактов из жизни Османского государства. „Восемь парадизов“ Идриса явились одним из важнейших источников сведений для ряда исторических хроник XVI и XVII вв.⁶⁵ Отрывки из сочинения Идриса о восстании Бёрклюдже и Бедреддина в турецком переводе также опубликованы Мехмедом Шерефеддином⁶⁶.

Из наиболее полных и важных сочинений XVI в. для изучения данной темы представляют интерес соответствующие разделы хроник Мустафы Аали⁶⁷ и Ходжи Садеддина⁶⁸, которые широко использовали сведения из повествований своих предшественников.

⁵⁹ تورايخ آل عثمان — اوروج عادل القزاز كاتب الادرنوى Hrsg. F. Babinger. Quellenwerke des Islamischen Schrifttums, Bd. I. Hannover, 1925.

⁶⁰ F. Giese. Die altosmanischen anonymen Chroniken in Text und Übersetzung, Teil I. Breslau, 1922; G. Giese. Einleitung zu meiner Textausgabe der altosmanischen anonymen Chroniken Tewarih-i al-i osman. MOG, Bd. I, S. 49—75.

⁶¹ تورايخ آل عثمان — عاشق پاشا زادہ F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 35—38.

⁶² Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nûmâ, Neşri tarihi, I cilt. Ankara, 1949; Gihân-nûma. Die altosmanische Chronik des mevlânâ Mehemed Neschri, Bd. I—II. Leipzig, 1955; см. также: P. Wittek. Zum Quellenproblem..., MOG, Bd. I, S. 77—150; Faik Resit Unat. Neşri tarihi üzerinde yapılan çalışmalara toplu bir bakış. Belleten, № 25, 1943, S. 117—201; F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 38—39.

⁶³ См. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 20.

⁶⁴ М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 53—54.

⁶⁵ См. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 45—49.

⁶⁶ М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 58—65.

⁶⁷ كنده الاخبار — مصطفى عالي F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 126—129.

⁶⁸ تاج التواريخ — سعد الدين خواجہ F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 113—126.

Помимо перечисленных хроник XV и XVI вв. определенное значение в исследовании темы имеют и некоторые сочинения авторов XVII в. Это прежде всего — известный труд Мехмеда бин Мехмед (ум. в 1640 г.) „Образцы историй и известий“. Составитель его в качестве секретаря Дивана имел свободный доступ к документам, которые и послужили основанием для его истории, представляющей значительную ценность⁶⁹.

В рукописном отделе Института Востоковедения Академии наук СССР нами была обнаружена рукопись, остававшаяся до сих пор незамеченной и, как кажется, представляющая собой уникум. Рукопись эта (размер листа 18 × 28,5 см), заключенная в кожаный коричневый переплет с медальоном золотого тиснения в центре верхней и нижней обложки, содержит 518 листов убористого текста, обведенного рамкой из золотых и черных полос. Почерк — четкий насталик. Название разделов и глав, а также собственные имена в тексте выделены красной тушью. Рукопись не датирована, но по внешним данным может быть отнесена к концу XVII в. и находится в прекрасной сохранности⁷⁰. Автор рукописи Хюсеин или Коджа Хюсеин (так его именует Бабингер) известен как составитель сочинения под названием „Bedai el-vekai“, содержащего историю мусульманских халифов до вторжения на Ближний Восток монгольских полчищ Чингис-хана. Рукопись этого сочинения хранится в коллекции Венской национальной библиотеки, где она значится как незаконченный или первый том какого-то большого труда⁷¹. Наша рукопись, содержащая историю османов со времени возникновения их государства и до вступления на престол султана Сулеймана Кануни (1520 г.), является, как об этом говорит сам автор⁷², продолжением и второй частью „Bedai el-vekai“. Весьма возможно, что рукопись Института Востоковедения именно и есть второй том единственного экземпляра сочинения Хюсеина, первая часть которого хранится в Венской национальной библиотеке.

Как глава государственной канцелярии (reis ül-küttab) Хюсеин мог широко привлечь не только исторические труды своих предшественников, но и официальные документы, которые он иногда полностью вписывает в свое повествование. Так, например, им переписан с подлинника кодекс султана Мехмеда II Фатиха⁷³ и т. п. Насыщенная большим количеством ценного фактического и документального материала рукопись сочинения Хюсеина представляет большой интерес для историка. Страницы, посвященные описанию восстания Бёрклюдже и Бедреддина, даются нами ниже в русском переводе.

Наконец, из сочинений турецких авторов позднейшего времени значительную ценность представляет турецкий перевод исторического труда „Sahaif ul-ahbar“ („Страницы известий“). Это опять-таки довольно полный компилятивный свод, материал которого весьма полезен при анализе фактов, содержащихся у предшественников. Автор „Страниц известий“ — Ахмед Лютфулла Мюнеджжимбаши (ум. в 1702 г.), придворный ученый, служивший у султана Мехмеда IV (1648—1687), великодушный знаток арабских, персидских и турецких источников, привлек для составления своего трехтомного труда по истории турецкого, персидского и арабских государств обширный и разносторонний материал.

⁶⁹ نخبت التواريخ و الاخبار — Рукопись ИВ АН СССР, № С. 531. См. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 182—183.

⁷⁰ قوجه حسين — Рукопись ИВ АН СССР, № С. 564.

⁷¹ F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 186.

⁷² Коджа Хюсеин, л. 2-а.

⁷³ Там же, л. 277-6.

Третий том этого труда содержит историю сельджукского султаната в Малой Азии и историю Османского государства до 1672 г.⁷⁴

В нетурецких источниках, относящихся к данному периоду, исключительно важные сведения о восстании Мустафы Бёрклюдже имеются в хронике византийского историка Дуки. Соответствующие извлечения из этой хроники опубликованы в турецком переводе М. Шерефеддином⁷⁵, в немецком переводе — Ф. Бабингером⁷⁶, в русском переводе — А. С. Степановым⁷⁷.

Рассказ Дуки отличается большей конкретностью по сравнению с незначительно различающимися друг от друга версиями турецких авторов. Именно Дука сообщает о том, что сам Мустафа Бёрклюдже был простым крестьянином, а приверженцы его состояли преимущественно из простонародья. Только у Дуки находим мы и более подробное изложение существа тех социальных лозунгов, которые объединяли восставших. Благодаря этому свидетельство Дуки приобретает особо важное значение.

Ряд интересных фактов о состоянии Малой Азии в период, близкий ко времени возникновения восстания, можно почерпнуть из записок немецкого солдата Иоганна Шильтбергера, прожившего около 20 лет в турецком плену и принимавшего участие на стороне турок в борьбе против малоазиатских эмиров и в сражении с Тимуром под Ангорой в 1402 г.⁷⁸

Некоторые ценные данные, рисующие жизнь малоазиатских и европейских городов и селений, содержатся в записках французского путешественника Берtrandона де ля Брокьера, посетившего Малую Азию и владения османских султанов на Балканах при султанине Мураде II, в 30-х годах XV в.⁷⁹

Перечисленные выше источники дают в совокупности довольно значительный материал для изучения социально-экономического положения Османского государства в начале XV в. и позволяют понять и осветить истинные причины крестьянских восстаний этого периода.

Ограничивая настоящий очерк обзором имеющихся по этому вопросу исследований, а также краткой характеристикой важнейших источников, мы считали целесообразным познакомить советских историков с некоторыми материалами из различных хроник, которые прилагаются ниже в русском переводе.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ХРОНИК О ВОССТАНИИ БЁРКЛЮДЖЕ И БЕДРЕДИНА

I. Извлечение из сочинения Ибн Арабшаха

Бедреддин Махмуд является сыном кадия Симавие. Этот Симавие — город, расположенный поблизости от Эдирне¹. Его отец был здесь

⁷⁴ ترجمه صحائف الاخبار لمنعم باشي т. III, Стамбул, 1285/1868; см. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 234—235.

⁷⁵ М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 65—67.

⁷⁶ F. Babinger. Scheich Bedr ed-din..., S. 52—55.

⁷⁷ А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Бёрклюдже Мустафы, ВВ, т. V, 1952, стр. 99—105.

⁷⁸ Иван Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 годы. Пер. с нем. Ф. Браун. Зап. Имп. Новоросс. университета, т. 1. Одесса, 1867.

⁷⁹ Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de la Broquière. Publié et annoté par Ch. Schefer. Paris, 1892.

¹ Эдирне — турецкое название города Адрианополя.

кадием. В молодости [Бедреддин] был склонен к занятиям науками. Отправившись в Самарканд, он стал заниматься у тамошних ученых. У хаджи Абдал Малика Самаркандского, ученика известного автора *هدايه*², он изучал фикх. В итоге, сделав превосходные приобретения в науках и особенно в усвоении принципов фикха, он вернулся в Рум³.

В 819 (1416) году я увидел шейха Бедреддина у Исфендияра-бин абу Йезда, и мы беседовали с ним о науках. Я увидел, что широта его учености беспредельна, как море, особенно в основах фикха... От него я услышал о том, что *هدايه* содержит 1090 вопросов. Постигнув вершины наук, он по возвращении в свою страну стал суфием и собрал вокруг себя богословов и дервишей. Народ из далеких мест стал приходить к нему на поклон и в благодарность за беседы ему стали приносить всевозможные подарки. Вокруг него собралось множество простого народа. И он захотел стать падишахом. Он поднял восстание против османского правителя, которым был тогда султан Гияседдин Абуль-Фетх Мехмед бин Абу Йезид эль-Керишджи⁴.

Султан Мехмед послал против этого (против Бедреддина.— А. Т.) войско. Последний, вместе с находившимся возле него довольно значительным количеством народа, был разбит. Вслед за тем шейх Бедреддин морем прибыл к упомянутому Исфендияру. В виду того, что между Османами и Исфендияром существовала наследственная вражда и они находились в раздоре, Исфендияр оказал помощь шейху, так как ему было выгодно создать затруднения османскому правителю.

Когда Бедреддин прибыл в окрестности Эдирне, то весть о его приезде быстро распространилась среди народа, и множество людей отовсюду собралось к нему. Вообще у него оставалось единственным и последним средством сохранить свою жизнь — это присоединить к себе народ. Вследствие этого султан Мехмед был вынужден лично выступить [против него]. Султан Мехмед, окружив последнего, победил его и, захватив в плен, обратился к нему самому за фетвой в отношении его судьбы. Тот дал фетву, что его, как мятежника, дозволено казнить. На основании его собственной фетвы [Бедреддина] повесили голым в 820 (1417) году осенью.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 42—53.

II. Извлечение из сочинения Шюкрюлла бин Шихабеддина

В вилайете Айдын, на морском побережье Карабуруна, появился некто из приверженцев ордена *اباحيون*, который присвоил себе наименование суфия. Как и во времена отца Нуширвана, некто подобный появился в Хорасане. К тому суфию собралось множество всяких, и они также совершали множество дел, противоречащих законам Мухаммеда. Султан послал против них Баязида-пашу. Суфии вышли навстречу, и произошло сражение. Присланная султаном Мехмедом армия одержала победу. Суфии были истреблены. Говорили, что было убито более 4000 суфиев, которые признавали формулу „Нет бога, кроме аллаха“, но не признавали формулы „Мухаммед посланник божий“ и считали послан-

² Автор *هدايه* („Подарок“) — один из известнейших толкователей ханифитского фикха — *ابو الحسن برهان الدين علي* — Прим. М. Шерефеддина.

³ Рум — так в восточных странах называлась Малая Азия (Византия).

⁴ Так автор именует султана Мехмеда I.

никами своих шейхов. Они (войска. — А. Т.) очистили ту область от идущих по неправильному пути и от противозаконных дел.

A t s i z. XV-inci asir tarihçisi Şükrüllah. Dokuz Boy Türkler ve osmanlı sultanları tarihi. İstanbul, 1939, s. 36.

III. Извлечение из анонимной хроники (изд. Ф. Бабингера)

В те времена, когда шейх Бедреддин, сын кадия Симавны, был кадиаскером у Мусы, при нем находился кетхуда, которого звали Бёрклюдже Мустафа. Когда шейха сослали в Изник, Бёрклюдже Мустафа прибыл в Айдын. Оттуда он переправился в Карабурун и оказал сильное воздействие на тот вилайет. Он заставил страну Айдын подчиниться себе и каких только дел не натворил! Он даже заставил называть себя пророком и проповедовал множество подобной лжи.

Что касается шейха Бедреддина, сына кадия Симавны, то он, как только услышал об этом и узнал об успехах Бёрклюдже Мустафы, — немедленно бежал из Изника и отправился к Исфендияру. Пробыв некоторое время у Исфендияра, он сел затем на корабль и переправился в Валахию. Оттуда он проник в Агдж Денизи⁵. Говорили, что между ним и Бёрклюдже Мустафой существовал союз.

Султан Мехмед послал на Карабурун Мехмеда Баязида пашу и сына своего Мурада. Мустафа Бёрклюдже, приобретя в тех областях огромную славу, поднял голову. К нему собралось две-три тысячи народу. Баязид паша и султан Мурад, придя в Карабурун, встретились с Бёрклюдже, и произошло огромное сражение. С обеих сторон было убито множество народа. Наконец и Бёрклюдже разбили и уничтожили. Множество из того народа (т. е. карателей. — А. Т.) захватили область. [Земли] того вилайета были розданы в качестве тимаров слугам беев. Баязид прибыл в Магнису. Там нашли и Торлака Ху Кемаля. Этот также кутил и гулял с барабаном и чангом⁶, вода с собой 2—3 тысячи людей и притеснял страну. [Баязид паша], придя с войском, их рассеял. Торлак Ху Кемаль был схвачен вместе с несколькими мюридами и повешен.

С этой стороны⁷ султан Мехмед тоже спустился из Сероза к Салоникам. В то время, когда он стоял там, шейх Бедреддин, сын кадия Симавны, выступил из Агадж Денизи и послал несколько несчастных суфиев, которые прибыли в долину Загоры. Эти его последователи говорили [его именем]: Отныне бейлик принадлежит мне и престол передан мне. Меня называют Махди. Развертывайте знамена! Вставайте! — Так призывали те суфии жителей долины Загоры. И те пришли. Последовали им и повиновались. [Как раз] тогда восстал Бёрклюдже Мустафа, и [шейх Бедреддин] услышал о восстании Бёрклюдже Мустафы. И он сказал: „Тот является моим слугою, и он тоже восстал“. Тогда Бёрклюдже Мустафа еще не был взят.

Так как шейх Бедреддин выступил из Агадж Денизи, то множество озлобленных пьяных суфиев собралось к нему. Тот еще во время своего пребывания кадиаскером при Мусе распределял посты. Многие [из тех] людей к нему пришли и повиновались. Все пришли к нему. Затем увидели, что в его деле ничего хорошего нет, и все рассеялись. Оста-

⁵ Агадж Денизи или Дели Орман — район глухих лесов в северо-восточной части Болгарии.

⁶ Чанг — род музыкального инструмента.

⁷ Т. е. со стороны Румелии.

лись лишь немногие. Султан Мехмед услышал об этом и послал множество людей. Найдя [шейха] в Загоре, они его схватили и отправили к султану Мехмеду в Сероз. Султан Мехмед тогда спросил: „Ну, что же с ним делать? Грешно ли его убивать?“ Падишахи в те времена были такими мусульманами, что подобных этим смутьянов не решались убивать. Однако в то время был великий ученый по имени Молла Хайдар, который пришел из Ирана. Он дал фетву о том, что кровь его дозволена, а имущество запрещено. По его слову [шейх] был повешен в Серозе на рынке перед одной из лавок. Там же ему вырыли могилу.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 54—55.

IV. Ашикпашазаде. История династии Османа

Глава 78. Эта глава рассказывает о том, что было с Бёрклюдже Мустафою, бывшим кетхудою во времена кадиаскерства сына симавнийского судьи, когда он прибыл в Карабурун.

Когда сын кадия симавнийского прибыл в Изник, Мустафа прибыл в Карабурун в Айдыне. Он приобрел в том вилайете очень большое влияние. И многих из [жителей] того вилайета он привлек к себе. Он проделывал разного рода [недозволенные] дела и в конце концов велел называть себя пророком. Об этом услышал сын судьи Симавны, и когда дела Бёрклюдже пошли вперед, он убежал. Прибыл к Исфендияр бею. Оттуда, сев на корабль, переправился в Валахию и прибыл на эту сторону (т. е. в Румелию.— А. Т.). Вступил в Агадж Денизи. Кроме того, у него имелся союз с Бёрклюдже. Султан Мехмед послал Баязида пашу со своим сыном Мурадом. Те прибыли. Встретились в Карабуруне с Бёрклюдже. Произошло большое сражение. С обеих сторон уничтожено много людей. Наконец и Бёрклюдже был разорван на части. Тот вилайет захватили и кого надлежало выселить, заставили выселиться. Слугам бея роздали тимары. Баязид паша снова прибыл в Магнису. Там он нашел Торлака Ху Кемалю. Его также вместе с мюридом повесили. Когда султан Мехмед прибыл в Сероз для того, чтобы оттуда попасть в Салоники, сын судьи Симавны как раз вступил в Агадж Денизи. Он разослал несколько злосчастных суфиев по вилайетам с тем, чтобы они [его именем] говорили: Приходите, теперь власть снова принадлежит мне, и трон завоеван мною. Желающие [приобрести] санджак и должность субаши пусть приходят. Словом, пусть приходит всякий, желающий что-либо. Отныне я восстал. А в Айдыне восстал мой ученик Мустафа. Он является моим слугою. А эти дервиши говорили, что в действительности они не являются дервишами. В тот день, когда наш шейх восстал, мы [поверили] что также станем беями.

Глава 79. Эта глава рассказывает о сыне Симавнийского кадия и о том, как сложились обстоятельства.

Когда он [шейх] стоял в Агадж Денизи, его слуги и родичи приобрели огромную славу. Так как он обещал дать санджаки и субашилыки, к нему собралось множество *طوجلر* (?). К нему собрались также и владельцы тимаров из числа тех людей, которым, еще будучи кадиаскером, сын Симавнийского кадия раздавал пожалования. Однако пришедшие люди увидели, что в этом деле нет ничего хорошего, тотчас они схватили сына Симавнийского кадия и привезли в Сероз к султану Мехмеду. В то время, когда этот находился у султана Мехмеда, там был один

ученый по имени мевляна Хайдар, который только что прибыл из Ирана. Его и спросили о положении этого, говоря, что он был ученым. Мевляна Хайдар сказал: кровь его [пролить] дозволено, а имущество находится под запретом. Тогда его послали и велели повесить на базаре перед одной из лавок. После этого сообщили нескольким его ученикам. Они пришли и сделали мезар [могилу].

А шикпашазаде. Изд. Фр. Гизе, стр. 81—82.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 55—57.

V. Извлечение из „Тарих-и Нешри“

Рассказывается так, что в то время, когда султан Мехмед прикончил дела Мусы Челеби, он сослал в Изник кадиаскера Мусы Челеби, которого звали сыном кадия Симавие, и определил ему содержание. А у этого сына кадия Симавие был кетхуда, которого звали Бёрклюдже Мустафа. Этот пришел в Карабурун и, приобретя значительное влияние, большую часть вилайета Айдын привлек на свою сторону. Претендуя на тот вилайет, он стал совращать народ на путь ереси и приобрел известность [в других] областях. Сын кадия Симавие, услышав об этом, прибыл к Исфендияру, а оттуда, сев на корабль, переправился в Валахию. Выйдя оттуда в Агадж Денизи, он там расположился. Однако с Бёрклюдже он находился в союзе. Султан Мехмед послал Баязида пашу против Бёрклюдже, и эти, придя в Карабурун и встретив его, много воевали. С обеих сторон были большие потери. Наконец, во время сражения Бёрклюдже был найден и уничтожен. Та страна была очищена от мятежников. Оттуда Баязид паша прибыл в Магнису, где он нашел Тор Ху Кемаля. Его также повесили вместе с его мюридом. Султан Мехмед в этот момент прибыл в Сероз. Намерение его состояло в том, чтобы напасть на Салоники. А с этой стороны сын кадия Симавие вступил в Агадж Денизи. Несколько злосчастных суфиев он послал по окрестностям с тем, чтобы они его именем заявляли: „Отныне приходите ко мне. Власть вручена мне. И мне надлежит быть на земле халифом. Каждый, кому нужен санджак или субашилык, пусть приходит ко мне. И всякий, у кого есть какое-либо желание, пусть приходит ко мне, так как отныне я восстал. Восстал также и Бёрклюдже Мустафа в Айдыне, который является моим мюридом. Он восстал ради меня“.

Затем, когда [Бедреддин] стоял в Агадж Денизи, он собрал к себе множество приверженцев и родичей. Он собрал огромную толпу бездельников и бродяг. К нему собрались также все те, которым он раздавал тимары в бытность свою кадиаскером у Мусы. Но пришедшие к нему увидели, что в этом деле нет ничего хорошего. И те, которые имели намерение получить бейлик, тотчас схватили сына кадия Симавие и привезли в Сероз к султану Мехмеду. В то время был один ученый, который только что пришел из Ирана. Его звали мевляна Хайдар. Он находился в тот момент при султани Мехмеде. Султан Мехмед спросил его: „Каково положение того, кто совершил подобное дело?“ Этот же, в высшей степени ученый человек, называемый мевляна Хайдар, сказал: „По закону его казнь дозволена, а имущество находится под запретом“. И дал сам такую фетву. Вслед за тем сына кадия Симавие вывели на базар и перед одной из лавок повесили. Еще и теперь в той стороне имеются его мюриды. О них рассказывают так много странного, что и передать невозможно.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 57—78.

VI. Идрис Битлиси. Восемь парадизов.

26-ой дестан, в котором рассказывается о шейхстве кадия Бедреддина Махмуда, известного под именем Симавун кади, о его восстании с целью приобретения областей путем возбуждения народа, об отправлении им во все стороны своих мюридов с целью прилечения народа и в особенности о посылке в Айдын Мустафы, о появлении упомянутого кадия в Румелии и о раскрытии ереси и вероотступничества среди народа.

[Цитируя ряд изречений из Корана о том, что правоверный, если он не хочет попасть во власть сатаны, должен неотступно следовать всем законоположениям шариата, Идрис Битлиси приводит в заключенные стих, в котором говорится]:

„Те господа света, которые имеют пристрастие к высоким постам,—
продажны;

Все они подобны самаритянину в науке:
Внешне они последователи Моисея, а внутри их — огонь.
Снаружи они сияют подобно луне, а умы их — помрачены.
Они бегут за чинами и званиями и — продают религию“.

В соответствии со смыслом сказанного и разъясненного, в месяцах реджеб-шабан-рамазан 810 (1407—1408) года произошло религиозное и политическое восстание и многие, слабые духом, сошли с правильного пути.

Рассказ. Жил тогда один из наиболее уважаемых кадиев и ученых, который в знании шариата был единственным из людей. Имея широкую славу в стране, он был известен под именем сына Симавие Бедреддина Махмуда. Он стал известен среди мусульман тем, что вступил на путь ереси и мистицизма и прославился своими странными обычаями в словах и деяниях. Среди ученых Рума были известны и почитаемы его писания, а из них особенно книга под названием „Собрание разделов“ (جامع الفصولين), которая представляла собой собрание основных принципов ханифитского фикха и описание качеств и достоинств праведной веры.

Сын султана Муса Челеби за его знания слова божия и законов сделал [Бедреддина] кадиаскером, и он был им до той поры, пока султан не победил своего брата. Султан, учитывая его достоинства и знания, оставил его в Изнике с тем, чтобы он занимался толкованием науки о религии и распространял истинную веру, направляя на правильный путь идущих совершенства и предостерегал их от неверного пути. Однако он возымел склонность к ереси и радениям. Все свое время он употреблял на подвижничество и борьбу за веру, так что стал известен среди народа откровениями и чудесными деяниями. Однако он не достиг полностью больших путей благочестивых, а кичась ученостью, впал в хвастовство и спесивость, представляющие собой обычай тех, кто подчинился дьяволу. Он послужил причиной тому, что вокруг него стало собираться множество мюридов... Он стал причиной многочисленных отклонений [от истинной веры].

Одному из своих мюридов, по имени Мустафа, он дал позволение действовать в качестве шейха и послал его с целью привлечения народа в Айдын. Обманом и лицемерием [Мустафа] привлек на свою сторону в этих областях множество неопытных людей. Многих невежественных и простосердечных он поймал в западни лжи и обмана... Упомянутый

Мустафа дал разрешение своим безбожным еретикам-мюридам заниматься в укромных и тайных местах недозволенными и греховными делами. В короткий срок всевозможными сатанинскими уловками он собрал к себе около десяти тысяч человек и таким образом выполнил возложенную на него Бедреддином обязанность распространить в народе безбожие и ересь.

[Бедреддин] убедился в том, что в один прекрасный день совершенное его мюридом и доверенным Мустафой, несомненно, отразится на его положении, а сопоставление ереси Мустафы с тем, что он является его последователем, будет также обращено против [Бедреддина]. Вследствие этого он неожиданно убежал из Изника к правителю Кастамону Исфендияру. А оттуда, переправившись через Черное море на корабле, он уехал в Валахию. [Из-за Мусы Челеби] у него была дружба с правителем Валахии. Несомненно также, что в основе этой дружбы лежала близость его ереси с неверием [кяфирством]. Правитель Валахии по личным соображениям оказал ему огромные почести и торжественный прием.

В это время слух о начале восстания и о [распространении] ереси учеником [Бедреддина] Мустафой в Айдыне дошел до ушей султана Мехмеда. Немедленно он дал указ на имя принца Мурада, бывшего правителем Малого Рума⁸ и Амасьи, чтобы он, собрав войско в Анатолии, поднялся против нечестивого Мустафы и направился в Айдын.

После прибытия принца упомянутый Мустафа не прекратил своих нападок на веру и мятежных действий. Со своим войском, состоящим почти из десяти тысяч еретиков-мюридов, он восстал против сына султана на почве ереси и вероотступничества. Началось сражение. В Карабуруне, входящем в состав Айдын-эли, они вступили друг с другом в страшную битву. Когда было пролито много крови, с помощью всевышнего войско еретиков было разбито. Было убито около четырех тысяч из числа мюридов Мустафы и из числа мюридов его единомышленника Торлака Кемала, у которого было две—три тысячи последователей. Уцелевшие от меча мести запросили пощады и по этой причине их оставили, принудив произнести слова символа веры.

В то время, когда происходило это сражение и уничтожение крамолы, султан направился в поход с целью завоевания Салоник. Однако завоевание крепости и города оказалось нелегким. Когда победоносное войско приобрело грабежом бесчисленную военную добычу, падишах отдал указ о возвращении. Когда они прибыли в Сероз, то султан узнал от вестников о том, что Симавна оглу кади Бедреддин Махмуд вышел из Валахии и с дьявольскими обольщениями, стремясь завладеть властью, появился в Дели Ормане, расположенном поблизости от области Силистрии, а также о том, что он разослал своих мюридов и доверенных во все стороны Румелии, а они еретическими речами, призывами к мятежу и пьянством совращали на путь неповиновения легковверных и заблудших. Рассказывали еще о том, что [Бедреддин] допускал и разрешал скотоподобным негодьям из людей их животные, чувственные побуждения. Говорили, что восставшие Мустафа и Торлак Кемаль являются его приверженцами и сподвижниками и что это он послал их с целью, как он заявлял, „обращать в ислам“. Султан услышал и о том, будто Бедреддин обещал, что он по тайному знаку появится со своими мюридами и приверженцами и распределит страну между достойными. Путем установления главенства науки и единобожия, он уничто-

⁸ Малый Рум — так называлась у турок область в Малой Азии с центром в Сивасе.

жит законы общин и толков. Распространив нашу веру, — заявлял он, — мы дозволили некоторым запретные дела. Играя на низких страстях людей, он подобными словами многих собрал вокруг себя и, согласно духу своего тайного еретического учения, он разрешил мюридам играть на сазе и пить вино. В короткий срок упомянутый мевляна Бедреддин достиг в тех краях чрезвычайной известности и славы.

В то время, когда султан возвращался из похода на Салоники, он услышал об этих событиях. Тогда же до него дошла приятная новость об успехе Мурада в ликвидации еретического движения в Айдыне.

Это подавленное восстание Мустафы — мюрида мевляны Бедреддина — вызвало изумление у падишаха, и он послал для уничтожения Бедреддина важнейших своих эмиров и особенно Баязида пашу с многочисленным войском. Вышеупомянутый [Бедреддин] проявил упорство в сражении, так как он обладал независимостью и смелостью. Против войск падишаха он выстроил линию своего войска. Вследствие того, что ложное дело [должно] потерпеть поражение, — глава ереси Бедреддин был побежден в битве за веру. Однако он бежал с поля битвы и скрылся в Дели Ормане. Здесь снова образовалось сборище мятежников и еретиков. Они приступили к мятежным действиям, и с каждым днем [численность их] возрастала. Баязид паша применил иные, разумные средства, и для того, чтобы поймать кадия Бедреддина, он забросил своих людей в тот же лес. Когда пришли вести о подавлении и уничтожении Мустафы и его приближенных, то и светильник лжи кадия Бедреддина был уже не столь ярким. По предложению Баязида паши некоторые из его людей вступили на путь приверженности кадию Бедреддину и стали его мюридами. Последние с помощью разных уловок схватили его в лесу и связали. Закованный в цепи, стыдящийся содеянных им мерзостей, он был привезен к султану и предстал пред ним.

Вследствие того, что упомянутый кадий был известен своей ученостью и талантами, составление фетвы в отношении его зависело от мнения мусульманской общины. Поэтому падишах для расследования его дела пригласил людей веры. Одного из известнейших ученых, только что прибывшего из Ирана, по имени мевляна Хайдар из Херата, падишах назначил вести спор с Бедреддином.

Мевляна Хайдар, начав речь ссылками на науку и подкрепляя их примерами из преданий, выдвинул против вышеупомянутого следующий священный хадис: „Если в то время, как собрались единомышленники вашего дела, пришел некто для того, чтобы расколоть ваше собрание, — убейте его“. Тогда все присутствующие ученейшие и мудрейшие из ученых обратились к кадию Бедреддину: „Как это могло случиться, что ты с твоими знаниями в области законоведения и наук, которые изложены тобой в столь достойных писаниях, опустился до восхваления порока и сатаны и отошел от истинного пути? Как это ты допустил существование среди мусульман ереси и сектантства в то время, когда существует твердо установленное дозволенное и недозволенное, являющееся причиной порядка в мире? Как это случилось, что в этих религиозных мятежах и бунтах ты поднял знамя неповиновения против султана мусульман? И вот теперь ты сам вынеси достойное юридическое решение по поводу содеянного тобой и разъясни, какое возмездие полагается за беспутные и беспримерные поступки твои“.

Тогда спрошенный кадий разъяснил и признал все обстоятельства своей виновности. Он сказал, что мятежное выступление против султана

является грехом, который может быть очищен лишь мечом правосудия всевышнего.

[Таким образом] вышеупомянутый кадий в происходившем споре не устоял ни в одном пункте и не причинил затруднений присутствующим улемам. На основании этого султан издал указ, укрепляющий дом победоносной религии, в соответствии с которым, подобно тому, как он [Бедреддин] нанес ущерб достоинству шариата и оросил землю кровью приверженцев ислама, его надлежало смешать с прахом улицы, чтобы это стало предупреждением для других врагов опекаемого шариатом султана, разрушающих религию. Однако султан оставил имущество и владения [Бедреддина] его детям.

Из приверженцев [Бедреддина], знавших еретическое учение секты, [султан] никого не оставил живым. Некоторые из них получили спасение путем обновления клятвенного покаяния и были высланы из земель, где была распространена ересь.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 58—60.

F. Babinger. Schejch Bedr ed-din..., S. 42—49.

VII. К о д ж а Х ю с е и н. История династии Османа

Один из ученейших того времени, автор книг *جامع الفصولين* и *تسهيل* Симавна оглу Махмуд Бедреддин, который во времена Мусы Челеби занимал пост кадиаскера, был султаном Мехмедом отправлен в Изник с содержанием в 1000 акче в месяц. Будучи искушенным во всевозможных науках и в мистике, он собрал вокруг себя множество учеников. Вскоре он приобрел широкую известность своим аскетизмом, святостью и чудодейством.

Из большого числа его учеников и мюридов выделился Бёрклюдже Мустафа, который был у него кетхудою во времена кадиаскерства и стал теперь его заместителем. Бёрклюдже был послан проповедником в Айдын-эли. Здесь он привлек на свою сторону множество из неразумных, невежественных и простосердечных. Скоро число приверженцев его достигло десяти тысяч человек.

Когда Бедреддин узнал, что попал в руки упомянутого еретика, и почувствовал, что из этого выйдет вред ему, он не остался в стране османов, а бежал к Исфендияру. Однако в Кастамону он не остался, а морем переправился в Валахию. Правитель Валахии встретил его дружественно, и они заключили союз.

Когда султан услышал о деяниях безбожника Мустафы, он отправил указ сыну своему Мураду, предписывая ему уничтожить ересь и возмущение в Айдыне. Услышав о приближении войск Мурада, более 10000 безбожников, решившихся стоять на своем, сосредоточились в Карабуруне и вступили в жестокое сражение. С обеих сторон были огромные потери.

И еще Торлак Кемаль около 7000 человек обольстил ересью и безбожием. Остальные, приняв суннитство, спаслись от казни.

Гюка Мурад занимался усмирением восстания в Анатолии, Мехмед со своим войском совершил поход в Румелию с целью захвата Силоник. Не достигнув этой цели, он подверг опустошению окрестности города и с огромной добычей прибыл в Сероз. Здесь до него дошли вести о восстании Бедреддина. Тот, собрав в Валахии толпы еретиков, прошел через Силистрию и Дели Орман. Он разослал своих мюридов во

все концы Румелии. Различного рода безбожными возбуждениями они подняли несколько тысяч человек и сделали их приверженцами шейха.

Бедреддин всюду заявлял, что Бёрклюдже и Торлак Кемаль являются его последователями. Он говорил, что ему предопределено владеть миром и разделить его между своими мюридами и приверженцами. Он предавался разным животным страстям и наклонностям, позволял винопитие и другие различные запрещенные дела. Вследствие этого в Румелии в короткий срок проявилось разрушение религии и нарушение порядка в государстве.

Когда султан узнал об этом, а также о победе своего сына в Анатолии, он отдал приказ Баязиду паше уничтожить восстание. Тот выступил с большим войском. Произошло жестокое сражение. Армия Бедреддина была разбита, однако сам он бежал в Дели Орман. Там, вновь собрав отвратительные банды, не переставал бунтовать. Тогда Баязид паша, открыто готовясь к выступлению против шейха Бедреддина, тайно подготовил несколько верных людей, чтобы они, став мюридами Бедреддина, помогли его схватить. Они выполнили это. Тогда же был схвачен Торлак Худ бин Кемаль, и султан издал указ устроить диспут. Вести диспут был назначен только что прибывший из Ирана мюлла Хайдар Хюдаи. В споре Бедреддин был побежден, и тогда султан велел его казнить. Он был повешен в Серозе на базаре в назидание другим. Однако имущество шейха султан целиком оставил в руках его детей. Это было в 823 (1419/1420) году.

قوچه حسين — تواريخ آل عثمان
Рукопись ИВ АН СССР, № С. 564,
лл. 148-6—150-6.

Ю. В. БРОМЛЕЙ

**ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХОРВАТИИ
КОНЦА XV—XVI в.**

Изучение советскими медиевистами средневековой истории народов Югославии, которых связывают с народами нашей страны узы старинной дружбы, за последнее десятилетие заметно продвинулось. Особенно существенные сдвиги, пожалуй, произошли в разработке истории феодальных отношений в Хорватии, долгое время остававшейся почти вне поля зрения наших медиевистов. Главная заслуга в этом принадлежит академику Б. Д. Грекову, опубликовавшему в 1948 и в 1951 гг. монографические исследования двух важнейших памятников феодального права хорватов: Винодолского и Полицкого статутов¹. Отдельные проблемы социально-экономической жизни средневековой Хорватии получили освещение также в нескольких подготовленных у нас за последнее время статьях и диссертациях². И все же в данном направлении предстоит еще проделать значительную работу. В частности, остается недостаточно изученной история аграрных отношений в Хорватии конца XV—XVI в. Между тем, этот период в жизни хорватской деревни представляет для исследователя-медиевиста значительный интерес, поскольку в Хорватии, как и в других европейских странах, конец XV—XVI в. — время крупных перемен в аграрных отношениях.

На XVI в. приходится одно из наиболее значительных антифеодальных движений в Хорватии — восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г.

В буржуазной историографии нет специальных исследований, посвященных истории аграрных отношений в хорватской деревне конца XV—XVI в. Лишь в некоторых работах хорватских буржуазных исследователей, в той или иной степени затрагивающих историю восстания 1573 г., приводятся отрывочные данные о положении крестьян в Хорватии XVI в. Однако, ограничиваясь при этом по существу простым перечнем отдельных показаний источников, хорватские буржуазные историки, естественно, не могли раскрыть тех перемен в судьбах хорватского крестьянства, которые имели место как до, так и после восстания 1573 г.; ряд существенных вопросов истории аграрных отно-

¹ Б. Д. Греков. Винодол. Винодолский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.—Л., 1948; его же. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951.

² А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. Автореферат диссертации. Воронеж, 1954; В. Ефремов. Развитие феодальных отношений в Хорватии X—XI вв. Автореферат диссертации. Л., 1954.

шений в хорватской деревне данного периода вообще остался за рамками их работ³.

Современные югославские ученые, исследуя социально-экономическую историю своей страны в средние века, не оставили без внимания и аграрные отношения в Хорватии второй половины XV—XVI в. И хотя в этой области, насколько нам известно, они еще не создали монографических исследований, все же на страницах отдельных обобщающих работ и статей ими уже намечено решение некоторых важнейших вопросов аграрной истории позднесредневековой Хорватии. В общих чертах определены основные формы феодальной эксплуатации в хорватской деревне второй половины XV в.⁴; отмечено усиление феодального гнета в Хорватии XVI в.⁵; обращено внимание на обострение борьбы между хорватскими феодалами за рабочие руки в позднее средневековье⁶. Однако в целом вопросы аграрной истории Хорватии второй половины XV—XVI в. не получили в современной югославской историографии сколько-нибудь полного освещения.

В советской историографии начало изучению аграрных отношений в Хорватии конца XV—XVII в. положила уже упомянутая монография Б. Д. Грекова „Полица“, в которой на основе анализа Полицкого статута реконструируется общественный и политический строй в XV—XVII вв. в Полице — небольшой хорватской жупе на далматинском побережье. Наблюдения Б. Д. Грекова над системой производственных отношений в средневековой Полице и, прежде всего, характеристика положения полицкого крестьянства и структуры территориальной общины в Полице, несомненно, дают весьма много для понимания аграрного строя в Хорватии XV—XVI вв. Однако само собой разумеется, что на основе изучения только показаний Полицкого статута, действие которого было ограничено незначительной территорией, расположенной в стороне от главного массива хорватских земель, нельзя получить сколько-нибудь полного представления о степени развития феодальных отношений в хорватской деревне XV—XVI вв. Для этого необходимо обратиться к источникам, отражающим историю аграрных отношений в указанный период на основной территории королевства „Хорватия, Славония и Далмация“⁷. Некоторые из этих источников — урбарии — уже были предметом исследования автора данных строк, попытавшегося на их материалах проследить эволюцию феодальной ренты в Хорватии на протяжении второй половины XV—XVI вв.⁸. Непосредственным продолжением этого исследования является настоящая статья, посвященная выяснению таких малоизученных сторон аграрного строя хорватской деревни в конце XV—XVI в., как формы феодальной собственности, ее распределение внутри господствующего класса, структура территориальной и семейной общины, категории крестьян и некоторых других вопросов. Для решения этих проблем, помимо урбариев, нами привлекаются грамоты австрийских императоров и хорватских феодалов, куп-

³ Более подробную характеристику этих работ см. в нашей статье: Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. XI, 1953, стр. 155—159.

⁴ См. „Historija naroda Jugoslavije“. Kn. I. Zagreb, 1953, str. 764—766.

⁵ F. Čulinović. Seljačke bune u Hrvatskoj. Zagreb, 1951, str. 21, 33.

⁶ См. N. Klaić. O nekim pitanjima feudalne formacije u srednjovjekovnoj Slavoniji. „Historijski zbornik“, god. IV, Zagreb, 1951, str. 107—132.

⁷ Официальное наименование в средние века хорватского государства.

⁸ Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI веков. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 284—306.

чие и закладные грамоты, судебные решения, опись военного налога в Славонии 1543 г., опись имущества князя Ст. Франкопана от 1558 г., протоколы хорватских саборов и т. д.⁹

Изучение аграрных отношений предполагает прежде всего ознакомление хотя бы в самых общих чертах с состоянием сельскохозяйственного производства страны. При рассмотрении экономического строя средневековой хорватской деревни такое ознакомление тем более необходимо, что в исторической литературе эта важнейшая сторона жизни хорватского народа почти совсем не освещена.

Впервые вопрос о развитии сельского хозяйства в средневековой Хорватии был поставлен Б. Д. Грековым в работах „Винодол“ и „Полица“. На материалах Винодольского и Полицкого статуты Б. Д. Греков убедительно показал, что в Винодольском княжестве XIII в. и в Полице XV—XVII вв. главнейшими отраслями сельского хозяйства были хлебопашество и виноградарство¹⁰. Продолжая начатое Б. Д. Грековым исследование сельского хозяйства средневековой Хорватии, мы приходим на основании показаний источников конца XV—начала XVII в. прежде всего к заключению, что в этот период ведущая роль в экономике всей приморской части Хорватии принадлежала тем же отраслям сельского хозяйства. Об этом убедительно свидетельствуют урбарии, действовавшие в XVI—XVII вв. на территории Винодола (Грижанский урбарий 1544 г., Тржатский и Новиградский урбарии 1610 г.). Вместе с тем то особое внимание, которое уделяется в этих урбариях господским виноградникам, явное преобладание крестьянских повинностей, связанных с работой в них¹¹, заставляет заключить, что в XVI—начале XVII в. в приморской части Хорватии если не в крестьянских, то в доменальных хозяйствах феодалов виноградарство имело не меньший удельный вес, чем хлебопашество. Наряду с обработкой земли под зерновые культуры, широко практиковалось возделывание виноградников и на территории „собственно“ Хорватии к северу от Винодола (вплоть до р. Купы). Как свидетельствует относящаяся к этой территории опись имущества кн. Ст. Франкопана от 1558 г., в своих владениях Рыбник, Огулин, Луковдол, Звечай, Липпа и Новиград (на Добре) он получал ежегодно только от собственных виноградников более 1000 куб. (cubulum) вина; помимо того около 700 куб. вина поступало ему в счет ренты от крестьян¹². Широкому распространению в „собственно“ Хорватии виноградарства благоприятствовали теплый климат и гористый рельеф местности.

Несколько иное соотношение хлебопашества и виноградарства наблюдалось в XV—XVI вв., как и в последующее время, в Славонии. Здесь на плодородных равнинах, прилегающих к Купе, Саве и Драве, удобные земли использовались главным образом под посевы зерновых культур;

⁹ Основные из этих источников опубликованы в следующих изданиях: J. Kukuljević. Acta Croatia. Zagreb, 1863; Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium (далее МНЖСМ), vol. VI. Zagreb, 1898; J. Bojničić. Kraljevske darovnice, odnoseće se na Hrvatsku. Iz kraljevskih registraturnih knjiga „Libri Regii“. Vjesnik kr. hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva (далее VZA), god. VII. Zagreb, 1905; god. VIII. Zagreb, 1906; V. Klaić. Popis ratne dače u Slavoniji godine 1543. VZA, god. IX. Zagreb, 1907; E. Laszowski. Popis i procena dobara kneza Stjepana Frankopana-Ozaljskoga, god. 1558. Starine, kn. XXX. Zagreb, 1902; Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, vol. XXXIX. Zagreb, 1916.

¹⁰ См. Б. Д. Греков. Винодол, стр. 19; его же. Полица, стр. 34.

¹¹ См. МНЖСМ, vol. V, Zagreb, 1896, str. 86—89, 137, 139, 156.

¹² E. Laszowski. Popis i procena..., str. 185, 196, 200, 203, 204, 206, 208—210.

виноградство играло явно второстепенную, подсобную роль. Так, по Дубовацкому урбарю 1579 г. (юго-западная часть Славонии), валовой доход феодала-землевладельца (князя А. Тадиловича) от собственной запашки исчислялся в 836 форинтов, а от виноградников — всего в 30 форинтов¹³. Примерно такую же картину раскрывает и Раковацкий урбарий (середина XVII в.), содержащий опись крестьянских хозяйств Раковацкого владения в Крижевацкой жупании (северо-восточная часть Славонии).

По данным этого урбария из 200 крестьянских хозяйств только в 47 имелись виноградники¹⁴. О том, сколь большие земельные площади находились в Славонии в середине XVI в. под зерновыми культурами косвенно свидетельствует письмо от 1540 г. одного временного владельца Суседградско-Стубицкого имения (западная часть Славонии), Еролима Лаского, императору Фердинанду, в котором он, между прочим, отмечал, что ему необходимо приобрести для посева зерна не менее чем на 1000 форинтов¹⁵. По ценам XVI в. он мог на эту сумму купить самого дорогого зерна — пшеницы — свыше 700 кварт¹⁶ и засеять более 80 га¹⁷. Господские запашки под зерновые культуры в 50—60 га хорошо известны урбариям XVI—начала XVII в., относящимся к территории Славонии¹⁸. Из хлебных злаков наши источники чаще всего называют пшеницу, овес и просо, затем ячмень и рожь. Кроме того, в Дубовацком урбарии 1579 г. упоминаются в числе зерновых культур *zyrka*, *erzulye* и *haudyne*¹⁹. По поводу *zyrki* в Дубовацком урбарии 1581 г. сказано: оно то же, что и сорго²⁰, а относительно *erzulye* тот же урбарий позволяет установить, что это — *spelt*, т. е. полба²¹; термин *haudyne* — венгерского происхождения и означает гречиху.

Наиболее распространенным хлебным злаком в Хорватии XV—XVI вв. была пшеница. Она являлась, как правило, обязательной и главной составной частью всех крестьянских натуральных платежей зерном²²; пшеницей обычно засеивалась значительная часть господской запашки. Не меньшую роль, чем пшеница, в отдельных господских хозяйствах играло просо²³.

Некоторое представление об удельном весе различных зерновых культур в общем урожае злаков на домениальных землях хорватских феодалов в конце XVI в. позволяют получить Дубовацкие урбарии 1579 и 1581 гг. Произведенные нами на основании показаний этих урбариев подсчеты (по трем запашкам в урбарии 1579 г. и по одной запашке в урбарии 1581 г.) показывают, что в общем урожае злаков, собираемом ежегодно дубовацкими землевладельцами, просо в среднем

¹³ МНЖСМ, vol. V, str. 115.

¹⁴ Там же, стр. 171—185.

¹⁵ См. J. Hartinger. *Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573, Osijek, 1911, str. 96—97.*

¹⁶ См. Дубовацкий урбарий 1579 г., МНЖСМ, vol. V, str. 111—112.

¹⁷ По данным Дубовацкого урбария 1579 г., на участке в 86 югеров (около 50 га) ежегодно собирался урожай в 1260 кварт различного зерна (см. МНЖСМ, vol. V, str. 109—110). Допуская самую низкую урожайность сам-три, мы узнаем, что даже в этом случае на 50 га высевалось не более 430 кварт. Следовательно, для посева 700 кварт зерна требовалась площадь не менее чем в 80 га.

¹⁸ См., например, МНЖСМ, vol. V, str. 109, 111, 185.

¹⁹ Там же, стр. 110—112, 115.

²⁰ См. там же, стр. 125.

²¹ См. там же, стр. 127.

²² См., например, там же, стр. 18, 88; E. Laszowski. *Popis i procena . . .*, str. 190.

²³ См. МНЖСМ, vol. V, str. 110, 115, 116, 125.

составляло более 32%, пшеница около 27%, овес — 17%, сорго — 13%, ячмень свыше 5%, полба — 3%, рожь — 1%, гречиха — 0,7%. Небольшой удельный вес гречихи среди зерновых культур, очевидно, связан с особенностями почвы и климата страны. Незначительный процент площади, занятой рожью, обусловлен, видимо, тем же. Что касается большого удельного веса проса в общем урожае злаков, собираемых с господских запашек, то это обстоятельство, видимо, стоит в прямой связи с многочисленными показаниями таможенных книг середины XVI в. о поступлении в Загреб значительного количества проса.

Кроме хлебопашества и виноградарства, значительную, но все же явно подсобную роль в хозяйственной жизни средневековой Хорватии играли садоводство и огородничество. Слово „врт“, под которым, по видимому, можно понимать и сад и огород²⁴, хорошо известно и урбариям и грамотам. В документах на латинском языке ему соответствует термин *hortus*. В Дубовацком урбарии 1579 г. говорится об урожае, полученном на *wertyu*, причем перечисляются бобы, горох, капуста, лук, чеснок, лен²⁵. К этому следует добавить еще перец („папр“), который называет Благайский урбарий²⁶. Из технических культур, кроме льна, в источниках изредка упоминается конопля²⁷. Виды фруктовых деревьев, разводившихся в Хорватии XV—XVI вв., установить не удастся: источники говорят лишь вообще о фруктовых деревьях и садах, употребляя при этом обычно термин *bohe*²⁸. Фруктовые сады, по видимому, были, как правило, небольших размеров. Судя по данным описи имущества кн. Ст. Франкопана, даже в его собственных садах обычно насчитывалось 10—20 фруктовых деревьев²⁹.

Повсеместно распространенной системой земледелия в Хорватии XV—XVI вв. было трехполье. Как установил Б. Д. Греков, в частности, по этой системе велось земледелие в средневековой Полице³⁰. О наличии трехполья в XV—XVI вв. и в других районах страны свидетельствует тот факт, что в урбариях основная масса барщинных повинностей крестьян обычно приурочивалась к осени и весне. Об осенней пахоте сообщается и в источниках нарративного характера: например, в одном из таких источников конца XVI в. рассказывается о пахоте, происшедшей в ноябре³¹. Впрочем, в свете данных Дубовацких урбариев о разнообразных зерновых культурах, не исключено существование в Хорватии XVI в. и более сложных систем земледелия. Во всяком случае подсечная система земледелия, ранее широко распространенная у славянских народов, населявших Балканский полуостров³², в XV—XVI вв. в Хорватии отошла, видимо, уже в далекое прошлое. Правда, в Дубовацком урбарии 1579 г. и в Раковацком урбарии середины XV в. упоминаются раскорчеванные земли, но оба эти урбария имеют в виду не подсеку, а расширение пахотных земель за счет лесов³³.

Имеются сведения о применении в хорватской позднесредневековой деревне удобрений при обработке земли, что свидетельствует об из-

²⁴ См. Б. Д. Греков. Винодол, стр. 19.

²⁵ MHJSM, vol. V, str. 110.

²⁶ Там же, стр. 18.

²⁷ Там же, стр. 158.

²⁸ *Bohe* — по Ягичу, — *fructus, arbor fructifera* (MHJSM, vol. IV, str. 229).

²⁹ *Starine*, kn. XXX, str. 196, 204.

³⁰ Б. Д. Греков. Полица, стр. 18, 34.

³¹ *Starine*, kn. VII, № 180, str. 317.

³² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945, стр. 111.

³³ MHJSM, vol. V, str. 10, 168.

вестном прогрессе земледелия. Так, в Новиградском урбарии среди крестьянских повинностей специально выделен вывоз на господское поле навоза³⁴. В этом же урбарии говорится о прополке сельскохозяйственных культур³⁵.

Земля под посевы обрабатывалась в Хорватии XV—XVI вв. почти исключительно с помощью волов; лошади, довольно часто упоминаемые в источниках, видимо, употреблялись в это время главным образом для военных целей. Судя по тому, что обычно для пахоты в качестве тягловой силы использовалась пара волов, основным орудием обработки почвы был легкий плуг, именуемый в источниках „рало“. Сохранились сведения, что лемех рала изготовлялся из железа³⁶. Из других сельскохозяйственных орудий, употребляемых хорватскими крестьянами, источники отмечают мотыги, лопаты, косы и серпы³⁷.

Обмолоченное зерно перемалывалось в мельницах, подавляющее большинство которых приводилось в движение силою воды. Во всяком случае в урбариях и других доступных нам источниках фигурируют лишь водяные мельницы (млины), сооруженные, как правило, на небольших горных речках. Обращает внимание их многочисленность. Так, по данным Модрушского урбария, в среднем на каждые десять крестьянских хозяйств приходилась одна мельница³⁸. Это обилие водяных мельниц объясняется, видимо, как их примитивностью и маломощностью, так и тем, что значительную часть года, когда горные речки пересыхали, они бездействовали.

Характеризуя состояние земледелия в Хорватии XV—XVI вв., необходимо также учитывать данные как о росте специализации в самой хорватской деревне, так и о разделении общественного труда в хорватском обществе этого периода. Вряд ли было бы верно, например, игнорировать в этой связи отмечаемое источниками развитие в хорватской деревне изучаемого периода домашнего ремесла. Так, в Модрушском урбарии конца XV в. уже нередко встречаются указания о крестьянах, в хозяйственной жизни которых существенную роль играло то или иное домашнее ремесло. Здесь же не раз говорится о кметах-плотниках, бондарях, лучниках³⁹. Особенно часто памятники XV—XVI вв. упоминают сельские кузницы⁴⁰. Если изготовление отдельными сельскими специалистами предметов домашнего обихода вело просто к высвобождению у других крестьян времени, необходимого для производства этих предметов, то широкое распространение в селах кузниц, помимо того, несомненно способствовало внедрению в крестьянские хозяйства продукции кузнечного ремесла.

Не мог не оказать известного влияния на состояние производительных сил в земледелии и дальнейший рост общественного разделения труда, в частности, изготовление ремесленниками хорватских городов орудий сельского хозяйства. Среди товаров на местных рынках Хорватии XV—XVI вв. довольно часто фигурировали поставляемые городскими ремесленниками железные лемехи, лопаты, мотыги и тому подобные орудия труда⁴¹. Однако серьезным препятствием для проникновения

³⁴ MHJSM, vol. V, str. 141.

³⁵ Там же.

³⁶ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 50.

³⁷ MHJSM, vol. V, str. 87, 141.

³⁸ Там же, стр. 30—81.

³⁹ Там же, стр. 42, 44, 68.

⁴⁰ См., например, MHJSM, vol. IV, str. 89, 182; vol. VI, str. 113, 193.

⁴¹ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 50.

этой продукции в крестьянские хозяйства служили высокие таможенные пошлины и монопольные цены; надо полагать, почти не приобретались сельскохозяйственные орудия, изготовленные городскими ремесленниками, для господских хозяйств, поскольку барская запашка обслуживалась трудом крестьян и их орудиями. В целом, несмотря на постепенный прогресс (дальнейшее распространение железных сельскохозяйственных орудий, применение удобрений и т. п.), система и техника земледелия в Хорватии XV—XVI вв. отличалась крайней консервативностью и рутинностью, присущей феодальному способу производства, при котором „ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой“⁴².

В силу консервативности технического базиса увеличение продукции земледелия в Хорватии XV—XVI вв. было возможно не столько за счет интенсификации хозяйства, сколько путем экстенсивного расширения посевных площадей. В источниках этого периода неоднократно отмечается освоение крестьянами новых земель. Свидетельство Раковацкого урбария середины XV в. относительно раскорчеванных земель приводилось уже выше. К сказанному по этому поводу следует лишь добавить, что в урбарии имеется в виду расширение за счет раскорчеванных земель крестьянских наделов и предполагается, что такого рода увеличение крестьянской запашки явление довольно обычное⁴³. Данные об освоении крестьянами новых земель содержатся и в грамотах середины XVI в.⁴⁴.

Примерно с первой половины XVI в. в Хорватии наблюдается заметный рост собственно господских земель. Так, о новом княжеском винограднике говорится в Грижанском урбарии 1544 г.⁴⁵; новые господские виноградники и сады фиксируются описью имуществ кн. Ст. Франкопана от 1558 г.⁴⁶. Многочисленные показания источников об увеличении в XVI в. барщины крестьян косвенно свидетельствуют о расширении в это время домениальных запашек под зерновые культуры.

Как и земледелие, экстенсивный характер имело в Хорватии XV—XVI вв. животноводство, занимавшее видное место в экономике страны. Нам уже известно, что для пахоты использовались почти исключительно волы и только частично лошади, так как последние были необходимы для армии; кроме того, на волах, лошадях и ослах производились различные перевозки. Урбарии и грамоты позволяют также судить и о мясо-молочном хозяйстве в хорватской деревне того времени: в них довольно часто упоминаются коровы, овцы, свиньи и козы. Особенно широко распространены были овцеводство и свиноводство. Мелкий скот и продукты животноводства (окорока, сыры и т. п.) были обычной составной частью натуральной ренты⁴⁷. Заметная роль в конце XV—XVI в. принадлежала на местных рынках таким продуктам животноводства, как мясо, кожа, шерсть и т. д.

Под пастбища для скота использовались главным образом так называемые испаши. Это, как правило, были непригодные для хлебопашества и сенокосов земли, расположенные в горах и покрытые лесом и кустарником. Кроме того, скот пасся на скошенных лугах и полях, после

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

⁴³ MHJSM, vol. V, str. 168.

⁴⁴ J. Kukuljević. Acta Croatia. Zagreb, 1863, № 206, str. 209; № 208, str. 211.

⁴⁵ MHJSM, vol. V, str. 88.

⁴⁶ Starine, kn. XXX, str. 196, 206.

⁴⁷ См., например, MHJSM, vol. V, str. 18, 34, 75, 76, 78, 80, 106 и др.

снятия с них урожая⁴⁸. Сено, как корм для скота, играло подсобную роль в крестьянских хозяйствах. Так, по данным Модрушского урбария — единственного урбария, фиксирующего размеры крестьянских сенокосов, — на каждый крестьянский двор приходилось от 1 до 4 стогов сена⁴⁹, многие же крестьянские хозяйства вообще не имели сенокосов: в урбарии в ряде случаев сенокосы или вообще не упоминаются или прямо говорится „ali sinokoši ni“⁵⁰. Лучшие сенокосы входили в состав домениальных владений феодалов. Некоторые из них достигали весьма значительной величины. Например, в Дубовацком урбарии 1579 г. упоминается господский луг, с которого убиралось до 140 возов сена⁵¹. Это, в свою очередь, предполагает наличие в отдельных господских хозяйствах немалого числа скота. Но основная масса скота безусловно разводилась в крестьянских хозяйствах. Этим и была в первую очередь обусловлена экстенсивность скотоводства, ибо мелкое крестьянское хозяйство по своей природе исключало возможность разведения скота в крупных размерах⁵².

Данные наших источников позволяют установить, что в хозяйствах хорватского крестьянства с земледелием и скотоводством сочетались птицеводство и пчеловодство. Об этом в первую очередь свидетельствуют все те же урбарии, фиксирующие в составе ренты продуктами домашних птиц, яйца и воск. Часто упоминаются в статутах и грамотах ульи⁵³. Среди домашней птицы источники называют кур, а также каплунов и гусей.

Видную роль в хозяйственной жизни средневековой Хорватии играло рыболовство. Особенно распространенным промыслом было рыболовство в Приморской Хорватии. В Новиградском урбарии и Полицком статуте этому промыслу посвящены специальные статьи⁵⁴. Для удобства ловли рыб в реках устанавливались „ловища“ и „затоци“, а для их разведения — специальные приспособления — „рибняки“⁵⁵. Модрушскому урбарии известна даже особая повинность крестьян — служба „ribarion“⁵⁶, т. е. разведение и ловля рыбы. Комментируя это показание Модрушского урбария, Р. Лопашич отмечает, что „каждое крупное и мелкое имение еще в прошлом веке (т. е. в XVIII в. — Ю. Б.) имело один или несколько рибняков“. Так, Штеничякское владение за Купой близ Карловца имело столько „рибняков, что еще в 1570 г. ... получало от них дохода более, чем на 1000 фор.“⁵⁷.

В источниках конца XV — начала XVII в. нередко упоминается охота. В Полицком статуте охотничьему промыслу даже посвящены две статьи. Анализируя их содержание, Б. Д. Греков пришел к следующему заключению: „1) охота в Полице — не забава, а промысел; 2) хозяева участков земли, на которой возможна охота, нанимают охотников-специалистов из части добычи; 3) для охоты на медведя и лисиц привлекаются помощники тоже из части добычи“⁵⁸. Упоминается охота и

⁴⁸ МНЖСМ, vol. IV, str. 69.

⁴⁹ См. МНЖСМ, vol. V, str. 29—81.

⁵⁰ Там же, например, стр. 30.

⁵¹ Там же, стр. 110.

⁵² См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 820.

⁵³ См., например, МНЖСМ, vol. IV, str. 150, 183, 213, 219; МНЖСМ, vol. VI, № 265.

⁵⁴ МНЖСМ, vol. V, str. 93; vol. IV, str. 138.

⁵⁵ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 24.

⁵⁶ МНЖСМ, vol. V, str. 31, 32, 43.

⁵⁷ Там же, стр. 31, прим. 3.

⁵⁸ Б. Д. Греков. Полица, стр. 25.

в урбариях. Так, Модрушский урбарий дважды говорит об особой повинности крестьян — службе „*pticariu*“⁵⁹, которую Р. Лопашич расширяет как ловлю диких птиц для господского хозяйства⁶⁰. Новиградский урбарий устанавливает, что в случае, если „кто-нибудь добудет птицу или зверя, то должен, согласно старому закону, поставить в известность господского официала (управляющего. — Ю. Б.)“ и продать ему „по старой цене“⁶¹. Таким образом, охотничья добыча поступала прежде всего в господское хозяйство. В экономике подавляющего большинства хорватских крестьян охота не играла сколько-нибудь значительной роли. Видимо, лишь только для немногих сельских жителей, занимавшихся специально охотничьим промыслом, этот промысел был одним из основных источников их существования.

Таковы те наиболее существенные сведения, которые дают доступные нам источники для характеристики отраслей сельского хозяйства в хорватской деревне второй половины XV и XVI в. Подавляющее большинство этих отраслей, как правило, соединялось в каждом отдельном крестьянском хозяйстве. Во всяком случае, в каждой феодальной вотчине существовали почти все важнейшие отрасли сельского хозяйства, что свидетельствует о сохранении, несмотря на значительный рост товарно-денежных отношений стране, натурально-замкнутой по своему характеру хозяйственной жизни в хорватской деревне рассматриваемого периода. Сохранение натурального хозяйства было обусловлено прежде всего присущей феодальному строю организацией производства, неразрывно связанной с низкой и рутинной техникой.

В силу сравнительно слабого развития техники и экстенсивности сельскохозяйственного производства, хозяйства хорватских крестьян в значительной степени зависели от природных условий и часто несли немалый ущерб от различных стихийных бедствий. В частности, тяжелый урон наносили крестьянскому хозяйству засухи. Например, в жалобе грижанских кметов рассказывается, что в 1444 г. от засухи у них погиб весь урожай винограда и большая часть хлебов⁶². Неизбежным спутником неурожая был голод. Наиболее тяжелым в этом отношении для Приморской Хорватии был 1527 г.⁶³, а для Славонии — 1570 г.⁶⁴.

Но особенно страшным бедствием для хорватской деревни с конца XV в. стали опустошительные турецкие набеги. Следы этих опустошений нашли свое отражение в большинстве урбариев изучаемого периода: почти все они пестрят указаниями на пустующие кметские наделы. Такого рода свидетельства о турецких набегах уже весьма часто встречаются в Модрушском урбарии 1486 г. Например, по его данным, в этом году в селе Машник из 21 крестьянского хозяйства осталось только 4, в селе Пищатки было заброшено 65% кметских наделов и т. д.⁶⁵. Исключительно яркую картину турецкого нашествия на Модрушские владения дает одна грамота 1493 г. В ней сказано: „... и напали на Модруш турки и пожгли все огнем, избивая оружием стариков, юношей, дев, вдов и даже грудных детей; и скорбь была такова, какой не было от времени нечестивых татар, готов и атил“⁶⁶. Видимо, результат этого

⁵⁹ MHJSM, vol. V, str. 32, 64.

⁶⁰ Там же, стр. 32, прим. 2.

⁶¹ Там же, стр. 138.

⁶² Там же.

⁶³ E. Laszowski. Gorski kotar i Vinodol, str. 132.

⁶⁴ T. Smičiklas. Povjest Hrvatska, dio II, str. 60.

⁶⁵ MHJSM, vol. V, str. 78—81.

⁶⁶ MHJSM, vol. IV, str. 376.

набега частично отражен в описи имуществ кн. Ст. Франкопана 1558 г. Весьма показательно, что единственные три села, которые вошли как в состав Модрушского урбария, так и описи, по данным последней в 1558 г. были полностью заброшены⁶⁷. При этом опись не раз указывает и другие опустошенные и разоренные селения, прямо отмечая, что это результат турецких набегов. Говорится] в ней и об угнанных в плен крестьянах⁶⁸.

Турецкие вторжения причиняли огромный ущерб сельскохозяйственному производству Хорватии конца XV—XVI в., но, как вы видели, они не смогли приостановить, хотя и очень медленного, все же достаточно заметного развития производительных сил в хорватской деревне.

Состоянию производительных сил в сельском хозяйстве — ведущей отрасли народного хозяйства Хорватии в XV—XVI вв. — соответствовал характер господствующих в этот период производственных отношений в стране. Их основой являлась собственность господствующего класса, класса феодалов, на главное средство производства — землю. По словам К. Маркса, „крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового феодального общества“⁶⁹. Она, в конечном счете, определяла и собственность феодалов на непосредственных производителей⁷⁰.

Развитие феодальной собственности в Хорватии к XV—XVI вв. прошло несколько этапов. Как устанавливает в статье „Образование государства у хорватов“ В. Т. Дитякин, уже в VIII—IX вв. основной чертой истории хорватов „являлась борьба новых нарождающихся элементов против остатков родо-племенных отношений“⁷¹. В ходе этой борьбы складывались феодальные отношения и феодальная земельная собственность. На протяжении всего периода существования феодального строя в Хорватии монополия собственности феодалов на землю оставалась основой производственных отношений. Однако в рамках этих отношений, по мере роста производительных сил, развивались и изменялись формы земельной собственности, а одновременно и соотношение различных категорий феодального землевладения.

Как и в подавляющем большинстве средневековых стран, в Хорватии XV—XVI вв. феодальные земельные владения делились на три основные категории: светские, церковно-монастырские и королевские (императорские).

Наиболее распространенной, а вместе с тем и типичной категорией в изучаемый период была земельная собственность, принадлежавшая светским феодалам. Ее преобладающая форма именуется в хорватских источниках термином „племенщина“⁷², причем термин этот употребляется для обозначения земельной собственности как крупных, так и мелких феодалов.

Вопросам, связанным с владением племенщиной, посвящены многие глаголические грамоты этого периода; исключительно большое место отводит этому предмету Полицкий статут. Соответствующие его пока.

⁶⁷ Starine, kn. XXX, str. 210.

⁶⁸ Там же, стр. 206.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 253.

⁷⁰ См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 647.

⁷¹ В. Т. Дитякин. Образование государства у хорватов. „Исторический журнал“, 1944, № 10—11, стр. 83.

⁷² По поводу этимологии этого слова Б. Д. Греков высказывает следующие соображения: „Термин «племенщина», конечно, происходит от общеславянского слова «племя». Отсюда русское «племянник», что в старину означало всех боковых родственников вообще“ (Б. Д. Греков. Полица, стр. 96).

зания привлекли пристальное внимание Б. Д. Грекова. Подводя итог их исследованию, он пишет: „Итак, племенщина есть наследственная родовая (в позднейшем понимании слова) земля, находящаяся в собственности у людей племенитых. Они имеют полное право ею распоряжаться. Государственная власть оберегала их права, и сама, кроме одного случая (государственная измена), в свою пользу эти земли не конфискует. В случае преступлений людей племенитых, их племенщина отбирается, но идет в пользу не государства, а родственников. Последние имеют преимущественное право ее покупки у продающего родственника, они же, по новому закону, получали и право родового выкупа“⁷³.

К аналогичным выводам о характере этой формы феодальной земельной собственности приводят нас и данные хорватских грамот второй половины XV—XVI в. Прежде всего в них обычно подчеркивается, что племенщина — собственность, полученная по наследству („племенщина дидина“, „племенщина, ча е ошаста от првих“) ⁷⁴. О праве феодала свободно отчуждать племенщину свидетельствует тот факт, что она часто выступает в грамотах, как объект различного рода сделок: продажи-купли, обмена, дарения, завещания, заклада ⁷⁵. При этом, как правило, в грамотах декларируется согласие ближних и дальних родственников на отчуждение племенщины ⁷⁶. Очевидно, как и в Полице, во всей Хорватии XV—XVI вв. за родственниками оставалось право преимущественного приобретения племенщины, что, в свою очередь, наряду с правом „родового“ выкупа, является показателем сословного характера этой формы феодальной собственности. О том же свидетельствует и публичное оформление всех актов передачи племенщины в специальных „племенных“ судах или „столах“ с участием большого числа свидетелей — „племенитых людей“ ⁷⁷. На феодальный характер прав собственника племенщины указывает и то обстоятельство, что, если он являлся вассалом крупного феодала, всякий акт отчуждения племенщины сопровождался уплатой определенной пошлины в пользу сеньора ⁷⁸; передача племенщины в другие руки непосредственными вассалами короля (императора) считалась действительной лишь после утверждения им этого акта. Король (император), будучи верховным собственником всех земель, в том числе племенщин, имел право, как и полицкий князь, конфисковать их в свою пользу; и, как мы увидим ниже, этим правом верховные собственники пользовались неоднократно.

Итак, племенщина в XV—XVI вв. выступает как сословная и иерархическая земельная собственность, близкая по своему типу к русской „родовой“ вотчине того же времени ⁷⁹.

Наряду с племенщинами-вотчинами, хорватскому феодальному праву в изучаемый период известны также условные земельные владения. Возникновение такого рода владений — отчасти результат пожалований светских и духовных феодалов. Но основная масса крупных условных владений ведет свое происхождение от королевских (императорских) пожалований. Только среди опубликованных хорватским историком

⁷³ Б. Д. Греков. Полица, стр. 100.

⁷⁴ См., например, МНЈСМ, vol. VI, str. 415—418; J. Kukuljević. Acta Croatia, Zagreb, 1863, № 162, str. 177.

⁷⁵ См., например, J. Kukuljević. Acta Croatia, № 152, str. 177—178; № 190, str. 197—198; № 285, str. 239; № 265, str. 249—250.

⁷⁶ См. там же.

⁷⁷ См. там же.

⁷⁸ См. там же.

⁷⁹ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 96—97.

И. Бойничичем грамот императора Фердинанда за 1527—1564 гг.⁸⁰ насчитывается более 60, фиксирующих пожалования земельных владений в Хорватии, точнее говоря, в Славонии. Эти грамоты, как и весь материал указанной публикации Бойничича, заслуживают того, чтобы быть предметом специального исследования, посвященного политике Габсбургов в Хорватии. В данном случае для нас существенна другая сторона дела — характер королевских (императорских) земельных пожалований. Рассматривая с этой точки зрения указанные грамоты, легко убедиться в следующем: во-первых, объектом пожалования являлись как ненаселенные, так и населенные земли и даже города⁸¹. Во-вторых, все земли были пожалованы как вознаграждение „за верную службу“ (*pro fidelibus servitis*)⁸² и, следовательно, обусловлены таковой. В-третьих, во всех грамотах новому владельцу предоставляется право дарить эти земли, передавать по наследству и менять⁸³. Итак, перед нами условные земельные владения, напоминающие по своему характеру русское поместье или западноевропейский феодал.

Несколько иную по своему происхождению, но совершенно аналогичную по характеру форму феодального землевладения в Хорватии раскрывают сохранившиеся от XV—XVII вв. жалованные грамоты крупных светских феодалов. Рассмотрим для примера грамоту, данную кн. Ст. Франкопаном в 1457 г. М. Оштрихарицу, который известен как один из составителей Модрушского урбария 1486 г. Ему жалуются грамотой 1457 г. земли („дворы“ и „села“ в деревнях Бужи и Пищатки) в Модрушских владениях со всеми доходами („доходки и приходища“). При этом последние расшифровываются, как „навадна (обычная. — Ю. Б.) служба“ кметов⁸⁴, т. е. в первую очередь передаются права на феодальную ренту.

Относительно повода пожалования в грамоте 1457 г. сказано, что земли даются „за верную и безупречную службу с тем, чтобы впредь прилежно и хорошо ее исполнял“⁸⁵, т. е. как вознаграждение и поощрение за службу. В заключительной части грамоты указывается, что М. Оштрихариц „мози того... дара удржати и уживати, и даровати, и заложити, и за потрибу свою продати и за душу оставити,... и учинити ода всела како годи драго“⁸⁶ и, конечно, передавать по наследству. Право отчуждения, в том числе передачи по наследству, а также обусловленность владения „верной службой“, подчеркивается во всех доступных нам грамотах о земельных пожалованиях хорватских светских феодалов в XV—XVI вв.⁸⁷

В дарственных грамотах, как королевских (императорских), так и светских феодалов, характер службы не разъясняется. Видимо, он был общеизвестен. В Хорватии XV—XVI вв. продолжало, вероятно, действовать общее феодальное право, согласно которому владелец пожалования

⁸⁰ J. Bojničić. Kraljevske darovnice... VZA, god. VII, str. 178—208, 237—276; god. VIII, str. 1—41, 103—106.

⁸¹ См., например, там же, god. VII, № 37, str. 200.

⁸² Там же, god. VII, № 2, str. 182; № 4, str. 183; № 8, str. 185; № 9, str. 186; № 16, str. 180; № 30, str. 197; № 31, str. 197; № 38, str. 201, № 41, str. 203; № 51, str. 237; № 53, str. 238; № 72, str. 252; № 95, str. 263; № 113, str. 276 и др.

⁸³ Там же.

⁸⁴ MHJSM, vol. VI, № 122, str. 206.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См., например, MHJSM, vol. VI, № 125, str. 213; R. Strohal. Nekoliko neštampanih glagolskih listina. VZA, god. XII, № 1, str. 61.

был обязан своему сеньору прежде всего военной службой. Не случайно подавляющее большинство жалованных грамот Фердинанда приходится на начальный период его правления, когда он особенно нуждался в военной поддержке хорватских феодалов. В ряде случаев земельные владения могли быть пожалованы за исполнение административных обязанностей в вотчине сеньора. Например, М. Оштрихарец, получивший в 1457 г. земельные владения под Модрушем, выполнял административные поручения кн. Франкопана и, в частности, был одним из составителей Модрушского урбария.

Права владельцев пожалованных как королем (императором), так и светскими феодалами земель, по существу почти ничем не отличались от прав собственников племенщин. Например, в грамоте 1457 г. прямо говорится, что М. Оштрихарец может поступать „с указанным даром“ как со своей племенщиной⁸⁸, т. е. пожалованные земли фактически приравниваются к племенщине.

С другой стороны, в изучаемый период многие вотчинные (племенщинные) владения в Хорватии приобретают форму условного держания от короля (императора). Стремясь усилить зависимость хорватских феодалов, Габсбурги издают ряд грамот, в которых подтверждались права хорватских вотчинников на их племенщину, но вместе с тем владение землей обуславливалось „верной службой“. Отчасти в этом, видимо, были заинтересованы и сами феодалы—собственники племенщины, ибо такого рода подтверждения были немаловажной для того времени гарантией сохранения ими своих земельных владений. Практика „передачи“ хорватскими вотчинниками их земельной собственности на „новых правах“ наблюдается уже в первые годы правления Фердинанда⁸⁹, но особенно большие размеры она приобретает в 50—60-е годы XVI в.⁹⁰. Продолжалась эта практика и при Максимилиане (1564—1576 гг.), и при Рудольфе (1576—1606 гг.)⁹¹. Грани между вотчинным и условным землевладением стирались также в результате установления вассальных отношений между крупными и светскими феодалами и более мелкими владельцами племенщин. Один из таких случаев коммэндации мелких феодалов-вотчинников, между прочим, приводится В. Клаичем, который указывает, что в 1432 г. племечи „de generationes Lokašew“ добровольно отдалась под защиту князей Благайских⁹².

Таким образом, в рассматриваемый период основное различие между племенщиной-вотчиной и условным земельным пожалованием (типа поместья) в конечном счете заключалось лишь в источниках их происхождения.

Слияние в XV—XVI вв. этих двух форм феодальной собственности сопровождалось усилением королевской (императорской) власти как верховного собственника земли. А это, в свою очередь, вело к укреплению охраны монопольной собственности хорватских феодалов на землю со стороны государства. В случае же коммэндации феодалов—владельцев племенщин—эта функция в первую очередь осуществлялась их сеньорами—крупными светскими феодалами.

⁸⁸ MHJSM, vol. VI, № 122, str. 206.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См. J. Bojničić. Kraljevske darovnice..., VZA, god. VII, № 10, str. 186; № 19, str. 191; № 21, str. 192; № 35, str. 199; № 46, str. 205 и др.

⁹¹ См. там же. VZA, god. VII, № 159, str. 108; № 163, str. 112; № 165, str. 113; № 166, str. 114; № 169, str. 151; № 175, str. 117; № 177, str. 118; № 178, str. 119; № 181, str. 121 и др.

⁹² V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 22.

Помимо земельных пожалований, полученных от короля (императора) или светских феодалов, в Хорватии XV—XVI вв. существовали также земельные владения, обусловленные службой церковно-монастырским сеньорам. К сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь косвенные данные о такого рода пожалованиях. Так, среди грамот императора Фердинанда, опубликованных И. Бойничичем, есть две грамоты, подтверждающие пожалования Топушского аббата светским лицам⁹³. По данным описи военного налога от 1453 г., в этом аббатстве насчитывалось 15 мелких вассалов, причем общий размер их владений в 7 раз превышал величину домениальных земель самого аббатства⁹⁴. Для Хорватии изучаемого времени подобное превышение размеров условных держаний над величиной домена в крупных церковно-монастырских вотчинах довольно типично. Это явление, возможно, объясняется тем, что крупные духовные феодалы предпочитали реализовать свою непрерывно растущую земельную собственность с помощью мелких вассалов, не прибегая для этой цели к расширению собственного аппарата внеэкономического принуждения. Возможно также, что указанное явление — результат коммандации мелких феодалов. Но, так или иначе, мелкие феодалы церковно-монастырских вотчинников были обязаны своему сеньору не только „верной службой“, в обычном значении этого термина, но и частью ренты (преимущественно в форме доли урожая). Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что при передаче вассалом духовного феодала новому владельцу своего условного держания, последний обязывался отдавать своему сеньору определенную часть ренты. Так, согласно купчей грамоте от 1558 г., бакрский капитан Денти, купивший у некоего Вида Дерпчича виноградник, должен был ежегодно отдавать церкви св. Мартина $\frac{1}{4}$ урожая, собранного с этого виноградника. При этом Денти получал право свободно распоряжаться данным виноградником (продавать, дарить и завещать), но в случае, если он или кто-либо из последующих владельцев отказывался бы давать четвертину, церковь „былавольна отобрать виноградник... и передать кому ей угодно“⁹⁵. Таким образом, условные держания вассалов духовных феодалов отличались от условных владений, пожалованных светскими феодалами характером службы, но по объему владельческих прав были идентичны им.

Наряду с племенщиной и условным наследственным владением, распространенной формой феодальной земельной собственности в Хорватии XV—XVI вв. было заставное землевладение, хорошо известное ряду европейских стран того времени. В частности, как показал академик В. И. Пичета в одной из своих последних работ, эта форма землевладения получила весьма широкое распространение в конце XV и начале XVI в. в Великом княжестве Литовском⁹⁶. По определению В. И. Пичеты, под заставным землевладением „следует понимать передачу недвижимого имущества в руки арендатора в виде обеспечения полученной собственником земли денежной ссуды... Держатель заставы получал право эксплуатации имения, собирал доходы с него в виде процентов за выданную ссуду. Срок заставы обычно прекращался с момента выкупа заставного имения“⁹⁷.

⁹³ J. Bojničić. Kraljevske darovnice... VZA, god. VII, № 39, str. 201; № 40, str. 202.

⁹⁴ V. Kleić. Popis ratne daće u Slavonije godine 1543. VZA, god. XI, str. 88—89.

⁹⁵ R. Strohal. Nekoliko neštampanih glagolskih listina. VZA, god. XII, str. 67.

⁹⁶ См. В. И. Пичета. Феодальное поместье в Великом княжестве Литовском. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 251—257.

⁹⁷ Там же, стр. 251.

Совершенно аналогичный характер имело заставное землевладение в Хорватии. Как свидетельствуют источники, передача земли в заставу отличалась от сделки купля-продажа прежде всего тем, что за „продавцом“ оставалось право выкупа; до момента выкупа новый владелец получал полное право на все доходы с полученной в заставу земли⁹⁸. Нельзя не отметить в этой связи и того весьма любопытного обстоятельства, что как и в Литве, так и в Хорватии данная форма землевладения носила одно и то же наименование — „застава“.

Известны свидетельства о заставном землевладении в Хорватии, относящиеся к началу XIV в.⁹⁹. Основная же масса заставных грамот приходится на вторую половину XV и XVI в., причем среди лиц, передающих свою землю в заставу, встречаются как светские и духовные феодалы, так и короли¹⁰⁰.

Возникновение и распространение этой формы землевладения было связано с развитием товарно-денежных отношений в условиях еще сравнительно прочного феодального строя с его натурально-хозяйственной основой. Как подчеркивает В. И. Пичета, анализируя сущность заставного землевладения, „в условиях натурального хозяйства увеличение дохода с накопленных денежных средств было возможно только при посредстве ростовщических сделок — выдачи денег в кредит, разумеется, под известной гарантией. Такой гарантией могло быть земельное владение“¹⁰¹. Но это лишь одна из основных причин развития заставного землевладения. Другая причина — все возрастающая потребность в деньгах как феодалов, так и королевской власти. Для феодальных собственников, в том числе и королей (императоров), передача земли в заставу имела известное преимущество перед пожалованием ее в условное владение или продажей. Передавая землю в „заставу“, феодальный собственник, помимо денег, приобретал одновременно и вассала, обязанного ему „верной службой“. Эта сторона заставного права весьма отчетливо выражена в грамоте кн. Ст. Франкопана от 1541 г., фиксирующей передачу князем в „заставу“ земель неким Гусичам. О мотивах этой передачи в грамоте сказано, что земля дана им в награду „за верную службу с тем, чтобы и впредь прилежно и хорошо ее исполняли“¹⁰², т. е. буквально то же, что в известной нам грамоте от 1547 г., которой М. Оштрихарицу жалуются кн. Ст. Франкопаном земли под Модрушем.

Кроме того, в отдельных случаях, в Хорватии XVI в., как и в Литовском княжестве¹⁰³, феодальные собственники земли, передавая ее в заставу, оставляли за собой право на получение части феодальной ренты¹⁰⁴. Наконец, немаловажную роль в том, что феодалы предпочитали не продавать, а отдавать землю в заставу, играло то обстоятельство, что за ними сохранялось право выкупа „заставленного“ владения. В феодальном обществе это право имело особое значение, поскольку размерами земельных владений и числом подданных определялось не

⁹⁸ См., например, J. Kukuljević. Acta Croatia, str. 177—178.

⁹⁹ J. Kukuljević. Dogadjai Medvedgrada. Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. Zagreb, 1854, sv. III, str. 37.

¹⁰⁰ Там же, стр. 47; J. Kukuljević. Acta Croatia, № 162, str. 177—178; J. Bojničić. Kraljevske darovnice..., VZA, god. VII, № 47, str. 206; № 48, str. 207; № 49, str. 207—208; № 104, str. 266; № 110, str. 274—275.

¹⁰¹ В. И. Пичета. Феодальное поместье..., стр. 251.

¹⁰² J. Kukuljević. Acta Croatia, № 162, str. 177.

¹⁰³ См. В. И. Пичета. Феодальное поместье..., стр. 254.

¹⁰⁴ См. МНЖСМ, vol. IV, str. 55.

только экономическое, но и политическое могущество феодалов¹⁰⁵. Впрочем, на практике выкуп заставных владений производился весьма редко.

Особенно широко пользовались правом заставы короли (императоры), для которых застава земель была важным источником доходов. К этому источнику пополнения денежных ресурсов в конце XV—начале XVI в. уже довольно часто прибегали венгерские короли. Но особенно крупных масштабов раздача земель в заставу хорватским феодалам достигла при императоре Фердинанде. Так, в 1534 г. он получил 1000 форинтов от хорватского князя Степана Бабонича за переданное в заставу владение Смерковичи в Загребской жупании¹⁰⁶; в 1546 г. Фердинанд закладывает замки Чаковец и Стридо князю Николаю Зринскому за 50 тыс. форинтов¹⁰⁷; в 1547 г. отдает в заставу магнату Секелю за 2 тыс. форинтов половину владений замка Крапины¹⁰⁸; в 1556 г. Фердинанд передал за 5 тыс. форинтов в заставу магнату Йв. Унгнаду владения города Вараждина¹⁰⁹. Приведенные данные далеко не исчерпывают число „заставленных“ Фердинандом владений в Славонии. Но и эти данные достаточно наглядно свидетельствуют о том, сколь значительные массивы славонских земель в XVI в. находились в руках феодальной знати на заставном праве.

Итак, в Хорватии XV—XVI вв. существовали три основные формы феодальной земельной собственности: „племенщина-вотчина“, условное владение типа феода и заставное землевладение.

Вопросом о формах собственности феодалов на землю далеко не исчерпывается вся проблема феодального землевладения. Выявление форм собственности помогает уяснить главным образом правовую сторону дела. Не менее важное значение для изучения структуры феодального землевладения имеет решение вопроса о распределении земельных владений внутри господствующего класса. Богатые возможности для решения этого вопроса применительно к хорватской действительности XVI в. открывает опись военного налога в Славонии от 1543 г.¹¹⁰. В ней перечислены земельные собственники всей Славонии с указанием суммы уплачиваемого каждым из них налога, размер которого определялся числом „дымов“, принадлежавших тому или иному собственнику¹¹¹. Таким образом, опись позволяет представить в соизмеримых единицах соотношение между различными категориями феодальных собственников. И, что весьма существенно, имеется возможность опереться при этом на данные, которые косвенно свидетельствуют о количестве подданных феодалов, а, как уже указывалось, могущество феодальных господ определялось именно числом подданных¹¹².

К сожалению, для решения вопроса о структуре феодального землевладения в „собственно“ Хорватии, мы не располагаем материалами, подобными описи 1543 г., и здесь нам приходится довольствоваться лишь отдельными случайными и отрывочными сведениями. Поэтому в данном случае, очевидно, целесообразно в первую очередь исходить из поддающихся статистической обработке показаний описи военного

¹⁰⁵ См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 722.

¹⁰⁶ J. Војнић. Kraljevske darovnice..., VZA, god. VII, № 48, str. 207.

¹⁰⁷ Там же, № 104, стр. 266—267.

¹⁰⁸ Там же, № 110, стр. 274—275.

¹⁰⁹ Там же, VZA, god. VIII, № 161, str. 110—112.

¹¹⁰ V. Klaić. Popis ratne daće u Slavoniji godine 1543. VZA, god. IX. Zagreb, 1907.

¹¹¹ Как следует из самой описи, от каждого „дыма“ (fumus) в 1543 г. взималось 1/2 форинта. См. V. Klaić. Popis ratne daće..., str. 83—85.

¹¹² См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 722.

налога в Славонии. Произведенные нами соответствующие подсчеты на основании материалов этой описи в самом обобщенном виде могут быть сведены в следующую таблицу.

Таблица 1

Категории владельцев	Число вотчин	Общее число „дымов“	В % к общему числу „дымов“ (с точностью до 1 %)
Светские феодалы—владельцы			
1—10 „дымов“	234	912	8,5
„ „ 11—50 „дымов“	32	676	6,4
„ „ 51 и более „дымов“	47	4833	45,4
Церковно-монастырские владения	54	1554	15,2
Населенные пункты, владельцы			
которых в описи не указаны	21	2604	24,5
Итого	388	10579	100

Таблица эта нуждается в некоторых предварительных комментариях. Прежде всего требуют пояснений сведения, приведенные под рубрикой „Населенные пункты, владельцы которых в описи не указаны“. Значительная часть занесенных в данную рубрику „дымов“ приходится на „королевские“ города, примерно $\frac{1}{5}$ „дымов“ падает на две крупные вотчины Суседград и Н. Стубицу, находившиеся в то время в распоряжении венгерской камеры¹¹³. Из остальных 11 населенных пунктов, помещенных в последнюю графу таблицы, относительно 9 мы имеем возможность на основании косвенных свидетельств самой описи и показаний других источников определить их феодальных собственников¹¹⁴ и, следовательно, можем внести необходимые поправки в таблицу. Но нам так и не удастся установить действительных владельцев двух населенных пунктов, насчитывающих в общей сложности 198 „дымов“. Уже в силу этого приведенные в таблице данные, к сожалению, не могут претендовать на абсолютную точность. К тому же в одном случае в описи назван населенный пункт и его владелец, но не проставлены данные о размере военного налога; не исключены и отдельные пропуски в описи.

Однако совершенно очевидно, что все эти дефекты носят случайный характер и не могут оказать сколько-нибудь существенного влияния на те основные выводы, которые вытекают из наших подсчетов.

¹¹³ См. J. Hartinger. *Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573*. Osijek, 1911, str. 98.

¹¹⁴ Это: имение Раковац, состоявшее из трех населенных пунктов (всего 82 д.; см. VZA, god. IX, str. 84) и принадлежавшее в середине XVI в. кн. Зринским (см. V. Klaić. *Povjest Hrvata*, sv. III, dio I, str. 85); имение Врбовец, состоявшее из двух населенных пунктов (всего 32 д.; см. VZA, god. IX, str. 90) и принадлежавшее также кн. Зринским (см. МНЖСМ, vol. V, str. 167); село Ботинец (10 д.), входившее, как следует из описи, в состав Медведградской вотчины (см. VZA, god. IX, str. 90), которая принадлежала тем же кн. Зринским (см. VZA, god. IX, str. 91); село Лука (50 д.), о котором в описи говорится, что оно приписано к замку Штеничяк (см. VZA, god. IX, str. 89), принадлежавшему кн. Франкопанам (см. там же); село Бобовиче, приписанное к замку Мокрици (8 д.) (см. VZA, god. IX, str. 90), которым владел Грегорианец (см. Starine, кн. VII, № 128); замок Луковец с окрестностями — 112 д. (см. VZA, god. IX, str. 90), являвшийся в 40-х годах XVI в. предметом спора между туропольскими племянниками и кн. Зринскими (см. V. Klaić. *Povjest Hrvata*, sv. III, dio I, str. 174).

Эти выводы таковы. Свыше 60% всего населения Славонии жило на землях светских феодалов¹¹⁵. Две трети этих земель находилось в руках небольшого числа магнатов; на долю же более чем 200 мелких светских вотчинников приходилось менее 9% подданных. Сравнительно незначителен удельный вес средних светских феодалов, как по числу их, так и по общим размерам принадлежащих им земельных владений. Наконец, из таблицы следует, что церковно-монастырским феодалам принадлежало не менее 1/4 всех „дымов“, владельцы которых указаны в описи.

Материалы описи могут послужить основой и для более обстоятельной характеристики структуры феодального землевладения в Хорватии XVI в. Так, ее показания, относящиеся к крупным светским феодалам, имевшим свыше 50 „дымов“, могут быть конкретизированы следующим образом (см. таблицу 2 на стр. 243).

Из таблицы 2 прежде всего следует, что светских феодалов, владения которых превышали 50 „дымов“, в середине XVI в. в Славонии насчитывалось лишь 16. Всего им принадлежало около 50 вотчин самой различной величины. У 3/4 светских феодалов этой категории имелись владения от 2 до 50 „дымов“, однако основную массу принадлежавших им „дымов“ составляли крупные компактные вотчины. Подавляющее большинство этих вотчин было сосредоточено в двух сравнительно отдаленных от турецкой границы жупаниях, Вараждинской и Загребской, и находилось в руках пяти магнатских семей: Эрдеди, Шомберг, Кеглевичей, Зринских и Франкопанов. На их долю в общей сложности приходилось более половины всех земель, принадлежавших светским феодалам в Славонии.

Еще большая концентрация земельной собственности наблюдалась в рассматриваемый период в „собственно“ Хорватии. Здесь уже в XIV—XV вв. основными массивами земель владели князья Франкопаны. Так, например, в титуле князя Бернардини Франкопана в 1486 г. значилось: „князь Крчки, Сеньски, Модрушский и прочая“¹¹⁶. Франкопанам принадлежало также Винодольское княжество¹¹⁷. Помимо того они владели семью крупными вотчинами (Рибник, Новигард, Липпа, Звечай, Зкрад, Огулин и Луковдол)¹¹⁸ на северо-западе от Винодола и Озальским имением¹¹⁹ на границе Славонии. Только в Модрушских владениях кн. Франкопанов насчитывалось в конце XV в. около 800 крестьянских хозяйств¹²⁰.

Заканчивая рассмотрение вопроса о размерах земельной собственности крупных светских феодалов, необходимо отметить, что в таблице 2 в их число чисто условно включены все светские лица, владения которых, по данным описи 1543 г., превышали 50 „дымов“. Однако если даже к категории средних вотчинников отнести всех землевладельцев (5), имевших от 51 до 90 д. (всего 443 д.), то и в этом случае данные описи убедительно свидетельствуют, что в середине XVI в. в Славонии общая площадь земельной собственности крупных светских феодалов значительно превышала территорию всех владений, которые принадлежали средним светским вотчинникам. Достаточно сказать, что число

¹¹⁵ Как мы только что установили, светским феодалам, помимо вотчин, указанных в первых трех графах таблицы 1, принадлежало также 9 вотчин (294 д.), приведенных в графе пятой этой же таблицы. Таким образом, на долю светских феодалов фактически приходилось не 60,3% всех „дымов“, как это указано в таблице 1, а более 62%.

¹¹⁶ МНЖСМ, vol. V, str. 27.

¹¹⁷ Там же, стр. 82—93.

¹¹⁸ См. Е. Laszowski. Popis i procjena... str. 181—211.

¹¹⁹ МНЖСМ, vol. V, str. 201.

¹²⁰ Там же, стр. 28—81.

Таблица 2

Распределение „дымов“ среди крупных светских феодалов в Славонии середины XVI в.

Владельцы	1—10 „дымов“		11—20 „дымов“		21—50 „дымов“		51—100 „дымов“		101—200 „дымов“		201—500 „дымов“		501 и более „дымов“		В целом по каждой жупании						Всего	
	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Крижевацкой		Вараждинской		Загребской		Количество владений	Общее число „дымов“
															вотчин „дымов“	„дымов“	вотчин „дымов“	„дымов“	вотчин „дымов“	„дымов“		
Ив. Алапич . . .	1	6	1	20	2	56	1	68	—	—	—	—	—	—	3	49	—	—	2	101	5	150
г-н Батьяни . . .	1	4	—	—	1	22	1	62	—	—	—	—	—	—	—	—	2	26	1	62	3	88
Ем. Брадач . . .	1	6	—	—	2	56	—	—	1	104	—	—	—	—	—	1	104	3	62	4	166	
г-н Гивлай . . .	1	10	—	—	—	—	—	—	1	184	—	—	—	—	1	10	1	184	—	—	2	194
А. Григорианец .	3	20	—	—	2	52	—	—	—	—	—	—	—	1	24	—	—	4	48	5	72	
кн. Н. Зринский .	1	10	—	—	1	30	—	—	—	—	1	324	—	—	—	—	—	3	364	3	364	
кн. Злунские . . .	—	—	—	—	—	—	1	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	76	1	76	
П. Кастелянфи . .	—	—	2	32	1	36	—	—	—	—	—	—	—	—	2	32	—	1	36	3	68	
кн. Кеглевичи . . .	—	—	—	—	1	28	—	—	3	432	1	300	—	—	1	120	4	640	—	—	5	760
г-н Керечини . . .	—	—	—	—	—	—	1	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	80	1	80	
Б. Петьев	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—	1	100
г-н Раткай	—	—	1	16	—	—	—	—	1	160	—	—	—	—	—	—	2	176	—	—	2	176
И. Туросци	1	5	1	12	1	42	—	—	—	—	—	—	—	—	1	5	2	54	—	—	3	59
кн. Франкопаны . .	—	—	—	—	—	—	1	66	1	142	—	—	—	—	—	—	—	—	2	208	2	208
г-н Шомберг	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	856	—	—	1	856	—	—	1	856
П. Эрдеди	1	2	—	—	—	—	—	—	1	136	4	1278	—	—	1	440	—	—	5	976	6	1416
Итого:	10	63	5	180	11	322	6	452	8	1158	6	1902	1	856	10	680	14	2140	23	2013	47	4833

„дымов“ (1119), приходящихся на долю группы владельцев от 11 до 90 д., составляет лишь $\frac{1}{3}$ „дымов“, принадлежавших пяти наиболее крупным магнатам (3596 д.). К тому же следует иметь в виду, что в таблице 1 условна и грань в 10 д. между средними и мелкими феодалами; возможно, часть феодалов, владения которых насчитывали от 11 до 50 „дымов“, правильнее отнести к мелким вотчинникам и стало быть число „дымов“, приходящихся на долю средних вотчинников, должно несколько уменьшиться. Само собой разумеется, что соответственно возрастет число мелких землевладельцев. Но, так или иначе, многочисленность последних несомненна.

Опираясь на показания описи 1543 г., можно составить также некоторое представление о соотношении отдельных групп средних и мелких

Таблица 3

Размеры вотчин в „дымах“	Количество вотчин	Общее число „дымов“
1—2	108	201
3—6	90	396
7—10	36	315
11—20	19	302
21—50	13	374

вотчинников. Сводя воедино эти показания, мы получаем следующую таблицу распределения „дымов“ между славонскими светскими вотчинниками, имевшими владения от 1 до 50 д. (таблица 3).

Таблица эта наглядно свидетельствует, что число вотчинников резко сокращается по мере увеличения размеров владений; более 40% всех

феодалов, имевших вотчины в 1—50 д., составляли племичи „однодворцы“, владевшие 1—2 д., но на их долю приходилось лишь $\frac{1}{7}$ „дымов“, принадлежавших всем средним и мелким вотчинникам.

Материалы описи 1543 г. позволяют также конкретизировать общую характеристику церковно-монастырского землевладения. Из этих материалов следует, что одним из крупнейших феодальных собственников в Славонии XVI в. являлся загребский капитул, которому принадлежало 768 „дымов“¹²¹. Немалые земельные владения в Славонии были сосредоточены также в руках загребского епископа (590 д.)¹²². Что касается „собственно“ Хорватии, то здесь концентрация церковно-монастырских земельных владений, видимо, не достигла столь значительных масштабов. К сожалению, относительно церковно-монастырских вотчин в „собственно“ Хорватии мы располагаем, хотя и многочисленными, но весьма отрывочными данными. Эти данные со всей определенностью свидетельствуют лишь о том, что в изучаемый период духовные феодалы на территории „собственно“ Хорватии интенсивно округляли свои земельные владения; одним из важнейших источников роста церковно-монастырских вотчин были различного рода пожертвования светских феодалов¹²³.

Значительный интерес представляют данные описи 1543 г. о соотношении (территориальном совпадении) вотчины и сельского поселения. Эти данные позволяют установить, что в середине XVI в. в Славонии основные массивы владений крупных феодалов состояли из принадлежавших только им деревень. Вместе с тем имелись и сельские поселения, на территории которых располагались вотчины крупных, средних и мелких феодалов. Однако подавляющее большинство средних и мел-

¹²¹ См. V. Klaić. Popis ratne daće... , str. 83—92.

¹²² См. там же.

¹²³ МНЈСМ, vol. VI, str. 385, 390, 415. J. Kukuljević. Acta Croatia, str. 174—178, 186—187, 193, 261—262.

ких вотчин было сосредоточено в населенных пунктах, где владения крупных феодалов либо вообще отсутствовали, либо были весьма незначительны. Число вотчинников в таких населенных пунктах обычно колебалось от 2 до 5, но существовали и деревни с гораздо большим числом владельцев. Так, например, в Верхней Стубице в 1543 г. насчитывались 16 владельцев, обладавших в общей сложности 104 д. Наконец, изредка в описи встречаются небольшие села, принадлежавшие одному среднему или мелкому вотчиннику.

Рассматривая структуру феодального землевладения в хорватской деревне XVI в., нельзя пройти мимо свидетельства источников о существовании в средневековой Хорватии своеобразных корпораций средних и мелких вотчинников. Такие корпорации, именуемые в документах на хорватском языке „опчина племичка“, объединяли средних и мелких землевладельцев одного или нескольких близлежащих населенных пунктов.

Наиболее многочисленные материалы дошли до нас об „общине“ племичей в Турополье¹²⁴, центром которой был замок Луковец¹²⁵. Как отмечает публикатор и исследователь этих материалов Э. Лазовский, уже в XIV в. во главе туропольцев стоял жупан (*comes terrestris*, *župan*, *surpanus*), защищавший их интересы перед королем, баном и судебными властями¹²⁶. Он представлял туропольскую общину в хорватском саборе, председательствовал на вече туропольцев, возглавлял общинный суд. Санкции жупана подлежали все сделки по продаже, закладу и обмену земли, завещания и т. п.; в его распоряжении находилась „канцелярия“, оформлявшая всю документацию туропольской общины¹²⁷.

У нас нет оснований полагать, что все средние и мелкие племичи в средневековой Хорватии были объединены в корпорации, обладавшие столь развитой внутренней организацией, как туропольская община. Однако насколько можно судить по целому ряду дошедших до нас актовых материалов, в которых фиксируются решения „племенных“ судов по вопросам, касающимся имущественных отношений между мелкими вотчинниками¹²⁸, корпорации племичей, подобные туропольской, в XV—XVI вв. были разбросаны по всей территории Хорватии. Весьма возможно, что именно в этих своеобразных корпорациях племичей следует искать одну из причин того, что в Хорватии вплоть до позднего средневековья сохранилось сравнительно большое число мелких вотчинников. Вместе с тем не подлежит сомнению, что на племичей вели энергичное наступление крупные феодалы. В XVI в. это проявилось весьма отчетливо. Так, в 1548 г. специальное постановление Пожунского сабора предписывало крупным феодалам восстановить в прежних правах „всех племичей, которые в недавние бурные времена¹²⁹ были насильственно превращены в колонов“¹³⁰. Даже туропольским племичам с трудом удавалось защитить себя от посягательств крупных феодалов. В том же 1548 г. представители Туропольской „общины“ подали императору Фердинанду жалобу на бана кн. Николая Зринского. В этой

¹²⁴ См. *Monumenta historica nobilis communitatis Turopolje*, vol. I. Zagreb, 1904.

¹²⁵ В 1560 г. в Туропольской общине насчитывалось около 40 мелких вотчин (см. J. Bojničić. *Kraljevske darovnice . . .*, VZA, god. VIII, str. 121—122.

¹²⁶ E. Laszowski. *Turopoljski župan*. VZA, god. XII. Zagreb, 1910, str. 51.

¹²⁷ E. Laszowski. *Kancelarija i pečat turopoljske plemenite općine*. VZA, god. XI. Zagreb, 1909, str. 118—123.

¹²⁸ См. J. Kukuljević *Acta Croatia*.

¹²⁹ Имеется в виду период борьбы между императором Фердинандом и Ив. Запольей.

¹³⁰ V. Klaić. *Povjest Hrvata*, sv. III, dio I, str. 174.

жалобе они указывали, что „бан завладел их племенитым замком Луковцем, который они некогда возвели для своей защиты, и к тому же оскорбляет и нарушает их племенные свободы“. Сущность этих притеснений раскрывает контрзаявление Николая Зринского, в котором он утверждает, что Луковец был в свое время продан туропольцами кн. Зринским и что „всем владельцам Луковца племичи Турополя и их кметы были обязаны платежами и несением различных служб“. Лишь после длительной тяжбы, продолжавшейся свыше года, туропольским племичам удалось добиться восстановления своих прав на Луковец¹³¹. Сохранилось также немало свидетельств о развернувшейся в 60—70-х годах XVI в. борьбе между племичами Славонского Загорья и князьями Кеглевичами, притеснения которых заставили загорских племичей даже примкнуть в 1573 г. к восставшим крестьянам¹³².

Помимо наступления крупных феодалов, на судьбе хорватских племичей весьма ощутимо сказывалось и воздействие чисто экономических факторов, в первую очередь развитие в стране товарно-денежных отношений. Не случайно большая часть сохранившихся документов, составленных в конце XV—XVI вв. в „племенных“ судах, посвящена вопросам, связанным с продажей или залогом племенщин. Особенно показательны в данной связи одно из дел, рассматривавшихся в 1511 г. в Бужах (близ Сены). В ходе этого дела выяснилось, что у одного бужского племича, который был должен другому 2 дуката, в доме нет „ничего, чем мог бы быть оплачен долг“, потерял он и свою племенщину, которую суд вплоть до возвращения долга отдал в заставу истцу¹³³. Иначе говоря, перед нами свидетельство полного разорения мелкого вотчинника.

Несомненно также, что на судьбе средних и мелких вотчинников особенно пагубно по сравнению с крупными светскими и духовными феодалами отразилась турецкая агрессия: у одних из племичей владения целиком оказались на территории, захваченной турками, у других — полностью разорены; лишь незначительную часть хорватских средних и мелких вотчинников турецкие опустошения непосредственно совсем не затронули или затронули в небольшой степени.

Итак, в Хорватии XVI в. налицо процесс разорения средних и мелких феодалов. Масштабы этого, обусловленного рядом факторов, процесса несомненно были гораздо значительнее, чем размеры другого параллельного процесса — появления новых средних и мелких феодальных собственников в результате различного рода пожалований. Одним словом, мы, очевидно, не сделаем ошибку, если заключим, что в рассматриваемый период удельный вес всех средних и мелких землевладельцев внутри господствующего класса хорватского общества все более понижался. Соответственно усиливалась концентрация земельной собственности в руках магнатов, чему в немалой степени способствовала и проводимая Габсбургами практика раздачи земель в Славонии¹³⁴.

¹³¹ См. V. Klaić. *Povjest Hrvata*, sv. III, dio I, str. 174—176.

¹³² См. *Starine*, kn. VII, № 140, str. 268; № 146, str. 273, № 165, str. 302; № 172, str. 309—311, № 173, str. 314.

¹³³ J. Kukuljević. *Acta Croatia*, № 25, str. 197—198.

¹³⁴ Именно о таком характере этой практики наглядно свидетельствуют опубликованные грамоты императора Фердинанда, значительная часть которых посвящена дарениям, продаже и передаче в „заставу“ земельных владений в Славонии крупным светским феодалам (Эрдеди, Кеглевичам, Зринским, Грегорианцам и др.). См. J. Bojničić. *Kraljevske darovnice...*, VZA, god. VII, № 64, str. 247—248; № 85, str. 258, № 90, str. 260; № 104, str. 266; № 105, str. 267—271, № 108, str. 272—273; VZA, god. VIII, № 154, str. 105; № 171, str. 171.

И. ИРМШЕР

ПАЛЛАД

(Перевод с немецкого И. Черновой)

Период с IV до VII в. н. э. является в истории Восточного Средиземноморья переходной эпохой — эпохой, когда постепенно отмирают старые порядки и представления и вместе с тем вызревают новые порядки и представления, которым предстоит сменить прежние.

Кризис античного рабовладельческого строя, обостренный вторжениями германцев, привел в V в. к падению Западной империи. Восток империи, с 395 г. окончательно распавшейся на две части, был также захвачен кризисом, правда, по целому ряду причин не разразившимся с такой силой, как на Западе; хотя внешние формы государственного аппарата Восточной империи остались в общем и целом неизменными, сущность и идейные принципы его изменились коренным образом соответственно тем изменениям, которые происходили в социально-экономическом строе: к римскому компоненту присоединились греческий и христианский — феодальное Византийское государство, выросшее из позднеантичного, претендовало на то, чтобы его считали наследником и хранителем идеи римской государственности, эллинской культуры и ортодоксального христианства.

Черты переходной эпохи, которые наблюдаются в социально экономическом строе империи, получили свое отражение и в литературных произведениях этого периода. Совершенно верно, конечно, что эти памятники письменности следует относить не к средневековой, а к античной литературе, рассматривая ее именно как последний, завершающий этап развития литературы рабовладельческого общества. При этом нельзя все же упускать из виду, что большая часть дошедших до нас произведений литературы этого периода была доступна лишь очень небольшому кругу высокообразованных людей, составлявших незначительную часть населения, памятников же фольклора почти не сохранилось, поскольку господствующие классы не были заинтересованы в их изучении. Наиболее близко к фольклору стоит часть церковной литературы, которая в период своего возникновения отражала не только настроения широких слоев господствующих классов, ощущавших всю безвыходность своего положения, но также и протест рабов и других угнетенных классов против рабства и угнетения. Следовательно, было бы ошибочно не принимать во внимание эту церковную литературу при рассмотрении позднеантичной; при этом нужно исходить не только из содержания или формальных признаков, как уже прежде было установлено¹, но и из литературно-социологических соображений; вместе с тем нельзя

¹ O. Stählin, in: W. v. Christ. Geschichte der griechischen Litteratur, Bd. II, T. 2. München, 1913, S. 907 ff.

согласиться с противопоставлением „античной“ литературы появившейся следом за ней „церковной“².

Известно, что с упадком полиса и сопровождавшим его ограничением поэтической тематики лишь областью частной жизни, поэзия также приходит в упадок; ни один из поэтов эпохи эллинизма не может соперничать с великими поэтами классического периода. Преобладание второй софистики с ее враждебными поэзии критериями³ завершило этот упадок. К большинству произведений, написанных в период от Константина до Юстиниана, подходит оценка, которую дал позднеантичной эпической поэзии Э. Бете⁴: они „важны для характеристики“ своего „времени, в наше же они воспринимаются с большим трудом или, скажем прямо, совсем не воспринимаются“. И кроме Нонна из Панополя и Григория Назианзина⁵ — оба являлись приверженцами формирующегося тогда нового направления — нельзя назвать ни одного значительного автора этой эпохи: ремесленничество и посредственность торжествуют в этой поэзии образованных, чтобы не сказать переучившихся. В этой поэзии нет следов влияния народа и его живого, развивающегося языка⁶. И только один жанр, который с присущей ему тенденцией к словесному жонглерству, сатирическому остроловию, к иронии, словно соответствует упадочническому умонастроению этого гибнущего общества, нужно исключить из этой оценки: этот жанр — эпиграмма.

Эпиграмма как литературный жанр появляется в VI в. до н. э. Значительные успехи этого жанра — по крайней мере в количественном отношении — начинаются со времени греко-персидских войн (Симонид из Кеоса)⁷. Классические формы и классическое содержание эпиграммы определились в эллинистическую эпоху, когда появились и первые сборники эпиграмм⁸. В Риме эпиграмму в I столетии н. э. ввел Марциал. Закат античной культуры ознаменовался последним расцветом этого жанра, связанным с возобновившимся собиранием материала. Самые значительные имена, которые должны быть названы в этой связи, это Павел Силенциарий и Агафий — оба писателя жили в годы правления Юстиниана. Более чем на целый век раньше их жил Паллад, которым мы и будем далее заниматься.

Мы знаем около 150 эпиграмм этого автора, сохранившихся в греческой антологии⁹; сюда относится также стихотворение¹⁰ в латинском

² БСЭ, изд. 2-е, т. 12, стр. 532; ср. немецкий перевод этой статьи „Das alte Griechenland“, Berlin, 1954, S. 85.

³ См. F. Pfister. Sprache und Schrifttum der Griechen in Rahmen der Altertumswissenschaft. Freiburg, 1944, S. 38 f. Cp. W. v. Christ. Op. cit., S. 514, Anm. 9.

⁴ E. Bette. Die griechische Dichtung. Potsdam, 1924, S. 366.

⁵ Последовательность: Нонн — Григорий, выражает литературную оценку, но не указывает на их связь во времени.

⁶ Ср. E. Bette. Die griechische Dichtung, S. 364; W. Nestle. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. II, 2. Aufl. Berlin, 1945, S. 52. В. Кранц (W. Kranz. Geschichte der griechischen Literatur. Leipzig, 1949, S. 494 ff.) излагает материал без критического подхода к нему.

⁷ W. Schmid und O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I. München, 1929, S. 385; И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1947, стр. 89.

⁸ P. Waltz. Anthologie grecque, t. I. Paris, 1928, p. VII sq.; И. М. Тронский. Ук. соч., стр. 214 сл.

⁹ Я цитирую по единственно полному изданию — Таухница: „Anthologia Graeca ad Palatini codicis fidem edita“, Bd. I—III. Nova impressio. Leipzig, o. J. Расхождения с более новыми, но незаконченными критическими изданиями, разумеется, будут отмечены.

¹⁰ D. Magni Ausonii Opuscula, hrsg. v. K. Schenkl. Berlin, 1883, S. 253; hrsg. v. R. Peiper. Leipzig, 1886, S. 421. К вопросу о подлинности ср. изд. Пей-

переводе под именем Авсония¹¹, найденное в двух парижских рукописях (1773 и 3019), которое так тесно примыкает к AP 9, 168 и 169, что его следует, несмотря на неясное указание леммы¹², с уверенностью приписать Палладу. Помимо ничего не говорящего упоминания у Иоанна Цеця (Εἰς τὸν Λυκόφωνα σχόλια)¹³, это поэтическое произведение является единственным источником для изучения не только мировоззрения, но и биографии поэта.

Этим самым мы уже затрагиваем важную филологическую проблему, а именно, вопрос о том, в какой степени вообще можно привлекать манерную поэзию поздней античности для освещения мировоззрения автора. Не являются ли эти литературные произведения скорее продуктами чистого подражания, искусственной обработки, переработки и нового оформления унаследованных тем в строго удержанных традицией формах? Значит ли вообще что-нибудь содержание в этой поэзии, предназначенной уже не для слуха, а только для глаза, отгородившейся от живого, развивающегося языка, который отрицает ее метрические нормы? Не интересуется ли ее одна только изящная форма? Да и в состоянии ли эта упадочническая книжная поэзия, предназначенная для узкого круга одинаково мыслящих друзей, не ищущая, а для большинства своих творений и не могущая найти публику, — в состоянии ли вообще это чистейшее проявление „искусства для искусства“ увидеть и воплотить в поэтических формах реальную действительность?

Из последних работ о Палладе наряду со статьей В. Пэка¹⁴, богатой материалом, но несколько осторожной — как это и подобает работе, предназначенной для энциклопедического словаря, — надо упомянуть книгу итальянского филолога Л. А. Стеллы¹⁵, в последней главе которой идет речь о нашем поэте. Эта книга была положительно оценена всеми без исключения итальянскими рецензентами¹⁶, из чего ясно, что высказанные в ней взгляды являются в Италии широко распространенными и общепринятыми. Напротив, за ее пределами, в особенности в США, она была подвергнута резкой критике¹⁷. Чем объясняется такое различие в оценке книги?

Современная итальянская литература и литературоведение находятся по большей части под влиянием эстетики Бенедетто Кроче с ее неисто-

пера, стр. LXXXVI и 556 („Italarum s. XV epigrammata“); Ed. Cougny. Epigrammatum Anthologia Palatina, t. 3. Paris, 1890, p. 372.

¹¹ Греческий оригинал впервые издан Ж. Ф. Буассонадом (Philostratus. Heroica. Paris, 1806, p. 638 sqq.); там оно приписано Агафию; см. также Ed. Cougny. Op. cit., p. 314, № 145 = Appendix I в изд. Таухница.

¹² Ср. Ed. Cougny. Op. cit., p. 372.

¹³ Lycophronis Alexandra, hrsg. v. E. Scheer. Berlin, 1908, S. 3; A. Franke. De Pallada epigrammatographo. Dissertation. Leipzig, 1899, S. 37; сюда же относится литературно-исторический трактат (Anecdoton Estense), который, повидимому, использует тот же источник, что и Цец: I. Kayser. De veterum arte poetica quaestiones selectae. Dissertation. Leipzig, 1906, S. 56 ff. Паллад упоминается там на стр. 57.

¹⁴ W. Peek, in: RE. Bd. XVIII, S. 158 ff.

¹⁵ L. A. Stella. Cinque poeti dell'Antologia Palatina. Bologna, 1949, p. 309 sqq.

¹⁶ Ср. например, V. Pisani. Paideia, vol. 5, 1950, p. 276 sqq.; A. Pratesi. Doxa, vol. 3, 1950, p. 95; L. Pepe. Giornale italiano di filologia, vol. 4, 1951, p. 364. В целом положительны также отзывы P. Chantraine. Revue de philologie, t. III, 25, 1951, p. 96 sq. и W. Kraus. Anzeiger für die Altertumswissenschaft, Bd. 6, 1953, S. 172 f. На стр. 173 он говорит: „Паллад впервые получил ясную характеристику“.

¹⁷ Ср. например, St. G. P. Small. American Journal of Philology, t. 72, 1951, p. 445 f., W. C. Helmbold. Classical Philology, t. 46, 1951, p. 192 sq.; M. Puelma. Gnomon, vol. 22, 1950, p. 308 sqq. (взгляды Пуэльмы частично служат основой для нижеследующего рассуждения).

рическими, чтобы не сказать антиисторическими критериями¹⁸. Сторонники этих взглядов не пытаются понять Паллада в связи с его эпохой, с его литературным и иным окружением, а, напротив, стремятся рассматривать поэта изолированно от его времени и среды, так как с их точки зрения „poesia“, „rappresentazione lirica“ определяется такими ведущими понятиями, как „ispirazione“, „spontaneità“, „originalità“, и является — совершенно в духе романтиков¹⁹ — своего рода естественным феноменом, а ее техническая сторона не имеет значения. Из вышеизложенного ясно, что подобный метод рассмотрения явлений поэзии эллинистической эпохи и непосредственно следующей за ней императорской ни в коей мере не может быть признан верным, поскольку чувство и оригинальность играют самую ничтожную роль в этой области; славу „ученого поэта“ (poëta doctus) составляет то, что он разбирается в традиционных τόποι, в мотивах и стилях, что он умеет обращаться с классическими размерами, знает толк в imitatio²⁰, короче — что он постиг в совершенстве свое ремесло, свою τέχνη. Оригинальная поэзия в духе Гердера²¹ в то время вообще не считалась бы литературой.

Значит ли это, что мы не можем сделать из этой поэзии никаких выводов о жизни и устремлениях ее создателей, что — в данном случае — мы должны заранее отказаться от мысли написать биографию Паллада, потому что все, что дошло до нас под его именем, — это лишь κλίγιον? Мне кажется, что сформулированная Пуэльмой задача „понимать античных поэтов и судить о них по специфическому миру их стиля, исходя из их собственных норм и критериев“²², является слишком узкой. Из сказанного видно, насколько важна формальная сторона для позднеантичной поэзии, сознательно выключившей себя из жизни. И, несмотря на это, жизнь оказывается сильнее: даже тот поэт, которого занимает одна форма, — дитя своего времени, хотя в творчестве его связь с действительностью выражена не так четко и непосредственно, как у авторов, которые — сознательно или бессознательно — отражают в своем творчестве современную им жизнь. Но для суждения об этой действительности, окружающей поэтов, в нашем распоряжении почти всегда имеется достаточно материала, с которым следует тщательно сравнивать мотивы, обрабатываемые поэтами. И уже один только выбор этих мотивов позволяет сделать известные выводы. Например, если в творчестве Агафия и Павла Силенциария эротика занимает необычайно много места, то мы, конечно, не можем считать этих поэтов строгими моралистами. Но, с другой стороны, своеобразие их поэзии таково, что по ней нельзя судить о их любовных приключениях. Науку это и не интересует, и позитивистское литературоведение недавнего прошлого, придавая подобным вещам большое значение и потому много занимаясь ими, не снискало себе этим никакой славы²³.

Паллад принадлежит Египту: в леммах эпиграмм Паллада он назван один раз (IX, 175) с полной определенностью — правда, только

¹⁸ Краткую характеристику с указанием большого количества литературы см. в кн.: E. Frauwallner, H. Giebisch und E. Heinzel. Die Weltliteratur, Bd. 1. Wien, 1951, S. 325 f.

¹⁹ „true romantic“: W. C. Helmbold. Op. cit., p. 192.

²⁰ Об imitatio ср. работу A. Guillemin (Revue des études latines, t. 2, 1924, p. 35 sqq.) и вступительную главу в кн. H. O. White. Plagiarism and Imitation during the English Renaissance. Cambridge (USA), 1935, p. 3 sqq.

²¹ Ср. W. Steinitz. Wissenschaftliche Annalen, Bd. 4, 1955, S. 321 ff.

²² M. Puelma. Gnomon, vol. 22, 1950, p. 310.

²³ См. I. Fränkel. Deutsche Literaturzeitung, Bd. 75, 1954, S. 82 ff.

по одному варианту рукописной традиции²⁴ — египтянином, чаще же — александрийцем²⁵. Его знакомство с египетской жизнью видно из многих стихотворений²⁶. О его принадлежности к эллинству свидетельствуют IX, 502 и X, 90: Ἑλληνέες ἐσμὲν. Разумеется, в этих высказываниях нельзя видеть указание на национальную принадлежность: эллином в то время называли человека греческой культуры и очень часто в более узком смысле — „язычника“²⁷. В Александрии, в Египте во всяком случае, это слово обозначало человека из гимнасия²⁸, гордого своим эллинством, человека, который смотрел на египетское население с презрением, даже и в том случае, если его собственное социальное положение ничем существенно не отличалось от положения остального населения, как это, вероятно, и было у Паллада. Так, в значительной части его стихотворений говорится о деятельности, не приносящей удовлетворения, и о скудной оплате филолога (γραμματικός)²⁹ — представителя профессии, к которой принадлежал сам Паллад. Бедный школьный учитель — это издавна излюбленный литературный персонаж. Ювенал, например, рассказывает о бедности грамматиков, которые так нуждаются в гонораре (Юв. VII, 215 и сл.), а его им неохотно выплачивают (VII, 157 и сл.), — и это было совершенно справедливо в отношении подавляющего большинства учителей того времени. Люди этой профессии были лишены „той обеспеченности и внешнего почета, которые дает государственная служба“³⁰. В этом отношении и позднее, должно быть, не произошло существенных изменений, так что нет оснований не верить Палладу, когда он жалуется в одном сатирическом стихотворении (τοῦδαστικὸν IX, 174) на то, как ученики³¹ пытаются обмануть бедного грамматика, преследуемого гневом всемогущего Сараписа³². Одни из них занимаются чеканкой фальшивой монеты (об этом в аналогичной связи сообщает также противник Паллада — Фемистий³³), в то время как другие ученики, заключившие с ним договор на год, на одиннадцатом месяце переходят к конкуренту, не предупредив своего учителя об этом намерении³⁴ и не заплатив ему гонорара. Августин, также современник Паллада, имел такой же печальный опыт в Риме, где он хотел обосноваться в качестве преподавателя риторики (Исповедь, V, 12). Во втором стихе того же стихотворения, которое остроумно

²⁴ Ср. критический аппарат H. Stadtmüller. *Anthologia Graeca*, Bd. III, T. 1. Leipzig, 1906, S. 138.

²⁵ A. Franke. *De Pallada...*, S. 43; ср. *Anthologia Palatina*, V, 71; IX, 134.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ W. Bauer. *Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur*, 4. Aufl. Berlin, 1952, S. 456.

²⁸ W. Schubart. *Die Griechen in Ägypten*. Leipzig, 1927, S. 37.

²⁹ Так лучше всего перевести слово *γραμματικός*, обозначающее педагога по специальности, а не учителя начальной школы — см. A. Franke. *De Pallada...*, S. 44 und Anm. 1.

³⁰ L. Friedländer. *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*, Bd. I, Leipzig, 1888, S. 315; *ibid.*, S. 321 f., где приводятся конкретные данные о гонорарах. Ср. также параллельные места, приведенные у J. E. B. Mayor. *Thirteen Satires of Juvenal*, v. I, London, 1901, p. 274 sq.; 309 sq.; 324 sq.

³¹ Не следует ли вместе с Гесихием (Lexicon, Editio minor, ed. M. Schmidt, 2. Aufl. Jena, 1867, S. 1467) понимать *τροφος* (стк. 3) в значении „воспитанник“? Все остальные толкования (см. сводку Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, vol. II. Paris, 1872, p. 181 sq.; H. Stadtmüller. *Anthologia Graeca*, t. III, pars I, p. 237) не удовлетворяют.

³² „... ut rerum omnium potentem“ — Tacitus. *Historiae*, IV, 84.

³³ Themistios. *Orationes*, XXI, 261 C.

³⁴ Так следует понимать вместе с Дюбнером (Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 34) *πρόφερειν* в стк. 8.

составлено в виде школьной надписи³⁵, о деятельности грамматика говорится — с намеком на начало „Илиады“ — что она начинается с οὐλομένη μῆνις. Этот τόπος, который знаком Фемистию³⁶, часто используется Палладом.

В IX, 173 мы читаем:

Ἀρχὴ γραμματικῆς πεντάστιχος ἐστὶ κατάρα·
 πρῶτος Μῆνιν ἔχει· δεύτερος οὐλομένην,
 καὶ μετὰ δ' οὐλομένην, Δαναῶν πάλιν ἄλγεα πολλὰ·
 ὁ τρίτατος ψυχὰς εἰς Ἄϊδην κατὰγει·
 τοῦ δὲ τεταρταίου τὰ Ἐλώρια καὶ κύνες ἀργοί·
 πέμπτου δ' οἰωνοὶ καί, χόλος ἐστὶ Διός.
 πῶς οὖν γραμματικὸς δύναται μετὰ πέντε κατάρας,
 καὶ πέντε πτώσεις μῆ, μέγα πένθος ἔχειν;

Никакой перевод не в состоянии полностью воспроизвести этот экспромпт (impromptu)³⁷, где к намекам на „Илиаду“ присоединяется игра слов, основанная на двойном смысле слова πτώσις.

В другом ἐπιδεικτικόν (IX, 168) он двойко³⁸ развивает этот мотив: дело не только в том, что его ремесло грамматика начинается с μῆνις Ахилла — в лице своей жены (на основании XI, 378, где разрабатывается та же тема, глоссатор дает ей многозначительное имя Андромахи) он видит вторую μῆνις οὐλομένη и на этот раз во плоти — поэтому он может с полным правом назвать себя πολύμηνις³⁹, как человек, которому приходится выносить гнев многих⁴⁰. Об отношении нашего поэта к жене мы будем говорить ниже, но сначала отметим еще несколько стихотворений, содержанием которых является участь несчастного грамматика!

Οὐλομένη μῆνις стала для грамматика οὐλομένη πενίη, говорится в IX, 169, так что для него было бы лучше, если бы эта μῆνις убила его вместе с ахейцами, избавив тем самым от смерти из-за χαλεπὸς λιμὸς γραμματικῆς. Нужно иметь в виду, что слово „limós“ для слушателя Паллада имело двойное значение: λιμὸς — „голод“, а также в соответствии с явлением итацизма λοιμὸς — „чума“, так что это было еще одним намеком на первую песнь „Илиады“. „Но для того, чтобы когда-либо Агамемнон мог похитить Брисенду, а Парис — Елену, я должен быть бедняком“,

³⁵ См. W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, T. 3, S. 161.

³⁶ Themistios, Orationes, XX, 264 D: Τοὺς οὐτὸς ἀξιούτε μανθάνειν ἀρξαμένους ἀπὸ τῆς μῆνιδος τῆς Ἀχιλλέως. Этот мотив знает также Лукилл (Anthologia Palatina, XI, 279. См. F. J. Brecht. Motiv-und Typengeschichte des griechischen Spottepigramms. Leipzig, 1930, S. 36); правда, это стихотворение некоторыми — например, Пэком (W. Peek. Op. cit., S. 158) — приписывается Палладу (см. также Fr. Dübner. Op. cit., p. 383).

³⁷ Я пользуюсь словом „impromptu“ по примеру И. Г. Региса (J. Regis. Epigramme der griechischen Anthologie. Berlin, o. J. S., 118) для передачи трудно переводимого ἐπιδεικτικόν).

³⁸ Вслед за Брунком и другими более старыми издателями [см. обзор у Дюбнера (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, S. 181)] в стихе 3 мы отдаем предпочтение чтению сборника Плануда: διχλωτον, перед маловыразительным τριχλωτον; оба прилагательные — ἀπαξ λεγόμενα.

³⁹ Эта форма также нигде больше не встречается.

⁴⁰ Πολύμηνις надо понимать в пассивном, а не активном смысле, как мы встречаем в словарях (например, W. Parre. Griechisch-deutsches Handwörterbuch, Bd. II Braunschweig, 1880, S. 666: „с большим гневом, очень гневный“; H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English Lexicon (далее Liddell-Scott), t. II, New ed., Oxford, 1951, p. 1440: „abounding in wrath“). Правильны переводы Гуго Гроция (Anthologia Graeca, ed. H. de Bosch. Utrecht, 1795, p. 71: „Gemino gravis ira tenet me compepede vinctum“) и Дюбнера (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina p. 33: „ira... cumalatus“).

таким бедняком, что, как говорится в XI, 383⁴¹ и как подтверждает сборник анекдотов (Φιλόγελως)⁴², даже осел должен страдать; ведь грамматики живут скудно, — это ясно уже из того, что они укорачивают κριθή до κρι⁴³, а тут еще отец ученика, Дорофей — не умышленно ли дано ему имя знаменитого грамматика? — разорвал выгодный договор, (он также был σύνταξις), послав злую πρεσβεία бедному учителю⁴⁵. Учителю остается только обратиться за помощью к другу⁴⁶, чтобы тот избавил его от σύνδεσμος πενίης, от союза с бедностью, так как своего Каллимаха и своего Пиндара он уже продал (IX, 175). Но, как видно, призыв о помощи остался без ответа, так как в IX, 171 поэт говорит, что он оставляет свою профессию грамматика и собирается искать себе более доходное место — у нас нет оснований не верить его стихам⁴⁷. Но при этом он и здесь обнаруживает свое искусство в игре слов. „Δόγοι, συντάσσομαι ὑμῖν“ (я прощаюсь с вами), так как другая σύνταξις несет мне смерть. Но, сменив профессию, он теряет возможность войти в Аид в качестве βουλευτής νεκρῶν, senator mortuorum⁴⁸, о чем он мечтал в X, 97. Может быть, он, подобно великому насмешнику Лукиану, закончил свою жизнь мелким чиновником⁴⁹.

Другой τόπος, которым часто пользуется Паллада, — это мотив злой жены. Здесь еще труднее, чем в стихотворениях о школьном учителе, провести грань между собственными переживаниями поэта и использованием традиционной тематики. Что жену Паллада звали очень подходящим к ней именем Андромаха („сражающаяся с мужем“), мы уже знаем; знаем также, что она стала для него второй μῆνις. Πᾶν δ' ἡμᾶρ μάχεσθαι καὶ παννυχίη πολέμιζέι, — говорится совершенно в гомеровском духе в приложении I; в качестве приданого мать положила ей в колыбель воинственный дух. Но если грамматике поэт может сказать: „Прощай!“, то со своей старухой он связан нерасторжимо; εἴργει χάρτης⁵⁰ γὰρ καὶ νόμος Αἰσώνιος (XI, 378): брачный контракт⁵¹ и авсонский (читай: италийский) закон мешают мне в этом — имеется в виду, по-видимому, конституция Константина от 331 г., которая под названием De gerudiis вошла в Кодекс Феодосия (III, 16.1).

Но значение этих высказываний, которые на первый взгляд могут показаться носящими сугубо личный характер, ослабляется содержанием

⁴¹ Кстати, ἀλαβαρχείη (стих 4) доказывает хорошее знакомство Паллада с египетской жизнью (ср. O. Seeck, in: RE, Bd. I, S. 1271; W. Schubart. Deutsche Literaturzeitung, Bd. 76, 1955, S. 814).

⁴² Philogelos, Hieroclis. . . , hrsg. v. A. Eberhard. Berlin, 1869, S. 8 f.

⁴³ Эту форму обозначили ἀπότρωχτον, а ее создателем стали считать Эпихарма (G. Kaibel. Comicorum Graecorum fragmenta, t. I. Berlin, 1899, p. 130, № 223).

⁴⁴ О Дорофее из Аскалона см. W. v. Christ. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. II, S. 439.

⁴⁵ Объяснение см. у H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. III, S. 138.

⁴⁶ Предложенное Мейнеке и принятое Штадтмюллером (Op. cit., S. 139) чтение θέων φίλε вместо рукописного θεῶ φίλε возможно; однако его нельзя считать необходимым; более того, — оно мало вероятно из-за разницы в возрасте, разделявшей Паллада и отца Ипатии.

⁴⁷ Так же считает и Пэк (W. Peek, in: RE., Bd. XVIII. T. 3, S. 158).

⁴⁸ Перевод Дюбнера (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 269).

⁴⁹ Не следует придавать значение указанию мюнхенской рукописи Плануда на то, что новой профессией Паллада стали ἡ τε τέχνη τῆς ῥητορικῆς καὶ ἡ περὶ τὰς κρίσεις δικογραφία (H. Stadtmüller. Wochenschrift für klassische Philologie, Bd. 17, 1900, S. 822).

⁵⁰ Порядок слов по Дюбнеру (Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 390).

⁵¹ Об интерпретации термина χάρτης см. F. Jacobs. Animadversiones in Epigrammata Anthologiae Graecae. Bd. II, T. 3. Leipzig, 1801, S. 207.

ряда стихотворений, где Паллад, совершенно в духе традиции, идущей от Симонида Аморгского⁵², говорит о природе женщины. Она сравнивается с рабом (XI, 286): оба они — *καλόν* и остаются неизбежным злом, даже если они усердны⁵³. Жена — это *ὀργή τοῦ Διός*⁵⁴, гнев божий, говорится в IX, 165, неприятное *ἀντίδορον* за то, что люди получили огонь, — здесь, как и в IX, 167, где используется такой же *τόπος* — намек на миф о Пандоре⁵⁵; к тому же жена еще хуже, чем огонь, который все же постепенно гаснет, тогда как ее пламя — неугасимо: оно вспыхивает вновь и вновь (167, стк. 4), сжигая и иссушивая мужа (165, стк. 3). Для подтверждения этого поэт ссылается на Гомера (165, стк. 5 и сл.) и цитирует его по памяти⁵⁶, так что при ссылке на „Илиаду“, XV, 18 сл., явственно звучит рассказанная в „Илиаде“ история о том, как Зевс сбросил с Олимпа противоречившего ему Гефеста; эта история в той связи, в какой ее приводит Паллад, не имеет смысла, так же как *πολλάκι* в стк. 6 не подходит к эпизоду, изложенному в XV песне „Илиады“. Стихотворение IX, 166 также призывает Гомера в качестве главного свидетеля для доказательства того, что все женщины без исключения злы и ненадежны; неверность Елены явилась источником бед, изображенных в „Илиаде“, стойкость Пенелопы — породила „Одиссею“ с ее *θάνατοι* (стк. 4) — имеется в виду убийство женихов. Стихотворение X, 55, говорит о муже, который утверждает, что не находится под башмаком у своей жены⁵⁷; оно поучает, что ни один мужчина не может избежать женской злобы: Паллад возражает этому мужу, говоря: „Ты, должно быть, сделан из дуба или из камня“ (здесь Паллад использует форму поговорки⁵⁸, что типично для его поэтической манеры); если тебе живется не так, как всем нам, остальным, и если твоя жена не бросает в тебя сандалиями⁵⁹, не делает тебя свидетелем бесчестных и недостойных супругов поступков⁶⁰, то это значит, что ты оказался удачливее других, но в принципе это ничего не меняет. Об этом же говорится и в следующем стихотворении (X, 56): женщина может вести себя, как угодно, но *σφροσύνη* у нее нет⁶¹.

Нет сомнения, что в своих эпиграммах о злобе женщин Паллад использовал мотив, к которому поэты обращались уже в течение многих

⁵² См. F. I. Brecht. Motiv und Typengeschichte . . ., S. 60 ff.

⁵³ *καλός*=усердный=bonus. Верный перевод — у Брехта (F. J. Brecht. Motiv- und Typengeschichte . . . S. 61) и Дюбнера (Epig. Anthol. Pal., p. 333). Надо заметить, что стих 1 встречается и среди одностий Менаандра: *οὐδὲν γυναικὸς χεῖρον οὐδὲ τῆς καλῆς* (A. Meineke. Fragmenta comicorum Graecorum, t. IV. Berlin, 1841, p. 351).

⁵⁴ Это выражение встречается также в библейско-христианской литературе: Sirach, XXVI, 8: *Ὁργή μεγάλη γυνή μέθυσος*; Clemens Alexandrinus. Paedagogus, t. II, pars 2, p. 33,2 (ed. O. Stählin. Leipzig, 1936, S. 176): „Ὁργή δὲ“, φησὶν, „μεγάλη γυνή μέθυσος“, *σίονεϊ χόλος θεοῦ οἰνομάχλη γυνή*.

⁵⁵ Об этом см. H. Hunger. Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Wien, 1953, S. 251.

⁵⁶ Стих 10 (*χρυσέω ἐν δαπέδω*) — также реминисценция из Гомера („Илиада“, IV, 2).

⁵⁷ О немецком выражении: „unter dem Pantoffel stehen“ см. Borchardt — Wustmann — Schorpe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde, 7. Aufl. Leipzig, 1954, S. 365 f.

⁵⁸ Так же у Гомера („Одиссея“, XIX, 163).

⁵⁹ Тот же мотив у Лукиана („Разговоры богов“, 13, 2).

⁶⁰ Подобный мотив у Ювенала (Сатиры, 1, 56).

⁶¹ Сюда же относятся V, 71 и XI, 381:

Всякая женщина — яд: она благодетельна дважды — Или на ложе любви, или на смертном одре.

веков; несомненно и то, что в этом мотиве, разрабатываемом им с тонким остроумием, ему удалось найти новые стороны, по сей день вызывающие улыбку у читателя.

Следующий вопрос — о мировоззрении поэта, о его философских взглядах и религиозных убеждениях — тесно переплетается с проблемами хронологии. Для их разрешения произведения Паллады дают нам три опорных пункта. Среди эпидейктических эпиграмм есть стихотворение (IX, 400), в котором поэт обращается к философу-неоплатонику Ипатии⁶²:

“Ὅταν βλέπω σε, προσκυνῶ, καὶ τοὺς λόγους,⁶³
τῆς παρθένου τὸν οἶκον ἀστέρων βλέπων·
εἰς οὐρανὸν γὰρ ἐστὶ σοῦ τὰ πράγματα,
Ἵπατία⁶⁴ σεμνή, τῶν λόγων εὐμορφία,
ἄχραντον ἄστρον τῆς σοφῆς παιδείσεως⁶⁵.”

(Когда я смотрю на тебя и внимаю твоим словам, я как бы вижу звездный дворец девы, ибо к небу обращены твои дела, почтенная Ипатия, совершенная в речах, непорочная звезда ученой мудрости).

Тон этих строк совершенно не тот, к которому мы привыкли у Паллады. Ирония здесь совершенно отсутствует; все стихотворение проникнуто чувством глубокого уважения и восхищения⁶⁶, столь чуждым и несвойственным этому насмешливому уму. Можно предположить поэтому, что Паллад принадлежал к интимному кружку этой женщины-философа, ставшей известной читающей публике благодаря роману Ч. Кингли⁶⁷. Это предположение получило бы дополнительное подтверждение, если бы в IX, 175 оказалось правильным упомянутое выше (стр. прим. 2), но отвергнутое нами чтение Θεῶν (имя отца Ипатии). Во всяком случае Паллада, как мы увидим далее, привлекала скорее личность, чем учение Ипатии, чью необыкновенную образованность, привлекательность и очарование славил как друзья, так и враги⁶⁸. Стихотворение написано, по-видимому, при жизни Ипатии — в противном случае было бы в какой-либо форме упомянуто о ее убийстве в 415 г. толпой александрийских христиан. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что Паллад родился за несколько десятилетий до

⁶² „Старую“ литературу о ней указывает J. A. Fabricius. Bibliotheca Graeca, Bd. IX, 2. Aufl. Hamburg, 1804, S. 187 ff. Большой материал собран у Ст. Вольфа (St. Wolf. Programm des k. k. Obergymnasiums in Czernowitz in dem Herzogtum Bukowina für das Schuljahr 1879. Czernowitz, 1879, S. 9 ff.), а также в кн. W. A. Meyer. Hypatia von Alexandria. Heidelberg, 1886.

⁶³ βλέπω следует зевгматически связать с τοὺς λόγους: „Когда я тебя вижу и слышу твои слова“ (так и R. Noche. Philologus, т. 15, 1860, S. 453 и Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 211, где приведены другие толкования).

⁶⁴ В соответствии с размером следует читать „Hypátja“, на что указывает Fr. Dübner (Op. cit., p. 211); тем не менее следует оставить написание Ἵπατία.

⁶⁵ Что поэту знакомо понятие хатастерисμός, показывает, между прочим, выражение προσκυνῶ (стк. 1), религиозный смысл которого очевиден (см. доказательства у В. Бауера (W. Bauer, Griechisch-deutsches Wörterbuch..., S. 1304 ff.). Ипатия узнала свой хатастерисμός в известной мере при жизни (так же Fr. Dübner. Op. cit., p. 211).

⁶⁶ Прехтер справедливо называет это стихотворение „памятником уважения“ (RE, Bd. IX, T. 1, S. 243).

⁶⁷ Ch. Kingsley. Hypatia, t. I—II. Leipzig, 1857 (с важным введением, т. 1, стр. VII сл.); см. также H. v. Schubert. Preußische Jahrbücher, Bd. 24, 1906, S. 42 ff.; R. Asmus. Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte, Bd. 7, 1907, S. 30 ff.; J. Geffcken. Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung, Bd. 2, 1926, S. 150 ff.

⁶⁸ Доказательство у R. Noche. Philologus, Bd. 15, 1860, S. 443 f; 446 ff.

415 г. Но мы можем еще точнее определить эту дату. В IX, 528 имеется трехстишие Паллада с леммой: *Εἰς τὸν οἶκον Μαρίνης:*

Χριστιανοὶ γεγαῶτες Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες
ἐνθάδε ναιετάουσιν ἀπήμονες· οὐδὲ γὰρ αὐτοὺς
χώνῃ φάλλιν ἄγρουσα φερέσβιον ἐν πυρὶ θήσει.

Речь идет о статуях античных богов⁶⁹, которым дали имена христианских святых, что спасло их от плавильного тигля — здесь нельзя не услышать сарказма, звучащего в словах Паллада. Марина — это, по всей вероятности⁷⁰, младшая дочь императора Аркадия. Она была известна своей суеверной приверженностью к церкви и ее служителям и пользовалась большим влиянием на отца⁷¹. Различные источники⁷² упоминают о выстроенном ею дворце, где нашли приют статуи, о которых говорит Паллад⁷³.

Трудно себе представить, чтобы принцесса, родившаяся в 403 г., имела возможность построить такой дворец до 420 г. Таким образом, этот год можно считать *terminus post quem* для IX, 528.

И наконец, третья дата! Среди *συμποτικὰ καὶ σκωπτικὰ* находится стихотворение XI, 292, состоящее из двух дистихов:

Ἄντυχος οὐρανόθεν υπερήμενος ἐς πόδον ἦλθε
ἄντυχος ἀργυρέης⁷⁴ αἰσχος ἀπαρέσιον.
ἦσθ' ἀ ποτε κρίσσων, αὐθις δ' ἐγένου πολὺ χείρων.
θεῦρ' ἀνάβηθι κάτω· νῦν γὰρ αὖτω κατέβης.

Лемма Палатинской антологии к этому стихотворению гласит: *Εἰς τινα φιλόσοφον γενόμενον ὑπαρχὸν πόλεως ἐπὶ Βαλεντινιανοῦ καὶ Βάλεντος*, лемма сборника Плануда: *Εἰς Θεμιστίον τὸν φιλόσοφον γενόμενον ὑπαρχὸν Κωνσταντινουπόλεως ἐπὶ Οὐάλεντινιανοῦ καὶ Οὐάλεντος*⁷⁵.

Эта эпиграмма таким образом направлена против знаменитого Фемиствия, βασιλεὺς λόγων⁷⁶ и εὐφραδῆς⁷⁷, советника императорского двора с 355 г., когда он был назначен Константином на должность члена константинопольского сената. Однако должностью префекта⁷⁸ в Константинополе он занимал (в чем единодушно сходятся все свидетельства) не при Валентиниане и Валенте и не при Юлиане, как указывают некото-

⁶⁹ Ср. P. Waltz. *Revue des études grecques*, vol. 59/60, 1946/47, p. 198.

⁷⁰ См. аргументацию A. Franke. *De Pallada* . . . , S. 38.

⁷¹ Аргументация у O. Seeck, in: *RE*. Bd. II, S. 1139.

⁷² *Chronicon paschale*, vol. I, Bonnae, 1832, p. 566 (стк. 13: τῶν явно неверное написание вместо τὸν; следует исправить и соответствующее место у Энсслина — *RE*, Bd. XIV, S. 1757); *Theophanes. Chronographia*, vol. I, Bonnae, 1839, p. 372; *Theophanes Continuatus*, p. 460; а также *Notitia urbis Constantinopolitanae*, ed. O. Seeck; *Notitia dignitatum*. Berlin, 1876, p. 230. См. M. Schanz. *Geschichte der römischen Litteratur*, Bd. IV, T. 2. München, 1920, S. 129 f.

⁷³ П. Вальц (P. Waltz. *Revue des études grecques*, p. 208), называет Марину „*amie des arts antiques*“, не обосновывая этого утверждения.

⁷⁴ Намек на серебряную колесницу, которая полагалась префекту города (Fr. Dübner, *Epigr. Anthol. Pal.*, p. 384). Об ἄντυξ см. еще H. de Bosch. *Observationes et notae in Anthologiam Graecam*. Utrecht, 1810, p. 474.

⁷⁵ Цитируется по Дюбнеру (*Op. cit.*, p. 384).

⁷⁶ Доказательства см. W. v. Christ. *Geschichte der griechischen Litteratur*, S. 822, *Anm.* 7.

⁷⁷ Ср. F. Ueberweg. *Grundriss der Geschichte der Philosophie des Altertums*. Berlin, 1909, S. 248.

⁷⁸ Об этой должности см. B. Kübler. *Geschichte des römischen Rechts*. Leipzig, 1925, S. 334; Pietro de Francisci. *Storia del diritto romano*, t. 3, Milano, 1936, p. 148, а также E. Sachers in: *RE*, Bd. XXII, T. 2, S. 2532 ff.

рые схолии⁷⁹, а лишь при Феодосии, вероятнее всего в период с весны 383 до осени 384 г.⁸⁰; оставляя этот пост, Фемистий произнес речь *Πρὸς τοὺς αἰτιασμένους ἐπὶ τῷ δέξασθαι τὴν ἀρχήν* (34), в которой он возражает своим критикам, упрекавшим философа за практическую деятельность. Возможно даже, что в начале речи он прямо обращается к Палладу⁸¹: *ὕπὸ σοὶ κριτῆ τὸ κοινὸν ἐγκλημα ἀπολύσασθαι*⁸². Еще вероятнее предположение А. Май⁸³ о том, что сопоставление Эпикура и Платона в конце речи указывает на отношения между Палладом и Фемистином: *Ἐπίκουρος μὲν μικρός, καὶ ὅστις ζῆλωτῆς Ἐπικούρου, σαρκὸς ἡδονὴν τε θαυμακῶς*⁸⁴, *Πλάτων δὲ ἄνω αἰεὶ, καὶ ὅστις ἐπεταὶ Πλάτωνι, τὴν πρὸς θεὸν ὁμοίωσιν μεταδιώκων* (471. 13—16)⁸⁵. Данные лемм, таким образом, верны в отношении содержания, но время определено там неправильно. Палладу в то время было от 20 до 30 лет⁸⁶, так что год его рождения можно отнести приблизительно к 360 г.; он причислял себя к тем, кто с такой же уверенностью отрицательно отвечал на вопрос, *εἰ πολιτεύεται ὁ σοφός*, с какой Фемистий отвечал на него утвердительно.

Остальные, имеющиеся у нас данные о биографии Паллада не являются существенными. Среди „*Epigrammata sepulcralia*“ VII книги Антологии есть 8 сатирических стихотворений на некоего Гессия (681—688)⁸⁷. Астрологи предсказали ему место консула (678 и сл.), о котором он мечтал, но эти надежды не сбылись; напротив того, Гессия постигла смерть — от собственной руки, как полагали древние комментаторы⁸⁸, или, что вероятнее, в результате исполнения судебного приговора: он получил *σύμβολα τῆς ἀρχῆς* (685, стк. 4), секиры из *fascis*, но только не в том смысле, в каком ему хотелось. О. Зеек⁸⁹ довольно убедительно показал, что Гессий, высмеянный Палладом, и египтянин Гессий, неоднократно упоминаемый в письмах Либания⁹⁰, — одно и то же лицо. Этот египтянин Гессий находился на императорской службе, после чего был в 388—392 гг. учителем риторики в Египте⁹¹. Позднее

⁷⁹ A. Franke. De Pallada..., S. 24; A. Mai in: Themistios. Orationes, ed. Dindorf, S. 458 Anm. = *Classici auctores...*, t. 4. Rom, 1831, p. 329, Anm. 3.

⁸⁰ W. Peek in: RE, Bd. XVIII, S. 159 f. Ср. также E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. I. Wien, 1928, S. 251; W. Stegemann in: RE, Bd. V A, S. 1646; H. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1950, S. 528.

⁸¹ Так А. Май, in: Themistios. Orationes, ed. Dindorf, S. 444 Anm. = *Classici auctores...*, p. 307, Anm. 2.

⁸² См. Themistios. Orationes, ed. Dindorf, S. 444. 16-17, а также Kap. 9, S. 453; 12, S. 456; 27, S. 469.

⁸³ *Classici auctores...*, S. 352, Anm. 3 и в издании Диндорфа (Themistios. Orationes, ed. Dindorf) S. 471 ff.

⁸⁴ Из этого замечания не следует делать тот вывод, который сделал А. Май (Themistios. Orationes, S. 352. 2), будто Паллад был „*vitae solutioris*“; его поэзия отличается от поэзии Агафия или Павла Силенциария как раз отсутствием в ней эротических (ср. об этом W. Peek in: RE, Bd. XVIII, S. 161) и ограниченным числом застольных (там же, стр. 164) эпиграмм.

⁸⁵ На дальнейшие отголоски этого мотива указывает H. Scholze. De temporibus librorum Themistii. Dissertation. Göttingen, 1911, S. 59, Anm. 350.

⁸⁶ A. Franke. De Pallada..., S. 39.

⁸⁷ Об этом см. F. Boll. Kleine Schriften zur Sternkunde des Altertums. Leipzig, 1950, S. 146.

⁸⁸ См. A. Franke. De Pallada..., S. 40.

⁸⁹ RE, Bd. VII, S. 1325.

⁹⁰ Libanii opera, ed. R. Foerster, t. 11. Leipzig, 1922, p. 43 (№ 892 = W 810), p. 166 (№ 1042 = W 962), p. 546 (1524 = W 1149).

⁹¹ Свидетельство антологии Плануда — IV, 317 (= XVI, 317 по изданию Таухница), которое наряду с другими свидетельствами привлекает Зеек, имеет весьма ограниченную ценность (ср. A. Franke. Op. cit., S. 17; W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, S. 160).

он добивался консульства, но, поскольку стало известно, что он обращался к оракулу⁹², — это было тогда строго запрещено⁹³, — он был арестован и казнен. Эпиграммы на Гессия во всяком случае не противоречат датировке, установленной нами ранее; в них ясно выражено злорадство по отношению к тому, кто смотрит на философию, как на τῆς κοινῆς ὀφελιμωτέρα, и, исходя из этого, строит свою жизнь, — т. е. та же позиция, которая налицо и в эпigramме, направленной против Фемистия⁹⁴.

Что же мы можем сказать еще о философских взглядах Паллада? Что касается его религиозных воззрений, то мы уже отметили его ироническое отношение к изображениям христианизированных языческих богов во дворце Марины (см. выше, стр. 256), а также его принадлежность к эллинству, которая в то время означала нечто большее, чем просто национальную принадлежность (см. выше, стр. 251). Эта приверженность Паллада к эллинству связана с печалью по минувшему величию. Разве мы, эллины, живем не призрачной, кажущейся жизнью⁹⁵, говорит он (X, 82), после того, как на нас обрушилось несчастье; не продолжаем ли мы только прозябать, когда жизнь уже давно позади?⁹⁶ Та же мысль развивается и в других стихотворениях. Если Фама — божество, то она недоброжелательна по отношению к эллинам, которых обманывала лживыми словами (X, 89)⁹⁷; все греческое перемешалось, как ἄνδρες ἐσποδομένοι, как люди, превращенные в пепел, они возлагают на мертвых свою надежду, которую им давно бы уже пора было похоронить (X, 90)⁹⁸. Рейске⁹⁹ сделал интересное предположение, что упомянутое стихотворение было вызвано мерами Феодосия I, направленными на разрушение храмов и уничтожение культов, — то и другое

⁹² Явное пристрастие Гессия к оракулам и волшебству приводит к мысли, что он и есть Кесий (Гесий), против которого Шенуте из Атрипы возбудил процесс (см. J. Leirpoldt. *Schenute von Atripe*. Leipzig, 1903, S. 180; O. Seeck. *Die Briefe des Libanius*. Leipzig, 1906, 164 ff.

⁹³ Ср. волну процессов в начале 70-х годов IV в. E. Stein. *Geschichte des spät-römischen Reiches*, S. 273 ff.

⁹⁴ На сходство между этими эпиграммами обратил внимание уже L. Méridier. *Le philosophe Thémistios*. Dissertation. Rennes, 1906, p. 103. Приведенную там ссылку на издание Фемистия Дионисием Петавием (Paris, 1618, p. 634) я не мог проверить.

⁹⁵ οὐρανὸν εἰκίζοντες εἰναι τὸν βίον (стк. 3). Здесь предвосхищена кальдероновская тема: „Жизнь есть сон“. Странно, что Паллад не упоминается в обзоре А. Фаринелли (A. Farinelli. *La vita è un sogno*, vol. I. Torino, 1916).

⁹⁶ Я решаюсь вместе с Л. А. Стеллой (L. A. Stella. *Cinque poeti dell'Antologia Palatina*, p. 343, Anm. 1) поставить вопросительный знак. Якобс (см. Fr. Dübner, *Epigr. Anthol. Pal.*, p. 281), повидимому, считает, что речь идет о каких-то реальных катастрофах, происшедших в Греции (*magnas gravesque Graeciae calamitates*), возможно, об опустошениях, произведенных Аларихом (395/396 г.) — см. G. F. Hertzberg. *Die Römer und das römische Reich*, 2. Aufl., Berlin, o. J., S. 352); П. Вальц (P. Waltz. *Revue des études grecques*, p. 207 sq.) напоминает о восстании Гайны в 399 г. Ср., кроме указанной Вальцем литературы, G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, 2. Aufl., München, 1952, S. 45). Но оба эти события не могли непосредственно задеть Паллада, находившегося в Египте, так что скорее речь идет об общем упадке эллинизма.

⁹⁷ П. Вальц (P. Waltz. *Revue des études grecques*, p. 206) склонен считать, что здесь имеется в виду военное поражение, хотя он не может сказать, о каком именно поражении идет речь; я считаю это мало вероятным: оба последних, столь трудно объяснимых стиха обозначают то же самое, что немецкая поговорка: *Nichts wird so heiss gegessen, wie es gekocht wird* (*Der Große Duden, Stilwörterbuch der deutschen Sprache*, 3. Aufl., Leipzig, 1938, S. 233).

⁹⁸ Текст не позволяет согласиться с энциклопедией („*Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste*“, Bd. III, T. 10, Leipzig, 1838, S. 52) в том, что речь здесь идет о надежде на „погребенных мертвых“. „Служба глупости“ — определенный намек на христианский культ.

⁹⁹ Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 282.

в Египте проводилось с особенной жестокостью (достаточно вспомнить о разрушении храма Сараписа в 351 г.)¹⁰⁰ и встретило там соответствующее сопротивление¹⁰¹.

Но Паллад вскоре вновь обретает свой сарказм. Он обращается к низвергнутой статуе Геракла: Ἀλεξίκακε τρισέληνε¹⁰², μηδέποθ' ἤττηθείς σήμερον ἐξετάδης (IX, 441. 3—4); на что бог ночью со скрытой улыбкой отвечает ему: Καίρω δουλείειν καὶ θεὸς ὦν ἔμαθον (стк. 6) — «и я, бог, научился смиряться перед временем». Этот мотив имеет и другие вариации. О Тихэ говорится в Εἰς τὴν Τύχην γενομένην καπηλείον (IX, 180, 181, 182); Εἰς τὸν τῆς Τύχης ναὸν γενομένον καπηλείον (IX, 183), где, как уже предположил Штадтмюллер¹⁰³, в обоих случаях явно имеется в виду одно и то же обстоятельство, о котором говорится у Иоанна Лида¹⁰⁴: Ὅτι τὴν ἰσταμένην ἐν τῷ Βυζαντίῳ στήλην τῆς Τύχης Πομπήιος ὁ μέγας ἔστησεν, ἐνταῦθα τὸν Μιθριδάτην συγχλίσας μετὰ τῶν Γότθων καὶ τοῦτους διασκεδάσας τὸ Βυζάντιον εἶλε... Ὁ δὲ τόπος ὑστερον καπηλείον ἐγένετο.

Низвергнутая Тихэ может почувствовать на себе, каково приходилось тем, кого она сама низвергла (182, стк. 3 и сл.; 183, стк. 5 и сл.). А статуе Эрота, из которой искусный медник выплавил тигель, поэт говорит в утешение, что она и в таком виде еще может гореть (IX, 773).

Прежде, чем сделать вывод из сказанного, остается рассмотреть еще одну эпиграмму (XI, 384). С конца III в. монашество в Египте получает широкое распространение — как в виде отшельничества, так и в форме общежительных монастырей; жизнь монашества получает всестороннее отражение в литературе и привлекает внимание широкой общественности¹⁰⁵. Это явление не могло укрыться и от насмешливого ума Паллада:

Εἰ μοναχαί, τί τοσοῖδε; Τοσοῖδε δέ, πῶς πάλι μῦνοι;
ὃ πλῆθος μοναχῶν ψευσαμένη μονάδα. —

говорит он, остроумно пользуясь игрой слов¹⁰⁶.

Приведенные стихотворения в достаточной степени характеризуют отношение Паллада к религии. Паллад совершенно не религиозен, но и не антирелигиозен. Он видит гибель старых богов, и это не вызывает в нем боли — разве что некоторую печаль, ибо боги эти принадлежат эллинству, столь дорогому ему. Но душа его не лежит и к христианству с его примитивным радикализмом, с его теологией, предстающей в обрамлении греческой философии, и с энергично формирующейся иерархией¹⁰⁷. Это не значит, что он не может при случае воспользоваться формулировками, звучащими по-христиански (или, лучше

¹⁰⁰ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom, Bd. I. Tübingen, 1953, S. 30.

¹⁰¹ Ср. G. Bigoni. Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, VI, 5, 1886/87, p. 429 sqq.; V. Schultze in: Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, Bd. 19. Leipzig, 1907, S. 617 f. Предположение, что Паллад мог принимать в этом активное участие, справедливо отвергает Л. А. Стелла (L. A. Stella. Cinque poeti dell'Antologia Palatina, p. 339 sq.).

¹⁰² О значении τρισέληνος см. издание Штадтмюллера (H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. III, S. 443).

¹⁰³ Ibid., S. 142.

¹⁰⁴ De mensibus, 3, 47. Bonnae. 1837, p. 48.

¹⁰⁵ См. K. Aland. Kirchengeschichte in Lebensbildern, 1. Berlin, o. J., S. 189 ff.; исчерпывающую библиографию см. E. Preuschen und G. Krüger. Das Altertum (Handbuch der Kirchengeschichte, 1). Tübingen, 1923, S. 197 ff.

¹⁰⁶ Аналогичные места указаны R. Cantarella. Poeti bizantini, vol. 2. Milano, 1948, p. 79.

¹⁰⁷ T. Sinko (Literatura grecka, t. III, pars 2. Wrocław, 1954, p. 246) упоминает Симмаха и Рутилия Наматиана.

сказать, монотеистически); такие примеры приводит П. Вальц¹⁰⁸, но при этом надо принять во внимание, что уже у Гомера встречается θεός и ὁ θεός в совершенно определенном смысле самого „божественного существа и действия“ — без заметного различия в значении¹⁰⁹. И это не значит также, что он не мог быть формально членом христианской общины, как позднее Агафий¹¹⁰, Павел Силенциарий¹¹¹ или Прокопий¹¹², которые, впрочем, по своему образу мыслей стояли ближе к христианству, чем Паллад.

Каковы же положительные стороны мировоззрения Паллада? И на этот вопрос мы находим краткий и четкий ответ в VII, 339¹¹³ — συμποτικόν, который у Кефала стоит среди эпитафий. Это стихотворение — необычной для Паллада длины — состоит из четырех дистихов. Οὐδὲν ἀμαρτήσας, без вины и греха — как не по-христиански это звучит! — появился я на свет. И с тех пор, как я родился, каждый мой шаг приближает меня к Аиду. О несчастное сожительство моих родителей, таившее в себе зародыш смерти, о Ананкэ, неотвратимый рок, влекущий меня к смерти! Οὐδὲν ἐὼν γενόμεν' ἄλλιν ἔσομαι, ὡς πάρος, οὐδὲν — ибо ничтожен весь человеческий род. Поэтому, друг, пусть кубок сверкает (ἀποστύβοῦν — встречается только здесь¹¹⁴), налей нам вина, прогоняющего заботы! Нет необходимости выяснять, насколько сильна здесь поэтическая традиция, — некоторые связи установил Дюбнер¹¹⁵, — важнее то, что сходные мотивы встречаются и в других стихотворениях Паллада; из этого следует, что указанные мотивы выражают мысли самого автора, но не являются данью традиционной тематике поэтического ремесла, заботящегося лишь о форме. Сравните, например, с этим стихотворением (VII, 339) другое (X, 118), принадлежность которого Палладу не является, впрочем, вполне установленной¹¹⁶:

Πῶς γενόμεν; Πόθεν εἰμί; Τίνος χάριν ἦλθον; Ἀπελθεῖν;
 πῶς δύναιται τι μαθεῖν μηδὲν ἐπιστάμενος;
 οὐδὲν ἐὼν γενόμεν' ἄλλιν ἔσομαι, ὡς πάρος ἦα,
 οὐδὲν καὶ μηδὲν τῶν μερόπων τὸ γένος¹¹⁷.
 ἀλλ' ἄγε μοι Βάκχοιο φιλήδονον ἔντυε νᾶμα.
 τοῦτο γάρ ἐστι κακῶν φάρμακον ἀντίδοτον.

¹⁰⁸ Kleinknecht in: G. Kittel. Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament, 3. Stuttgart, 1938, S. 66 f.

¹⁰⁹ P. Waltz. Op. cit., S. 198 ff.

¹¹⁰ М. В. Левченко. ВВ, т. III, 1950, стр. 72.

¹¹¹ См. С. Corbato. La poesia di Paolo Silenziario. Trieste, 1951 p. 6.

¹¹² Тем не менее формулировка: „Мировоззрение (Прокопия) целостно христианское“ (В. Rubin. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954, S. 57) мне кажется неосновательной. Отношение Прокопия к христианству гораздо лучше характеризуют его собственные слова: (De bello Gothico, I, 3. 7): Ἀνθρώπων οὐδὲ τὰ ἀνθρώπεια εἰς τὸ ἀκριβὲς οἶμαι καταληπτὰ, μὴ τί γε δὴ τὰ εἰς Θεοῦ φύσιν ἤκοντα (см. замечания G. Souter. Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung, Bd. 2, 1939, S. 106 f., приемлемые, правда, с некоторыми оговорками).

¹¹³ Оно характеризуется в изданиях как ἄδηλον. Лемма (H. Stadtmüller. Anthologia Graeca, Bd. II, S. 227) называет авторами Паллада и Лукиана из Самосаты. Но в стихотворении, как это будет показано ниже, настолько чувствуется стиль Паллада, что в авторстве не может быть сомнений. Р. Гельм (RE, XXVI Hlbb. S. 1740) не высказывает по этому вопросу своего мнения, однако оспаривает принадлежность Лукиану всех эпиграмм, дошедших до нас под его именем.

¹¹⁴ Liddell—Scott, t. I, p. 219.

¹¹⁵ Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 456.

¹¹⁶ A. Franke. De Pallada. . . , p. 16.

¹¹⁷ Следую тексту Дюбнера (Fr. Dübner. Anthologia Graeca, t. II, p. 272) (по A. Meineke. Philologus, Bd. 15, 1860, S. 141).

Обе эпиграммы обнаруживают почти дословное сходство между собою. Некоторые их мотивы встречаются в следующих более коротких стихотворениях: X, 58 — Нагим пришел я на землю, нагим ее и покину, — так что же я мучаюсь? X, 59 — Ожидание смерти хуже самой смерти; X, 84 — в слезах человек рождается, в слезах покидает он этот мир: ὃ γένος ἀνθρώπων πολυδάκρυτον (стк. 3); X, 85 — Все мы предназначены для смерти, словно стадо свиней для бойни — ἀλόγως. Сюда примыкает XI, 349 с сатирическими стихами об астрономах¹¹⁸: начните с измерения самих себя, усвойте принцип γνῶθι σεαυτόν (стк. 3) — после этого можете измерять космос. Здесь явственно звучит изложенная Ксенофонтом (Воспоминания о Сократе, IV, 7. 5) беседа Сократа. Комментарий к греческой антологии мог бы в избобилии дать параллели из различных областей греческой философии также и к другим рассмотренным нами местам, но этот комментарий еще только должен быть создан, его так же не достает, как и полного критического издания текста и полного перевода его на один из современных языков. Однако то, что мы хотели доказать, ясно уже из вышесказанного. Было бы тщетным искать во взглядах Паллада определенной философской системы — гораздо вероятнее, что он, будучи начитанным грамматиком, черпал из всех источников, которые отвечали его пессимистически-скептическому отношению к миру. Иногда создается впечатление, что наиболее сильное влияние оказала на него школа Эпикура, учение которого, как известно, имело многих последователей в конце императорской эпохи¹¹⁹ и может считаться „истинной философией Римской империи“¹²⁰. Мы встречаемся с обвинением Паллада в эпикуреизме в речи Фемистия Περὶ τῆς ἀρχῆς (см. стр. 21), а в συμποτικόν, VII, 339 и параллельном к нему X, 118 содержатся элементы эпикурейского стремления к умеренному наслаждению жизнью. Сюда же относится застольная песенка XI, 55, а также стихотворение X, 47, призывающие, несмотря на все печали, не забывать о пище и вине, ибо, как свидетельствует Гомер („Илиада“, XXIV, 602 и сл.), даже Ниоба, пораженная тяжелым горем, не отказалась подкрепить свои силы¹²¹. И для состарившегося поэта насмешки женщин значат так же мало, как для Анакреона (стихотворение 11), которому он в XI, 54 подражает и в поэтической манере. XI, 62 резюмирует: „Жизнь коротка, так пусть вино, женщины и песни сделают ее более сносной“^{121а}; в стк. 6 встречается новая мысль: Τῆλλα δὲ πάντα τύχη πράγματα δὸς διέπειν. Все это порой дословно повторяет „Алкесту“ Еврипида, 782 и сл.¹²² Нет сомнения, что грамматик Паллад был знаком с этой драмой¹²³. Но не следует думать, что представление Паллада о Тихе соиздалось только под влиянием Еврипида. У Еврипида боги — τύχης ἀρχηγε-

¹¹⁸ Неточно озаглавлено „К геометрам“. G. Thudichum. Griechische Anthologie, t. 8. Stuttgart, 1870, S. 1048.

¹¹⁹ См. F. Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie. . . , S. 267.

¹²⁰ W. Windelband. Geschichte der abendländischen Philosophie im Altertum. München, 1923, S. 223.

¹²¹ См. Эпикур, фрагм. 473, 475—477. Фрагм. 409 (ἀρχὴ καὶ ῥίξα παντός ἀγαθοῦ ἢ τῆς χαστρός ἡδονῆς) дошел в тенденциозной передаче.

^{121а} Сюда же примыкает V, 72.

¹²² Слишком сжатый комментарий Л. Вебера к „Алкесте“ (Лейпциг, 1930, стр. 147) не освещает ни общую проблему Тихе, ни вопроса о влиянии в этом отношении Еврипида на Паллада.

¹²³ См. обзор о влиянии Еврипида на позднеантичную литературу у W. Schmid und O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I, T. 3, S. 831 ff.; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 602.

та: ¹²⁴, так что Тихэ у него — во всяком случае, как правило ¹²⁵ — средство в руках богов; персонификация Тихэ — это не просто метонимия, а образ почитаемого божества. И хотя для создания этого образа почву подготовили Еврипид и Софокл ¹²⁶, окончательно он сложился лишь в эллинистическую эпоху ¹²⁷. Что Паллад знал это божество Тихэ, которое в императорскую эпоху какое-то время считалось всеобъемлющим ¹²⁸ и имело свой храм в Александрии ¹²⁹; что мы вправе писать в его стихотворениях Τύχη с прописной буквы и в тех случаях, где отношение поэта к этому понятию неясно из контекста, — это видно из вышеприведенных ἐπιδεικτικά IX, 180—183; с другой стороны, ясно, что представление Паллада о Тихэ формировалось под влиянием популярной философии того времени ¹³⁰. А так как эта последняя и сама не могла создать какой-либо цельной концепции ¹³¹ относительно этого столь чуждого ей предмета ¹³², то и у Паллада мы встречаем различную, а зачастую и противоречивую трактовку. Тихэ не знает ни Logos, ни Nomos, говорит нам X, 62; она тиранит людей своими ἄλογα βέβαια, более благосклонна к злым, чем к добрым, и, когда только может, проявляет свою ἄλογος δύναμις; все это — мысли, хорошо известные из Νέξ (неоаттической комедии) и еще больше из античного романа ¹³³. Менее пессимистично X, 65, где речь идет о том, что жизнь — это корабль, управляемый Тихэ; так как эта Тихэ имеет двойственный характер, она может направлять корабль как по хорошему, так и по плохому курсу, хотя в обоих случаях путь кончается в подземной гавани Аида. И если в X, 80, а также в X, 72 говорится, что человеческая жизнь — это ταίριον Тихэ, то и эта концепция не исключает благоприятного исхода. Мысль о том, что люди являются игрушками, марионетками в руках божества, встречается уже у Платона (Законы, I, 644. D и VII, 803. C); у киников Тихэ — сила, ставящая (χορηγός) великую Humana comoedia ¹³⁴ — образ, которым охотно пользовались и византийские авторы ¹³⁵ и кото-

¹²⁴ „Электра“, 890 и сл. См. W. Schmid. Op. cit., S. 444. Anm. 5.

¹²⁵ Исключения отмечены *ibid.*, S. 703, Anm. 7.

¹²⁶ Аргументация приведена у M. P. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*, I. München, 1955, S. 756.

¹²⁷ См. M. P. Nilsson. Op. cit., II. München, 1950, S. 190 ff.; S. 190, Anm. 2, где указана важнейшая литература по этому вопросу.

¹²⁸ См. P. Wendland. *Die hellenistisch-römische Kultur*. Tübingen, 1912. S. 104; В. Энслин (W. Ensslin. *Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus*. Leipzig, 1923, S. 76) устанавливает во взглядах этого современного Палладу историка на судьбу многие из тех черт, которые мы встречали у Паллада. На сохранение представлений о Тихэ в ранней Византии указал O. Veh. *Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Prokop von Caesarea*. Programm. Bayreuth, 1952, S. 24 ff., в средние века и в новое время — G. Soyter. *BZ*, Bd. 44, 1951, S. 543, Anm. 3.

¹²⁹ L. Ruhl in: *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, hrsg. v. W. H. Roscher. Bd. 5, Leipzig, 1924, S. 1356 f.

¹³⁰ При характеристике византийской философии IV—V вв. (см. V. Valdenberg. *Byz.*, 4, 1927/28, p. 237) наряду с имевшим известное значение неоплатонизмом нельзя забывать и этой популярной философии, обращавшейся к широким массам.

¹³¹ G. Herzog-Hauser. *RE*, 2 R. 14 Hlbb. S. 1665. Неудовлетворительно изложен материал у W. Engel. *Die Schicksalsidee im Altertum*. Erlangen, 1926, S. 106 f.

¹³² M. P. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*, II, S. 193.

¹³³ Аргументацию см. G. Herzog-Hauser (op. cit., S. 1657 ff., 1670 f.). Стоики считали, что Тихэ ἀδελος ἀνθρωπίνω λογισμῷ (Ioannes ab Arnim. *Stoicorum veterum fragmenta*. T. 2, Leipzig, 1903, p. 280 f.); согласно Епифанию, эпикурейцы полагали: τύχη διοικεῖν τὰ πάντα (H. Diels. *Doxographi Graeci*, 2. Aufl. Berlin, 1929, p. 593).

¹³⁴ G. Herzog-Hauser. *Ibidem*, S. 1668 f., *RE*, Bd. 17, S. 162 f.

¹³⁵ Аргументацию см. Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 281.

вполне согласуется хвала бедности, которую поет Паллад (IX, 172 в.)¹⁴⁵. Если принять также во внимание еще более громкие похвалы искусству молчания в X, 46 (мудрым учителем этой *μεγάλη παιδείσις*¹⁴⁶ является Пифагор) и в XV, 20 (кончается словами: „*λαθὼν δὲ καὶ βίωσον, εἰ δὲ μή, θανὼν*“¹⁴⁷), — то отношение Паллада к философии станет совершенно ясным. Как истинный ритор и хороший грамматик, он основательно знаком с классическими философами и их учениями, но в то же время далек от того, чтобы самому непосредственно примкнуть к какой-нибудь школе: эклектик, он черпает из самых различных источников все, что отвечает его умонастроению, не слишком заботясь о противоречиях, которые в силу этого пронизывают его стихи.

Нам остается еще сказать о Палладе как о поэте. Уже те стихотворения, которые мы рассмотрели, изучая вопрос о его биографии, подтверждают справедливость оценки, согласно которой в сборнике его эпиграмм имеются „весьма остроумные стихотворения“¹⁴⁸. Эта „*Sylloge Palladana*“ была в распоряжении Кефала, когда он на основе созданных до него сборников составлял свою антологию. Как убедительно показал Франке¹⁴⁹, наряду с эпиграммами Паллада в нее вошли также произведения того же жанра, принадлежащие другим авторам; трудно решить, был ли включен Паллад в сборник Агафия, хотя это вполне вероятно¹⁵⁰. Творчество Паллада почти без исключения¹⁵¹ ограничивается произведениями трех родов: *ἐπιδεικτικά*, *προτρεπτικά* и *στωπτικά*, соответствующих IX, X и XI книгам Палатинской антологии, причем надо заметить, что Кефал не всегда удачно размещает стихи — иногда это размещение диктуется случайными соображениями¹⁵².

Корни *γένος προτρεπτικόν* лежат в софистике. Исократ, XV, 60¹⁵³ видит свою задачу в том, чтобы *τοὺς νεωτέρους... προτρέπειν ἐπ' ἀρετὴν καὶ τοὺς ὑπὲρ τῆς πόλεως κινδύνους*¹⁵⁴. *Προτρεπτικός* становится затем названием для всякого философского сочинения, как, например, у Антисфена, основателя школы киников¹⁵⁵, а в дальнейшем получает более узкое значение — труда, призывающего заниматься философией, как у Аристотеля и других¹⁵⁶. *Ἐπιγράμματα προτρεπτικά* Антологии используют эту форму в поэзии¹⁵⁷, при этом, правда, философия в значительной сте-

¹⁴⁵ О расчленении традиционного текста эпиграммы IX, 172 на два стихотворения см. Fr. Dübner. *Epigrammatum Anthologia Palatina*, p. 181; H. Stadtmüller. *Anthologia Graeca*, Bd. III, S. 135 f.

¹⁴⁶ Аргументацию см. O. Casel. *De philosophorum Graecorum silentio mystico*. Gießen, 1919, p. 30 sqq.

¹⁴⁷ Эпикур, фр. 551: *Λάθε βίωσας*.

¹⁴⁸ F. Dölger. *Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache*. Berlin, 1948, S. 23.

¹⁴⁹ A. Franke. *De Pallada...*, S. 47 f.

¹⁵⁰ Так думает Пэк (W. Peek, in: RE, S. 161).

¹⁵¹ О дошедших под именем Паллада мнимых *ἐρωτικά*, *ἀναθηματικά*, *ἐπιτύμβια* и *στωπτικά* см. там же, стр. 161 и 164.

¹⁵² K. Prinz. *Martial und die griechische Epigrammatik*. Wien, 1911, S. 4.

¹⁵³ *The mistios. Orationes*, hrsg. v. G. E. Benseler, Bd. II. Leipzig, 1882, p. 115 f.

¹⁵⁴ Отголоски этого см. у Ioannes Stobaeus, 2, 7 (*Anthologii libri duo priores*, hrsg. v. C. Wachsluth. Bd. II, Berlin, 1884, p. 40): *ἔστι γὰρ ο προτρεπτικός ο παρορμών ἐπὶ τὴν ἀρετὴν*.

¹⁵⁵ W. v. Christ. *Geschichte der griechischen Litteratur*, I, S. 655.

¹⁵⁶ *Ibid.*, S. 725, Anm. 13. Однако позже встречаются и другие цели: *Προτρεπτικός* Клавдия Галена, в рукописи озаглавлен: *Προτρεπτικός λόγος ἐπὶ τὰς τέχνας* и (правильно) *Προτρεπτικός ἐπ' ἱατρικὴν* [см. издание G. Kaibel (Berlin, 1884, S. IX)].

¹⁵⁷ Странно, что они не принимаются во внимание в подробном исследовании P. Hartlich. *De exhortationum a Graecis Romanisque scriptorum historia et indole*. Leipziger Studien zur classischen Philologie, 11, Leipzig, 1889, S. 207 ff.

пени рассматривается в ее практическом применении, на что указывают уже схолии¹⁵⁸: *Προτρεπτικά δὲ τοῦ πρακτέου τοῖς ἐντυγχάνουσιν ὄντα οὐ τέρψιν μόνην, ἀλλὰ καὶ ὄφελος οὐ μικρὸν ἔχει καιρὸν τε καὶ τόπον καὶ πρᾶξιν ὑφηγούμενα*. Выше (стр. 261) уже шла речь о стихах, повествующих о том, как следует относиться к непостоянству Тихэ¹⁵⁹; мы видели, как горячо возмущается Паллад богатством¹⁶⁰ и призывает к скромности¹⁶¹, воздержанию, молчанию¹⁶²; все то, что он имел против женщин, было уже рассмотрено при изучении его биографии¹⁶³. Следует только обратить внимание на несколько стихотворений, которые показывают нам Паллада как художника слова. Столь знакомый античному искусству образ льстеца¹⁶⁴ наделен у нашего грамматика (XI, 323) соответствующими его профессии чертами:

Ῥῶ καὶ λάμβδα μόνον κόρακας κολάκων διορίζει.
λοιπὸν ταῦτο κόραξ βομολόγος τε κολαῖ.
τοῦνεκά μοι, βέλτιστε; τόδε ζῶον πεφύλαξο
εἰδὼς καὶ ζώντων τοὺς κολακκας κόρακας¹⁶⁵.

Не менее изящна эпиграмма X, 44, которая в то же время свидетельствует об употребительности латинского языка на рубеже IV и V вв. даже на Востоке империи:

Ἦν ὁ φίλος τι λάβη, „Δόμινε φράτερ“ εὐθὺς ἔγραψεν.
ἦν δ' αὖ μή τι λάβη, τὸ „φράτερ“ εἶπε μόνον.
ᾧνια γὰρ καὶ ταῦτα τὰ ῥήματα. Αὐτὰρ ἔγωγε
οὐκ ἐθέλω „Δόμινε“, οὐ γὰρ ἔχω δόμεναι¹⁶⁶.

Δόμινε — *δόμεναι* — это дополнительная забавная игра слов, но едва ли можно думать, что здесь имеет место намеренное этимологизирование.

Эпиграмма принадлежит к *ιαμβικῇ ἰδέα*; этот жанр впервые достиг своего расцвета в творчестве Архилоха, Семонида Аморгского и Гиппонакта Эфесского; в древнеаттической комедии эпиграмма нашла свою новую форму, склонные к сатире киники подхватили ее¹⁶⁷. Пристрастие александрийцев к малым формам, сделавшее эпиграмму излюбленным поэтическим жанром, свело к краткой форме не только элегию, но и ямб¹⁶⁸. Возникшая таким образом сатирическая эпиграмма окончательно сформировалась в первые века н. э. — римлянин Марциал воспринял ее и придал ей новые черты¹⁶⁹. Паллад отдает предпочтение *γένος σκωπτικόν* как в форме дистиха, так и в виде строго выдержанного ямба¹⁷⁰. Существовало много тем, ставших традиционными для эпиграмм¹⁷¹. Большое число эпиграмм направлено против отдельных лиц. Хромой кузнец в XI, 307, чью жену зовут Афродита и у которого есть сын по имени Эрот, — он сам в таком случае должен носить имя Гефеста —

¹⁵⁸ Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 274.

¹⁵⁹ Сюда относятся IX, 134 и 135; X, 62, 80, 87 и 96.

¹⁶⁰ Сюда относятся X, 61 и 93.

¹⁶¹ Сюда относятся X, 34, 45, 51, 52, 57, 58, 60, 63, 65, 72, 75, 77, 83, 84, 85.

¹⁶² Сюда относятся X, 46 и 98; XV, 20.

¹⁶³ *Προτρεπτικά* к теме X, 55 и сл.

¹⁶⁴ О паразите — *κολαῖ* см. H. Poeschel. Typen aus der Anthologia Palatina und den Epigrammen Martials. Dissertation. München, 1905, S. 29 ff.

¹⁶⁵ Та же тема в IX, 119 и X, 95.

¹⁶⁶ О метрических нормах см. Anthologia Graeca, ed. F. Jacobs. III. Leipzig, 1817, p. 644 sq.

¹⁶⁷ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 1.

¹⁶⁸ Gerhard. RE, 17 Hlbb. S. 664.

¹⁶⁹ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 2.

¹⁷⁰ О структуре ямба у Паллада см. W. Peek. RE, Bd. XVIII. S. 166.

¹⁷¹ Я следую в общем и целом принятому Брехтом делению на тематические разделы.

это, конечно, вымысел¹⁷²; зато в существовании Патрикия¹⁷³ (XI, 386), незаконно присвоившего статую Никэ, не приходится сомневаться; гораздо большее впечатление производит эпиграмма IX, 164, рисующая образ олицетворенной справедливости. Как далеко может зайти личная насмешка¹⁷⁴, показывает эпиграмма XI, 353, направленная против матери уродцев:

Ἐρμολύκου θυγάτηρ μεγάλη παρέλετο πιδήκω·¹⁷⁵
ἢ δ' ἔτεκεν πολλούς Ἐρμοπιθηκιάδας¹⁷⁶.

Что касается сатирических стихотворений, направленных против политических деятелей, то мы уже познакомились с серией эпиграмм, адресованных Гессию (см. выше, стр. 257). XI, 283—285 направлен против Ὑπαρχος Дамоника (Демоника)¹⁷⁷. Он — „победитель народа“ — личность, в других источниках не засвидетельствованная, возможно даже вымышленная. В пользу такого предположения говорят также некоторые детали стихотворения: корыстолюбивый чиновник родом из Халкиды на Эвбее (283—284), жители которой были известны своей алчностью, так что χαλκιδίσις значило то же, что и γλισχρέεσθαι („быть жадным, скупым“)¹⁷⁸. Как новый Ликаон, как хищный волк (λύκος) — образ, заимствованный у киников¹⁷⁹, — пришел он (284) ἀντιοχεύμενος, что означает буквально „едущий навстречу“¹⁸⁰, здесь же понимается в непристойном смысле (contrario more futuo¹⁸¹) и к тому же созвучно с названием знаменитой резиденции Селевкидов, жители которой пользовались дурной славой¹⁸². Этот упрек в женоподобности, который развивается далее в 283 и 284, так же, как и описание особенностей одежды и поведения Дамоника, о котором идет речь в стихотворениях, и сама тема хищного тирана, — все это относится к общим приемам скоптической поэзии¹⁸³.

Но нападки Паллада подвергаются не только люди, причастные к политике (к только что приведенным примерам следует прибавить рассмотренное нами на стр. 256 выступление против Фемистия), — от них не избавлены и представители других гражданских профессий. Выше уже шла речь об ученом, который хочет измерить космос и не знает себя самого; мы также достаточно знакомы с суждением Паллада о профессии грамматика; но когда некий поэт — согласно лемме, его звали Никандром¹⁸⁴ — захотел разбогатеть при помощи своих стихов, он, как свидетельствует XI, 291, не встретил одобрения Паллада — впро-

¹⁷² Так и у Пэка (W. Peek, S. 164).

¹⁷³ К сожалению, это лицо не упомянуто в RE, 36 Hbb., S. 2233 ff., 2244 ff., так же как и лица, названные у Fr. Jacobs. Animadversions in: Epigrammata Anthologiae Graecae. Leipzig, 1801, p. 220.

¹⁷⁴ В этой связи надо указать еще на X, 49, 99; XI, 299—303, 340, 353, 385.

¹⁷⁵ „Similis comparantur deformes vultus“. Пример см. Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 377.

¹⁷⁶ Острота эпиграммы ослабляется, если добавить два следующие дистиха — отсюда Дюбнер (Fr. Dübner. Op. cit., S. 388) с известными основаниями допускает, что здесь мы имеем соединение двух эпиграмм.

¹⁷⁷ Так в сборнике Плануда — см. Fr. Dübner. Op. cit., 383.

¹⁷⁸ Scholia Wecheliana (L. Schmidt in: RE, I, S. 2386), к этому месту — см. Fr. Dübner. Op. cit., p. 383.

¹⁷⁹ См. F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 9, Anm. 58.

¹⁸⁰ Так понимает В. Папэ (W. Pappe. Griechisch-deutsches Handwörterbuch, Bd. I, S. 256).

¹⁸¹ Liddell-Scott, t. I, p. 159 и перевод см. Fr. Dübner. Op. cit., p. 333.

¹⁸² Benzinger, in: RE, Bd. I, S. 2443.

¹⁸³ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 9, Anm. 60.

¹⁸⁴ Fr. Dübner. Op. cit., p. 384. Об этой личности мы ничего не знаем, нет сведений и в RE, 33 Hbb., S. 247 ff.

чем, этот мотив касается не его одного¹⁸⁵. В XI, 255 говорится о танцовщике, изображавшем в пантомиме¹⁸⁶ Дафну и Ниобу: Дафна у него получилась деревянной, а Ниоба — окаменевшей, — намек на превращение нимфы Дафны в лавр, а несчастной Ниобы в камень¹⁸⁷. Между тем в AP XI, 253 и 254 мы встречаем ту же тему у Лукила, а у Паллада ее перенимает его современник Авсоний¹⁸⁸. Менандр из эпиграммы Паллада остроумно обращается к плохому комедианту: Οὐδὲν ἐγὼ κατὰ σοῦ, καὶ σὺ κακῶς με λέγεις (XI, 263), а о хирурге Геннадии¹⁸⁹ Паллад говорит, что лучше попасть в руки палача, который, по крайней мере, не требует вознаграждения за свои старания (XI, 280)¹⁹⁰. События повседневной жизни, различные характеры и их особенности должны были неизбежно вызвать насмешку Паллада, но во всех этих темах он остается в традиционных рамках. „Плохая еда в красивой посуде“, — вот один из этих τόποι¹⁹¹. Паллад разрабатывает его в XI, 371, а в XI, 387 замечает, что тот, кто приглашен к столу неким Саламином, должен еще раз пообедать дома¹⁹². Еще хуже было на другом пиру, где поэт терпел танталовы муки, так как все кушания были пересолены и почти нечего было пить (IX, 377)¹⁹³, печальный опыт имел он и с подаренными кушаньями (IX, 484, 486)¹⁹⁴. Скрягу, который, умирая, все еще не выпускает из рук долговых расписок, показывают эпиграммы XI, 289 и 290; XI, 306 высмеивает женщину¹⁹⁵, которая тщетно путешествует по всей ойкумене в поисках хорошей партии¹⁹⁶; XI, 357 рассказывает о необычайном споре между отцом и сыном — они спорили о том, кто больше растратит. Все эти образы могли встречаться и в новой комедии, и в флиаках, и в миме, и в пантомиме. Присоединим сюда еще глупого и наглого невежду (XI, 304), надутое ничтожество (XI, 305) и тщеславного всезнайку (XI, 355) и заключим этот раздел стихотворением XI, 341, которое „в известной мере может служить эпиграфом для произведений поэта, принадлежащих к этому жанру“¹⁹⁷:

Αἰνίξεν μὲν ἄριστον ὁ δὲ ψόγος ἔχθεος ἀρχή.
ἀλλὰ κακῶς εἰπεῖν, Ἀττικόν ἐστι μέλι¹⁸⁸.

Ἐπιγράμματα ἐπίδεικτικὰ пятой книги по своему характеру более, чем другие произведения Паллада жанра эпиграммы, лишены единства¹⁹⁹. Различные поучительные или просто любопытные истории стоят ря-

¹⁸⁵ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte, S. 14. Против другого поэта направлена XI, 373, против ратора — XI, 204.

¹⁸⁶ Прав Ф. Якобс (F. Jacobs. Leben und Kunst der Alten. I. Gotha, 1824, S. 341).

¹⁸⁷ H. Hunger. Lexikon. . . , S. 77, 225.

¹⁸⁸ Epigr. 31 (Magni Ausonii Opuscula, hrsg. v. R. Peiper, S. 434).

¹⁸⁹ В других источниках не засвидетельствован.

¹⁹⁰ Объяснение см. A. Meineke. Philologus, Bd. 15, 1860, S. 140 f. Сюда относится также XI, 288, эпиграмма на плохого цырюльника (так и F. I. Brecht. Op. cit., S. 49; W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, S. 162 считает, что это параболa, но не обосновывает своего мнения).

¹⁹¹ F. I. Brecht. Motiv- und Typengeschichte. . . , S. 74.

¹⁹² Та же тема в XI, 377.

¹⁹³ Ср. IX, 487.

¹⁹⁴ См. K. Prinz. Martial und die griechische Epigrammatik, S. 59.

¹⁹⁵ Схолии (Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 385) называют ее πέρνη, хотя текст не дает для этого никаких оснований.

¹⁹⁶ Вариации мотива показывает F. I. Brecht. Op. cit., S. 65.

¹⁹⁷ W. Peek, in: RE, Bd. XVIII, S. 165.

¹⁹⁸ Стоит обратить внимание на σκωπτικὰ — на толстяка (X, 54), на невзрачную лошадь (XI, 293) и на стоического осла (XI, 317).

¹⁹⁹ Для характеристики ср. P. Waltz. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. 6, 1938, p. 347; W. Schmid in: RE, 11 Hlbb., S. 53 ff.

дом с изображением обыденной жизни, рассуждения из области *βιβιω-
μένον* — рядом с философскими размышлениями; создается впечатление,
что составители различных антологий под общим обозначением объеди-
няют все те стихи, которые не могли найти себе место в каких-либо
других разделах. Общее у всех этих стихов то, что они что-нибудь из-
лагают или доказывают, что и означает *ἐπιδεικνύει*; для того, чтобы
подыскать для них общее название, вспомним слово экспромт, которое
мы применили на стр. 252 и которое лучше всего определяет поэзию
случая, внезапной мысли, настроения. Общую тематическую схему, ко-
торую так легко набросать для *σκωπτικά*, едва ли можно составить для
ἐπιδεικτικά; но и тут надо учесть, что большинство мотивов, встречаю-
щихся у Паллада, имеет своих предшественников в эпиграмматике
и эпидеиктической прозе. Мы приведем здесь в качестве примеров лишь
несколько стихотворений, особенно характерных для творчества и ми-
ровоззрения Паллада.

Грамматик хорошо знает Гомера²⁰⁰, хотя в своей передаче он архаи-
зирует его несколько меньше, чем, по всей вероятности, этого можно
было ожидать²⁰¹, и умеет прибегнуть к нему в нужном случае: „Ως οὐδὲν
γλύκιον ἤς πατρίδος“, εἶπεν Ὀδυσσεύς, говорится в IX, 395 (Паллад имеет
в виду „Одиссею“, IX, 34); но, полагает Паллад, вся эта любовь к ро-
дине исчезла бы, если бы Одиссей поел поданный Киркой *ἐχχυτον* —

Ὅ μόνον εἰ καὶ καπνὸν ἀποθρόσκοντ' ἐνόησεν²⁰²,
εἶπεν ἄν οἰμώζειν καὶ δέμα Πηνελόπαις.

В сборнике Плануда²⁰³ эта эпиграмма приводится под названием
Εἰς πατρίδα, но истинный ее смысл раскрывает лемма Палатинской ан-
тологии: *Εἰς σκευοσίαν τοῦ ἐχχύτου*. Что такое *ἐχχυτον*, объясняет Афи-
ней (Пир мудрецов, 644 С и 645 С—D), — это сорт пирога, который
хотел бы восхвалять поэт. Образ Кирки мы встречаем у Паллада и
в другом месте: в X, 50 он пытается развенчать миф о ней: она была
не волшебница, а просто хитрая девка, обиравшая своих клиентов
вплоть до рубашки и содержавшая их, как скот. Одиссей же не ну-
ждался в помощи Гермеса, так как он обладал *λογισμός*, лучшим сред-
ством против всякого волшебства — мы можем вспомнить нравоучитель-
ную интерпретацию Гомера у Горация (Послания, II, 1. 2 и сл.).
В другом месте Паллад также развенчивает миф: неудивительно,
что убийцы остаются безнаказанными, замечает он в X, 53; ведь и
Зевс убил бы своего отца Кроноса, если бы тот был смертным чело-
веком²⁰⁵. Этот же самый аргумент, между прочим, применяет и хри-
стианская апологетика: так, например, Фирмиан Лактанций говорит
о Юпитере как об отцеубийце²⁰⁶. И когда Паллад в X, 94 сравнивает
бога с философами, в этом проявляется та же тенденция к профана-
ции мифологии.

Но Паллад знаком не только с мифологией. В IX, 397 он пере-

²⁰⁰ И не его одного! L. A. Stella (Cinque poeti. . . , p. 319) перечисляет имена ав-
торов, на которых ссылается Паллад. По мнению этой исследовательницы, он не
был знаком лишь с эллинистической эпиграммой.

²⁰¹ Ср. замечания Пэка о языке Паллада (W. Peck, in: RE, Bd. XVIII. S. 166).

²⁰² Следует обратить внимание на намек на „Одиссею“, I, 58.

²⁰³ Stadtmüller. Wochenschrift für klassische Philologie, S. 375.

²⁰⁴ Так следует читать вместе с Буассонадом и Брунком — ср. Fr. Dübner.
Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 210; H. Stadtmüller. Op. cit., S. 375.

²⁰⁵ Та же *ερωτικόν* мысль (V, 254).

²⁰⁶ Divinae institutiones, I, 10.10 (Opera omnia, hrsg. v. S. Bandt und A. Laub-
mann, Bd. I. Wien, 1890, S. 35).

дает широко известную²⁰⁷ историю о спартанке, которой легче убить своего сына, ставшего трусом, чем жить в позоре²⁰⁸. К числу традиционных принадлежит также рассказ об убийце (IX, 378), которого Сарапис спас из-под обвалившейся стены²⁰⁹, чтобы сохранить его для палача. Утверждение (IX, 393), что чиновник не может одновременно быть *καθαρός* (ср. немецкое „eine weiße Weste haben“²¹⁰) и *μείλιχος*, по-видимому, сделано поэтом на основании личного опыта. Иллюстрацией этого служат эпиграммы, направленные против Дамоника, о которых мы уже упоминали на стр. 266. Современному читателю покажется несколько фривольной эпиграмма IX, 489 на дочь некоего грамматика, близнецы которой умерли сразу после рождения:

Γραμματικοῦ θυγάτηρ ἔτεκεν φιλότῃτι μίγῃσσι
παῖδιον ἀρσενικόν, θηλυκόν, οὐδέτερον²¹¹.

Зато вполне заслужена маргинальная пометка *ώραῖον*²¹² по поводу существования послания IX, 401:

Ἦ φύσις ἐξεῦρεν, φίλης δεσμούς ἀγαπῶσα,
τῶν ἀποδημούντων ὄργανα συντυχίης,
τον κάλαμον, χάρτην, τὸ μέλαν, τὰ χαράγματα χειρός,
σύμβολα τῆς ψυχῆς τηλόθεν ἀχνομένης.

И состарившийся Паллад (ему столько же лет, сколько со времен Константина считается солидов в фунте, а именно 72²¹³) подводит итог своей жизни:

Δίτραν ἐτῶν ζήσας μετὰ γραμματικῆς βραχυμύχθου,
βουλευτῆρ νεκύων πέμπομαι εἰς Ἀἴδην (X, 97).

Исходя из этого, можно считать, что он умер между 430 и 440 гг.

Сделаем выводы. Паллад жил в период, когда кризис общественно-экономических порядков Римской империи, начавшийся в III в., был несколько замедлен благодаря реформам Диоклетиана и Константина. Войско и хорошо налаженный аппарат управления являлись главной опорой правительства, которое пыталось добиться преданности солдат и чиновников, раздавая им земли. Правительство в основном находило также поддержку среди крупных землевладельцев, в значительной своей части принадлежавших к сословию сенаторов. Но земельные владения в ту эпоху достигли небывалых прежде размеров, что, конечно, укрепляло центробежные силы. Менее влиятельным классом были средние землевладельцы и куриалы в муниципиях (возможно, что в последнем стихотворении Паллада содержится намек на его тщетные старания

²⁰⁷ Примеры см. у Н. Stadtmüller. Wochenschrift für klassische Philologie, S. 377.

²⁰⁸ Возможно, что эпиграмма принадлежит не Палладу, а Павлу Силенциарию (J. Sitzler. Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. 133, S. 298); данный сюжет был использован многими поэтами, и это затрудняет решение вопроса об авторстве.

²⁰⁹ Едва ли здесь имеется в виду разрушение храма Сараписа в Александрии, как считает М. Rubensohn in: Berliner philologische Wochenschrift, Bd. 23, S. 1028; так же неправ J. Geffcken (Der Ausgang des griechisch-römischen Heidentums. Heidelberg, 1920, S. 175), считающий Паллада поклонником Сараписа.

²¹⁰ Borchardt-Wustmann-Schorpe. Die sprichwörtlichen Redensarten. . . , S. 510.

²¹¹ О *παράδοξον* — рождении ребенка *neutrius generis*, как думает Пэк (W. Peek, in: R. E. Bd. XVIII, S. 162), в свете нашей интерпретации не может идти речь — иначе пришлось бы изменить лемму — см. F. Jacobs. Animadversiones. . . , II. Leipzig, 1801, p. 220.

²¹² Fr. Dübner. Epigrammatum Anthologia Palatina, p. 211.

²¹³ K. Regling. Münzkunde. Leipzig, 1930, S. 28.

войти в одну из таких курий). Ниже этого класса стояли плебеи, *humiliores*; почти все они входили в корпорации и коллегии. Значение рабства падало по мере того, как все большую роль начинал играть труд колоннов. Официальной государственной идеологией было христианство, догматические вопросы приобрели государственное значение. Чтобы сделать возможной такую связь между государством и церковью, церковь должна была полностью отказаться от евангельского учения и образа жизни, и нередко протест верующих против обмирщения церковной иерархии проявлялся в форме догматических отступлений. Впрочем, старые верования ни в коем случае не умерли, хотя они уже и не имели под собой широкой почвы после того, как колеблющиеся перешли в христианство. Но все же у старой религии было еще достаточное количество приверженцев — и не только среди крестьян, живущих в глуши, но и среди крупных землевладельцев, и среди образованных людей; конечно, религия эта сохранялась не столько в форме древнего культа, сколько в форме философской эклектической доктрины — представителями одной из ее разновидностей были неоплатоники. Часть интеллигенции того времени, которая не пошла в услужение церкви, ориентируется на высший класс, класс крупных землевладельцев, проповедует верность старому и философское самоудовлетворение, оставаясь слепой к социальным проблемам своего времени²¹⁴, и даже к собственному социальному положению. Это особенно ясно было видно на примере бедного школьного учителя Паллада, для которого, несмотря на то, что он находится в трудном материальном положении, имеет значение лишь его эллинизм; более того, он презирает Фемистия за активное участие в государственной жизни. Как поэту Палладу нельзя отказать в заслугах. Он заново открыл для своей эпохи эпиграмму и хотя не основал школы, но подготовил новый расцвет этого жанра в период Юстиниана²¹⁵. Правда, Паллад нигде не сходил с проторенных путей, но он умел найти новые стороны в традиционных темах и порой довольно остроумно их трактовать²¹⁶. Конечно, это был не гений, но, без сомнения, талант.

Творчество Паллада ставит перед исследователями ряд разнообразных проблем. До сих пор были сделаны лишь начальные попытки написать детальное и полное исследование о его стихотворениях с учетом внешней и внутренней обстановки, а также — состояния литературы того времени. Недостаточно были также использованы его произведения при изучении жизни позднеантичного Египта. Изучение византийского города, византийской литературы и культуры с научных позиций современности уже давно признано важной исследовательской проблемой²¹⁷, и цель нашей работы — показать, что Паллад должен быть включен в эту программу.

²¹⁴ Вспомним высказывание Паллада о рабе (XI, 286):

Οὐδ' ἂν γυναικὸς χεῖρον οὐδὲ τῆς καλῆς
 δούλου δὲ χεῖρον οὐδὲν, οὐδ' τοῦ καλοῦ.
 χρεῖζεις ὅμως οὐν τῶν ἀνυχκίων κακῶν.
 εὐνοῦν νομίζεις δούλον εἶναι ἑσπότην,
 καλὸς δ' ἂν εἴη δούλος τῶν σκῆλη κλάσας.

²¹⁵ Так же считает Вальц в своем издании (P. Waltz. *Anthologie grecque*, t. 1, № XXIII et XXV).

²¹⁶ Поэтому мы не можем присоединиться к резкой оценке, данной Эразмом „*Certe sicubi ineptus non est Palladas, ibi fur esse credendus est*“ (J. Hutton. *The Greek Anthology in France. Ithaca, 1946*, p. 133, 135). В данном случае следует указать на упомянутую работу Хаттона и более раннюю его работу: *The Greek Anthology in Italy to the Year 1800. Ithaca, 1935*.

²¹⁷ М. В. Левченко. ВС, стр. 9; а также J. Irmscher. *Festschrift Franz Dornseiff. Leipzig, 1953*, S. 117.

И. Н. БОРОЗДИН

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Прошло сто лет со дня смерти Т. Н. Грановского, выдающегося историка-просветителя, зачинателя русской медиевистики. Появилось много работ, посвященных его научной и общественной деятельности. Советские исследователи не только внимательно изучают труды Грановского, но и критически разбираются в накопившейся за столетие литературе об известном историке. Разрушено и отброшено немало „творимых легенд“, неверных, а часто и намеренно фальсифицированных оценок Грановского как ученого. Советская историческая наука значительно продвинула вперед изучение научного наследия Т. Н. Грановского.

Очень большой интерес представляет вопрос об отношении Грановского к проблемам истории Византии и славянства. Выступления Т. Н. Грановского по вопросам истории Византии заслуживают тем большего внимания, что этому выдающемуся представителю тогдашней передовой науки приходилось преодолевать традиционные представления об истории Византии как страны застоя. Хорошо известно, как отрицательно относились к средневековью вообще и к истории византийской империи в частности просветители XVIII в., занятые ожесточенной борьбой с абсолютизмом и клерикализмом. И Монтескье, и Вольтер, и Кондорсе не жалели самых колких слов и резких выражений, характеризую Византию как оплот церковного мракобесия, деспотизма, интриг и склок. Выдающийся историк XVIII в., специально занимавшийся историей Восточной Римской империи, Гиббон, сделал как бы некоторое обобщение той негативной концепции византийской истории, которая создана была в „век просвещения“. Ученые первых десятилетий XIX в. во многом перепевали высказывания своих предшественников. Характерно, что Гегель в своей „Философии истории“ дает определенно отрицательную характеристику Византии. „История высокообразованной Восточной Римской империи, — пишет он, — где, как следовало бы думать, дух христианства мог бы быть понят в своей истинности и чистоте, представляет тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину“¹.

Отрицательное отношение к Византии давало себя знать и в России. В московских кружках 30—40-х годов прошлого столетия, в ожесточенных спорах западников и славянофилов не раз дебатировался вопрос об исторической роли Византии. Виднейший представитель „западников“ П. Я. Чаадаев давал уничтожающую характеристику Византии. В своем

¹ Гегель. Философия истории. Перев. А. М. Водена. М.—Л., 1935, стр. 318.

известном „Философическом письме“, опубликованном в журнале „Телескоп“ (1836 г., № 15), он писал: „Что делали мы в то время, как из жестокой борьбы варварства северных народов, с высокой мыслию религии, возникло величественное здание нового образования? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии“². Вопросы о влиянии Византии, особенно о пагубном значении цезаропапизма, Чаадаев касается и в других своих письмах (например, в письме к гр. Сиркуру 1846)³. У А. И. Герцена также встречаются высказывания, в отрицательном свете рисующие Византию. Так, например, в „Легенде“ мы читаем следующие строки: „...и человечество представлялось ему худшею частью своею — Византиею. Византия, которой гниение началось вместе со славюю, — развратная, гнусная, должна была ужаснуть юношу“⁴.

Если для „западников“ Византия представлялась оплотом всего косного и отсталого, то славянофилы — представители консервативных помещичьих кругов — давали, наоборот, иную оценку Восточной Римской империи, противопоставляя ее Западу. Несомненно, идеализировал Византию И. В. Киреевский, когда противопоставлял расчетливой, рассудочной, отравленной и извращенной рационализмом римской культуре Запада греческий мир с его художественно-созерцательной культурой и Восток с его мистикой. Другой видный славянофил А. С. Хомяков заявлял, что говорить о Византии с пренебрежением — значит расписываться в невежестве.

В изучении и разработке истории Византии в России первой половины XIX в. в значительной степени были еще в силе некоторые традиции, установленные академиком-немцем XVIII в. И. Байером, зачинателем пресловутой норманской теории происхождения русского государства, и Миллером, и Шлецер занимались Византией и придавали значение изучению и толкованию византийских источников лишь постольку, поскольку это способствовало освещению вопросов ранней русской истории. Именно в этих целях в конце XVIII в. (1771—1779 гг.) было опубликовано составленное Стриттером собрание источников „*Methodicae rerumlogum*“ в четырех томах. Специальными вопросами византийской хронологии (и опять „в связи с древнейшей русской историей“) занимался уже в XIX в. академик Ф. И. Круг. Таким образом, изучение истории Византии было ограничено очень узкими рамками и, по существу, рассмотрению исторических судеб Восточной Римской империи как таковой не уделялось внимания. Правда, к 1837 г. относится появление в свет довольно своеобразного сочинения И. Ертова „История Восточно-Римской или Константинопольской империи, выбранная из всеобщей истории“. Автор этого произведения был сыном купца, писателем-самоучкой. Полагая, что „для русских читателей нужнее перевод повествовательной истории“, Ертов составил свою компиляцию на основании французских или переведенных на французский язык книг и статей⁵. Никакого научного значения это дилетанское сочинение не имело.

В 40-х годах выходят первые работы П. Медовикова, харьковского профессора А. П. Зернина, слависта-византиниста В. И. Григоровича

² Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. II. М., 1914, стр. 13.

³ Там же, стр. 260—261.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. I. М., 1954, стр. 90.

⁵ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I, Пгр., 1917, стр. 33.

и др. Однако основные труды этих историков датируются уже второй половиной века.

Основные византологические высказывания Т. Н. Грановского относятся к 1850—1851 гг. Известно, правда, что уже в первом университетском курсе Грановского по истории средних веков в 1839—1840 гг. большое внимание было уделено истории Византии и арабов (до IX в.)⁶. Высказывания по вопросам истории Византии Грановского, безоговорочно причисляемого к „западникам“, не привлекали особого интереса в русской дореволюционной буржуазной историографии.

Очень кратко упоминает об отношении Грановского к Византии в своих „Лекциях по истории Византии“ А. А. Васильев⁷. Советские ученые уделали больше внимания вопросу о трактовке Грановским истории Византии и славянства. Так, например, об этом говорится в статье А. И. Данилова „Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории раннего средневековья“⁸. Но для широкого освещения этой важной и интересной темы, несомненно, требуется специальное рассмотрение.

Непосредственно византийским сюжетам посвящена статья Т. Н. Грановского „Латинская империя“, представляющая критический разбор сочинения П. Медовикова „Латинские императоры в Константинополе и их отношение к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще“, опубликованная в журнале „Современник“ (1850, № 5).

Вопросы, относящиеся к истории Византии, трактуются также в „Записке и программе учебника всеобщей истории“, составленной в 1850 г. и в большой статье-рецензии „Италия под владычеством остготов, лангобардов и франков“, посвященной разбору магистерской диссертации П. Н. Кудрявцева „Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим“ („Отечественные Записки“, 1851, № 4 и 6).

Особый интерес представляет статья „Латинская империя“, в которой Грановский остановился на ряде важнейших проблем византийской истории. При разборе этой статьи обыкновенно обращается внимание на освещение Грановским отношений Византийской империи к славянам. Но в этой работе затрагивается также целый ряд других весьма существенных вопросов. В начале статьи Т. Н. Грановский отмечает, что история Византийской империи не пользуется большим почетом на Западе, где авторы соответствующих трудов „довольствуются повторением мнений, наследованных ими от XVIII столетия“. Немногочисленные монографии (Шлоссера, Фальмерайера и др.) осветили отдельные эпохи византийской империи, но не разрешили главных, жизненных вопросов ее существования. „Очевидное равнодушие западных писателей к государству Константина Великого, — пишет Грановский, — объясняется отчасти отношениями этого государства к латино-германским племенам. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византия представляет такой же любопытный предмет, как, например, арабийский калифат, но она не имеет в его глазах другого, высшего значения. Ее влияние на судьбу его предков не дает ей особенных прав на его сочувствие“⁹.

⁶ С. А. Асиновская. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский). М., 1955, стр. 13.

⁷ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. 1, стр. 31—32.

⁸ „Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, 1951, № 16, стр. 85—86.

⁹ Т. Н. Грановский. Соч., М., 1900, стр. 377.

Совсем другое отношение вызывает византийская история у русских. Грановский пишет: „Мы приняли от Цареграда лучшую часть народного достоинства нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений, нас связывает с судьбою Византии уже то, что мы славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными“¹⁰. И далее Т. Н. Грановский сосредоточивает особое внимание на роли славян в Византийской империи. Он отмечает, что и автор монографии „История полуострова Мореи“ Фальмерайер, подвергнутый немцами критике за признание значительной роли славянских элементов на Пелопоннесе, не смог надлежащим образом показать значения славян в истории Восточной Римской империи.

Ставя вопрос о том, многие ли фемы империи были населены чистыми греками, Грановский отвечает: „Поверхностное знакомство с византийскими писателями достаточно для того, чтобы убедиться, что в европейских темах (фемах. — И. Б.) огромное большинство населения состояло из славян и что в азиатских областях преобладали чуждые эллинизму примеси“¹¹.

Отмечая этническое разнообразие населения Византии, Грановский приходит к выводу, что „условия существования византийской империи состояли не в крепости одного национального начала“. Отвечая далее на вопрос, „какая же сила собрала воедино и сдерживала разнородные, отчасти враждебные между собою стихии...“, Грановский видит эту силу в религии и в образованности, наследованной от классического мира вместе с языком. Разрабатывая византийскую историю, можно прийти не к тем результатам, к каким пришли Гиббон и Шлоссер. Успешное решение этой задачи, по мнению Грановского, в состоянии дать в настоящее время только русские или вообще славянские ученые. „Они ближе к ней потому, что она связана с историей их собственного племени и требует знаний в тех областях церковной истории и филологии, — пишет Грановский, — которые менее других доступны западным ученым. Можно прибавить, что на нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление, которому мы так многим обязаны“¹².

В этих вводных замечаниях, предпосланных критическому разбору работы Медовикова, Грановский совершенно правильно отмечает односторонность и тенденциозность западноевропейских историков в трактовке истории Восточной Римской империи, их слабую заинтересованность в ее изучении; он подчеркивает, что особо ответственная и важная задача по изучению истории Византии лежит на представителях русской науки. Говоря об отношениях Византии к России и славянским народам, Грановский на первый план выдвигает вопрос о роли славян в судьбах Восточной Римской империи. Совершенно правильны и ценны замечания русского ученого о пестром этническом составе населения Византийской империи и об отсутствии в ней, благодаря этому, „крепости одного национального начала“. Но, пытаясь ответить на вопрос о том, что же объединяло разнородные элементы, Грановский приходит к чисто идеалистическому выводу.

Переходя далее к тщательному и обстоятельному разбору исследования П. Медовикова, Т. Н. Грановский делает целый ряд чрезвычайно

¹⁰ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 378.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 379.

ценных и глубоких критических замечаний. Отмечая те или иные недостатки разбираемого сочинения, он вносит свои существенные коррективы и дополнения. В серьезный упрек Медовикову Грановский ставит то, что он в своем труде не остановился на объяснении причин, приведших византийскую империю к катастрофе 1204 г. Главные причины падения византийского государства в начале XIII в. Грановский усматривает „в изменившихся отношениях к славянам и в глубокой порче государственного организма, находившейся в связи с разращением высших сословий в Константинополе“¹³.

Отметив, что „постепенное образование самостоятельных славянских государств на северных пределах империи отвлекло от нее силы, которыми она прежде исключительно располагала“, Грановский приводит чрезвычайно любопытные аналогии в историческом развитии германских и славянских народов. Как германцы, образовав свои государства на римской почве, „перестали быть слепыми орудиями римской власти...“, так и у южных славян „переход от быта общинного и дружинного к государственному положил конец их зависимости от Византии и снял с них опеку, в которой так долго держала их царградская политика“¹⁴.

Другой причиной ослабления византийской империи Т. Н. Грановский считает ту перемену, которая произошла „в нравах и положении высшего сословия“ после эпохи иконоборчества. Он правильно отмечает пагубную роль феодальной знати с ее политическими притязаниями, особенно усилившимися в эпоху Комнинов. Конечно, тут дело не в знакомстве с феодальным дворянством Западной Европы в эпоху крестовых походов, которое якобы „дурно подействовало“ на византийскую аристократию. Но самый факт усиления тенденций феодальной раздробленности, а также и изменения характера византийской образованности после иконоборчества определены достаточно убедительно.

В своих замечаниях на книгу Медовикова Грановский критикует его далее за то, что он ограничивался лишь описанием военных действий, опуская внутреннюю логику событий. Останавливаясь, в связи с этим, на вопросе, почему Константинополь не смог оказать достаточного сопротивления крестоносцам, Грановский говорит об отсутствии патриотического воодушевления у низших классов населения Царьграда и об испорченности высшего сословия, которое перед лицом общей опасности „крамольничало, составляло заговоры и изменяло одному императору за другим“. А. И. Данилов по этому поводу пишет следующее: „Грановский игнорирует роль народных движений в Византии. Захват Византии, по его мнению, оказался возможным из-за глубокой разращенности как высших, так и низших классов византийского общества“¹⁵. С таким категорическим выводом А. И. Данилова никак нельзя согласиться. Т. Н. Грановский говорит об испорченности высшего сословия, феодальной верхушки; он также очень ярко рисует настроения „черни“, деклассированных элементов Константинополя. Но он вовсе не говорит о „глубокой разращенности“ низших классов византийского общества. Люмпенские элементы Царьграда отнюдь не представляли собой трудящееся население Византии. Грановский говорит именно о пестрой, случайной, состоящей из всяких пришлых бродяг и искателей легкой наживы, городской „черни“ Константинополя. Вот буквальные слова

¹³ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 379.

¹⁴ Там же, стр. 380.

¹⁵ А. И. Данилов. Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории раннего средневековья, стр. 86.

Грановского: „Вследствие самих выгод положения, столица византийской империи должна была таким образом принимать в себя нечистый отстой, подымавшийся в эпоху общего брожения со дна Западной Европы. Она доставляла этим пришельцам возможность легкой и привольной жизни; но они ей дурно платили за гостеприимство. На ее улицах не раз резались буйные латинцы с жителями греческого или славянского происхождения. Тогдашний Константинополь заслуживал в большей степени, чем древний Рим или новый Париж, название *cloaca maxima* народов“¹⁶.

Но безусловно нельзя отождествлять деклассированные низы Константинополя с „низшими классами“ византийского общества вообще, как это делает в своей статье А. И. Данилов.

Из дальнейших критических замечаний Грановского заслуживает внимания его обвинение Медовикова в том, что последний придавал слишком большое значение республиканскому элементу, внесенному венецианцами в период существования Латинской империи. Грановский доказывает, что значительная часть земель, приобретенных венецианской республикой в 1204 г., находилась во владении знатных фамилий, признавших свою зависимость от Венеции. Здесь, конечно, не может быть и места „республиканскому элементу“. В заключение своей статьи Грановский делает ряд метких замечаний об особенностях Никейской империи (которую Медовиков неправильно считал выражением чисто греческой народности) и Константинопольской империи (восстановленной Византийской империи). Грановский отмечает эфемерность империи Палеологов, причем и здесь считает нужным подчеркнуть, что „славяне, на плечах которых долго лежали судьбы империи, возложившей на них свои последние надежды, жили собственной жизнью“¹⁷.

Критический разбор Т. Н. Грановским книги Медовикова выходит далеко за пределы обычной научной рецензии. Особенно ценны и важны здесь самостоятельные высказывания замечательного русского медиевиста по вопросам византиноведения.

К 1850 г., как уже отмечалось выше, относится составление Т. Н. Грановским „Записки“ и „Программы учебника всеобщей истории“. И тут московский профессор, отмечая в своей записке недостатки иностранных руководств по всеобщей истории, писал: „Византийская империя, столь важная для нас по связи с судьбою славян вообще и древней Руси в особенности, излагается в заграничных сочинениях весьма поверхностно. Немецкие и французские ученые показывают нам только темную сторону Византии и не обращают внимания на живое религиозное начало, которое оттуда перешло к славянским племенам“¹⁸.

В самой программе учебника всеобщей истории Византии уделяется большое место. Так, например, в один из первых разделов истории средних веков введена следующая тематика: „Византийская империя. Ее значение в истории средних веков. Отношения к славянским племенам. Религиозные споры. Юстиниан. Партии цирка. Законодательство. Мысль о восстановлении прежней империи. Завоевания. Падение царств Вandalского и Ost-Готского. Преемники Юстиниана. Лангобарды в Италии. Персы. Ираклий“¹⁹. Такая тематика позволяет дать надлежащее освещение истории Восточной Римской империи VI в. Лучшие учебники по всеобщей истории в дореволюционной России мало что могли

¹⁶ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 382.

¹⁷ Там же, стр. 386.

¹⁸ Там же, стр. 590.

¹⁹ Там же, стр. 594.

прибавить к этому разделу программы. Интересно отметить, что в „введении“ своего учебника Грановский, устанавливая периодизацию всеобщей истории, рубежом, отделяющим древнюю историю от средневековья, считал „царствование Константина Великого“²⁰. Здесь, конечно, приходится считаться с тем преувеличением исторической роли христианства, которое было присуще Грановскому.

Заслуживают внимания и те замечания, которые делает Т. Н. Грановский в своей обширной критической статье „Италия под владычеством Ost-Готов, Лангобардов и Франков“, представляющей глубокий и основательный разбор диссертации П. Н. Кудрявцева. Грановский отмечает сильные стороны работы своего любимого ученика, но не умалчивает и о ее недостатках, говорит о своих несогласиях с отдельными положениями Кудрявцева. Отдел, посвященный в диссертации Кудрявцева Византии, Грановский оценивает весьма положительно. „Всякий, — пишет он, — кто несколько знаком с настоящим состоянием исторической литературы, оценит по заслугам самостоятельные и остроумные исследования нашего автора на трудном поприще, где, кроме Гиббона и Шлоссера, у него не было достойных предшественников. Он пользовался трудами этих двух писателей, но шел собственным путем и подверг их выводы тщательному, почти недоверчивому пересмотру. Отсюда произошло значительное различие и в общих взглядах, и в изложении частных“²¹.

Отмечая, что в большей части спорных случаев он без колебаний готов стать на сторону русского историка, Т. Н. Грановский, однако, указывает на свое несогласие с отрицательной оценкой Кудрявцевым внешней политики императоров-иконоборцев. Лев III Исавр и Константин V, по мнению Грановского, совершенно правильно сосредоточивали свои силы на решительный отпор агрессии арабского халифата, угрожавшей целостности и самостоятельности византийского государства. Вопрос о византийских владениях в Италии, естественно, должен был отойти на задний план.

Все приведенные высказывания Т. Н. Грановского по вопросам, касающимся истории Византии, показывают, что выдающийся русский медиевист придавал большое значение изучению истории Византии и считал это изучение одной из серьезных задач русской исторической науки. Особенно важно отметить, что Грановский как бы продолжил славную традицию, ведущую свое начало от М. В. Ломоносова, выдвинув на первый план проблему о роли славян в истории Восточной Римской империи, о значении русско-византийских и славяно-византийских отношений.

В постановке этой и других проблем византийской истории Грановский стоял намного выше академика А. А. Куника, роль которого в развитии русского византиноведения нередко переоценивалась в нашей дореволюционной историографии. А. А. Куник занимался, по преимуществу, узко специальными сюжетами византиноведения, но все же иногда обращался к постановке вопросов более общего характера. В своей статье „Почему Византия донныне остается загадкой во всемирной истории?“²², опубликованной в 1853 г., Куник, как и Грановский, высоко расценивал значение истории Византии и подвергал критике суще-

²⁰ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 607.

²¹ Там же, стр. 418.

²² „Ученые Записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему Отделению“, т. II, вып. 3. СПб., 1853, стр. 423—444.

ствующую периодизацию истории, полагая, что неправильно считать 476 г. гранью между древним миром и средними веками, поскольку при такой периодизации совершенно не принимается во внимание история Восточной Римской империи. В отличие от установившихся в зарубежной науке взглядов, Куник считал необходимым признать историю „византийско-славянской“ группы народов „органической частью“ всеобщей истории средних веков наравне с историей романо-германских народов²³.

Но наряду с этими правильными положениями, А. А. Куник весьма односторонне представлял взаимоотношения славян и Византии. Он говорил исключительно о влиянии Византийской империи на славян, об „оплодотворенных“ Византией славянских странах и т. п., игнорируя историческую роль самих славян.

Таким образом, Т. Н. Грановский в трактовке проблем истории Византии значительно опережал современных ему историков. Выдвинутые им важнейшие вопросы в дальнейшем успешно разрабатывались русской дореволюционной византиноведческой школой академиков В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, труды которой получили широкий международный научный резонанс.

Правда, не преодолев идеалистических взглядов на исторический процесс, Т. Н. Грановский не смог объяснить ряда явлений византийской истории, но сама постановка им проблем истории Византии в широком историческом аспекте была чрезвычайно ценной и плодотворной.

²³ А. А. Куник. Указ. соч., стр. 427.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

**ДВА НЕИЗДАННЫХ ОТРЫВКА
ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА „ХРОНИКИ“
ИОАННА МАЛАЛЫ**

Среди исторических творений византийских писателей „Хроника“ Иоанна Ритора из великой Антиохии, чаще называемого по своему сирийскому прозвищу Малала („Ритор“, „Говорун“), занимает особое место.

В отличие от других произведений подобного рода, эта „Хроника“ представляет собою попытку объединить изложение событий из библейской и церковной истории с событиями античной, языческой истории¹. Поэтому в противоположность, например, строго монашеской „Хронике“ Георгия Амартола, в произведении Малалы относительно мало места отводилось богословским рассуждениям, имелось много пересказов древних греческих и римских мифов и легенд, повествование отличалось занимательностью изложения. По всей вероятности, именно вследствие светского характера содержания и стиля „Хроника“ Малалы меньше была распространена, реже подвергалась переписыванию и менее тщательно хранилась в нетерпимой по отношению к язычеству византийской церковно-монастырской среде.

Греческий текст этой книги, как известно, полностью уцелел лишь в одном списке — Оксфордском. Этот последний и послужил источником для издания „Хроники“ в Боннской серии произведений византийских историков и хронистов². Однако единственный доступный издателям список не отличался полнотой и сохранностью. Впоследствии были найдены еще некоторые фрагменты „Хроники“ на греческом языке, но и они не дали достаточно ясной основы для восстановления оригинала.

В 1866 г. появилось посвященное русским хронографам исследование А. Н. Попова³, благодаря которому стало известно, что существовал древнеславянский перевод „Хроники“ Малалы и что этот последний в отдельных случаях полнее и сохраннее передает греческий оригинал, чем изданная Оксфордская рукопись. Византинисты — филологи и историки, — изучавшие „Хронику“, стали после этого возлагать большие надежды на древнеславянский перевод, с помощью которого искали возможности восполнить и восстановить недостающие и неисправные места греческого подлинника. К. Крумбахер предложил прекратить полемику по поводу греческого текста Малалы впредь до опубликования полного издания древнеславянского перевода⁴.

¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 135.

² Ioannes Malala. Chronographia. Bonnæ, 1831.

³ А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, ч. I. М., 1866; ч. II. М., 1868.

⁴ ВЗ, 1899.

После А. П. Попова древнеславянским переводом „Хроники“ Малалы в связи с изучением древнерусских всемирно-исторических сводов занимались многие из русских филологов: И. И. Срезневский, И. Ягич, арх. Леонид и другие⁵.

Наконец, В. М. Истрин предпринял попытку полностью издать текст древнеславянского перевода Малалы⁶. Для своего издания он проделал кропотливую предварительную работу, пристально изучив различные редакции древнерусских хронографических сводов, в которых сохранились отдельные части текста древнеславянского перевода Малалы или их переделки.

Отдельных списков этого перевода не найдено. Имеются лишь многочисленные выдержки и извлечения из него в составе „хронографов“, в которых текст Малалы представлен в тесном переплетении с другими древнеславянскими переводами византийских „Хроник“: Георгия Амартола, патриарха Никифора и др., а также с текстами крупных произведений, как „История“ Иосифа Флавия, „Александрия“, книга „Иосиппон“ и т. д.

Отрывки из византийских хроник и названных исторических произведений перемежаются в указанных сводах с текстами из переводов ветхозаветных библейских книг, различных апокрифов, зачастую изобилующих древнерусскими по происхождению глоссами, дополнениями и пояснениями. Все это сильно затрудняло и затрудняет восстановление первоначального вида перевода.

Интерес русских читателей к Малале был очень большим и не прекращался за все время существования древнерусской письменности, с XI по XVII в. Это легко объяснимо, так как „Хроника“ Малалы служила почти единственным источником, из которого средневековый славянский мир черпал сведения по античной мифологии, литературе и истории. Многие бытовые подробности, выпуклые портретные характеристики исторических деятелей древней истории и другие особенности изложения „Хроники“ привлекали к ней неослабное внимание. Поэтому рукописей, содержащих в себе отрывки перевода Малалы, сохранилось относительно большое количество. Основные списки следующие: „Архивский хронограф“⁷, тождественный с первой его частью „Виленский (Вильнюсский) хронограф“⁸, списки так называемого Летописца Еллинского

⁵ В самые последние годы появилась работа советского исследователя М. М. Копыленко, посвященная синтаксическим конструкциям в переводе Малалы. См. Праці Одеського держ. університету. Збірник філолог. фак., т. III, 1953.

⁶ Книга I „Хроники“ Малалы издана В. И. Истриным в „Записках Академии наук“, серия VIII, т. I, вып. 3, 1897; книга II — в „Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете“, т. X. Визант.-славян. отд., т. VII. Одесса, 1902; книга IV — там же, т. XIII, Визант.-славян. отд., т. VIII. Одесса, 1905; книга V — там же; книги VI—VII — в „Сборн. отд. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 89, вып. 3. СПб., 1911; книги VIII—IX — там же, т. 89, вып. 7. СПб., 1912; книга X — в „Летописи ист.-филолог. общ. при Новорос. унив.“, т. XVII. Одесса, 1913; книги XI—XIV — в „Сборн. отд. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 90, вып. 2. СПб., 1913; книги XV—XVIII — в прилож. к „Сборн. отд. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 91, вып. 2. СПб., 1914.

⁷ Рукопись б. Архива Министерства иностранных дел № 279/658, ныне хранится в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в Москве. О ней смотри: К. К а л а й д о в и ч. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824, стр. 99, 100, 178—188; М. О б о л е н с к и й. Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851; А. П о п о в. Обзор хронографов Русской редакции. М., 1866; В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 125—196 и 317—361.

⁸ Рукопись б. Виленской публичной библиотеки № 109/147 ныне хранится в отделе Рукописей библиотеки АН Лит. ССР в Вильнюсе. О ней смотри: Ф. Д о б р я н с к и й. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских.

и Римского как в его первой, так и во второй редакциях⁹, и, наконец, несколько хронографов особого состава, в которых могут быть отысканы фрагменты, не сохранившиеся в других списках¹⁰.

Не исключена возможность, что более тщательное и подробное обследование рукописных фондов в наших хранилищах позволит обнаружить новые списки хронографических произведений, в которых содержались бы и отрывки из „Хроники“ Малалы.

Обратимся, после всего вышеизложенного, к книге десятой „Хроники“ Иоанна Малалы. Книга десятая „Хроники“ в греческом оригинале содержит рассказы о событиях со времени кесаря Августа и „рождения христового“ до царствования римского императора Домициана (приблизительно до 90-х годов н. э.).

Текст этой книги был издан В. М. Истриным в 1912 г. в Одессе по списку Архивского хронографа с разночтениями по Виленскому списку, по Синодальному списку № 280 „Еллинского летописца“ первой редакции и по Чудовскому списку (№ 53—353) того же летописца второй редакции. Недостающие в основном списке места вставлены издателем по двум последним из названных списков.

Кроме этого, как правильно замечено В. М. Истриным, книга десятая сохранилась в виде сокращенного извлечения в Хронографе б. Софийской библиотеки № 1454. В этой последней рукописи сохранились части, отсутствующие во всех названных выше списках и соответствующие страницам 262—268 Боннского издания греческого текста¹¹.

Однако В. М. Истрин, следуя в этом отношении указанию И. И. Срезневского¹², полагал, по-видимому, что в древнеславянском переводе вставки из „Хроники“ Малалы заканчиваются в тексте второй книги „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия и отмечал, между прочим, что рассказ о воцарении и царствовании императора Веспасиана в древне-

Вильна, 1882, стр. 264, 265; В. М. Истрин. Александрия русских хронографов, стр. 125—136 и 317—361; Н. А. Мещерский. К вопросу о датировке Виленского хронографа. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы, т. XI, 1955, стр. 380—386.

⁹ Основные списки „Летописца Еллинского и Римского“ (т. е. соединения текстов „Хроники“ Малалы — „Летописец Еллинский“ с „Хроникой“ Амартола — „Летописец Римский“) первой редакции следующие: Синод. 280 — ныне хранится в Гос. Историч. музее в Москве; Погодинский 1437 ныне хранится в Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. О них смотри: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II. СПб., 1922, стр. 363—379. Списки второй редакции — это Синод. 86, являющийся продолжением Кириллово-Белозерского 1/6 — первый хранится ныне в Гос. Историч. музее в Москве, второй — в Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Чудовский 51—353 ныне хранится в Гос. Историч. музее в Москве; Пискаревский (б. Румянцевский, № 597) — в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. О них смотри: В. М. Истрин. Георгий Амартол, т. II, стр. 380—393. В последнее время включен в научный оборот еще один очень ценный список „Еллинского летописца“ второй редакции, восходящий к XV в. — хранится в Рук. отд. Библ. АН СССР под шифром 33.8.13. Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, 1948, стр. 100—110.

¹⁰ Например: Софийский хронограф № 1454 (ныне хранится в Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), изданный в той части, которая содержит отрывки сокращенного текста „Хроники“ Малалы, в приложениях к большинству книг, вышеуказанного издания В. М. Истрина, а также так называемой Тихомировского хронограф, сведения о котором даны В. М. Истриным в Известиях Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. XVII, 1912, кн. 3, и отрывки текста „Хроники“ Малалы, из которого напечатаны в приложении к IV и XVIII книгам того же издания (1914, стр. 49—52).

¹¹ В. М. Истрин. „Хроника“ Иоанна Малалы, книга десятая. Одесса, 1912, стр. 3.

¹² И. И. Срезневский. Русский исторический сборник XV века. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках, LXXXIV. СПб., 1879, стр. 178.

славянском переводе якобы пропущен (стр. 259, 14—260, 9 по греческому тексту Боннского издания)¹³. Между тем более внимательное изучение списков Виленского и Архивского хронографов убеждает нас в том, что использование вставок из текста десятой книги Малады со второй книги „Истории“ Флавия не прекращалось. В частности, В. М. Истрин не заметил, что выдержки из „Хроники“ Малады обнаруживаются в обеих рукописях также и в тексте четвертой книги „Истории иудейской войны“, в 10 и 11 главах, где повествуется о провозглашении Веспасиана римским императором во время его боевых действий против восставших иудеев в Палестине.

Этот отрывок „Хроники“ вкраплен между основным текстом повествования древнерусского перевода четвертой книги „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия и, в свою очередь, состоит из двух отдельных фрагментов. Первый из них читается в конце 4 части 10 главы (Вил. л. 650; Арх. л. 434 а); второй — в конце 5 части 11 главы (Вил. 652 об. Арх. л. 435).

Приводим текст обоих фрагментов по Виленскому списку в сопоставлении с греческим текстом¹⁴.

Греческий текст	Древнеславянский перевод
(Бонн. стр. 259, 14—260, 3)	(Вил. л. 650, стр. 26—28)
Καὶ ἔσπεφεν αὐτὸν ὁ στρατὸς, ἐπὶ τῆς ὑπατείας Ροῦφου καὶ Καπετιανοῦ. ἦν δὲ χονδοπειδῆς, φαλαχρῆς, προγάστωρ, πολίης, πυρράκης, ἔχων οἰνοπαεῖς σφθαλμοῦς, πλάτοφίς, ὄργιλος.	(понеже не покарахуса вон, покориша самъ). Бѣнчаша и вон въ ѹпатню Рѹфа, Капитиана. Бѣ же низскъ, пѣкшикъ, чрвѣтъ, сѣдъ, чермен, напѹхлыма очима, плоскелницъ, гнѣвлиа (и наречеша цесаремъ) ¹⁵ .
Καὶ ἔλασας Τίτον τὸν ἐαυτοῦ υἱὸν πολεμεῖν τὴν Ἰουδαίαν χώραν ἤλθεν ἐπὶ τὴν Ῥώμην. Καὶ ἐβασίλευσεν ἔτη θ' καὶ μῆνας ι' ἐπὶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐγένετο διωγμὸς μέγας τῶν χριστιανῶν ἐπὶ κτῆς ὑπατείας Δελίου καὶ Ρουστίκου. Τῷ δὲ λη' ἔτει μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν σωτῆρα Χριστὸν ὁ Τίτος τὴν Ἰουδαίαν παρέλαβε καὶ τὴν Ἱερουσαλήμ. ἐπὶ τῆς ὑπατείας Κορμόδου καὶ Ροῦου, βασιλευούτος τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Οὐεσπασιάνου.	Вил. 652 об. стр. 13—14. и остави Тита с(ы)на своего ковати Иудѣи скю страну, отиде в Римъ. и ц(е)с(а)рствва лѣтъ 9 и м(еся)ць 10. Е ц(е)с(а)рство же его бысть гонение на христиан велико от Делиа. В тридцетисе же и 8 лѣто по възшествии х(ри)стовѣк Тѣтъ (sic) Иудѣю приа и Иерусалимъ въ ѹпатню Комода и Роа, ц(е)с(а)рствѹюще отъцю его Веспасиану.

Между двумя приведенными отрывками древнеславянского перевода, которые в греческом образуют сплошной текст, в Вил. и Арх. списках имеется большой интервал, заполненный повествованиями 11-й главы IV книги „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия.

В так называемых отдельных списках древнерусского перевода „Истории“ Флавия в соответствующих местах вставок из „Хроники“ Малады не обнаруживается. В них мы читаем это место как один сплошной текст: „Понеже не покарахуса вон, покориша самъ и наречеша Кесаремъ“.

¹³ В. М. Истрин. „Хроника“ Иоанна Малады, книга десятая, стр. 25, 31.

¹⁴ Древнерусский текст дается в несколько упрощенной орфографии: вместо букв ж, ѹ — ү; вместо л и ѡ — я; титла раскрыты, славянские цифры заменены арабскими, в скобках помещается контекст древнерусского перевода „Истории“ в отдельных списках, которым обрамляются в хронографе отрывок Малады.

¹⁵ Арх. Кесаримъ.

Сравнение перевода с оригиналом показывает, что переводчик передает греческий подлинник почти слово в слово. Отклонения в первой части незначительны: греческое собирательное существительное (στρατός) передается как форма множ. числа „вои“, в соответствии с этим и сказуемое имеет также форму 3-го лица множ. числа; слово *ὄπαταία* — консульство — оставлено без перевода; опущен союз „и“ между именами двух консулов. Во второй части гонение на христиан обозначается как гонение „Декия“, имя второго консула опущено. Это может быть объяснено непониманием текста со стороны переводчика. Последний мог принять имя консула „Декия“, приводимое в „Хронике“ при датировке времени гонения на христиан, за собственное имя известного ему римского императора III в. н. э., о котором в связи с жестоким гонением, предпринятым им против христиан, подробно сообщалось во всех церковно-исторических источниках¹⁶.

Приведенные отрывки, отсутствующие в издании В. М. Истрина, восполняют таким образом предположенный им пропуск в древнеславянском тексте десятой книги „Хроники“ Малалы¹⁷.

Как показывает изучение других мест Виленского и Архивского списков хронографа, могут быть найдены и еще отрывки текста древнеславянского перевода „Хроники“ Малалы, которые по каким-то причинам не попали в издание В. М. Истрина. Так, например, строки 15—17 на 212 стр. Боннского издания „Хроники“ (кн. VIII) обозначены В. М. Истриным как пропущенные в древнеславянском переводе¹⁸.

В действительности же в Виленском списке (л. 515, стр. 21—22) и в параллельном месте Архивского списка (л. 352 а, стр. 28—32) мы читаем, также в качестве вставки в текст древнерусского перевода „Истории иудейской войны“ (кн. I), обозначенное место: Десна м(к)са)ца. . . и идѣ въ Египетъ отъ Янтюхи Помпнн. И ц(са)рствяса пакы сен Янтюхъ, 19 ми Динисовъ Македонъ в Янтюхи. Виленский список добавляет после имени „Антиохъ“ еще слова „Дионисиевъ с(ы)нъ“, а после конца вставки: Ксанкон по Ялксандровон см(є)рти лѣт 263 или 301.

Вставка имеется в Виленском списке (л. 517, стр. 7) и после слов „на восточныхъ страны устрѣмиса, мысла та удръжати¹⁹, „но не получи хотѣния своего, но и тамъ от него увиннъ выстѣ“. Однако вставкам в тексте шестой-девятой книг „Хроники“ Иоанна Малалы должно быть посвящено специальное исследование.

Таким образом, бесспорно, что текст древнеславянского перевода „Хроники“ Малалы нуждается в более тщательном издании. Публикация, выполненная в свое время В. М. Истриным, не удовлетворяет исследователя, во-первых, потому, что она разбросана на страницах различных изданий, из которых большинство очень редкие и трудно доступные, во-вторых, потому, что, как мы могли убедиться, она не отличается должной точностью и полнотой.

При подготовке последующего целостного и полного издания древнеславянского текста Малалы необходимо еще раз более тщательно обследовать всю его рукописную традицию, уточнить взаимоотношения отдельных списков и редакций.

¹⁶ Например, в „Хронике“ Георгия Амартола. См. В. М. Истрина. Хроника Георгия Амартола, т. I, 1920, стр. 318.

¹⁷ Следует отметить, что С. Т. Шестаков в своей статье „О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы“ (ВВ, т. I, 1894, стр. 519—520) указывал на наличие публикуемых нами мест в Архивском хронографе, однако В. М. Истрин при подготовке своего издания не обратил внимания на его труд.

¹⁸ В. М. Истрина. „Хроника“ Иоанна Малалы в славянском переводе, книга восьмая и девятая. СПб., 1912, стр. 25.

¹⁹ Там же, стр. 11, строки 10—11.

Отсутствие единого и точного издания перевода Малалы служит серьезной помехой при решении целого ряда культурно-исторических, литературоведческих и лингвистических проблем, касающихся исторических связей между Византией, славянскими странами Балканского полуострова и древней Русью.

Ждет своего окончательного решения вопрос о ценности древнеславянского перевода для восстановления первоначального греческого оригинала „Хроники“ Малалы.

Совершенно не исследовано воздействие древнеславянского перевода Малалы на древнерусское летописание, на стиль Суздальской, Галицко-Волынской, Киевской летописи.

Наконец, до сих пор неясно и само происхождение перевода. Был ли он на самом деле выполнен в Болгарии в царствование царя Симеона в 927 г. пресвитером Григорием, как об этом свидетельствует запись, помещенная в Архивском и Виленском списках перед текстом пятой книги?²⁰ Или указанная запись имеет в виду, как предполагал В. М. Истрин, лишь перевод примыкающих к тексту Малалы библейских „книг царств“ и ничего общего не имеет с древним переводом Малалы?²¹ Русский или болгарский по происхождению этот перевод?

Для подтверждения или опровержения высказанных взглядов необходимо обстоятельно исследовать язык перевода и в первую очередь его яркую и выразительную, богатую лексику. А для этого опять-таки, прежде всего, необходим точный текст перевода, в переиздании которого ощущается таким образом самая настоятельная необходимость.

²⁰ См. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках, стр. 7 и 118.

²¹ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга десятая. Одесса, 1912, стр. 41—44.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Дополнительные сведения)

Греческие рукописи, хранящиеся в различных библиотеках и архивах СССР, описывались неоднократно. В трех важнейших изданиях¹, содержащих библиографию греческих рукописей, учтен ряд справочников по библиотекам отдельных городов Советского Союза; все же библиография эта далеко не полна, во многом устарела и потому представляется целесообразным несколько дополнить ее.

Ниже сообщаются сведения о греческих рукописях, хранящихся в некоторых городах Советского Союза и неучтенных ни в одном из вышеуказанных справочников.

В список включены сведения не только о средневековых греческих рукописях, но также о более поздних, большая часть которых представляет тетради учеников духовных семинарий и академий XVIII в.; эти данные могут быть использованы для истории русского образования.

В собирании сведений о рукописях мне помогли гг. И. Ф. Голубев (Калинин), И. Н. Ларионов (Псков), В. В. Лукьянов (Ярославль), В. И. Малышев (Ленинград), Е. П. Метревели (Тбилиси), К. Н. Юзбашян (Ереван), которым я приношу искреннюю благодарность.

Ереван: Л. Хачикян. Сокровища Матенадарана. — Вопросы истории, 1951, № 12, стр. 195—199.

Примечание. В Матенадаране хранятся две греческие рукописи и 59 фрагментов, среди которых наиболее замечательны 2 листка унциальной рукописи VIII в., содержащие отрывки из третьей книги Диоскорида (*Dioscoridis. De materia medica libri quinque. Ed. C. Kühn. Lipsiae, 1829, t. I, стр. 499—500*). Эти 2 листка подклеены к переплету армянской бумажной рукописи XIV—XV вв., написанной переписчиком Мхитаром. Фрагмент Диоскорида зарегистрирован как защитный лист рукописи Гос. Матенадаран, фонд арм. рук. № 141. См. табл. на стр. 286.

Остальные фрагменты представляют отрывки из богослужебных и евангельских рукописей X—XVII вв.

Рукопись № 25 (фонд рукописей на других языках) содержит новогреческую хронику XVII в., начинающуюся словами (сохраняю правописание рукописи): „Χρονογραφικῶν περὶ ἔχων περὶ τοῦ ποτὲ ἐκτῆστη ἢ Ρῶμη· καὶ περὶ τῶν βασιλέων αὐτῆς· καὶ περὶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως πότε ἐκτῆσθη καὶ πόσῃ βασιλεῖς ἐβασίλευσαν ἐν αὐτῇ καὶ περὶ τοῦ πῶς αἰχμαλωτίσθη ὑπὸ τῶν Ἀγαρηνῶν“. См. К. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Lite-*

¹ M. Richard. *Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs* (Publications de l'Institut de recherche et d'histoire des textes. I). Paris, 1948; O. Schissel. *Kataloge griechischer Handschriften*. (Bücherkunde in Einzeldarstellungen, hrsg. von J. Fellin. Heft 1). Graz, 1924; V. Gardthausen. *Sammlungen und Cataloge griechischer Handschriften* (Byzantinisches Archiv, hrsg. von K. Krumbacher. Heft 3). Leipzig, 1903.

...

...

...

Фрагменты из рукописи Диоскорида (Ереван)

ratur. 2. Aufl. München, 1897, S. 400, где подобный текст указан в рукописи Парижской Национальной библиотеки (Cod. Paris. suppl. gr. 467, S. 17).

Иваново: Н. П. Рождественский. Отчет об археографической командировке в г. Иваново. — Труды Отдела древнерусской литературы. (Институт русской литературы Академии наук СССР), т. X, 1954, стр. 486.

Калинин: И. Ф. Голубев. Собрания рукописных книг г. Калинина. — Труды Отдела древнерусской литературы. (Институт русской литературы Академии наук СССР), т. XI, 1955, стр. 440—459.

Примечание. Рукописи только XVIII—XIX вв.

Ленинград: 1) Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 192—207.

2) Ее же. Обзор греческих рукописей Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Будет напечатан в сборнике „Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР“, вып. 2.

3) П. Сырку. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Академию наук по завещанию СПб 1891 (Приложение к LXIV-му тому Записок имп. Академии наук № 9).

Примечание. Среди бумаг Порфирия имеются разнообразные сведения (описания отдельных рукописей и собраний, извлечения из рукописей, снимки и т. п.) о греческих рукописях, хранящихся в монастырях и других хранилищах Ближнего Востока и России. На стр. 297 описан отрывок из греческого евангелия XI в.

В настоящее время бумаги Порфирия хранятся в архиве Академии наук СССР в Ленинграде.

Москва: 1) Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Ч. I. Под ред. С. К. Богоявленского. (Государственный архивный фонд СССР. Научно-справочные пособия). М., 1946.

Примечание. Стр. 134: Книги и греческие рукописи архимандрита Македонского Николаевского монастыря Дионисия Афинского; стр. 137: Новеллы византийских императоров (на пергамене, в списке конца X в.). Отрывок византийского исторического сборника X—XI вв. Книги богословского содержания XII—XIV вв. „Илиада“ Гомера в списке начала XVI в. Сочинения по философии, филологии, физике, психологии и мифологии в списках XVII в.; стр. 138: библиография греческих рукописей этого собрания.

2) Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. Сост. В. Н. Шумиловым, под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954.

Примечание. Стр. 31: Сношения России со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока („Греческие дела“) 1509—1593 гг.

3) Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов СССР по истории г. Москвы с древнейших времен до XIX в. Сост. В. Н. Шумиловым, под ред. С. В. Бахрушина. (Государственный архивный фонд СССР. Научно-справочные пособия). М., 1949.

Примечание. Стр. 40: Сношения России с Грецией 1509—1719 гг.

Одесса: М. М. Копыленко, И. Л. Портной, М. В. Рапорт. Заметки о документах и архивах. I. (Об Отделе редких изданий и рукописей Одесской гос. научной библиотеки им. А. М. Горького). — Исторический архив, 1955, № 4, стр. 244—246.

Примечание. Греческие рукописи Одесской гос. научной библиотеки ранее принадлежали В. И. Григоровичу и были описаны В. Мочульским в „Описании рукописей В. И. Григоровича“. Одесса, 1890, стр. 33, 72, 79—81.

Псков: В. И. Малышев. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — Труды Отдела древнерусской литературы

Табл. 2. Аул. Мюнхен, 1897. 2. 400. The following text is printed in reverse on the back of the page.

υιοφιροι ορθαιουδαδθε
 παπυριδω ουδαθ
 ροραδωνοουμα ουδαδ
 ραζιοουουορ ουδου
 λαυκατασδαιτοραφα
 λυομβροσ πολλουαη
 ρησοιο αριθμουσ οχορ
 τασιτουφαγομβρουια
 θυιτρον Οδαωπα
 ρορτιλαρ ραχρητω
 τατορ οτικατατου
 τουσ ισοουουλογοσ
 η οτιαυτατατουσ
 ηδθοφορουατρασ τι
 μοσ ιμβρδυαοι τιη
 αβητηλωσ ημβραη
 τιμωμβρδδδδδδδδδ
 αωβραημ αλζαμματωρ
 θραημωρ τισ ικαοσ
 μβρ παρβια μοια θλου
 μβραη μαα ικαοδδδδδδ
 αποια θια αμβρα
 τοσ αιτα αβρι τησ ημ
 ρασ ρομα ιχθδδδδδ
 βω τοδδδδδδδδδδδδδ
 πορ ισομβρ αβητη
 λοα ημ βορ ταζομβρσ ημ
 ανδδδδδδδδδδδδδδδ
 αμδδδδδδδδδδδδδδδ
 δοσ ομωμ ηρσοσ ημ
 τομ ηιρ ορσορ ω ομβ

γατι ιζοβιασμοι τα
 μβρσ ομα τια του χυ
 παρασχε μαμορδδ
 τα ηλασ ομα τι ιλωδ
 δημιασ ο λωδ αρφωρ
 τα τουσ ομα τουσ δασ
 αμμδδδδδδδδδδδδδ
 γοσ ο τι ικαμ ορ αω
 σιδδδδδδδδδδδδδδδ
 ταδδδδδδδδδδδδδδ
 τιραδδδδδδδδδδδδδ
 γορμιοσ φατη αωαρ
 γαωοιοσ αλδδδδδδδδ
 βορτασ ποιμδδδδδδ
 αροχορτασ ααβροοδ
 μοσ μαωωρ πορσ ιωη
 στω ιζοροφορια ηρ
 δου παδδδδδδδδδδδδ
 γορ ισοι γυμωρ αω
 ριοδδδδδδδδδδδδδδ
 ρι τοδδδδδδδδδδδδδ
 ρουμβροσ αμω οθιμ
 ραζομβροσ λι θαδδδδ
 ρεσδδδδδδδδδδδδδδ
 δδδδδδδδδδδδδδδδ
 τοιζο γουκαλοσ παδδ
 ασ πορδδδδδδδδδδδ
 αρωσ ιμομβροσ θα
 αμβροσ αρι αμβροσ
 αμβρχομβροσ ομρσ ημ
 αω αω αω αω αω αω

20 10 15 25 30
 40 50 60 70 80
 90 100 110 120
 130 140 150 160
 170 180 190 200
 210 220 230 240
 250 260 270 280
 290 300 310 320
 330 340 350 360
 370 380 390 400

Сборник бесед XI в. (Псков)

Описание рукописей в Псковском архиве. Описание рукописей в Псковском архиве. Описание рукописей в Псковском архиве.

ἔρθεαι στούλο γουσου
 τσαρσο μόνου, καθι
 ρώ τέρου τὸ κζοαφθ
 αβρομ βραυτῶ τῶλο
 γουλιθῶ, ζεῶ κμαῶ
 ἰύχοῶ, τή κη θιρῆ τῶρ
 σαζομδρῶν βορτῆς
 ἀσσημασῶ μόνου
 δροζαῖς τὸ σῶμασῶ
 πρι σῶμασῶ πρι
 μῶς ζῆσῶ σῶμασῶ πρι
 ~~~~~

+ τὸν χριστὸν μου.
 εἰς τὴν ἡλὴ τῆς πεντη
 μῶνα ἀποστολῶν
 τῶλο γουμου ἀπὸ τῶν
 αβρυαβρομ, τῶ κη
 μδρῶν κη μδρῶν θῶρ
 τῶ, παρα τῶ φμα
 θρῶ σῶμασῶ χαρῶμα
 τῶ. δῶται τῶ τοῦ, κω
 μῶ σῶμασῶ χαρῶ μδρῶ
 σῶ κη τῶ τῶ σῶμασῶ
 μδρῶ, τῶ κη μδρῶ δῶ
 σῶ τῶ κη βορτῆ γῶ κη
 κη μδρῶ σῶμασῶ, ζῶ κη
 μδρῶ κη μδρῶ. σῶ σῶρ
 γῶρ κη τῶ τῶ σῶμασῶ
 κη τῶ τῶ τῶ σῶμασῶ
 κη τῶ τῶ τῶ σῶμασῶ

διαδῆσαι, οὐ τῶ κη
 ζῶ τῶ σῶμασῶ κη σῶ
 ορ τῶ βορτῆ γῶ κη
 χομδρῶ, οὐ τῶ σῶμασῶ
 ζῶ σῶμασῶ παρα τῶ
 πῶ σῶμασῶ. πρῶ κη μδρῶ
 Οὐ βορτῶ σῶμασῶ τῶ
 κη μδρῶ. τῶ σῶμασῶ
 μασῶ κη μδρῶ τῶ
 τῶ κη μδρῶ πρῶ κη
 τῶ κη μδρῶ κη μδρῶ
 τῶ κη μδρῶ κη μδρῶ
 τῶ τῶ τῶ κη μδρῶ
 σῶμασῶ τῶ κη μδρῶ
 ζῶ σῶμασῶ τῶ κη μδρῶ
 κη μδρῶ τῶ κη μδρῶ
 κη μδρῶ τῶ κη μδρῶ
 κη μδρῶ τῶ κη μδρῶ
 κη μδρῶ τῶ κη μδρῶ
 κη μδρῶ τῶ κη μδρῶ
 κη μδρῶ τῶ κη μδρῶ

Сборник бесед XI в. (Псков)

Миниатюра XII в. (Тбилиси)

(Институт русской литературы Академии наук СССР), т. XI, 1955, стр. 478.

Примечание. Описан отрывок из сборника бесед отцов церкви (Иоанна Златоуста, Афанасия Синаита и Григория Богослова), XI в. Рукопись писана на пергамене, в два столбца, размером 41 × 30 см, 40 лл. Начало и конец утрачены. На л. 18 на правом поле имеется приписка XVII в. на грузинском языке, содержащая начало первого псалма. Имеются также незначительные приписки на греческом языке XV—XVII вв. Рукопись писана минускулом, возможно, в Студийском монастыре, так как наблюдается характерный для студийских рукописей признак — написание каппы в два приема. Ранее рукопись принадлежала архиепископу Псковскому Симону Тодорскому († 1754). См. табл. на стр. 288, 289.

Тбилиси: В Отделе рукописей Государственного музея Грузии хранится небольшое собрание греческих рукописей (24), в большинстве своем поступивших из б. Церковно-исторического музея². Сверх того, имеется два пергаменных евангелия и несколько десятков документов на новогреческом языке.

Наиболее замечательны пергаменные евангелия. Одно из них — знаменитое Коридетское евангелие IX в.³, неоднократно описанное (Gr. 28), а другое четвероевангелие IX в. (Gr. 27), находившееся в свое время в местности *Πασένη*, на границе между Арменией и Грузией, позднее (с 1849 г.) в церкви св. Георгия в Ленинакане (б. Александрополь)⁴. В начале этой рукописи приплетены 2 листа из евангелия XII в.; на одном из этих листов имеется сильно пострадавшая миниатюра — евангелист Лука. (см. вклейку). Оба евангелия стоят несколько особняком среди прочих греческих унциальных рукописей; особенности письма заставляют предполагать, что писцами этих евангелий были не греки, а грузины (или армяне?), не привыкшие писать по-гречески.

Остальные греческие рукописи Гос. музея Грузии представляют меньший интерес. Краткая опись их, подготовленная автором настоящей статьи, будет напечатана в „Трудах Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа“, т. XXI В.

Харьков: Н. П. Жинкин. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского гос. университета им. А. М. Горького. — Труды Отдела древнерусской литературы. (Институт русской литературы Академии наук СССР), т. X, 1954, стр. 471.

Примечание. Описанный на этой странице (471) сборник ошибочно датирован XIX в.; правильная дата — XIV в.

Ярославль: В. Лукьянов. Рукописные собрания Ярославского областного архива и Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского. — Труды Отдела древнерусской литературы. (Институт русской литературы Академии наук СССР), т. XI, 1955, стр. 467.

Примечание. Кроме упомянутого в указанной работе греческо-русского словаря XVII в., в Ярославском областном архиве имеются рукописи XVIII—XIX вв., содержащие семинарские сочинения на греческом языке и переписанные семинаристами греческие тексты. Эти рукописи поступили в Архив из Ярославской духовной семинарии.

² См. Ф. Д. Жордания и М. Г. Джанашвили. Описание рукописей Тифлисского церковного музея. Кн. 1—3. Тифлис, 1903—1908. За исключением двух указанных евангелий, все рукописи описаны очень кратко.

³ См., например, Материалы по археологии Кавказа. Вып. XI. Коридетское евангелие. М., 1907; W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament. Chicago, 1938, Tab. XLIV.

⁴ См. W. Hatch. Op. cit., Tab. LV.

К. В. ГОЛЕНКО

ИМИТАЦИИ СОЛИДА VII в. ИЗ ПОДНЕПРОВЬЯ

В 1945 г. Музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина вдовой собирателя А. Г. Голикова по завещанию была передана большая нумизматическая коллекция, в состав которой входили и монеты, определенные А. Г. Голиковым и изданные им в журнале „Советский коллекционер“¹. Ряд неточностей статьи А. Г. Голикова, а также ее краткость побудили нас переиздать этот крайне интересный материал.

В своей заметке А. Г. Голиков сообщает, что публикуемые им монеты приобретены в 1925 г. на рынке у крестьянина, который, как выяснилось, был участником находки этих монет.

По словам крестьянина, монеты были найдены в б. Екатеринославской губ.² в небольшом курганчике, случайно вскрытом при весенней пахоте. В разрытом погребении был обнаружен костяк, около которого находились „черепки и прочие мелкие вещи“, а возле шеи костяка 72 монеты с двумя отверстиями каждая. „Черепки и прочие мелкие вещи“ были брошены как не ценные, а монеты разделены между пятью свидетелями находки. По словам А. Г. Голикова, осмотревшего долю монет продававшего их крестьянина, все они были одинаковы. Из числа этих монет А. Г. Голиковым были приобретены четыре экземпляра лучшей сохранности. Публикуемые монеты принадлежат обычному типу солидов Константа II.

ав: Бюст безбородого императора en face, Константин II — в короне, в плаще, застегнутом у правого плеча фибулой, в правой руке держава с крестом. Кругом $\text{DN CONSTA TINI PP AV RY}$: Крест на голгофе в три ступени. Кругом VICTORIA AVS CI

Под обрезом O VXX . Вес 2.36 г., 2.34 г., 2.27 г., 2.08 г. Диаметр 18—19 мм. Соотношение осей всех четырех монет одинаковое.

Таблица, № 1—4.

Солиды подобного типа чеканились при единоличном правлении Константа II (Константина III) (642—668). Отсутствие бороды у императора позволяет отнести монеты с подобной особенностью изображения к самому началу правления Константа II; В. Рот счел возможным датировать эти монеты периодом 642—646 гг.³

Но в отличие от византийских солидов, издаваемые монеты имеют ряд особенностей, совершенно исключающих их византийское проис-

¹ А. Г. Голиков. Фальшивые византийские монеты Константа II, „Советский коллекционер“, № 8—9, М., 1930, стр. 203 слл.

² Точнее место находки погребения крестьянин отказался сообщить.

³ W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, vol. I. London. 1908, p. 255.

хождение. Они изготовлены не из золота, как византийские солиды, а из серебра⁴, после чего были густо вызолочены. Техника их изготовления не вызывает сомнения — это литье, за что говорит ряд признаков, типичных для литых монет: нечеткость деталей изображений, характерные для литья следы пузырьков, кроме того, гурт монет сглажен, что также характерно для некоторых категорий литых монет.

Вес монет по отношению к весу оригинальных византийских солидов (около 4,45 г) почти вдвое меньше⁵, — последнее обстоятельство заставило А. Г. Голикова видеть в описываемых монетах неизвестные полу-солиды, правда поддельные. Однако подобное предположение нам кажется несколько смелым, так как появление поддельных монет возможно только при развитом денежном обращении, которое не могло иметь места в Поднепровье в VII в.

По словам находчика, каждая из 72 монет была дважды пробита и в древности, очевидно, они были соединены вместе и представляли собой род ожерелья. В пользу последнего предположения говорит и обнаружение монет в области шеи костяка.

Монеты, осмотренные при покупке А. Г. Голиковым, были одинаковые, следовательно, можно предположить, что и все 72 обнаруженные монеты были также одинаковы. Таким образом, представляется мало вероятным, что для ожерелья монеты подбирались. Очевидно, они были изготовлены специально. Последнее подтверждается тем, что четыре известные нам монеты отлиты в формах, изготовленных с одного экземпляра солида⁶. Кроме того, отверстия на монетах рассматривались, очевидно, при отливке как обязательный элемент монеты, так как позолота наложена после изготовления отверстий.

Насколько нам известно, подобные отливки в районе Поднепровья обнаружены впервые, но их появление могло быть обусловлено только распространением у населения данной территории оригинальных золотых византийских монет VII в.⁷ Находки византийских солидов VI—VII вв. в Поднепровье известны, мы позволим себе кратко повторить сведения о них, взятые из статьи Н. П. Бауэра⁸.

1. В 1912 г. в с. Перещепино Полтавской губ. был обнаружен большой клад золотой и серебряной утвари, в состав которого также вхо-

⁴ Благодаря любезности заведующего отделом реставрации ГМИИ М. А. Александровского удалось сделать анализ металла одной из публикуемых монет и обычной серебряной монеты времени Константа II. Если серебро последней содержало в себе следы свинца, который входил в состав руды в качестве естественной примеси, то металл издаваемой монеты представлял собою искусственный сплав серебра и меди, причем последняя содержалась в сплаве в значительном, если не преобладающем количестве.

⁵ Столь значительная разница в весе при примерно одинаковой толщине монетного кружка издаваемых монет и оригинальных солидов объясняется разным удельным весом золота (19,32), серебра (10,53) и меди (8,92).

⁶ Несмотря на то, что все четыре монеты воспроизводят один экземпляр солида, они отлиты в двух разных формах. Монеты № 1, 3 отлиты ранее № 2, 4, так как их изображения более четкие, чем у монет № 2, 4 при их одинаковой сохранности, что указывает на износ форм. В то же время монеты № 1—2 отлиты в общей форме, за что говорит изъяс последней.

⁷ Публикуемые монеты не являются „варварскими подражаниями“ в том смысле, как мы понимаем этот термин, они представляют собой дешевые имитации золотых монет, специально изготовленные для декоративных целей. Таким образом, употребление понятия „монеты“ в отношении публикуемых отливок является чисто условным.

⁸ N. Bauer. Zur byzantinischen Münzkunde des VII. Jahrhunderts. „Frankfurter Münzzeitung“, № 15, 1931, S. 227—229.

дила 61 золотая монета византийских императоров: Маврикия, Тиберия, Фоки, Ираклия, Ираклия с сыновьями и Константа II.

2. В 1927 г. где-то в дельте Днепра был найден клад драгоценной посуды и 7 солидов Ираклия и Константа II.

3. В 1928 г. в с. Зачепилово Полтавской губ. был найден клад⁹, в котором, кроме утвари, находились 7 византийских монет того же времени, что и монеты из Перещепино¹⁰.

Таким образом, золотые византийские монеты VII в., находимые в Поднепровье, не должны рассматриваться как деньги в узком смысле, что подтверждает обнаружение их в больших вещевых кладах. В этом отношении показательны монеты Перещепинского клада, из которых только четыре дошло до нас в первоначальном виде, а остальные переделаны в украшения. Последняя особенность сближает монеты Перещепинского клада и публикуемые монеты¹¹, которые, как мы говорили выше, специально изготовлены для ожерелья.

Таким образом, если принять убедительную точку зрения Г. Ф. Корзухиной¹², трактующей клад степной полосы как инвентарь кочевнических погребений, то можно без особой натяжки рассматривать погребение, из которого происходят наши монеты, как более бедное, но принадлежащее к той же категории памятников, что и Перещепинский, Келегейский и Ново-Сенжарский клады.

⁹ В более поздней литературе за двумя последними кладами закрепились также названия Келегейский и Ново-Сенжарский клад.

¹⁰ Литературу об этих кладах см. S. Mc A. Mosser. A Bibliography of Byzantine Coin Hoards. Numismatic Notes and Monographs, № 67. New York, 1935, p. 27, 64, 99.

¹¹ На наших монетах, как и на большинстве монет из указанных кладов, обычное **СОНОВ** заменено **ОВХХ** или другими значками, близкими по начертанию. Вопрос об этих загадочных значках нами не затронут сознательно, хотя мы и не во всем согласны с Н. П. Бауэром. Попытка разрешения этого вопроса возможна лишь после специального изучения монет с **ОВХХ**.

¹² Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 61 слл.

1

2

3

4

Серебряные имитации солида Константа II (1—4)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ, т. I. М., 1954

Интерес советского читателя к истории братского болгарского народа исключительно велик. Однако в нашей исторической литературе до самого последнего времени не было, к сожалению, сводной работы, которая научно освещала бы историю Болгарии на всем ее протяжении. Предпринятая покойным академиком Н. С. Державиным попытка создания такой работы не была доведена до конца. Восполнить этот пробел призвана теперь двухтомная „История Болгарии“, подготовленная по инициативе Института славяноведения АН СССР большой группой советских историков.

Первый том этого издания вполне определенно свидетельствует о серьезных успехах авторского коллектива. Этот том посвящен истории Болгарии с древнейших времен до конца 1917—начала 1918 г., — времени, когда до Балкан докатились первые отзвуки Великой Октябрьской социалистической революции.

В целом это отнюдь не только сводка уже опубликованных в нашей и болгарской печати исторических исследований. Как ни интенсивно работали в последние годы советские слависты и историки народно-демократической Болгарии, еще далеко не все важнейшие проблемы болгарской истории были подвергнуты ими необходимому пересмотру в свете марксистско-ленинской методологии. По многим вопросам этот пересмотр авторы вынуждены были производить непосредственно в процессе подготовки рецензируемой работы.

Современное состояние источников не дало возможности в равной степени осветить все вопросы и все периоды истории Болгарии, но поставленную перед собой задачу — „проследить основные линии исторического развития болгарского народа“ (стр. 9) — авторский коллектив, это можно сказать совершенно определенно, выполнил, и по подавляющему большинству разделов — выполнил на высоком идейно-теоретическом уровне, вполне соответствующем современному уровню советской исторической науки.

Естественно, что первыми важнейшими проблемами, которые должны быть поставлены и разрешены в марксистском труде по истории Болгарии, являются: происхождение болгарского народа и возникновение болгарского государства. Вопросы эти, как известно, крайне запутаны буржуазной историографией.

Автору первых глав (гл. I и II и § 1—3 гл. III) С. А. Никитину удалось вполне убедительно показать, что действительной этнической основой болгарского народа явились славянские племена, заселившие территорию Болгарии в VI—начале VII в. (стр. 37—52).

На основе новейших достижений советской археологии в области изучения восточнославянских племен (главным образом, трудов П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова) и используя археологические работы бол-

гарских ученых, автор довольно подробно освещает социальные и политические отношения у балканских славян VII—VIII вв. (стр. 47—52). Он показывает, что образование первых славянских государств на Балканском полуострове (в Подунавье и в Македонии) было „результатом закономерного развития славянского общества“ (стр. 53). Тем самым материалы этих глав убедительно опровергают распространенное в буржуазной историографии мнение о том, что болгарское государство было якобы создано протоболгарами, завоевавшими Болгарию во второй половине VII в. Появление на Балканах протоболгарской орды хана Аспаруха, как совершенно справедливо подчеркивает С. А. Никитин (стр. 54), лишь осложнило дальнейшее развитие первого раннесредневекового славянского государства в придунайских землях.

Большим достоинством этих глав является то, что все развитие славянских племен, заселивших в VI—VII вв. придунайские земли, автор рассматривает в связи с теми процессами социально-экономической жизни, которые происходили тогда в среде дославянского населения Балканского полуострова, и прежде всего — в связи с процессом общего кризиса рабовладельческого строя на этих территориях Византийской империи. Автору удалось поэтому гораздо более четко, чем это было сделано во всей предшествующей литературе, показать причины, значительно ускорившие развитие феодальных отношений у балканских славян. Удачно используя и археологические данные (правда, пока еще очень немногочисленные) и данные письменных источников, автор показывает, что становление феодальных отношений у балканских славян можно проследить во всяком случае с VII—VIII вв. (стр. 50—52). Исследование С. А. Никитина устраняет, таким образом, ту путаницу, которая еще очень недавно существовала как в нашей, так и в болгарской литературе по вопросу о том, нужно или не нужно выделять первые века существования болгарского государства в какой-то особый „дофеодальный период“¹. В рецензируемой работе — и совершенно правильно — вся история болгарского народа с VII в. и до освобождения от турецкого ига рассматривается как история феодальной Болгарии.

С большой обстоятельностью, — конечно, насколько это допускают наличные источники, — рассматривается в книге и дальнейшее развитие социально-экономических отношений в Болгарии: процесс разложения славянской общины и формирования феодальной собственности (вторая половина гл. III, автор А. П. Каждан), формы феодальной зависимости, их эволюция и положение крестьян (главным образом, § 1 главы IV, автор А. П. Каждан; § 1 гл. V, автор Б. Т. Горянов; § 1 гл. VI, авторы Н. А. Боровская и Ю. В. Бромлей) и т. д. Особо следует отметить сделанную этими авторами попытку проследить возникновение, характер и развитие болгарских средневековых городов (см. стр. 76—78 и особенно 128—134). Собранные в книге материалы по этому вопросу, хотя и не дают еще возможности сделать окончательные выводы (решающую роль тут должны сыграть археологические исследования, успешно осуществляемые теперь в народной Болгарии), все же, несомненно, представляют значительный интерес, открывая по существу новую страницу в изучении истории средневековой Болгарии.

Можно сказать без преувеличения, что страницы, посвященные социально-экономическим отношениям в феодальной Болгарии в различные периоды ее истории, являются лучшими в рецензируемых главах книги.

¹ См., например, дискуссию о периодизации болгарской истории, происходившую в конце 1950 г. в Болгарской Академии наук. Наиболее подробный отчет см. „Известия на Института за българска история“, кн. 1—2, 1951, стр. 359—386.

Во всех главах, рассматривающих историю средневековой Болгарии, много внимания уделяется антифеодальной борьбе широких народных масс. При этом авторы не ограничились — и это особенно ценно — показом только таких выступлений, как богомилское движение (стр. 84—86) или крестьянская война под руководством Ивайла (стр. 143—145); в книге не раз упоминается и о многих других формах сопротивления трудящихся феодальной эксплуатации, таких, как побеги, поджоги болгарских усадеб, угон скота и т. д. Авторы подчеркивают, что в целом „крестьянское сопротивление натиску феодалов имело прогрессивное значение, ибо крестьяне, хотя и выступали сплошь да рядом с требованием возвращения к старым порядкам, своей борьбой отстаивали право на свое личное хозяйство, а именно крестьянское хозяйство в дальнейшем явилось материальной базой экономического прогресса“ (стр. 75) (непонятно только, почему — „в дальнейшем“? Оно и тогда — в раннее средневековье — являлось этой базой).

Хорошо показана роль народных масс в борьбе за восстановление независимости страны в XI—XII вв. (гл. V, автор Б. Т. Горянов).

К числу несомненно положительных сторон рецензируемых глав следует отнести и то, что историю Болгарии авторы рассматривают не изолированно от развития соседних с ней стран — Византии, Сербии и др. Во многих случаях они показывают активную, а иногда — ведущую роль Болгарии в средневековой истории юго-востока Европы.

С особым вниманием в работе прослеживаются связи болгарского народа с народами нашей страны (стр. 34, 90—94, 154—156 и др.). Тем самым перед читателем конкретно вскрываются глубочайшие исторические корни болгаро-советской дружбы.

Главы VII, VIII, IX и часть X посвящены самым мрачным страницам в истории Болгарии — периоду пятивекового турецкого господства, нарушившего ход нормального исторического развития Болгарии, резко затормозившего развитие ее производительных сил.

В главе VII (автор И. С. Достян) дана совершенно правильная критика ложной концепции ряда буржуазных историков, утверждавших, что после установления в Болгарии турецкого владычества, особенно в первое время, положение крестьянства якобы улучшилось в результате того, что установилась „твердая власть“, заменившая „самовластие“ болгарских феодалов. Используя большой фактический материал (воспоминания современников, записки европейских путешественников, посетивших Балканский полуостров, и др.), автор показывает, что турецкое завоевание несло народным массам лишь неимоверные бедствия и страдания: турецкие захватчики беспощадно эксплуатировали болгарский народ и проводили жестокую ассимиляторскую политику, подвергая преследованиям болгарскую национальную культуру; в годы турецкого господства города, ремесла и торговля пришли в упадок, население резко сократилось, в стране наступил экономический застой.

Не менее убедительно показано как в этой, так и в следующей главе (того же автора), что, несмотря на все ужасы турецкого оккупационного режима, болгарский народ никогда не прекращал борьбы с иноземными поработителями.

С особым вниманием и обстоятельностью рассматривается в рецензируемой работе национально-освободительное движение в конце XVIII и в XIX в. (глава IX и §§ 1 и 2 гл. X, автор С. А. Никитин). Это представляется совершенно обоснованным, так как этот период истории Болгарии, получивший в историографии название периода национального болгарского возрождения, является одним из важнейших.

О болгарском возрождении написано немало работ. Но большинство из них принадлежит буржуазным историкам, идеалистическая методология которых, а часто и тенденциозность, обусловленная их политическими взглядами, мешали правильному освещению действительного характера этого периода и его исторического значения. Чаще всего представителей буржуазной историографии интересовали только такие вопросы, как восстановление самостоятельности болгарской церкви, развитие болгарской школы или — в лучшем случае — болгарской культуры вообще. При этом, как правило, особо оттенялось „единство“ болгарского народа в период возрождения и — вольно или невольно — затушевывались классовые противоречия и классовая борьба того времени.

Первым, кто правильно подошел к проблемам возрождения, был основатель болгарской коммунистической партии Д. Н. Благоев. В своей работе „К истории социализма в Болгарии“ (1906) он специально подчеркнул, что при изучении периода возрождения необходимо обратить особое внимание на исследование социально-экономических процессов и вопроса о роли народных масс в истории этого времени. Дальнейшее развитие и конкретизацию идеи Благоева получили в целом ряде работ историков народно-демократической Болгарии.

Широко используя эти работы, С. А. Никитин ярко и убедительно показывает читателю, что история болгарского возрождения — это история развития капиталистических отношений в Болгарии, история формирования болгарской буржуазной нации и неразрывно связанного с ним развития национально-освободительной борьбы болгарского народа (стр. 216 сл.).

И в этих главах большое место отведено связям болгарского народа с народами нашей родины (стр. 179 сл., 202 сл., 236 и др.). Авторы показывают, что уже в конце XV в. рост могущества Русского государства, освобождение от татарского владычества и т. д. будили в болгарях надежду на то, что именно русский народ придет им на помощь и освободит их от власти иноземных завоевателей. Уже тогда возникла и стала распространяться своеобразная легенда о „дяде Иване“ („дедушке Иване“), защитнике славян, в образе которого получили олицетворение представления болгарского народа о силе и могуществе великого русского народа. Из поколения в поколение в течение всех пяти веков рабства болгарский народ хранил и укреплял свою веру в то, что Россия поможет ему добиться освобождения от турецкого ига. И русский народ, особенно в лице его наиболее передовых представителей, всегда отвечал болгарам глубоким сочувствием, а часто оказывал и непосредственную помощь. Сотрудничество двух братских народов нашло свое выражение в совместной борьбе русских и болгарских воинов во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., принесшей Болгарии освобождение от турецкого ига (стр. 292—309, автор этого параграфа С. Ш. Гринберг).

Таковы основные проблемы, наиболее удачно и полно разработанные авторами рецензируемых нами глав. Именно они составляют идейно-теоретическую основу всего очерка истории феодальной Болгарии, и именно поэтому этот очерк, несомненно, окажется весьма интересным для широких кругов советских читателей.

Однако, в освещении некоторых вопросов авторы не проявили необходимой последовательности.

Так, например, обстоит дело с вопросом о славяно-протоболгарских отношениях после образования болгарского государства.

Опровергнув и, как уже было отмечено выше, совершенно правильно опровергнув „протоболгарскую теорию“ возникновения болгарского раннефеодального государства, авторы в дальнейшем сделали серьезную и ничем не обоснованную уступку этой же самой „теории“, заявив, что „борьба протоболгарской и славянской знати — одна из основных черт политической истории Первого болгарского царства на протяжении первого столетия его истории“ (стр. 59, ср. также 64, 66). Однако нет ни одного источника — ни болгарского, ни византийского, — который давал бы какие бы то ни было основания для подобного вывода. Этот вывод авторы заимствовали из первого тома „Истории болгарского государства в средние века“ болгарского историка В. Н. Златарского.

До Златарского внутренние междоусобия VIII в. рассматривались обычно в плане чисто личной борьбы отдельных претендентов на власть (см., например, „Историю болгар“ К. Иречека)². Златарский попытался изобразить эти усобицы в плане этнической борьбы — борьбы протоболгарских и славянских „начал“. Свыше 30 страниц посвятил он этому вопросу (изд. 1918 г. — со стр. 191 по 225), заполнив их, однако, одними только домыслами, лишенными какого бы то ни было фактического обоснования. Надуманность его „концепции“ была настолько очевидной, что даже П. Мутафчиев в I томе своей „Истории болгарского народа“ вынужден был значительно осторожнее говорить об „этнической основе“ междоусобий VIII в. (см. изд. 1943 г., стр. 162 сл.). Современные историки народно-демократической Болгарии поступили совершенно правильно, пересмотрев „аргументацию“ Златарского и отбросив всю его „этническую“ концепцию³.

Автору второй половины главы III, посвященной истории Болгарского государства в VIII—IX вв., А. П. Каждану следовало или попытаться привести хоть какие-либо доказательства в пользу теории Златарского⁴, или — что, конечно, и нужно было сделать в действительности — дать иное объяснение тех изменений, которые произошли в политическом строе Болгарии в VIII—IX вв.

Следует признать, что и по отношению к другим периодам истории Болгарии рассмотрение событий политической жизни страны не увязывается достаточно тесно с вопросами ее социально-экономического развития.

Остановимся в этой связи на той характеристике, которую дают авторы главы VI (Н. А. Боровская, Ю. В. Бромлей, Б. Т. Горянов) политическому развитию Болгарии в XIII—XIV вв., т. е. в период, как это совершенно правильно подчеркнуто в главе, развитого феодализма. Они считают, что весь этот период, за исключением царствования Ивана Асеня II, был временем неуклонного усиления феодальной раздробленности. „Теоретическим“ основанием для такой оценки является

² К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 173—176.

³ См., например, весьма обстоятельную статью Ал. К. Бурмова „Към вопроса за отношения между славяни и прабългари през VII—IX в.“ ИП, 1954, кн. I, стр. 68—94.

⁴ Отголоском этой же „теории“ Златарского является и содержащееся на стр. 74 утверждение о том, что боярское восстание против признания христианства государственной религией Болгарии будто бы было выступлением „некоторых протоболгарских (подчеркнуто нами) боярских фамилий“. Полную необоснованность подобного утверждения показал Ал. К. Бурмов в другой своей статье „Буржуазно-идеалистическите становища по въпроса за палагането на християнството в България през IX в.“ ИП, 1954, кн. II, особенно стр. 50.

следующее рассуждение: „Несмотря на значительное развитие городов, в Болгарии, в недрах феодальной формации нельзя проследить зарождения и развития капиталистических отношений, основ нового, более прогрессивного способа производства. Отсутствие элементов новой общественно-экономической формации в недрах болгарского феодального общества не создавало поэтому условий для перехода к новой форме политического устройства“ (стр. 141). Авторы при этом упустили из виду, что тенденция к известной централизации феодального государства возникает задолго до „зарождения и развития капиталистических отношений“, являясь закономерным результатом развития феодального общества, в котором, в частности, достигает определенного уровня развитие товарного (но не капиталистического) производства, обслуживающего феодализм, и обостряются в той или иной степени классовые противоречия. Хорошо известные факты истории целого ряда западноевропейских государств в XII—XIV вв. целиком это подтверждают.

Конечно, тенденция к централизации встречала во всех феодальных странах того периода противодействие другой тенденции, тоже имевшей объективную основу, — тенденции к феодальному дроблению. В различных странах борьба этих тенденций имела различный результат, в зависимости от соотношения конкретных условий, и задача историка, изучающего период развитого феодализма, как раз и заключается в том, чтобы конкретно проследить своеобразие хода, перипетий и итогов этой борьбы в каждой отдельной стране. Авторы рецензируемой главы, к сожалению, не сделали этого. Между тем важно было подчеркнуть, что в конце XII—начале XIII в., т. е. тотчас же после освобождения от византийского ига, болгарские земли далеко не представляли какого-либо политического единства: наряду с царством Асеней, на юге и на юго-западе существовало несколько вполне самостоятельных княжеств.

Некоторых успехов в объединении страны удалось добиться не только Ивану Асеню II. Ведь и в начале, а затем и в середине XIV в. (при Феодоре Святославе и Иване Александре), в гораздо более трудных, чем при Асене II, внешнеполитических условиях власть тырновского правительства распространялась на территорию, отнюдь не меньшую, чем в конце XII в.

Тенденция к централизации не успела победить в Болгарии противоборствующую ей тенденцию, но она, несомненно, существовала и имела вполне объективные основы, заключавшиеся, между прочим, и в значительном подъеме болгарских городов, засвидетельствованном в современных источниках⁵. Сами же авторы признают, что и Калоян, и Асень II в своей борьбе за централизацию государства искали опоры и среди населения городов (стр. 139 и 140).

Нет сомнения, что если бы авторы, отказавшись от предвзятой точки зрения, с большей последовательностью увязывали бы вопросы политической истории Болгарии с проблемами социально-экономического развития Второго болгарского царства, они избежали бы указанных выше противоречий.

Некоторая склонность несколько упрощать исторический процесс при рассмотрении явлений, касающихся соотношения базиса и надстройки, сказывается и в главах, посвященных периоду турецкого господства.

⁵ Следует отметить, что при наличии ряда вполне достоверных данных источников о положении болгарских городов, авторы напрасно без оговорок используют (например, на стр. 128, 133) хрисовул 1192 г., подвергшийся, как это неоспоримо доказала историческая критика, значительной фальсификации в позднее время.

Так, например, в главе VIII (автор И. С. Достян) упадок Османской империи с конца XVI в. объясняется внешнеполитическими факторами — а именно, тем обстоятельством, что „изменение общественно-политической обстановки в Европе в XVI в. делало войны против европейских государств все более трудным и дорогостоящим делом, поглощавшим все средства и силы Османского государства“ (стр. 182). В действительности, конечно, причины упадка Османской империи следует искать в изменениях, которые произошли в этот период в самой турецкой экономике, — в росте крупного помещичьего землевладения, в усилении феодальной эксплуатации, в разорении хозяйства основного производителя — крестьянина.

Не к лучшим разделам рецензируемой работы относятся и параграфы, посвященные истории культуры: „Болгарская культура IX—X вв.“ (стр. 97—106, автор А. П. Каждан), „Культура Второго болгарского царства“ (стр. 152—162, автор Б. Т. Горянов), „Культура Болгарии в XV—первой половине XVIII в.“ (стр. 204—213, автор И. С. Достян) и „Культура Болгарии в период национального возрождения“ (стр. 313—324, автор И. М. Шептунов).

Собранный здесь большой фактический материал носит явно односторонний характер. Во всех этих параграфах непропорционально мало места отведено характеристике народной культуры. За последние годы ученые народно-демократической Болгарии добились значительных успехов в деле изучения именно народной культуры; следовало гораздо шире использовать их труды. Всем только что перечисленным параграфам свойственна статичность изложения: тут названы имена деятелей культуры, приводятся названия их произведений, даются описания памятников, но отсутствует анализ развития той или иной отрасли культуры и всей культуры в целом.

При переиздании, — а оно несомненно потребуется, — над всеми этими вопросами, имеющими, по нашему мнению, принципиальное значение, авторам необходимо будет очень внимательно поработать.

Рецензируемые разделы книги содержат и ряд других недостатков. Недостаточно согласовано содержание глав и параграфов, написанных разными авторами. Так, например, в двух почти соседних главах — в IV и VI — имеются совершенно различные, по существу противоречивые формулировки, определяющие сущность феодальной собственности. „Сущность феодальной собственности, — утверждает на 78 стр., — заключалась в том, что реальный владелец земли — крестьянин был лишь ее „условным“ собственником, тогда как феодал присваивал себе „верховную“ собственность на землю“. Ошибочность этого определения станет совершенно ясной, если сопоставить его с напечатанным на стр. 126-й известным указанием Маркса из III тома „Капитала“ о том, что при феодализме „непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец“ земли.

Разногласия дает себя знать и в области терминологии и транскрипции. В одних главах подушный налог в Османской империи правильно называется „харадж“ (например, стр. 170), а в других — „харач“ (например, стр. 184, 217); десятина, обозначаемая повсюду словом „ашар“, на стр. 276 транскрибируется на „ушр“. Иногда сама Османская империя превращается в „Оттоманскую империю“ (например, стр. 292).

В работе встречается ряд неточных и неудачных формулировок. Так, на стр. 148 изложение событий (речь идет об образовании и причинах возвышения Османского государства) ведется таким образом, что у читателя может создаться впечатление, будто турки (или, как они

называются в работе, — турки-османы) — это ветвь Сельджукидов; такое представление не соответствует исторической действительности. Едва ли правильно, что старые пути, соединявшие Болгарию с Македонией и Грецией, „шли вдоль побережья Черного моря“ (стр. 274). Никак нельзя писать, что в грамотах болгарских царей содержался „перечень многочисленных государственных чиновников, из-под ведомства которых изымались монастырские люди“ (стр. 125), или что „В Лесковаце было поставлено 60 колов для сажения на них крестьян...“ (стр. 254) и т. п.

Иллюстрации ко всем этим главам подобраны в общем довольно удачно, однако подписи под некоторыми иллюстрациями сделаны небрежно.

Взять хотя бы рисунки на стр. 15, 16, 17, 18, 20 и сл. Откуда происходят изображенные здесь орудия? К какому периоду они относятся? — никаких указаний на этот счет не дано.

Встречаются ошибки и в географических картах. Так, на интересно задуманной карте „Народные восстания в Болгарии в XI—XII вв.“ (стр. 117) перепутано объяснение условных знаков. Прерывистой линией обозначен не „путь отступления повстанцев в 1040 г.“, а движение армии повстанцев 1072 г. Вне всякой связи с текстом (стр. 120—122) показано на карте движение повстанцев 1185—1187 гг.

И все же, отнюдь не затушевывая всех этих недостатков, следует еще раз повторить, что данный в томе I „Истории Болгарии“ очерк истории болгарского народа в период феодализма представляет собою ценный вклад в изучение истории Болгарии и является лучшей из всех существующих работ на эту тему.

Э. В. Удальцова

А. А. Попова

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(Обзор литературы)

История польского народа многими нитями связана с историей средневекового Причерноморья — историей стран Балканского полуострова, крымских колоний, а затем Крымского ханства, Византии и Оттоманской империи, не говоря уж об истории Украины и Молдавии. Польша издавна поддерживала с этими странами экономические, политические и культурные связи; политические перемены в бассейне Черного моря, в особенности овладение его побережьем турками-османами в XV в., имели огромные последствия для судеб Польского государства. Естественно поэтому, что польские историки неоднократно обращались к изучению истории Причерноморья. И хотя собственно византиноведение в польской исторической науке XIX—начала XX в. особого распространения не получило, и для этого периода можно назвать лишь несколько работ, специально посвященных Византии, целый ряд исследований, которые рассматривают проблемы истории Причерноморья преимущественно под углом зрения торговых и политических связей с Польшей и Украиной, представляют непосредственный интерес для византиноведов. Благодаря этим исследованиям были введены в научный оборот ценные архивные материалы, в том числе документы из польских архивов, существенно

дополнившие сведения о характере и интенсивности связей Польши с черноморскими государствами. Стоит назвать хотя бы такие работы как книгу Ст. Кутшебы „Польская торговля с Востоком в средние века“, исследования Харевиновой, Гурки и др.¹

Поворотным пунктом в изучении истории Византии и Причерноморья, как и в развитии польской исторической науки в целом, явилась победа в Польше народно-демократического строя. С самого начала существования народной Польши было сделано все возможное для того, чтобы обеспечить максимальный подъем науки. Были восстановлены старые и открыты новые периодические издания, научные учреждения, высшие учебные заведения, большую роль сыграло создание в 1952 г. Польской Академии наук, которая возглавила научно-исследовательскую работу в стране.

Еще в буржуазной Польше образовалась группа историков, приближавшихся к марксистским позициям. После победы народной демократии марксистско-ленинская идеология, в ожесточенной борьбе с буржуазной идеологией и ее проявлениями как внутри страны, так и за ее пределами, получает все большее и большее признание среди польских историков. В связи с этим заметно повысился теоретический уровень исследований в области истории.

Общеизвестно значение для ранней истории славянства свидетельств византийских авторов. Углубленная работа над проблемой формирования классов и государства у славян, в частности — над проблемой возникновения Польского государства, поставила задачу нового критического издания и изучения византийских источников по истории славян. Наряду с капитальными изданиями предпринимается издание сборников источников, предназначенных для широкого круга читателей, которые интересуются историей. Здесь должна быть отмечена издательская и комментаторская деятельность Мариана Плезия, которому, между прочим, принадлежит исследование о первой польской хронике — „Хроника Галла на фоне историографии XII в.“ (Краков, 1947). Он перевел и снабдил научным аппаратом „Греческие и латинские источники для древнейшей истории славян“, „Древнейшие свидетельства о славянах“² (последний сборник включает только византийские источники).

В Польше изданы также отдельные произведения и фрагменты из произведений Прокопия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.³

В 1947 г. была опубликована монография Мариана Маловиста „Каффа — генуэзская колония в Крыму и восточная проблема в 1453—1475 гг.“⁴. Маловист известен как специалист по истории ремесла и торговли стран Европы в средние века. В последние годы он сосредоточил свое внимание на сравнительном изучении западноевропейского и польского ремесла; помимо большого количества статей, им изданы „Исследования по истории ремесла в период кризиса феодализма в Западной Европе в XIV—XV вв.“ Работа о Каффе — одна из первых работ ученого,

¹ St. Kutszeba. Handel Polski ze Wschodem wieków średnich. Kraków, 1902; L. Charewiczowa. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925; O. Górka. Zagadnienie Czarnomorskie w polityce polskiego średniowiecza. I. 1359—1450. „Przegląd Historyczny“, X, 1933 и др.

² M. Plezia. Najstarsze świadectwa o słowianach. Poznań, 1947.

³ M. Plezia. Prokopiusz z Cezarei. „Meander“, 1946, N 6; T. Sinko. Jan Złotousty (Homilie na listy pasterskie św. Pawła i na list do Filemona). Kraków, 1949; T. Sinko. Bazylii Wielki. Kraków, 1947; T. Sinko. Jan Złotousty. Kraków, 1947 и др.

⁴ M. Malowist. Kaffa — kolonia genueńska. . . Warszawa, 1947.

написанная им еще до войны и, как предупреждает автор в предисловии, при подготовке к изданию подвергшаяся минимальной доработке. Подробный разбор и оценка книги уже были даны на страницах „Византийского Временника“ в рецензии В. В. Стоклицкой-Терешкович⁵. Исследование Маловиста вносит немало нового в историю генуэзских колоний в Крыму и опирается на солидную базу источников, в том числе на материалы архивов Варшавы, Венеции, Генуи. Однако в этой работе М. Маловист нередко повторяет устаревшие положения. Необходимо отметить, что в последующих трудах М. Маловист во многом пересмотрел свою методологию.

В 1947 г. в Варшаве вышла небольшая книжка М. Серейского „Византия“⁶, предназначенная главным образом для школы и дающая самый краткий и популярный очерк истории Византии. Внимание византиноведов, несомненно, привлечет исследование Б. Барановского „Знакомство с Востоком в древней Польше“⁷.

Немало статей, заметок, публикаций, касающихся истории Византии и Причерноморья, печатается в польских исторических журналах — „Kwartalnik Historyczny“, „Przegląd Historyczny“, „Meander“; польские византиноведы сотрудничают в таких международных изданиях, как „The Journal of Juristic Papyrologi (Rocznik papirologii prawniczej)“, который издается в Варшаве Р. Таубеншлагом и Е. Мантейфелем⁸, и в „Byzantinoslavica“, выходящей в Праге.

Ряд статей и рецензий принадлежит перу Галины Эверт-Каппесовой (Лодзь). Специально занимаясь историей дипломатических отношений поздней Византийской империи с Западом, она опубликовала несколько этюдов по дипломатической и церковной истории Византии XIII—XV вв. Статья „Страница из истории византино-латинских отношений. Византийское духовенство и Лионская уния (1274—1282)“⁹ излагает ход переговоров Константинополя с Римом главным образом на основании сведений, сообщаемых Пахимером. Борьба партий в Константинополе накануне его падения и в особенности деятельность главы антилатинской партии Луки Нотара рассматривается в статье „Антилатинская партия в Константинополе накануне его падения“, базирующейся на рассказе Дуки и Сфрандзи¹⁰.

Узость постановки проблем в этих статьях приводит к тому, что события рассматриваются в отрыве от социально-экономической обстановки эпохи.

Византийскому народному эпосу о Василии Дигенисе Акрите посвящена статья Северина Гаммера¹¹. Подробно излагая содержание поэмы, автор, к сожалению, при анализе произведения ограничивается установлением филиации идей и сюжетов, и статья носит скорее информационный, чем исследовательский характер. В том же журнале „Meander“,

⁵ ВВ, т. IV, 1951. См. также рец.: L. Kolankowski. „Przegląd Historyczny“, XLI, 1950.

⁶ M. Serejski. Bizancjum. Warszawa, 1947.

⁷ B. Baranowski. Znajomość Wschodu w dawnej Polsce. Łódź, 1950.

⁸ См. рец. И. Фихмана. ВДИ, 1954, № 1.

⁹ H. Evert-Kappesowa. Une page de l'histoire des relations byzantino-latines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274—1281). „Byzantinoslavica“, XIII—1, 1952.

¹⁰ H. Evert-Kappesowa. Stronnicтво antyłacińskie w Konstantynopolu w przeddzień jego upadku. „Przegląd Historyczny“, XL, 1950. С небольшими изменениями статья напечатана в „Byzantinoslavica“, 1953.

¹¹ S. Hammer. O eposie ludowej greckiego średniowiecza pt. Bazylia Digenis Akritas. „Meander“, 1949, № 1—2.

где помещена названная работа, напечатан также вольный перевод первой книги поэмы о Дигенисе¹².

Серьезные возражения вызывает опубликованная в этом же журнале небольшая работа М. Гумовского „Конец древнего мира“¹³. Автор пытается доказать, что ни о каком экономическом или культурном перевороте в Римской империи V—VI вв. не может быть и речи, ибо сохраняются мореплавание, торговля, римская монета. Упадок древнего мира, сопровождавшийся уничтожением „торговли, средиземноморского мореплавания и всей прежней жизни античности“, по мнению автора, наступил в результате завоеваний арабов. Переломным моментом объявляется 636 г., когда при Ярмуке была разгромлена армия Ираклия. В подтверждение своей концепции (весьма, кстати, не новой — ср. теорию А. Пиренна) Гумовский не может, разумеется, привести сколько-нибудь убедительных доказательств и ограничивается чисто внешними сопоставлениями.

Значительный интерес и для византиноведов и для славистов представляет статья Т. Левицкого „Славянская колонизация и славянские рабы в мусульманских странах по данным средневековых арабских писателей“¹⁴. Т. Левицкий прослеживает взаимоотношения арабов со славянами, главным образом — славянами Малой Азии. В соприкосновении с арабами славяне приходят, судя по сообщениям арабских авторов, начиная с VI в. Славянские федераты в византийской армии и македонские славяне, переселенные в 686 г. Юстинианом II в Вифинию для борьбы с арабами, нередко переходили на сторону последних. Арабы селили этих славян в Сирии, по северо-западной границе халифата. Левицкий считает возможным, что некоторые из сирийских славян вели свое происхождение от восточнославянского населения, захваченного во время арабского нашествия на царство хазар в первой половине VIII в. Балканские славяне принимали участие в морских походах арабов. Арабские источники сообщают о славянской колонии в Сицилии в X в. — там осел небольшой отряд одного из сербских племен, как предполагает Левицкий.

Автор собрал значительный материал, характеризующий распространность и положение в арабских странах славянских рабов. Немало славян попало в Испанию, где после падения омейядского халифата в XI в., среди прочих мелких государственных образцов, появившихся на его развалинах, возникло даже маленькое государство, основанное рабами славянского происхождения.

Статья Левицкого связана с его занятиями историей возникновения государственных объединений у западных славян. Такого же происхождения работа В. Молэ об античном наследии в искусстве, в особенности — в архитектуре, народов Балканского полуострова во второй половине I тысячелетия н. э.¹⁵ Этот вопрос рассматривается автором как часть общей проблемы связей южных и западных славян с Византией и Римом. В. Молэ прослеживает судьбы античной традиции в искусстве Балканского полуострова в тесной связи с политическими и этническими переменами, происходившими в это время на Балканах,

¹² „Meander“, 1949, № 3.

¹³ M. G u m o w s k i. Koniec starożytnego świata. „Meander“, 1949, № 5—6.

¹⁴ T. L e w i c k i. Osadnictwo słowiańskie i niewolnicy w krajach muzułmańskich według średniowiecznych pisarzy arabskich. „Przegląd Historyczny“, XLIV, 1952.

¹⁵ V. M o l e. L'antiquité greco-romaine des Balkans dans la 2 moitié du premier millénaire. „Byzantinoslavica“, XIII, 1952—1953.

с одной стороны, в Далмации, где было заметно влияние Рима, с другой — в Византии и Болгарии.

Большое внимание в Польше привлекают успехи советского византиноведения. В польской периодике были помещены краткий очерк истории развития византиноведения в СССР, доведенный до 1945 г.¹⁶, и обзор трудов советских ученых, посвященных генезису Русского государства; в этом обзоре обращено особое внимание на произведенный советской наукой пересмотр вопросов о преобладающем влиянии Византии в Крыму, о значении культурных связей между Византией и Русью¹⁷ и др.

Польские историки выступили в „Byzantinoslavica“ с рядом рецензий на книги советских византиноведов.

Г. Эверт-Каппесова посвятила подробную рецензию¹⁸ книге Н. В. Пигулевской „Византия на путях в Индию“ (М.—Л., 1951). Изложив основные положения работы и отметив исчерпывающее использование автором как нарративных и законодательных памятников, так и данных эпиграфики и археологии, и привлечение большой литературы вопроса, рецензент приходит к выводу о том, что „труд представляет собой ценный вклад в экономическую историю Византии и не имеет себе равных“.

Положительно оценила Г. Эверт-Каппесова¹⁹ исследование А. П. Каждана „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“ (М., 1952). В то же время она полемизирует с А. П. Кажданом по целому ряду вопросов, в частности, считает недоказанным тезис о возврате с VII—VIII вв. к замкнутому хозяйству и о возрождении византийской торговли с XI—XIII вв. Гипотеза А. П. Каждана относительно прони, вызвавшая, как известно, резкую критику в нашей литературе, излагается Г. Эверт-Каппесовой без каких-либо возражений.

Подробный разбор монографии В. Н. Лазарева „История византийской живописи“ (т. 1—2, М., 1947—1948) дал В. Молэ²⁰. Высоко оценивая этот труд, рецензент особо отмечает главы, где рассматривается искусство Византии XIII—XIV вв. Приводя интересные соображения, касающиеся некоторых спорных моментов, В. Молэ отмечает и известные недочеты книги, к числу которых он относит недостаточное, по его мнению, внимание к экономике, упрощенное изображение генезиса византийской живописи.

Подводя итоги вышесказанному, нужно отметить заметные успехи польского византиноведения²¹. Речь идет не только о количестве опубликованных книг и статей, но и об известных сдвигах в области методологии. Вместе с тем очевидно, что это только первые шаги. Часть исследований, вышедших в народно-демократической Польше, представляет труды довоенного и военного времени или окончание ранее начатых работ, что не может не сказываться на характере исследований. Чувствуется еще известный крен в сторону политической истории, не всегда подкрепляемой достаточным анализом социально-экономической базы. Следует пожелать дальнейшего укрепления дружественных связей между

¹⁶ „Przegląd Historyczny“, XXXIX, 1949.

¹⁷ „Kwartalnik Historyczny“, 1953, № 1.

¹⁸ „Byzantinoslavica“, XIII, 1952—1953.

¹⁹ Ibid., XV, 1954.

²⁰ Ibid., XII, 1951.

²¹ Обзор ни в коей мере не может претендовать на исчерпывающую полноту, и список работ можно было бы значительно расширить. Укажем, например, следующие статьи: G. P a z u c h o c k i. Historia listów św. Grzegorza z Nazyanzu. „Rozprawy PAU“, widr. filol., t. 67. Kraków, 1946; S. H a m m e r. O bizantyńskich podróżach do piekta. „Meander“, an. 3; M. P l e z i a. Jan Złotousty. „Tygodnik Powszechny“, 1948, № 7.

византиноведами Польши и Советского Союза. Хотелось бы, в частности, видеть работы польских товарищей на страницах органа советских византиноведов — „Византийского Временника“.

О. Е. Иванова
В. А. Якубский

ВИЗАНТИЙСКИ ИЗВОРИ ЗА ИСТОРИЈУ НАРОДА ЈУГОСЛАВИЈЕ,

т. I, Београд, 1955, стр. XXII + 329.

В прошлом году в Белграде вышел в свет первый том „Византийских источников по истории народов Югославии“, составленный югославскими историками Ф. Баришичем, М. Райковичем, Б. Крекичем и Л. Томичем под редакцией Г. Острогорского, директора Византиноведческого института Сербской Академии наук. Этот том содержит переведенные на сербский язык отрывки из различных сочинений византийских авторов V—X вв., упоминающих в той или иной связи славян, — независимо от того, выступают ли они под собственными именами или под именем „скифов“.

В книге собраны источники различного типа: тут представлены и труды известных историков Прокопия, Агафия, Иоанна Камениаты и других, и трактаты по военному делу псевдо-Маврикия и Льва VI, и памятники агиографической литературы (жития Григория Декаполита и Климента Охридского), а также богословские сочинения („Ответы“ псевдо-Кесария — древнейший византийский памятник, говорящий о славянах) и даже легенда моливдовула конца VII в., упоминающая вифинских славян.

Все эти материалы изданы без греческого оригинала, однако наиболее важные выражения последнего воспроизведены в соответствующих местах по-гречески в скобках. Перевод памятников сопровождается обширным комментарием; комментарий состоит из небольшой вводной статьи, содержащей общую характеристику того или иного автора и список основной литературы, посвященной ему, из небольших заметок в тексте, позволяющих уяснить место данного фрагмента в общем контексте, и детальных подстрочных примечаний, где разъясняются — с привлечением широкого круга источников и новейшей литературы — неясные и спорные места текста. Большое внимание в комментарии уделено выяснению точной хронологии событий и определению правильной транскрипции славянских имен.

Характеристика византийских писателей, несмотря на ее краткость, обычно содержательна: указывается не только время составления того или иного сочинения, но и политические тенденции автора; иногда отмечаются даже особенности его языка. Мнение исследователей хорошо, хотя и сжато, аргументировано в комментарии.

Бесспорно, рецензируемая книга представляет собой ценный свод источников: и по объему материала, и по качеству комментария она выгодно отличается от соответствующего раздела изданного советскими византинистами „Сборника документов по социально-экономической истории Византии“ (М., 1951, стр. 73—102). Однако хотелось бы сделать несколько замечаний частного характера.

Прежде всего, не всегда ясна структура книги; разумеется, отсутствие фрагментов из сочинений Константина Багрянородного в рецензируемом томе не является случайным недосмотром — их, по-видимому,

следует ожидать в очередном томе. И все же трудно понять, почему они не вошли в тот том, где изданы фрагменты современников Порфириогенита — Иосифа Генесия и Продолжателя Феофана. Авторы прекрасно знакомы с византийскими актами, упоминающими славян (они использованы в комментарии, например, на стр. 187 и стр. 189, прим. 6)¹, тем не менее было бы резонно найти именно в этом томе фрагмент лаврской грамоты 897 г., упоминающей славян-другувитов.

Иначе говоря, авторам следовало бы объяснить, чем они руководствовались, издавая в рецензируемом томе часть памятников X в. и оставляя в стороне другие источники X и даже конца IX в.

В некоторых случаях можно было бы несколько расширить комментарий, преимущественно за счет библиографических данных. Например, для характеристики Георгия Монаха следовало бы также указать специальные исследования В. Регеля (*Analecta byzantino-rossica*, St.-Pb. 1891) и С. Шестакова [„О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартола)“]. Казань, 1891]; В. Регель, кстати сказать, дает иную — хотя и не очень убедительную — датировку хроники Георгия. Говоря о Генесии, стоило, пожалуй, упомянуть специальное исследование Ф. Штейнмана „Вопрос о личности автора «Книги царей» Генесия“]. ВВ, XXI, 1914), а также краткую, но существенную заметку А. Грегуара (*Byz.*, VII, 1932, p. 289—290). На стр. 275 и 278 приведены известия Иосифа Генесия и Продолжателя Феофана о полководце Андрее; в этой связи нужно было бы отметить, что рассказ об Андрее, аналогичный повести Генесия, имеется в ватиканской рукописи Продолжателя Георгия Монаха²; может быть, все эти известия восходят к не дошедшей до нас повести об Андрее.

Комментируя Монеувасийскую хронику, авторы собрали и известия разнообразных источников, в том числе и данные топонимики; приведенную в книге аргументацию можно было бы расширить за счет археологического материала. Ведь в других случаях авторы обращаются к археологическим материалам для решения спорных вопросов (см., например, стр. 132, прим. 9).

Такую неполноту можно отметить еще в нескольких местах — однако все эти частные замечания ни в коей мере не могут поколебать высокой оценки рецензируемой книги.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы Институт истории АН СССР организовал издание комментированных византийских источников для истории древней Руси, которое могло бы служить прямым продолжением латышевской „Скифики и Кавказики“.

Р. А. Ивянская

ОБ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последнее время буржуазная историография стран Западной Европы и Америки уделяет довольно значительное внимание проблеме развития политической мысли в феодальной Руси. История общественного созна-

¹ См. также G. Soulis. *On the Slavic Settlement in Hierissos in the Xth Century*. *Byz.*, XXIII, 1954.

² В. М. Истрин. *Книги временные и образные Георгия Мниха*, т. II, Пг., 1922, стр. 19, 10.

ния всегда с особой силой приковывала к себе взоры буржуазных ученых, которые, считая идеи главным двигателем исторического процесса, видят в них не только разгадку судеб народов, но и самый благодарный материал для проведения параллелей между прошлым и современностью, т. е. материал, актуальный политически.

Интерес зарубежных буржуазных историков к идеологическому наследию русского средневековья пробудился давно¹, однако наиболее заметно он стал проявляться в период после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда советская историческая наука, вооруженная марксистско-ленинской теорией, с материалистических позиций занялась изучением истории борьбы политических идей в России, и перед буржуазной историографией встала задача отстоять свою концепцию развития русской политической мысли. Уже в конце 20-х — в 30-х годах XX в. за границей вышло в свет немало работ, посвященных русской средневековой идеологии². В послевоенные годы в буржуазной историографии заметно усилилась разработка данной тематики³. Это обстоятельство нельзя не поставить в связь с успехами советской исторической науки, давшей именно в последнее время наиболее ценные образцы исследования политических идей в феодальной Руси⁴. Отдельные положения, высказанные в нашей литературе, приняты некоторыми буржуазными учеными. Однако целый ряд принципиальных выводов советской историографии вызывает критическое отношение у буржуазных авторов, чьи труды по истории русской политической мысли феодального периода, появляющиеся сейчас в западноевропейских странах и США, проникнуты стремлением пересмотреть и решить основные вопросы этой широкой проблемы строго в рамках старой методологии. Послевоенным работам буржуазных исследователей о русской средневековой идеологии свойственны некоторые общие черты: во-первых, увлечение преимущественно официальными теориями, выработанными в правитель-

¹ См., например, A. Brückner. Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im XVII. Jahrhundert. Leipzig, 1887; L. K. Goetz. Staat und Kirche in Altrussland. Berlin, 1908; M. E. Duchesne. Le Domostroi, ménager russe du XVI-e siècle. Paris, 1910; L. Léger. Un théologien grec de la Renaissance en Moscovie. Journal des savants. Paris, 1916, août, p. 337—346.

² H. Schaefer. Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929; S. Boulgakoff. L'orthodoxie. Paris, 1932; A. Florovski. Le conflit de deux traditions, la latine et la byzantine dans la vie intellectuelle de l'Europe orientale aux XVI-e—XVII-e siècles. Prague, 1937; P. Pascal. Avvacum et le début du raskol. Paris, 1938 и др. Ряд работ появился во время войны: см., например, ценную книгу E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943.

³ См., например, G. P. Fedotov. The Russian Religious Mind, Harvard Univ. Press, 1946; E. Denissoff. Aux origines de l'église russe autocéphale. Revue des études slaves, t. 23, fasc. 1—4. Paris, 1947, p. 66—88; M. de Taube. À propos de „Moscou-troisième Rome“. Russie et chrétienté, № 3—4. Paris, 1948; D. Obolensky. Russia's Byzantine Heritage. Oxford Slavonic Papers, vol. I, 1950, p. 37—63; D. Strémoukhoff. Moscow the Third Rome. Speculum, vol. XXVIII, № 1, Cambridge—Mass., 1953, p. 84—101; T. Špidlík. Joseph de Volokolamsk. Un chapitre de la spiritualité russe. Roma, 1956.

⁴ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945; его же. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. Госполитиздат, 1946; его же. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947; Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. Труды ОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951; А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРА, т. IX. М.—Л., 1953; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955 и др.

ственных и высших церковных кругах Русского феодального государства, невнимание к идеологическим формам протеста народных масс, во-вторых, отрыв идейной борьбы от борьбы классов и от производственных отношений и, наконец, в-третьих, чрезмерная переоценка роли иностранных влияний. Как наиболее яркое воплощение указанных черт, среди этой литературы выделяется изданная в 1952 г. книга Вильяма К. Медлина „Москва и восточный Рим“⁵, представляющая собой в настоящее время одну из последних больших монографий, посвященных истории русской политической мысли средних веков. Книга Медлина характеризует теорию и практику политических взаимоотношений между церковью и государством на Руси в X—начале XVIII в. По сравнению с рядом иностранных статей, в книге слабо использована советская литература⁶, но, несмотря на это, монография вызывает интерес своей постановкой темы и хронологически широким охватом событий. Автор, рассматривая основные памятники, связанные с изучаемой проблемой, изложил свои взгляды в последовательности периодов, на которые им разделена история политических отношений церкви и государства в России до второй четверти XVIII в. Краеугольным камнем сочинения В. Медлина является давно известная, распространенная как в дореволюционной, так и в современной буржуазной историографии мысль об определяющем значении Византии для развития самосознания русского народа. Больше того, по мнению автора, русская история в точности копировала византийские учреждения и формы идеологии (стр. XIV), „... путь, ведущий от Константинополя к Киеву и Москве, отличается скорее большей протяженностью времени и пространства, чем действительной эволюцией политической идеологии“ (стр. 224). Автор ставит перед собой задачу: 1) установить ход и степень „византинизации“ русских политических институтов, 2) выяснить, была ли Московская Русь законченным образцом государства византийского типа (стр. XIV). Для этого предварительно дается очерк истории взаимоотношений между государством и церковью в Византии. Касаясь вопроса о принятии Римской империей христианства в качестве официальной религии в IV в. н. э., автор совершенно игнорирует социальную сторону проблемы. В. Медлин правильно подчеркивает известное соответствие христианского „всемирно-вечного“ идеала стремлению императорского Рима к мировому господству. Однако это ничего не объясняет, так как планы завоевания мирового господства, вынашивавшиеся римскими правящими кругами еще задолго до возникновения христианства, вполне обходились без догматов последнего и развивались не менее интенсивно в период самой острой борьбы императорского правительств с христианами. Победа христианства была обусловлена разложением рабовладельческого строя, сопровождавшимся вырвением феодальных отношений. Языческие „национальные“ боги венчали здание рабства, удовлетворяя, как нельзя лучше, потребность в идеологическом оформлении рабской зависимости. Различие национальной принадлежности рабовладельца и раба, типичное и закономерное в рабовладельческом обществе с его „национальными“ богами, не допускало и речи относительно „равенства“ эксплуататора и эксплуатируемого „перед богом“, т. е. взгляда, который мог быть модифицирован в идею земного равенства людей. Изживание рабства, широкое распро-

⁵ W. K. Medlin. *Moscow and East Rome. A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia.* Geneva, 1952.

⁶ Не использованы, например, книга И. У. Будовница, многочисленные исследования, опубликованные в периодических сборниках.

странение вольноотпущенничества и переход к колонату создали условия, в которых идея свободы, понимаемой практически как освобождение от рабской зависимости, явилась выражением насущных задач, поставленных ходом экономического развития и классовой борьбы. В этой обстановке теория всеобщего „равенства перед богом“ приобретала действенный характер. Расширение римского национального пантеона за счет включения в него „иностраных“ богов и создание в конце концов международного пантеона, знаменовавшие признание за неиталийскими народами равных религиозных прав с римлянами, служили ярким показателем разложения рабства. Следующим шагом от интернационального пантеона богов была „всемирно-вечная“ религия — христианство. Христианство приняла не рабовладельческая, а феодализирующаяся Римская империя. Это явление было вполне закономерным, особенно если учесть, что к IV в. в христианстве победило умеренное крыло, проповедовавшее наряду с равенством всех перед богом покорность насилию (эксплуатации в широком смысле). Идея равенства перед богом неизбежно вела к отрицанию деления человеческого общества на людей и „орудия, наделенные голосом“ (*instrumentum vocale*), т. е. рабства, идея же непротivления открывала простор для всякого другого вида эксплуатации человека человеком. Обе идеи в совокупности появились в связи с формированием феодального способа производства. Другая великая религия, возникшая в период становления феодальных отношений (VII в.), — мусульманство — по своей социальной сущности совпадала с христианством.

Христианская религия занимает центральное место в объяснении В. Медлиным особенностей политического строя Византии, корни которого автор даже не пытается усмотреть в специфических условиях развития феодализма на территории империи. Основной чертой отличия Византийской империи от языческого Рима Медлин считает господствующее положение в ней христианства. Государственная организация Византии представляется Медлину результатом соединения римского политического порядка с христианством. У Рима Византия взяла, по мнению автора, пережиток языческого культа — обожествление светской власти императора. В чем состояло соединение римского порядка с христианством, автор не показывает достаточно четко. Во всяком случае из книги совершенно неясно, отличалась ли существенно по своему характеру власть византийского императора от власти императора римского. Медлин правильно называет Византию теократическим государством, в котором светская власть стояла выше духовной (стр. 24, 30). Автор указывает следующие черты византийской теократии: 1) император признается номинальным главой церкви, обладающим правами церковной юрисдикции, 2) власть императора и сама его особа обожествляются. Однако если ограничиться этими формальными признаками, вся система византийской теократии может быть определена в качестве модифицированной формы политической организации императорского Рима, так как и в Риме император был одновременно верховным жрецом (*pontifex maximus*), а обожествление светской власти императора есть, по признанию Медлина, пережиток римского языческого культа. Медлину свойственно, следовательно, представление о Византийской империи как христианизированной Римской, что объединяет его с А. Грегуаром и Н. Бейнзом, выразителями аналогичных взглядов в современном византиноведении⁷. Подобно явному волюнтаристу Бейнзу,

⁷ О них см. А. П. К а ж д а н. „Последнее слово“ современного буржуазного византиноведения. ВВ., т. V, 1952, стр. 225.

считающему Византийскую империю созданием Константина и других императоров-„сверхчеловеков“, В. Медлин отводит такую же по сути дела „сверхчеловеческую“ роль греческим философам (Евсевию, Диогену) и императорам-философам (Юстиниану I, Льву VI, Константину Порфирородному, Алексею Комнину), на долю которых якобы выпала „задача христианизации римского политического порядка“. Византийский идеал политической системы был выкован, по мнению Медлина, из греческой философии и теологии. Утверждая, что этот идеал принял окончательные формы между VI и X вв., автор не ставит свое наблюдение в связь с процессом формирования феодальных отношений в Византии, протекавшим именно в данный промежуток времени. Исходной точкой характеристики византийского политического строя, содержащейся в книге Медлина, является признание неразрывного союза церкви и государства. Фетишизация религии и церкви приводит Медлина к выводу о невозможности изучения государства „византийского типа“ без одновременного исследования его взаимоотношений с церковью: „связанное с самого „начала“... с церковью, это государство вступает в неразрывный союз с последней, так что по самой своей природе государство византийского типа нельзя анализировать отдельно от его церковных отношений“ (стр. XV). Освещая отношения церкви и государства с крайне идеалистических, клерикальных позиций, автор замалчивает резкие противоречия, существовавшие в Византии между представителями светской и духовной власти. Даже факты, явно свидетельствующие об этом, Медлин интерпретирует в плане своей теории о неразрывном союзе священства и царства. Не находит объяснения в книге Медлина иконоборческая политика Исаврийской династии. Автор лишь в сноске отмечает, что монастыри не поддерживали императора. Медлин не ограничивается, однако, признанием „неразрывного союза“ государства и церкви в Византийской империи. По его мнению, византийское государство „служило церкви и выполняло божественную волю“, хотя светская власть и оставалась высшей (стр. 24). Этим реакционным выводом венчается изложенная в книге Медлина идеалистическая концепция византийской теократии.

В государстве, осуществлявшем „божественную волю“, автор, конечно, не мог усмотреть никаких классовых конфликтов, в его сочинении и речи нет о классах и классовой борьбе. Наоборот, Медлин особенно подчеркивает тесное единение византийских подданных, без различия в их социальном положении, с „церковью-государством“: „В Константинополе граждане чувствовали такое единство и неотделимость от своей церкви, что никто из них не мог представить себя имперским подданным без одновременного отождествления себя с телом церкви“ (стр. 45, ср. стр. 70). Это утверждение противоречит многочисленным фактам из истории Византии. Характерно, например, высказывание императора Михаила Пьяницы (IX в.): „Мой патриарх — это Феофил, кесарев — Фотий, а у народа патриарх Игнатий“⁸. Даже в периоды царствования идеальных, с точки зрения современной буржуазной историографии, императоров типа Василия I Македонянина или Льва VI, не было, во-первых, никакого неразрывного единства государства и церкви, с одной стороны, и народа, с другой. Василий I вел, как известно, ожесточенную борьбу с павликианским народным движением. Вообще вся история Византии VII—XI вв. пестрит известиями о народных восстаниях. Не

⁸ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, первая половина. Л., 1927, стр. 349.

существовало, во-вторых, полного соответствия между подданством государству и „отождествлением себя с телом церкви“. Ф. Энгельс в одной из своих ранних работ указывал: „...последовательный католик не может быть полезным гражданином. Это положение, подтверждаемое всей историей средних веков, действительно не только для протестантского, но и для всякого государства вообще. Кто все свое бытие, всю свою жизнь рассматривает как преддверие неба, не может относиться к земным делам с тем интересом, которого государство требует от своих граждан“⁹.

Медлин считает официальную идеологию византийской церкви и государства чем-то застывшим, не подверженным дальнейшей эволюции в связи с ходом исторического процесса. По словам автора, еще в конце XIV в. „формулы императоров IX в. Василия и Льва VI оставались действующей (living) конституцией Византии“ (стр. 69). Признавая политическую философию греческой церкви „внутренне завершенной“ (стр. 226), Медлин фактически снимает вопрос о возможности развития и существенного изменения ее русскими политическими теоретиками. Для него вопрос стоит только о заимствовании или перенесении на русскую почву „идеологических форм Восточного Рима“. Исходный момент движения России по пути византийской теократии Медлин видит в факте принятия Древнерусским государством христианства в X в. При этом он не хочет замечать внутренних, объективных предпосылок крещения Руси. Словами о „политически девственной почве России“ до ее крещения (стр. XIV) отрицается наличие государственности на Руси в IX—X вв. Медлина интересует только то, почему Русь приняла христианство из рук Византии, а не какой-либо западной державы. Объяснение этого обстоятельства он усматривает в существовании между Византией и Русью тесных торговых связей, благодаря которым среди русских оказалось много приверженцев византийской культуры (стр. 39). Таким образом, крещение Руси изображается как акт простого заимствования более высокой заграничной культуры. Между тем оно было явлением, подготовленным к X в. всем ходом общественного и политического развития Киевской Руси. Складывание феодальной формации постепенно подготовило принятие „всемирно-вечной“ религии. Русское язычество прошло сложный путь от обожествления природы и культа родовых богов до создания международного пантеона, куда были включены финские, восточные, среднеазиатские боги¹⁰. Существование этого пантеона при Владимире I служит неопровержимым доказательством в пользу того, что принятие Русью христианства в X в. должно рассматриваться в качестве вполне закономерного, внутренне обусловленного факта, знаменовавшего важный шаг в идеологическом освящении феодального экономического и политического строя. Вообще христианство, так же как и мусульманство, более или менее безболезненно прививалось лишь там, где для этого были экономически благоприятные условия. Характерно, что Золотая Орда приняла мусульманство только в период ее феодализации, в XIV в., при хане Узбеке.

Начисто зачеркивая всю историю Древнерусского государства до крещения¹¹, Медлин вводит специальное понятие „христианского госу-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, изд. 2-е, стр. 490.

¹⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Госполитиздат, 1953, стр. 386—388.

¹¹ В буржуазной историографии сейчас делаются попытки отрицать теорию Б. Д. Грекова о существовании древнейших (с VI в.) государственных объединений у славян (см. А. Vucinich. The First Russian State: an Appraisal of the Soviet Theory. Speculum, 1953, № 2).

дарственного строя“, который якобы стал создаваться в России непосредственно по византийскому „рецепту“. Согласно Медлину, Византия играла роль ментора в отношении России, византийская культура дала ранним русским княжествам „готовый образец политической и идеологической (?) концепции“ (стр. XIII—XIV). Отыскание этих „идеологических и политических форм Восточного Рима“ в России на разных этапах ее развития и составляет главную задачу автора. Медлин не сумел, однако, выяснить степень византийского влияния и определить причины и характер переработки русским господствующим классом отдельных сторон византийской идеологии. Он не видит никакого различия в происхождении институтов и идей, внутренне необходимых, вызванных условиями русского общественно-политического строя, и некоторых внешних обрядов и формул, действительно заимствованных из Византии. Автор хочет доказать иностранные корни как тех, так и других. Еще одной важной особенностью сравнительных этюдов Медлина является оценка им византийского влияния как безусловного блага для всех слоев русского общества. Особенно много внимания уделяет Медлин результатам крещения Руси. Если с автором можно согласиться в том, что принятие христианства способствовало в известной мере укреплению идеологических связей с православными славянскими народами и всем православным „миром“ в целом, то его характеристика других сторон влияния христианства вызывает серьезные возражения. В представлении Медлина христианство не только послужило фундаментом для создания „христианского государства“, но и сообщило русскому народу „национальное религиозное чувство“, „национальное самосознание“, „национальный критерий“ (стр. 45—46). Непонятно, однако, каким образом распространенная в ряде стран религия могла стать „национальным критерием“ одного народа, оставаясь, очевидно, в то же время „национальным критерием“ некоторых других народов. Кроме того, довольно странно слышать о „национальном критерии“, привитом народу из-за границы. Религиозные представления были, конечно, неотъемлемой частью народного мировоззрения в средние века, но не они воплощали „национальный критерий“. Самое понятие „национального критерия“ автор истолковывает в духе своей концепции взаимоотношений между государем и подданными в государстве „византийского типа“. Принятием христианства, указывает Медлин, киевский князь приобрел в глазах общества искони присущую православному монарху функцию блюстителя и защитника веры, а греческое духовенство распространило на Руси израильскую идею божественного назначения князя, также входившую в состав официальных догм константинопольской церкви; с другой стороны, христианство дало народу византийское чувство религиозного единства или целостности, неотделимости от государства и церкви, которое выражалось в подданстве всех членов общества „батюшке-князю“ (father-prince), принесшему и сохранившему для них „благословения истинной веры“. Идиллическое верноподданство русского народа своему князю — таков, по Медлину, заимствованный русскими из Византии „национальный критерий“. Следовательно, акт крещения Руси, преследовавший в первую очередь задачи резкого усиления духовного и политического закабаления народа раннефеодальным государством и феодальными сеньорами, получает у Медлина превратное толкование и предстает в виде благотворительной миссии византийского духовенства. Автор не может, однако, более или менее убедительно подтвердить фактами свое положение об установлении верноподданства и покорности народных масс правящей верхушке. В книге Медлина обходятся молча-

нием народные восстания под предводительством волхвов. Между тем эти восстания — удивительное по яркости проявление единства формы народного движения с его содержанием. Антифеодалное существо движения прикрывалось лозунгами дофеодалной, враждебной христианству религии.

Очень абстрактно, в плане христианской морали трактует автор проблемы влияния христианства на практику преследования государством нарушителей закона. Игнорируя социальную природу княжеской власти, Медлин приписывает самую идею наказания преступников греческому духовенству, которое якобы и уговорило Владимира I „обнажить меч правды против беззакония“ (стр. 48). При этом остается совершенно невыясненной классовая направленность борьбы с противниками существовавшего порядка и классовое лицо последних. Согласно Медлину, из теории божественного происхождения княжеской власти духовенством был сделан вывод о том, что наказание преступников есть выполнение не личной воли князя, а воли бога. Этот вывод церковников автор считает особенно полезным и важным. Переосмысление в плане христианской морали всей мотивировки в пользу действия государства против нарушителей закона кажется Медлину „первым шагом по пути создания христианского государства“. Таким образом, греческому духовенству Медлин отводит благодетельную роль творца русского государственного строя.

В своей попытке доказать функционирование византийских политических институтов и идей в „домосковской Руси“ Медлин, характеризуя эпоху феодальной раздробленности, оперирует фактами, относящимися главным образом к периоду единого Киевского государства и ко времени расцвета Ростово-Суздальской земли в XII в., т. е. почти совершенно опускает материал, касающийся непосредственно „раздробленности“. Культурная и политическая история „домосковской Руси“ представлена им в виде сплошного повторения Россией византийских образцов. Правда, автор иногда делает оговорку, что раздробленность нарушила „нормальное развитие теории государства“, однако ни о каких отклонениях от „нормы“ в книге и речи нет. Рассмотрение новых политических учреждений и идей в качестве более или менее верных копий ранее существовавших институтов проводится Медлиным при полном игнорировании изменений в производственных отношениях. Так, происхождение феодальной раздробленности автор объясняет отсутствием закона о престолонаследии (стр. 45). Византийские формы государственного строя на Руси эпохи уделов Медлин обнаруживает прежде всего в сохранении заимствованного из Византии „чувства целостности“ или подданства князю и идеи божественного избрания князя, хотя при обилии суверенных князей никакого, даже формального сходства раздробленной Руси с „византийским идеалом“ быть не могло. Согласно Медлину, политическая философия не изменилась, а была лишь несколько стеснена обстановкой феодальной раздробленности; достаточно было появиться князьям с централизаторскими тенденциями (Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому), чтобы эта идеология нашла себе применение. „Схема централизованного православного русского государства... лежала в зародыше в уме духовенства и князей Северо-Восточной Руси“, — утверждает автор (стр. 61). На наш взгляд, политика владимиросуздальских князей XII в. (Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского) отнюдь не должна считаться прологом централизаторской политики московских князей XIV—XVI вв. Скорее ее следует отнести к числу тех последних попыток воссоздания единого государства, которые, как

показывает деятельность Владимира Мономаха, могли иметь место в условиях начала феодальной раздробленности. Еще менее удалось Медлину доказать сохранение византийской схемы взаимоотношений между церковью и государством. Если вслед за автором признать ядром византийской концепции „догматическое единство“ двух идей — всемирной церкви и всемирного государства, — то трудно будет обнаружить сохранение этой концепции в период феодальной раздробленности на Руси. Русская церковь находилась в сложном положении: зависимая от князя, она, к тому же, формально подчинялась византийской церкви, номинальным главой которой являлся, согласно Медлину, император. Таким образом, разбирая вопрос даже с чисто внешней его стороны, приходится отказаться от механического перенесения характеристики византийской „церкви-государства“ на русские институты. Противоречия между государством и церковью (например, между Андреем Боголюбским и Кириллом) не мешают Медлину говорить о тесном союзе священства и светской власти, взаимоотношения которых во Владимиро-Суздальской Руси были, по мнению автора, такими же, как в Византии (стр. 226).

Особенно идеализирует Медлин роль духовенства в период феодальной раздробленности, изображая его главным поборником территориальной и „национальной“ целостности. Только духовенство, считает автор, сохраняло для будущего чувство „национального единства“ (стр. 47). У духовенства якобы имелась концепция государства и нации более зрелая, чем любая концепция, выработанная князьями. Согласно Медлину, именно духовенство возглавляло централизаторскую политику князей: „Стремление церковников к религиозно-политическому единству было... основным фактором в политике северо-восточных князей“ (стр. 59). Проповеди духовенства, по мнению автора, служили серьезным препятствием на пути дробления светской власти. Медлин показывает роль духовенства только в урегулировании междукняжеских конфликтов, поддержка же местным духовенством сепаратистских тенденций удельных князей выпадает из поля зрения автора. Вообще объективный процесс феодальной раздробленности оказывается у Медлина совершенно лишенным идеологического оформления. Автор всячески подчеркивает руководящее значение церкви, он возводит ее представителей в сан воспитателей князей (Владимира Мономаха и др.), для которых прелат был „главным источником идей о происхождении и учреждении светской власти“. Борьбу духовенства против народных движений (например, восстания в Новгороде 1127—1128 гг.) Медлин представляет в виде исключительно благотворной миссии церкви, заботливо охранявшей „гражданский порядок“ (civil order). Духовенство якобы смягчало нравы, „показывало, что власть покоится не на грубой силе, а на принципах публичного права и христианской морали“ (стр. 47).

Все идеи, питающие русскую политическую философию периода феодальной раздробленности, кажутся автору безусловно византийского происхождения. Основой русской теологии он считает сочинения крупного представителя ранневизантийской церкви Иоанна Хрисостома (стр. 50, прим. 5). Пытаясь доказать простое заимствование русскими теоретиками взглядов Хрисостома и некоторых других византийских писателей, Медлин не ставит вопроса о переработке старых формул применительно к новой обстановке, памятники русской политической мысли он разбирает вне связи с конкретными обстоятельствами их создания и в каждом из них видит повторение одних и тех же концепций. Читатель невольно недоумевает, почему русские с одинаковой

охотой переводили и распространяли произведения Хрисостома, призывавшего мириться с правлением дурного монарха, посылаемого богом в наказание за грехи подданных, и сочинения Георгия Амартола и Василия Святого, резко клеймивших „неправого“ князя. Все это не объяснено у Медлина, эклектически соединившего в единое „целое“ различные направления русской политической идеологии.

Перейдя к рассмотрению развития политической мысли непосредственно в Московском княжестве, Медлин попрежнему игнорирует социально-экономические процессы, в которых следует искать истоки идейных течений. Его характеристика внутренних особенностей Северо-Восточной Руси стоит на уровне русской буржуазной историографии середины XIX в. Постепенная смена родового (семейного) права вотчинным, рост договорных элементов права — таковы, по Медлину, главные тенденции „в политической эволюции северо-восточной государственной системы“ (стр. 62). Перенесение центра митрополии в Москву при митрополите Петре и дальнейшие политические события дают автору обильный материал для рассуждений о неразрывном союзе светской и духовной власти. Митрополит Петр предсказал победу Москвы над ее врагами и якобы провозгласил „нераздельность двух главенств, установленных в Москве, — светского и духовного“. Все последующие отношения между московскими князьями и митрополитами определялись, по мнению автора, „этим предсказанием и памятью о первом митрополите московском“ (стр. 64). Смазывание противоречий, разъедавших союз церкви и государства, в известной степени объясняется некритическим отношением автора к источникам и, в частности, к летописям. М. Д. Приселков справедливо указывал: „Московская летописная традиция всегда затушевывала подобного рода события, что приводило некоторых исследователей к убеждению о якобы неизменно дружной работе церковной и княжеской власти в пору возвышения Московского княжества“¹².

К полному воплощению „византийских форм“ Медлин подводит Россию через так называемое второе югославянское (болгарское) и нововизантийское влияния конца XIV—XV в., обходя молчанием изменения в русских социально-политических условиях. Литература „бессознательно“ (?) готовила Москву „к новым политическим возможностям“, — говорит автор (стр. 67). Не устанавливает Медлин внутренние причины такого явного „отклонения“ от теории византийской теократии, как распространение в XIV—XV вв. мысли о превосходстве духовной власти над светской (стр. 72—74). Между тем оно понятно в свете столкновений интересов церкви и государства на почве церковно-монастырского землевладения и иммунитета.

Быстрый рост престижа Московского княжества во второй половине XV в. Медлин объясняет главным образом внешнеполитическими событиями: Флорентийской унией 1439 г., падением Византии в 1453 г. и ликвидацией татарского ига в 1480 г. (стр. 74—76). Из „московских традиций“ он отмечает „абсолютную“, „неограниченную личную власть“ московских государей „над общественной жизнью и собственностью“, определявшуюся якобы тем, что „целая политическая сущность представляла собой единое родовое имение (отчину) Московского самодержца“ (стр. 226, ср. стр. 65). Эта абсолютная власть ограничивалась, по мнению автора, только церковными канонами и церковно-монастырскими

¹² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 7.

иммунитетными привилегиями (стр. 121—124). Медлин явно преувеличивает степень „абсолютизма“ московского князя в конце XV—начале XVI в., он совершенно сбрасывает со счета светскую земельную аристократию, чьи обширные владения отнюдь не составляли „родового имени московского самодержца“, где последний имел бы „полную власть над людьми и собственностью“. Важным показателем окончательного приближения России к византийскому образцу Медлин считает установление Иваном III института соправления, являвшегося „конституционным принципом Византийской империи“. Автор утверждает, что коронация Дмитрия-внука в 1498 г. „отражает некоторое влияние великой княгини Софьи, которая провозглашала традиции Восточного Рима при московском дворе“ (стр. 79). Стремление повсюду видеть византийское влияние привело Медлина в данном случае к явному абсурду, ибо Софья добивалась прав на престол для своего сына Василия и могла только противодействовать коронации Дмитрия-внука. Кроме того, вряд ли акт коронации 1498 г. следует всерьез расценивать как переход от принципа наследственности к принципу „монаршьего назначения“ (стр. 79). Это был исключительный случай, обусловленный сложными перипетиями политической борьбы того времени, хотя, конечно, он хорошо иллюстрирует возросшее значение власти московского государя. Обращая основное внимание на моменты второстепенного порядка, Медлин чрезвычайно мало говорит о преодолении процесса феодальной раздробленности, которое послужило главной причиной рождения теократического царства и теории „Москва — третий Рим“. Между тем зависимость развития идеологии от хода централизации прослеживается вполне конкретно. Советскими историками установлено, например, что титул великого князя „всех Русь“ Иван III принял после такого важного централизаторского мероприятия, как присоединение Твери в 1485 г.¹³

Выработку более или менее законченной идеи теократического государства Медлин справедливо связывает с деятельностью осифлянского духовенства. В буржуазной историографии издавна повелось модернизаторски оценивать нестяжателей и осифлян. Так, еще В. Жмакин называл осифлян „консервативной“ партией, а нестяжателей — „критической“, „нравственно-либеральной“¹⁴. У Медлина терминология несколько иная. Осифлян он именует „националистами“, нестяжателей — „консерваторами“ (стр. 80—81). „Национализм“ Иосифа Волоцкого и его сторонников выразился, по мнению Медлина, в окончательной „национализации“ византийского религиозно-политического идеала, которая состояла, согласно автору, в полной замене „русских форм и традиций подлинными греко-византийскими формами и традициями“ (стр. 90—91). Таким образом, Медлин считает, что Иосиф Волоцкий строго придерживался визан-

¹³ Очерки истории СССР, период феодализма, конец XV—начало XVII в., М., 1955, стр. 101. В письменных памятниках конца XV—начала XVI в. начинает замалчиваться то обстоятельство, что сами тверские князья носили титул „великих князей“. Например, в составленном, очевидно, в 1534 г. перечне неподтвержденных жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю московские великокняжеские грамоты называются грамотами „великого князя“ или „великой княгини“, удельно-княжеские грамоты обозначаются просто словами „жалованная грамота“ и „грамота“ (ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 5—9). Грамоты тверских князей оказались в числе последних, т. е. были причислены к разряду удельно-княжеских грамот (см. там же, л. 7: „Жалованная на мыт водяным путем до устья до Шехоньского“. Ср. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. 1, М., 1952, № 294; „Грамота о пошлинах на усть Дубны на водяной путь до Прилука“; Ср. Акты... № 303).

¹⁴ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 107.

тийской схемы. Примерно то же имели в виду дореволюционные буржуазные авторы, называя Иосифа Волоцкого „консерваторм“. Значит термином „националисты“ Медлин не определил осифлян с какой-либо принципиально новой точки зрения. Трактовка идеологии нестяжателей также не отличается у Медлина оригинальностью. Подобно некоторым русским буржуазным историкам, автор отыскивает источники нестяжательских идей в уставах византийских монашеских корпораций на Афоне и в других местах, откуда русские почерпнули „классические церковные традиции“ (стр. 82)¹⁵. Гораздо правильнее было бы признать внутреннюю самостоятельность концепций осифлян и нестяжателей, после чего выяснить конкретное использование теми и другими переводных сочинений. Еще А. П. Кадлубовский, касаясь этого вопроса, верно заметил: „Очевидно, один византийский писатель мог служить различными отдельными своими мыслями и рассуждениями целям представителей различных русских партий“¹⁶. Данная Медлиным характеристика нестяжателей („консерваторов“) совершенно не учитывает социальные корни этого течения. Идеализируя нестяжательскую теорию полного отречения от мира, автор видит в нестяжателях „нечестолобивых монахов“, отрицавших необходимость наличия у духовенства какой-либо социальной программы. Между тем, как известно, нестяжатели имели вполне определенные взгляды на монастырскую собственность, на взаимоотношения между светской и духовной властью и др. Нестяжательское требование секуляризации церковно-монастырских вотчин Медлин выводит из идеи отречения от земных благ. Он только констатирует, но не объясняет то обстоятельство, что указанное требование совпадало с политическими установками влиятельных кругов боярства (стр. 86). Медлин не считает нестяжателей выразителями боярской программы. Поэтому их секуляризационные лозунги и проповедь аскезизма интерпретируются автором в чисто религиозном аспекте. Аскетическая программа нестяжателей являлась в действительности тонким орудием борьбы боярства против неуклонно возрастающей власти московского государя, так как, если исходить из глубокой мысли Энгельса, воспитание последовательных верующих было одновременно воспитанием плохих граждан, а практически сводилось к оправданию боярского своеволия и к лишению светского правительства церковной поддержки. Автор явно недооценивает силу нестяжателей. Вассиан Патрикеев представлял, по его мнению, „то, что было жалким меньшинством“ (стр. 96). Совсем не освещены связи нестяжателей с правительством в первые годы княжения Василия III.

Характеристика осифлян отличается у Медлина несколько большей полнотой, однако и в ней нельзя не заметить ряда недомолвок и неясностей. Непонятно, во-первых, когда и почему Иосиф Волоцкий отказался от своей мысли о преобладании священства над царством и стал развивать теократическую теорию царской власти¹⁷. Во-вторых, вряд ли можно считать собор 1503 г. рубежом, после которого сгладились противоречия между осифлянами и правительством. В преследовании

¹⁵ Ср. А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, стр. 139; его же. К изучению древнерусской литературы. СПб., 1888, стр. 137—138.

¹⁶ Арс. Кадлубовский. Очерки по древнерусской литературе житий святых. Варшава, 1902, стр. 368.

¹⁷ Ответ на эти вопросы дан в советской исторической литературе. См. А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРА, т. IX. М.—Л., 1953.

Иваном III еретиков Медлин видит непосредственный результат победы осифлян на соборе 1503 г. и отнюдь не ставит это преследование в связь с классовыми задачами великокняжеского правительства. Реформационно-еретическое движение конца XV—начала XVI в. не окрашено в представлении Медлина никакими социальными тонами. „Эти еретики, — поясняет автор, — отрицали важные элементы греческой православной веры, включая почитание икон, и склонялись к вере в астрологию как к ведущему принципу“ (стр. 84). В книге не проводится разграничения между плебейским движением и использованием его лозунгов оппозиционным боярством.

Провозглашенный осифлянами теократический идеал, по Медлину, ничем не отличался от схемы византийской теократии: самодержец являлся защитником веры, он символизировал „религиозную и политическую целостность всей русской нации“, гарантировал благосостояние своих подданных и т. д. (стр. 91). Таким образом, если Византийскую империю автор рассматривал как христианизированную Римскую, то теперь в роли последней у него выступает Русское централизованное государство. Теорию „Москва — третий Рим“ автор объясняет привнесением в Россию вселенского (universal) „религиозного чувства“ византийской системы (стр. 93).

Взгляды Медлина мало отличаются от господствующих в современной буржуазной историографии мнений об этой теории, на которую сейчас обращено особо пристальное внимание. Большинство авторов не связывает ее происхождение с внутренней задачей завершения централизации Русского феодального государства и подавления резко усилившейся классовой борьбы. И. Денисов объясняет возникновение теории третьего Рима главным образом психологически: в глазах русских людей XV и XVI вв. „было необходимо историческое и провиденциального порядка, чтобы третий Рим последовал за вторым и увековечил первый“¹⁸. Д. Стремоухов вообще не видит сколько-нибудь отчетливой связи теории „Москва — третий Рим“ с практическими задачами московского правительства¹⁹. К. Туманов рассматривает идею третьего Рима в плане „теории“ мистического третьего, согласно которой „третья единица реального или ложного ряда является чем-то эстетически удовлетворяющим и диалектически законченным и имеющим, к тому же, примесь религиозного символизма“²⁰. Политическая реакция положений Туманова станет вполне очевидной, если учесть, что к числу „законченных третьих“ он относит „третью империю“ Гитлера²¹. Теорию третьего Рима Туманов считает „сотканной из византийских ниток“; ее назначение — утвердить независимость России от Константинополя, привести в соответствие с историческими событиями некоторые традиции, которые Константинополь передал русским, и, наконец, служить „болеутоляющим средством“ против „унижения“ России в прошлом²². Игнорирование внутренних задач, стоявших перед авторами теории „Москва — третий Рим“ в начале XVI в., приводит к методологически неоправданным попыткам рассматривать всю дальнейшую

¹⁸ É. Denissoff. Aux origines de l'église russe autocéphale.— *Revue des études slaves*, t. 23, fasc. 1—4. Paris, 1947, p. 67.

¹⁹ D. Stremoukhoff. *Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine*. Speculum, XXVIII, № 1, 1953, January, p. 90.

²⁰ C. Toumanoff. *Moscow the Third Rome: Genesis and Significance of a Politico-religious Idea*. *The Catholic Historical Review*, vol. XL, 1955, January, p. 412.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

историю России в свете этой теории. И. Денисов считает, что теория третьего Рима — „это ключ, который позволяет понять жизнь русского народа в течение нескольких столетий его истории“²³. По мнению К. Туманова, в конце XVI—XVII в. и позднее „третье-ромизм („Third-Romism“) продолжал формировать мировоззрение (Weltanschauung) москвитов“²⁴.

Такой отрыв теории третьего Рима от внутреннего положения России конца XV—начала XVI в. способствует появлению всяческих фальсификаций. Доказать „агрессивность“ России в отношении Турции в XVI в. не представляется возможным без прямого фальсифицирования истории. Буржуазные авторы вынуждены отрицать официальный характер „третье-ромизма“ именно вследствие явного отсутствия у России в XVI в. планов отвоения византийского наследства²⁵. Даже Д. Оболенский, считающий идею третьего Рима официальной теорией, связанной с ростом „религиозного национализма“²⁶, признает, что царизм не сделал из нее практических выводов²⁷. Но при такой трактовке теории третьего Рима самое существо ее представляется агрессивным, ибо каким же другим могло оно быть, если практический вывод из него должен был свестись к завоеванию Византии. Д. Стрёмоухов единственный более или менее твердо отрицает „агрессивность“ этой теории, которая, по его мнению, являлась „имперской“ (imperial), но не „империалистической“ (imperialistic)²⁸. Однако и он своим отрывом теории „Москва — третий Рим“ от конкретно-исторической обстановки начала XVI в. открывает лазейку для всякого рода произвольных ее толкований. Рассмотрение теории третьего Рима как постоянного (с конца XV в.) „мировоззрения москвитов“ — „теоретическая“ основа беспочвенных рассуждений К. Туманова. Считая внутренним противоречием „третье-ромизма“ соединение в нем древнеиудейского „мессианизма“ и вавилонского „империализма“, Туманов видит в указанном противоречии „диалектику агрессии“, которая якобы характеризует отношение России к „загранице“²⁹. Петр I, по мнению автора, ничего не изменил в этой теории, дав ей только светскую формулировку. Проявление идеи третьего Рима Туманов усматривает во всей внешней политике России и в том числе в „панславизме“. Прибегая к фальсификации, он не стесняется утверждать, что и в Советском Союзе жива агрессивная „традиция“ теории „третье-ромизма“³⁰. При вполне конкретном подходе к анализу идеи „Москва — третий Рим“ выясняются прежде всего ее внутривнутриполитические и, в частности, классовые корни. Это была неофициальная программа укрепления централизованного феодального государства. Объявление московского государя главой православного мира, освящение института великокняжеской власти преследовало в первую очередь цели борьбы с удельно-княжеским и боярским сепаратизмом, а также с народным движением.

Характеристика теории „Москва — третий Рим“ в книге Медлина связана с исследованием судьбы осифлянской концепции, так как автор

²³ É. Denisoff. Op. cit., p. 71.

²⁴ С. Туманов. Op. cit., p. 444. См. его же рецензию на книгу В. К. Медлина in The Journal of Modern History, vol. XXV, № 4, 1953, December, p. 419—420.

²⁵ Ibid., p. 442.

²⁶ D. Obolensky. Russia's Byzantine Heritage. Oxford Slavonic Papers. vol. I, 1950, p. 39—40.

²⁷ Ibid., p. 46.

²⁸ D. Strémoukhoff. Moscow the Third Rome..., p. 101, note 96.

²⁹ С. Туманов. Op. cit., p. 447.

³⁰ Ibid., p. 446—447.

считает идею третьего Рима составной частью теократической схемы осифлян. По мнению Медлина, актом венчания Ивана IV на царство в 1547 г. осифлянская доктрина была „включена в законы Русского государства“ и стала его юридической основой в такой же мере, как и религиозно-политической (стр. 101). Не приходится говорить, что государство могло использовать лишь отдельные элементы теории осифлян и не включало всю их доктрину в свои законы. Автор совершенно игнорирует острые противоречия между правительством и осифлянами по вопросам феодального землевладения и иммунитета. XVI век, за исключением периода опричины, о котором почти ничего не сказано, изображается в книге как время „неразрывного союза“ осифлянской церкви и государства. Иван Грозный в первый период своего царствования якобы „полностью соглашался“ с осифлянской программой (стр. 227).

Медлин обходит молчанием важнейшие мероприятия царского правительства, направленные против монастырей и церкви: указ 1550 г. о слободах, майское постановление 1551 г. об ограничении землевладения духовных вотчинников, постановление Судебника 1550 г. об отмене тарханов, отмену тарханов в 1584 г. и др.

Тот же неразрывный союз церкви и государства наблюдает Медлин в годы крестьянской войны и польско-шведской интервенции, при этом он отводит церкви роль спасительницы русского народа. В действиях церкви, направленных против народного движения, автор видит благородное желание сохранить „духовную целостность нации“. „Смуту“ (the Time of Troubles) Медлин сводит к борьбе за православного монарха, на почве которой якобы возникло „единство всех социальных элементов нации“ (стр. 130). В период после „смуты“, по мнению Медлина, была восстановлена осифлянская теократическая система. Избрание Михаила земским собором позволяет автору утверждать, что расстояние между народом и царем в XVII в. сократилось, хотя, как известно, в действительности дело обстояло иначе. Всячески идеализирует Медлин царя Алексея Михайловича, его царствование он считает образцом правления византийского типа (стр. 148). Происхождение реформы Никона автор объясняет убеждением Алексея Михайловича и Никона в том, что „проявление власти светского правительства над церковными интересами (в отношении землевладения, вотчинной и церковной юрисдикции. — С. К.) нарушает основные уставы православной церкви, установленные апостолами, отцами церкви, соборами и канонами“ (стр. 228). Между тем резкое усиление церкви при Никоне во второй половине XVII в. было ярко выраженной попыткой найти более эффективные идеологические и политические средства борьбы против разросшегося в это время народного движения. Падение „свободы“ церкви при Петре I Медлин рассматривает в плане использования Петром осифлянской доктрины господства светской власти над духовной. Автор не связывает изменения в отношениях между церковью и государством с социально-экономическими сдвигами. Идеи Петра он выводит из нового, „западного течения греко-римской цивилизации“, получившего распространение еще при Алексее Михайловиче.

Итак, книга Медлина является образцом идеалистического решения проблем истории русской религиозно-политической мысли. Русские феодальные церковь и государство представлены в ней в виде надклассовых сил, которые в своем стремлении ко всеобщему благу копировали — в один период более, в другой менее точно — идеальную „модель“ православной христианской монархии — Византию.

Что касается источниковедческой базы труда Медлина, то она не обогащена какими-либо новыми источниками. Автор игнорировал советские публикации. Из византийских памятников в центре внимания автора — кодекс Юстиниана, Эпаналога и поучение императора Василия Македонянина сыну Льву.

Особое значение придается Эпаналогу, духом которой, по мнению автора, проникнуты действия ряда русских царей, например, Ивана Грозного в 1551 г. Абстрагируясь от всех споров, ведшихся в литературе по поводу Эпаналога, автор рассматривает ее как „проект конституции“ Византии. Не использованы Прохирон и Эклога, а также опубликованные в середине XIX в. Тафелем и Томасом договоры Византии с Венецией, дающие представление о титулатуре императоров. Перейдя к русской истории, Медлин ссылается на летописи, Изборники 1073 и 1076 гг., отдельные литературные произведения, жалованные грамоты, акты венчания царей, Стоглав, Соборное Уложение 1649 г. и др. Многие источники выпали из поля зрения автора, например, „Сказание о князях владимирских“ — важнейший памятник русской официальной идеологии. Ибогая главными сторонниками централизации церковных иерархов, Медлин обходит молчанием сочинения Пересветова, где также излагалась централизаторская программа. Автор по существу не анализирует источники, а только берет из них отдельные нужные ему факты. Медлин не сравнивает разные редакции летописей, неправильно характеризует Стоглав, считая, что в нем отразилось в наибольшей степени преобладание идеи светской власти над духовной. Между тем в Стоглаве впервые в XVI в. была закреплена подсудность митрополиту настоятелей монастырей в светских делах, за которые они до этого отвечали перед великим князем.

Приемы изучения автором источников можно проследить на примере использования в книге Медлина жалованных грамот. Исходя из факта победы осифлян над нестяжателями в 1503—1504 гг. и не сопоставляя жалованные грамоты митрополичьему дому 1504 г. с предыдущими, Медлин ошибочно полагает, что в мартовских актах 1504 г.³¹ „великий князь предоставил высшему духовенству еще бóльшие материальные преимущества: он освободил от своей судебной власти и налогообложения всех крестьян и других лиц, населяющих митрополичьи земли в районах Москвы и Владимира“ (стр. 85—86). Однако грамота 1504 г., относящаяся к Владимирскому уезду, фиксировала не бóльшие, а меньшие привилегии, по сравнению с прежними грамотами на те же места³². Кроме того, вопреки утверждению Медлина, в грамотах 1504 г., во-первых, ни слова не сказано об отмене налогов и, во-вторых, митрополичьи крестьяне совсем не полностью изъяты из великокняжеской юрисдикции. Автор часто оказывается не в курсе дореволюционной русской и советской историографии. Он относит, например, к числу невыясненных проблем вопрос о том,

³¹ Ему известны только два из них, опубликованные в 1836 г. в т. I Актов Археологической экспедиции и относящиеся к Владимирскому и Московскому уездам (см. ААЭ, т. I, № 13 9/1, II).

³² Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. I. М., 1951, № 224. Ср. № 173, 193, 210; очевидно, то же можно сказать и про грамоту на московские вотчины; однако дело в том, что более ранние московские грамоты погибли, и грамоту 1504 г. не с чем сравнить, за исключением щедрой тарханной грамоты 1465 г. на другие владения Московского уезда (там же, № 71). По грамотам остальных уездов прослеживается сокращение старых привилегий, как и во владимирской грамоте (там же, № 134; ср. № 123; см. №№ 145, 150, 151, 277, 284, 311). Некоторые другие ошибки Медлина отмечены К. Тумановым (The Journal of Modern History, vol. XXV, № 4, 1953, December, p. 420).

было ли между VI и X вв. помазание византийских императоров мирром, хотя еще Ф. Успенский отмечал существование института помазания мирром со времен Маркиана (V в.)³³. Невыясненными он считает и причины сопротивления монастырей императорам, в то время как в советском византиноведении этот факт находит вполне четкое объяснение и связывается с процессом феодализации и борьбы императоров за землю для наделения ею военных вассалов.

Советские историки с интересом следят за разработкой проблем русской истории в зарубежной литературе, они приветствуют любой опыт объективного, научного решения неисследованных и мало исследованных вопросов взаимоотношений Византии и Руси. Вместе с тем нельзя не встретить принципиальной критикой попытки идеалистической, неверной трактовки исторического прошлого России.

С. М. Каштанов

THE FALL OF CONSTANTINOPLE

SCHOOL OF ORIENTAL AND AFRICAN STUDIES

University of London, 1955

Рецензируемая работа представляет собой сборник, состоящий из пяти статей-докладов, прочитанных в Лондонском университете на конференции Института по изучению Востока и Африки. Все пять статей посвящены взятию Константинополя турками и приурочены к 500-летию этого события.

В статьях говорится об общем значении падения Константинополя¹, о попытках мусульман захватить этот город уже в VII—VIII вв.², об особенностях и последствиях взятия города³, и о том значении, которое это событие имело для истории Центральной и Восточной Европы⁴, а также Италии⁵.

Тематика статей указывает на то, что составители сборника стремились осветить перед широкой аудиторией взятие Константинополя турками с точки зрения значения этого события для истории народов Азии и Европы. Такая постановка вопроса имеет определенный интерес. Кроме того, она позволяет объединить все статьи в единое целое. Надо признать удачной и ту форму, в которой это сделано: статьи читаются легко и, несомненно, должны были без труда восприниматься слушателями.

Все статьи, входящие в состав сборника, объединяются, однако, не только их основной тематикой. Их объединяет и общая принципиальная установка, подчеркнутая уже в кратком вступлении ко всему сборнику (стр. 3).

Основным положением, принятым во всех статьях, является мысль, что значение взятия турками Константинополя сильно преувеличивается, что ни для греков, ни для Восточной Европы, ни для Италии это событие не имело того значения, которое ему обычно приписывают. Авторы считают, что падение Византии произошло уже в 1204 г. и что для

³³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 805.

¹ S. Runciman. The Fall of Byzantium.

² B. Lewis. Constantinople and the Arabs.

³ P. Wittek. Fath Mubin. An Eloquent Conquest.

⁴ R. R. Betts. Central and Southern Europe.

⁵ N. Rubinstein. Italy.

1453 г. речь может идти, собственно, только о конце византийской культуры, об окончании одного из эпизодов христианской цивилизации (стр. 10). Авторы признают некоторое значение падения Константинополя и для Руси (стр. 23).

Такое основное положение сборника вызывает серьезные возражения. Прежде всего оно неизбежно заставило авторов статей соответствующим образом объяснить как сам факт захвата города, так и поведение при этом турок. Так, например, указывается, что право турок на Константинополь установлено еще законом пророка (стр. 15, 16, 42), что турки уже раньше пытались осуществить это право (стр. 13, 14), что город представлял вечную опасность для мусульманских народов (стр. 39) и поэтому имел важное значение для создававшего сильную мусульманскую державу Мехмеда II (стр. 40). Следовательно, взятие города предлагается рассматривать не как гибель старой империи, а как рождение новой. Таким образом в конечном итоге проводится мысль об исторической обреченности города.

Подробно излагая свою точку зрения на взятие Константинополя, авторы, к сожалению, слишком мало говорят об отношении к этому вопросу тех, кого он прежде всего касался, т. е. самих византийцев. Расценивая значение падения Константинополя для населения Византии, авторы ограничиваются самыми общими высказываниями. Так, например, указывается на важность установившегося при турках относительного спокойствия, на происшедшее оздоровление, на рост торговли, на повышение материального благосостояния народа.

Между тем в трудах современных византийских писателей факт падения Константинополя расценивался совершенно иначе. Обширная литература, вызванная этим событием, не является результатом его сенсационности, но отражает то действительное значение, которое имело для греков падение города: оно было воспринято в Византии (да и не только там) как величайшее несчастье. Византийские современные источники, как правило, не проявляют примиренческого или равнодушного к нему отношения. Не говоря уже о широко известных „Плачах“, стоит вспомнить хотя бы слова Дуки, утверждавшего, что только надежда на обратное возвращение города дает ему силу продолжать писать свою „Историю“⁶. Приблизительно такую же мысль высказывает и Халкокондил⁷. Даже туркофил Критовул расценивает падение Константинополя как исключительное бедствие⁸. Особенно характерно в этом отношении высказывание Сфрандзи. Говоря об одном греческом грамматике, деятельность которого в качестве турецкого посла к Георгию Бранковичу способствовала захвату Константинополя турками, Сфрандзи пишет: „И он не задумался над этим, не испугался, не понял, несчастный, что если отрубить голову, то и все тело погибнет“⁹.

Неправильно и безоговорочное утверждение авторов статей, что греки очень охотно признали власть турок. Авторы совершенно забывают о той героической борьбе за независимость, которая после падения Константинополя шла на территории Пелопоннеса, где с греками объединилось все население полуострова, о чем так много и подробно рассказано у Халкокондила (стр. 443, 457—471).

⁶ Ducas. *Historia Byzantina*. Bonnae, 1834, p. 318.

⁷ Laonici Chalcocondylae Atheniensis *Historium Libri decem*. Bonnae, 1843, p. 4.

⁸ Critobulus. *De rebus gestis Mechemetis II*. Vol. V. Pars prior. Parisiis, 1883, p. 99.

⁹ Phrantzes. *Chronicon*. Bonnae, 1838, p. 323.

В связи с принятой в сборнике основной неверной установкой неправильно изображается и положение попавшего в плен населения. Признавая, что после взятия города населению действительно пришлось претерпеть исключительные страдания, авторы, однако, считают, что в конце концов положение пленных оказалось не столь тяжелым, как это обыкновенно думают, что даже разрозненные семьи впоследствии благополучно соединялись. Конечно, случаи такие бывали, но они касались прежде всего представителей духовенства или членов знатных и богатых семей. Они или сами выкупали себя из плена, или их выкупали другие, заинтересованные в этом лица. В частности, это можно сказать о тех, кого выкупил Георгий Бранкович (Ducas, p. 315).

Если пленные даже из среды знати и духовенства далеко не всегда могли вырваться на волю (как это было с семьей Сфрандзи) и благополучно соединиться, то основная масса населения едва ли вообще могла рассчитывать на это. Источники указывают, что при разделе пленных между солдатами (Critobul., p. 101) семьи, как правило, оказывались разрозненными (Critobul., p. 99). Дука называет их рабство „страшным“, а переселение „горьким“. „Да и как совершалось это переселение, — говорит Дука, — в Пафлагонии — муж, в Египте — жена. Дети рассеяны по другим местам, меняют язык, меняют веру“ (стр. 311). Анализ византийских источников указывает на тяжелое положение порабощенных после взятия города людей. Очень жаль, что авторы не учитывали свидетельства этих источников.

Считая, что материальные, политические и военные последствия падения Константинополя были незначительны (стр. 21), составители сборника признают, однако, что это событие сыграло большую роль, так как оно повлияло будто бы на культуру Восточной Европы.

Влияние на Восточную Европу сказалось, по их мнению, в том, что защитницей православия и носительницей идеи империи становится отныне Россия (стр. 23). Идея империи, по их словам, была перенесена в Москву славянами-эмигрантами и закреплена на русской почве браком Ивана III с Софьей Палеолог.

Повидимому, авторы сборника под „идеей империи“ подразумевают стремление московских князей уничтожить феодальную раздробленность и объединить в своих руках все русские земли. Тем самым сложнейший процесс становления великорусской народности, складывание на Руси централизованного государства составители сборника объясняют простой филиацией идей, которыми руководствовались византийские императоры. При этом совершенно не учитывается, что еще задолго до падения Константинополя на Руси шел самостоятельный процесс формирования централизованного государства, явившийся результатом социально-экономического развития страны. Возникновение централизованного государства было закономерно и неизбежно на определенном этапе развития феодального общества. Хотя в Восточной Европе еще не полностью созрели необходимые условия для такого объединения, ряд обстоятельств, в первую очередь необходимость организовать силы для отпора татарам, способствовал тому, что такое государство сложилось именно вокруг Москвы. Брак Ивана III с Софьей Палеолог, которой наряду со славянскими эмигрантами приписывается в сборнике основная роль по переносу на Русь идеи империи, надо рассматривать именно в свете этих соображений. Брак с Софьей был одним из следствий роста авторитета русского государства. Этот брак надо рассматривать и как возобновление старых династических отношений могущественных русских князей периода Киевской Руси с иностранными властителями.

Неясно, что именно имел в виду один из авторов сборника, подчеркивая католицизм Софьи. Конечно, Софья (воспитание которой осуществлялось под наблюдением Виссариона Никейского), находясь под сильным влиянием католической церкви, была или казалась католичкой. Из письма Виссариона известно, что дети Фомы Палеолога должны были воспитываться строго в духе латинской веры, так как только при таком условии им была обеспечена поддержка папы. Хотя папа определенно рассчитывал на Софью в деле установления на Руси католической веры, все же подчеркивать „католицизм“ Софьи — русской великой княгини — не приходится. Достаточно вспомнить тот факт, что она и представители русского православного духовенства поставили в трудное положение прибывшего с ней кардинала, а также исход богословского спора между ним и духовными лицами русской церкви. Да и все дальнейшие события с полной очевидностью показали, что надежды папы на Софью не оправдались, и поэтому особо подчеркивать „католицизм“ Софьи бесцельно.

Неправильно также представление авторов сборника о взаимоотношениях между Русью и славянскими эмигрантами и о роли последних, в частности Киприана и Пахомия, в развитии русской культуры.

Действительно, сербские и болгарские эмигранты часто находили приют на Руси. Многие из них внесли свой положительный вклад в русскую культуру, осуществляя на деле ту культурную связь, которая вообще существовала между северо-восточными и юго-восточными славянами. Приписывать одним славянским эмигрантам, как это сделано в сборнике, возрождение русской культуры, значит не учитывать условий русской жизни, особенностей развития ее культуры. Возрождение литературы этого периода надо прежде всего приписывать общему подъему, начавшемуся в период после ослабления татарского ига, когда бурно развиваются живопись, архитектура и литература. История русской культуры неразрывно связана с историей Москвы, ставшей политическим и культурным центром формирующегося централизованного русского государства. Поэтому признавая тот вклад, который внесли в русскую культуру Киприан и Пахомий, нельзя только им одним приписывать возрождение национальной культуры целого народа. Таковы в основном те возражения, которые вызывают статьи рецензируемого сборника и отметить которые совершенно необходимо.

Е. Б. Веселаго

W. H. C. FRENCH. NORTH AFRICA AND EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES

(The Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series, vol. V, 1955, p. 61—80)

Статья В. Френда (доклад, прочитанный им в английском Королевском историческом обществе) имеет своей целью выяснить некоторые причины, приведшие к ослаблению торговых связей между различными странами средиземноморского бассейна в VII—VIII вв. Автор поставил перед собой задачу внести уточнения и исправления в неоднократно высказывавшуюся точку зрения, согласно которой основным фактором, нарушившим регулярную торговлю на Средиземном море, явились подрывавшие ее действия арабского флота. В. Френд приводит данные, показывающие, что ни политика арабских правителей, ни операции арабского флота не были специально направлены на разрушение торговых связей (стр. 62—63). Останавливаясь на причинах ослабления торговли между

Северной Африкой, с одной стороны, Византией и Западной Европой, — с другой, автор обращает главное внимание на изменения, происшедшие в связи с арабским завоеванием в экономике бывших африканских провинций Римской империи. Таким образом, рецензируемая статья по сути дела посвящена ряду проблем экономической истории Северной Африки в период Римской империи и раннего средневековья.

Этот историко-хозяйственный очерк, независимо от решения Френдом более общей проблемы торговых связей в период раннего средневековья, представляет значительный интерес. Среди обширной литературы по истории Северной Африки имеется немало работ, посвященных изучению экономики африканских провинций в римский период. Процессы дальнейшего социально-экономического развития этого района изучены в гораздо меньшей степени. Между тем выяснение природы хозяйственных сдвигов, связанных с „варварским“ завоеванием различных областей римского мира, представляется совершенно необходимым этапом в изучении проблемы перехода от античности к средневековью.

В. Френда интересует прежде всего судьба одной из основных отраслей африканского сельского хозяйства — производства оливкового масла, которое широко экспортировалось в римский и византийский периоды. В связи с этим он прослеживает историю возделывания оливок и судьбу занятых этим слоем земледельческого населения на протяжении длительного исторического периода со времен Ранней Римской империи.

Распространение культуры оливок в римской Африке Френд ставит в связь с переходом туземного населения значительных районов Северной Африки к занятию земледелием. Императорское правительство оказывало содействие этому процессу, предоставляя льготные условия аренды лицам, освоившим под оливки ранее пустовавшие государственные земли. В течение I—III вв. н. э. наблюдается рост числа земледельческих общин (*farming communities*), состоявших либо из колоннов крупных императорских или сенаторских имений, либо из военных колонистов (*limitanei*).

Выводы Френда основаны на богатом археологическом материале. Научный аппарат статьи дает прекрасную сводку новейших археологических публикаций и работ, обобщающих данные археологии. Общие заключения автора относительно развития производства оливок в римской Африке представляются убедительными. Хотелось бы только отметить, что автор, на наш взгляд, несколько преувеличивает постоянный рост этого производства и степень „процветания“ африканской деревни (стр. 66—67). Нельзя не учитывать многочисленных данных III—V вв. об увеличении числа заброшенных и пустующих земель, против чего тщетно пыталось бороться императорское правительство. Жестокая эксплуатация колоннов в период Поздней империи, обремененность различных слоев землевладельцев фискальными повинностями, очевидно, значительно тормозила развитие производства, порождала кризисные явления в экономике африканских провинций.

Переходя к изучению сельского хозяйства Северной Африки в период вандальского завоевания, Френд справедливо указывает, что в конечном счете завоевание не могло сказаться отрицательным образом на культивировании оливок и экспорте оливкового масла (стр. 69). Несмотря на упадок городов и изменения в структуре земельной собственности, оливковое масло продолжало производиться в мелких хозяйствах и вывозилось в Европу. О существовании в Вандальском королевстве мелких крестьянских хозяйств, культивировавших оливки, свидетельствуют привлекаемые Френдом данные так называемых Табличек

Альбертини (стр. 69—70). Следует отметить, однако, что два момента в интерпретации автором этого интересного источника по истории аграрных отношений вандалской Африки вызывают возражения. Говоря о „сравнительном процветании“ туземных земледельцев, фигурирующих в „Табличках Альбертини“, Френд упускает из виду, что эти земледельцы постепенно разорялись, а их участки присоединялись к имению крупного землевладельца¹. Далее, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации замечание Френда относительно того, что владельцы этих участков пользовались в вандалский период правами, вытекающими из *lex Manсіана*.

Хорошо аргументирована та часть работы Френда, которая посвящена характеристике экономики Византийской Африки. На основании археологических данных, сообщений арабских историков и других источников автор показывает, что и в этот период имел место широкий вывоз африканского оливкового масла в Европу, приводивший к обогащению некоторых слоев местного населения (стр. 73—74).

Наибольший интерес в статье Френда представляет исследование вопроса о том влиянии, которое оказало на африканское сельское хозяйство и положение земледельческого населения арабское завоевание. Автор пытается выяснить причины постепенного превращения обширных земледельческих районов Северной Африки в пустынную зону кочевого скотоводства. Первостепенную роль в этом процессе он уделяет берберским племенам, которым арабское завоевание открыло широкий доступ в районы Нумидии, Бицадени и Триполитании, покрытые оливковыми плантациями. Берберы, вторгшиеся в пределы бывшей Византийской Африки в VII—VIII вв., были, как это убедительно доказывает Френд, кочевниками. Районы оливковых плантаций постепенно превращались в пастбища для скота (стр. 79). Сокращение африканского вывоза со времени арабского завоевания объясняется, таким образом, связанным с этим завоеванием упадком культуры оливок.

В статье Френда показано различие в политике, проводившейся по отношению к африканским областям римскими, византийскими и вандалскими властями, с одной стороны, и арабскими завоевателями, — с другой. Во время римского, а затем вандалского и византийского владычества Северная Африка служила важнейшим источником поступления земледельческих продуктов в Европу, поэтому до арабского завоевания ее правители поощряли земледелие и отстаивали земледельческие районы от натиска кочевых племен. Арабы же рассматривали Северную Африку главным образом как территорию, через которую проходили важные коммуникации, связывавшие Египет с Испанией (стр. 75). Поэтому они не ставили своей целью сохранение земледелия в завоеванных ими районах. Процесс вытеснения земледелия кочевым скотоводством происходил постепенно. В Нумидии еще в XI в., судя по данным одного арабского источника, наряду с многочисленными кочевыми племенами имелись отдельные поселения земледельцев и оливковые плантации (стр. 76).

Исследование Френда позволяет, на наш взгляд, в какой-то степени подойти к решению одного из важных вопросов истории Северной Африки — объяснению своеобразия ее исторической судьбы по сравнению с западноевропейскими областями римского мира. В Западной Европе „варварское“ завоевание привело к синтезу производственных отношений, сложившихся в Римской империи, с теми отношениями, которые принесли

¹ См. нашу статью в настоящем томе ВВ.

с собой народы-завоеватели, в результате чего постепенно складывался феодальный строй. В Северной Африке арабское завоевание привело в конечном счете к тому, что в ряде районов развитие феодальных отношений проходило в более примитивных формах, характеризующихся сохранением значительных пережитков первобытно-общинного строя. Это объясняется в значительной мере тем, что берберийские племена, натиск которых в VII—VIII вв. широкой волной захлестнул южную часть Византийской Африки, стояли на более низкой стадии общественного развития, чем германские и славянские племена Европы. Необходимо вместе с тем учитывать, как это справедливо подчеркивает Френд, что ирригация в этих районах Африки была необходимым условием развития земледелия (стр. 66). Возделывание такой культуры, как оливы, и управление системой ирригационных сооружений, несомненно, было трудным делом для кочевников-берберов, не имевших необходимых навыков. Это затрудняло их переход к земледелию.

Вопросы социально-экономического развития Северной Африки в первые века арабского завоевания, разумеется, нуждаются в дальнейшем детальном исследовании. Однако работу Френда можно рассматривать как определенный вклад в решение данной проблемы. Эта работа, несомненно, представляет интерес для любого исследования древней и средневековой истории Северной Африки.

Г. Г. Диллигенский

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В „ТРУДАХ“ X МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИКОВ В РИМЕ

Изучение истории Византии занимает большое место в исследованиях зарубежных историков. Интерес к событиям, развертывавшимся в восточной части бывшей Римской империи, отчетливо сказался в том, что на X Всемирном конгрессе историков, происходившем в Риме в сентябре 1955 г., были поставлены и включены в его „Труды“ доклады византиноведческого характера. Правда, авторы этих докладов сосредоточили свое внимание лишь на некоторых проблемах византийской истории, взяв один из ее аспектов, а именно: были подвергнуты рассмотрению вопросы, связанные с историей взаимоотношений Византии и Запада в раннее средневековье и во время крестовых походов. Но такое ограничение тематики докладов вполне правомерно, поскольку почти одновременно с Римским конгрессом, работа которого охватывала весьма широкий круг проблем всемирной истории, происходил специальный конгресс византинистов в Истамбуле¹.

Из докладов, затрагивающих в той или иной мере различные стороны западно-византийских отношений, наиболее обширным является выступление известного византиниста Франца Дэльгера (Федеративная Республика Германии) — „Византия и Запад до крестовых походов“².

Доклад Ф. Дэльгера посвящен рассмотрению взаимоотношений (точнее, взаимных влияний) Византии и Запада в предшествующее крестовым походам время (т. е. примерно с 330 по 1100 г.). Круг рассматриваемых

¹ См. ВВ, т. X, 1956, стр. 236—253.

² F. Dölger. Byzanz und das Abendland vor den Kreuzzügen. Relazioni, vol. III, p. 67—112. (далее ссылки на страницы — в тексте).

автором проблем сознательно ограничен областью политической и церковной жизни, а также вопросами истории литературы и научных знаний³.

При разрешении поставленной задачи Ф. Дэльгер исходит из убеждения, что в рассматриваемый им период между „Byzanz“ (под Byzanz он понимает не только Византийскую империю, как таковую, но и области, подвергшиеся в данный отрезок времени сильному воздействию византийской культуры, — к ним автор относит Болгарию, Восточную Сербию, территорию позднейшей Румынии, Южную Россию) и „Abendland“ (в основном заселенные германо-романскими народами районы Западной Европы) в политической и культурной областях существовало характерное различие, образовавшееся на протяжении столетий и приведшее к взаимному отчуждению и недоверию, которое позднее (в XIII—XV вв.) возросло в еще большей степени (стр. 69).

Причины прогрессировавшего в течение средневековья политического и духовного разрыва между Востоком и Западом Ф. Дэльгер усматривает прежде всего в административно-политическом делении, установленном в 395 г. и приведенном, по его мнению, в 476 г. к завоєванию „варварами“ западной половины империи; он указывает, далее, на такие факторы, как различное восприятие христианского учения (в то время, как на Востоке господствовало теоретико-богословское направление, на Западе имело место более „мирское“, этико-практическое направление) и церковно-политическую напряженность, возникшую в результате принятия 28 канона Халкидонского собора; особое значение автор придает тому обстоятельству, что Восток и Запад очень скоро утратили возможность изъясняться между собой понятным для обеих сторон разговорным языком и усваивать литературную продукцию друг друга (стр. 69—71).

Автор считает необходимым подчеркнуть, ввиду предпринимаемых, как он заявляет, попыток отрицать противоположность между Византией и Западом, что эта противоположность является неоспоримой исторической реальностью, последствия которой сказываются вплоть до настоящего времени. Это обстоятельство и послужило для автора одним из побудительных мотивов к рассмотрению поставленных в докладе вопросов (стр. 71).

Столь категорическое утверждение Ф. Дэльгера о „противоположности“ (Gegensatz) между Византией и Западом не может не вызвать некоторого недоумения. Совершенно бесспорен тот факт, что развитие Востока и Запада, как и вообще развитие той или иной отдельно взятой страны, шло своим путем, имело свои особенности. Но это отнюдь не дает еще основания отрицать общие закономерности этого развития и говорить о его „противоположности“. Р. Лопец, посвятивший свой доклад изучению экономических отношений между Востоком и Западом, совершенно правильно констатирует, что важнейшие проблемы средневековья были общими не только для Запада и Ближнего Востока, но и для Дальнего Востока (стр. 140). Искусственное исключение Ф. Дэльгером из своего доклада вопросов экономических взаимоотношений Востока и Запада представляется вообще неоправданным. В результате при выяснении причин, породивших дальнейшее расхождение между Востоком и Западом, автор ограничивается простой констатацией обстоятельств, сыгравших, по его мнению, наибольшую роль в этом расхождении. Но сам по себе, например, факт разделения империи в 395 г. на восточную и западную половины, а также падение в 476 г. Западной Римской империи были не столько

³ Экономические отношения между Востоком и Западом послужили предметом другого доклада на конгрессе — R. S. Lopez. East and West in the Early Middle Ages: Economic Relations. Relazioni, vol. III, p. 113—163.

причиной дальнейшего расхождения в путях развития Востока и Запада, сколько следствием исторических особенностей их социально-экономического развития.

Рассмотрение конкретного материала Ф. Дэльгер начинает с характеристики политических отношений между Восточной Римской империей и германскими государствами, возникшими на территории Западной Европы после 476 г. Он отмечает, что эти отношения никогда не прерывались, и германские государи долгое время не мыслили себе иного политического существования, как в рамках империи.

Провозглашение в 800 г. Карла Великого императором и его коронование папой Львом III было воспринято византийцами как бунт против „установленного богом имперского порядка“. Это обстоятельство, по мнению докладчика, послужило основанием не только к возрастающему соперничеству двух империй, но и к непрерывному росту домогательств римского папы, освободившегося от власти византийского императора еще в середине VIII в., после обращения за помощью к франкским королям против лангобардов (стр. 71—75).

Автор обращает, далее, внимание на то обстоятельство, что, несмотря на создавшееся положение, политический контакт между Византией и Западом в форме обмена посольствами не прекращался.

Опираясь на целый ряд появившихся в последнее время исследований (стр. 75, прим. 3 и 4), Дэльгер отмечает при этом, что обмен посольствами был значительно более частым, чем это можно было бы предположить, исходя только из прямых указаний источников. Некоторые посольства направлялись из Константинополя к папе, иногда от императора, а иногда от константинопольского патриарха (стр. 75—77).

Стремясь сравниться по положению с императорами Византийской империи, западные государи переняли от Византии некоторые символы императорского достоинства, а также некоторые институты. Это подражание Византии выразилось в введении соправительства, в оформлении западного императорского церемониала (стр. 77—80).

В разделе, посвященном церковным отношениям, Ф. Дэльгер отмечает, что здесь основное значение для отношений между Византией и Западом имело то обстоятельство, что константинопольский император, являясь, согласно господствующей в Византии концепции государственной власти, представителем бога на земле, был главой вселенской церкви, а, следовательно, обладал также и верховной властью по отношению к римскому епископу до тех пор, пока Италия принадлежала империи.

Автор останавливается затем на борьбе между византийскими императорами (Юстинианом I, а позднее Львом III) и римскими папами и отмечает, что первый решительный шаг в церковном отделении Востока от Запада был сделан при патриархе Фотии, стремившемся поставить константинопольский престол во главе „вселенского христианства“ и впервые сформулировавшем догматические расхождения между восточной и западной церквами. Ф. Дэльгер справедливо считает, что обострению отношений с Западом в IX в. содействовала борьба между византийской церковью и римским папой за распространение своего влияния в славянских странах.

Ко времени официального разделения восточной и западной церквей (1054) византийский император, стремясь заручиться помощью папы против норманнов, готов был признать из военно-политических соображений его авторитет как высшую апелляционную инстанцию в церковных вопросах. Однако переговоры по догматическим вопросам между

кардиналом Гумбертом и константинопольским патриархом Керуларием привели к окончательному разрыву.

Автор останавливается, далее, на неоднократно возобновлявшихся вплоть до падения Византийской империи (1453) и связанных с требованием подчинения восточного христианства римскому папе переговорах о военной помощи Запада против турок, угрожавших Византии с Востока. В настоящее время можно считать установленным, указывает Ф. Дэльгер, что именно Алексей I Комнин просил у папы военную помощь против турок во время Пяченецкого собора в 1095 г. (стр. 86). Следует, однако, заметить, что эта точка зрения разделяется отнюдь не всеми византистами Запада⁴.

Переходя далее к вопросу о восточном и западном монашестве, Ф. Дэльгер отмечает, что если на Западе монахи своим трудом рачищали новь, переписывали рукописи, занимались воспитанием и обучением юношества, то византийские монахи почти никогда не делали этого. Однако воздействие Византии на Запад в сфере церковных отношений было велико. В западном культе „святых“, церковном песнопении, литургии, одеянии духовенства проявлялось, как устанавливает Дэльгер, значительное влияние Византии.

В разделе, посвященном литературным и научным связям между Византией и Западом, Ф. Дэльгер высказывает мысль о том, что уже само основание Константином Великим столицы на Босфоре означало предпочтение эллинистических компонентов имперской культуры ее латинским компонентам — предпочтение, которое было чревато большими последствиями (стр. 98).

В то время, как на Востоке в период раннего средневековья продолжалось дальнейшее развитие философских учений, на Западе уже в IV в. занятия философией ограничились в основном комментаторской работой. Но и на Востоке философия после VI в. превратилась в служанку богословия. На Западе же во второй половине XI в., как полагает автор, получило распространение философское движение, все более отходившее от богословия и приведшее в XII в. к развитию той схоластики, благодаря которой якобы Запад получил превосходство над Востоком (стр. 100—101).

Автор отмечает „превосходство“ греческой патристики над латинской, усматривая его в том, что греки сумели переработать христианское учение в продуманную философскую систему, которая могла „конкурировать“ с языческими учениями и с философским мировоззрением того времени. На Западе же ограничивались переводом произведений греческой патристики.

Далее Ф. Дэльгер сводит воедино данные о взаимном влиянии Византии и Запада в области составления энциклопедий, развития естественных научных знаний и медицины (стр. 105—107).

Автор констатирует, что в создании энциклопедий Византия опередила Запад. В области естественных наук общим и крайне скудным справочником для Востока и Запада служили Семиднев св. Василия и Антропология еп. Немесия. Медицина, в области которой византийцы не добавили ничего существенно нового к учению Гиппократов и Галена, в XI в. испытала на Западе возрождение благодаря знакомству с древнегреческими и арабскими медицинскими трактатами. Прямых культурных связей Запада с Византией в области медицины автор не устанавливает (стр. 107).

⁴ См. ниже, стр. 335.

Говоря о развитии права на Западе, Ф. Дэльгер признает определенное воздействие римско-византийских правовых норм на законодательство германских государств, полагая вместе с тем, что основные и принципиальные установления были созданы в соответствии с германскими правовыми воззрениями.

В тех областях Италии, которые оставались до XI в. под властью Византии, действовало византийское право и были известны, повидимому, все новые его кодификации. В сфере частно-правовых отношений византийское право продолжало играть на Западе серьезную роль и после XI в. (стр. 109).

Таким образом, почти по всем без исключения рассмотренным вопросам (в период с IV по XI в.) Ф. Дэльгер отмечает более высокое по сравнению с Западом культурное развитие Византии и признает, что ее влияние на Запад было преобладающим.

Доклад Дэльгера представляет известный интерес в качестве общей сводки фактического материала по истории политических и культурных взаимоотношений Византии и Запада в раннее средневековье. Большая эрудиция позволила докладчику систематизировать целый ряд установленных зарубежными исследователями в последнее время в этой области фактов, которые если и не вносят нового в общее решение тех или иных вопросов, то во всяком случае представляют по ним интересный дополнительный материал.

К докладу Ф. Дэльгера примыкает весьма интересный по своему фактическому материалу и выводам доклад французского византиниста П. Лемерля „Византия и крестовый поход“⁵. Западноевропейские историки, указывает П. Лемерль, и крестовые походы изучали с „западной точки зрения“ (стр. 595). По большей части они опирались, да и по сей день опираются, преимущественно на латинские источники, сравнительно редко привлекая сообщения греческих авторов. Правда, проблемой крестовых походов начинают все больше интересоваться „исламисты“, держащие в своих руках ключи от арабских источников (докладчик имеет в виду главным образом исследование Клода Каэна), но голос византиноведов в этом вопросе еще не прозвучал с достаточной ясностью (там же). Следует заметить, однако, что „упрек“ П. Лемерля в общем верен лишь по отношению к современной византинистике. Было бы ошибочным распространять его на византиноведение вообще. Сам докладчик отмечает известные работы по крестовым походам, принадлежащие византинистам — Ф. Шаландону, Л. Брейе, С. Рэнсиму (стр. 595—596). Необходимо упомянуть и труды старых русских византиноведов — В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, много и плодотворно занимавшихся проблемой крестовых походов именно в „византийском плане“. Докладчик, к сожалению, не дал оценки их исследованиям, в определенной мере не утратившим своего научного значения и по настоящее время.

В своем докладе П. Лемерль показывает прежде всего, какое важное место при изучении истории крестовых походов должны занимать памятники византийской исторической литературы. Он подробно анализирует некоторые византийские источники, представляющие немалый интерес для исследователей крестоносного движения XI—XIII вв.

В первую очередь он обстоятельно выясняет важное значение такого памятника, как „Алексиада“ Анны Комнины — почти единственного из византийских источников, привлекаемого западными исследова-

⁵ P. L e m è r l e. Byzance et la croisade. Relazioni, vol. III, p. 595—620.

телями и, тем не менее, редко оцениваемого ими по заслугам (стр. 596). Между тем эта писательница „по основательности рассказа, связности изложения фактов, глубине толкования событий не может идти в сравнение ни с кем из западных историков“ первого крестового похода (там же).

Указав, что Анна Комнина, как современница первого крестового похода, располагала сведениями из первых рук, в частности, имела доступ к официальным документам (договоры, переписка), подчеркнув, далее, хронологическую точность ее повествования, П. Лемерль справедливо оттеняет то обстоятельство, что „Алексиада“ — „это единственный текст, который позволяет отгадать, какова должна была быть реакция общественного мнения в Византии“ на события крестового похода. Докладчик выделяет и группирует основные факты, сообщаемые Анной Комниной о крестоносцах и о политике византийского двора по отношению к этим грубым и невероятно жадным, в изображении автора „Алексиады“, варварам, к которым правительство Алексея Комнина, естественно, проявляло большую осторожность и недоверие: в Византии, имевшей опыт войн с норманнами, были убеждены в том, что истинная цель франкских сеньоров состоит в завоевании Константинополя. Латинских баронов рассматривали поэтому как псевдопаломников: „четвертый крестовый поход уже реял в воздухе“ (стр. 599).

Указав на непрерывно нараставшее обострение противоречий между Византией и Западом после первого крестового похода (стр. 603), Лемерль в последующих разделах доклада выясняет значение данных переписки Мануила Комнина с папой Евгением III (1147 г.), в особенности же — известий Иоанна Киннама (для истории второго крестового похода) и Никиты Хониата (второй, третий и четвертый крестовые походы). Докладчик, в частности, справедливо отметил в целом фактически достоверный рассказ о походе Фридриха Барбароссы в 1189—1190 гг., содержащийся в „Истории“ Никиты Хониата, который в то время занимал видный пост в Филиппопольской епархии и лично имел дело с германскими крестоносцами (стр. 608—609). Вместе с тем П. Лемерль указывает на элементы необъективности в описании Никитой Хониатом похода, идеализации историком самого Фридриха Барбароссы в качестве „друга греков“ и т. д. (стр. 610). Вопрос о позиции Никиты Хониата в данном случае, отвечает докладчик, остается недостаточно ясным и останется таковым до тех пор, пока его „История“ не будет подвергнута углубленному исследованию (стр. 611).

Проследивая основные этапы в развитии отношений между Западом и Византией во время крестовых походов, П. Лемерль во многих вопросах занимает гораздо более правильную и реалистичную позицию, нежели некоторые другие современные буржуазные исследователи.

Докладчик убедительно показывает несостоятельность взглядов американского ученого П. Хараниса по вопросу о роли Византии в организации первого крестового похода. П. Харанис, искусственно интерпретируя известия некоторых западных хронистов, а также сведения византийского компилятора конца XIII в. Феодора Скутариота, пытался доказать, что первый крестовый поход был якобы вызван не только проповедью Урбана II, но и — в равной степени — призывами Алексея Комнина о помощи, обращенными к Западу⁶, что, следовательно, и папство, и Византия одинаково разделяют „ответственность“ за первый крестовый поход. Лемерль с фактами в руках решительно опровергает эту

⁶ См. P. Charanis. Byzantium, the West and the Origine of the First Crusade. Byz., t. XIX, 1949, p. 207—221.

концепцию, выдвигавшуюся уже раньше, давно отвергнутую в науке и возрождаемую ныне П. Харанисом с целями совсем не академического характера. „Можно лишь удивляться, — пишет Лемерль, — что П. Харанис еще остается поборником этой (западной) традиции“, которая старалась „с помощью живых средств представить дело так, будто Алексеем вызвал вооруженную интервенцию Запада“ (стр. 600, прим. 3).

В западноевропейской историографии давно уже укоренилась ложная тенденция, восходящая к хроникам XII—XIII вв., а именно — во всех неудачах западных крестоносцев винить „коварных“ и „вероломных“ византийцев, „предававших дело креста“. П. Лемерль совсем иначе оценивает политику Византии по отношению к крестоносцам: он указывает, что походы западных рыцарей представляли большую угрозу для существования Восточной Римской империи, и именно это определяло ее позицию. Так, зимой 1189/90 г., в момент крайне напряженных отношений между Исааком Ангелом и Фридрихом Барбароссой, последний проектировал нападение с моря на Константинополь большой западноевропейской коалиции (стр. 610). Недоверие к крестоносцам в Константинополе усиливалось их собственным поведением. Это недоверие переросло в конфликт, когда крестоносцы осуществили завоевание территорий, некогда принадлежавших империи: с этого времени конфликт стал постоянным (стр. 619).

Следует отметить реалистичность в подходе Лемерля к такой важной и „вечной“, по его выражению, проблеме, как четвертый крестовый поход, на котором, впрочем, докладчик останавливается довольно бегло (стр. 611—614). В то время, как многие современные исследователи склоняются к пресловутой виалардуэновской схеме „случайностей“, объективно служащей целям оправдания захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., Лемерль со всей категоричностью отстаивает в своем докладе тезис о „предумышленности“ поворота четвертого крестового похода в сторону Византии. „До сих пор, — замечает он, — поочередно взваливали ответственность за отклонение крестоносцев на всех тех, кто только мог ее нести: на греков, венецианцев, папу, маркиза Монферратского, немцев... Но византинист не может упускать из виду ни папских притязаний на господство над восточной церковью, ни — тем более — пренебрегать длинной историей отношений и конфликтов Венеции с Византией, ни, наконец, забывать о союзе Швабского и Монферратского домов. В тот момент, когда серьезные экономические побуждения толкнули Запад и Венецию на греческий Восток, целая серия обстоятельств подготовила подчинение Венецией армии крестоносцев, которая выступила „инструментом венецианского могущества“ (стр. 612).

„Можно спорить, — говорит П. Лемерль, — о степени предумышленности, о моменте, когда был решен поход на Константинополь, о степени участия каждой из руководящих сил похода в умысле против Византии, словом, — о роли и соотношении различных факторов, — но только не о самой предумышленности“ (стр. 612). С этим нельзя не согласиться.

Взгляды Лемерля по вопросу о причинах конфликтов Запада и Византии в период крестовых походов не совсем свободны от идеализма. В конце своего доклада он, например, сводит эти причины к противоречиям „между византийской концепцией Империи, как наследницы мировой римской державы, и реальностью, давно отделившей Запад от Востока“ (стр. 619). Но подобная формулировка у Лемерля — это, скорее, проявление „традиционной“ идеалистической фразеологии, чем собственно авторская характеристика сути исследуемых событий. Ниже он сам говорит о конфликтах крестоносцев с Византией, как о столкновении „между

духом независимости и аппетитами франкских баронов, полагавшихся на свою силу, и претензиями ослабленной Византии на верховенство“ (стр. 619—620).

Подобного рода непоследовательность встречается и в других местах его доклада. Так, с одной стороны, пытаясь дать определение самому понятию „крестовый поход“, П. Лемерль явно сбивается на идеалистическое толкование этого понятия, развиваемое в исследованиях М. Виллея и некоторых других историков⁷. Крестовый поход, с его точки зрения, это вооруженное паломничество, имеющее своей целью освобождение святых мест и восточных христиан, предпринимаемое под эгидой церкви, „открываемое“ папской буллой и пр. (стр. 615). Но, с другой стороны, говоря относительно роли в крестовых походах религиозного фактора вообще, П. Лемерль довольно решительно отмежевывается от крайне идеалистической точки зрения, высказанной П. Руссе (стр. 616, прим. 1). Докладчик считает, что как бы ни был важен религиозный фактор для народа и большей части баронов, сам по себе он „не объясняет во всей широте“ крестовые походы — явление, которое, „не имея аналогий в истории христианства, по своему существу и на практике часто находится в противоречии с христианством“ (стр. 615). Правда, Лемерль готов объяснить религиозным чувством участие в движении отдельных „индивидов“, например, Людовика IX (там же), признать „могущественное вмешательство“ этого фактора в „коллективную психологию“ крестового похода (там же), но вместе с тем он считает, что к „концентрации“ религиозного чувства и его „взрыву“ вели „позитивные основания“: по образному выражению докладчика, „были *причины*“ (курсив П. Лемерля. — *М. Э.*) *мифа* о крестовом походе“ (стр. 616). „Для меня очевидно, — заявляет он, — что они были социального и экономического характера“ (стр. 616). И далее Лемерль высказывает мысль о том, что решение проблемы крестовых походов „в известной степени“ находится в сфере изучения аграрных порядков во Франции. Главными „факторами“, которые должны быть учтены при этом, он считает: количество обрабатываемых земель в стране, экономика которой базировалась на земледелии, и самые поземельные отношения, „сложные и суровые благодаря феодальным установлениям“ (стр. 616). Кроме того, по мнению Лемерля, необходимо иметь в виду развитие торговли с Востоком, „связанной с успехами текстильного производства и городской жизни на Западе“ (стр. 616).

Возвращаясь в заключение доклада к вопросу о противоречиях Византии с Западом во время крестовых походов, П. Лемерль категорически отвергает мысль о том, что они коренились в религиозных расхождениях. Последние получили большое значение лишь после и *вследствие* (курсив П. Лемерля. — *М. Э.*) событий 1204 г. (стр. 617).

Реалистичность подхода Лемерля к поставленным им проблемам несомненна, и хотя его доклад, казалось бы, трактует, подобно остальным докладам о крестовых походах, сделанным на Римском конгрессе, один из аспектов „идеи крестового похода“, но по своему содержанию и принципиальным установкам он выходит далеко за эти рамки.

Самым „маленьким“ из докладов по крестовым походам, помещенных в III томе „Трудов“ конгресса, является сообщение С. Рэнсимена „Население византийских провинций и крестовые походы“: его объем — всего четыре страницы⁸. Такой размер статьи объясняется довольно просто:

⁷ См. Сб. „Средние века“, т. VIII, 1956, стр. 120.

⁸ S. Runciman. The Byzantine Provincial Peoples and the Crusade. Relazioni, vol. III, p. 621—624.

автор задался целью собрать известия источников, которые свидетельствовали бы о благосклонном отношении к крестоносцам жителей византийских провинций, однако, — увы! — отыскать сведения подобного рода оказалось делом более, чем трудным. Предприняв некоторые попытки в этом направлении, Рэнсимен был вынужден в конце концов констатировать, что „идея крестового похода“ оставалась в равной мере чуждой как самим грекам, так и населению провинций империи, которое видело в рыцарях креста лишь беспорядочные банды грабителей. Впрочем, автор усиленно старается найти хотя бы незначительные указания источников противоположного характера: его разыскания показывают, например, что к отряду Петра Пустынника в Болгарии присоединилось... несколько жителей Филиппополя (стр. 621).

Рэнсимен утверждает также, что сербы и болгары будто бы помогали участникам третьего похода, видя в Фридрихе Барбароссе своего союзника против Византии (стр. 622). Однако это утверждение покоится на весьма шатком основании. Если в Сербии и Болгарии и возникали планы союза с крестоносцами против Византии (в июле 1189 г. в Нише, как известно, состоялись переговоры германского императора с великим жупаном, а также с представителями болгарских бояр), — то лишь среди феодальных верхов.

Народные массы славянских стран не могли испытывать к немецким крестоносцам, грабившим и разорявшим все на своем пути, никаких других чувств, кроме ненависти и отвращения. Неслучайно западные хронисты пишут о постоянных нападениях на крестоносцев „разбойников“ — сербов и болгар, которые убивали рыцарей креста, отнимали у них лошадей, отбивали обозы и пр. Позднее германский посол в Венгрии священник Эбергард в своем донесении императору сообщал, что когда он проезжал через Болгарию, то нашел разрытыми все могилы крестоносцев, умерших в дороге, а трупы их выброшенными из гробов и валявшимися на земле.

Вывод Рэнсимена базируется, следовательно, на ошибочном отождествлении народов Сербии и Болгарии с их феодальными правителями. Единственным народом „византийской сферы влияния“, который, по словам докладчика, „считал крестовый поход священной войной, а крестоносцев, по крайней мере, первого похода рассматривал как ведомых и вдохновляемых богом“, — были армяне (стр. 624). Это положение воспроизводит в несколько измененной форме распространенную в буржуазной медиевистике точку зрения, согласно которой киликийские армяне сблизились с франками на почве религиозной общности. Некоторые из сторонников этой концепции утверждают даже, что армяне-христиане будто бы видели в крестоносцах чуть ли не своих „освободителей“ от тюрок-мусульман⁹.

⁹ R. Grousset. Histoire des croisades, t. I. Paris, 1948, pp. 54, 60 и др. К сожалению, такого рода представления не чужды и некоторым советским историкам. Традиционное мнение о союзе армян с крестоносцами, возникшем, якобы, на почве религиозной общности, поддерживает, в частности, Г. Г. Микаэлян в своей „Истории Киликийского армянского государства“ (Ереван, 1952, стр. 76 и сл., 92 и сл.).

„Армяне Киликии, — пишет он, — помогая крестоносцам, в них видели союзников в борьбе против мусульман Востока“ (стр. 93). Главная ошибка Г. Г. Микаэляна состоит в том, что он не отделяет армянских феодалов от армянского народа. „Константин и вообще армяне (!) Киликии и Сирии... помогали крестоносцам“ (там же); это выражение („Константин и вообще армяне“) весьма характерно для концепции Г. Г. Микаэляна. Армянское население он рассматривает классово недифференцированно, изображая „армян вообще“ в качестве некоей религиозно единой массы, которая вся поддерживала крестоносцев, как своих единоверцев.

„Ахиллесовой пятой“ концепций историков, разделяющих подобные представления, включая и Рэнсимена, является главный исходный пункт всех их рассуждений, а именно — сама собой разумеющаяся для них мысль о том, что отношение армян к франкам определялось будто бы исключительно вероисповедными мотивами. Это крайне зыбкое основание для построений, подобных тому, которое воспроизводит в своем сообщении Рэнсимен. В действительности, повидимому, дело обстояло не так просто: имеются основания полагать, что далеко не все армяне поддерживали западных „освободителей“. Общий язык, да и то — ненадолго — нашли не христиане-латиняне с христианами-армянами вообще, а лишь некоторые представители феодальной знати той и другой стороны. Конечно, решение этой проблемы требует обстоятельного анализа социально-политических отношений в киликийской Армении в конце XI в. — тема, выходящая за рамки настоящей статьи.

Р. А. Наследова
М. А. Заборов

ХРОНИКА

ВЫСТАВКА ВИЗАНТИЙСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

23 марта 1956 г. после многолетнего перерыва открылась выставка византийских собраний Эрмитажа.

Если перед Великой Отечественной войны памятники византийской культуры и искусства были включены в состав выставки народов Переднего Востока, то в настоящее время было признано более целесообразным представить византийские материалы самостоятельно, отдельно от залов, отведенных для показа культуры народов Ближнего и Среднего Востока¹.

Как известно, византийские коллекции Эрмитажа, — не столь богатые количественно, отличаются высокими художественными достоинствами. Собрания ранних серебряных изделий (VI—VII вв.), иконописи — лучшие в мире. Выдающимися экземплярами представлены изделия из слоновой кости, так называемые портативные мозаики, резные камни и др.

Большое значение для исторической науки имеет собрание моливдуволов. В 1931 г. в Эрмитаж поступила богатая коллекция музея б. Русского Археологического института в Константинополе², а в 1938 г. — собрание покойного академика Н. П. Лихачева (переданное из б. Музея книги, документа и письма Академии наук СССР). В настоящее время византийская сфрагистика представлена в Эрмитаже с большой полнотой.

Византийская выставка размещена в двух залах³. Первый зал посвящен истокам византийской культуры (главным образом художественной) и культуре Византии V—VII вв. Второй зал состоит из двух отделений — первое из них отведено Византии IX—XII вв., во втором освещается византийское искусство XIII—XV вв. В обоих залах сгруппирован материал по определенным темам, существенным для понимания специфики византийской культуры.

Обзор начинается с темы — эллинистически-римские корни византийской культуры. Здесь представлены относящиеся к IV—V вв. бронзовые и глиняные светильники античной формы, с хризмой и иногда христианской символикой, а также изображения апостолов Петра и Павла и сцены жертвоприношения Авраама на донцах стеклянных сосудов (исполненные гравировкой на золотых листках), напоминающие позднеримские портреты и идиллические сцены. Здесь же экспонирован уникальный

¹ Впоследствии, после перестройки некоторых помещений, по генеральному плану экспозиции Эрмитажа, византийскую выставку предполагается поместить в непосредственной близости от Античного отдела, выставок Западноевропейского средневековья, Древней Руси и искусства Италии.

² Часть этой коллекции была издана Б. А. Панченко в VIII, IX и XIII томах Известий Русского Археологического института в Константинополе.

³ Материалы, дающие представление об архитектуре, выделены во вводный зал.

халцедоновый бюст императора, скорее всего Юлиана. К несколько более позднему времени (V—начало VI в.) относятся два мраморных бюста, поступившие в Эрмитаж из музея б. Русского Археологического института в Константинополе.

С темой раннего христианства, получившей отражение уже в названных выше вещах, связаны и две статуи Христа — Доброго пастыря (конца IV и начала VI в.), а также изображения на стеклянной чаше, найденной в сел. Подгорица на территории Югославии (в Черногории), и на ряде резных камней.

Представление об одной из наиболее распространенных в раннее средневековье архитектурных форм дает бронзовый лампадор (люстра с рожками для светильников) в виде базилики, найденный в одном из склепов V в. в Алжире (близ Орлеансвиля). Образцами архитектурной декорации являются капители из проконесского мрамора (происходящие из Херсонеса), по своим техническим и стилистическим чертам характерные для V—VI вв. Вся эта группа предметов, тесно связанная с античной художественной культурой, свидетельствует о чертах нового средневекового миропонимания.

На археологических материалах, происходящих из раннесредневекового Херсонеса (IV—VI вв.), прослеживается тема варваризации империи. Ее можно наблюдать в характере украшений (пряжек, фибул, браслетов и т. п.), в своеобразных, — исполненных на углубленном фоне или гравированных, — рельефах с изображением христианских сюжетов и т. п. Тот же процесс варваризации получил отражение в характере изображения императора Констанция на серебряном блюде, найденном в Керчи.

Роль восточных провинций в Византии показана на выставке главным образом на материалах, происходящих из Египта. Коптские коллекции, весьма полно представленные в Эрмитаже (благодаря экспедициям В. Г. Бока 1888/89 и 1897/98 гг.), позволили организовать особую выставку, посвященную культуре и искусству Египта IV—VI вв. Она находится в неразрывной связи с выставкой, посвященной древнему и греко-римскому Египту.

Коптский Египет в системе экспозиции Византии дан лишь как одна из ее провинций. Его значение в экономике империи отражено на образцах деловых документов (на папирусе), а также на бронзовых монетах с особым, характерным для Александрии счетом. Разнообразные по технике исполнения и орнаментации ткани дают возможность проследить постепенное переосмысление античных образов, внедрение христианской тематики, становление нового стиля с его тенденциями к схематизации и многокрасочности. Наконец, те же ткани, в частности почти полностью сохранившиеся туники с клавидами, наряду с различными предметами из кожи, бронзы, стекла и др., дают представление о быте средних слоев городского населения.

На образцах каменных рельефов зритель может наблюдать ту же плоскостность и черты схематизации, что и на памятниках Херсонеса.

Весьма невелико число вещей, происходящих из Сирии. Можно предполагать, что они еще будут выявлены в процессе дальнейшего изучения. С Сирией, вероятно, связана инталия IV в. (резной камень, служивший печатью) с изображением Соломона⁴ и некоторые другие печати. Бесспорно сирийским является серебряное блюдо с христианскими сюже-

⁴ См. А. В. Банк. Гемма с изображением Соломона. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 331—337.

тами и сирийскими надписями, дата которого точно не установлена⁵. К нему примыкает по своим техническим и стилистическим чертам другое блюдо с изображением ангелов по сторонам креста (VI в.). Из Сирии происходит серебряная шейная гривна с орнаментальными узорами на обеих сторонах. С монастырем Симеона Столпника, а также монастырями Малой Азии связаны так называемые ампулы (глиняные сосудики для „святой воды“).

Некоторое представление о пейзаже Константинополя дают недавно приобретенные Эрмитажем акварельные рисунки русского художника-топографа, поручика Гавриила Сергеева (конец XVIII в.). На репродукциях зритель может ознакомиться также с оборонительными сооружениями столицы, храмом св. Софии и др.

Известные данные о некоторых чертах экономики империи дает монетный материал, моливдовулы комеркиариев и др. Множество монетных дворов, иногда выпускавших монеты по особому счету (не в 40, 20, 10 и 5 нуммий, а в 15, 12 и пр.), как, например, в Александрии, Херсонесе и других городах, указывает на относительную экономическую независимость этих центров. Весьма интересна также небольшая каменная плита, найденная вблизи Константинополя и служившая межевым столбом, разделявшим владения двух крупных землевладельцев. Представляет интерес греческая надпись на этой плите, так же как и на других экспонатах, имеющих на выставке, — образец эпиграфики ранневизантийского периода.

Наиболее ранними образцами искусства Константинопольской школы являются диптихи из слоновой кости, в частности уникальный диптих (конца V—начала VI в.) с изображением цирковых сцен. Роль цирка в ранней Византии показывает и мраморная плита (возможно, происходящая с греческих островов) с изображением цирковых сцен на одной стороне и крестом равной формы — на другой⁶. Эта плита, если верно предположение о том, что она находилась некогда в церкви, интересна также как исторический документ, указывающий на использование для украшения христианского храма плиты чисто светского содержания.

Искусство столицы ярко представлено на многочисленных серебряных изделиях. Начало их изучению было положено академиком Я. И. Смирновым. Л. А. Мацулевич сделал их предметом специального исследования⁷. Вежди, точно датированные (благодаря имеющимся на них пробирным знакам) VI—VII вв., говорят об устойчивости мифологических образов в прикладном искусстве, обслуживавшем высшие круги византийской знати. Они свидетельствуют также о роли александрийских традиций в искусстве столицы, прослеживающихся особенно отчетливо среди представленных на выставке экспонатов, — на ковше с изображением нилометра.

Другая группа серебряных сосудов, в том числе вещи из знаменитого Перещепинского клада, интересна для выявления значения церкви и роли отдельных ее представителей (как, например, архиепископа Патерна) в политической жизни империи. Ту же тему иллюстрирует группа пиксид из слоновой кости (скорее всего V и VI вв.; как датировка, так и про-

⁵ Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский и Я. И. Смирнов. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. *Материалы по археологии России*, № 22. СПб., 1899; В. В. Стасов. Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа. СПб., 1904.

⁶ Л. А. Мацулевич. Рельеф с цирковыми сценами в Эрмитаже. *Seminarium Kondakovianum*, t. II. Prague, 1928.

⁷ L. Matzulewitsch. *Byzantinische Antike*. Berlin—Leipzig, 1929.

исхождение вещей этого рода до настоящего времени являются предметом споров) с религиозными сюжетами, трактованными в духе эллинистических традиций.

Для характеристики искусства западных областей империи Эрмитаж располагает двумя интересными экспонатами: фрагментом ранневизантийской, по всей вероятности Равеннской мозаики VI в., представляющим фигуру ангела на золотом фоне, и мраморным саркофагом с библейскими и евангельскими персонажами, вывезенным из Кагора (Южная Франция), но близким по манере его исполнения к римским памятникам IV—V вв.

Период иконоборчества в Эрмитаже, как и в других музейных собраниях, почти не представлен. К нему относятся лишь монеты и образцы свинцовых печатей.

Моливдовулы использованы на выставке впервые. Они помогают осветить отдельные явления византийской истории, которые нет возможности показать на других предметах. Печати подобраны по фемам и епархиям и дают представление о табели о рангах византийского двора, о церковной иерархии, военной организации и т. п. Среди свинцовых печатей имеются экземпляры, принадлежавшие крупнейшим феодальным родам (Дукам, Склирам, Кантакузинам и др.), выдающимся деятелям культуры (Иоанну Ксифилу и др.) и пр. Моливдовулы самых больших размеров, принадлежавшие храму св. Софии в Константинополе, имея, как и многие другие вещи подобного рода, документально-историческое значение, одновременно являются памятниками искусства.

Еще более тонким художественным исполнением отличаются резные камни (камеи и инталии) с сюжетами религиозного содержания.

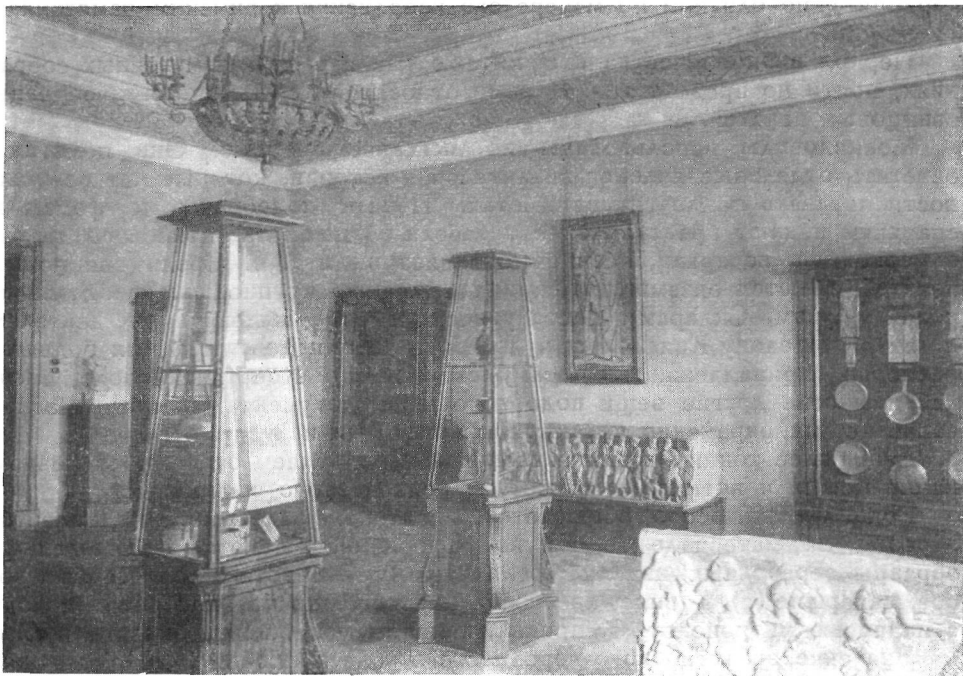
Роль церкви особо освещается во втором зале выставки, главным образом на материале X—XI вв. Среди них имеются великолепные образцы серебряных изделий: реликварий и ставротика (XI в.), бронзовое навершие (?) в виде крестовокупольного храма, навершие посоха с надписью митрополита Киприана, лампы, кадилницы, кресты и т. п.

Значение византийского города с его ремесленной и торговой жизнью показано почти исключительно на материалах из раскопок в Херсонесе (однако выставка, находящаяся в системе экспозиции стран зарубежного Востока, не ставит себе задачей показать специфику жизни этого крымского города). Представленные в двух витринах экспонаты являются по преимуществу предметами византийского импорта в Херсонес. Керамика с рельефными изображениями, шелковые ткани, костяные пластинки с резными фигурами, главным образом животных, стеклянные браслеты, датируются в основном IX—X, частично XI в. К более позднему времени относятся образцы гравированной керамики, предметы, свидетельствующие о значении сельского хозяйства и рыболовства в жизни города, предметы украшения и пр. Отдельные, найденные в Херсонесе вещи (преимущественно XIII в.) привезены с Востока; на некоторых из них, возможно местного производства, скопированы арабские надписи. Это характерно и для изделий других городов Византийской империи. Таким образом получает освещение тема взаимосвязи Византии и Востока. Среди найденных в Херсонесе вещей представлена новгородская гривна и русские кресты (XII—XIII вв.), позволяющие показать некоторые стороны взаимоотношений Крыма с Русью.

Античные традиции в византийском искусстве X—XI вв. особенно отчетливо выявляются на ларцах слоновой кости. О специфических чертах идеологии феодального общества можно судить по образцам живописи и различных отраслей прикладного искусства XI—XII вв. К этому

времени относится группа икон (среди которых центральное место занимает известная икона Григория Чудотворца XII в.), богатый подбор пластин резной кости, предметы, украшенные перегородчатой эмалью и др.

На выставке впервые представлена небольшая серебряная мощехранильница с изображениями Христа и Иоанна Предтечи (XI в.), исполненными в технике перегородчатой эмали. Этот предмет, поступивший

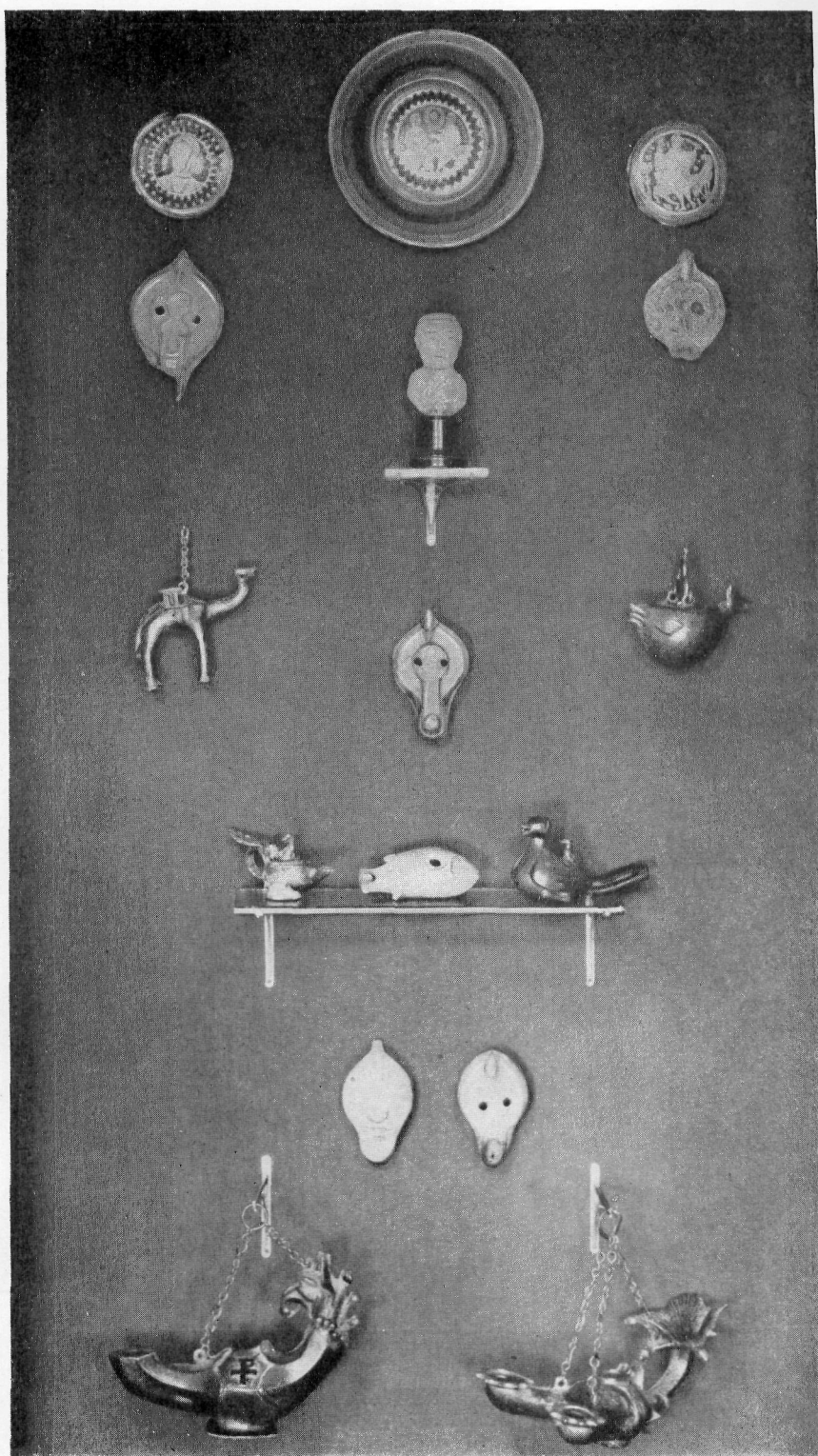
Часть зала: культура и искусство Византии. V—VII вв.

в Эрмитаж из б. Александровского дворца в г. Пушкине, некогда хранился в монастыре Сайданая, близ Дамаска. Не выставлялся прежде и мраморный рельеф с фигурой воина Георгия, точная датировка которого возможна лишь после детального исследования.

Значительный интерес представляет серебряная чаша (судя по следам ручки, — ковшик), найденная в 1949 г. близ дер. Пеняхино Соликамского района Молотовской области (вероятно, не ранее XI—XII вв.)⁸. Интересны украшающие ее изображения рыб, птиц, животных (как реальных, так и фантастических), быть может, связанные с идеей страшного суда; художественные особенности этих образов сближают их с мотивами искусства балканских славян. На дне чаши имеется изображение св. воина Феодора, а по бортику — гравированная греческая надпись, упоминающая имя хозяина, одноименного святому.

Заключительная часть выставки посвящена византийскому искусству XIII—XV вв. В составе немногочисленных предметов, относящихся,

⁸ О. Н. Бадер. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. „На Западном Урале“. Сборник статей Молотовского краеведческого музея за 1951 г. Молотов, 1952; его же. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 89—95.

Витрина: античные традиции в раннехристианском искусстве

Витрина: античные традиции в византийском искусстве VI—VII вв.
(Диптихи слоновой кости, серебряные изделия)

по-видимому, к XIII в., — кроме уже известной иконы Пантократора в рост и двух мозаичных икон из собрания Базилевского, — впервые экспонируется сборная икона, принадлежавшая академику Н. П. Лихачеву. Четыре погрудных изображения святителей, исполненные в мозаичной технике, были вставлены в более новую доску, окаймленную живописными погрудными изображениями святых (скорее всего XIV в.) и Деисуса, а также мощами — частями костей с русскими надписями.

Часть зала: культура и искусство Византии. X—XV вв.

Как показало обследование, произведенное реставратором Эрмитажа П. И. Костровым, переоформление иконы произведено в России, скорее всего в конце XIX в.⁹

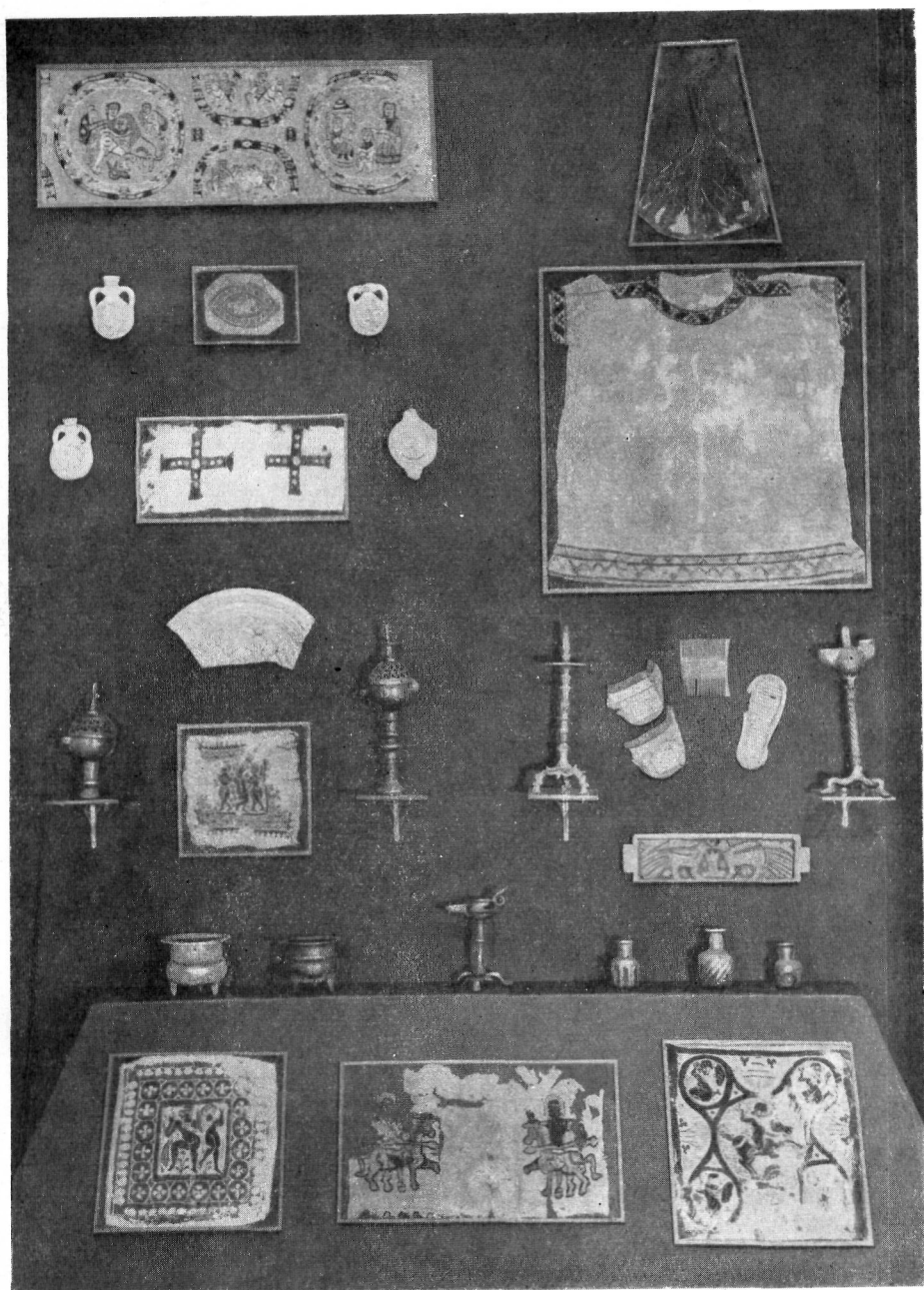
Спорной является дата некоторых изделий из слоновой кости, в частности превосходного триптиха с изображением сорока мучеников, который мы склонны относить к эпохе Палеологов.

В составе группы икон XIV—XV вв. находится одна из немногих датированных икон — прославленная икона Пантократора с ктиторскими изображениями и ряд других первоклассных произведений живописи, дающих достаточно отчетливое представление о так называемом Палеологовском Возрождении. В иконах XV в. намечается и тот постепенный процесс упадка искусства, который характерен для последних десятилетий существования Византии.

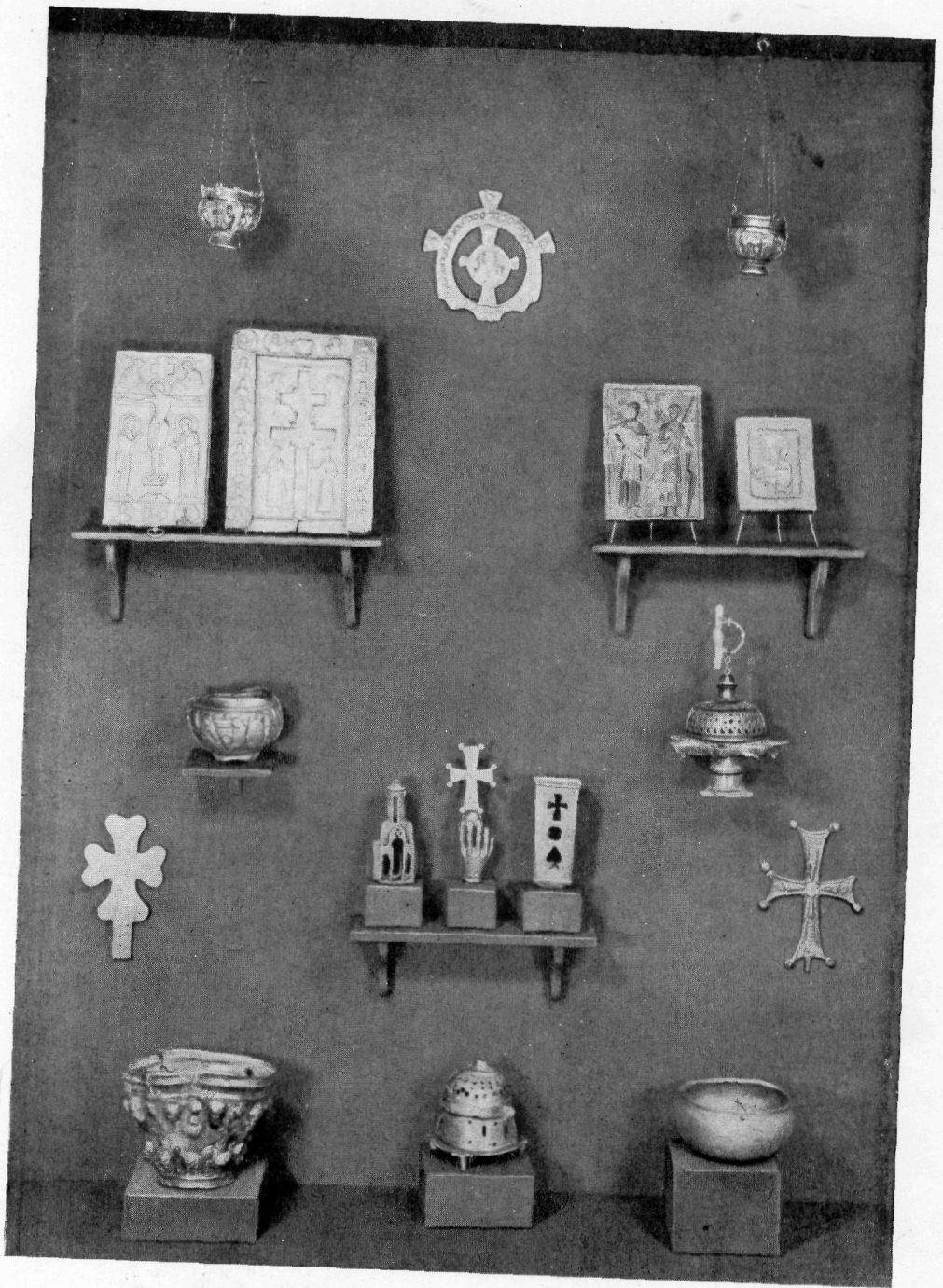
Некоторые иконы, — как створка с изображением шести праздников (XIV в.)¹⁰, — близкая аналогия известной мозаичной иконе, храня-

⁹ Эта икона явится в ближайшее время предметом особой публикации автора данной статьи.

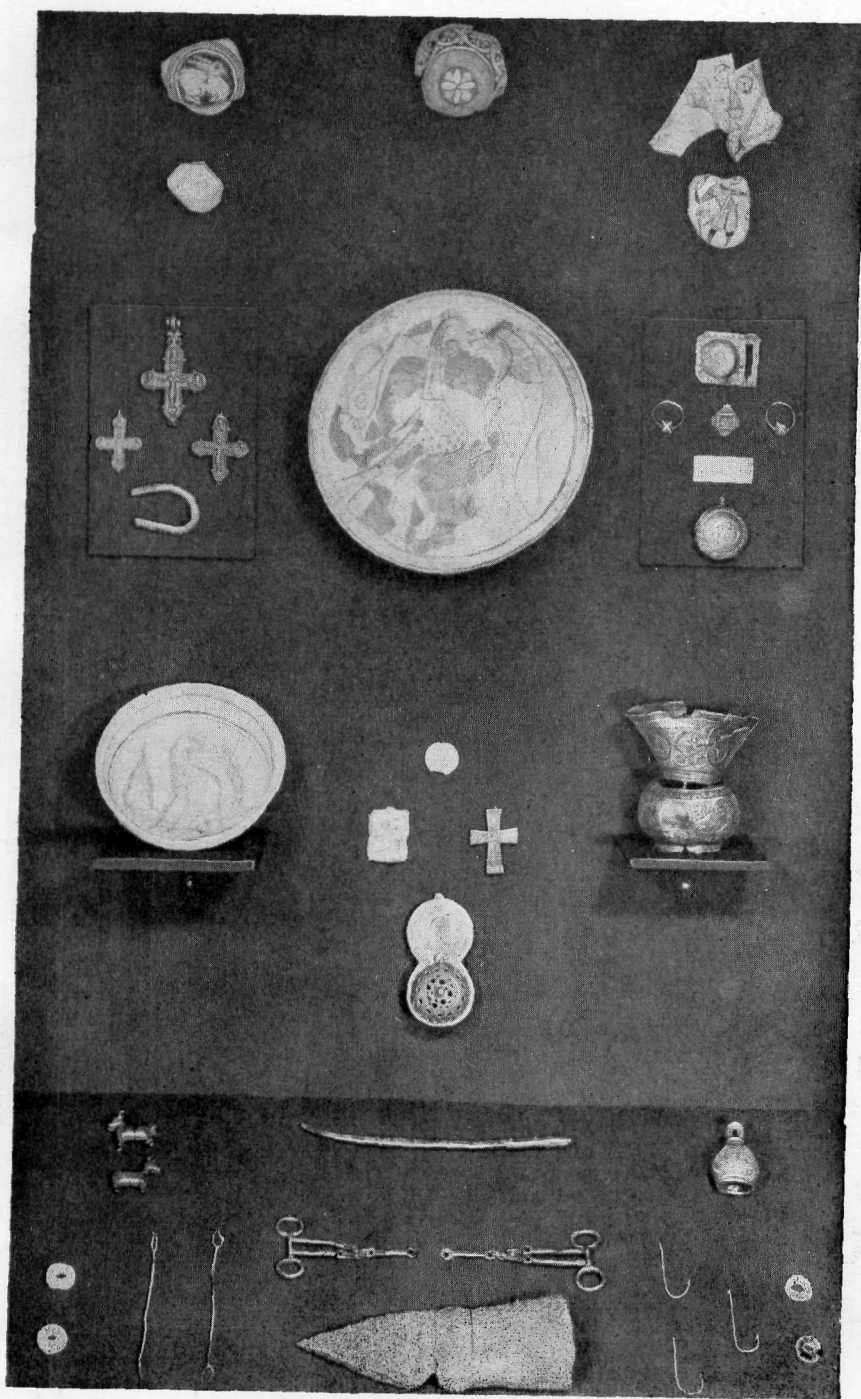
¹⁰ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, М., 1948, табл. 309.

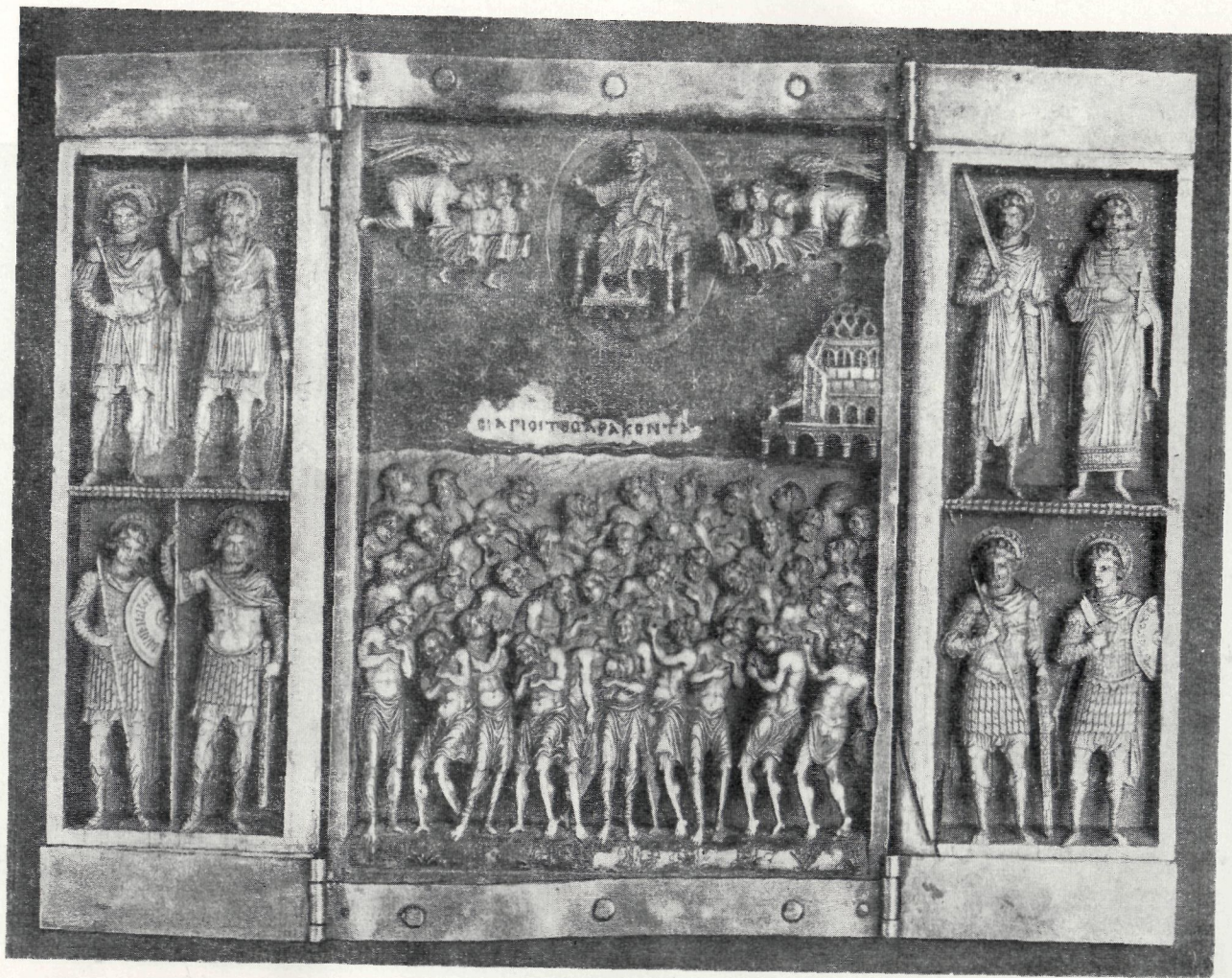
Витрина: предметы быта и художественного ремесла коптского Египта

Витрина: церковная утварь. Византия. IX—XII вв.

Витрина: предметы, найденные в Херсонесе. XI—XIII вв.

Триптих из слоновой кости: сорок мучеников; святые воины. Византия. XIII—XIV вв.

Пиксида из слоновой кости: сцена из истории Ионы. Византия. IV—V вв.

Серебряный ковшик, найденный близ Соликамска. Византия (?). XI—XII вв.

образцами, представлялось необходимым познакомить зрителя хотя бы с фрагментом этой позднейшей греческой монументальной живописи.

Таковы те вопросы истории византийской культуры, которые освещаются на вновь открытой выставке Эрмитажа.

Предстоящее расширение помещений, дальнейшее углубленное изучение коллекции и ее пополнение, возможно, позволят исследовать поставленные вопросы с большей полнотой, а быть может, дадут материал и для разработки других тем¹⁵.

А. В. Банк

ЭКСПОЗИЦИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА КОПТСКОГО ЕГИПТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Большое и разнообразное собрание коптских памятников Эрмитажа в основном было составлено хранителем Эрмитажа В. Г. Боком во время его командировок в Египет в 1888/89 и 1897/98 гг. Эти поездки В. Г. Бока были весьма удачны, так как помимо основной своей задачи — составить коллекцию коптских древностей для Эрмитажа — ему удалось исследовать ценные памятники коптской архитектуры, а именно Белый и Красный монастыри в Сохаге и некрополь Багауат, в гробницах которого Боком были открыты очень интересные росписи¹.

Памятники культуры и искусства коптского Египта в Эрмитаже расположены в трех залах, являющихся заключительным отделом анфилады, в которой развернута экспозиция древнего, птолемеевского и римского Египта. Посетитель имеет возможность проследить развитие культуры и искусства Египта, начиная от ее возникновения до арабского завоевания. В то же время такое расположение экспозиции позволяет наглядно показать, что развитие культуры коптского периода является закономерным этапом культурной истории Египта, и выявить как те черты, которые восходят к древнеегипетской культуре, так и элементы наследия античности и Востока, воспринятые Египтом в процессе длительного взаимодействия с культурами Греции, Рима, Сирии, Ирана².

Экспозиция начинается показом памятников, позволяющих охарактеризовать положение Египта в составе Византийской империи и общественную жизнь самого Египта. Византийские монеты и монеты александрийского чекана с портретами византийских императоров, папирусы с записями о получении содержания представителями администрации от подчиненных им селений, долговые расписки и другие документы рисуют яркую картину эксплуатации Египта как провинции Византийской империи и непримиримые социальные противоречия в египетском обществе.

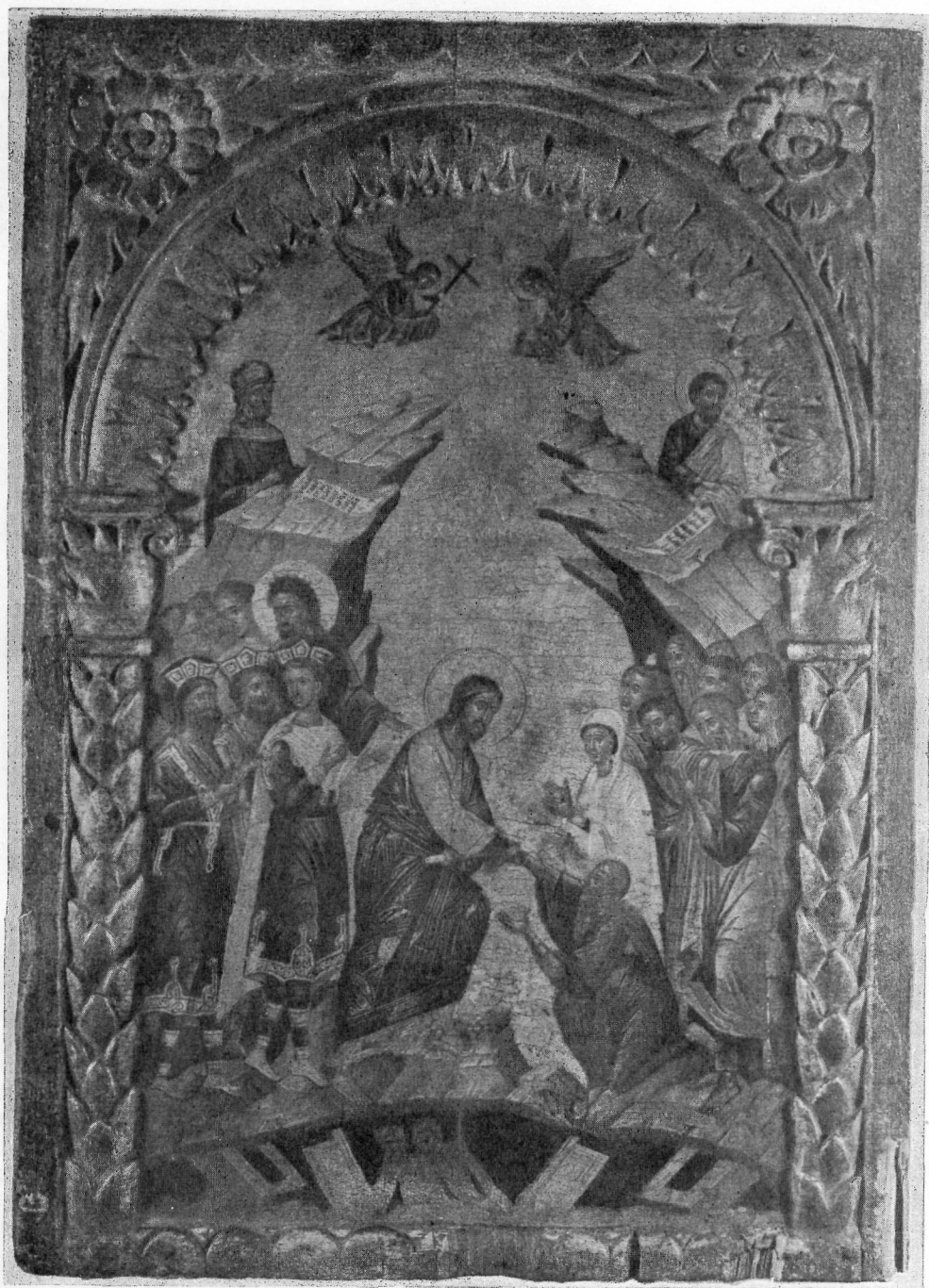
Многочисленные произведения художественного ремесла, гири, деловые документы говорят о значительной роли городов в жизни страны и особенно о роли Александрии как важнейшего ремесленно-торгового, культурного и художественного центра, одного из крупнейших мировых центров того времени. В числе изделий художественного ремесла обращают на себя внимание прекрасные резные костяные пластинки от лар-

¹⁵ В подготовке выставки, кроме автора настоящей статьи, принимала участие В. С. Шандровская и аспирант Эрмитажа И. В. Соколова.

¹ В. Г. Бок. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.

² Богатство коптского собрания Эрмитажа дает возможность, наряду с данной экспозицией, показать и роль Египта как византийской провинции на экспозиции памятников культуры и искусства Византии.

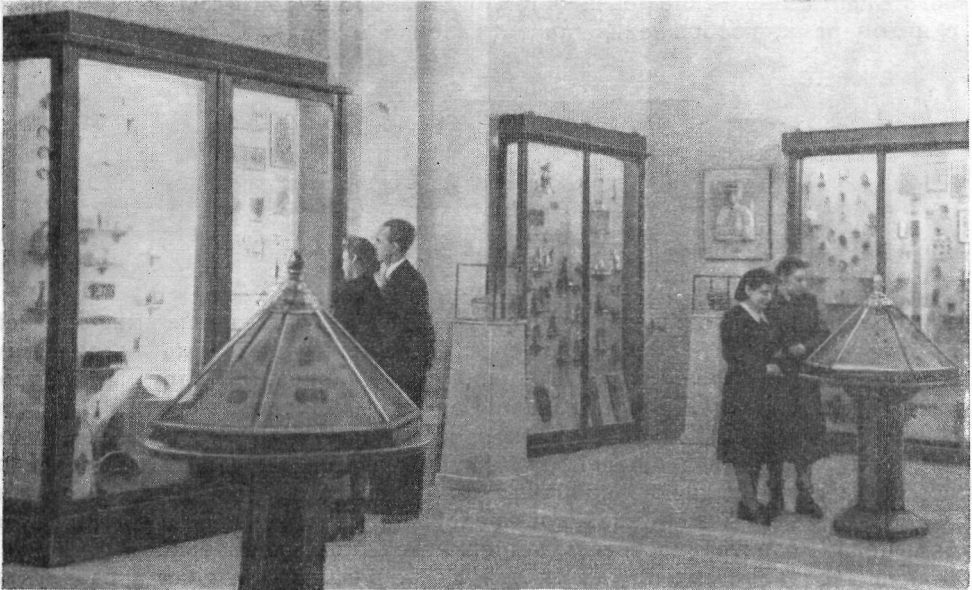
³ М. Э. Матье. Коптская расписная керамика Эрмитажа. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. 1, Л., 1939, стр. 191—210.

Икона — сошествие Христа во ад. Византия. XV в.

цов с изображением сцен охоты, птиц и растений, тонкие стеклянные сосуды, расписная керамика³, разнообразные изделия из бронзы.

В ремесленном производстве коптского Египта особое значение имело ткачество. Богатое собрание коптских тканей Эрмитажа наглядно показывает высокий уровень тканых изделий и разнообразие приемов ткачества. Здесь даны образцы различных переплетений — полотняного, гобеленового, киперного, петельчатого. Среди образцов тканей в первом зале

Первый зал

экспозиции привлекает внимание огромная завеса с орнаментальными вставками по углам и в центре, украшенная петельчатым тканьем. Узорчатые части одежд и завес, ткавшиеся шерстью по льняной основе, или окрашивались одним цветом — пурпуром, или же были многоцветными. Вследствие дороговизны настоящего пурпура в Египте его заменяли более дешевыми растительными красителями различных оттенков, от синего и фиолетового до коричневого. Образец уникальной ткани, узор которой окрашен в подлинный пурпур, также представлен на выставке.

Наиболее дорогие ткани и произведения других видов художественного ремесла изготовлялись для нужд египетской знати и городской верхушки. Показу изделий такого рода отведена часть следующего, второго зала экспозиции. Характерным памятником является здесь большая уникальная завеса Эрмитажа, так называемая завеса с Никами⁴. Это — исключительная по богатству и пышности орнамента ткани, высокого качества работы и необычных размеров — длина сохранившейся части завесы равняется 2,35 м, первоначальная же длина достигала 3,70 м. Центральное место на завесе занимают две летящие Ники, которые держат обрамленный гирляндой парный портрет, повидимому, новобрач-

⁴ М. Матъе и К. Ляпунова. Художественные ткани коптского Египта. М.—Л., 1951, тбл. VI, рис. 17, стр. 74—80 и 90—91.

ных; это дает возможность предположить, что завеса могла быть свадебным подарком. Наряду с завесой интересны и цельные туники с ткаными узорчатыми частями.

Однако основное место в экспозиции данного зала отведено показу коптских художественных тканей не с точки зрения их бытового назначения, а как важному источнику для изучения коптского искусства.

Искусство коптского Египта представляло собою сложное явление. С одной стороны, мы видим здесь мотивы, присущие искусству древнего Египта⁵: нильские пейзажи с характерной фауной и флорой (см. рис.), с ниломерами, изображения божеств Земли и Нила. С другой стороны,

Резное дерево: нильская фауна и флора. IV в.

ряд тканей воспроизводят сюжеты и образы, созданные мифологией и литературой античного мира⁶. На тканях Эрмитажа мы видим Афродиту и Эроса, трех Граций, суд Париса, Федру и Ипполита, Орфея, двенадцать подвигов Геракла, амазонок, nereид, Диониса со всей его свитой. Ткани IV в. еще сохраняют реализм в передаче изображений, живость движений, глубину пространства. Среди прекрасных образцов таких тканей в собрании Эрмитажа следует особенно выделить ткань с изображением женской головы (см. вклейку), отличающейся большой выразительностью и подчеркнутой живописностью.

Однако характерный для тканей IV в. реализм рисунка и расцветки в течение V в. начинает постепенно утрачиваться. Одновременно меняется и тематика изображений. После признания христианства государственной религией языческие образы начинают исчезать; из них сохраняются те, которые получают новое истолкование. Дионис и Менада начинают восприниматься как Адам и Ева, Орфей — как Адам в раю, эроты и Ники — как ангелы, крестообразный египетский иероглиф жизни „анх“ — как крест. Особенное распространение получают изображения всадников-охотников, которые начинают трактоваться в качестве святых-воинов — Георгия, Сисиния, Фиваммона; многочисленны в этот период были и сюжеты, заимствованные из дионисической символики и обрядности.

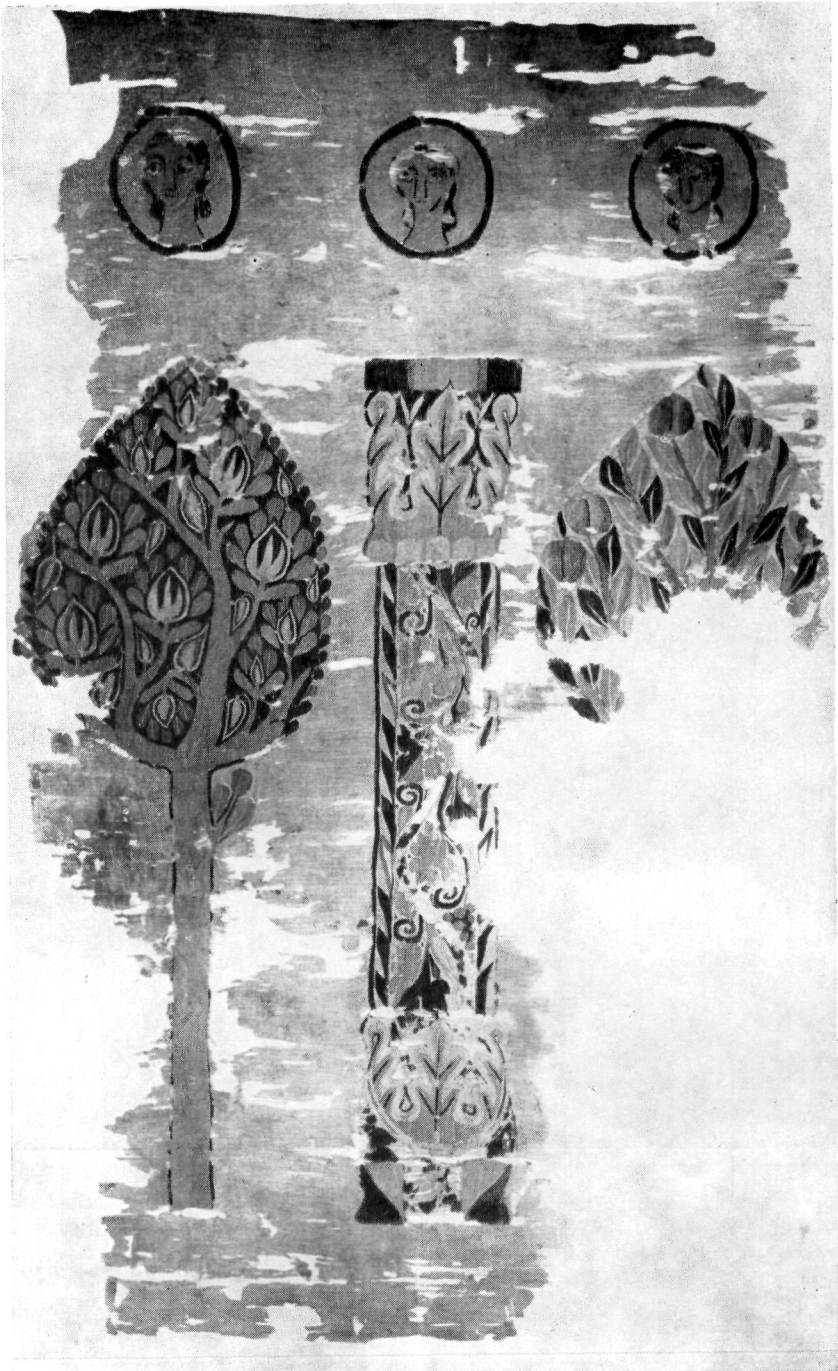
Перемена тематики на изображениях коптских тканей являлась до некоторой степени отражением общего процесса изменения идеологии египетского общества этого периода. Эти изменения выразились и в новом подходе к передаче изображаемого. Создававшиеся христианским искусством памятники не могли сохранять прежнюю форму, ибо она уже не отвечала новым эстетическим требованиям. Христианство провозгласило своим идеалом отказ от жизненных благ; как следствие этого, осуждалось все плотское, земное, прославлялись аскетизм, бесстрашие, смирение.

⁵ М. Э. Матье. Древнеегипетские мотивы на тканях византийского Египта. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. III, Л., 1940, стр. 117—147.

⁶ К. С. Ляпунова. Коптская ткань с мифом о Геракле. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. I, Л., 1939, стр. 211—218; К. С. Ляпунова. Изображения Диониса на тканях византийского Египта. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. III, Л., 1940, стр. 149—158.

Ткань с изображением женской головы, IV в.

Завеса с деревьями. V в.

Коптские ткани V в. позволяют проследить, как меняются художественные средства при изображении новой тематики. Рисунок становится обобщеннее, схематичнее, исчезают правильные пропорции, вместо реалистической передачи светотени краски кладутся все более условно. Примером может служить еще одна уникальная завеса с изображением деревьев (см. вклейку). Завершение указанного процесса можно проследить на памятниках искусства, выставленных в последнем, третьем зале экспозиции. Здесь уже господствует и христианская тематика, и новый подход к передаче образа. По ряду экспонатов этого зала можно судить о роли христианства в Египте, в частности о значении монастырских хозяйств, раннее развитие которых было одной из особенностей египетского христианства. Монашество приобрело здесь сначала форму отшельничества; корни этого явления были связаны с бегством египетских крестьян и рабов в пустыни от невыносимых условий жизни. Постепенно монастыри росли и богатели. Эксплуатируя как крестьян, так и низшие слои монашества, монастыри становились владельцами обширных земель, ремесленных мастерских, вели торговлю. Выставленные памятники показывают как внешний вид монастырей (рельефы), так и внутреннее их убранство, а также изделия ремесленных монастырских мастерских. Документы (папирусы и остраконы с коптскими текстами) говорят о хозяйственной и торговой деятельности монастырей. Среди экспонатов следует отметить известный мраморный жертвенник в виде блюда⁷, бронзовые кадила, разнообразные глиняные светильники. Все эти предметы показывают наличие уже сложившихся форм христианской обрядности.

Некоторые другие памятники свидетельствуют, однако, о том, что древняя религия Египта не исчезла бесследно и что многие христианские обряды, легенды и символы были заимствованы из прежних верований. На экспозиции представлены кресты, напоминающие древнеегипетский иероглиф жизни, сосуды для масла с ручками и крышками в виде животных, различные амулеты. Особенно интересны две крышки от коптских церковных бронзовых сосудов в виде фигурок сокола — древней священной птицы бога Гора, причем на голове одного сокола помещен крест, а у другого еще сохранилась корона египетских фараонов⁸.

Разнообразие и богатство эрмитажного собрания коптских древностей дает, таким образом, возможность достаточно полно осветить интересную и сложную историю культуры и искусства Египта периода IV—VI вв. н. э.

М. Э. Матъе

⁷ Б. А. Тураев. Коптские надписи из собрания Н. П. Лихачева. „Христианский Восток“, т. I. СПб., 1912, стр. 45—47.

⁸ М. А. Шер. Миф о борьбе Гора и Сета в коптских памятниках культа. Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. III. Л., 1940, стр. 101—116.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
В XI т. ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕННОКА

AASS	— Acta Sanctorum Bollandiana
AB	— Analecta Bollandiana
BB	— Византийский Временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique
BC	— Византийский сборник. М.—Л., 1945
BGA	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
Dig	— Digesta. Corpus Juris Civilis, recog. P. Krueger et Th. Mommsen
ETh	— Edictum Theodorici regis, ed. F. Bluhme. MGH. Legum sectio I, vol. V
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	— Записки Академии наук
ЗИВ	— Записки Института востоковедения
ИВАН	— Институт Востоковедения АН СССР
ИЖ	— Исторический журнал
ИИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИИБИ	— Известия на Института за българска история
ИМ	— Историк-марксист
ИП	— Исторически преглед
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРГО	— Известия Русского географического общества
JHS	— Journal of Hellenic Studies
Jus	— Jus Graeco—Romanum, ed. Zachariae a Lingenthal. München, 1894
КСИВ	— Краткие сообщения Института востоковедения
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
МКНЕ	— Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά
MM.	— Ed. F. Miklosich et I. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi. . .
Nov. Just.	— Novellae Justiniani
ОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских
ПСРА	— Полное собрание русских летописей

- PG — J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*
PL — J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus. Series Latina*
RE — Paulys—Wissowa. *Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, hrsg. von W. Kroll
СА — Советская археология
СВ — Средние века
СС — Славянский сборник
СЭ — Советская этнография
Cassiod. *Variae* — Cassiodori Senatoris *Variae*, MGH. Auct. ant., vol. XII
Cod. Just. — Codex Justinianus
Cod. Theod. — Codex Theodosianus
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
ТОДРА — Труды отдела древнерусской литературы
VfSWG — Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte
-

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи и исследования

	Стр.
Г. Г. Дилигенский (Москва). Аграрные отношения в Вандальском королевстве	5
Э. В. Удальцова (Москва). К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания	29
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Экономика пригородов византийских крупных городов	55
Р. А. Наследова (Москва). Македонские славяне конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты	82
А. П. Каждан (Москва). Формирование феодального поместья в Византии X в.	98
Г. Г. Литаврин (Москва). Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г.	123
Д. Ангелов (София—Болгария). Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в.	135
И. П. Петрушевский (Ленинград). Виноградарство и виноделие в Иране в XIII—XV вв.	163
Б. Т. Горянов (Москва). Поздневизантийский иммунитет	177
А. С. Тверитинова (Москва). К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции	200
Ю. В. Бромлей (Москва). Из истории аграрных отношений в Хорватии конца XV—XVI в.	225
И. Ирмшер (Берлин — ГДР). Паллад	247
И. Н. Бороздин (Воронеж). Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии	271
Н. А. Мещерский (Петрозаводск). Два неизданных отрывка древнеславянского перевода „Хроники“ Иоанна Малалы	279
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Греческие рукописи в собраниях Советского Союза (дополнительные сведения)	285
К. В. Голенко (Москва). Имитации солида VII в. из Поднепровья	292

Критика и библиография

А. А. Попова—Э. В. Удальцова (Москва). История Болгарии, т. 1. М., 1954 г.	295
О. Е. Иванова—В. А. Якубский (Ленинград). Изучение истории Византии и Причерноморья в Польской Народной Республике	302
Р. А. Ивянская (Москва). Византиски извори за историју народа Југославије, т. 1, Београд, 1955 г.	307
С. М. Каштанов (Москва). Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии	308

- Е. Б. Веселаго (Москва). The Fall of Constantinople. University of London, 1955 324
- Г. Г. Дилигенский (Москва). W. H. C. Frend. North Africa and Europe in the Early Middle Ages (The Transactions of the Royal Historical Society, 5th Series; v. V, 1955) 327
- Р. А. Наследова — М. А. Заборов (Москва). Византия и Запад в „Трудах“ X Международного конгресса историков в Риме 330

Хроника

- А. В. Банк (Ленинград). Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже 340
- М. Э. Матъе (Ленинград). Экспозиция памятников культуры и искусства коптского Египта в Государственном Эрмитаже 348
-

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
18	4 сн.	Historia persecutionis...	De bello Vandalico,
23	18 сн.	quidecim	quindecim
61	23—24 сн.	ἀρμαμενταράα	ἀρμαμενταράα
65	7 сн.	über die altbyzantinischen Stadt.	über die altbyzantinische Stadt von Stobi.
66	2 сн.	VII, 1910,	BB, VII, 1900,
66	4 сн.	Cerameus.	Kerameus.
66	6 сн.	coccinatorium seu Aeneam	cocinatorium seu aënum
66	8 сн.	Die Gedichte des Christophor's Mytilenses, ed.	Christophoros Mitylenaios. Die Gedichte, hrsg. v.
69	3 сн.	πρωτομαίστρος	πρωτομαίστρος
73	27 сн.	(σταύλα)	(σταύλα)
78	1 сн.	Synaxaris.	Synaxarium.
84	4 сн.	Στριμονίται	Στριμονίται
84	25 сн.	Δραγουβίται	Δραγουβίται
93	20 сн.	относящемуся	относящемуся
119	9 сн.	ορισμόν	ορισμόν
124	25 сн.	Byzantine	byzantine.
144	9 сн.	Verhältnisse,	Verhältnissen,
144	28 сн.	}	Перивлєпты
150	18 сн.		
144	26 сн.	с брьдомь,	сь брьдомь,
237	6 и 13 сн.	Оштрихарец	Оштрихариц
251	8 сн.	1467	1476
255	24 сн.	Ч. Книгли	Ч. Книгли
256	22 сн.	ἄνω	ἄνω
261	26 сн.	21	257
263	15 сн.	118	11.8
264	4 сн.	Προτρεπτικὸς	Προτρεπτικός
267	3 сн.	te	et
268	3 сн.	(V, 254).	(V, 257).
282	2 сн.	обрамляются	обрамляется
283	28 сн.	Ἰντινυχι	Ἰντινυχι
285	8 сн.	ἐβασίλευσαν	ἐβασίλευσαν
291	колоннитул	и собрания	в собраниях
292	17 сн.	RY:	rv:
306	2 сн.	piekta	piekta
307	6 сн.	Византийски	Византиски

В некоторых греческих словах при печатании книги выпали надстрочные и подстрочные знаки.